

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

0917
787
v. 5-7

Library of

Princeton University.

Elizabeth Foundation.

Россійскаго академія, Leningrad
СОЧИНЕНІЯ И ПЕРЕВОДЫ,

ИЗДАВАЕМЫЕ

РОССІЙСКОЮ АКАДЕМІЕЮ.

ЧАСТЬ V.

(1811).

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

Печатано въ ИМПЕРАТОРСКОЙ Типографіи,

1811 года.

PRINTED IN RUSSIA

О Г Л А В Л Е Н И Е

ПЯТОЙ ЧАСТИ.

I. Продолженіе извѣстій о упражненіяхъ Императорской Россійской Академіи	1
II. Похвальное Слово Великому Государю Царю Алексію Михайловичу, Самодержцу всея Россіи — — — —	49
III. Стихи, шествіе по Волхову Россійской Амфишришы Іюня,, „дня 1810 года — — — —	155
IV. Истинна — — — —	160
V. Добродѣшель — — — —	166
VI. Разсужденіе о краснорѣчїи Св. Писанія <i>и прог.</i> — — — —	171
VII. Пѣснь на побѣды Россійскаго воинства, одержанныя подѣ предводительствомъ Графа Каменскаго 2го надѣ силами Турецкими 1811 года Декабря 2 дня — — — —	282

0917
.787

V.5-7

683946

ПОГРѢШНОСТИ.

<i>стр.</i>	<i>строк.</i>	<i>напечат.</i>	<i>читай.</i>
33	9	<i>Анаарсиса</i>	<i>Анахарсиса</i>
68	12	<i>законовъ</i>	<i>законовъ</i>
89	23	<i>приходишь</i>	<i>приходишь</i>
169	28	<i>и</i>	<i>,</i>
200	8	<i>шестнадцатый</i>	<i>шестнадцатый</i>
236	1	<i>понимаешь</i>	<i>понимаешь</i>
276	18	<i>Фукидидамъ</i>	<i>Фукидидамъ</i>

I.

Извѣстія о улажненіяхъ

Императорской Россійской Академіи.

(Продолженіе).

1801 годѣ.

Засѣданія Октября 5. 12. 19. 26.

I. Во время сихъ засѣданій Собраніе продолжало заниматься повторительнымъ разсмаприваніемъ Россійской Грамматики.

II. По предложенію Г. Президента Академіи, Собраніемъ 19 Октября разсуждено: къ словамъ и реченіямъ, собственно Грамматикѣ принадлежащимъ, присоединить въ оглавленіи Латинскія оныхъ названія.

Засѣданія Ноября 2. 9. 16.

I. Возвѣщено Собрانیю о кончинѣ Члена Академіи бывшаго въ Московскомъ Архангельскомъ Соборѣ Протоіерея Петра Алексѣева.

II. Ноября 9 Членъ Академіи Александръ Ѳедоровичъ Севастьяновъ сообщилъ Собрانیю слова, съ буквы *С* начинающіяся, въ азбучный порядокъ имъ приведенныя, пополненныя и поправленныя.

III. Въ оныя засѣданія чишано было начертаніе Россійской Рипорики, сочиненное Членомъ Академіи Петромъ Соколовымъ, которое, по выслушаніи, Собраніемъ одобрено.

Засѣданія Ноября 23. Декабря 7. 14.

24. 28.

I. Членъ Академіи, Г. Спашскій Совѣтникъ и Кавалеръ Николай Яковлевичъ Озерецковскій сообщилъ Собрانیю слова и реченія, съ буквы *А* начинающіяся, прочтенныя и поправленныя Комиссiею,

разсмапривавшимъ пруды сочинителей
Словаря Россійскаго.

II. Г. Президентъ Академіи, Его
Превосходительство Андрей Андреевичъ
Нартовъ, прилагая ревностное попеченіе
о благоуспѣшнѣйшемъ шестви упраж-
неній Академіи, принялъ на себя трудъ,
кромѣ двухъ буквъ *М* и *М*, изъ коихъ
первая въ Академію уже доставлена, при-
весипъ въ азбучный порядокъ и дополнилъ
буквы: *Ф. Х. Ъ. Э. Ю. Я. Ё. У*. Тако-
вымъ Его Превосходительства примѣ-
ромъ будучи побуждаемы, и прочіе Г. Чле-
ны изъявили свое желаніе обработать
слѣдующія буквы:

Иванъ Ивановичъ Лепехинъ *Ц. и Ъ.*

Тимоѣей Семеновичъ Мальгинъ *П.*

Василій Михайловичъ Севергинъ *К.*

Петръ Ивановичъ Соколовъ *С.*

Александръ Ѳедор. Севастьяновъ *У.*

Яковъ Дмитриевичъ Захаровъ *Ш. и Щ.*

III. Декабря 7 числа въ Собраніи
читанъ крапкѣй чертежъ Логики, сооб-
щенный Членомъ Академіи Протоіереемъ
Іоанномъ Іоанновичемъ Красовскимъ, по

выслушаніи коего въ Собраніи, по предложенію Г. Президента, возложено на Секретаря Академіи опнесися къ отцу Протоіерею Іоанну Красовскому, чтобы онъ по сему имъ сочиненному черпезу приступилъ къ сочиненію самой Логики, кою Академія, будучи увѣрена въ его трудолюбіи, съ удовольствіемъ ожидать будетъ.

IV. Его Превосходительство Господинъ Президентъ Академіи Андрей Андреевичъ Нарповъ сообщилъ Собранію букву *Ж* Россійскаго Словаря, приведенную имъ въ азбучный порядокъ съ прибавленіями и нужными пополненіями.

V. По случаю представленной Собранію буквы *Ж* Россійскаго Словаря, Санкш-Пешербургскою Ценсурою къ напечатанію одобренной, Г. Президентъ и всѣ присутствовавшіе Члены согласно поручили изданіе онаго Словаря непремѣнному Секретарю Г. Спашскому Совѣшнику Ивану Ивановичу Лепехину, и Членамъ Академіи Дмитрію Михайловичу Соколову и Петру Ивановичу Соколову,

сѣ тѣмъ, дабы они старались изготавлять въ каждую недѣлю одинъ или два листа каждаго по 20 экземпляровъ на клееной бумагѣ и разсылать оныя тѣмъ Г. Членамъ, кои наипаче въ прудахъ Академіи участвуютъ, и замѣчанія свои на листы присылають будуще. Прочтенный же и поправленный въ Собраніи, а Г. Президентомъ подписанный листъ Словаря отдавать къ напечатанію начисто, сколько экземпляровъ Академіею опредѣлено будетъ.

VI. Представленные Собранію Секретаремъ Академіи слѣдующія слова и реченія, которыя въ Словарѣ не найдяся, а именно:

Разщепъ, divisura calicis.

Сѣменная коробочка, capsula.

Тыждошко, loculus.

Цапъ, малая узкая, въ низу загнутая желѣзная лопатка, употребляемая для пропалыванія арбузныхъ и другими овощами засѣянныхъ пашенъ.

Ототавивать сѣмена. Толченіемъ разбивать шелуху.

Масленая била. Тиски или жомы на маслобойняхъ; — всѣми присутствовавшими Г. Членами одобрены, и положено помѣстить оныя въ новоиздаваемый Россійскій Словарь.

VII. Во время четырехъ первыхъ Собраній продолжаемо было чтеніе Россійской Грамматики, которая Декабря 24 разсматриваніемъ кончена; а 28 Декабря занимались чтеніемъ и поправленіемъ новосочиняемаго буквеннымъ порядкомъ Россійскаго Словаря.

1 8 0 2.

Засѣданія Генваря 4. 11. 18. 25.

I. Возвѣщено Собранію о кончинѣ Члена Россійской Академіи Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника и Кавалера Александра Васильевича Храповицкаго.

II. Генваря 11, Членъ Академіи Яковъ Дмипріевичъ Захаровъ сообщилъ

Собранію приведенную имъ въ азбучный порядокъ буквы *Ѣ*.

*Засѣданія Февраля 1. 8. 15. Марта 8.
15. 22. 29.*

I. Членъ Академіи Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ объявилъ желаніе свое принять на себя трудъ сочинить правила Россійскаго стихопворства.

II. Членъ Академіи Штапскій Совѣтникъ и Кавалеръ Петръ Борисовичъ Иноходцевъ представилъ Академіи объясненія слѣдую щихъ Математическихъ и Физическихъ словъ, съ буквы *А* начинающихся, а именно: *аксіома, акустика, алгебра, арсаметръ, астрономія, аэрометрія, аэрометръ*. Объясненія сихъ словъ Собраніемъ одобрены, и разсуждено помѣстить оныя въ Словарь, Академіею вновь издаваемый.

III. Членъ Академіи Штапскій Совѣтникъ и Кавалеръ Николай Яковлевичъ Озерецковскій сообщилъ слова и реченія съ ихъ опредѣленіями, начинающіяся съ буквы *Б*.

IV. Марта 29, Членъ Академіи Г. Тайный Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ Семеновичъ Захаровъ читалъ въ Собраніи сочиненное имъ Похвальное Слово Императрицѣ ЕКАТЕРИНѢ Второй.

V. Марта 29, Г. Президентъ Его Превосходительство Андрей Андреевичъ Нартовъ сообщилъ Собранію письмо, полученное имъ отъ Г. Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника и Кавалера Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго и списокъ съ Высочайшаго Указа, Кабинету даннаго, которыхъ содержаніе есть слѣдующее:

Милоспивый Государь мой Андрей Андреевичъ!

„Я имѣлъ счастье поднести ЕГО
„ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ
„представленную Вашимъ Превосходи-
„тельствомъ Россійскую Грамматику,
„отъ Академіи изданную. ГОСУДАРЬ
„ИМПЕРАТОРЪ, принявъ ее съ со-
„вершеннымъ благоволеніемъ, въ озна-
„менованіе онаго произвѣсть соизволилъ
„упражнявшихся въ сочиненіи сея Грам-
„матики Г.Г. Соколовыхъ, перваго въ На-

„дворные Совѣтники, а впрочемо въ Кол-
 „лежскіе Ассессоры, пожаловавъ сверхъ
 „того первому перспень, копорый для
 „врученія ему при семъ къ Вашему Пре-
 „восходительству препровождаю. Къ вѣщ-
 „шему же доказательству ЕГО ИМПЕРА-
 „ТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА къ Россій-
 „ской Академіи вниманія, имѣю честь при-
 „ложить здѣсь списокъ Высочайшаго Ука-
 „за, Кабинету сего числа даннаго объ оп-
 „пускѣ на постройку ея дома единовре-
 „менно 25,000 руб. и о произвожденіи еже-
 „годно на изданіе ежемѣсячныхъ сочиненій
 „и на воздаяніе за труды сочинителямъ и
 „переводчикамъ по 3,000 рублей. Находя
 „удовольствіе извѣстить о семъ Ваше
 „Превосходительство, честь имѣю впро-
 „чемъ быть съ совершеннымъ почте-
 „ніемъ и проч. — Марта 25 дня 1802.,

Списокъ съ Указа, даннаго Кабинету.

„Въ замѣнѣ удержанныхъ у Россій-
 „ской Академіи 29 Декабря 1796 года по
 „13 Іюня 1801 года суммъ, опредѣлен-
 „ныхъ на содержаніе ея изъ Кабинета

„ежегодно 6250 рублей, повелѣваю въ
 „будущемъ году опустити на постройку
 „дома для сей Академіи единовременно
 „25,000 рублей, да на изданіе ежемѣсяч-
 „ныхъ сочиненій и на воздаяніе за труды
 „сочинителямъ и переводчикамъ клас-
 „сическихъ писателей опустити каждый
 „годъ, начавъ съ наступающаго, по 3,000
 „рублей.,,

На подлинномъ подписано соб-
 ственною ЕГО ИМПЕРАТОР-
 СКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою
 шако :

АЛЕКСАНДРЪ.

Въ С. Петербургѣ
 Марта 25 дня 1802.

По выслушаніи сего Высочайшаго
 Указа Собраніе изъявило всеподданнѣйшее
 свое благодареніе ЕГО ИМПЕРАТОР-
 СКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, Всемилоствѣннѣй-
 шему Государю, яко Обновителю и
 щедрому Покровителю Академіи.

Потомъ Собрание сознавая, что Академія за всѣ сіи изліянныя на нее отъ Высокочаршаго Престола милости обязана ходатайству и представленіямъ Г. Президента Его Превосходительства Андрея Андреевича Наршова, поставило себѣ непрѣмнымъ долгомъ изъяснить чувствительнѣйшую благодарность и поднести ему въ почесъь большую Академическую золотую медаль.

Г. Президентъ, принявъ сіе назначеніе и поблагодаривъ Г. Членовъ за ихъ въ нему усердіе, предложилъ: „какъ во всѣхъ его начинаніяхъ и подвигахъ для пользы Императорской Россійской Академіи предприемлемыхъ, былъ всегда усерднымъ ходатаемъ и представелемъ у Высокочаршаго Престола Членъ Академіи Г. Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ и Кавалеръ Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій, то не угодно ли Собранію почтить усердіе его отличнымъ отъ Академіи зякомъ., По сему Г. Президента предложенію всѣ присутствовавшіе Члены единодушно опредѣ-

лили Его Высопревосходительству доставить отъ лица Академіи чрезъ Секретаря оной большую золотую медаль.

Засѣданіе Апрѣля 5.

I. Членомъ Академіи Г. Дѣйствительнымъ Испанскимъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ Степаномъ Яковлевичемъ Румовскихъ поднесена отъ лица Академіи Его Превосходительству Г. Тайному Совѣтнику и Кавалеру Андрею Андревичу Нарпову большая золотая медаль, опредѣленная ему Академіею во изъявленіе достоподложной признапельности, яко виновнику всѣхъ изліянныхъ на нее отъ Высокомонаршаго Престола милостей. Г. Президентъ отозвался Собранію, что онъ съ благодарностію приемлетъ отличную сію почестъ за знакъ опмѣннаго къ нему Г. Членовъ усердія, и не престанетъ пещись о доставленіи Академіи всевозможныхъ способовъ, къ цвѣтущему ея соспоянію споспѣшеспвующихъ.

П. Г. Коллежской Ассесоръ Тимо-
еѣй Семеновичѣ Мальгинѣ представилъ
Собранію букву *П* новосочиняемаго Ака-
деміею азбучнымъ порядкомъ Словаря.

Засѣданія Апрѣля 7. 19.

I. Сіе чрезвычайное собраніе от-
крыто было печальнымъ возвѣщеніемъ
о кончинѣ Члена и Непремѣннаго Се-
кретаря Россійской Академіи Г. Спап-
скаго Совѣтника и Кавалера Ивана
Ивановича Лепехина, возпослѣдовавшей
въ 6 день сего Апрѣля, мужа отличными
своими познаніями и сочиненіями великую
пользу отечеству принесшаго.

II. По предложенію Господина Пре-
зидента, всѣми присутствовавшими Чле-
нами положено: доколь не будетъ на-
значенъ настоящій Непремѣнный Секре-
тарь Академіи, отправленіе сей должно-
сти препоручить Члену Академіи На-
дворному Совѣтнику Пепру Соколову.

III. Г. Президентъ Академіи сообщилъ письмо, полученное имъ отъ Г. Дѣйствительнаго Тайн. Совѣтн. Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго, слѣдующаго содержанія:

Милостивый Государь мой Андрей Андреевичъ!

„ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, принявъ съ благоволеніемъ „ходатайство Вашего Превосходитель- „ства о вдовѣ Статскаго Совѣтника Ле- „пехина, Всемилостивѣйше пожаловать „ей соизволилъ въ пансіонъ половину по- „лучаемаго умершимъ мужемъ ея жало- „ванья, чпо усмотрѣше изъ прилагае- „маго здѣсь списка съ указа Кабинету. Имѣю честь быть и проч. — Апрѣля 11 дня 1802.

Списокъ съ Указа Кабинету.

„Вдовѣ умершаго Академика Стат- „скаго Совѣтника Ивана Лепехина, за „42 лѣтнюю его усердную службу пове- „лѣваю производить половину жалованья, „которое онъ изъ разныхъ мѣстъ полу-

„чалъ, по 1100 руб. на годъ въ пансіонъ
„по смершь.,,“

На подлинномъ подписано соб-
ственною ЕГО ИМПЕРАТОР-
СКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою
такъ :

АЛЕКСАНДРЪ.

Въ С. Петербургѣ
Апрѣля 11 дня 1802.

IV. Попомъ читано его же Дмит-
рія Прокофьевича Троцинскаго слѣдую-
щее письмо къ Г. Президенту Академіи.

Милостивый Государь мой Андрей
Андреевичъ!

„Я имѣлъ честь получить почтен-
„нѣйшее письмо Вашего Превосходитель-
„ства отъ 5 числа сего Апрѣля и пре-
„провожденную при немъ отъ лица Россій-
„ской Академіи медаль. Почтя себя
„обязаннымъ представить оное на бла-
„горазсмотрѣніе ГОСУДАРЯ ИМПЕРА-
„ТОРА, получилъ я Высочайшее позво-
„леніе воспользовашься сею честію,

„которою Академія меня удостоила. Чув-
 „ствую всю цѣну споль леспнаго для меня
 „опличія, и преисполненѣ будучи живѣй-
 „шей признапельности, спѣшу извѣявить
 „оную какѣ Вашему Превосходительству,
 „пакѣ и всей Академіи. Уваженіе кѣ сему
 „почтпеннѣйшему Сословію, украшенному
 „личными достоинствами его Членовѣ,
 „усердіе содѣйствовать по мѣрѣ силѣ
 „моихѣ пользѣ и благосостоянію онаго
 „всѣгда пребудутѣ непремѣннымѣ для
 „меня долгомѣ. Съ паковыми чувствами
 „ко всей Академіи, собствено же кѣ
 „вамѣ, Милостивый Государь мой, съ со-
 „вершеннымѣ почтпеніемѣ и преданно-
 „стію пребываю навсегда и проч., —
 Апрѣля 8 дня 1809.

V. Собраніемѣ, по предложенію Г.
 Президента Его Превосходительства
 Андрея Андреевича Нартова избранѣ
 большинствомѣ голосовѣ, на мѣсто по-
 койнаго Спашкаго Совѣтника и Кавалера
 Ивана Ивановича Лепехина, Непремѣн-
 нымѣ Секретаремѣ Академіи Россій-
 ской Членѣ Надворный Совѣтникѣ Петрѣ

Соколовъ, который съ самаго основанія сей Академіи находясь при оной, ревностно и съ похвалою участвовалъ въ трудахъ, ею въ свѣтъ издаваемыхъ.

VI. Возвѣщено о кончинѣ Члена Академіи Его Высочайшаго Присутствія Государственной Адмиралтействъ Коллегіи Президента и разныхъ орденовъ Кавалера Ивана Логиновича Голенищева-Купцова, возслѣдовавшей сего Апрѣля въ 15 день.

Засѣданія, Апрѣля 26. Маія 3. 17.

24. 31.

I. Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ читалъ сдѣланное имъ по препорученію Академіи начертаніе о сочиненіи Россійской Писимки, которое Собраніемъ по выслушаніи утверждено, и поручено Его Присутствію приступить по оному въ сочиненію правилъ сея науки.

II. Маія 3го, избраны въ Члены Академіи:

93. Преосвященный Епископъ Архіепископъ Курскій и Бѣлоградскій.

Часть V.

9

94. Коллежскій Ассессоръ Иванъ Степановичъ Рижскій. (Нынѣ Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ Императорскаго Харьковскаго Университета Профессоръ Россійской Словесности).

95. Иго Кадетскаго Корпуса Архимандритъ Михаилъ. (Нынѣ Архіепископъ Черниговскій и Нѣжинскій и Кавалеръ).

96. Сташскій Совѣтникъ Александръ Сергѣевичъ Никольскій. (Нынѣ Дѣйств. Сташ. Совѣтникъ и Кавалеръ).

III. Маія 17, Коллежскій Ассессоръ Дмитрій Михайловичъ Соколовъ и Честнѣйшій отецъ Іерей Василій Данковъ приняли на себя трудъ перевести съ Латинскаго языка на Россійской, первый Фарсальскую брань Лукана; а вторый нравственныя сочиненія Сенеки.

IV. Г. Колл. Ассессоръ Тимоѣей Семеновичъ Мальгинъ чиналъ сочиненное имъ историческое доказательство о древности въ Россійскомъ Государствѣ монеты разнаго достоинства и медалей.

V. 31 Маія возвѣщено о кончинѣ Члена Россійской Академіи и при Импе-

рашорскомъ Московскомъ Университетѣ Медицины Профессора Семена Герасимовича Зыбелина, возпослѣдовавшей Апрѣля 6 числа.

VI. Избранъ въ Члены:

97. Иванъ Аеанасъевичъ Дмитревскій.

VII. Господинъ Президентъ Академіи сообщилъ въ оную слова и реченія, съ буквъ *ѳ* и *Ѫ* начинающіяся, приведенныя имъ въ буквенный порядокъ, пополненныя и поправленныя.

VIII. Членомъ Академіи Г. Коллежскимъ Ассесоромъ Дмипріемъ Михайловичемъ Соколовымъ предсавлена буква *З* Россійскаго Словаря, азбучнымъ порядкомъ разположеннаго.

IX. Г. Стапскій Совѣтникъ Александръ Сергѣевичъ Никольскій принялъ на себя трудъ собрать Россійскія пословицы и поговорки съ объясненіемъ настоящаго ихъ знаменованія, могущія имѣть мѣсто въ новоиздаваемомъ Академіею Россійскомъ Словарѣ.

Засѣданіа, Іюня 7. 14.

I. Членъ Г. Коллежскій Ассесоръ Иванъ Степановичъ Рижскій, по приглашенію Г. Президента, принялъ на себя трудъ преложить на языкъ Россійскій двѣнадцать отборныхъ Цицероновыхъ рѣчей.

II. Іюня 14, Г. Президентомъ Д. Тайн. Совѣтникомъ и Кав. Андреемъ Андреевичемъ Нартовымъ сообщены въ Академію буквы: *Б. Э. Ю. Я. О. У.* а Г. Д. Стап. Совѣтникомъ Степаномъ Яковлевичемъ Румовскимъ буква *О*, трудами ихъ въ азбучный порядокъ приведенныя и пополненныя.

Засѣданіе, Іюня 21.

I. Иванъ Афанасьевичъ Дмипревскій, при вступленіи своемъ въ Академію, говорилъ къ Собранію слѣдующую рѣчь:

Милостивое Государь!

„Благоволеніе ваше, удостоившее присоединить меня къ числу Членовъ сей знаменитѣйшей Академіи, почитаю я счастливиѣйшимъ въ жизни моей произше-

спвіемъ, копорымъ не полько хвалишься, но и гордишься могу: такъ, гордишься паче всего шѣмъ, что имѣю честь и славу быть приобщенъ къ такому Словію, которое вмѣщаетъ въ себѣ достойнѣйшихъ и въ Словесности искуснѣйшихъ мужей; пакого общества, котораго всѣ намѣренія къ пользѣ, всѣ желанія къ вяцшему просвѣщенію, вся цѣль къ славѣ опечества клоняпся, котораго всѣ подвиги спремяпся къ тому, чпобъ разпространить въ опечествѣ нашемъ всѣ красопы и важность Россійскаго Слова, утвердить истинный вкусъ въ стихопворствѣ и краснорѣчіи, преподашь полныя правила во всей Словесности и совершенное въ письменахъ просвѣщеніе устроить. Похвальное, благородное и достойное сыновъ Россійскихъ усердіе! Смѣло сказать можно, что ваше бодрственное, неупомимое трудолюбіе скоро, скоро выдѣритъ въ блаженныхъ спранахъ нашихъ не полько превосходянѣйшую Словесность, каковою хваляпся Франція, Англія и Германія; но

зскривѣ еще всѣ сокровища прекраснаго нашего языка, возродитѣ новыхъ Гомеровъ и Софокловъ, новыхъ Цицероновъ и Виргиліевъ, и возставитѣ — о собудется мое предвѣщаніе! — и возставитѣ въ Россіи славнѣйшія въ древности времена; вѣкъ Перикловъ въ Аѳинахъ, и вѣкъ Августовъ въ Римѣ.

Вѣрхъ удовольствія моего исполнится, когда въ премудрыхъ вашихъ наставленіяхъ, подѣ вашимъ руководствомъ, и я возмогу по мѣрѣ силъ моихъ достойно подвизаться на томъ же поприщѣ, на которомъ вы, къ чести Академіи, къ собственной вашей похвалѣ споль превосходно отличаетесь. Но гдѣ недостаточны будущіи мои знанія, тамъ дополнитѣ усердіе, которое никогда не оскудѣетъ. Такъ, Милостивые Государи! ваше просвѣщеніе подастѣ мнѣ способы къ дарованіямъ, ваши разсужденія послужатѣ мнѣ правилами, вашъ вкусъ составитѣ и мой вкусъ, и ваши рѣшенія будущіи мои прорицашеля.

„Боясь во зло употребить ваше вниманіе, не смѣю теперъ превозносить похвалами Словесность и науки, во всѣ времена и во всѣхъ просвѣщенныхъ Государствахъ уважаемая и почитаемая; умолчу и о пользѣ для всякаго пола, для всякаго возраста, для всякаго состоянія отъ изящныхъ письменъ произтекающей. Не буду теперъ утверждать и того, что Словесность устроитъ сердце, образуитъ разумъ, расширяетъ и возвышаетъ самый разумъ, короче сказать, она можетъ нарѣцися воспитаніемъ всему человѣческому роду; разсуждать о семъ съ вами предоставляю себѣ честь до другаго времени, а теперъ спѣшу исполнить долгъ сердца моего, долгъ моей къ вамъ благодарности. Пріимите ее, Милоспивые Государи! отъ человѣка, вами одолженнаго; пріимите яко дань, изъ глубины души въ честь вашу подносимую; пріимите, и будьте увѣрены, что доставленную мнѣ почестъ вашего сообщества умѣю цѣнить во всей полнотѣ ея, почитаю ее, уважаю и драгоценнымъ

пріемлю даромъ; и для того угодить вамъ приложу все стараніе; явисься достойнымъ вашего благоволенія почту за счастье; возложенное на меня исполнишь вмѣню въ священную должность, и трудисья съ вами для общей пользы поставлю всегда благомъ, честію и славою.,

II. Положено, при переводахъ и періодическихъ сочиненіяхъ, каковыя Академія издавать предположила, держась слѣдующаго Господиномъ Президентомъ предложеннаго начертанія:

„Императорская Академія, Высокомонаршими щедротами подкрѣпляемая, и внимающая предметамъ главныхъ трудовъ своихъ, во первыхъ издала Россійскій производный Словарь и Грамматику, нынѣ вновь занимается сочиненіемъ Славено - Россійскаго Словаря, азбучнымъ порядкомъ разположеннаго, также Логики, Риторики и Поэзіи. Но такового рода творенія, содержащія въ себѣ правила съ крапками на оныя примѣрами, служатъ шокмо начальными основаніями Россійскаго языка и наукъ словесныхъ;

сего ради Академія непреложнымъ долгомъ своимъ поспавляетъ пецися о доставленіи любителямъ Россійской Словесности избраннѣйшихъ и подражанія достойныхъ образцевъ во всякомъ родѣ сочиненій, до словесныхъ наукъ относящихся, для извлеченія изъ оныхъ всякой красоты, служащей къ усовершенствованію Стихопворства и Красноречія, и чрезъ то споспѣшествовать разпространенію вкуса и охоты къ полье благородному упражненію, какова есть Словесность.

Преложеніе на языкъ отечественный знаменитыхъ классическихъ древнихъ и новѣйшихъ писателей, и изданіе ежемѣсячныхъ сочиненій есть самый надежный и кратчайшій путь къ достиженію сея для Россійской Словесности полезныя, а для самой Академіи достохвальныя цѣли. Какимъ же на первой случай при сихъ переводахъ и при изданіи ежемѣсячныхъ сочиненій правиламъ послѣдовать должно, онымъ краткое начертаніе здѣсь предлагается.

О переводахъ

классическихъ иностранныхъ писателей.

1.

„Во первыхъ Академія рѣшишь должна, какія именно древнія и новѣйшія знаменитѣйшія классическія книги переведены быть должны, кромѣ уже тѣхъ, кои по усердію своему нѣкоторые Г. Члены переводить предпріяли, а именно Тацита, Лукана Фарсальскую брань, двѣнадцать избранныхъ Цицероновыхъ рѣчей, нравственные творенія Сенеки.

2.

„Г. Президентомъ и Собраніемъ избранная и одобренная къ переводу книга препоручается одному изъ Членовъ по его на то согласію, въ обоихъ языкахъ искусному; при семъ наблюдать должно, чтобы книга переводима была съ того языка, на которомъ она сочинителемъ писана.

„Перевода книги, во многихъ томахъ или частяхъ состоящей, разнымъ Членамъ препоручать не должно: въ противномъ случаѣ слогъ былъ бы разнообразенъ, а потому и переводъ будетъ несогласенъ, но даже и противенъ намеренію, съ каковымъ Академія преложеніе классическихъ писателей предпріемлетъ. Если же какія либо непредвидимыя обстоятельство возпрепятствовали бы Члену, принявшему на себя переводъ, продолжатъ оный; то Академія препоручаетъ его другому кому либо изъ своихъ Сочленовъ.

„Оконченный и представленный въ Академію переводъ читается или въ Собраніи, или въ нарочно для того назначенномъ Комитетѣ изъ желающихъ Членовъ. По прочтеніи и утвержденіи подписаніемъ Президента отдаются оный переводъ писменю.

Предложеніе классическихъ писателей представляется единственно Членамъ Академіи. Если же, паче чаянія, никто изъ Членовъ не приметъ на себя перевода какой либо книги, предложеніе котораго весьма нужно и полезно для Словесности, на примѣръ *Эвклида*, *Диомасена*, и проч. тогда Академія препоручаетъ переводъ таковой книги кому либо изъ постороннихъ, коего искусство и знаніе въ обоихъ языкахъ ей извѣстно.

„Награда есть поощреніе къ трудамъ; Высокомонаршая же щедрота на трудящихся къ пользѣ и просвѣщенію общества обильно изливается. Посему президентъ и Собраніе да назначатъ приличное воздаяніе принявшему на себя предложеніе какой либо классической книги за каждый листъ подлинника, а не съ перевода. Ибо трудящійся въ предложеніи не долженъ ожидать за труды своего

награжденія до того времени, когда переводъ его напечатанъ будетъ: и сіе возмездіе да получаетъ онъ по мѣрѣ своихъ успѣховъ въ переводѣ.

О ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ.

1 е.

„Главнѣйшая цѣль при изданіи Академіею ежемѣсячныхъ прозаическихъ и стихотворческихъ сочиненій состоитъ въ томъ, чпобы доставить Публикѣ изящныя сочиненія и тѣмъ подать примѣръ и способъ сочинителямъ трудиться въ стихотворствѣ и въ прочихъ до Словесности касающихся предметахъ. И для того онѣ должны быть писаны чистымъ, яснымъ и предлагаемому предмету приличнымъ слогомъ.

2 е.

„Къ сообщенію предметовъ, долженствующихъ соспавлять ежемѣсячныя

Академіи сочиненія, пригласить всѣхъ Г. Членовъ какъ въ столицѣ сей пребываніе имѣющихъ, такъ и въ другихъ городахъ живущихъ:

3е.

„Въ таковыхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ должны имѣть мѣсто какъ подлинныя Россійскія сочиненія, такъ и переводы до словесныхъ токмо наукъ относящіяся; и потому въ нихъ заключающіяся могутъ:

1. Объясненія Россійскихъ древностей.

2. Частныя описанія достопамятностей Россійскія исторіи и знаменитыхъ новѣйшихъ происшествій.

3. Похвальныя слова Россійскимъ Государямъ, знаменитымъ мужамъ или наукамъ.

4. Извлеченія изъ знаменитыхъ писателей, до правилъ словесныхъ наукъ касающіяся.

5. Разныя стихотворенія, какъ пошторжественныя; похвальныя и нравоучи-

пельныя оды, басни, посланія, элегіи, нравственныя письма, мадригалы, сонеты и проч.

6. Сочиненіе, содержащее въ себѣ неблагоприспое, вредное нравамъ и кому либо лично оскорбительное, въ сихъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ мѣста имѣть не будетъ.

4 е.

„Въ нынѣшнія просвѣщенныя времена, въ копорыя вкусъ и охота къ словеснымъ наукамъ довольно разпространились, много находится и въ Россіи такихъ особъ, кои съ похвалою занимаются въ стихотворствѣ и въ прозаическихъ сочиненіяхъ. Таковыхъ Академія Россійская можетъ пригласить чрезъ С. Петербургскія вѣдомости, дабы они благоволили принять въ семъ общеплезномъ ея трудѣ участіе сообщеніемъ Академіи стихотворческихъ и прозаическихъ своихъ сочиненій, копорыя она, по разсмотрѣніи, не преминетъ предавать тишенію.

„Къ изданію въ свѣтъ таковыхъ твореній Академія не прежде приступити можетъ, какъ собравъ предварительно достапочное на цѣлый годъ количество матеріаловъ, и тогда будетъ выдавать оныя каждый мѣсяць по одной книжкѣ отъ пяти до семи листовъ въ себѣ содержащей. Для такого изданія долженъ быть особенный Комитетъ, который бы присылаемыя сочиненія разсматривалъ и одобрялъ къ писанію,„

III. Сообщены рукописныя стихотворенія: а) Графомъ Дмитріемъ Ивановичемъ Хвостовымъ: 1) *Четыре писма къ разнымъ особамъ.* 2) *Четыре Анакреонтическія оды.* 3) *Восемь надписей.* 4) *Девять надгробій.* и 5) *Тридцать две эпиграммы.* б) Г. Тайнымъ Совѣтникомъ Павломъ Ивановичемъ Голенищевымъ-Кутузовымъ: 1) *Проложеніе шести псалмовъ.* 2) *Проложеніе 7й главы премудрости Соломоновой.* 3) *Ода къ суетному теловѣку.* 4) *Мысли при нагаіи новаго вѣка,* и 5) *Страсти къ игрѣ.*

Засѣданіа 28. Июля 4. 18. 19. 26.

I. Намертпаніе ежевъсячнхъ сочиненій, каковыя Россійская Академія издавать предполагала, положено напечатать особымъ прибавленіемъ при С. П. Б. въ достояніи А для раздати въ публикѣ.

II. Разсужденіе въ гудимъ сѣхъ предложеніе на языкѣ Россійскій книги: *Мутелетотъ лелѣдшаго Антарасиса то Грудн*, сочиненіе Г. Бартеlemi; поелику сіе сочиненіе какъ по изящности слога, такъ и по содержащимся въ немъ предметамъ заслуживаетъ особенное вниманіе любителей Словесности. Преложеніе сей книги приняла себѣ:

Господиновъ Президентовъ Академіи Его Высочайшее Предводительство Андрей Андреевичъ Наршковъ I.
 Александръ Сергѣевичъ Никольскій II.
 Графъ Димитрій Ивановичъ Хвостовъ III.
 Александръ Федоровичъ Севастьяновъ IV.
 Василій Михайловичъ Севергинъ V.
 Иванъ Аонасьевичъ Димитревскій VI.
 Лвовъ Александровичъ Дружининъ VII.

III. Получены отъ Преосвященнаго Θεоктиста Архієпископа Курскаго и Бѣлоградскаго пѣшеменные примѣры на Хри, Риторическій Силлогизмъ, при- вѣщивія и письма, извлеченныя изъ церковныхъ училищей.

IV. Членъ и Секретарь Академіи Соколовъ представилъ приведенію имъ въ азбучный порядокъ, пополненную и поправленную букву Ж, Россійскаго Словаря.

Засѣданія: Августа 2. 9. 23. Сентября, 6. 13. 20.

I. Г. Сташскій Совѣтникъ и Кавалеръ Петръ Борисовичъ Иноходцевъ представилъ Собранію приведенію имъ въ азбучный порядокъ съ пополненіемъ и поправками букву Т. Словаря Россійскаго.

II. ГГ. Члены Академіи, Коллежскій Совѣтникъ Яковъ Александровичъ Дружининъ и Коллежскій Ассессоръ Александръ Федоровичъ Севастьяновъ сооб-

щамъ, первой букву *Л*, а второй букву *У*. въ азбучный порядокъ ими приведенныя, попомненныя и исправленныя.

III. Семлбра 20, читано примѣчаніе Коллежскаго Ассессора Тимофея Семеновича Мальгина съ росписью нижеслѣдующихъ глаголовъ, въ буквъ *Л* Россійскаго Словаря помѣщенныя, которые по его мнѣнію, яко совершенное дѣйствіе настоящаго времени означающіе, должны сприву- ютъ бытъ при своихъ настоящихъ по азбучному порядку въ другихъ буквахъ, а не въ *Л*; и хотя оныя сами по себѣ суть полныя, но приняшы въ образъ недостаточныхъ, почему спряженіе оныхъ въ такомъ видѣ неестественно и не- порядочно по тому, что у которыхъ есть значеніе настоящаго дѣйствія, нѣтъ преходящаго или прошедшаго, а у сихъ настоящаго, отъ чего и шѣ и другіе прошивно свойству и правильному спряженію казаться будутъ недостаточными во временахъ и дѣйствіи, какъ изъ росписи явствуетъ. Таковая неправиль-

ножи́ примѣчаю́ имъ и въ тѣрзахъ буну
 вахъ; почитанъ же сей весьма нужнымъ
 къ исправленію при настоящемъ издаваніи
 Словаря азбучнымъ періодомъ, предста-
 вляемъ на благоразсмотрѣніе и сужде-
 ніе Академіи.

Перегодитъ	—	—	—	годитъ	—	—	—
Передневать	—	—	—	дневать	—	—	—
Передрогнуть	—	—	—	дрогнуть	—	—	—
Перезаловать	—	—	—	жаловать	—	—	—
Перезнобить	—	—	—	знобить	—	—	—
Перекопать	—	—	—	копать	—	—	—
Перелопаться	—	—	—	лопаться	—	—	—
Перелощить	—	—	—	лощить	—	—	—
Перелудить	—	—	—	лудить	—	—	—
Переморить	—	—	—	морить	—	—	—
Перержавѣть	—	—	—	ржавѣть	—	—	—
Переумничать	—	—	—	умничать	—	—	—
Перемянуть	—	—	—	мянуть	—	—	—
Поблагодарить	—	—	—	благодарить	—	—	—
Побрюзжать	—	—	—	брюзжать	—	—	—
Погнуть	—	—	—	гнуть	—	—	—
Поглазѣть	—	—	—	глазѣть	—	—	—
Погдѣть	—	—	—	гдѣть	—	—	—

Погорѣванъ	горѣванъ	горевашъ
Погоспишъ	госпишъ	
Погрубѣши	грубѣши	
Подаритъ	даритъ	
Подержашъ	держашъ	
Подивитъ	дивитъ	
Подобрѣши	добрѣши	
Подосадовашъ	досадовашъ	
Подрожаши	дрожаши	
Подрягаши	дрягаши	
Подудиши	дудиши	
Подурачиши	дурачиши	
Подцалашъ	цалашъ	
Подюжѣши	дюжѣши	
Пожаловашъ	жаловашъ	
Пожаловашься	жаловашься	
Пожалѣши	жалѣши	
Пожелашъ	желашъ	
Пожелкнущи	желкнущи	
Пожелшѣши	желшѣши	
Пожуриши	журиши	
Позаседиши	седиши	
Позелениши	зелениши	
Покляшъся	кляшъся	
Покоробиши	коробиши	

Покрасоваться	кб гла.	красовитсья.
Покушати	— — —	кушати.
Полиняти	— — —	линяти.
Полудити	— — —	лудити.
Помоспити	— — —	моспити.
Помчати	— — —	мчати.
Помѣдяти	— — —	мѣдяти.
Понести	— — —	нести.
Поосердити	— — —	сердити.
Поплавати	— — —	плавати.
Попорити	— — —	порити.
Порадовати	— — —	радовати.
Поразсоритсья	— — —	разсоритсья.
Пораздвинуть	— — —	раздвинуть.
Поразрѣнитсья	— — —	разрѣнитсья.
Поразколоти	— — —	разколоти.
Поразстановити	— — —	разстановити.
Поразсадити	— — —	разсадити.
Поразшати	— — —	разшати.
Поразширити	— — —	разширити.
Поранити	— — —	ранити.
Поразшати	— — —	разшати.
Поратоваши	— — —	ратоваши.
Поревновати	— — —	ревновати.
Поревѣти	— — —	ревѣти.

Порознившисьъ	аб гла.	рознившисьъ.
Породившисьъ	— —	родившисьъ.
Пороняшь	— —	роняшь.
Поскинешься	— —	скинешься.
Послабншь	— —	слабншь.
Послужншь	— —	служншь.
Послышатъся	— —	слышатъся.
Посмолишь	— —	смолишь.
Посмѣянься	— —	смѣянься.
Посолишь	— —	солишь.
Постаранься	— —	старанься.
Пострадашь	— —	страдашь.
Пострацаешь	— —	страцаешь.
Построишь	— —	строишь.
Постучаешь	— —	стучаешь.
Посудишь	— —	судишь.
Посушишь	— —	сушишь.
Посчишеться	— —	счишеться.
Посѣшовашь	— —	сѣшовашь.
Попазашь	— —	пазашь.
Попаишь	— —	паишь.
Пополканысь	— —	полканысь.
Пошеравишь	— —	шеравишь.
Пополсѣишь	— —	полсѣишь.

Попомнишь	кр	глас.	помниши	несоф	П
Попонушь	тс		понуши	идоф	П
Поторишь	тс		пориши	идоф	П
Поторочишь	тс		пориши	идоф	П
Поторбишь	тс		пориши	идоф	П
Потребавашь	тс		пребавашь	идоф	П
Попренаши	тс		пренаши	идоф	П
Потбсишь	тс		тбсиши	идоф	П
Попягадьясь	тс		пягадьясь	идоф	П
Поумничаешь	тс		умничаешь	идоф	П
Похищришь	тс		хищришь	идоф	П
Похошбшь	тс		хошбшь	идоф	П
Похошешшь	тс		хошешшь	идоф	П
Похрабренашь	тс		храбренашь	идоф	П
Похулишь	тс		хулишь	идоф	П
Поцбловашь	тс		цбловашь	идоф	П
Почеченишь	тс		чеченишь	идоф	П
Почудитишь	тс		чудитишь	идоф	П
Пощепашь	тс		щепашь	идоф	П
Пощечишь	тс		щечишь	идоф	П
Побздишь	тс		бздишь	идоф	П
Побхашь	тс		бхашь	идоф	П
Прикошашь	тс		кошашь	идоф	П
Пришашь	тс		шашь	идоф	П
Пришузишь	тс		шузишь	идоф	П

Причудити́сь <i>сѣ</i>	<i>ѡб глаг.</i>	вудити́сь <i>сѣ</i>	<i>ѡб глаг.</i>
Пришанцоваша́	— —	шанцоваша́	— —
Проблеяшѣ́	— —	блеяшѣ́	— —
Пробормоташа́	— —	бормоташа́	— —
Провесели́шьсѧ	— —	весели́шьсѧ	— —
Провоняшѣ́	— —	воняшѣ́	— —
Проглазѣ́шѣ	— —	глазѣ́шѣ	— —
Проговѣ́шѣ	— —	говѣ́шѣ	— —
Прогоркну́шѣ	— —	горкну́шѣ	— —
Прогорлани́шѣ	— —	горлани́шѣ	— —
Прогрези́шѣ	— —	грези́шѣ	— —
Прогремѣ́шѣ	— —	гремѣ́шѣ	— —
Продли́шѣ	— —	дли́шѣ	— —
Продрыхну́шѣ	— —	дрыхну́шѣ	— —
Прожда́шѣ	— —	жда́шѣ	— —
Прожужжа́шѣ	— —	жужжа́шѣ	— —
Прокулика́шѣ	— —	кулика́шѣ	— —
Промнѣ́шѣсѧ	— —	мнѣ́шѣсѧ	— —
Промы́шѣ	— —	мы́шѣ	— —
Промѣ́шѣ	— —	мѣ́шѣ	— —
Пропарова́шѣ	— —	парова́шѣ	— —
Пропи́ршѣснвова́шѣ	— —	пи́ршѣснвова́шѣ	— —
Пропы́дашѣ	— —	пы́дашѣ	— —
Пропы́кнушѣ	— —	пы́кнушѣ	— —

Прорезвѣтъ	къ глаг.	резвѣтъ.
Прорычатъ	— — —	рычатъ.
Проржашъ	— — —	ржашъ.
Проскишатся	— — —	скишатся.
Прослонятыся	— — —	слонятыся.
Простирашъ	— — —	стирашъ.
Постонашъ	— — —	стонашъ.
Просуешатся	— — —	суешатся.
Протосковашъ	— — —	тосковашъ.
Пропуритъ	— — —	пуритъ.
Пропухнутъ	— — —	пухнутъ.
Прошагашъ	— — —	шагашъ.
Проурчатъ	— — —	урчатъ.
Прохладѣшъ	— — —	хладѣшъ.
Прохлопашъ	— — —	хлопашъ.

При чтеніи сихъ словъ Собрание замѣшило, что нѣкоторыя изъ нихъ, какъ то: *погодитъ, пожаловатъ, ранитъ, пострадатъ*, означаютъ совершенное дѣйствіе глаголовъ: *годитъ, жаловатъ, ранитъ, страдаютъ*; прибавивъ шого другія, каковы сунъ: *перезнобитъ, переложитъ, позаселитъ, построятъ, побѣдитъ* и проч. не могутъ служить во всѣхъ случаяхъ совершеннымъ неокончательнымъ наклоніемъ про-

стныхъ глаголовъ *знобитъ, моритъ, селитъ, стрѣитъ, вѣдитъ* и проч. Ибо сіи глаголы, какъ и многіе другіе, имѣютьъ разныя совершенныя неокончательныя наклоненія заимствуя оныя отъ глаголовъ, сложенныхъ съ какимъ либо предлогомъ, смотря по ихъ знаменованію такъ, что глаголы *знобитъ*, по разнымъ своимъ знаменоваціямъ, неокончательное наклоненіе имѣетъ: *ознобитъ, вознобитъ, перезнобитъ, отзнобитъ; землишь, засѣлитъ, населитъ, поселитъ*, и проч. разсудило на первый случай, поелику предметъ сей требуетъ большаго вниманія и размышленія, положишь слѣдующія правила:

1е Тѣ изъ сложныхъ глаголовъ, кои въ сложности своей съ предлогами настоящего времени не имѣютьъ, но служатъ дополненіемъ въ совершенныхъ временахъ и наклоненіяхъ недоспапочнымъ простымъ глаголамъ, какъ напр: *пострадаютъ, побѣдятъ, покраснѣютъ, возхотѣютъ, озалкаютъ* и проч. ставишь въ Словарѣ въ тѣхъ буквяхъ, съ коихъ они начинаются безъ опредѣленія, дѣлая при

нихъ только ссылки на ихъ простые глаголы, напр: *вспарѣше*, см. *може*, *настига* *дате*, см. *страдаше*, и проч. (2.) Навроизрядъ того, глаголы, сложеньные съ предлогами, означающіе учащеніе, увеличеніе или уменьшеніе въ дѣйствіи, какъ нѣ: *переходите*, ш. е. много ходишь, *переморите*, *переклаиваете*, *пробѣгаете*, *прожидаете*, и проч. ибо они въ сложности своей настоящихъ временъ не имѣютъ, и неокончательными, совершенными наклоненіями простыхъ глаголамъ во всѣхъ случаяхъ служить не могутъ, ставишь въ Словарь, яко недоспащныя, въ шѣхъ буквахъ, съ коихъ они начинаются, присовокупляя опредѣленіе къ ихъ знаменованію,

Засѣданія Октября, 4. 11. 18. 25. Ноябрь 1. 10. 15. 22. 29. Декабрь 20.

4. Октября 18-го, по желанію Г. Коллежскаго Ассессора Александра Федоровича Севастьянова Собраніе поручи-

до ему предложить на языкъ Россійскій
 4я; томъ Путешествія младаго Ана-
 хариса по Греціи; ад. Г. Коллежскій Совѣ-
 щникъ Яковъ Александровичъ Дружининъ
 принявъ на себя перевести 17й томъ
 онаго въ путешественія.

II. 11 Ноября 4го възвѣщено о жончинѣ
 Члена Академіи Честнаѣйшаго, Отца Про-
 стоіерея Георгія Михайловича Погорскаго.

III. 15го Ноября, Е. Коллежскій Со-
 щникъ Василій Михайловичъ Севергинъ
 сообщилъ въ Академію букву К, Россій-
 скаго Словаря, въ алфавитный порядокъ имъ
 приведенную, пополненную и поправлен-
 ную.

IV. Ноября 22, Г. Членами Акаде-
 міи представлены въ оную слѣдующія
 сочиненія: (а) Г. действительнымъ Тай-
 нымъ Совѣщникомъ и Кавалеромъ Алек-
 сѣемъ Андреевичемъ Ржевскимъ: *Идил-
 ля къ Ивскимъ Музамъ.* (б) Г. Коллеж-
 скимъ Ассессоромъ Тимоѣемъ Семено-
 вичемъ Мальгинымъ: *натскрѣпѣе илюбопыт-
 нѣйшихъ достопримѣчаній о грездохайкамъ
 чухъ ПЕТРА Великаго и дѣхъ басни про-*

эюю; и 3е) Отъ неизвѣстной особы, *Гимнъ Герюю*, который, по разсмотрѣнн Академіею, не одобренъ.

V. Декабри 20. Представленн Собранію: Г. Коллежскимъ Сообщникомъ Яковомъ Дмитриевичемъ Захаровымъ буквы: Ц. Ы. Ш и Щ. Г. Коллежскимъ Ассессоромъ Дмитриемъ Михайловичемъ Соколовымъ буквы: Я и І; и Секретаремъ Академіи Г. Надворнымъ Сообщникомъ Петромъ Соколовымъ буква С, приведенныя ими въ буквенный порядокъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дополненныя и поправленныя.

VI. Г. Коллежскимъ Ассессоромъ Александромъ Федоровичемъ Севастьяновымъ сообщены Собранію слѣдующія сочиненія; а) стихами: 1) *Два басня*. 2) *Три надписи*. 3) *Эпиграмма*. 4) *Родиноч*. 5) *Эпитафія*. 6) *Торговъ людскимъ*. 7) *Мое счастье*. 8) *Мудрость*. 9) *Учюнкѣ Любосника изъ Петрарки*. 10) Прозою: *Совѣтъ отца своей дочери*, почерпнушыя изъ сочиненій Камне.

VII. Во время всѣхъ сихъ собраній Академія занималась чтеніемъ и разсматриваніемъ: 1 е) Словаря Россійскаго, вновь Академією азбучнымъ порядкомъ издаваемого; 2 е) Первой части сокращеннаго Умословія, сочиненнаго Г. Рижскимъ; и 3 е) Мѣлкихъ сочиненій, доставленныхъ въ Академію для помѣщенія въ періодическихъ ея изданіяхъ.

II.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО

Великому Государю, Царю,
АЛЕКСѢЮ МИХАЙЛОВИЧУ,

Самодержцу Всея Россіи.

Читанное въ ИМПЕРАТОРСКОЙ Россійской
Академіи 1806го года Декабря 7го дня,
и удостоенное золотою медалію.

Сочиненіе Члена Академіи
Павла Лавова.

*О козъ Монархъ благополученъ,
Кто знаетъ Россами владѣть!
Онъ будетъ въ свѣтѣ славой звученъ
И всѣхъ сердца въ рукѣ имѣть.*

Ломоносовъ. Ода 17.

Похвальное Слово

Царю Алексѣю Михайловичу.

Исторія есть зеркало, въ которомъ ясно изображаются дѣянія чловѣковъ, стяжавшихъ славу въ вѣкахъ протекшихъ. Въ зеркалѣ семъ попомство видитъ, кому должно онѣ соплетать вѣнцы, и кто достоинъ вѣчныя клятвы. Строгая истина опредѣлила каждому подвигу точную цѣну, и на имена великихъ людей положила неизгладимую печать безсмертія. Справедливость требуетъ, дабы началоположникамъ общаго блага воздаема была хвала изъ рода въ родъ; и хвалу сію, какъ непремѣнную дань, пошомъ

ство обязано приносить преславной памяти ихъ. Изъ числа тѣхъ благотворителей человѣчества, которые были украшеніемъ свѣта, особой хвалы достойны Опцы народовъ, Владыки мудрые, коимъ свѣдомо было важное искусство: *искусство управлять себѣ подобными*; которые умѣли привлечь различныя склонности миллионовъ смѣрныхъ къ единой цѣли, къ снисканію благоденствія опеческву своему; коихъ человѣколюбіе было душою и радостію Государства ихъ; Владыки рачители о народномъ просвѣщеніи, чести и богатствѣ, разпространившіе земледѣліе и торговлю; опличившіе заслугу и добродѣтель; Цари богобоязливые, кои щадя кровь подданныхъ, никогда не обнажали меча на брань самопроизвольную; коихъ скипетръ слезами страждущихъ не окроплялся, вѣнецъ сіялъ правдою и милосердіемъ, престолъ огражденъ былъ миромъ; которые во все время бодрствования своего на многотрудной справѣ общаго покоя собственнымъ примѣромъ заставили чинить свяпость законовъ.

Сихъ приснопамятныхъ зиждителей счастья челоуѣческаго должно славословить и возвѣспить имена ихъ вселенной: да научаюцца отъ нихъ, да послѣдуютъ имъ прочіе вѣнценосцы. Подражая имъ, они избѣгнутъ ужаснаго проклятія, которое воздается памяти Царей жестокихъ, Вельможей лукавыхъ, и которое, переходя изъ вѣка въ вѣкъ, несетъ до скончанія міра и содѣлываетъ пропивныя людѣмъ имена также безсмертными, но токмо ставя ихъ наравнѣ съ именами пѣхъ изчадій ада, каковы были Фалариды и Нероны, посрамившіе бытіемъ своимъ землю: таковое безсмертіе есть казнь, и казнь злѣйшая.

Намъ Россіянамъ принадлежитъ полное право превозноситься числомъ великихъ Государей и великихъ мужей паче иныхъ народовъ; ибо еспли мы усремимъ изслѣдовательное око на лѣтописи отечества нашего, то съ сердечнымъ веселіемъ увидимъ, что нѣсколько вѣковъ сряду владычествовали въ Россіи Государя преисполненные добродѣтелями;

Государи просвѣтители, законодатели, побѣдоносцы, вознесшіе страну свою на высокій степенъ величія и славы. Но безсмертнымъ Романовымъ, яко возобновителямъ, совокупителямъ, сохранителямъ опечества, обязаны мы тѣмъ постояннымъ благоденствіемъ, которымъ среди побѣдъ и торжества наслаждаемся донынѣ. Что началъ во благо опечества Михаилъ Романовъ первый, то усугубилъ Алексѣй Романовъ второй, то совершилъ несравненный Пётръ, Творецъ новыхъ несмѣтныхъ благъ Россіи. Но творческій духъ дивнаго Петра почерпнулъ мысль ко многимъ приснопамятнымъ дѣламъ изъ великихъ намѣреній мудраго Алексѣя. Въ доказательство сея истинны, дерзаю произнести слово о достохвальномъ правленіи и высокихъ добродѣтеляхъ Великаго Государя, Алексѣя Михайловича, Царя Царствъ (1) и Покровителя Царей (2).

Царь Алексѣй Михайловичъ вступилъ на престолъ по кончинѣ родителя свое-

го Царя Михаила Феодоровича, имѣя отъ роду 16 лѣтъ (3). Какія то лѣта? разпускающійся цвѣтъ дней человѣческихъ; самое то время, когда начинается волненіе спраспей, которыя подобны водамъ непрестанно скопляющимся, текущимъ быспро и разрушающимъ всѣ преграды. Въ частномъ человѣкѣ спраспи бывають не столь примѣтны и опасны: какъ безшумные попоки, подмывающіе токмо знакъ и цвѣты сельные, близъ береговъ ихъ находящіеся, отъ первыя препоны они оспанавливаются; но спраспи въ Государѣ суть стремительные водопады, коихъ напора удержатъ ничто не можеть, развѣ сіи водопады сами изсякнутъ, или потрясеніе земли преобразитъ тѣ мѣста, откуда они съ шумомъ и ревомъ низвергаются. Сражась со спраспями, сражась съ собою, особливо въ такія лѣта, какая швердая рѣшимость и коль непреткновенное мужество потребны! Изъ многихъ примѣровъ видимъ въ Исторіи, что весьма, весьма было мало такихъ Государей, которые возмо-

гли одержать надъ собою полную побѣду; большею часпю разумъ ихъ уступалъ желаніямъ, своенравіе преодолевало обязанности, и человекъ обыкновенный затмевалъ Монарха. Но Россійскій Самодержецъ доказалъ самымъ опыпомъ, сколь сильно владычество великаго духа надъ спрасъями и лѣтами. Сія самая юность, копорая бываетъ пагубна другимъ, ему послужила къ преумноженію славы его; ибо она была временемъ блистательныхъ его подвиговъ.

Царь Алексѣй Михайловичъ хопя и находился, говорю я, въ лѣтахъ самой цвѣтущей младости, копорая обыкновенно болѣе склонна бываетъ къ нѣгѣ, роскоши, праздности и забавамъ, чему еще всемѣрно способствовали безпредѣльная власть Царей и неизрѣченная къ нимъ приверженность народа Россійскаго; но будучи обогащенъ отъ природы преизящными дарами духа, и воспитанъ родителемъ въ строгихъ правилахъ вѣры и благочестія, явилъ онъ въ себѣ мужа трудолюбиваго, презваго, многорачи-

пельнаго. Младый Монархъ искусно прі-
ялъ надежною десницею броды правле-
нія, и подобно свѣтлому солнцу,
велелѣбно шествующему по небесной
тверди въ безоблачный лѣтній день,
величественно пошекъ въ обширное са-
модержавія поприще, посвятивъ дѣла и
дни свои блаженству Россіи.

Царь Алексѣй Михайловичъ имѣлъ
острый умъ и великую душу; былъ му-
жественъ, правосуденъ, учредишель и блю-
ститель порядка, но кротокъ и мило-
сердѣн. Онъ наказывалъ преступленія по
необходимости, дабы пресѣчь зло; по
врожденному же челоуѣколюбію болѣе
хотѣлъ миловать, нежели карать. За
смертный грѣхъ вмѣнялъ лишнѣ кого-
либо не только жизни, или чести, ниже
имущества, по единому Царскому изво-
ленію. Самодержавной власти своей и
силъ вельможъ предѣломъ положилъ за-
конъ, коего самъ былъ первый исполни-
тель: закономъ изшреблялъ онъ пороки,
а примѣромъ своимъ ободрялъ добродѣ-
шель. Челоуѣколюбіе его и правосудіе

основывались всегда на тѣхъ высокихъ поученіяхъ, коими озаряетъ умъ смертныхъ Священное Писаніе, которое всегда было, есть и будетъ надежнѣйшимъ руководителемъ Царей благочестивыхъ. Онъ прилѣпленъ былъ къ Богу всею сердцемъ, и всѣхъ дѣлъ своихъ призывалъ его во свидѣтеля. Спрахъ Божій отъ него кичливый духъ онаго буйнаго любоначалія, коимъ, движимы будучи прочіе самовластители, не полагаютъ ни правилъ, ни мѣры своей волѣ, и возходятъ на вышшій степень общія ненависти, вѣчнаго позора. Но сія отверженность его къ Царю Царей, правящему небомъ и землею, не происходила отъ слѣпаго суевѣрія; нѣтъ, онъ понималъ вѣру и ощущалъ въ сердцѣ своемъ ея спасительное опкровеніе; онъ находилъ въ ней неизчерпаемый источникъ сладкія надежды и чистаго веселія. Она была пищею, подкрѣпляющею душевныя силы его. Онъ свято хранилъ всѣ ея утѣхи; ибо ею спяжалъ ту непреодолимую въ начинаніяхъ своихъ помощь, ко-

порую низпосылаешъ Богъ владыкамъ земли, таинственнымъ Промысломъ его избаннымъ. Почасту Царь уединялся бесѣдовать съ самимъ собою; великимъ людямъ лучшей есть наставникъ собственное сердце ихъ. Но кпо выше не одаренъ изяществомъ душевнымъ, тому безплодны и бесѣды мудрецовъ всего свѣта: потъ не вознесетъ и безсмертія не наследитъ; въ Царяхъ, потъ малъ и на престолъ; въ гражданахъ, ничтоженъ посреди людей. Юный Государь покорилъ всѣ спраспи свои гласу разума; всѣ желанія обуздаль воздержаніемъ, и по тому - то каждое предпріятіе его ознаменовано было печатію мудрости. Онъ любилъ науки и художества, рачилъ о земледѣліи и торговлѣ; ибо зналъ, что они суть средства споспѣшествующія силѣ и богатству Царствъ; по мѣрѣ ихъ разпространенія возвышается общественное благо. Онъ былъ попечителенъ о нуждахъ Государства и предсмотрительный хозяинъ. Отъ прозорливости его, всегда бдительной, никшо

не въ силахъ былъ утаить Государственную пользу; онъ соглядалъ все, что было потребно для оной, и каждую въ томъ надобность предварялъ своимъ благоразумнѣйшимъ и прочнымъ распоряженіемъ; былъ доступенъ, внимателенъ ко гласу послѣдняго изъ своихъ подданныхъ; былъ заступникъ угнетенныхъ и гонимель коварства; спрашенъ былъ внѣшнимъ и внутреннимъ злодѣямъ; грозенъ во брани и великъ во дни мира; щедръ къ заслугамъ, и некосновенный за пруды воздатель (*).

Такое рѣдкое соединеніе поль превосходныхъ душевныхъ качествъ украшено было лѣпою наружною. Царь былъ роста умѣренновозвышеннаго; взоръ имѣлъ благопріятнѣйшій, лице бѣлое, ланиты румяныя, волосы свѣтлорусые, шѣлесная полноша показывала здра-

(*) Майербергъ говоритъ, что женамъ и дѣтямъ убитыхъ на сраженіи Шшабъ и Оберъ-Офицеровъ выдавалось жалованье, по окладу положенное.

віе и крѣпость мышцѣ его; благороднѣйшая осанка, толико же Царямѣ приличная, колико и нужная, ясно изображала въ немѣ Повелителя. Свирѣпство гнѣва и пылъ ярости, пираннамѣ токмо свойственные, не искажали никогда кропкаго зрака его. Въ очахѣ его, всегда свѣпыхѣ, Россія зрѣла благоспѣ, любовь, испинну. Куда онѣ обращалѣ свои взгляды, тамѣ процвѣтало благополучіе, тамѣ ликовало изобиліе, тамѣ блаженспивовалѣ покой, тамѣ играло веселіе. Вся страна благословляла имя его (4).

Представя сіе неискусное изображеніе душевной и тѣлесной красоты Великаго Государя осмѣливаюсь, сколько недостапочное, но усердное славословіе моемѣ дозволилъ, осмѣливаюсь изчислить достопамятныя дѣла его, которыя сами собою покажутѣ намѣ, что Царь Алексѣй Михайловичѣ былѣ законодатель, устроитель опечества, нѣжный отецѣ своихѣ подданныхѣ и побѣдитель какѣ внушреннихѣ, такѣ и внѣшнихѣ сопостатовѣ.

Но дабы усмотрѣть, сколь велики были успѣхи Его мудраго правленія, скажемъ напередъ вкратцѣ о произшествіяхъ до него бывшихъ, и узримъ, каковою досталась ему въ наслѣдство Россія.

Огромная страна сія, доселѣ страхъ и трепетъ наводившая не токмо сопредѣльнымъ, но и опдаленнымъ народамъ, по смерти славнаго и грознаго Іоанна подверглась нерадивому владычеству сына его, слабаго духомъ Θεодора, который, воздремавъ на престолѣ, не чувствовалъ, какъ хитрый Годуновъ похищалъ съ главы его вѣнецъ Мономаховъ. Θεодора не стало: подобно пасмурной лунѣ, за густыя, черныя облака закатившейся, сокрылся онъ во тьмѣ гроба. Годуновъ украсилъ чело свое вѣнцемъ его, умѣлъ сохранить лучезарное онаго сіяніе. Но внезапно возникаетъ чудовище, адомъ на землю изрыгнутое, появляется Лжедмитрій. Народъ, всегда любящій законныхъ Царей, уловенъ бывъ благовиднымъ обманомъ въ его сѣпи, ожесточается на Годунова; возненавидя въ немъ вѣнцопо-

хитителя, свергаетъ съ себя оковы его, цвѣтами увитыя, и безразсудно предается Лжецарю. Высокомѣрный Годуновъ самъ низходитъ въ мрачное жилище смерти; погибають съ нимъ обширные замыслы, и Исторія пишетъ на гробѣ его коварныя его дѣла. Злодѣй Отрепьевъ заступаетъ его мѣсто, обогрѣваетъ престолъ кровію гражданъ, и желѣзнымъ скипетромъ поражаетъ Россію; наконецъ свергается съ высоты престола на лобное мѣсто, и утопаетъ въ крови своей. По немъ возходитъ робкій Шуйскій, который не имѣя достапочныхъ силъ управлять огромнымъ Государства кораблемъ, увлекается въ бездну золь ужаснымъ волненіемъ всего Царства. Самочинство Вельможъ воздвизаетъ внутри отечества и внѣ онаго спрашныя бури; возгарается брань междуособная, и сопредѣльныя державы уловляютъ случаи злосчастія нашего въ свою пользу. Вѣроломныя сосѣди, любостыжаніемъ движимые, вступаютъ въ Россію съ огнемъ и мечемъ; кровопролишіе и опустошеніе

разтекающа по всему ея пространству. Россія, ввергнутая въ несказанную пропасть бѣдъ, до конца бы погибла, ежели бы къ спасенію ея не посланы были отъ Небесъ два дивные Ироя, достойные благословенія позднѣйшихъ потомковъ, безсмертные сыны отечества, Пожарскій и Мининъ. Они изторгли ее изъ рукъ сильныхъ ея губителей, Шведовъ и Поляковъ. Къ совершенному возстановленію ея, Промысломъ Всевышняго избирается на царство Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, родственникъ Царей Рюрикова колѣна. Онъ подвѣялъ Россію изъ глубокой пропасти бѣдъ; онъ подвѣялъ ее обогренну кровію усерднѣйшихъ сыновъ ея, изъязвленну тяжкими ранами, причиненными ей по иноплеменниками, алчною завистію купно съ люпою къ ней ненавистію дышущими, по сынами оппадшими и посягнувшими на преславное ея бытіе. Горькая печаль пошмянляла прекрасное лице ея; крайняя нищета покрывала ея изнемогшее тѣло; повсемѣстное опустошеніе помыло ее

голодомъ; ужасный страхъ потрясалъ ее
 члены; раздоръ стропивыхъ чадъ не да-
 валъ ей покоя. Но Царь Михаилъ пре-
 мѣнилъ печаль ея въ радость, осушилъ
 ея слезы, освѣдилъ ее своєю порфирою,
 обогатилъ ее своими благоуспѣшными
 трудами, разсѣялъ страхъ ея ревности-
 нымъ о ней попеченіемъ, и даровалъ ей
 покой заключеніемъ мира со врагами внѣ-
 шними и укрощеніемъ мятежнаго духа
 злодѣевъ внутреннихъ. При столь неу-
 сыпномъ его щщаніи не могъ онъ одна-
 коже совсѣмъ прекратить скорбь ея,
 не могъ уврачевать всѣхъ ея ранъ. Рос-
 сія болѣзновала еще съ нѣмъ вмѣстѣ
 о шѣхъ краяхъ, кошорые оппоргли отъ
 нея губители ея. Кіевъ, Черниговъ, Нов-
 городъ Сѣверскій, Смоленскъ, Невль,
 Трубчевскъ, Дорогобужъ, Гославъ, По-
 чепъ спенали подъ тяжкимъ игомъ
 Польскимъ; а Корелія, Ижора, Иванъ
 городъ, Ямы, Копорье и Орбшекъ по-
 корствовали жестпому насилію вѣролом-
 ныхъ Шведовъ. Самъ Михаилъ по по-
 гдашнимъ бѣдспвеннымъ и смущнымъ

временамъ, Самъ Михаилъ принужденъ былъ уступити ихъ врагамъ опечесива, дабы токмо стяжашъ миръ, весьма на тогъ разъ нужный. Тридцать два лѣта Россія собирала изнуренныя силы свои подъ злымъ скипетромъ Царя Михаила, тридцать два лѣта она только что изцѣлялась отъ тяжкой немощи, и такъ сказать, едва, едва могла во столько лѣтъ опдохнуть отъ бѣдъ. Благотворитель ея Царь Михаилъ Теодоровичъ преселяется въ вѣчность, и таковою-то она доспается владычеству сына его Царя Алексѣя Михайловича. Но чего не успѣлъ содѣлать къ благополучію ея Романовъ первый, сколь ни велика была его къ ней любовь, то все совершилъ, и еще новыми пользами оживотворилъ Россію достойный Отецъ своего Внщепріемникъ, Царь Алексѣй Михайловичъ, который, коль скоро вступилъ на Престолъ, въ тоже время употребилъ щаніе свое на соединеніе всѣхъ частей государства въ общую связь, на укрѣпленіе сея связи силою законовъ

правосудія, и на огражденіе царства
отъ враговъ.

Шеснадцатилѣтній Государь возшедь
на Престоавъ, къ общей радости и изу-
мленію всѣхъ, рѣдкое оказалъ изяще-
ство ума и неупомимое къ дѣламъ го-
сударственнымъ прилѣжаніе. Быстро-
летящее время не успѣвало слѣдовать
за скорымъ появленіемъ его отличныхъ
свойствъ, въ коихъ ясно видѣнь былъ
отблескъ величества Божія. Опече-
ство, взирая на первые его подвиги, за-
было юность его, а созерцавало въ немъ
Царя уже совершеннаго, долгими лѣта-
ми и многими опытами искушеннаго. При-
авъ Скипетръ въ десницу, Царь неме-
денно собираетъ старцевъ, разумомъ
и честію отличившихся, Бояръ заслу-
гами знаменитыхъ, и ввѣряетъ ихъ со-
дѣйствию вдругъ два великія намѣренія,
непосредственное благо опечества въ
себѣ содержащія: первое относилось
къ усовершенію заводимаго родителемъ
его новаго устройства въ войскъ; второ-
рое, къ исправленію и дополненію спа-

раго законоположенія, въ коемъ усмотрѣлъ онъ, что предразсудки затмѣваютъ законъ природы, на здоровомъ смыслѣ основанный; что удача и сиза получаютъ во всемъ право, и что нравственное достоинство человека погрязло вредными и закоренѣлыми обычаями людей, мѣстничествомъ предубѣжденныхъ. Для воинскаго устройства сочиняется предъ очами Государя полный *Ратный Уставъ* (5); а для исправленія и дополненія старыхъ закововъ призываются въ Москву мужи довѣренные отъ каждаго Россіяна сословія. Самъ младый Монархъ, подобно престарѣлому, чадолюбивому Отцу, бесѣдующему посредѣ дѣтей о благополучіи ихъ; самъ Монархъ разсуждаетъ съ подданными своими о неколебимой швердости благосостоянія частнаго и общаго. Храня почитеніе къ старцамъ, опытностію умудренными, — ибо слушая ихъ, можно чему либо научиться, — онъ предлагаетъ имъ свои мнѣнія, какъ судіямъ, испрашиваетъ у нихъ совѣта, какъ отъ на-

справникѣвъ: Послѣ глубокаго размышле-
 нія о всякомѣ случаѣ въ особенності,
 послѣ тщательнаго соображенія всѣхъ
 частей вкупѣ, по соглашеніи различныхъ
 лицій въ единое положеніе, благопо-
 рятель опечеснва: Царь Алексѣй Ми-
 хайловичъ издае ш книгу законовъ подъ
 именемъ *Уложенія* (16), которое поль-
 соотвѣтственно обычаямъ, нравамъ и
 природному свойству Россійскаго народа,
 что еще и поднесъ, не взирая на чрез-
 вычайное преобразование Россіи, ограж-
 дающа онымъ права сыновъ ея: Без-
 смертные Государи и сами мудрые за-
 конодатели, Петръ I, Екатерина II
 соблюдая оное нерушимо. Въ одно же
 время съ сими узаконеніями Царь из-
 далъ *Наказъ градскаго благотелія* (17). За
 сіи приснопамятныя опечеснву услуги
 благодарное попомснво достойно и пра-
 ведно увѣнчало Монарха шпломъ Зако-
 нодателя (*).

(*) Мудрыя узаконенія Царя Алексѣя Ми-
 хайловича собраны Е. Максимовичемъ въ

Между тѣмъ рачительный Самодержецъ, обшекая все царство, зоркимъ своимъ взглядомъ видитъ полуденный край незащищеннымъ отъ набѣговъ хищныхъ Ташарь; — сооружаетъ тамъ крѣпости и обуздываетъ наглость сихъ древнихъ утѣснителей Россіи. Видитъ внутри государства злоупотребленіе откуповъ, несшерпимую шягопою общество подавляющее и разрушающее внутреннюю торговлю, — поспѣшно уничтожаетъ зло сіе, и ради лучшаго отправления внутренней торговли издаетъ *Уставную Грамоту* (8). Видитъ, что доходы государства, проходя чрезъ многія руки, не достигаютъ до своего оредошочія, и подобны великой рѣкѣ, которая съ успешной горы на камни и пороги низвергаясь, раздробляется на мѣлкіе пошoki, между кустами, между мхами, чрезъ заплошы и преграды непримѣнно вѣю-

в книгу *Указатель Россійскихъ Законовъ* въ первую часть, см. стр. 153, начиная съ 1646 года.

щієся, и въ ущеліе развалинъ, во рвы, въ болоша, въ разсѣлины сухой, жадной земли струящієся, а напоследокъ и со-всѣмъ въ шинъ, въ грязяхъ исчезающіє, не достигнувъ водоема, угошованнаго бытъ вмѣспиллицемъ ихъ; виднѣсь сей общей вредъ, и дабы не опняшъ былъ у земледѣльца хлѣбъ, а платимыя пода-ши дабы не орошены были слезами бѣд-ныхъ, — повелѣваетъ сдѣлать именную перепись всему народу (*); сбавляетъ из-лишніе налоги и приводитъ государствен-ные доходы въ непремѣнный порядокъ. Виднѣсь общественность слабыхъ спѣ-сненну обширными владѣніями силь-ныхъ, — и раздѣляетъ земли; но чтобы каждый уврѣнъ былъ въ своемъ на оныя.

(*) Въ Двинскомъ лѣтописцѣ записано, что на Двинѣ перепись сію дѣлалъ Стольничъ Леонасіи Даниловъ сынъ Фонъ-Визинъ. О томъ упоминается также и въ Нижегородскомъ лѣтописцѣ. — См. дополнен-іе къ дѣяніямъ Петра Великаго, Том. II. I стр. 5. примѣчаніе подъ (*).

правъ, сочиняетъ о томъ *Межевой Указъ* (9). Видитъ неудобство денежнаго счёта, затрудняющее обращеніе большихъ суммъ, — и снабжаетъ государство серебряною монетою новаго чекана, способнѣею къ обращенію (10). Видитъ промышленность въ оковахъ скупато корыстолюбія, похищающаго богатство народа разными перекупами, — и разрѣшаетъ ея узы. Видитъ мѣста общезишю благопріятствующія пустыми; и созидаетъ грады (11). Возводитъ очи на высокіе хребты Уральскихъ горъ, единымъ взглядомъ проникаетъ въ богатства ихъ недра; и повелѣваетъ изнести опшуда драгоценный металлъ (12). Низводитъ взоры на берега Печоры, и возобновляетъ тамъ мѣдные и желѣзные заводы, родилелемъ его основанные.

Монархъ, изыскающій всю важность сана своего, спрашивается проронитъ изъ вида малѣйшее добро отечества, спрашивается попустить малѣйшему злу, которое обыкновенно весьма скоро и нечувствительно возрастаетъ; и для шого

употребилъ всѣ силы свои на опысканіе перваго и на изпрѣбленіе послѣдняго, во всемъ и вездѣ. А чтобы ускоришь, естли же по возможно, и всѣмъ изкоренишь, какой бы по ни было вредъ, внутри Государства таищійся, такъ же не допустить оному откуда либо вѣторгнувшись; словомъ, чтобы объявлять все Государство, и по примѣру многихъ Владыкъ чтобы не быть жертвою обмана, чтобы разпространить зрѣніе на всѣ нужные предметы и слышать гласъ въ дали взывающій, Самодержецъ учреждаетъ при Дворѣ своемъ Верховный Совѣтъ, составя оный изъ вельможъ умомъ и сердцемъ превозходныхъ; мужей, нискавшихъ общее почтеніе благи ми нравами и чистотою совѣсти, изъ Царедворцевъ испытанныя къ нему вѣрности. Изъ Царедворцевъ, говорю я, испытанныя къ нему вѣрности; и дѣйствительно такъ. Не подивимся, а похвалимъ сему; ибо Царедворцы Россійскихъ Государей ни сколько не подобны шибъ Царедворцамъ, каковыхъ часто

срѣщаемъ мы въ описаніяхъ другихъ дворянъ. Въ числѣ Царедворцевъ Московскаго Царя не было ни единого ласкашеля, котораго низкая душа, шокме къ собственной корысти привлеченная и Царскихъ милостей жаждущая, тогда хладна, какъ ледъ, когда надлежитъ пламенѣть желаніемъ общаго блага; безмолствуетъ, есмь не предвидитъ выгодъ своихъ; пощупываетъ очи, когда Царь взоромъ ищетъ правды, и на всѣ манія его ошвѣстствуетъ одною работливою улыбкою. А ежели когда и принуждена бываетъ говорить, то едва отверзаетъ уста, едва произноситъ что нисеть двусмысленное; говоря не для себя, не хочетъ она прашить словъ. Нѣтъ, здѣсь былъ соборъ душъ швердыхъ, великихъ, пламенныхъ, изъ коихъ каждая поставляла святымъ долгомъ, не обинуясь вѣщать Царю то, что сердце разумяло, и шѣмъ достигала ошличной почести бытъ приближенною къ Самодержцу. Клятва, совѣсь, любовь къ спечеству и неблаженная вѣрность къ

престолу соединяли избранныхъ мужей неразрывными узами единомыслія. Лучше сказать, въ семъ Верховномъ Совѣтѣ присутствовали всѣ добродѣтели въ лицѣ боярѣ Россійскихъ. Въ семъ святилищѣ народнаго блаженства ежедневно предсѣдалъ Царь Алексѣй Михайловичъ (13), и какъ солнце въ превыспренности небесной разсыпаетъ на землю животворные лучи свои, тако Государь отсюда простираетъ на всю Россію сіяніе преизящныхъ своихъ дарованій. Сръшная тупь въ каждомъ изъ вельможъ непреложнаго ходатая о вѣшнихъ и внутреннихъ пользахъ, съ благостію и любовію внималъ онъ некосноязычному гласу истинны. Здѣсь онъ разсматривалъ жребій своихъ подданныхъ; свѣтомъ разума своего разгонялъ мракъ лукавствія и клеветы; открывалъ невинность (14); защищалъ сираго; ущедрялъ заслугу; отсюда поражалъ онъ стрѣлами закона коварство, насиліе, издомство, въ какомъ бы они званіи ни укрывались; здѣсь правый судъ и милость крѣпила

его приговоры, въ которыхъ зрѣла вся Россія его величіе, мудрость и человеколюбіе, и изъ которыхъ вся же Россія познавала въ Царѣ своемъ судію и отца (15).

Достойный похвалы всѣхъ вѣковъ Царь Алексѣй Михайловичъ жертвовалъ своимъ покоемъ и покою общему и безопасности каждаго изъ его подданныхъ; ибо старался болѣе о счастьи ихъ, нежели о разпространеніи своей власти; болѣе желалъ плѣнить сердца людей благопозвѣщеніемъ, нежели могуществомъ. Самъ наблюдалъ за судопроизводствомъ насѣльныхъ дѣлъ. Онъ желая непременно, чтобы судьба каждаго благопріятствована была закономъ. Великъ будучи по великости духа своего, страшенъ своею справедливостію, любимъ всѣми сердцами за свое милосердіе, онъ являлся посреди народа одинъ, окруженный собственнымъ сіяніемъ. Никогда, никто не дерзалъ вознѣмать пришекающихъ къ нему. Онъ не былъ застрашенъ спрешною сѣбною трезныя шблукранишелей,

конѣхъ смертоносные допѣхѣ поража-
 ющѣ ужасомъ крохкую душу, и далеко
 гонящѣ миролюбивое смиреніе, чѣмъ ушѣ-
 шаются одни шокис тиранны. Черпотоѣ
 его, яко храмъ Божества всещедриво ош-
 верзѣный молящимся, отверзѣ быдѣ
 его подданымъ. Не нужно было нике-
 му изѣ прабѣгающихъ къ его правосу-
 дію доискиваться чрезѣ пранырспиво на
 происки, или покупашѣ мздою, или при-
 носилѣ спраспямъ вельможѣ и дворо-
 олужиселѣй жершвы, чшобы имѣивѣ до
 него свободный доступѣ. Усердіе, прав-
 да, невинность сами о себѣ у него пред-
 спашательспивовали лучше всякаго иного
 ходатайства. Богатый и убогій, силь-
 ный и слабый, бояринѣ и земледѣлецѣ,
 всѣ равномерно были имѣ выслушиваемы.
 Часы его ошдохновенія были шанже ча-
 сы его трудовѣ; часы его трудовѣ были
 часами его забавѣ; ибо онѣ ушѣдшался
 шѣмъ, ешшли могѣ изобрѣспи, или вѣ
 дѣйствиво произвешѣ какое либо доброе
 дѣло, и никогда вдаль оно не ошла-
 галѣ. Гдѣ онѣ ни находился, вездѣ

было присутствіе суда и благости; всегда сопутствуемъ бывъ мудростию, не имѣлъ онъ нужды въ чужихъ внушеніяхъ. Самъ разсматривалъ прозбы и скорое на нихъ давалъ рѣшеніе. Но когда полагалъ онъ, что будто успокоивается отъ трудовъ, то и тогда не затворялся въ непроницаемой внутренности Царскихъ чертоговъ, гдѣ грозная тайна кладетъ черную печать на дѣла вѣныхъ Государей; а сокрывъ свѣдозарность Царскаго Величества подъ скудною одеждою простаго гражданина, въ то время прогуливался онъ по спогнамъ града, вмѣшивался наравнѣ съ грочими въ толпу людей всякаго званія, разговаривалъ, съ кѣмъ случалось, изъ стоящихъ окрестъ его; заводилъ рѣчь о правительствѣ, извѣдывалъ мнѣніе общее какъ о себѣ самомъ, такъ о Вельможахъ и судіяхъ. „Сшонъ сиротъ не слышенъ въ Царскихъ чертогахъ, слезы вдовицъ тамъ не видны; чптобы предупредить скорбь и нужду, коими обременено бываетъ че-

„ловѣчество, надобно взглянуть собственными глазами на бѣдствіе и нищету. Пусть другіе Государя не вѣдуютъ о томъ понятіи по тому, что не допускаютъ до престола своего воплей угнѣтеннаго народа; но я хочу самъ все видѣть, все слышать, обо всемъ узнать; хочу благотворить, сколько можно.“

Такъ рассуждалъ добродѣтельный Государь, и повинуюсь спасительному гласу состраданія, Монархъ посѣщалъ хижины сирыхъ, прилѣжно внималъ словамъ откровеннаго прямосердечія, и бывъ невѣдомъ, узнавалъ такіа истинны, которыхъ до него иначе, можетъ быть, никогда бы не достигли. Такъ пріобрѣтая полезныя уроки разительной правды въ безвѣстномъ жилищѣ простоты и бѣдности, вѣдше и вѣдше научался онъ многотрудному искусству царствовать, и вмѣстѣ съ тѣмъ благодѣтельствовать. Государь узнавъ, что робкая кротость и боязливое убожество не дерзаютъ явно приносить жалобъ, то, дабы

не могли онѣ тайно спрдасть и гибнуть, повелѣлъ немедленно предѣ окномѣ своея хранины устроитъ ящикъ, въ который всякъ, кто подѣ кровѣ его онѣ гоненія хошѣлъ укрыться, опускалъ свою жалобницу. Повседневно ящикъ сей приносимѣ былъ къ Монарху; самѣ онѣ вынималѣ изѣ онаго прозьбы, и ни единая не оставалась безѣ его щастельнаго изслѣдованія (16).

Владыки земли, правосудіе есть первый долѣ вашѣ, существенная обязанность ваша въ томѣ состоятъ, дабы изшреблять насиліе и неправду, и оградить властію своею право каждаго изѣ вашихѣ подданныхѣ! но ешлы вы не защитите обиженнаго, ешлы не вступитесь за испинну; то Богѣ прогнѣваелся на васѣ во вѣки, изочтетѣ скорби народа вашего, и въ день спрашнаго суда не помилуетѣ васѣ.

Мудрый Россійскій Государь неусыпно назиралѣ за судопроизводствомѣ; ибо совершенно былѣ въ томѣ увѣренѣ, что правосудіе есть душа общества,

Что Государство не можетъ быть счастливо, не можетъ долго существовать, гдѣ нѣтъ правды на судѣ, гдѣ покупается законъ дорогою цѣною, гдѣ гражданинъ бѣдный виновенъ безъ вины, а богатый и сачовный торжествуютъ своимъ развратомъ. Изъ примѣровъ Россійской Истории видѣлъ онъ, что естли Царь не брежетъ о правосудіи, тогда всякъ, кто можетъ, содѣлывается бичемъ отечества, тогда зараждающся тяжбы, при, вражды, ропотъ; возстаеъ общее негодование, которое бываеъ всегда злобственнымъ и позднымъ предпечю паденія Царствъ. Правленіе Θεодора Іоанновича служилъ тому доказательствомъ; оно произвело Годунова и Лжедимитрія; оно было источникомъ всѣхъ злоключеній, наводнившихъ Россію.

Насаждая благосостояніе внутри отечества, предусмотрительный Монархъ не преминулъ въ тоже время изслѣдовать и важность виѣшнихъ дѣлъ, отъ чего непосредственно зависѣли тор-

говля и народное просвѣщеніе. Обьемая обширными своими помыслами случаи давнихъ лѣтъ и настоящее время Россіи, недавно прекратившіяся бѣдствія, и отъ какихъ началъ что еще можетъ послѣдовать въ будущіе годы, а припомъ устрема мысли свои къ сопредѣльнымъ и отдаленнымъ Царствамъ, Государь взвѣшиваетъ выгоды и уроны; соображаетъ, съ какими народами полезны странъ его союзы, и предприемлетъ самыя удобнѣйшія, самыя вѣрныя средства. На очевидныхъ надеждахъ основавъ свое глубокомысліе, направляетъ дѣйствіе онаго къ желаемому предмету, и шого ради, кромѣ прежнихъ посольствъ, которыя были отъ него посланы при возшествіи его на Престолъ къ сосѣдственнымъ Державамъ, онъ отправляетъ еще посольства иныя: въ Китай съ любительною грамотою о дружбѣ и совѣтѣ; къ Курфирсту Брандербургскому для заключенія новаго союза; къ Британскому Королю съ подтвержденіемъ прежняго дружества; къ Герцогу Тоскан-

скому и въ Голландію со изъявленіемъ желанія своего вступить съ ними въ пріязненное сообщеніе; во Францію и Гишпанію для снисканія доброхошества въ Россію; въ Персію подтвердить тотъ мирный и торговый договоръ, который постановленъ былъ при его рожденіи. Но всѣ оныя посольства имѣли цѣлю свою особливую причину. Монархъ хотѣлъ сблизить Россію съ сими Государствами, гремѣвшими тогда славою; хотѣлъ особенно узнать Гишпанію, куда еще первое отправлялося изъ Россіи посольство. Онъ желалъ имѣть точное свѣденіе о чужестранныхъ обрядахъ, о нравѣ народовъ, о ихъ нуждахъ и избыткахъ, о торговлѣ, художествахъ, народномъ воспитаніи, о силахъ Государственныхъ и союзахъ ихъ спранъ съ другими. Онъ желалъ вступить въ дружеское со всѣми оными Державами согласіе и заключить договоры о взаимной торговлѣ. Для исполненія столь дальновидныхъ намбрений Государь избралъ послами мужей прозорливыхъ, смиренно-

мудрыхъ, важныхъ, единимъ взоромъ
внушающихъ почтеніе. Послы дружес-
любиваго Царя Россіи вездѣ приняты
и провождены были съ великимъ уваже-
ніемъ. Лудовикъ XIV во Франціи, Карлъ
II въ Гишпаніи, Карлъ I въ Англіи, Фер-
динандъ Герцогъ Тосканскій, и Шпагны
Соединенныхъ Нидерландовъ воздали имъ
ошличныя почести (17).

.. Великая и подобно быспроводнымъ
попокамъ разлившаяся по царству Мо-
сковскому польза была плодомъ сихъ зна-
менистыхъ посольствъ. Мудрый Госу-
дарь отъ всѣхъ Державъ, благопріят-
нымъ привѣтствіемъ его къ нему на-
клоненныхъ, приобрѣщаетъ способы къ
возстановленію просвѣщенія въ Россіи,
къ лучшему образованію и подкрѣпленію
силъ ея ратнымъ искусствомъ; къ заве-
денію всевозможныхъ ремеслъ и худо-
жествъ; къ первоначальному открытію
морской силы. Англія и Шотландія
шлютъ къ Царю испытанныхъ военно-
служившей; Голландія знающихъ моря-
плавателей и кораблестроителей; Герц

манія, Франція и Италия чужестраннаго
 дожниковъ и ремесленниковъ. Такимъ
 непримѣтнымъ Европѣ образомъ домо-
 строитель Царь собралъ съ первыхъ ея
 Державъ лучшія дани и подобно сме-
 намъ плодоноснымъ разбилъ ихъ по Го-
 сударству своему.

Въ скоромъ времени возрастаетъ въ
 Россіи ратное искусство въ всемъ гроз-
 номъ своемъ велебніи; избираются изъ
 Россіянъ тысячи ратоборцевъ и состав-
 ляется спрѣвое воинство; открываются
 ремесла и рукодѣлія; заводятся по-
 лѣшняныя и шелковыя фабрики; приво-
 дятся въ лучшій порядокъ и вновь раз-
 множаются мѣдные и желѣзные заводы
 Раздаются звуки свирѣ въ дремучихъ
 лѣсахъ; повергаются долговѣчные дубы;
 безплодно землю бременившіе; извлека-
 ются изъ мховъ и дѣбрей на красивые
 брега Оки; искусно рукою, мѣру и по-
 требность соблюдающею, приугожовля-
 ются они къ строенію. По волѣ хип-
 рыхъ зодчихъ изгибаются швердые бру-

ем, округляясь въ огромныя ребра; смя-
 каются углы ихъ; сдѣпляются крѣпкія
 между ними связи; сплавиваются основы
 доселѣ неизвѣстныхъ въ Россіи зданій;
 сращиваются подѣ одинъ слой всѣ ихъ
 дробныя части, и вдругъ многочислен-
 ность мореходныхъ судовъ является.
 Наконецъ сооружается и страшная во-
 доплавишельная крѣпость, крылами снаб-
 женная; спустясь на жемчужныя струи
 ски, подвиглась громада на зыбяхъ; волны
 хлынули на другой берегъ отъ страха.
 Искусствомъ созданная громовержущая
 гора сія возколебадась на водахъ Москов-
 ского Царства. Россія впервые увидѣ-
 ла свой корабль. Она дивилась сему чу-
 десному явленію, любитъся имъ, радуется,
 веселится сердце Царевы. Сей плы-
 вучій градъ, удобный прелетать на кры-
 лахъ вѣтренныхъ чрезъ морскія пучи-
 ны, Монархъ нарицаетъ именемъ царя
 пернатыхъ, который прельщенъ бывъ
 славою Іоанновыхъ побѣдъ, оставилъ

престолъ Царей (*) Византійскихъ и перенесся въ Россію, который сопутствуетъ на брань ея полкамъ, мечетъ смертоносный перунъ на враговъ ея, и въ вѣнцахъ лавровыхъ покоится на ея щитѣ. Корабль *Орелъ*, окруженный мѣлкими мореходными судами, напрягши свои вѣрви, разпустивъ вѣтрила, полетѣлъ вдоль Оки къ Волгѣ. Сія величественная владычица и мать многихъ рѣкъ Россійскихъ съ плескомъ приемлетъ его въ свои влажныя объятія, и гордятся тѣмъ, что на среброчешуйчатомъ хребтѣ своемъ несетъ первый въ Россіи флотъ, съ сугубымъ плескомъ, съ громкимъ шумомъ сѣдыхъ валовъ торжественно приноситъ его въ Астрахань (18).

(*) Иоаниѣ III, Великіи по наследству супруги своя, великія Княгини Софіи, Царевны Греческой, дочери Ромы Палеолога, брата Константина Палеолога, послѣдняго Греческаго Императора, принялъ за Государственный Гербъ Орла. — Ист. Рос. Таш. тл. 46 страница 550я. Краткой Россійской Лѣтописецъ Ломоносова.

Тако подвизаясь дѣяшельный Государь, оживотворилъ Россію, великимъ своимъ духомъ, озарилъ ее яркимъ свѣтомъ своихъ высокихъ добродѣтелей. Она ободрилась, возспала съ одра болѣзни, отрясла бѣды, облеклась въ величество и славу, враги ея возпрепещали; грозные воители признали надъ племенами своими владычество ея; Цари и Царства покорились ей въ вѣчное подданство, и самые губители ея возжелали, да будетъ ихъ Повелительницею. Преславное имя Царя Алексѣя Михайловича загремѣло въ странахъ далекихъ; мудрость и щедрота его привели подъ державу его милліоны новыхъ подданныхъ.

Имеритійскій Царь Александръ подноситъ Московскому Самодержцу свой вѣнецъ, и купно со всемъ народомъ своимъ даетъ обѣтъ — быть вѣчною поддержавою его и его потомковъ (19).

Доселѣ бывшая враждебница Россіи, и въ тѣ времена гордая Польша, по смерти Короля своего Владислава IV

прислала къ Царю Московскому посольство съ моденіемъ, да приимешъ ея подъ свое мудрое владычество. Монархъ хотя и находился тогда еще въ лѣтахъ самой пылкой, любочестливой юности, но отпринулъ щодико лестное предложение ради того, что посвящая себя отечеству, хотѣлъ единственно заняться благоустройствомъ онаго. Не взирая на сіе, Польша вопреки просякамъ Казимира, вшорично и шоржественно на Виленскомъ Сеймѣ избираетъ Царя: Алексѣя Михайловича Королемъ своимъ, но два Власпишеля, сколько робкіе, сколько же и завистливые, Сулпанъ Турецкій и Римскій Императоръ устпрашились соединенія столь великихъ Государствъ, каковы Россія и Польша, которыхъ сосѣдство угрожало имъ спрашною опасностію, различными ухищреніями не допустили они тогда совершиться сему знаменитому избранію (20).

Грузинскій Царь Теймуразъ рпиходитъ въ Москву и предъ великолѣпнымъ престоломъ Россійскаго Самодержца

самъ подтверждаетъ свое вѣчное вѣрно-подданническое ему покорство (21).

Славный Ирой, Гетманъ Малороссіи и вождь Козацкихъ войскъ Хмельницкій, мужъ рѣдкія доблести, страхъ Польши и Татаръ, приводитъ Малороссію также въ вѣчное Царю Великороссійскому подданство, и самъ вмѣстѣ со всемъ храбрымъ Козацкимъ воинствомъ совершаетъ въ Переяславѣ торжественную присягу (22). Сіе достопамятное Хмельницкаго подданство принесло въ даръ Россіи изъ Заднепровскаго края еще великое множество народа, коего число вскорѣ такъ усугубилось, что цѣлыя олободы, городамъ подобныя, населились по пространству опустошенныхъ Татарами мѣстъ Великороссійской Украйны. Благопредварительный Царь Алексѣй Михайловичъ учредилъ изъ оныхъ ратнолюбивыхъ поселенцевъ пять Слободскихъ полковъ (23). Новые обитатели толь ревностно приверглись къ Россіи, что и судебныя права свои ошринули, а

добровольно захотѣли повиноваться Указу Московскаго Законодателя (94).

Подобно несмысленнымъ стадамъ птицъ, летящимъ отъ хладнаго дуновенія Борея подъ теплый поясъ неба, притекала чужестранцы отовсюду толпами въ Россію подъ златый Скипетръ Царя Алексѣя Михайловича, явившаго тогда новый опытъ благости своея и человеколюбія: онъ позволялъ въ своей странѣ исповданіе всѣхъ вѣръ, и издалъ законъ о изкупленіи плѣнныхъ Христіанъ изъ рукъ невѣрныхъ (95). Сей Богомудрый исповдникъ православныя Христіанскія вѣры, сей ревностный поборникъ за сыновъ церкви Бога истиннаго, сей сострадательный другъ человечества дозволяетъ у себя исповданіе всѣхъ вѣръ, и не щадитъ сокровищъ на изкупленіе страдающихъ Христіанъ въ то самое время, когда въ просвѣщенныхъ Государствахъ неумолимая Инквизиція сожигаетъ людей на кострахъ во имя Искупителя человековъ, и дѣлитъ единыя церкви казнятъ за вѣру братья брата на

любныхъ мѣстахъ съ молебнымъ пѣніемъ.

Поелику ничто такъ сильно не способствуетъ къ возвышенію и прославленію Царствъ, къ уврачеванію и предупреденію въ народахъ нравственнаго, а съ тѣмъ купно естественнаго и общественнаго зла, какъ разпространеніе словесныхъ наукъ, которыя такое же имѣютъ вліяніе во нравы людей, какое плодоносный, весенній дождь имѣетъ дѣйствіе на хлѣбородныя поля; поелику словесныя науки изкореняютъ вредныя предразсудки, смягчаютъ жестокость сердець, образуютъ умъ, пригупляютъ ядовитое жало порока, умѣряютъ пламя спраспей, обуздываютъ буйство разврата, благопріятствуютъ общежитію, украшаютъ собою бытіе человека, и шерніе, пушь жизни егѣ покрывающее, часто премѣняютъ въ цвѣты благоуханныя; ибо сіи прелестныя дщери небесъ, низпосланныя на землю къ утѣшенію рода смертныхъ, снимая съ очей нашихъ мрачную завѣсу невѣжества, озаряютъ

духъ нашъ свѣтомъ мудрости, открывающъ намъ тайнства и чудеса природы, научаютъ насъ познавать всезидущее могущество Творца всея твари, и показавъ намъ предопредѣленіе наше, снабжаютъ насъ крылами, да возпаримъ въ вѣчности; то какъ могла не павннться ими великая душа благодѣтельницающаго подданнымъ Монарха? Словесныя науки давно обитали въ Россіи: они являлись всенародно во дни Владиміра, Ярославъ и потомковъ ихъ, особливо же во дни Іоанновы и послѣ того (26). Но въ бурную годину бѣдствія отечества нашего онѣ уединились въ пустыни, скрылись въ обители мужей смиренно-мудрыхъ, отъ свѣта отпрекшихся; затворились съ ними въ стѣнахъ монастырей и сладкою бесѣдою своею оживляли ихъ мертвое одиночество. Царь Алексѣй Михайловичъ призываетъ ихъ въ престошный градъ, и симъ привлекательнымъ спутникамъ счастья общаго предприемлетъ воздвигнуть храмъ. Любимудрый Государь полагаетъ основаніе

Законоспаской Академіи словесныхъ наукъ (27), поручаетъ довершеніе оной и разпорядокъ попеченію ревностнаго сихъ наукъ любителя, мужа сіявшаго немерцаемымъ свѣтомъ ученія, попеченію *Ртищева*, единого отъ Царедворцевъ своихъ (28). Царь Алексѣй Михайловичъ зналъ, что просвѣщенный народъ, приобрьшая отъ своихъ познаній болѣе выгодъ, содѣлывается могущественнѣе; что просвѣщеніе, составляя главное преимущество народа, приносишь оному богатство и славу; къ дополненію же сего препохвальнаго заведенія приводишь повелѣніемъ Государя въ лучшее состояніе писаніе книгъ, и книга завѣта, содержащая святость слова Божія, будучи тщательнѣе исправлена и искусно напечатана, осіяваетъ просвѣщенныхъ сыновъ церкви новыми лучами превѣчныя истины (29).

Дабы доставишь подданнымъ своимъ благородное и полезное удовольствіе, служащее къ изтребленію вредной праздности и замѣшванію хорошихъ при-

и бровѣ, Государь приказалъ открыть въ Москвѣ при Дворѣ своемъ поучительное зрѣлище, гдѣ важная Мельпомена самымъ дѣйствиємъ представляла, сколь велики совершенные Ирон, и какую приобрѣтаютъ они славу за свои достохвальныя подвиги, напрошивъ же шого какую стяжутъ казнь и безконечное поруганіе мужи бун, мужи кровей за свои злодѣйства; а насмѣшливая Талія ругалась надъ пороками, въ разныхъ гнусныхъ лицахъ изображенными, язвила ихъ колкою шуткою, и гнала ихъ изъ общества людей благонравныхъ, какъ между шѣмъ увѣнчивала честію добродѣтель и возводила ее на высокой степени всеобщаго уваженія. Поучительное зрѣлище сіе было сопровождаемо пріятнѣйшими звуками различныхъ мусикійскихъ орудій; слухъ присутствующихъ очарованъ былъ сладкогласіемъ, разумъ и сердце убѣждены были нравоучительными наставленіями, а зрѣніе увеселяемо вошомъ было искуснымъ плясаніемъ, историческій и также поучительный

смыслъ въ себѣ заключающимъ. Такимъ же образомъ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ учрежденъ былъ въ Россіи театръ, извѣстный тогда подъ именемъ *Помѣшного Дворца* (30), надъ коимъ смотрѣніе ввѣрено было отъ Царя наперснику его, мужу опличныхъ достоинствъ, мужу знаменитому въ исторіи нашей, боярину *Матвѣеву*.

Въ похвалу словесности нашей скажемъ здѣсь, что были у насъ и въ то время свои ученые мужи, сочинители, коихъ произведенія, изящесловомъ ума и красотою Россійскаго слова обогащенные, представлялися предъ Царемъ на театрѣ. Изъ числа сочинителей и мужей ученыхъ того времени были мудрый Епифаній Славеницкій (31), сладкорѣчивый Симіонъ Полоцкій (32) и святой мужъ Димитрій Ростовскій, Они доказали попомству поучительными твореніями своими, соединивъ въ нихъ силу мудрости съ красотою слова, что Россія имѣла и можетъ имѣть своихъ Платоновъ, Димосееновъ, Цицероновъ (33).

Кичливые чужестранцы! покажите намъ, что природа одарила также и васъ способностію швердаго, благозвучнаго и повелительнаго провзношенія, каковымъ языкъ Славенороссійскій одушевленъ. Научитесь сему величественному, издревле образованному (34) языку; прочтите шворенія великихъ умовъ Россійскихъ; познайте изящество оныхъ и Славенороссійскаго слова предъ вашимъ словомъ превосходство; обнимите богашую собственность сего языка и неподражаемое изобиліе его сильныхъ оборотовъ; сравните все оное объ вашими дробными, многосложными языками; вникните въ писанія нашихъ Іерарховъ, нашихъ бытописателей; постигните высокое пареніе нашего пѣснопѣнія, взявъ въ образецъ древнія наши пѣсни; сравните все то съ вашими произведеніями, и тогда рѣшите: принадлежитъ ли Россамъ поносное наименованіе *варваровъ непросвѣщенныхъ*? Недостойное наименованіе, которое вы, по единому слѣпому предубѣжденію, даете сему доблественному народу,

народу васъ питающему, надбляющему
 такими благами, каковыхъ пропивящаяся
 трудамъ вашимъ земля ваша вамъ не
 приноситъ; словомъ народу вамъ благо-
 дѣтельствующему! Непризнательные...
 да заградятся уста ваши, хулу глаголю-
 щія!... Но сіяніе солнца не умалется,
 хощя лучи его упадаютъ на холодные ка-
 мни и зловонныя воды. — Обратимся
 къ славословію Великаго Государя наше-
 го. — Царь Алексѣй Михайловичъ осо-
 бенно прилѣпленъ былъ къ словеснымъ
 наукамъ. Онъ указалъ преложить книги
 о наукахъ и художествахъ съ разныхъ
 языковъ на Россійской; въ часы покоя
 онъ читалъ на отечественномъ языкѣ
 Квинша Курція; по изволенію Царя пе-
 реводимы были чужеземныя въдомо-
 сти, изъ Голландіи, Гамбурга и Кенигс-
 берга въ Москву весьма исправно доста-
 вляемыя (35); ибо въ правленіе сего Мо-
 нарха благоспроишеля, по его повелѣнію,
 учреждены были въ Россіи почты, и
 тщательное наблюденіе прилагаемо было

о содержаніи въ порядкѣ пушей и переправъ.

Любовь къ порядку, можно такъ сказать, была страсть высокой души Царя Алексѣя Михайловича; его любовію къ порядку оживотворено было каждое заведеніе, каждая часть государственнаго хозяйства, каждое отправленіе должности людей чиновныхъ и подчиненныхъ. Но порядокъ сей видѣнъ былъ въ удивительномъ совершенствѣ въ лучшемъ своемъ мѣстѣ, при Дворѣ сего Монарха. Сами иностранные Послы превозносили оный своими похвальными описаніями (36). Богатство оупъ множества несчислимое, чрезвычайное во всемъ обиліе, поразительное великолѣпіе Двора, къ спашу, къ мѣсту, ко времени въ порядкѣ употребленныя, такъ согласовалися съ собственнымъ величіемъ Царя, что послы самыхъ первыхъ Державъ Европы, приближаясь къ особѣ Его, озаренной свѣтомъ мудрости и добродѣтели и собою собственно возвышающей всякое великолѣпіе, объявы были набожнымъ ужа-

сомъ, не могли безъ особливаго благоговѣнія, безъ препета отверзть предъ нимъ устѣ своихъ. Англинскій Посолъ Графъ Карлиль столь изумленъ былъ величествомъ Самодержца, важностію боярѣ, его окружавшихъ, блескомъ драгоценныхъ одеждъ ихъ и велелѣпіемъ чертоги украшавшимъ, что не смѣлъ возводить на Монарха взоры, и во все продолженіе рѣчи своей чествовалъ его титуломъ Императорскаго Величества (37). Предъ свѣплымъ престоломъ Царя Алексѣя Михайловича во все время державствованія его благоговѣли Послы осьми сильныхъ Государствъ, и въ тѣ дни весьма славныхъ (38).

Всѣ чужеспранные писатели изображаютъ дворы повелипелей своихъ самыми темными красками. Они говорятъ, что дворъ есть дивное позорище гордости, ненависти пагубныхъ замысловъ и припворства; что на семъ позорищѣ искусно сражаются страсти: онѣ подспрѣкаютъ одна другую, борются, дружатся, чтобъ обольстить и пошомъ

вѣрнѣе поразить бы неожиданнымъ ударомъ; то вдругъ всѣ вообще совѣщаются глубинѣ исплинну и невинность; совокупными силами вшайнѣ куютъ имъковы и ставятъ для нихъ сѣши подѣ цвѣтами; что дворъ есть мрачная юдоль, гдѣ правда попираема обманомъ, гдѣ разумъ ослабляемъ щеславіемъ, гдѣ сіяніе добродѣтели исчезаетъ подобно лампадѣ погасающей отъ влажной мглы въ шуманную осеннюю ночь; что дворъ есть обиталище роскоши, сладоспирасія и коварства; что онъ есть волшебный садъ, въ которомъ подѣ сѣнію лавровъ, миршовъ и одивъ растутъ печальные кипарисы; что при ясномъ небѣ свирѣпшуютъ тамъ бури, не слышны удары грома, а видны пораженные жертвы; въ часы лѣтняго полудня внезапный хладъ звымы мертвитъ тамъ природу, а въ полночь вмѣсто луны иногда свѣтитъ ясное солнце; всемошное самолюбіе и превратная прихоть владычествуютъ въ семъ саду, и, ради забавы непостояншву своему, шворятъ сіи чудныя пре-

мѣны. Вошѣ, какѣ описывается дворѣ во многихъ твореніяхъ славныхъ чужеземныхъ писателей! Но мы Россіане къ чести нашей должны сказать, что Дворѣ Царей Россійскихъ нимаѣйшаго не имѣетѣ сходства съ этими ужасными изображеніями.

Исторія наша представляетѣ намѣ Царскій Дворѣ жилищемѣ величія и славы, чистымѣ поприщемѣ дѣйствительной любви къ Отечеству, прекраснымѣ зрѣлищемѣ, на коемѣ подвизаются совѣсть, правда, вѣрность, великость духа; на коемѣ спязуются онѣ, ревнуя превзойти одна другую. Дворѣ *Благо Царя* (39), садѣ всегда цвѣтущій подѣ благообразнѣйшимѣ небомѣ; Эдемѣ прекрасный, гдѣ ни мразѣ зимы, ни зной лѣта не губятѣ ничего; гдѣ высокіе, многолѣтніе дубы и кедры не страшатѣ бурь, стоятъ твердо, возвышаются до небесѣ, и застраниютѣ отѣ тѣтворныхъ вѣтровѣ подѣ тѣнію ихѣ разпускающіеся цвѣты и прозябающія лѣторасли; садѣ, плодоносными древами полный, надѣ коимѣ солн-

це, облаками неомраченное, лучезарно сияя, постоянно совершаетъ свой кругъ. Съ точное изображеніе Двора Царей Россійскихъ! И могъ ли оный быть инаковъ, когда Царедворцы и наперсники Царскіе (*) были все Россіяне, бояре важные, спешенные, въ заслугахъ и добродѣтеляхъ посѣдѣвшіе, изъ коихъ каждый гошовъ былъ скорѣе умереть, нежели отъ стыда покраснѣть; изъ коихъ каждый щился и словомъ и дѣломъ оправдать свое благородное званіе, которое одинъ шокмо шагъ отдѣлялъ отъ престола

(*) Леонасій Лавреншъевичъ Нащокинъ Ординъ, былъ Лифляндскимъ Воеводою, Думный Дворянинъ, онъ былъ человекъ проныщательнаго ума. Федоръ Михайловичъ Ршщевъ Оберъ-Гофмаршалъ, Окольничей и любимецъ Царскій. Казанскій намѣстникъ, Бояринъ Князь Алексій Никишичъ Трубецкой. Суздальской Намѣстникъ, Бояринъ Князь Григорій Алексѣевичъ Долгорукой. Оршанской Намѣстникъ, стражъ Царской оружейницы, Окольничій, Богданъ Матвѣевичъ Хитровъ. Бояринъ Матвѣевъ, и Думный Дьякъ Алмазъ Ивановъ.

(40). Се почное лиценодобіе вельможъ Россійскихъ! Да и какъ могли они быть инаковы, окружая шоль великихъ Самодержцевъ, шоль мудрыхъ повелителей, шоль возвышеннаго духа Государей, каковыми украшался пресполь Московскаго Царства? Примѣръ Царя стокрамѣ болѣе дѣйствуетъ въ народѣ; начиная съ первыхъ и до послѣднихъ, нежели законы, нежели самое даже воснипаніе. Могутъ ли быть тамъ вельможи малодушны, гдѣ Вѣнценосецъ подаетъ собою примѣръ душевныя твердости? Царь Алексѣй Михайловичъ достоинъ былъ, чтобъ подражали ему не токмо сыны отечества, окружавшіе его, но и Владыки ему равныя. Въ доводъ сему приведу я здѣсь слѣдующее проишествіе, цѣлому свѣту весьма памятное, а единому Монарху Россіи честь и славу приносящее.

Во дни побѣдъ грознаго Іоанна Бриганды, открывъ путь къ Корельскому Двинскому устью, пришли торговать въ Россію. Падшій тогда Новградъ не уча-

стпозвалъ уже въ знаменишомъ Ганзейскомъ союзѣ; Англичане и Голландцы воспользовались тогда всѣми выгодами Ганзы, которая была ихъ наставницею (41), и не токмо что умалили, но даже совсѣмъ сокрушали могущество ея на Сѣверныхъ водахъ. Для выгодъ Россіи въ замѣнъ Новгорода возникъ тогда Архангельскъ, и договоры мирнаго и торговаго союза соединили крѣпкими узами Московское царство съ Британскою естраною, что еще вѣщше и вѣщше утвердила славная Королева Елисавета снисканіемъ довѣрія и дружбы Грознаго Іоанна. Сія пріятная связь прибыточной взаимности между обѣими Державами продолжалаеь отъ времени правительствва Великой Елисаветы до злосчастной кончины Карла 1го, коею Царь Алексѣй Михайловичъ уязвленъ былъ въ самое сердце; ибо Стуарта онъ чтилъ и другомъ и союзникомъ. Тогда Царь разторгъ съ Англіею всякое сообщеніе; лишилъ Англичанъ торговыхъ преимуществъ, предками его имъ дарованныхъ; презрѣлъ

всѣ лесныя виды, какіе обѣщавало ему согласіе съ Кромвелемъ; отпринудъ предложенную имъ и Парламентомъ дружбу Россіи, и между тѣмъ, какъ прочіе Государи Европы, гордый Лудовикъ XIV, высокомерная Христиана, высокосердый Карлъ Густавъ, и надменный Христианъ V. заключали съ цареубійцею тѣсныя связи дружества, принявъ Пословъ его съ великими почестями, Московскій Самодержецъ изгналъ всѣхъ Англичанъ изъ предѣловъ Государства своего; не допустилъ къ себѣ полномочное посольство, Кромвелемъ отправленное съ многочисленнымъ купецкимъ флотомъ; но еще сверхъ того побуждалъ Европейскія Державы къ ополченію, да отмстившъ смерть несчастнаго Стюарта, каковою нанесено оскорбленіе всѣмъ Вѣнценосцамъ; а къ сыну его, изъ опечества подданными изгнажному, къ скипавшемуся по чужимъ странамъ Карлу II послалъ Монархъ вельможу съ грамотою, заключающею благороднѣйшія чувствования соспранданія и предложеніе сильной помощи войскомъ

и казною. Въ тоже время Посоль вручалъ гонимому Карлу въ даръ отъ Царя значное число денегъ. Вселенная узыла тогда, что Царь Россовъ есть истинный Царь (49) и заступникъ Царей.

Изъ сего произшествія не должны однако же мы заключать, чтобы Царь Алексѣй Михайловичъ склоненъ былъ къ войнѣ. Движеніе великаго и совершеннаго благороднаго сердца побуждало его къ отмщенію правъ природы и закона, поруганныхъ смертію союзника его Карла Іго. Чѣмъ болѣе онъ испытывалъ въ душѣ своей важность Царскаго сана, тѣмъ оный казался ему священнѣе, тѣмъ чувствительнѣе: яко Царь, оскорблялся онъ совершеніемъ такового клятвонарушительнаго поступка подданныхъ съ Государемъ ихъ и сыномъ его. Но миролюбіе было въ немъ первою Царскою добродѣтелію; ибо оно было основано на пламенной любви къ народу своему, а особливо на Христіанской любви къ человѣчеству: что онъ доказалъ стараніемъ примирить Польшу съ Малороссією,

и дошолъ не принялъ поднесимаго ему Ироемъ Хмѣльницкимъ подданства, пока строптивая Польша явно не отреклась отъ мира (43). Монархъ боящійся Бога бываетъ ли браннолюбивъ? Емушо извѣстно по совѣсти его, что за каждую каплю слезъ, за каждую каплю крови, народомъ его пролитыхъ, обязанъ онъ ошвѣтствовать Жизнодацелю. Царь Алексѣй Михайловичъ столь усердно хранилъ благосостоице и кровь своего народа, что по теплой вѣрѣ ко всемогущему Промыслу Божию, въ тихіе часы долуночи, оставя одръ покоя, повергался предъ Сердцевидцемъ, и стоя на молитвѣ до разсвѣта, просилъ со слезами Подателя всѣхъ благъ, да ошженеть отъ Россіи всякое зло; да подкрѣпитъ его своею мышцею высокою въ мирѣ и тишинѣ содержащъ тяжкое бремя народоправленія (44). Святое правило, всѣмъ Царямъ извѣстное, коего однако рѣдкіе изъ нихъ придерживаются, любить миръ для счастья людей, а начинать брань по крайней необходимости, глубоко запе-

чашлѣно было въ сердцѣ его. Яко Государь благоразсудительный, онъ зналъ, что прямое Владыкъ величїе состоитъ не въ ратной силѣ, не въ побѣдахъ слезами и кровію приобрѣтенихъ, но въ соблюденіи внутренняго порядка и въ утверженіи общаго покоя; ибо какая польза въ завоеваніи новыхъ областей, ежели собиравшая земля не въ устройствѣ? Государь, желающій снискасть славу силою воинства и едиными побѣдами, умножаетъ будеще шокмо число несчастныхъ. Спохватъ легче погрузить миліоны людей въ бѣдствіе, нежели основать и сохранить счастье нѣсколькихъ подданныхъ. Сіе-то достоподражательное правило долго удерживало Царя отъ предпріятія войны противъ коварныхъ и беспокойныхъ сосѣдей его; долго взиралъ онъ снисходительнымъ окомъ на ихъ ухищренія; но когда увидѣлъ, что благо Россіи пребуесть защиты, что необходимость вынуждаетъ обнажить мечъ; тогда, тогда ополчился онъ праведнымъ гнѣвомъ ярости своея, и, яко отецъ за

дѣшей вступившійся, онѣ возстаѣ, облекся въ мужество и силу, и потяѣ на брань. Слава ему предшествовала, шоржество за нимъ послѣдовало.

Теперь увидимъ мы въ Государѣ устроившаго ошечества и побѣдителя славнаго.

Война обыкновенно разстроиваетъ Царства, ввергая ихъ въ нищету; она приводитъ ихъ въ совершенный упадокъ, ищощеніемъ богатства Государственнаго на чрезвычайныя и никакой мѣрѣ не подлежащія издержки, съ коими сопряжено изнуреніе народа отъ возрастающихъ тогда налоговъ, и шяжкая онаго убыль, за коею всегда слѣдуетъ общее уныніе духа, зло всѣхъ золъ губительнѣйшее въ бранное время. Но десница Монарха Россійскаго, вмѣсто трапы и бѣдъ, горькихъ плодовъ брани, собрала съ поля ратнаго тучную жатву желаемыхъ выгодъ, великаго прибытка, и въ предѣлахъ Царствъ, враждующихъ Россіи, посшавила его шрофей.

Присоединеніе Малороссіи къ великой Россіи несносно было Королю Польскому и Крымскому Хану. Сія мятежные сосѣди объявляютъ войну миролюбивому Московскому Самодержцу. Раздраженный неправдами Татаръ и Поляковъ вѣщическій Ирой Россіи, предводительствуя самъ сто тысящами храбрыхъ Россіянъ, грядетъ на враговъ. Осторожность во всемъ тщательная, прозорливость все объемлющая, предварительное попеченіе о всѣхъ нуждахъ воинства, ненарушимый во всемъ порядокъ, доставили ему быстрые успѣхи, уготовавшіе путь къ несомнѣнной побѣдѣ. Онъ осаждаетъ Смоленскъ, поражаетъ подъ стѣнами онаго полки сопостатовъ, возвращаетъ Отечеству градъ сей и вступаетъ въ Липву. Тутъ непостоянная Польша испытала силу непреодолимой мышцы Царя Московскаго. Воинство Польское разбило, ввергнуто въ отчаяніе и ужасъ. Липовская столица, Вильна взята, а съ нею купно покорено Россійской державѣ болѣе двухъ

есть больших и малых городов. Вишебск сокрушен до основанія, за дерзновенное упорство въ сражѣ другимъ. Многія тысящи плѣнныхъ Ташаръ, Лишовцевъ и Поляковъ опосланы въ Россію. Доселѣ тамъ опустошенныя ими мѣста ими же населяются, и безуспѣшныя въ рабоборствѣ иноплеменники содѣлываются въ Россіи счастливыми земледѣльцами. Побѣдитель Царь съ шоржествомъ и богатыми добычами возвращается въ Смоленскъ, гдѣ заключаетъ съ Польшею преславное перемиріе, удержавъ за собою все имъ побѣжденное. Да сверхъ того Царь изпоргаетъ изъ вражнихъ рукъ древнее достояніе предковъ своихъ, богатыя ихъ Княжества, Киевское, Черниговское, Сѣверское со всѣми городами и округами, въ малой Россіи находящимися (45). Великая Россія ликуетъ среди шоржествъ, объемля возвращенныхъ ей чадъ, кои приносятъ въ даръ избавителю своему сердца, благодарностию и усердіемъ пламенѣющія. Пршеде же со славою въ столицу свою добро-

побѣднѣй Монархъ не проронилъ сего благопріятствовавшаго отечеству случая; онъ все учредилъ къ надежному и неколебимому на будущія времена огражденію онаго отъ непостоянныхъ сосѣдей. Впервыхъ, привелъ въ оборонительное состояніе сопредѣльныя съ Польшею и Крымомъ мѣста; а потомъ принудилъ Польшу, Крымъ и Порту положить непрѣмныя между ими и Россією границы, которыя храбрый и весьма Царю любезный ирой Хмельницкій, по повелѣнію его, начерпалъ острымъ мечемъ своимъ отъ устья Днѣпра до вершины Днѣстра, отъ суда до рѣкъ Орели и Припяти, къ городу Быхову, за Днѣстръ, надъ рѣкою Сожею подъ Рославль; а въ другой край отъ устья же Днѣпра и до Лимана, съ удержаніемъ навсегда невозбраннаго права имѣть Россіянамъ по Днѣпру, Днѣстру и по водамъ Евксина свободное преплаваніе (46). — Се первый воиншельскій подвигъ великаго Государя!

Послѣ сего пораженія лукавствующій предѣ Царемъ Казимирѣ, Король Польскій, совокупясь съ Татарами, еще двѣ крапы поднималѣ дерзновенную руку свою на Россію и въ такое при помѣ время, когда просилѣ ее о вѣчномѣ съ Польшею мирѣ; но каждое изѣ оныхѣ вѣроломныхѣ предпріятій обращалосѣ ему во вредѣ. Въ первую изѣ сихѣ браней Литва была завоевана, городѣ Кайданѣ, славный своими училищами, былѣ взятѣ, и двумя тысящами супостатовѣ покрыто было мѣсто побоища. Во вторую бранѣ Татары узнавѣ о приближеніи Россіихѣ войскѣ, предались бѣгству; а Король Польскій претерпѣвѣ у Десны великій уронѣ, едва, едва самѣ избѣгнулѣ плѣна (47). Новыя добычи пріобрѣла Россія въ награду за сіе двукратное рапоборство: берега Волги и Камы населены были новыми плѣнниками.

Но тогда, какѣ Самодержецѣ Московскій каралѣ Польшу за ея неправды, вступилѣ въ оную и Король Шведскій.

не предваря Царя о томъ нимало. Онъ безстыдно воспользовался великимъ завоеваніемъ подъ звукомъ оружія Московскаго побѣдоносца. Тогда-то достоверно обнаружилось коварство Гогеа не токмо противъ Польши, но и противъ Россіи, и тогда-то, во всѣхъ случаяхъ справедливый, коварства не терпящій, Россійскій Царь-Ирой принужденъ былъ объявить войну непріязненному Карлу Густаву (48).

Государь отправа одну часть воинства въ Лифляндію подъ военачальствомъ храбраго Князя Долгорукаго, съ другою частію онаго самъ подвигся, и къ Ригѣ направилъ шествіе свое, которое также ознаменовано было скорыми побѣдами. Нишанцѣ, Дерптѣ, Нарва и другіе грады тоя страны покорились Россійскому порфириносному Випязю. Онъ облеге уже и Ригу. Что же возпрепятствовало ему тогда въ семъ несомнѣнномъ градоимствѣ? Неблагодарность иноплемянниковъ въ Россійскихъ полкахъ нахо-

дившихся. Забывъ щедрости и благость, Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ имъ оказанныя, здѣсь они ему измѣнили (49). Приключеніе сіе само собою обнаруживаешь, коль велика разность есть между наемникомъ и сыномъ отечества. Измѣна сія не только была Государю вредна, сколько чувствительна, и токмо что на сей рабъ основана его побѣды; но домашнія бѣды принудили его возвратиться къ предѣламъ своего царства. Да, онъ возвратился въ Россію, но покоривъ подъ державу свою многіе грады съ тысящами цѣлныхъ и съ новою славою. Царь поразилъ Готевъ такимъ страхомъ и ужасомъ, что они прибѣгли просить у него мира, который заключилъ онъ, преклоненъ бывъ къ тому посредствомъ Римскаго Цесаря (50).

Послѣ сихъ побѣдъ Царь мешалъ громъ на Поршу, и побіеніемъ у Азова войскъ Агарянскихъ смирилъ онъ гордость Султана; а между шѣмъ хищ-

ные Таттары попраны были подѣ Севскимъ и изгнаны изѣ предѣловъ Россійскихъ; между тѣмъ укрощены были возмущившіеся Башкирцы, Царевичъ Сибирскій и потомки Гунновъ (51). Всѣ сія рашныя дѣйствія доставили Россіи великое приращеніе и славу. Всему же оному было виною благоразуміе Монарха.

Во время сихъ бурныхъ непогодъ и другихъ безчисленныхъ государственныхъ трудовъ неутомимый Монархъ создалъ въ Сибири спроевые спрѣлецкіе полки и полки всадниковъ (52); и шамъ же въ Сибири основывалъ еще новыя пользы отечеству. Подобно искусному соорудителю машинъ, приводящему въ движеніе единымъ прикосновеніемъ своимъ пружины, далеко отъ средоточія устроенныя, дальновидный Царь ободряя вспоможеніемъ и наградами отважныхъ Россійскихъ мореходцевъ и спранспователей, рукою предприимчиваго Хабарова покорялъ Дауровъ купно съ различными языками, живущими по берегамъ рѣки

Амура (53), а рѣшимость и иройское опасносшяиъ сопротивленіе Росскаго Магеллана, мореходца Дешнева, царскимъ благоволеніемъ одушевляемаго, присоединяли къ Московской Державѣ отъ вѣка невѣдомые острова Ледовитаго Моря, и пролагали путь остроумнымъ замысламъ прозорливаго Монарха на безвѣстный доселѣ полнотный край Америки (54).

Царю Алексію Михайловичу обязаны мы непрестаннымъ благодареніемъ за его ратные подвиги; ибо присоединеніемъ къ Россіи древнихъ ея Княжесшвѣ, всѣми благами природы изобилующихъ, обширнымъ разпространеніемъ ея предѣловъ, обузданіемъ сварливыхъ сосѣдей толь много содѣйствовалъ онъ могуществу и славѣ потомства на грядущія по немъ времена, что и доднесь еще сіе ощутительно; и тако по всей справедливости Державному Вишязю нашему за достохвальное рапоборство его принадлежишь шило Совокупишеля Отечества.

Но внѣшніе сопоставы не столь были злотворны, сколько враги внутренніе, и ратные труды не столь Государю были тяжки, сколь домашнія несчастія. Потребна была вся бодрость великаго духа, дабы не предаться унынію при появленіи самыхъ разительныхъ бѣдствій, и удержатъ всю громаду государственнаго зданія, имѣ воздвигнушаго, не токмо отъ близкаго паденія, но еще и въ желаемомъ устройствѣ. Къ тому же колико чувствительна должна быть благородному сердцу премѣна друзей, во зло употребившихъ довѣренность! Въ достопамятныхъ твореніяхъ славнаго Херонейскаго мудреца ясно мы видимъ, что дни великихъ людей сопряжены съ великими злоключеніями. Жребій истиннаго Ироя — спрадась и подвижателься. Чѣмъ кто величественнѣе, тѣмъ болѣе шотъ удрученъ судьбою. Сыну славы она представляеть напасти, дабы побѣждалъ ихъ и укрѣплялся вящимъ мужествомъ, дабы преодолѣ-

вая зло, содѣлался дивомъ свѣта и предметомъ всего попомства. Кто хочетъ внити въ пресвѣтлый храмъ безсмертія, тому подлежитъ не подѣ гору спуститься, а возходитъ на вершину крутой горы, превыше облаковъ возносящуюся.

Ничто только не украшаетъ природу, какъ ясное сіяніе солнца, ничто только не улаждаетъ сердца людей, какъ милосердное правленіе человеколюбиваго Государя. Но солнце тогда не свѣтитъ, когда возстаетъ буря, и пламенные лучи его пресѣкаются черною мглою; тогда тучи скопляются, чудовидныя облака холмистыми грядами протягаются по воздушнымъ равнинамъ, и застилаютъ прекрасную лазурь неба; ревутъ громы, сверкаютъ во мракъ огненныя стрѣлы, шрещаютъ сокрушенныя перуномъ кедры, разсѣдаются кремнистыя скалы, и лице земли измѣняется. Подобно сему, когда нашугою отъ неправды сильныхъ оскорбленный

народъ бываетъ раздраженъ, возстаетъ спрашная буря многолюднаго смятенія; тогда разпросираняется ужасный мракъ общаго негодованія; жалобы и укору раздаются громогласно на сонмахъ и поржищахъ, и самое лучшее правленіе попрывается. Горе! горе! нарушителямъ народнаго спокойствія: они суть первыя жертвы. Примѣръ сему представляеть намъ злочестіе вельможи Морозова: оно произвело въ столицѣ пагубный мятежъ (55).

Морозовъ пользуясь отличною милостію Царя, объявля умомъ и могуществомъ своимъ всѣ государственныя пользы; онъ взалкалъ ненасытнымъ любостыжаніемъ, и стеснилъ торговлю и промышленность, уставя налоги, новыя поборы въ свой прибытокъ. Государь, едва вступившій тогда на престолъ, чпя въ бояринъ семъ и друга, и родственника, и слугу вѣрнаго, не чаялъ отъ него вредныхъ дѣлъ. Народъ игомъ Морозова ошягченный взволновался. Буй-

ная чернь въ свирѣпствѣ своемъ раз-
 терзала раболѣпныхъ сообщниковъ вель-
 можи сего, и просили у Царя, чтобы
 самъ началоположникъ зла былъ выданъ.
 Единая шокмо благость Монарха спасла
 его отъ смерти, и водворила въ пре-
 стольномъ градѣ тишину. Но спраш-
 ный мятежъ сей, какъ огонь, съ пыломъ
 и трескомъ сухое древо пожирающій,
 претекъ уже отъ Москвы въ Новгородъ
 и до Пскова. Вознеистовавшая Нов-
 городская чернь подъяла грѣховныя руки
 свои на освященную главу великаго Іе-
 рарха Никона, хотѣвшаго удержашъ кляш-
 вонарушишелей гласомъ вѣры и закона.
 Мятежники вознамѣрились предать гра-
 ды Королю Шведскому, или Польскому.
 Предательство такое легко могло бы со-
 вершиться, естли бы промыслъ Выш-
 няго не избавилъ отъ явныя смерти до-
 снославнаго Никона. Избиенный, обогрен-
 ный потоками крови своея, еле дыщу-
 щій предсталъ онъ сонмищу буйствую-
 щихъ, и наконецъ боговдохновеннымъ увѣ-

щаніемъ укропиль неистовую онаго ярость. Яко богоподражательный Архипаспырь, онъ просилъ злодѣямъ свои смертельныя раны, и еще ходапайствовалъ за нихъ у престола. Милосердіе Монарха спократъ полезнѣе было спрогости: мгновенно оно обратило народъ къ разкаянію. Самъ опытъ доказалъ здѣсь, что Государь чѣмъ милосердѣе, тѣмъ могущественнѣе.

Но сердце Царево пронзено было двумя острыми стрѣлами, погибелію въ мясежѣ многихъ невинныхъ и невѣрностию друга. Едва ли что сравнишься можетъ съ тѣмъ прискорбіемъ, какое наноситъ душѣ чувствительной злоупотребленіе довѣренности? Изъ сего кровію написаннаго въ нашей исторіи событія потомство зреть, коликихъ бѣдъ стѣнитъ опечеству преткновеніе вельмож! Морозовъ одаренъ былъ рѣдкимъ умомъ и отличными достоинствами, что привлекло къ нему безпредѣльную любовь Государя, которая достави-

да ему великую честь вступить съ нимъ въ кровныя узы. Россія, можетъ быть, узрѣла бы въ немъ другаго Годунова, ежели бы сидѣлъ на престолѣ вмѣсто Царя Алексѣя Михайловича другой Царь Θεодоръ. Недолго блисталъ Морозовъ своими превосходными дарованіями; коль скоро злопо ослѣпило его очи, мгновенно онъ упалъ съ высоты чести, и — въ поученіе сынамъ счастья — остался на вѣки живъ своимъ собственнымъ позоромъ (56).

Не успѣло утихнуть народное волненіе, какъ явились два самозванца. Первый Лжешуйскій, которому въ Константинополь, въ Римъ и Виртембергъ даваемо было пристанище, яко настоящему царевичу, наслѣднику Россійскія Державы, и который особенно уваженъ былъ Шведскою Королевою Христиною. Вторый новый Лжедимишрій, слѣдуя по стопамъ прежняго Лжедимишрія, прибѣгнулъ подъ кровъ Польши. Но мудрая предосторожность Монарха, нашедъ сихъ

изверговъ еще за предѣлами отечества, привела ихъ въ Москву, представила ихъ въ почномъ видѣ народу, и предала суду онаго: мечъ правосудія пресѣкъ грубую нишь ядовитаго бытія ихъ: успокоились шаткіе умы и умы, легковѣрные (57).

За симъ три краты свирѣпствовала въ Россіи и даже въ самой столицѣ морская язва. Царскій домъ былъ въ опасности. Лютое зло сіе губило Москву и прочія области въ самыя шѣ времена, когда Государь носилъ громъ на сопровождающихъ; когда пожиналъ онъ лавры въ странахъ Шведскихъ и Польскихъ. Колького ему стоило труда защищать отечество отъ и спасти оное отъ ужасныхъ бѣдъ внутри! Коль рѣдкое мужество явилъ онъ тогда! Во глубинѣ преогорченного сердца болѣзновалъ онъ о страждущей Россіи и сокрушался о семействѣ своемъ, окруженномъ явнымъ бѣдствіемъ, но при томъ искусно разпоряжалъ бранными дѣйствіями. Горькая

печаль не возмогла спѣснить великаго духа его: единою рукою подавалъ онъ помощь опечеству, другою побѣждалъ утѣснителей онаго (58).

Напастъ сія возпрепятствовала успѣхамъ оружія Россійскаго въ Швеціи паче всякой иной причины; ибо измѣна невѣрныхъ намъ иноплеменниковъ, въ полкахъ нашихъ находившихся, не возпрепятствовала бы Московскому Царю шествовать къ побѣдѣ исполинскимъ шагомъ; съ нимъ были его вѣрные, его храбрые Россіяне. Что могло бы на землѣ противъ ихъ силы устоять? Но домашняя напастъ принудила его учинить перемиріе съ Карломъ Густавомъ и возвратиться въ столицу. Государь долго оплакивалъ многочисленность тѣхъ жертвъ, кои свирѣпая язва изхитила изъ разныхъ мѣстъ царства его.

Еще не успѣлъ онъ успокоиться на лаврахъ своихъ опѣ воишельскихъ подвиговъ, какъ новое неожиданное огорченіе обременило его попечительный духъ. Ра-

звнѣ, чудовище Дономъ изрыгнутое, послѣдуемый пмочисленнымъ скопищемъ душегубцевъ, открылъ разбой по Волгѣ и на водахъ Каспійскихъ. Злодѣи облегли Астрахань, овладѣвъ ею, потопили градъ сей въ крови гражданъ, и къ довершенію своего губительства сжегъ корабль Орелъ со всѣми мѣлками судами. Потомъ разпространилъ свое звѣрское свирѣпство и грабительство до Симбирска; разбойническія толпы всюду имѣ по Россіи разосланныя, какъ главы Идры размножаются, опустошаютъ веси и грады, губятъ людей и нудятъ ихъ преклоняться къ мятежному съ ними единомыслию. Зло сіе приближалось уже къ столицѣ. Сіе новое бѣдствіе причинило Монарху немалую печаль, которая потому еще болѣе тягостна была чловѣколюбивому сердцу его, что надлежало ему отправлять воинство изъ Россіи въ Россію же, и повелѣть подданнымъ ипши на подданныхъ. Къ довершенію великой мѣры сего огорченія Царь видѣлъ, что

изпробленіемъ корабля и всѣхъ судовъ погублено возжелѣнное имъ начало Россійскаго флота. Но уже спремются смертоносные перуны правосудія Царскаго прямо на злодѣйское чело Донскаго изверга: онъ погибъ (59). Но ужели еще не совсѣмъ погибъ? О прискорбное возпоминаніе! еще оспавалося по немъ гнусное его отродіе, разбойникъ ему подобный появился на Волгжскихъ водахъ: возникъ другой губитель и возобновилъ старыя бѣдствія. Монарху споио сугубыхъ болѣзней кровопролитіе симъ извергомъ причиняемое и сугубыхъ заботъ, чтобы изпробить сіе чудовище, а купно съ нимъ и весь оспапокъ Разина, ехиднина гнѣзда.

Водворивъ покой и безопасность въ странахъ, бѣдами постигнушихъ, Монархъ, непоколебимый въ своихъ великихъ намѣреніяхъ, паки предприемлетъ строеніе флота; желая видѣть Россійскіе корабли преподающими чрезъ пучины Бѣлаго и Каспійскаго морей, онъ паки призываетъ

кораблестроителей изъ разныхъ Государствъ; но таинственнымъ промысломъ Вседержителя опредѣлено сіе начинаніе произвести и довершить со славою безсмертному сыну его Петру Іму. Изумленная же достохвальными дѣлами Царя Алексѣя Михайловича Европа мнила, что онъ при жизни своей успѣетъ привести Россію въ самое цвѣтущее состояніе (60).

Посреди всѣхъ золъ Царь Алексѣй Михайловичъ почерпалъ утѣшенія душевныя скорби своея въ мудрыхъ бесѣдахъ великаго Никона. За превосходный умъ, за преизящныя душевныя качества, за ревностныя услуги человечеству, отечеству и дому Царскому оказанныя, Государь возвелъ его на вышшій степень священительскаго сана. Познавъ Никона еще въ скудной долѣ, Царь толико возлюбилъ его, что вознамѣрился раздѣлить съ нимъ величество и власть: по желанію Самодержца Никонъ возходитъ на Патриаршескій престолъ. Честь таковая дѣйств-

Часть V.

9

випельно долженствовала принадлежать мужу одаренному отъ природы дивными достоинствами. Обширный умъ и добродѣтели возводятъ Никона изъ бѣдной доли поселянина на высокій Патріаршескій степенъ. Никонъ очищаетъ предрасудки, погружавшіе народъ въ слѣпое изувѣрство, начерпываетъ духовные устави, пишетъ исторію опечесства. Во всѣхъ трудахъ видно глубокое знаніе закона Божія, мудрость опытами изкушенная и духа величіе. Монарху пріятно было любить въ Никонѣ друга, и друга сего видѣть себѣ равнымъ. Узы дружества столь твердо соединяли ихъ, что казалось, будто они оба сущесствовали единою душою. Но въ семъ превратномъ мірѣ есть ли что премѣнамъ неподверженное? Развалины градовъ, разрушеніе царствъ свидѣльствуютъ, что въ подсолнечной ничего нѣтъ пвердаго, ничего нѣтъ постояннаго: и Никонъ измѣнился: исчезаетъ въ немъ мудрецъ Боговдохновенный, является высокосердый любовла-

стишель. Забывъ свое происхожденіе, и возгордясъ Папріаршескою честію, онъ по потребовалъ у Царя первенства. Коль несказанною гореспію отправилъ онъ грудь вѣнценоснаго друга! Возстаютъ между ими при, возрастаетъ раздоръ, вредными слѣдствіями угрожающій. Великодушный Монархъ тщится еще обрѣсти въ Никонѣ Богомудраго Святителя и прежняго друга; но обрѣтаетъ токмо челоуѣка падшаго, непомѣрною страстію честолюбія обуяннаго; обрѣтаетъ токмо друга вѣроломнаго, неблагодарнаго. Благо общее потребовало отъ Царя, дабы онъ распался съ высокосердымъ Папріархомъ: и Никонъ низведенъ Соборомъ съ превыспренности своей (61). Добродѣтельному Государю прата великаго челоуѣка и друга была несносна: она ввергнула его въ глубокую печаль. Монархъ, умѣющій чувствовать цѣну необыкновенныхъ людей, паденіе великаго мужа почитаетъ собственнымъ несчастіемъ: ибо видитъ въ томъ ничѣмъ ненаградимую для всего общества потерю.

Вотъ какowymi бѣдствіями и печаліями поражаемъ былъ Царь Алексѣй Михайловичъ! Но всѣ удары судьбы не могли поколебать мужественнаго духа его. Посреди войны кровопролитной, посреди возмущенія народнаго, смертоносныхъ заразъ и измѣны друзей не преставаеъ онъ заниматьса утвержденіемъ счастія Россіи. Сожалея о превратности людей, онъ не преставаеъ любить ихъ, миловать, награждать достойныхъ; онъ не скучалъ искать добродѣтельныхъ. Бояринъ Матвѣевъ, неизмѣнныя вѣрности мужъ, обогащенный всѣми оными благороднѣйшими качествами, которыя составляютъ человека Государственнаго, замѣнилъ ему собою потерю и Морозова и Никона. Сей искусный политикъ, усердный сынъ отечества, вѣрный слуга Царю, оправдалъ царскую къ нему любовь непреткновенною доблестію, и мудрыми своими съ Царемъ бесѣдами облегчалъ бремя вѣнца въ послѣднія лѣта самодержавія (62) Государя, Благодѣтеля своего и Благодѣтеля цѣлой Россіи.

Весьма въ рѣдкихъ Государяхъ толико соединялось высокихъ качествъ, совершеннаго Монарха составляющихъ, сколько преизбыточествовалъ оными Царь Алексѣй Михайловичъ (63). Само время царствованія его повѣдаетъ намъ о его истинныхъ достоинствахъ, о его славныхъ дѣлахъ, о его великихъ предпріятіяхъ. Законы, имъ начертанные, вѣщаютъ, что онъ одаренъ былъ превосходною мудростію, удивительною прозорливостію, примѣрнымъ милосердіемъ. Древнія княжества, возвращенныя имъ Россіи, добровольное подданство Царей и Ироевъ съ цѣлыми народами, и пустыни многолюдствомъ населенныя гласятъ, что онъ былъ строитель Государства, заступникъ и побѣдитель мужественный. Основаніе Академіи, флота, фабрикъ, рудоплавлененныхъ заводовъ, возстановленіе спроевато воинства, внутренней и внѣшней торговли, свидѣтельствуютъ, что онъ былъ Государь просвѣщенный, дѣятельный зиждитель общесивенныхъ

благъ. Неупомимое попеченіе о правосудіи, свободный доступъ и снисходительное вниманіе ко гласу бѣдныхъ и сирыхъ удостовѣряють, что онъ былъ нѣжный отецъ народа своего, сладчайшею людямъ кротостію нрава украшенный. Дозволеніе исповѣданія всѣхъ вѣрѣ и законъ имъ изданный ради изкупленія плѣнныхъ Христіанъ показываютъ, что онъ былъ другъ человѣчества. Приверженность его къ Богу удостовѣряетъ, что онъ былъ Государь благочестивый и благодѣтельный въ полномъ смыслѣ слова сего, и что мудрое Богопочитаніе было душою всѣхъ иройскихъ его добродѣтелей. Словомъ, все намъ представляетъ, что Царь Алексѣй Михайловичъ имѣлъ цѣлю своихъ желаній, предпріятій и дѣлъ благополучіе отечества, которое безъ сомнѣнія вознесъ бы онъ на самый верхъ счастья и славы, если бы преждевременная смерть не пресѣкла златую, драгоценную нить дней его. Тридцать лѣтъ и шесть мѣсяцовъ царствовалъ онъ въ

трудохъ непрестанныхъ, по созидая, по сохраняя, по подкрѣпляя благоденствіе Россіи; преходя же къ вѣчному, райскому, непревратному блаженству, онъ оставилъ по себѣ прекраснѣйшее имя Царя добродѣтельнаго, единогласную отъ всѣхъ своихъ подданныхъ хвалу, уваженіе отъ лучшихъ державъ Европы, и почтеніе отъ самыхъ враговъ Россіи.

Къ неизрѣченной печали всѣхъ Россіянъ и всѣхъ народовъ, подъ Московскою державою блаженствующихъ, Царь Алексѣй Михайловичъ скончался 1676го года Генваря 30 дня, имѣя отъ рожденія 46ть лѣтъ, оставя Царство свое спокойнымъ и устроенымъ внутри, спрашнымъ и достопочтеннымъ отъ внѣ, и доказавъ своимъ примѣромъ, что власть самодержавная хотя и безпредѣльна, но въ рукахъ Владыки мудраго и милосердаго есть власть самая лучшая изъ всѣхъ власпей въ мірѣ.

Я умалилъ бы величіе сего преславнаго Монарха, ежели бы осмѣлился

только уподобить его которому несть изъ шѣхъ приснопамятныхъ вѣнценосцевъ, коими Греція и Римъ превозносятся; но скажу рѣшительно, что Царь Алексѣй Михайловичъ равенъ всѣмъ великимъ Государямъ, а подобенъ Божеству милующему человечество. Въ прочемъ, если бы онъ былъ и Царь обыкновенный, то уже сіе единое содѣлываетъ его безсмертнымъ, и обязуетъ вѣчною благодарностію все потомство, что онъ родилъ Петра, что онъ даровалъ въ немъ отца отечеству. Благословимъ же имя его, а съ нами купно да прославятъ оное всѣ сыны Россіи и сыны сыновъ ихъ! Доспочестная память его да сохранится изъ рода въ родъ, доколѣ сіяетъ солнце, доколѣ продлится бышіе вселенныя!

К о н е ц ъ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

- (1) Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго.
- (2) Царей Грузинскихъ.
- (3) Царь Алексѣй Михайловичъ родился въ 1630 мѣ году, на Царство вступилъ 1645 Сенсбря 28го дня. См. ядро Россійс. Истор. Кн. VII. глава. V. и древней Россійс. Вывлюенки час. VII, стр. 234.
- (4) Вотъ, какъ описываетъ Баронъ Майербергъ Московскаго Самодержца.

„Царь Алексѣй Михайловичъ роста
„средняго, кругль шѣломъ, лица благо-
„пріятнаго, щеки у него румяныя,
„волосы свѣтлорусые, борода красивая,
„шѣломъ ирѣпокъ, но ирѣпость сію осла-
„бятъ шучность его, естѣли онъ ошод-
„стѣетъ въ продолженіе лѣтъ, коихъ
„ему теперь не болѣе збти. Душевныя
„дарованія его превосходны, шакъ, что
„жалъ, что науки не образовали сіе сча-
„стливое разположеніе. Онъ ирѣтокъ,
„милостивъ, и склонивъ въ пощадѣ, не-
„желди ко ищенію. Естѣли не будущъ
„иѣшатъ его склонности, то онъ миро-
„любивъ. Вѣрѣ своей весьма покоренъ
„и душевно набоженъ. Часто бываетъ
„въ церквахъ на Богослуженіи съ великимъ

„благоговѣніемъ, а нерѣдко и дома вставъ
 „сѣ постели молятся сѣ земными по-
 „клонами даже до разсвѣту дня. Удиви-
 „тельно наипаче то, что при всемъ са-
 „мовластїи, къ коему привыкъ народъ и
 „Государи Рускіе, онѣ не покушается
 „ни на чье имѣніе, ни на чью жизнь и
 „честь. „ Описаніе сіе на Латинскомъ
 языкѣ; оно находится въ книгѣ путеше-
 ствія въ Россію Августина Барона
 де Майерберга, Имперской Камеры Над-
 ворнаго Совѣтника, и съ нимъ Гора-
 ція Вильгельма Калунція Кавалера и Ав-
 стрійскаго Совѣтника посланныхъ отъ
 Римскаго императора Леопольда къ
 Царю Алексѣю Михайловичу въ 1661 мѣ
 году. (iter in Moscoviam Augustini Liberi
 Baronis de Mayerberg pag 61).

- (5) Дополненіе къ дѣянїямъ Петра Великаго,
 Томъ 3. стр. 4. 5. 7.
- (6) Тамъ же стр. 10 и 11, а въ 457 й статьѣ
 на 160й стр. Наказа Коммисіи даннаго
 о сочиненїи законовъ Великою ЕКАТЕРИ-
 НОЮ сказано:

Слогъ уложенїя блаженныя памяти
 Царя Алексѣя Михайловича по большей
 части ясенъ, простъ и кратокъ; сѣ удо-
 вольствїемъ слушаешь, гдѣ бывають избъ
 него выписки; никто не ошибается въ
 разумѣнїи того, что слышатъ; слова
 въ немъ вѣщны и самому посредствен-
 ному уму. „

- (7) Въ древней Рос. Вивлюеикѣ стараго изданія, Час. VII. стр. 433.
- (8) Грамата сія издана была 1654 года. Древ. Рос. Вивл. Част. VIII, стр. 102.
- (9) Допол. къ дѣян. Петра Великаго, Томъ 3, стр. 138 и 139. Но о семъ въ уложеніи Великаго Государя особенно 16я глава.
- (10) Первая рублевая монета чеканена изъ Голландскихъ ефимковъ 1648 года. Допол. къ дѣян. ПЕТРА Великаго Част. 3, стр. 32.
- (11) Построеніе Пензы, см. той же книги стр. 119 я.
- (12) Той же книги стр. 139.
- (13) Тамъ же стр. 4 и 5 см. примѣчаніе.
- (14) См. Древ. Рос. Вивлюеики Част. XVIII. Житіе милостиваго мужа Феодора Ршищева стр. 410 и 411.
- (15) Царь учредилъ при дворѣ своемъ Совѣтъ изъ вѣрныхъ и умныхъ боярѣ состоящій, съ кошорыми почти ежедвезно разсуждалъ о дѣлахъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Допол. къ дѣян. ПЕТРА Великаго, Том. 3, стр. 98 и 177.
- (16) Тамъ же стр. 153 и 154.
- (17) Въ Кишай посланъ былъ Федоръ Ивановичъ Байковъ; въ Венецію стольникъ и намѣстникъ Переславской Иванъ Ивановичъ Чемодановъ; во Флоренцію Лихачевъ; въ Гишпанію и Францію Стольникъ и Намѣстникъ Боровской Пешръ

Ивановичъ Пошекинъ. Древ. Рос. Вивлиоики Част. IV. стр. 120, 142, 339, 360, 457. О важности и причинахъ сихъ по-сольствъ см. Допол. къ дѣян. ПЕТРА Великаго Том. 3, стр. 39, 41, 85, 126, 127, 128, 129.

(18) Древней Рос. Вивлиоики Част. III, стр. 463. Введеніе о строеніи перваго въ Рос-сіи корабля, именуемаго Орелъ, и проч. Читатель увидишь, какіе были чины на кораблѣ, и сколь большое по тогдашнему времени получали они жалованье. Допол-неніе къ дѣян. ПЕТРА Великаго Том. 3, стр. 101.

(19) Историческое изображеніе Грузіи стр. 29.

(20) О избраніи Царя Алексѣя Михайловича на Королевство Польское и Княженіе Литовское, вотъ, что находится въ Древ. Рос. Вивлиоикѣ Част. III, стр. 319 и 320.

„Того же года (т. е. 1656го Оштом-
 „врія 30 дня) приде вѣсть о перемиріи
 „людей Польскихъ и Литовскихъ съ Ру-
 „скими по сѣвѣдѣ, бывшемъ подѣ Виль-
 „ною, на немъ же Царь православный
 „Алексѣй Михайловичъ (и наследники его)
 „избранъ на Королевство Польское и ве-
 „ликое Княженіе Литовское, да по смер-
 „ши Казимира Короля самъ и наследники
 „его державствуютъ и проч.

За симъ сѣдуетъ здравствование или поздравленіе, въ которомъ между прочимъ Царь именуется: *Монѣ же благодатию Божією нарѣченный Королю Польскій и Великій Княже Литовскій*. Господи́нь Голиковъ пишетъ въ 3мъ томѣ дополненія къ дѣяніямъ ПЕТРА Великаго на стр. 70 въ примѣчаніи, что всѣ о томѣ рукописи хранятся въ Патріаршей Библіотекѣ подѣ No 121.

Царь находился тогда въ Полоцкѣ, и по выслушаніи благодарственнаго о семъ избраніи молебствія отправился въ Витебскъ Ноября 2го дня, того 1656 года.

- (21) Царь Теймуразъ былъ въ Москвѣ 1658 го года. Древ. Рос. Вивл. Част. VIII стр. 109.
- (22) Дополненіе къ дѣян. ПЕТРА Великаго Том. III, стр. 33 и 36.
- (23) Поляки сіи были: Сумской, Ахтырской, Харьковской, Изюмской и Острожской. шмѣ же, стр. 84.
- (24) Той же книги на той же страницѣ о семъ сказано въ примѣчаніи подѣ знакомъ (*).
- (25) Деньги на изкупленіе пѣнныхъ Христіанъ собиралися въ Посольской Приказѣ. Уложенія, глава осьмая о *изкупленіи пѣнныхъ*. О свободномъ изповѣданіи вѣрѣ, см. Допол. къ дѣян. ПЕТРА Великаго, Част. III. стр. 152 и 153.

(25) Владимірѣ Іѣ и сынѣ его Ярославѣ Іѣ приказали перевести многія книги на Славянской языкѣ и завели училища. Еще въ 12мѣ столѣтіи въ Россіи (въ Смоленскѣ) обучалось юношество Греческому и Латинскому языкамѣ. Многіе изѣ Князей Рускихѣ говорили по Гречески и по Латини, какѣ на прим: Великій Князь Ярославѣ, см. Тапищева Ист. Том. 2, стр. 106я. Князь Михаилѣ Юрьевичѣ Владимірскій, Князь Ярославѣ Галицкій, Романѣ Смоленскій, Святополкѣ Новгородскій и Константинѣ Бѣлорускій. Всѣ они уважали науки и старались о разпространеніи оныхѣ. Владимірѣ Мономахѣ въ духовной дѣтямѣ данной говорилѣ, что родителѣ его Всеволодѣ зналъ пять языковѣ (не выходя изѣ дома своего.) Два Великіе Іоанна вмѣстѣ съ побѣдами своими приумножили народное просвѣщеніе: они выписывали изѣ Италіи и Германіи ученыхѣ людей, художниковѣ и ремесленниковѣ. Царѣ Іоаннѣ Грозный содержалѣ ученыхѣ людей подѣ особымѣ своимѣ покровительствомѣ и въ 1564мѣ году учредилѣ въ Москвѣ книгопечатаніе, для обученія Россійскаго юношества Латинскому и Нѣмецкому языкамѣ учредилѣ въ Новѣ городѣ и Псковѣ Гимназіи. Потомѣ Годуновѣ особое прилагалѣ попеченіе о разпространеніи и утвержденіи наукѣ въ Россіи, онѣ повелѣлѣ сдѣ-

дати первую ландкарту о Россіи, онъ посылалъ 18 ть благородныхъ юношей въ чужіе края для обученія разнымъ языкамъ и наукамъ, онъ выписалъ въ Россію Математиковъ и прочихъ ученыхъ мужей. Джону Дею Англинскому Математику онъ предложилъ болѣе 10000 въ годъ жалованья. Сверхъ всего того, что говоритъ о семъ наша исторія, пишетъ о томъ же и Бакмейстеръ въ своемъ опытѣ о Библіотекѣ и Кабинетѣ.

- (27) Господинъ Голиковъ въ 3мъ томѣ доп. къ дѣян. ПЕТРА Великаго на стр. 61й утвердительно говоритъ, что Царь Алексѣй Михайловичъ возвращаясь изъ подъ Смоленска въ Москву 10 Декабря 1655го году, положилъ основаніе къ заведенію Заиконоспасской Академіи словесныхъ наукъ: сіе подтверждается жалованною Царемъ Феодоромъ Алексѣевичемъ о заведеніи сего Академіи грамотою, въ которой сказано точно сими словами: „и по согласію (съ Патріархами Паисіемъ и Макаріемъ въ Москвѣ бывшими) „великославныя памяти со отцемъ нашимъ великимъ Государемъ, Царемъ и „Великимъ Княземъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ лѣто отъ созданія міра 7176 (1655) на славу Божию разными діалектскими, Греческимъ, Славянскимъ и Латинскимъ, ученію здѣ въ Россіи быти благоволившихъ и проч. Древ. Рос. Вив.

Част. VI. стр. 400 и 401. Начертаніе обученія, каковое должно преподаваться въ сей Академіи, самое прекраснѣйшее; изъ онаго видѣть можно, какъ пеклись и въ шарину о лучшемъ воспитаніи, и что точно знали, въ чемъ заключается настоящее просвѣщеніе. Юношество не было слабо взрѣемо чужестранцамъ; но готовилося для сущей пользы отечества: къ сему принадлежатъ и историческое извѣстіе о Московской Академіи. См. Древ. Рос. Вивл. Част. XVI стр. 295.

- (28) Жизнь сего добродѣтельнаго ученаго и близкаго къ Царю Боярина описана подробно въ Рос. Вивл. Част. XVIII, стр. 396. Онъ построилъ Спасопреображенской монастырь, собралъ туда ученыхъ монаховъ изъ разныхъ мѣстъ и основалъ ученое общество, гдѣ преподавались высокія науки и знаніе языковъ; переведены были многія книги на Славянской языкъ, и сочиненъ былъ первый Лексиконъ языка Славенскаго и Греческаго и иныхъ языковъ.
- (29) При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ приведена въ лучшее состояніе Московская Типографія, и въ 1663мъ году напечатана въ оной по его повелѣнію исправленная Библия. Вотъ, что напечатано въ жизни Епифанія Славеницкаго: Святѣйшій Никонъ Патріархъ нача съ Греческихъ

правити книги Славенскія по шого же мудрѣйшаго Іеромонаха Епифанія разсмопрѣнїю, и возвѣщая, яко книга Липтургіарій премного не согласоваше въ самомъ Священнодѣйствїи съ Греческимъ свяшья Липтургіи, и тако мало по малу мудраго и православнаго Епифанія слова дойдоша въ слухи и самаго благочестивѣйшаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, что въ Славенской Библии премногая суть погрѣшенія въ рѣченіхъ и разумнїи, не отъ хитрости, но отъ простишы и невѣденія, и несогласіе величайшее съ Еллинскою седмидесятнхъ переводниковъ, переведшихъ древле при Птоломѣѣ Филадельфѣ Египетскомъ Царѣ, . . . и лѣта 7182 (ш. е. 1673) въ мѣсяцъ Септемврїи Царь Алексѣй Михайловичъ познавъ истинное отъ неправого, указалъ, а священный Соборъ благословилъ преводити Библию всю вново ему Іеромонаху Епифанію Славяницкому съ книгъ Греческихъ самыхъ седмидесятнхъ преведенія, во Франкфуртѣ печатанныхъ въ десть, лѣта 1600, и съ другихъ въ Лондинїи печатанныхъ лѣта 1600, изданія лѣта 1587. Надзираніе за симъ поручено было Павлу Мишрополишу Сарскому и Подонскому. См. Другъ Просвѣщенія 1806 года мѣсяцъ Септябрь, стр. 217, 218, и 219.

(30). Допол. къ дѣян. ПЕТРА Великаго Том. III. стр. 155 и 156. Въ розрядныхъ запискахъ 1676го году находится слѣдующее: „Была комедія въ Преображенскомъ, „пѣшили великаго Государя иноземцы, „какъ Алаферна Царица Царю голову „отсѣкла, и на органахъ играли Нѣмцы, „да люди дворовые Боярина Артамона „Сергѣевича Матвѣева. Тогожъ году „другая комедія тамъ же, какъ Артакъ „серсѣ велѣлъ повѣсить Амана, и въ „органы играли, и на фіолахъ, и въ ин- „струменты и танцовали. Въ шрешіе „тамъ же пѣшили Великаго Государя „на заговѣннѣ Нѣмцы и люди Артемона „Сергѣевича на органахъ и на фіолахъ „и на инструментахъ, и танцовали жъ „всякими пошѣхами разными.“

(31). Епифаній Славеницкій Иеромонахъ, мужъ славный свѣденіями въ Греческой и Латинской словесности. Бояринъ Ртищевъ вызвалъ его изъ Кіевопечерской Лавры съ прочими учеными монахами и поручилъ ему смотрѣніе надъ ученымъ обществомъ изъ 30ти братій составленнымъ. Подъ его надзоромъ переведено было множество книгъ съ Греческаго языка на Славянской. Самъ Епифаній сочинилъ полярный Грекославенолатинской Лексиконъ, Лексиконъ философическій, и занимался другими поучительными сочиненіями. Уваженіе къ нему отъ со-

временниковъ его столь было велико, что они при всѣхъ ссылакахъ на его сочиненія именовали его мужемъ мудрымъ много ученымъ и проч. Жизнь сего ученаго мужа подробно описана Преосвященнымъ Евгеніемъ, Епископомъ Старорускимъ, и напечастана въ журналъ подъ названіемъ: *Другъ просвѣщенія*, 1806го года мѣсяць Сентябрь стр. 213.

(32). Симіонъ Полоцкій Іеромонахъ находился при Дворѣ Царя Алексѣя Михайловича, былъ учителемъ сына его Θεодора Алексѣевича. Въ свое время онъ первый былъ Великороссійскій Стихотворецъ. Сочинялъ много духовныхъ книгъ и нѣсколько драмъ, которыя были при Дворѣ играны. Весьма былъ сладкорѣчивъ въ своихъ духовныхъ прозаическихъ сочиненіяхъ, и первый подалъ Царю мысль къ заведенію Московской Академіи. Гениі Ломоносова и Сумарокова были его стихотвореніемъ. См. рассужденіе Третьяковскаго о древнемъ, среднемъ и новомъ Россійскомъ стихотворствѣ.

(33). Димитрія Ростовскаго можно причислить къ знаменитымъ людямъ времени Царя Алексѣя Михайловича; ибо онъ родился въ царствованіе его (въ 1651 году) и жилъ во дни Царя 27 лѣтъ: онъ гремѣлъ уже въ Россіи и по всѣмъ заграничнымъ православнымъ церквамъ своими проповѣдническими дарованіями.

Многіе монастыри и духовныя власти приглашали его къ себѣ. Еще при Царѣ Алексѣя Михайловичѣ отечеству былъ уже извѣстенъ въ немъ ученый и великій мужъ. Онъ былъ въ 1675мъ году Іеромонахомъ и Проповѣдникомъ въ Черниговскомъ Каѳедральномъ Соборѣ. См. Друга просвѣщенія 1806й годъ мѣсяць Май стр. 143я. Подробная лѣтопись отъ начала Россіи до Полшавской баталии изданная въ С. Петербургѣ 1799го года, въ 4й Части на 17 стр. вотъ, что говоритъ о немъ: „во дни благочестиваго „и Великаго Государя Алексѣя Михайловича въ счастливое его Царствованіе „бысть въ Россіи мужіе, благодатию „Божіею въ разумѣ просвѣщенніи, (Преосвященные) Симеонъ Полоцкій и Димитрій Ростовскій; оныя и звѣздное шеченіе знали. Симеонъ Полоцкій написа „книгу: Обѣдъ и Вечерю духовныя, и бѣ „учитель благочестиваго Государя Царевича Феодора Алексѣевича. Димитрій „Ростовскій житія Свяшыхъ собра, и „наименова Миней-Чешіи. Тія по вся ношци звѣздное шеченіе наблюдали, и многая какъ о Россіи, шавъ и о другихъ „Государствахъ предвозвѣщали.„ Но сказанное здѣсь о Димитріи Ростовскомъ не заслуживаетъ вѣрояшія; ибо сей Свяшый мужъ пріѣхалъ въ Москву изъ Кіева по призыву Государя ПЕТРА Перваго

въ 1701мъ году, что было гораздо спу-
 ская послѣ кончины Царя Алексѣя Ми-
 хайловича, приключившейся въ 1676мъ го-
 ду; и господинъ Штелинь въ Анекто-
 тахъ своихъ о ПЕТРѢ Великомъ придер-
 жался сей престонародной сказки.

- (34). Господинъ Шлецеръ, толкователь Не-
 сшора, пишетъ о Славянскомъ языкѣ
 слѣдующее: „Образованіе Славянскаго
 „языка началось еще въ 9мъ столѣтїи
 „переводомъ библии, и не съ Латинскаго,
 „но съ Греческаго языка, а потомъ и
 „многихъ другихъ книгъ, особенно исто-
 „рическихъ, законодательныхъ и церко-
 „вныхъ. И такъ изъ самаго ходу обра-
 „зованія можно видѣть, что Славенскій
 „языкъ есть одинъ изъ первѣйшихъ
 „образованныхъ языковъ въ свѣтѣ; ибо
 „образцомъ оному служилъ Греческой
 „языкъ, одинъ изъ совершенѣйшихъ, ка-
 „кіе только когда нибудь были, и о ко-
 „шоромъ въ сожалѣнію шеперь въ Россїи
 „такъ мало стараются. Славянскіе на-
 „роды начали обрабатывать языкъ свой
 „гораздо ранѣе, нежели другіе новѣйшіе
 „народы. Не увидимъ ли мы это, если-
 „ли рассмотримъ Нѣмецкой, Англинской
 „и Французской языки въ 13мъ и 14мъ
 „столѣтїи? Но большая часть новѣй-
 „шихъ Россїанъ стараясь хорошо гово-
 „рить и писать по Французски, оста-
 „вляютъ природной своей языкъ, не слѣ-

„дѣя прѣдѣлу предковъ своихъ ешюль
 „рано оной обрабошавшихъ, и забывающѣ
 „споль полезной для нихъ древній Сла-
 „вянскій языкъ.„ — Несторъ Руссische
 annalen in ihrer Slavonischen grundspra-
 che: verglichen von Schreibfehlern und
 interpolationen gereinig, erklart und
 überfetzä von *August Ludwig von Schlö-
 zer.*

- (35). Опытъ о Библиотикѣ и Кабинетѣ рѣде-
 косшей, Юганомъ Бакмейстеромъ, стр.
 25 и 26 я.
- (36). Весьма пространно бы было говорить
 здѣсь о томъ великолѣпнѣ, благоу-
 стройствѣ и богатствѣ Двора Царя
 Алексѣя Михайловича, о чемъ подробно
 описываетъ Графъ Карлъ Англинской
 Посоль, отправленный въ Россію отъ
 Карла II. Мыъ остаешся только сказать,
 что любопытный читатель можетъ ви-
 дѣть чрезвычайную каршину Царскаго
 Двора и угощенія при ономъ Посоль,
 въ Вѣстникѣ Европы подъ Но б и 7
 въ мѣсяцахъ Мартѣ и Апрѣлѣ издачныхъ
 1805го года, подъ спашью: *пошность
 двора Царскаго въ семнадцатомъ вѣкѣ.*
- (37). Допол. къ дѣян. ПЕТРА Великаго, Том,
 II, стр. 13.
- (38). Той же книги стр. 151 и 152.
- (39). Титулъ *Бѣлаго Царя* придеишся Рос-
 сійскимъ Монархамъ отъ Азіятскихъ на-
 родовъ. Когда они сѣ особеннымъ по-

чшеніемъ объ нихъ говоряшъ, или пишущъ къ нимъ, шо именуяшъ ихъ *Акъ Падеша*, ш. е. Бѣлый Царь. Въ прошеиъ, просиранное разсужденіе о семъ словѣ можно видѣшъ въ Ежемѣсячныхъ Академическиххъ сочиненіяхъ, 1763 года, въ Августѣ мѣсяцѣ на стр. 120.

- (40). Допол. къ дѣян. ПЕТРА Великаго, Томъ 3й стр. 4, 5, 10.
- (41). См. Histoire de la ligue Hansiatique par Mallet.
- (42). Ядро Россійской Исторіи кн. VII, Гла. V, стр. 405 и 406. Дополненіе къ дѣяніямъ ПЕТРА Великаго Том. 3, стр. 94 и 95й. Санкшпетербургской Вѣспникъ Часш. 5, стр. 435 и 436я.
- (43). Допол. къ дѣян. ПЕТРА Великаго, Том. III, стр. 33, 34, 35 и 36.
- (44). См. примѣчаніе 4.
- (45). Ядро Россійской Исторіи Кн. VII. Гл. V. Дополн. къ дѣян. ПЕТРА Великаго Т. III, стр. 41, 42, 43, 45, 46 и 47.
- (46). Допол. къ дѣяніямъ ПЕТРА Великаго въ томъ же томѣ стр. 72.
- (47). Той же книги стр. 78 и 79. и Ядро Рос. Исторіи стр. 402 и 403.
- (48). Допол. къ дѣян. ПЕТРА Великаго, Том. III, стр. 63, 66.
- (49). Той же книги стр. 68. Но помѣ, что пишешъ о семъ Майербергъ: „Что касаетъ ся до иносшранныхъ Полковниковъ и Коммандировъ, шо послыку они изъ

„низкихъ военныхъ чиновъ иностранной
 „службы вѣдугь у Рускихъ вступають
 „въ чины начальническіе; по рѣдкіе хо-
 „рошо знаютъ Командирское дѣло; а
 „по гордости своей не желая совѣто-
 „ваться съ Рускими военачальниками,
 „часто теряють багалін: отъ сего по
 „и самъ Царь имѣлъ неудачу при Ригѣ
 „спр. 94.

(50). Ядро Россійской Исторіи, Кн. VII, гл. V. и допол. къ дѣян. ПЕТРА Великаго, Томъ III, стр. 69.

(51). Допол. къ дѣян. ПЕТРА Великаго въ томъ же томѣ, стр. 90, 141, 144, 146 и 147.

(52). Той же книги стр. 89.

(53). Храбрый уроженецъ города Соли-Вычегодской, именемъ Ерофей Хабаровъ предпріялъ въ 1649мъ году привести Дауровъ въ ясашной плашежъ. См. Исторію о странахъ при рѣкѣ Амурѣ лежащихъ, находящуюся въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ, 1757 года мѣс. Іюль стр. 15.

(54). Въ 1647мъ году отважной Козанъ Семенъ Ивановъ сынъ Дешневъ пошелъ на чешырехъ судахъ въ Ледовитое Море и сдѣлалъ знаменитыя отккрытія. Сіе любопытное мореплаваніе подробно описано въ описаніи морскихъ Путешествій, ежемѣсячныхъ изданій 1758 года въ Генварѣ мѣсяцѣ, стр. 9.

- (55). Майербергъ пишетъ о Морозовѣ на бѣи страницѣ: „Морозовъ былъ Великій грабитель, жадный къ деньгамъ; а потому чрезъ годъ послѣ брана его чернь озлясь на него, требовала его выдать себѣ на убиеніе, отъ коего Царь насилу избавилъ его умоленіемъ со слезами.
- (56). Лѣтопись о мяшежахъ. Ядро Россійской Исторіи Кн. VII, гл. V. но всѣ бунты, причины оныхъ и достоподрожательный подвигъ Никона подробно описалъ господинъ Голиковъ въ IIIмъ томѣ допол. къ дѣян. ПЕТРА Великаго, почерпнувъ изъ разныхъ достоверныхъ свидѣній.
- (57). Въ III томѣ допол. стр. 31 и 32. Древ. Рос. Вивліоееники перваго изданія Час. VIII стр. 119.
- (58). Допол. къ дѣян. ПЕТРА Великаго Том. III, стр. 55, 67, и 84. Майербергъ изчисляя моровыя язвы бывшія въ Россіи 1421, 1600, 1654 годахъ, замѣчаетъ, что послѣ жесточайшей язвы 1421 года какъ будто ослабѣла природа Рускихъ, и нынѣ де немного видно столѣтнихъ спариковъ, каковыхъ прежде много бывало. стр. 65.
- (59). См. ежемѣсячныя сочиненія 1763 года мѣсяцъ Ноябрь, стр. 409 Рос. Вивл. Час. VIII, стр. 422. Ядро Рос. Исторіи кн. VII, гл. V. Допол. къ дѣян. ПЕТРА Великаго томъ III, отъ стр. 101 по 106.

- (60). Допол. къ дѣян. ПЕТРА Великаго, Томъ III, стр. 156.
- (61). Той же книги начиная отъ стр. 104 по 119. Росс. Вивл. Час. III стр, 401. час. VI, стр. 282.
- (62). Допол. къ дѣян. ПЕТРА Великаго, Томъ III. стр. 130 и 133.
- (63). Царь Алексѣй Михайловичъ одаренъ былъ всѣми свойственными Великому Государю качествами. Бакмейстеръ шочно сими словами говоритъ о Царѣ въ описаніи о Библіотекѣ на стр. 25й.

III.

ШЕСТИЕ

По Волхову Россійской Амфиришы
Юня дня 1810 года.

Что сіяешь отъ заката
Въ полночь полудневный свѣтъ?
Средь багряна, сшкляна злаша
Кто по Волхову плывешь?
Поля Тривоновъ трубятъ въ трубы;
Рыбъ на днѣ сребрится бѣтъ;
Пляшущъ холмы, скачутъ дубы;
Съ плескомъ рукъ бѣжитъ въ сады брегъ,
И шумящъ струи жемчужны.

Посидонъ ли съ Амфиришой
Озираешь ходъ по рѣкѣ,
Чтобъ судами ставъ покрытой,
Онъ довольство всюду влекъ?
Иль Прекраса перевозитъ
Въ Выбудцѣ Игоря въ ладѣ,
Огнь въ себѣ любви въ немъ множитъ,
Жжетъ и сердце имъ свое?
Коль краса съ геройствомъ дружна!

Нѣтъ — не древнихъ дивъ картина
 Удивляетъ смертныхъ взглядъ;
 Шествуетъ ЕКАТЕРИНА
 Со ГЕОРГОМЪ въ Петроградъ!
 Ладогона зрю сурова,
 Снѣгоблещущи власы
 Онѣ взбугря чела сѣдова,
 Изъ подѣ длани на красы
 Взорѣ стремишь звѣзды полночной.

Какъ, гласитъ: — ЕКАТЕРИНА!
 Вновь мнѣ блещетъ Божество?
 Имя, вѣсть о ней едина
 Мнѣ восторгъ и торжество!
 Рекъ, — и взорѣ къ прекрасной дщери
 Ослабляя подалъ знакъ,
 Моря вестъ ее чшобъ въ двери, —
 И Нева преклонши зракъ,
 Въ градъ ведешъ преузорочной.

Петрополь всѣаетъ на встрѣчу;
 Башни всходятъ изъ подѣ волнъ.
 Не Славянска внемлю вѣчу,
 Слышу музъ Аѳинскихъ звонъ.
 Вижу, мраморы, гранишы
 Богу вносяшся на храмъ;
 За заслуги знаменны
 Въ память вождямъ и царямъ
 Зрю кумиры изваяны.

Вижу Сѣвера столнца,
 Какъ цвѣтшииъ межъ рѣкъ, цвѣтешъ,
 Въ свѣтѣ всѣхъ градовъ Царица
 И ея прекраснѣй нѣтъ!
 Бельтъ въ безмолвіи зеркало
 Держишь предъ ея лицемъ,
 Чтобы прелестьми блиспало
 И въ дали народамъ всѣмъ,
 Какъ румяный отблескъ зарный.

Вижу леншія летучи
 Разноцвѣтны по судамъ;
 Лѣсъ пришелъ изъ мачтъ дремучій
 Къ камнетесаннымъ брегамъ.
 Вижу пристаней, цѣпь зданій,
 Торжищъ, стогновъ, чистому
 Злачныхъ рощъ, пушей, гуляній
 Блескъ, богатство, красосу,
 Красотъ Царя подобну!

Межъ народа шамъ онъ зрится,
 Какъ Отецъ между дѣшей;
 Но здѣсь молнія спремится
 Отъ его въ строяхъ мечей:
 И отхвъвъ его перуна
 Ужъ шрясетъ средѣ земни.
 Онъ избравъ днесъ вождя юна
 На рогатую луну,
 Повелѣвъ вести брань злобну.

Фениксъ сей изъ праха отца
 Вставъ, паритъ во звѣздный кругъ:
 Гордость, зависть, злоба молча,
 Въ немъ признавъ воинскій духъ,
 Защищать Стамбулъ престануть,
 Въ Азію Магметъ уйдетъ.
 Вновь Элады лиры грянуть,
 И почтитъ тогда весь свѣтъ
 АЛЕКСАНДРА ошарями.

Но доколѣ совершится
 Древній сей пророчій гласъ,
 Норда Царь тѣмъ веселился,
 Что межъ льдовъ ростетъ Парнассъ;
 Что художества, науки
 Разцвѣта въ Его тѣни,
 На НЕГО протшерши руки,
 Славословятъ щедры дни
 И вѣнецъ сулятъ съ звѣздами.

Но всѣхъ лучше украшеній
 Милосердья Олтари.
 Духъ мой полнъ шамъ восхищеній,
 Гдѣ равны Богомъ Цари.
 Вижу вдовъ, сиротъ пришворы,
 Рукодѣля юношъ, дѣвъ,
 За болящими призоры
 И всѣхъ нивъ благихъ посѣвъ
 Врю МАРИНОЙ рукою!

Вижу домъ весь благодатный,
 Братъевъ, сестръ, — Вожествъ соборъ, —
 Тихій нравъ, и какъ пріятный
 Лучъ, — ЕЛИСАВЕТИНЪ взоръ!
 Поспѣши въ намъ Амфитрита,
 Россовъ всѣхъ утѣшь сердца,
 Да душой Орла повиса
 Будеть юнаго пшеница
 Намъ рожденнаго ТОБОЮ!

Г. Державинъ.

IV.

ИСТИННА.

*Аще кто отвержется мене предъ
словѣки. . . .*

Источникъ всѣхъ началъ, зерно
Понятій, мыслей, чувствъ высокихъ,
Среда и корень тайнъ глубокихъ,
Отколь и къмъ все создано,
Числѣ содѣлательница счѣта
Сосференнаго въ твердь сію,
О Истинна! о голосъ свѣша!
Тебя, безсмертная пою.

Тебя, — когда и червь занявъ
Лучи отъ солнца, въ тѣмѣ блистающъ;
Ко свѣту очи обращающъ
Безъ словъ младенецъ лепетаѣ: —
То я ль души моей паренъемъ
Не вознесуся въ твой чертогъ?
Я ль не возкликну съ дерзновеньемъ:
Есть вѣчна Истинна, — есть Богъ!

Есть Богъ! — я чувствую его
Какъ въ существѣ моемъ духовномъ,
Такъ въ чудномъ мірѣ семъ огромномъ,
Бышь невозможшемъ безъ него. —

Есть Богъ! — я сердцемъ осязаю
Его присутствіе во мнѣ:
Онъ въ Истиннѣ. Я увѣряю,
Онъ совѣсть — внутри; — Онъ правда — въ.

Такъ, Истинна слясь изъ трехъ
Существъ единства скрыша лономъ
Средь тѣлъ и душъ и въ духъ ономъ,
Кто создалъ все, кто держишь всѣхъ.
Ея подобье въ солнцѣ зрится:
Оно и свѣтомъ и тепломъ
Живя всю шварь, само не тьмится,
Струя ихъ жизни, образъ въ немъ.

Сильнѣе Истинна всѣхъ силъ.
Родилась ея добродѣтель. —
Черезъ духъ свой, зрѣшь ее Содѣтель
Въ безмѣрности чудесъ открылъ;
Ее никто не обнимаетъ
Окромъ Бога самаго,
И щепотно Ангелъ полкъ взлетаетъ
Прозрѣшь кивомъ судьбы его.

О Истинна! трилучный свѣтъ,
Сый: бывый, сущій и грядущій!
Прости, что прахъ едва ползущій
Сидѣлъ о тебѣ вѣщать свой бредъ;
Но ты — колы солнцевъ всѣхъ лампада,
Міровъ начало и конецъ,
Отъ корней звѣздъ до корней ада
Объемлешь все, — всего шворецъ!

Часть V.

11

Творецъ всего, и влилъ мнѣ духъ
 Ты въ волѣ мудрой и въ желаньяхъ
 И неба и земли въ познаньяхъ
 Парящій совершенства въ кругъ;
 Такъ можешь бытъ мнѣ въ шомъ виновнымъ,
 Что въ выпренность швою лечу?
 Блаженствомъ я швоимъ верховнымъ,
 Тобой — насышишься хочу.

Тобой! — ты перло думъ моихъ,
 Отца наследье, сома слаще,
 Ахъ! скрытнѣй, — далѣй чѣмъ, шѣмъ вяще
 Я алчу зрѣть красотъ твоихъ,
 Младенцамъ лишь однимъ неспайныхъ. —
 Внемлижъ! — и мигъ хоть удостой
 Мелькнушь сквозь тучъ тебя вкругъ зарьныхъ,
 И отъни мнѣ обликъ швой.

Нѣтъ, буйство! — какъ дерзну взирать
 На Бога, — облеченный въ бренья?
 Томишься въ вѣкъ, — ждешь наслажденья,
 Есть смертныхъ участь, — и вздыхаешь.
 О нѣтъ! и шо уже высоко,
 Непосшижимаго любишь!
 Небесной истинною око
 Умѣшь земное пламенишь!

Сліянный въ узелъ блескъ денницъ!
 Божественная лучезарность!
 Пространствъ совокупленна дальность!
 Всѣхъ единица единицъ!

О правостъ воля неколебимыхъ!
 О мѣра, вѣсѣ, число всего!
 О красота красотъ всезримыхъ!
 О сердце сердца моего!

Думѣ правило, умовѣ законѣ,
 Свѣтило всѣхъ народовѣ, вѣковѣ!
 Чшобѣ было съ родомѣ человекѣ,
 Когда тебя не зналъ бы онѣ?
 Когда бы совѣспи не знали
 Всѣхъ неумышнаго судьи,
 Давнобѣ звѣрjami люди стали. —
 Законы святы мнѣ твои.

Пускай продерзскій мрака сынѣ
 Кошунствуешѣ въ своей гордынѣ,
 Чшо правда слабость въ властелинѣ,
 Чшо руль правленій, — умѣ одинѣ,
 Чшо златомѣ шверды царства, грады:
 Но ахѣ! сихѣ правилѣ щетенѣ блескѣ;
 Имперьи рушатся безѣ правды, —
 Мы слышали престоловѣ шрескѣ.

О Истинна! душевна жизнь!
 Престолѣ въ сердцахѣ небесна царства!
 Когда духѣ лжи, неправдѣ, коварства
 Не виявѣ разсудка укоризнѣ,
 Кѣ добру препятствѣ мнѣ вержешѣ камень;
 Ты гласомѣ божескимѣ твоимѣ
 Вжигай въ душѣ моей твоей пламень
 И будѣ свѣщильникомѣ моимѣ.

Ты жезлѣ мой будь и вождѣ всегда,
 Да шолько за шобой спремлюся,
 Твоимѣ сяннемѣ предвождуся,
 Не соврацаюся никогда
 Сѣ пушей, шобой мнѣ освященныхѣ
 Любя тебя, — да всѣхѣ люблю;
 Но отѣ совѣшовѣ, мнѣ внушенныхѣ
 Тобой, нигдѣ не отступлю.

Да буду провозвѣспникѣ, другѣ,
 Поборникѣ Твой, вездѣ щитѣ правды; —
 Всѣ мѣра прелести, награды
 Да не изшнятѣ во мнѣ швой духѣ. —
 Да оправдаю я невинностьѣ,
 Да соблюду присягу, честьѣ,
 Да зла не скрою ковѣ, безчинностьѣ
 И обличу предѣ всѣми лешѣ.

Да буду соподвижникѣ швердѣ
 Всѣхѣ добродѣшелей сѣ Тобой,
 Ходя заповѣдей стезію
 По правосудью милосердѣ:
 Да сущихѣ посѣщу вѣ шемницахѣ,
 Пить жаждающимѣ, хлѣбѣ гладнымѣ дамѣ
 Бальсамѣ шрадающимѣ вѣ больницахѣ
 И ошче лоно сиротамѣ.

Да отвращу мой взорѣ отѣ шѣхѣ,
 Кто Твоего не любитѣ шѣша,
 Корышѣ и самолюбье мѣша
 Кого едина дѣйствій всѣхѣ;

Да отъ безвѣрныхъ удалюся,
 Нейду съ лукавыми въ совѣтѣ
 И въ сонмѣ льстецовъ; но прилѣплюся,
 Къ друзьямъ Твоимъ, Твой чшущимъ свѣтѣ.

И шы о Истинна! мой Богъ!
 Моей и вѣры упованье,
 За все мое шебя желанье,
 За мой къ Тебѣ въ любви возшоргъ,
 Когда сей плоти совлекуся,
 Хоть былъ бы чистъ, какъ блескъ огня;
 Но какъ къ Тебѣ на судъ явлюся,
 Не опшрашися отъ меня.

Г. Державинъ.

V.

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

Орудье благости и силъ,
Господня дщерь, Его подобье,
Въ которой мудро совмѣстилъ
Онъ твердость, кротость, умъ, незлобие,
И къ благу общему любовь,
О доблесть смертныхъ! Добродѣтель!
О соль земли! — хоть сонмъ духовъ
Разврату нравственну радѣшь
И смѣешь звать тебя мечшой;
Ты Богъ мнѣ зришь воплощенный.

Такъ, — ты намѣстница Творца,
Его свидѣтельница воли
Въ Его селеньяхъ безъ конца,
И въ сей бореніи юдоли
Добра и зла ты вождь единъ
Къ высокой шой чредѣ ведущій,
Къ которой избранъ свѣта сынъ. —
О Ангелъ въ чловѣкѣ сущій!
О чловѣкѣ лицемъ, душой,
На небеса зришь рожденный!

Ты, доблесть, мужества примѣръ,
Ты цѣломудрїя зеркало,
Незыблема подпора вѣрѣ,
Несокрушимо странъ забрало,

Во устахъ, въ бѣдствахъ присный другъ;
 Клевреть въ трудахъ, шоварищъ въ бѣднѣи;
 Вождямъ и пастырямъ ты духъ
 Даешь ихъ паствѣ и царствѣ въ храненѣи,
 Плодъ рашаямъ, шалантамъ блескъ,
 Вънецъ всѣхъ нуждъ превозможеньямъ.

Ты добродѣшель, образецъ
 Благодѣяній всѣхъ возможныхъ,
 Гармонія благихъ сердецъ,
 Источникъ сладостей неложныхъ. —
 Ты ешьли царствуешь съ царемъ, —
 Съ судомъ ояъ милость сочешашъ;
 Зло облиставъ своимъ лицомъ,
 Отъ сильныхъ слабыхъ защищашъ;
 Покровъ наукъ и Музъ ты плескъ,
 Мать сирыхъ, врачъ изнеможеньямъ.

Кто разъ узрѣлъ твои черты,
 Твоей пѣнился красою,
 Вкусилъ священныхъ устъ софы
 И весь слился съ тобой душою,
 Тому другихъ красотъ ужъ нѣтъ:
 Прахъ — безъ тебя ему — богатство,
 Корона — въ пернѣяхъ цвѣшетъ, —
 Но гдѣ узришь тебя, — препяшство
 И смерть ему уже ничто; —
 Лешитъ побою наслаждашься.

Тогда ему и злой шираниъ
 И всѣ его прещенья, муки —
 Каѣъ будшо знакъ къ побѣдѣ данъ, —
 Всѣ ужасы — шоржешствъ какъ звуки —

Манящѣ на лобно мѣсто печь;
 На пирѣ, на бракѣ какѣ бы съ невѣстой, —
 Съ улыбкой онѣ идетѣ подѣ мечѣ. —
 Такѣ Михайлѣ (*) шелѣ въ гробѣ отверзтой
 Чпя Ханску ярость ни во что,
 Чпобѣ идоламѣ не поклонисья.

Тогда, — какѣ страстны мы побой,
 Какихѣ свойствѣ милосердья чужды?
 Смягчаемся сирощѣ слезой,
 Не сносимѣ жадно нищихѣ нужды,
 Воспитыващѣ дѣтей рачимѣ;
 Болѣзнь и старость облегчаемѣ;
 Цѣвщѣ цѣломудрїя хранимѣ;
 Умѣ слѣпо вѣроу плѣняемѣ; —
 Схорбѣй — царѣ бѣднось посѣтитѣ,
 Любя себя, — чѣмѣ домѣ богатый.

Тогда вѣ судилищахѣ и судѣ
 Дающѣ бояре безпристрастно,
 Отечество, царя блюдушѣ,
 И правду говорящѣ безспрашно. —
 Тогда, — о сладостный возшоргѣ!
 Царицы, — вѣрныхѣ женѣ примѣры: —
 Вершитѣ свой Евпраксїя (**) рокѣ!
 Лилей стащѣ царевна вѣры,

(*) Великій Князь Михайлѣ не поклонился идоламѣ
 Башыя и поспрадалѣ.

(**), Великая Княгиня Рязанская, бросившаяся съ башни,
 чтобѣ не бышѣ вѣ рукахѣ влюбленнаго вѣ нее
 Башыя.

Сама дѣвъ сонму предсѣдишь (*),
И въ души льешь ихъ нравы святы!

Но лязяль изчислишь лѣпошы
Твои, о доблесть всеблаженна!
Ты все вчиняешь въ красоты,
Что шронетъ длань твоя священна:
Ты доблишь чувства, мысли, шрудъ,
Какъ соль шворишь вкуснѣй всѣ яства;
Тобой — геройствомъ — храбрость чшущъ,
Щедрошою — ущербъ богатства,
Прощеньемъ — ты караешь мещъ,
Ты ненавидима — а любишь.

И — добродѣтель — по сему
Доброшю Богу ты подобна,
Что доброхошствуюъ всему,
Ты благородшвомъ превозходна. —
Твой — правда — шрудъ; швой — польза —
плодъ. —

Ты не себѣ, но всѣмъ радѣешь;
Ко всѣмъ добра ты — для доброшъ,
Просишь награды не умѣешь;
Всему предпочяшаешь честъ
И о дѣлахъ своихъ не шрубишь.

Величя и славы цвѣтъ
Небесъ, о безпорочна дѣва!
Тобой стоить сей только свѣтъ
Среди штрасшей випящихъ рева. —

(*) Великая Княжна Анна, дочь Всеволода пошедь въ дѣвичей монастырь, сама возпишывала дѣвицъ и в учида ихъ разнымъ знаниямъ.

Коль не былобъ въ немъ чадъ швоихъ,
 Орловъ сквозь бурь летать рожденныхъ,
 И голубицъ отъ чреслъ свяшыхъ
 Твоихъ на свѣтѣ произведенныхъ,
 Чшобъ зло крошитъ и побѣждаетъ,
 Мнѣ палъ давно бы въ преисподню.

Цвѣтижъ сильнѣй Едемскій кринъ
 Средь дѣбрь шерновыхъ здѣшня міра,
 Да благовоніемъ швоимъ
 Моя всѣхъ услаждаетъ лира. —
 Или во мнѣ швоихъ добротъ
 Лицемъ благоволи явисься:
 Тогда и солнца отъ красотъ
 Не усумнюся отврашиться,
 Когдабъ швою могъ пальму взятьъ
 И въ шрону привеши Господню.

Г. Державинъ.

VI.

РАЗСУЖДЕНІЕ

*О краснорѣчїи Священнаго Писанїя
и прот.*

Императорская Россійская Академія, пекущаяся о успѣхахъ въ языкѣ и словесности, благоволила предложитъ два заданія: 1е, *написать разсужденіе о краснорѣчїи Священнаго Писанїя.* 2е, *Показать, въ чемъ состоитъ богатство, обилїе, красота и сила Россійскаго языка, и какими средствами оной еще болѣе разпространитъ, обогатитъ и усовершенствовать можно.* Да позволено мнѣ будетъ оба сіи вопроса соединитъ вмѣстѣ; ибо я полагаю польшесную и неразрывную между оными связь, что мнѣ кажется предложенные совокупно могутъ они гораздо лучше освѣщать одинъ другой, нежели когда бы о каждомъ изъ нихъ разсуждаемо было порознь. Показаніе краснорѣчїя Священнаго Писанїя сопряжено неразрывно съ показанїемъ богатства, обилїя и силы Россійскаго языка; а потому

есть купно и показаніе средствъ, какими, подражая сему краснорѣчію, можемъ мы разпространить, обогатить и усовершенствовать языкъ и словесность нашу. На семъ основаніи приступаю я къ разсужденію о сихъ обоихъ вопросахъ вмѣстѣ, и надѣюсь доспапочно удовлетворить онымъ, когда раздѣля сіе сочиненіе мое на три спашья, въ первой изъ нихъ покажу превосходныя свойства нашего языка, во второй приведу примѣры краснорѣчія изъ Священныхъ Писаній, въ прешьей разсмотрю, какими средствами словесность наша можетъ обогащаться, и какими приходитъ въ упадокъ.

С Т А Т Ь Я I.

О превосходныхъ свойствахъ нашего языка.

По истиннѣ языкъ нашъ есть нѣкая чудная загадка, понынѣ еще шемная и не разрѣшенная. Въ какомъ со-

сстояніи былъ онъ до введенія въ Рос-сію православной христіанской вѣры, мы не имѣемъ ни малѣйшаго о немъ понятія, точно, какъ бы его не было. Ни одна книга не показываетъ намъ онаго. Но вдругъ видимъ его возникшаго съ вѣрою. Видимъ на немъ Псалширь, Евангеліе, Іова, Премудрость Соломонову, дѣянія Апостоловъ, посланія, ирмосы, каноны, молишвы, и многія другія творенія духовныя. Видимъ его въ оныхъ не младенцемъ, едва двигающимъ мышцы свои; но мужемъ, поражающимъ силою слова, подобно какъ Геркулесъ силою руки. Дивимся остримъ и глубокимъ мыслямъ, заключающимся въ словахъ его. Дивимся чистотѣ, согласію, важности, великолѣпію. Кажется какъ будто умъ и ухо испощили все свое шщаніе на составленіе онаго. Надлежало ли назвать какую либо невидимую вещь: умъ примѣчалъ дѣйствіе и звукъ ея, или раздробляющійся по воздуху, или вдругъ попрысающій оный, или съ великимъ стремленіемъ свиспя-

щій; погда ухо потчасъ давало имена: *громъ, трескъ, вихрь*. Надлежало ли составишь нарѣчія *далеко, близко, низко, глубоко, широко, високо*, и проч.: кажешся самъ разсудокъ придумывалъ сіи названія, говоря въ нихъ: *дале око* (по есть: простирай зрѣніе далѣе); *близе око* (не простирай оное въ даль); *низе око* (опускай въ низъ); *глубе око* (углубляй); *шире око* (разширай); *висе око* (возвышай). Сличимъ оныя съ нарѣчїями другихъ языковъ: говорятъ ли сіе Французу слова его *loin, proche, bas, profond, large, haut?* или Нѣмцу слова его *weit, nahe, niedrig, tief, breit, hoch?* Надлежало ли дасть имена чувствамъ нашимъ *слухъ, зрѣніе, обоняніе*, и проч.: умъ искалъ въ нихъ самихъ изобразить знаменованіе оныхъ. Въ словѣ *слухъ* (l'ouïe, Фр.) помѣстилъ и названіе той части тѣла, которая служишь орудїемъ къ возрожденію въ насъ сего чувства: *ухо* (l'oreil, Фр.). Слово *зрѣніе* сблизилъ съ подобными же свѣтъ означающими понятїями *зареніе, заря*. Слово *обоняніе* (сокращенное изъ *обовняніе*) со-

спавилъ изъ предлога *объ* и имени *воля*, слѣдовательно сдѣлалъ его выражающимъ *чувствованіе окрестнаго запаха*. Надлежало ли назвать какую либо видимую вещь: умъ разбиралъ качества ея; ежели примѣчалъ въ ней круглость, то для соспавленія имени ея выбиралъ и буквы такой же образъ имѣющія: *око*. Попомъ отъ каждого названія производилъ въпвишакъ, чѣтобъ оныя, означая разныя вещи, сохраняли въ себѣ главное, отъ корня заимствованное понятіе. Отъ *грома* произвелъ *громко, громогласно, громоздко, огромно, гремушка*, и проч. Отъ *ока*, *около, околица, околицность, окно*, и проч. Попомъ отъ сихъ въпвей пуспилъ еще новыя отрасли: *коло*, или *колесо, коловратно, колесница, колцо, колыхать, колыхать, и шакъ* далѣе. Всѣ сіи въпвиши, подобно въпвишамъ дерева, пишашся отъ своего корня, то есть сохраняющъ въ себѣ первоначальное понятіе о круглости: пошому *коловратность*, чѣто изображаетъ *вращеніе кола* или колеса; пошому *колыхать*, чѣто движеніе сіе совер-

шается не по прямой чертѣ, но по дугѣ, подобной *кѳлу* или колесу, и проч.

Таковыя семейства словѣ, изъ которыхъ инья весьма плодородны, часто примѣчаются въ языкѣ нашемъ. Они подобны древамъ, составляющимъ великій лѣсъ. Разсмотримъ хопя одно изъ нихъ съ нѣкоторою подробностію. Возмемъ, на примѣръ, извѣстное издревлѣ орудіе, называемое *лукѳ*. Хопя бы и не могли мы добратъся, отъ каковаго корня происходитъ сіе названіе, однако по образу и употребленію сего орудія знаемъ, что оное есть дуга, или кривая, согнутая черта. Слѣдовательно понятіе о *лукѳ* сопряжено неразрывно съ понятіемъ о *кривизнѣ*. Посмотримъ теперь, какимъ образомъ умъ, составлявшій языкъ нашъ, перенесъ сіе понятіе къ другимъ вещамъ и извелъ изъ него, яко изъ корня, многія вѣтви или слова, которыя всѣ, какъ уже и выше сказано, хопя разныя вещи означаютъ, однако же во всѣхъ оныхъ главное и существенное корню ихъ понятіе о *кривизнѣ* всегда не раз-

лучно. съ ними пребываетъ. Отсюда произошли слѣдующія вѣрши или опрасли:

Лука. Разсмотримъ сіе слово. Всякая дуга имѣетъ такое свойство, что есшьли мы и раздѣлимъ ее на многія части, то части ея будутъ поже дуги. Но *лукъ* есть не иное что, какъ дуга. И такъ есшьли мы раздѣлимъ оный на нѣсколько частей, будетъ не *лукъ* (то есть цѣлое), но будетъ *лука* (то есть часть *лука*), имѣющая подобную ему кривизну. Изъ сего явствуетъ, что слово *лука*, не сопряженное ни съ какими другими словами, значитъ нѣчто кривое, согнутое; въ соединеніи же съ другими именами означаетъ какъ самую вещь, такъ и кривизну, непременно той вещи свойственную. Такимъ образомъ когда мы скажемъ *лука у сѣдла*, или, *Самарская лука на Волгѣ*, то хотя бы и не знали, что такое собственно значитъ здѣсь *лука*, однако по коренному сопряженному съ симъ словомъ понятію знаемъ, что въ сѣдлѣ долженъ швуетъ оно озна-

часть какую нибудь часть онаго, имѣющую кривизну или погибь, и потому называющуюся *лукюю*; а въ рѣкѣ также изгибъ ея или кривизну берега, и слѣдовательно то, что называется инымъ словомъ *заливѣ*. Далѣе вѣтви онаго супъ:

Лугица (уменьшительное отъ *лука*), заливцеъ: *я* *ложж* (мать Моисеева) *отрота* *въ ковтежуѣ*, *я* *положж* *сго* *въ лугицѣ* *при рѣцѣ*. (Чеп. мин.).

Лукожорсе, губа, заливъ, часть моря, вдавшаяся въ берегъ дугою или *лукюю*: *а* *пониъ* *пойдемѣ* *на* *нихѣ* *за* *Донѣ* *и* *до* *конца* *ихѣ* *избесемѣ*; *а* *же* *ног* *будетѣ* *побѣда*, *идемѣ* *и* *до* *лукожорся*, *гдѣ* *же* *не* *ходили* *ни* *дѣдѣ* *наши*, *а* *возмемѣ* *до* *конца* *свою* *славу* *я* *вестѣ*. (Неспоръ стр. 277).

Наллякатѣ или *наляцатѣ*: напрягать шепиву, дабы лукъ больше сгибался, или *лука* сшановилась еще больше *лукюю*: *налятеши* *язокѣ* *твой* *яко* *лукѣ*.

Слякатѣ или *сляцатѣ*; сгибать что либо въ *лукѣ* или въ *луку* (т. е. въ крюкъ, въ дугу): *слятеши*, *яко* *серпѣ*, *вою*

*твою. Слѣдствіи мнѣжствомъ прегрѣшеній,
и проч.*

*Слякій или слукій: сляченный, согбен-
ный, скорченный: я бѣ жена недужна и
сляка.*

*Облукъ (уменш. облучокъ). Выгну-
тая нѣсколько деревина, покрывающая
вопылья у саней: сидѣть на облукѣ.*

*Излукана: извилина, изгибина, кри-
визна какой либо вещи или мѣста.*

*Излукисто: извилисто, изгибисто,
непрямо.*

*Луковица, по причинѣ весьма кру-
шаго изгиба, примѣчаемаго въ семъ овощѣ.*

*Лукошко, по причинѣ округлосши
сего сосуда.*

Лукаство, умствѣнная кривизна.

*Лукавить, поступать нечистосер-
дечно, непрямо, кривить душою.*

*Слугеніе, слугай, слугайность, слу-
жится, слугитъ, слугка. — Разлугеніе, раз-
лука, разлугится. — Отлугеніе, отлугитъ,
отлугится, отлугка. — Прилугеніе, при-
лугится, прилугитъ, прилука. — Полуге-*

нѣ, полугитъ, залугитъ, улугитъ, излугитъ, благополугитъ, злополугитъ, и проч.

Во всѣхъ сихъ словахъ первоначальное понятіе или мысль, всегда сопряженная съ ними, есть по самое свойство языка, въ которое любитель словесности, а особливо писатель, долженъ прилѣжно вникать, дабы употребленіемъ словъ искусно и правильно располагать. Зная, что такое *лукъ* или *лукъ*, я уже смѣло утверждаю, что когда *лукъ* натягивается или *налякается* тетивой, тогда обѣ половины, или обѣ *луки* его, *сугаются*, то есть сходяпся концами вмѣстѣ. Общоятельство, одной только *лукъ* свойственное; ибо концы прямой черты никогда не могутъ сходяпся; надобно ее согнуть, или сдѣлать *лукъю*, дабы онѣ *сугались*, то есть сошлись концами вмѣстѣ. Равнымъ образомъ когда у *налягнннго* лука тетива ослабляется, тогда обѣ *луки* его *разлугаются*, то есть разходяпся врознь, приближаются къ положенію прямой черты. Изъ сего первоначальнаго понятія перехожу я въ

другое, смежное съ нимъ: примѣчаю, что *слугеніе* и *разлугеніе* есть не иное что, какъ *соединеніе* и *раздѣленіе* или *расхожденіе*. Отсюда говорю *слугай*, то есть спеченіе или соединеніе обстоятельство. *Слугать собакъ* (говорятъ охотники), то есть скликать, собирать, когда онѣ разсѣяны. *Слутка*; соединеніе. *Отлугить*, *отлутка*: отдалить, отдаленіе. *Прилугить*: привязать, привлечь, приманить къ себѣ. *Прилука*: потѣ или ша, которая притягиваетъ, привлекаетъ къ себѣ. Въ пѣсни поется: *красная дѣвица, прилука молодецкая, прилугила къ себѣ молодца, приманила безталаннаго*, и проч. *Залугить*: приблизить къ себѣ захваченіемъ въ средину *луки* или *дуги*. *Полугить*: соединишься съ пѣмъ, что обыкновенно доходишь до насъ чрезъ прохожденіе разныхъ путей, какъ бы *лукою* или *по лукѣ*. Подобно тому и прочія слова, каждое заключаетъ въ себѣ не простое только значеніе, но разумъ, выводимый изъ первоначальнаго понятія, то есть изъ корня,

отъ котораго сіе слово, какъ вѣтъ, произрасло.

Изъ всего вышеписаннаго можемъ мы ясно усмотрѣть, какимъ образомъ мысль человѣческая, переходя отъ одного понятія къ другому, смежному съ нимъ, раждаетъ слова, и составляетъ цѣдыя семейства оныхъ. Почти каждое слово въ языкъ нашемъ принадлежитъ къ какому нибудь изъ таковыхъ семействъ, и само собою, при малѣйшемъ вниманіи въ оное, показываетъ источникъ, откуда оно печетъ, то есть первоначальную, породившую его мысль. Въ языкахъ, которые не коренные, но составлены изъ разныхъ языковъ, мы того не примѣчаемъ, или примѣчаемъ гораздо меньше. Сличимъ вышеприведенное нами семейство словъ съ соответствующими имъ словами другаго языка, на примѣръ Французскаго, мы увидимъ, что у нихъ нѣтъ той семейственности, и что слова ихъ суть разныхъ отцовъ дѣти:

Лукъ	—	—	—	—	arc.
Лука	—	—	—	—	courbe.
Излучина	—	—	—	—	courbure.
Излучишь, улучишь	—	—	—	—	saisir.
Излучистый	—	—	—	—	courbé, tortueux.
Случай	—	—	—	—	occasion.
Случайность	—	—	—	—	casualité.
Случайно	—	—	—	—	par hasard.
Случаешься	—	—	—	—	il arrive.
Случишь	—	—	—	—	reunir.
Случка	—	—	—	—	accouplement.
Разлучишь	—	—	—	—	separer.
Ошлучка	—	—	—	—	absence.
Сляцашь	—	—	—	—	courber.
Наляцашь	—	—	—	—	tendre.
Луковица, луковка	—	—	—	—	oignon.
Лукавство	—	—	—	—	ruse.
Лукошно	}	—	—	—	нѣтъ.
Прилучишь					
Прилука					

Сіе соотвѣстствіе семейственныхъ словъ ихъ весьма недостаточно для точнаго выраженія нашихъ семейственныхъ именъ и глаголовъ; ибо, напримѣръ, слово ихъ reunir значить соединить, а

не *случитсѣ*; *accouplement*, сочетаніе, а не *случка*; *courber*, сгибашь, а не *слѣзатсѣ*; *tendre*, натягивашь, а не *налязатсѣ*; *absence*, отсутствіе, а не *отлучка*. Глаголь ихъ *saisir* хорошо выражаешь *схватити гловѣка* (*saisir un homme*), но худо выражаешь *улучити время* (*saisir le tems*). Конечно и мы бы говорили *схватити время*, еспѣлибъ не нибѣли приличнѣйшаго къ тому глагола *улучити*.

Хотя сему и бытъ не возможно, чтобъ семья словъ одного языка совпадала точно съ семьею словъ другаго языка; однако же гдѣ шаковыя семейства многочисленнѣе, и гдѣ ихъ больше, то кажется безошибочно заключить можно, что языкъ сей есть несравненно древнѣйшій и богатѣйшій, поелику видно, что онъ о составленіи словъ своихъ, такъ сказасть, самъ умствовалъ, изъ самаго себя извлекалъ ихъ, раждалъ; а не случайно какъ нибудь заимствовалъ и собиралъ отъ другихъ народовъ.

Многія слова въ языкъ нашемъ суть не просто звуки, условно означающія вещь,

но заключающія сами въ себѣ знаменованіе оной, то есть описующія образъ ея, или дѣйствіе, или качество, и слѣдовательно засыпающія мѣсто цѣлыхъ рѣченій. На примѣрѣ въ названіи *вельможа* представляются мнѣ многія понятія совокупно: слово *вель* (отъ велий) напоминаетъ мнѣ о изяществѣ, о величіи; слово *можа* (отъ мощь или могущество) изображаетъ власть силу. Французѣ назоветъ сіе *grand Seigneur*, Нѣмецѣ *grosser Herr*, и оба двумя своими словами не выразятъ мысли, заключающейся въ одномъ нашемъ словѣ; ибо слова ихъ, ни первыя *grand, grosser* (великъ), ни вторыя *Seigneur, Herr* (господинъ), не даютъ мнѣ почнаго понятія ни о словѣ *велий*, ни о словѣ *могущество*; они говорятъ только *великой господинъ*, а не *вельможа*.

Мы говоримъ *цѣломудріе*. Французы говорятъ *chasteté*. Нѣмцы *Keuschheit*. Какую мысль заключають въ себѣ слова ихъ? Никакой, кромѣ условной, то есть основанной на вѣрѣ къ тому, отъ кого я ихъ услышалъ. Наше слово, напротивъ,

само себя толкуеть и обьяспяеть. Я въ знаменованіи его не другому кому вѣрю, но ему самому; ибо во первыхъ нахожу въ немъ *цѣлость*, означающую или такую вещь, которая всѣ свои части при себѣ сохраняетъ, или такую, въ которой ни одна изъ ея частей не повредилась; а потому въ первомъ случаѣ соотвѣтствуетъ оно Французскимъ словамъ *entier, tout entier*; а во второмъ словамъ *pur, simple, innocent*. Въ такомъ разумѣ сказано: *будьте мудры яко зми, и цѣли яко голуби*, то есть ничемъ не повреждены, невинны, чисты, непорочны. Во вторыхъ, къ сему понятію присовокуплено еще понятіе о мудрости. Слѣдовательно слово *цѣломудріе* само собою значить: *мудрое сохраненіе себя во всей густотѣ и непорочности*. Представляется ли вся сія мысль Французу или Нѣмцу въ словахъ ихъ *chasteté* и *Keuschheit*, въ составѣ которыхъ нѣтъ ничего напоминающаго о *мудрости* и *неповрежденности* или непорочности? Сколько мы такихъ словъ въ языкѣ нашемъ показать можеть: *присносущной, благо-*

образной, лютанровой, иѣснопѣніе, благоуханіе, гадолюбіе, искони, вретнице, сладкорѣзіе, и пысячи тому подобныхъ.

Естьли иноспранные языки въ чемъ нибудь и равняются съ нашимъ, то весьма ограничено и скудно. На примѣрѣ мы говоримъ *могущій* и *всемогущій*, или *могущій* и *всемогущій*. Французъ можетъ поже сказать *puissant* и *tout puissant*, Нѣмецъ поже *mächtig* и *almächtig*, но въ словахъ *всесильной*, *всепомощной*, *всещедрой*, *всерадостной*, *вселедецъ*, *всесооружіе*, *всещаръ*, и проч. шотщасъ отъ насъ описанушъ.

Богатство языка нашего, производящее отъ сложенія предлоговъ съ именами и глаголами, имъ почти совсѣмъ неизвѣстно. Отсюда произъходитъ, что они могутъ сказать, на примѣрѣ, *пою* (*je chante*), но не могутъ сказать ни *попѣваю*, ни *разпѣваю*, безъ описанія того другими словами, недостоаточно выражающими наше слово, какъ на примѣрѣ *попѣвать* переводятъ: *chanter quelquefois ou un peu* (пѣшь иногда

или немного); *разнѣваются: chanter d'un ton traînant* (пѣть пропяжнымъ голосомъ). Скажутъ *лежатъ* (coucher), но не могутъ сказать ни *летъ*, ни *прилетъ*, ни *полежатъ*, ни *разлетѣся*, ни *разлежатся*, ни *залетѣ*, ни *отлежатъ*, ни *належатъ*, ни *улежатъ*, ни *пролежатъ*.

Уменьшительныхъ: *колетка, ружка, сердечко, сердечушко, малешенко, ранешенко*; увеличительныхъ: *столице, долище, ружница*; показующихъ степень качества: *бѣловатъ, кругловатъ*; усѣченныхъ: *бѣленскъ, кругленискъ, великонскъ*, или очень мало, или совсѣмъ не имѣютъ.

Причастіе у нихъ одинакое: слѣдственно и простое и высокое имѣетъ. Они не могутъ его по нашему разнообразить; не могутъ сказать и *гремя* и *гремящій* и *гремящій*; не могутъ въ высокомъ слогѣ выразить нашихъ: *сѣдлающъ, сѣдай*; ниже въ простомъ *идуги, скадуги*, и проч.

Но я бы долго не кончилъ, естълибъ захопѣлъ подробно изчислить всѣ преимущества языка нашего предъ другими.

Для того удовольствуемся тѣмъ, что сказано, и станемъ продолжать разсужденія наши.

С Т А Т Ь Я ІІ.

О краснорѣчїи Священныхъ Писаній.

Мы показали отчасти богатство мыслей, заключающееся въ словахъ нашихъ; видѣли превосходство ихъ предъ словами другихъ языковъ. Изъ сего краткаго показанія можемъ посудить, какая разность въ высотѣ и силѣ языка долженствуемъ существовать между Священнымъ Писаніемъ на Славенскомъ и другихъ языкахъ: въ тѣхъ сохранена одна мысль; въ нашемъ мысль сія одѣта великолѣпіемъ и важностію словъ. Нужно ли еще вновь представитъ тому доказательства изъ примѣровъ? мы тотчасъ увидимъ сіе изъ самаго краткаго сличенія. Возмемъ первый Давидовъ псаломъ: *блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ несте-*

ствотхб, и на путя грѣшнотхб не ста, и на сѣдающа губителей не сѣде. Но въ законѣ Господни воля его, и въ законѣ его поучится день и ноцъ. И будетъ яко древо насажденно при исходящихъ водб, еже плодб свой дастъ во время свое, и листб его не отпадетъ, и вся, елика аще творитъ, успѣетъ. Не тако неестивии, не тако: но яко прахб, его же возметаетъ вѣтрб отъ лица земли, и проч. Возмемъ теперь Францускую библию и посмотримъ, какъ сказано въ ней блаженъ мужб? *Heureux l'homme.* Вотъ уже первыя два слова не равняются съ нашими: *heureux* (щасливъ) не выражаетъ нашего блаженъ; *l'homme* (человѣкб) не выражаетъ нашего мужб. Какъ сказано: *въ законѣ Господни воля его? qui prend son plaisir dans la loi de l'Éternel.* Можетъ ли сіе выраженіе сравниться съ простотою и силою нашего: *въ законѣ Господни воля его? Какъ сказано: и на сѣдалищи губителей не сѣде? qui ne s'assied point au banc des moqueurs.* Во первыхъ слово ихъ *banc*, которое не выше нашихъ лавка, скамья, далеко уступаетъ слову

сѣдалище; во впорыхъ *тодшеит* (насмѣшникъ) не выражаеиъ нашего *губитель*; въ претѣихъ *s'assied* употребляется у нихъ: говоря о всякомъ лицѣ; у насъ напрошивъ о простомъ лицѣ говорится *сидитъ*, о высокомъ же *сѣдитъ*. Какъ сказано: *не тако негестивѣи, не тако; но яко прахъ, его же возметаеиъ вѣтръ отъ лица земли? il n'en sera pas ainsi des méchants; mais ils seront comme la bale que le vent chasse loin.* Едѣ въ семъ выраженіи сила повпоренія: *не тако негестивѣи, не тако?* въ словахъ: *mais ils seront comme la bale que le vent chasse loin*, еспъли хопя малѣйшая тѣнь сего поль еспесивеннаго и поль краснорѣчиво сказаннаго подобія: *но яко прахъ, его же возметаеиъ вѣтръ отъ лица земли? (*)*.

(*) Сіе сравненіе сдѣлано противъ Французской Библии, изданной *Остервальдомъ* (par J. F. Ostervald). Но какъ Французы имѣюиъ разные переводы псалмыри, то (дабы не отнесли къ слабости перевода слабость языка) возмемъ лучший изъ оныхъ, а имено

Сколько бы мы ни взяли примѣровъ, вездѣ будемъ находить одно и тоже. Если бы гдѣ и нашли у нихъ преимущественнѣйшее предѣ нашимъ выраже-

Лагарповъ. Сей знаменитый писатель старался, сколько возможно, сохранить красоты подлинника. Мы увидимъ по изъ его перевода. Онъ начинаеиъ: *heureux l'homme qui ne s'est point laissé aller aux conseils des impies, qui ne s'est point arrêté dans la voie des pecheurs, et ne s'est point assis dans la chaire de corruption.* Сличимъ сіе начало съ нашимъ: *благенъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ, и на пути грѣшныхъ не ста, и не сѣдалищи губнителей не сѣде.* Во первыхъ какая краткость! во Французскомъ 36 отдѣляющихся одно отъ другаго словъ, а въ нашемъ 20. Во вторыхъ слова избраннѣе: *благенъ мужъ сѣдай,* а не *щастливъ тотъ человекъ, который сидитъ* (*heureux l'homme assis*); въ шрешьихъ: какая плавность! Гдѣ найдемъ мы въ нашемъ сіи длинныя повторенія: *qui ne s'est point laissé, qui ne s'est point arrêté, qui ne s'est point assis?* Онъ сохранилъ красоту выраженія: *но въ законѣ Господни воля его,* сказаъ: *mais don't la volonté est dans la loi du Seigneur;* однако,

віе или слово, по уже конечно въ двадцати другихъ мѣстахъ окажется прошивное тому. О неподражаемомъ витійствѣ духовныхъ пѣснопѣній писали многіе, между прочими во Франціи Ролень. Но когда онъ на своемъ языкѣ находилъ такое превосходство, то уже мы на своемъ, по всѣмъ вышесказаннымъ причинамъ, должны находить оное въ высочайшемъ несравненно степени. Изъ нашихъ писателей Ломоносовъ, хотя нигдѣ не разпространился о языкѣ и краснорѣчїи Священныхъ Писаній, однако чувствуя важность ихъ упомянулъ, что

сохраня ту же мысль, не могъ сохранить той же самой краткости; ибо въ нашемъ выраженїи только шесть, а въ его десять словъ. Онъ хотѣлъ также сохранить красоту выраженія: *ne тако неспетивн, не тако*; но какъ же принужденъ былъ сказать? Вотъ какъ: *il n'en sera point ainsi des impies; non, il n'en sera point ainsi*. Сколько словъ! Разпространяя подобныя замѣчанія на всѣ Священныя Писанія, какое открывается превосходство одного языка предъ другимъ!

безъ чтенія оныхъ не можемъ мы никогда быть сильны въ словесности, и во всѣхъ его сочиненіяхъ (какъ по ниже показано будетъ) явствуетъ, какъ много напоилъ онъ себя духомъ и мыслями изъ сего богатаго источника.

Дѣйствительно, Священныя Писанія равно необходимы намъ, какъ для души нашей, такъ и для ума. Сколько полезны онѣ для нравственности, столько же и для словесности; ибо безъ чтенія и упражненія въ оныхъ не познаемъ мы никогда высоты и силы нашего языка. Можетъ быть онѣ становаются уже для насъ темны; но сіе-то самое и показываетъ паденіе словесности. Гомеровъ языкъ долженъ опчасу темнѣе становиться для тѣхъ новѣйшихъ Грековъ, которые никогда не читаютъ твореній сего безсмертнаго стихотворца; между тѣмъ, какъ оныя по сіе время не потемнѣютъ для тѣхъ чужестранцевъ Гомеру, которые не могутъ никогда престать красотамъ его удивляться. Когда мы предѣлы

языка и краснорѣчія такъ стѣснимъ, что станемъ только по почитанью хорошимъ, къ чему разумъ и ухо наше отъ ежедневнаго употребленія привыкли, или что отъ частаго повторенія въ чтеніи свѣтскихъ книгъ сдѣлалось намъ ясно, тогда мы нѣкоторыхъ краткихъ выраженій (въ которыхъ часто вся сила и красота языка заключается), нѣкотораго особаго словосочиненія священныхъ книгъ понимать не будемъ, слѣдовательно и краснорѣчіе ихъ надъ нами не подѣйствуетъ. На примѣръ, когда мы вдругъ прочитаемъ сей ирмосъ: *судилищу Пилатову предстоитъ хотля, беззаконному суду, яко судимъ судія, и отъ руки неправды заушастся Богъ, Его же трепещутъ земля и небесная.* (Шестодн. л. 173), то не прежде выразумѣемъ всю силу словъ сихъ, какъ по нѣкоемъ внимательномъ разсмотрѣніи оныхъ. *Судилищу Пилатову предстоитъ хотля* — что такое хотля? краткость выраженія сего насъ остановитъ. Но при малѣйшемъ вниманіи мы пошчасъ увидимъ, что оное зна-

•

читѣ по собственному своему произволенію; ибо естли бы Христосъ не хотѣлъ стоять предъ судомъ Пилатовымъ, пакъ бы и не стоялъ. Далѣе: *беззаконному суду, яко судимъ Судія.* — Также и сіе выраженіе затруднишь насъ; но съ малѣйшимъ знаніемъ языка и вниманіемъ мы потчасъ проникаемъ въ немъ слѣдующую мысль: кто предстоитъ беззаконному суду? *Судія всего міра!* какъ предстоитъ? *яко подсудимый!* Не открывается ли уже намъ красота мыслей въ словахъ сихъ: *судилищу Пилатову предстоитъ хотяи, беззаконному суду, яко судимъ судія?* За симъ прекраснымъ началомъ какой удивительный конецъ слѣдуетъ: *и отъ руки неправды заушается Богъ, Его же трепещутъ земля и небесная!* Можно ли чтонибудь сильнѣе сего предсавить для возбужденія въ насъ любви ко всевышнему Творцу? Какое величество и въ какомъ посрамленіи! Судія всего міра предстоитъ, яко подсудимый, беззаконному суду Пилатову, и отъ руки неправды претерпѣваетъ самое поноснѣй-

шее поруганіе: удареніе по ланипамъ! Кто претерпѣваетъ? Богъ, котораго прещещуиъ земля и небеса! По какой вуждѣ претерпѣваетъ сіе? Безъ всякой вужды, *хотля!* для чего *хотля?* для шого, чтобъ во удовлетвореніе истиннѣ и правосудію безчеспіемъ и спраданиемъ своимъ искупить весь родъ челоувѣческой отъ погибели! Ежели шаковое изображеніе величія Божія, восхопѣшаго по безмѣрной благоспи и милосердію сойпи для насъ въ самое уничиженнѣйшее состояніе, ежели, говорю, шаковое паразительное изображеніе не въ силахъ поколебать души нашей, шакъ она должна бытъ каменная, не имѣющая ни чувствъ, ни разума.

Возмемъ другой ирмосъ: *страхомъ къ Тебѣ яко рабнія, смерть повелѣвшися приступи Владоуцѣ живота, тою податоуцаго намъ безконечной животъ и воскресеніе.* (Тамъ же). Безъ сомнѣнія сіи первыя слова: *страхомъ къ Тебѣ яко рабнія, смерть повелѣвшися приступи Владоуцѣ живота,* покажущя намъ шемны; но вни-

кая въ оныя мы скоро увидимъ, что смыслъ ихъ есть слѣдующій: *смерть, по повелѣнію Твоему, со страхомъ, яко рабыня приступила къ Тебѣ Владыкѣ живота*, и тогда потчасъ почувствуемъ, что не можно ничего приличнѣе и лучше сказать, говоря о смерти Богочеловѣка Христа. Изъ сего мы удобно видимъ, что не токмо въ ясныхъ Священнаго Писанія мѣстахъ, но и въ самыхъ тѣхъ, которыя по причинѣ пѣснопѣвнаго расположенія словъ ихъ кажутся быть темными, открываются однакожъ великія красоты, какъ скоро оныя со вниманіемъ разсмотрѣны будутъ. Высокихъ твореній не возможно съ такою же легкостію читать, съ какою пробѣгаются простыя стишки, или повѣсти и рассказы, служащія пищею одному любопытству, а не уму. Глубокомысленный писатель требуетъ и въ читателѣ глубокомыслія. Отсюду происходитъ, что духовныя творенія наши весьма полезны тому, кто въ краснорѣчїи желаетъ упражняться. Онъ принуждають его о каж-

домъ выраженія, о каждомъ словѣ, размышлять, умствования, рождаютъ въ немъ чувство, разсудокъ, вкусъ, и часто научаютъ его тому, чего онъ прежде не зналъ, и чего никакія книги иностранныхъ показать ему не могли. Когда я въ Іовъ (гл. 15) прочитаю сіе изрѣченіе о зломъ человѣкѣ: *посѣженіе его прежде таса растлѣетъ, и лѣторасъ его не облиственѣетъ*, тогда научаюсь, конечно, сему новому для меня, сему прекрасному выраженію: *и лѣторасъ его не облиственѣетъ*. Когда тамъ же прочитаю вопросъ сей: *еда первый отъ теловѣкѣ рожденъ еси? или прежде холмовъ сгустился еси? Тогда опять нахожу новое для меня выраженіе сгустился. Оно подаетъ мнѣ поводъ къ размышленію. Не лучшели, думаю поспавить здѣсь *сотворился, сдѣлался, составился, произшелъ?* Нѣтъ, продолжаю думать, въ первомъ вопросѣ, гдѣ человѣкѣ сносился съ человѣками, сказано *рожденъ*; но во второмъ вопросѣ, гдѣ человѣкѣ сносился съ холмомъ, надобно сыскасть и слово обоимъ имъ, но болѣе холму приличное;*

а потому *сотворился, сдѣлался*, не хорошо; *составился, произшелъ*, хопя и лучше, однако сіи глаголы не показывающъ, не изображаютъ мнѣ пойд густоты, какую глазъ мой видитъ въ холмѣ; и пакъ всѣ сіи слова испорчятъ выраженіе: *или прежде холмовъ сгустился еси*. Когда въ главѣ шепснадцатой прочитаю: *да приндетъ молба моя ко Господу, предъ нимъ же да каплетъ око мое*, погда хопя и знаю много другихъ выраженій, подобныхъ послѣднимъ въ сей рѣчи словамъ, таковыхъ, какъ *станетъ плакатъ предъ нимъ, ридатъ, проливатъ слезы*, однако чувствую, что всѣ сіи выраженія не пакъ сильны, не пакъ важны, какъ выраженіе *да каплетъ око мое предъ Имъ!* Сколько найду я подобныхъ мѣстъ, изъ которыхъ обогащаюсь мыслями и научаюсь знашь силу словъ и языка! Что можетъ бышь поразительнѣе и ужаснѣе сихъ выраженій, какими удрученный всѣми злосчастіями Іовъ описываетъ свое состояніе: *тлѣю духомъ носимъ — прошу же гроба и не члугаю. Молю болѣзную, и что сотворитъ? — Днѣ мои прей-*

доша въ тегеніи, расторгошася же удове сердца моего. Моуще въ день преложихъ— адъ ми есте дождь, въ сумрацѣ же постлася ми постеля: смерть назвахъ отца моего бвити, матерь же и сестру ми гной. Гдѣ убо еще есть ли надежда? и проч. Какое сближеніе самыхъ любезнѣйшихъ предметовъ съ самыми ужаснѣйшими! Могилу почиташа домомъ своимъ! Мракъ постелею! Смерть отцемъ! Гной матерью, и сестрою! Но таковъ есть образъ смерти. Истинна представлена здѣсь въ самомъ только ужаснѣйшемъ видѣ, впрочемъ не престаеиъ быть истинною.

Прейдемъ ли отъ Іова къ великолѣпію и грому псалмовъ Давидовыхъ? Когда божественный пѣснопѣвецъ сей начинаеиъ говорить о Богѣ, какая въ словахъ его изображается любовь и надежда на него: возлюблю тя Господи крѣпосте моя, Господе утверждение мое, и приближище мое, и избавитель мой, Богъ мой, помощникъ мой, и уповаю на него: защититель мой, и рогъ спасенія моего, и заступникъ мой! Кажется уста его не могуиъ насытитися

повтореніємъ имени Господня и различными благодарніи Его изчисленіями. Кончитъ и опять начинаетъ. Толико силенъ въ немъ духъ благодарности! Когда же говоритъ о бѣдствіяхъ своихъ, отъ которыхъ бы погибъ онъ безъ помощи Божіей, то какими пламенными чертами изображаетъ ихъ: *одержаша мя болѣзни смертныя, и истоужа беззаконія смятоша мя. Болѣзни адовы обидоша мя, предвариша мя сѣти смертныя!* Посреди сихъ бѣдствій, уготованныхъ ему отъ враговъ его, взываетъ онъ ко Всевышнему. Богъ услышалъ шеплыя молитвы его, и когда *подвинулся* на помощь ему, тогда *трепетна бѣств земля, и основаніе горъ смятошася.* Толикій страхъ и попрясеніе въ природѣ производитъ единое мановеніе Божіе! Но послушаемъ, какими чертами описываетъ онъ грядущаго на помощь къ нему Творца: *везде дождь гнѣвомъ Его, и огонь отъ лица Его воспламенится: угліе возгорѣся отъ Него. И приклони небеса и сниде, и мракъ подъ ногама Его.* (Одно сіе выраженіе: *и приклони небеса,* даетъ

уже величественное, страшное понятіе о томъ, кто съ нихъ низсходитъ). *И взойде на Херувимъ, и летѣ, летѣ* (прекрасное повтореніе) *на крилу встрѣню. — Отблестанія предъ Нимъ облацы проидоша: градъ и угліе огненно!* (Таковъ во славу и во гнѣвъ Богъ)! *И возгремѣ съ небесе Господь, и вышній даде гласъ свой. Низпосла стрѣлы, и разгна я* (п. е. враговъ): *и молніи умножи, и смяте я. И явишася истокицы водни, и открьшася основанія вселенныя. —* Отъ чего природа въ такомъ ужасѣ и движеніи, что глубина водъ разступилась и открыла основанія вселенной? — *Отъ запрщенія Твоего Господи, отъ дохновенія духа гнѣва Твоего.* Какая высота въ мысляхъ! Какая сила въ выраженіяхъ и словахъ!

Индѣ съ какою громкостію начинаеть онъ воспѣвать Бога: *небеса воздають славу Божію, твореніе же руку Его возвѣщаетъ твердь. День дни отрогаетъ глаголь, и нощь нощи возвѣщаетъ разумъ. Не суть рѣчи, ниже словеса, ихже не слышатся гласи ихъ: во всю землю изюде въ-*

шаніе ихъ, и въ концѣ вселенноя глаголю
ихъ. Подлинно созерцаніе небесъ, пре-
мѣны дня съ нощю, всѣ сіи чудныя,
великолѣпныя явленія, не суть рѣчи или
словеса, но вѣщанія, исходящія во весь
міръ, и громче всякаго языка или гласа
проповѣдующія славу своего создателя.
*Въ солнцѣ положи селеніе Своє: и той яко
женихъ исходяй отъ тертога Своєго, возра-
дуется яко исполнивъ тещи путь: отъ края
небесе исходъ Его, и срътеніе Его до края
небесе: и нѣсть, иже укроется теплотою его.*
Подлинно подобно блистающему въ зла-
тыхъ одеждахъ жениху выходитъ оно
изъ чертога своего. Подлинно, какъ ис-
полнивъ, надѣющійся на силу свою, ра-
дуется, что предприемлетъ тещи сей
великій путь, котораго начало есть
одинъ, и котораго конецъ есть другой
край неба. Подлинно ничто не укроется
отъ теплоты живошворныхъ, всепрони-
цающихъ лучей его. Послѣ сего величе-
ственного изображенія славы Бога, кпо
не повѣритъ, что: *законъ Господне непо-
рогивъ; свидѣтельство Господне вѣрно, уму*

*дряющее младенцов. Оправданія Господня
права, веселящая сердце. Заповѣдь Гос-
подня свѣтъ, просвѣщающая огни. Страхъ
Господень тистѣ, пребывай въ вѣкъ вѣка.
Судбы Господни истинны, оправданнои вку-
пѣ; вожделеннои паче золота и камени те-
стна многа, и сладша паче меда и сота?*

Въ иномѣ мѣсѣхѣ, по исчисленіи тяж-
кихъ народа своего спраданій въ плѣну,
сѣ какимъ огнемъ и движеніемъ духа про-
ситъ онъ Бога о избавленіи своемъ: *заче
Тебе ради умерщвляемя всея день, вѣдѣни-
хомся яко овцы заколенія. Востани, вскую
спиши Господи? Воскресни и не отрики до
конца. Вскую лице Твое отвращаеши? За-
бываеши нищету нашу и скорбь нашу? Яко
смирися въ персть душа наша, приле же зем-
ли утроба наша. Воскресни Господи, по-
возможи намъ, избави насъ имене ради Твоего.
Какія смѣлыя выраженія: вскую спиши Гос-
поди? Вскую лице Твое отвращаеши? За-
бываеши нищету нашу и скорбь нашу! Ка-
жется, какъ будто онъ укоряетъ Бога,
какъ будто говоритъ Ему нѣчто оскор-
бительное и дерзновенное. Но можетъ*

ли благость Божія оскорбиться сими
 взываніями, обнажающими предъ Нимъ
 всю внутренность души, и копорыхъ
 смѣлость родилась отъ сильнаго желанія
 призвать Его къ себѣ на помощь? Мо-
 жетъ ли чадолюбивый отецъ прогнѣ-
 ваться на сына, вопіющаго къ нему всею
 гласомъ любви и надежды своей на него?
 Пришворная любовь робка отъ опасенія,
 чшобъ не проникнули оную; истинная
 любовь смѣла, отъ увѣренности на свою
 искренность. Колико сіи смѣлые вопро-
 сы отъ персти, ошъ червя, должны
 всемоущему Богу быть пріятны въ смѣ-
 шеніи съ сими уничиженными мольбами:
воззри на нищету нашу, смирися въ персте
душа наша, приле земли утроба наша:
воскресни, и не отрики до конца, воскресни
Господи, помози намъ, и избави насъ ижеки
ради Твоего! Сіе соединеніе простыхъ и
 смѣлыхъ выраженій вмѣстѣ съ усиль-
 ными и уничиженными, есть жаръ ки-
 пящаго усердія, есть разумѣніе чувство-
 вать и высокое искусство писать.

Но кто исчислилъ всѣ красоты, находящія въ Священныхъ Писаніяхъ? Здѣсь, въ Псалтири замѣтили мы, какъ въ морѣ каплю воды, нѣсколько такихъ мѣстъ, въ которыхъ видно пареніе духа, выпренность мыслей и высота языка; но перейдемъ въ пѣсни пѣсней: тамъ найдемъ мы совсѣмъ другое: языкъ простѣе, мягче, нѣжнѣе. На примѣръ сіе призываніе къ себѣ невѣсты исчисленіемъ весеннихъ прелестей: *востани, пріиди ближняя моя, добрая моя, голубице моя: яко се зима прейде. Дождь отведе. Цвѣти явишася на земли, время обрѣзанія присѣ; смоковце изнесе цвѣтъ свой, виноградъ зрѣюще даша воню. Востани, пріиди ближняя моя, добрая моя, голубице моя, пріиди; яко ми знакъ твой, и услышавъ сотвори ми гласъ твой: яко гласъ твой сладокъ, и образъ твой красенъ. Индѣ быспроша слога сопряжена съ нѣкопорою величественною нѣжностію, какъ на примѣръ въ сей рѣчи: *востани съверс, и гряди юже, и повѣй въ вертоградѣ моемъ, и да потекутъ ароматы моя; или въ сей:**

дщери Сіони изводите и видите Царя Соломона въ вѣнцѣ, иже вѣнча мати его, въ день обрученія, и въ день веселія сердца его, Многія крашкія рѣченія содержатъ въ себѣ силу, до какой простое нарѣчіе никогда возвыситься не можешъ. Возмемъ сіе мѣсто въ пятой главѣ, гдѣ невѣста видитъ во снѣ жениха своего, пришедшаго въ бурную ночь къ дверямъ ея спальни, и просящагося войти къ ней. Она съ препетомъ опворяетъ двери, но онъ сказавъ нѣчто, проходитъ мимо и спановится невидимъ: *отверзохъ азъ брату моему* (слово бранъ приѣмлетъ въ пѣсняхъ пѣсней за слово женихъ). *Братъ мой прейде. Душа моя изведе въ слово его. Взвѣскахъ его, и не обрѣтохъ его, звахъ его, и не послуша мене.* Можно ли живоспѣ и силу чувствованія, при услышаніи голоса возлюбленнаго своего, выразитъ лучше сего: *душа моя изведе въ слово его?* Какой новѣйшій языкъ скажетъ такъ сильно? Посмотримъ, на примѣрѣ, пожъ самое выраженіе на Французскомъ языкѣ: *mon âme se râte de l'avoir ouï*

préler. Гдѣ въ семъ слабомъ сказаніи по живое, жаркое чувствованіе, какое пылаетъ въ рѣчи: *душа моя изведе въ слово его?* Но мы устатемъ, приводя примѣры сихъ красотъ, сихъ выражений краткихъ, сильныхъ, великолѣпныхъ: *братъ мой бѣлъ и терменъ, избранъ отъ темъ.* Глава его *злато избранно; власы его кудрявы, терновы, яко вранъ.* *Ламитъ его, аки фіалы ароматъ, прозябающія благовоице.* *Устны его кривы, каплющія смирну.* *Лыста его столы мраморовы, основаны на степенехъ златыхъ.* *Гортанъ его сладость, и весь желаніе.* Сравнимъ сіе послѣднее выраженіе: *гортанъ его сладость, и весь желаніе,* съ Французскимъ: *son palais n'est que douceur, tout ce qui est en lui sont des choses désirables,* не почувствуемъ ли чрезмѣрной разности между сими двумя выраженіями? Сколько одно кратко и сильно, столько другое разпнуто и слабо. Свойство нашего языка позволяетъ сказать прямо: *гортанъ его сладость.* Французъ, напротивъ не можетъ сказать: *son palais douceur;* ему надобно непременно

включить путь ослабляющія рѣчь сію, нендобныя намъ слова *n'est que* (не есть какъ). Мы можемъ сказать: *все желаніе*; а онъ вмѣсто сего долженъ сказать: *все то, что есть въ немъ, суть вещи желаемыя*. Какое бесполезное многословіе!

Что составляетъ краснорѣчіе, какъ не избранныя, богатые смысломъ слова, расположенныя такимъ образомъ, что услаждають вмѣстѣ и слухъ и разумъ? Что составляетъ силу и высоту слога, какъ не краткость? Но чтожъ иное, какъ не по вездѣ примѣчаемъ мы въ языкъ нашемъ? Сколько въ Сирахъ, въ Припчяхъ Соломоновыхъ, въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ, въ Пророкахъ, въ посланїяхъ и проч. находимъ мы (не говоря о цѣлыхъ мѣстахъ, пребующихъ проспранныхъ выписокъ) однихъ краткихъ, исполненныхъ разума рѣченїй, таковыхъ, какъ: *законъ мудрому источникъ жизни*. — *Ярость царева вѣстникъ смерти*. — *Мудрой во устахъ носитъ разумъ*. — *Вѣнецъ хвалитъ старость*. — И шому подобныхъ?

Наконецъ обратимся ли отъ Библіи къ молитвамъ нашимъ, къ священнымъ обрядамъ, сколько и тамъ найдемъ сильныхъ, краснорѣчивыхъ мѣспѣ? Чѣпо можетъ быть печальнѣе сего размышленія о смерти при погребеніи челоуѣка: *плату и рюдаю, егда помѣшляю смерть, и вижду во гробѣхъ лежащую, по образу Божию созданную нашу красоту, безобразну, безславноу, немощную вида. О гудесе! то сіе еже о насъ бгисте таинства? Како предахомся тлѣнію? Како сопряхомся смерти? Во истинну Бога повелѣніемъ, и проч.* Во многихъ Риторикахъ читаемъ мы примѣры извѣснаго въ краснорѣчіи украшенія, называемаго *Эпиграмма*, которымъ влагаенся рѣчь во уста мертваго; но гдѣ найдемъ примѣръ жалостнѣйшій сего при погребеніи пѣніа: *зряще мя безгласна, и бездыханна предлежаща, восплачьте о мнѣ братія и друзи, сродницѣи и знаеміи: вчерашній бо день бесѣдовахъ съ вами, и внезапно найде на мя страшный гасъ смертнѣи: но прїидите вси любящїи мя, и цѣлуйте мя послѣднимъ цѣлова-*

•

нісѣмъ. Къ судіи бо отхожду, и дѣже
нѣсть лицепріятія: рѣбѣ бо и владыка
окупѣ предстоятъ, царь и воинѣ, богатый
и убогій, въ равномѣ достоинствѣ: кійждо
бо отъ своихъ дѣлъ, или прославится, или
постыдится, и проч.? Каждая рѣчь, каж-
дое слово пронзаетъ сердце.

Но неуже ли могу я изчислити
всѣ красоты въ Священныхъ Писаніяхъ,
въ нравоучительныхъ духовныхъ творе-
ніяхъ, въ житіяхъ святыхъ отецъ, въ
сочиненіяхъ Димитрія Ростовскаго, въ
проповѣдяхъ Теофановыхъ, Платоновыхъ
и проч.? Не доспанетъ моихъ на то ни
силъ, ни разума, ни жизни! И такъ оста-
вимъ сіе великое море пому, чей умъ,
для обогащенія своего, хочеть въ немъ
плавать, странствовать, собирать, и
обратимся къ шретьему нашему рассу-
денію.

СТАТЬЯ Ш,

Въ которой разсматривается, какими средствами словесность наша обогащаться можетъ, и какими приходитъ въ уладокъ.

Мы разсмотрѣли въ первой статьѣ превосходныя свойства языка нашего. Мы показали во второй статьѣ употребленіе сихъ свойствъ въ красотахъ Священныхъ Писаній. Изъ сихъ двухъ разсмотрѣній довольно явствуетъ, что источникъ языка нашего богатъ коренными словами, изобилуетъ въшвами отъ оныхъ, и что намъ для украшенія нынѣшняго нашего нарѣчія остается только черпать изъ онаго. Но распространившіеся ко вреду словесности толки о мнимой разности Славенскаго языка съ Рускимъ не только не дають ей процвѣтати, ниже пребывать пвердою и поспоянною. Сіи толки можемъ мы видѣти и читати во многихъ нынѣшнихъ книгахъ. И такъ о семъ намѣренъ я распространити мое

слово. Хотя таковое изслѣдованіе излишне для ученыхъ мужей, сославляющихъ Россійскую Академію; но не излишне оно для всего круга людей, упражняющихся въ словесности.

Отколѣ родилась неосновательная мысль сія, что Славенскій и Рускій языкъ различны между собою? Ежели мы слово *языкъ* возьмемъ въ смыслъ нарѣчія или слога, то конечно можемъ утверждать сію разность; но таковыхъ разностей мы найдемъ не одну, многія: во всякомъ вѣкѣ или полувѣкѣ примѣчаются нѣкоторыя перемѣны въ нарѣчіяхъ. Слово о полку Игоревомъ, Библия, Четии минеи, Несторова лѣтопись, Теофановы проповѣди, Кантемировы сапиры, оды Ломоносова, сочиненія Пешрова, Богдановича, и проч., суть книги писанныя разными слогами и нарѣчіями, но языкъ въ нихъ одинъ и тотъ же Славенской или Руской. Собственно подъ именемъ языка разумѣются корни словъ и вѣшви отъ нихъ происшедшія. Когда оныя въ двухъ языкахъ различны, тогда и языки

различны между собою; но когда знаменованія словъ и вѣпвей оныхъ находятся въ самомъ языкѣ, тогда оныя всякому нарѣчію общи, выключая развѣ такое, которое совсѣмъ отъ корней языка своего удалилось: тогда уже оное не есть болѣе нарѣчіе, но совсѣмъ иной языкъ. Гдѣжъ примѣчаемъ мы по въ нашемъ нарѣчіи? Мы не имѣемъ нынѣ двойственнаго числа, не говоримъ *ядоста, ядоста, ногама, рукама*; но говоримъ *ядятъ, идутъ, руками, ногами*; мы у тѣхъ же самыхъ именъ и глаголовъ измѣнили только окончаніе: слѣдовательно разность не въ языкѣ, а въ нарѣчіи, нима-ло не уклонившемся чрезъ то отъ разума и свойствъ языка. Скажущъ: мы много имѣемъ двойкихъ именъ, изъ которыхъ однѣ Рускія, а другія Славенскія, на примѣръ по Руски *глазъ, лобъ, щоки, плети*, а по Славенски *око, тело, ланиты, рамена*. Но чѣмъ докажущъ мнѣ, что *глазъ, лобъ, щоки, плети*, суть Рускія, а не Славенскія названія? Сошлюся ли на то, что ихъ нѣтъ въ Священныхъ

Писаніяхъ. Это не доказательство: 1е потому, что во всякомъ языкѣ есть сословы, слѣдовапельно и въ нашемъ быть должны. 2е, Что нѣкоторыя изъ нихъ и въ Священныхъ книгахъ попадаются. На примѣрѣ индѣ сказано *ра-лендъ*, индѣ *плещи* или *плети*. 3е, Священные книги обыкновенно пишутся высокимъ или важнымъ слогомъ, а потому хотя бы въ нихъ и не было нѣкоторыхъ словъ, это не отрицаетъ еще существованія оныхъ въ Славенскомъ языкѣ; ибо въ какомъ важномъ сочиненіи найдемъ мы *калякатъ*, *кобенитъся*, *задоритъся*, *пригорюнитъся*, *ошеломитъ*, *треснутъ въ рожу*, и подобныя тому простыя или низкія слова? Весьма бы странно было признавать ихъ не Славенскими для того только, что ихъ нѣтъ въ высокыхъ твореніяхъ, въ которыхъ имъ и быть неприлично. Возмемъ Библию, лѣтописи, народныя сказки или пѣсни: въ каждомъ изъ сихъ трехъ родовъ сочиненій найдемъ мы разные слоги, разныя нарѣчія, и множество словъ особливыхъ, въ другомъ родѣ не

существующихъ, но которыхъ корни одинаковъ находятся въ общемъ языкѣ, всѣ сїи роды обьемлющемъ. Мы конечно не найдемъ въ народномъ языкѣ ни *благонїя*, ни *воздоснїя*, ни *добледушїя*, ни *древодѣлїя*; а напрошивъ того въ Библии не найдемъ ни *любгика*, ни *голубгика*, ни *удалого добраго молодца*; однако не можемъ изъ сего различїя заключить о разности языковъ. Всякое слово, какъ мы въ первой главѣ видѣли, пускаемъ отъ себя вътви, изъ которыхъ иныя приличны высокому, а другїя простому нарѣчію или слогу. Изъ сего раздѣленїя ихъ не слѣдуетъ утверждать, будто бы оныя не одно и тожъ дерево составляли. Могутъ еще сослаться на слова *лошадь*, *колтакъ*, *кутеръ*, *артиллерїя*, *фортификація*, и проч.: но сїи столько же не Славенскїя, сколько и не Рускїя, потому что изъ чужихъ языковъ взяты. Чтожъ такое Руской языкъ отдѣльно отъ Славенскаго? Мечта, загадка. Не спранно ли утверждать существованїе языка, въ которомъ нѣтъ

ни одного слова? Между тѣмъ однакожъ, не взирая на сію несообразную спрранность, многіе новѣйшіе писатели на сѣмъ почно мнимомъ раздѣленіи основываютъ словесность нашу. Они не о томъ разсуждаютъ, что такое-то слово въ такомъ то слогѣ высоко или низко; такое сужденіе было бы справедливо; но нѣтъ, они о каждомъ словѣ особенно, не въ соспавѣ рѣчи, говорятъ: это Славенское, а это Руское. Сіе неудобовозможное раздѣленіе основываютъ они на томъ мечтательномъ правилѣ, что которое слово употребляется въ обыкновенныхъ разговорахъ, такъ то Руское, а которое не употребляется, такъ то Славенское. Утверждаясь на сѣмъ мнѣніи, проповѣдуютъ они, что всѣ Славенскія слова надобно исключить изъ нынѣшняго языка и писати, какъ говоримъ. Въ этомъ, по ихъ мнѣнію, состоятъ совершенное краснорѣчіе. Они называютъ это *утонченною литературою* или *новою эпохою языка*, и все то, что до нихъ, или не по ихъ писано, отверга-

ютъ, яко старое и обветшалое. Разсмотримъ, основательно ли сіе ихъ умствование.

Мы доказали, что Славенской и Руской языкъ есть одно и тоже. А когда языкъ одинъ, то и нарѣчія онаго, хотя бы онѣ разноспвовали между собою, не могутъ называться одно Славенскимъ, а другое Рускимъ; въ такомъ случаѣ предполагалось бы различіе въ сихъ двухъ языкахъ. Но положимъ, что мы для различенія прежняго и нынѣшняго нарѣчія назовемъ, хотя и несвойственно, одно Славенскимъ, а другое Рускимъ нарѣчіемъ. Спанемъ разумѣнь подъ именемъ Славенскаго языка нарѣчіе Священнаго Писанія, а подъ именемъ Рускаго языка нарѣчіе свѣтскихъ книгъ. Въ чемъ состоитъ разность между сими двумя нарѣчіями? Безъ сомнѣнія въ нѣкоторомъ токмо измѣненіи словъ, а не въ раздѣленіи оныхъ на Славенскія и Рускія; ибо какимъ образомъ можемъ мы сдѣлать сіе раздѣленіе? Ежели назовемъ *воронъ, корова, воробей, молоко*, Рускими словами;

а *вранѣ*, *краса*, *вранѣ*, *млеко*, Славенскими; по за чѣмъ же говоримъ по Славенски *кравѣ*, *врагѣ*, *владѣть*, *награда*; а не по Руски *коровѣ*, *ворогѣ*, *володѣть*, *нагорода*, какъ читаемъ въ лѣтописяхъ и въ простомъ народномъ языкѣ? Ежели скажемъ, что *лѣпота* естъ Славенское, а *красота* Руское слово; по къ какому же языку причислимъ слово *великолѣнїе*? Буде къ Славенскому, такъ по правилу сихъ проповѣдниковъ въ нынѣшнемъ нарѣчїи употреблять его не должно; а буде къ Рускому, по какимъ образомъ, не зная чго *лѣпота*, будемъ мы знать что *великолѣнїе*? Ежели скажемъ, что глаголь *дѣлаю* естъ Руской, а *дѣю* Славенской; такъ за чѣмъ же говоримъ *злодѣнїе*, *злодѣй*? Таковыхъ запрудненїй могъ бы я представить множество. . Какимъ же образомъ въ составѣ языка разберемъ мы что Славенское и что Руское? Обыкновенное пропивъ сего возраженїе людей, не читающихъ ничего пзердаго, созидающаго въ насъ зрѣлость ума и разсудка, состоипъ въ томъ, что когда они напи-

шупѣ десятка два бранныхъ противѣ Славенскаго языка спишковѣ, и въ простыя рѣчи не кспати вставяѣтъ нѣскольکو высокыхъ (называемыхъ Славенскими) словѣ, то и торжествуюѣтъ, думая, что они ясно доказали худость сего языка. Имѣ до разбора свойствѣ онаго, до первоначальныхъ основаній, до кореннаго заключающагося въ словахъ смысла, и до всѣхъ подобныхъ обстоятельствѣ нѣтъ никакой нужды. Они не изѣ книгѣ, писанныхъ учеными и знающими силу языка людьми, хопяѣтъ учиться онему, но изѣ простонародныхъ разговоровѣ. По ихѣ мнѣнію говорящій нынѣшнимѣ нарѣчіемѣ спароста церковный гораздо краснорѣчивѣ Преосвященнаго Теофана, говорившаго Славенскимѣ нарѣчіемѣ. У нихѣ только и вопросовѣ: не ужѣ ли намѣ говорить: *аще бѣи тѣи не скоро возвратился, я бѣи не дождавшись тѣя, абѣи ушолѣ домой?* Имѣ довольно поставитѣ не кспати *аще* и *абѣи*, дабы возненавидѣтъ весь Славенскій языкѣ, какѣ будто онѣ и виноватѣ въ шомѣ, что они упо-

прелять его не умбють. По этому ежели я скажу: *несомной бейстрели коня ми роцарь внезапно низвергся съ колесницю и расквасилъ себя рожу*, такъ будетъ Руской языкъ виноватъ, что я сказалъ на немъ такую неаьпость? Нбшь, ипуть никакова языка винить не можно, а должно винить себя за то, что мы ни на которомъ изъ нихъ не умбемъ прилично обьясняться. Заключать же изъ подобныхъ доказательствъ о худоспи языковъ есть судъ обь оныхъ самый не вбжественный. И такъ не Славенскій языкъ, отдбляя отъ Рускаго, презирать; не слова онаго на Славенскія и Рускія раздблять; но какое слово какому слогу прилично, знать надлежитъ. Ломоносовъ не спрашивалъ о словъ *велегласно*, Славенское ли оно или Руское; но зналъ, что это высокое слово, и для того не сказалъ бы никогда въ разговорахъ съ пріятелями: *я, братецъ, велегласно зову тебя на гашку гаю*; но когда пришлось ему писать оду, такъ онъ шамъ не усумнился сказать:

Сіе всѣ грады велегласно,
 Что время при тебѣ прекрасно,
 Монархія, живущѣ и чпящѣ,
 Сіе всѣ грады повторяютѣ.

Онѣ не утверждалѣ, что надобно
 вездѣ вмѣсто *сіе* писать *это*. Нѣтъ!
 онѣ въ разговорахъ конечно говаривалѣ:
это, мой другѣ, бездѣлица; но въ важ-
 номѣ слогѣ никогда вмѣсто: *сіе всѣ градовѣ*
повторяютѣ, не сказалѣ бы, *это всѣ градовѣ*
повторяютѣ, какѣ мы нынѣ тысячи тому
 примѣровѣ найдемѣ отѣ премудраго про-
 повѣдыванія *ниши, какѣ говоришь*. Держа-
 винѣ также въ просныхъ разговорахъ не
 сказалѣ бы нигдѣ *ошую* и *одесную*, но
 когда сочинялѣ возвышеннаго рода стихи,
 тогда, не останавливаясь на разборѣ
 сихъ словѣ, Славенскія ли онѣ, или Ру-
 скія, поспавилѣ:

Тамѣ тысячи падутѣ ошую,
 Кровавая горитѣ заря,
 Тамѣ миліоны одесную,
 Покрыты прупами моря.

Гдѣ сыщемѣ мы въ лучшихъ нашихъ пи-
 сателяхъ и стихотворцахъ отверженіе
 важныхъ словѣ и различнаго окончанія

причастій, подѣ предлогомъ, что вкусъ не позволяетъ употреблять ничего Славенскаго? Лагарпъ, сравнивая Французской языкъ съ древними, то есть Греческимъ и Латинскимъ, между прочими разсужденіями говоритъ: „Греки имѣютъ „ихъ (причастія) во всѣхъ временахъ и „еще проякія, то есть каждое изъ нихъ „съ тремя разными окончаніями. — Спроситъ: на что такое множество? — „Вотъ, сказалибъ Греки, вопросъ *сарва-ровъ*. Можетъ ли быть много разнообразія въ звукахъ, когда хопимъ ласкать „ухо? Стихотворцамъ и краснословамъ „досадно ли выбирать любое? „ Вотъ какъ разсуждалъ Лагарпъ. Также почно разсуждалъ Ломоносовъ, и всѣ подобныя ему писатели. Для доказательства сего приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ безсмертныхъ его сочиненій:

Но вы, о колы благополучны,
 Москву поящія струи!
 Вы ударяютъ во брега шучны
 И проходя поля свои,

*Ликуйте, свѣтло веселитесь,
Вы скоро, скоро насладитесь
Богини щедротя огей.
Здѣсь Нимфы Невской Ипокрены,
Видѣнія ея лишены,
Сердцами пойдутъ въ слѣдъ за ней,
Сердцами пойдутъ и устами
Въ восторгъ сладкомъ возгласяшъ:
Коль славными она дѣлами
Петровъ разпространила градъ,
И какъ о свѣтломъ оной взорѣ
Возвеселясь подвиглое море,
И къ звуку приложило шумъ.*

(Ода 11).

*Отверзиемъ священныхъ устъ,
Трясуши единой вѣщаетъ.*

(Ода 12).

Но палъ, и трясущися о землю пыломъ биялъ.

(Трагед. Мамай).

*Россію самъ Господь блюдешь,
Рукою онъ Елисаветы
Прошивныхъ разрушитъ навѣтовъ.*

(Ода 2 я).

*Богиня, коея державу
Обняшь не можешь седле морей.*

(Ода 3 я).

Часть V.

15

не *служить*; *accouplement*, сочетание, а не *слетка*; *courber*, сгибать, а не *слать*; *tendre*, натягивать, а не *наляцать*; *absence*, отсутствіе, а не *отлетка*. Глаголы ихъ *saisir* хорошо выражають *схватить слово* (*saisir un homme*), но худо выражають *услужить время* (*saisir le tems*). Конечно и мы бы говорили *схватить время*, есѣлибъ не имѣли приличнѣйшаго къ тому глагола *услужить*.

Хотя сему и бытъ не возможно, чтобъ семья словъ одного языка совпадала точно съ семью словъ другаго языка; однако же гдѣ шаковыя семейства многочисленнѣе, и гдѣ ихъ больше, то кажется безошибочно заключить можно, что языкъ сей есть несравненно древнѣйшій и богатѣйшій, поелву видно, что онъ о составленіи словъ своихъ, такъ сказашь, самъ умщвовалъ, изъ самаго себя извлекалъ ихъ, раждалъ; а не случайно какъ нибудь заимщвовалъ и собиралъ отъ другихъ народовъ.

Многія слова въ языкъ нашемъ суть не просто звуки, условно означающія вещь,

но заключающія сами въ себѣ знаменованіе оной, то есть описующія образъ ея, или дѣйствіе, или качество, и слѣдовательно заступающія мѣсто цѣлыхъ рѣченій. На примѣръ въ названіи *вельможа* представляются мнѣ многія понятія совокупно: слово *вель* (отъ велий) напоминаетъ мнѣ о изяществѣ, о величій; слово *можа* (отъ мощь или могущество) изображаетъ власть силу. Французъ назоветъ сіе *grand Seigneur*, Нѣмецъ *grosser Herr*, и оба двумя своими словами не выразятъ мысли, заключающейся въ одномъ нашемъ словѣ; ибо слова ихъ, ни первыя *grand, grosser* (великъ), ни вторыя *Seigneur, Herr* (господинъ), не даютъ мнѣ почнаго понятія ни о словѣ *велий*, ни о словѣ *могущество*; они говорятъ только *великой господинъ*, а не *вельможа*.

Мы говоримъ *цѣломудрѣ*. Французы говорятъ *chasteté*. Нѣмцы *Keuschheit*. Какую мысль заключаютъ въ себѣ слова ихъ? Никакой, кромѣ условной, то есть основанной на вѣрѣ къ тому, отъ кого а ихъ слышалъ. Наше слово, напрошивъ,

само себя полкуетъ и обвѣспяетъ. Я въ знаменованіи его не другому кому вѣрю, но ему самому; ибо во первыхъ нахожу въ немъ *цѣлость*, означающую или такую вещь, которая всѣ свои части при себѣ сохраняетъ, или такую, въ которой ни одна изъ ея частей не повредилась; а потому въ первомъ случаѣ соотвѣтствуетъ оно Французскимъ словамъ *entier, tout entier*; а во второмъ словамъ *pur, simple, innocent*. Въ такомъ разумѣ сказано: *будьте мудры яко зми, и цѣли яко голуби*, то есть ничемъ не повреждены, невинны, чисты, непорочны. Во вторыхъ, къ сему понятію присовокуплено еще понятіе о мудрости. Слѣдовательно слово *цѣломудріе* само собою значитъ: *мудрое сохраненіе себя во всей чистотѣ и непорочности*. Предспавляется ли вся сія мысль Французу или Нѣмцу въ словахъ ихъ *chasteté* и *Keuschheit*, въ составѣ которыхъ нѣтъ ничего напоминающаго о *мудрости* и *неповрежденности* или непорочности? Сколько мы такихъ словъ въ языкѣ нашемъ показать можешь: *присносущной, благо-*

образной, лютанровой, пѣснопѣіе, благоуханіе, задолюбіе, искони, вретнице, сладкорѣзіе, и тысячи тому подобныхъ.

Естьли иностранные языки въ чемъ нибудь и равняются съ нашимъ, то весьма ограничено и скудно. На примѣрѣ мы говоримъ *моуной* и *всемоуной*, или *моуцій* и *всемоуцій*. Французъ можетъ поже сказать *puissant* и *tout puissant*, Нѣмецъ поже *mächtig* и *almächtig*, но въ словахъ *всесильной*, *всеплагий*, *всещедрой*, *всерадостной*, *всеплѣцъ*, *всепоружіе*, *всепцарь*, и проч. шотчасъ отъ насъ отстанупѣ.

Богатство языка нашего, производящее отъ сложенія предлоговъ съ именами и глаголами, имъ почти совсѣмъ неизвѣстно. Отсюду произъходитъ, что они могутъ сказать, на примѣрѣ, *пою* (*je chante*), но не могутъ сказать ни *попѣваю*, ни *разпѣваю*, безъ описанія того другими словами, недостаточно выражающими наше слово, какъ на примѣрѣ *попѣвать* переводящъ: *chanter quelquefois ou un peu* (пѣшь иногда

или немного); *разливаются: chanter d'un ton traçant* (пѣть пропяжнымъ голосомъ). Скажутъ *лежатъ* (*coucher*), но не могутъ сказать ни *летъ*, ни *прилетъ*, ни *полежатъ*, ни *разлетѣся*, ни *разлежатѣся*, ни *залетъ*, ни *отлежатъ*, ни *належатъ*, ни *улежатъ*, ни *пролежатъ*.

Уменьшительныхъ: *колетка, ружка, сердечко, сердечушко, малешенько, ранешенько*; увеличительныхъ: *столице, домище, ружница*; показующихъ степень качества: *бѣловатъ, кругловатъ*; усѣченныхъ: *бѣленекъ, кругленекъ, великонекъ*, или очень мало, или совсѣмъ не имѣютъ.

Причастіе у нихъ одинакое: слѣдственно и простое и высокое вмѣстѣ. Они не могутъ его по нашему разнообразить; не могутъ сказать и *гремя* и *гремящій* и *гремущій*; не могутъ въ высокомъ слогѣ выразить нашихъ: *сѣдящъ, сѣдяй*; ниже въ простомъ *идуги, скагуги*, и проч.

Но я бы долго не кончилъ, еслибы захотѣлъ подробно изчислить всѣ преимущества языка нашего предъ другими.

Для того удовольствуемся тѣмъ, что сказано, и станемъ продолжать разсужденія наши.

СТАТЬЯ ІІ.

О краснорѣчїи Священныхъ Писаній.

Мы показали отчасти богатство мыслей, заключающееся въ словахъ нашихъ; видѣли превосходство ихъ предъ словами другихъ языковъ. Изъ сего крайняго показанія можемъ посудить, какая разность въ высотѣ и силѣ языка долженствуемъ существовать между Священнымъ Писаніемъ на Славенскомъ и другихъ языкахъ: въ тѣхъ сохранена одна мысль; въ нашемъ мысль сія одѣта великолѣпїемъ и важностїю словъ. Нужно ли еще вновь представить тому доказательства изъ примѣровъ? мы потчасъ увидимъ сіе изъ самаго крайняго сличенія. Возмемъ первый Давидовъ псаломъ: *блаженъ мужъ, иже не иде на советъ несе-*

стивотѣ, и на пути грѣшниковъ не ста, и на сѣдалища губителей не сѣде. Но въ законѣ Господни воля его, и въ законѣ его поучится день и ночь. И будетъ яко древо насажденно при исходящихъ водѣ, еже плодѣ свой дастъ во время свое, и листѣ его не отпадетъ, и вся, слика аще творитъ, успѣетъ. Не тако неестивѣи, не тако: но яко прахъ, его же возметаетъ вѣтрѣ отъ лица земли, и проч. Возмемъ теперь Французскую біблію и посмотримъ, какъ сказано въ ней блаженъ мужъ? *Heureux l'homme.* Вотъ уже первыя два слова не равняются съ нашими: *heureux* (щасливѣ) не выражаетъ нашего блаженъ; *l'homme* (человѣкъ) не выражаетъ нашего мужъ. Какъ сказано: *въ законѣ Господни воля его? qui prend son plaisir dans la loi de l'Eternel.* Можетъ ли сіе выраженіе сравниться съ простою и силою нашего: *въ законѣ Господни воля его?* Какъ сказано: *и на сѣдалищи губителей не сѣде? qui ne s'assied point au banc des moqueurs.* Во первыхъ слово ихъ *banc*, которое не выше нашихъ лавка, скамья, далеко уступаетъ слову

сѣдалище; во вторыхъ *тоqueur* (насмѣшникъ) не выражаетъ нашего *губителя*; въ третьихъ *s'assied* употребляется у нихъ: говоря о всякомъ лицѣ; у насъ напропивъ о проспомъ лицѣ говорится *сидитъ*, о высокомъ же *сѣдитъ*. Какъ сказано: *не тако негестивѣн, не тако; но яко прахъ, его же возметаеѣ вѣтръ отъ лица земли? il n'en sera pas ainsi des méchants; mais ils seront comme la bale que le vent chasse loin.* Гдѣ въ семъ выраженіи сила повторенія: *не тако негестивѣн, не тако?* въ словахъ: *mais ils seront comme la bale que le vent chasse loin*, есѣли хопя малѣйшая тѣнь сего поль естесственнаго и поль краснорѣчиво сказаннаго подобія: *но яко прахъ, его же возметаеѣ вѣтръ отъ лица земли? (*)*.

(*) Сіе сравненіе сдѣлано противъ Французской Библии, изданной *Остервальдомъ* (par J. F. Ostervald). Но какъ Французы имѣютъ разные переводы псалмыри, то (дабы не опнесли къ слабости перевода слабость языка) возметъ лучший изъ оныхъ, а именно

Сколько бы мы ни взяли примѣровъ, вездѣ будемъ находить одно и тоже. Есѣли бы гдѣ и нашли у нихъ преимуще- ственнѣйшее предъ нашимъ выраже-

Лагарповъ. Сей знаменитый писатель ста- рался, сколько возможно, сохранить красо- ты подлинника. Мы увидимъ то изъ его перевода. Онъ начинаеть: *heureux l'homme qui ne s'est point laissé aller aux conseil's des im- pies, qui ne s'est point arrêté dans la voie des pecheurs, et ne s'est point assis dans la chaire de corruption.* Сличимъ сіе начало съ нашимъ: *Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтѣ нече- стивыхъ, и на пути грѣшныхъ не ста, и на сѣдалищи губнителей не сѣде.* Во пер- выхъ какая краткость! во Французскомъ эб отдѣляющихся одно отъ другаго словъ, а въ нашемъ жо. Во вторыхъ слова избран- нѣе: *блаженъ мужъ сѣдѣи,* а не *щастливъ тотъ теловѣкъ, которой сидитъ* (*heureux l'homme assis*); въ шрешнихъ: какая пла- ность! Гдѣ найдемъ мы въ нашемъ сіи дли- нныя повторенія: *qui ne s'est point laissé, qui ne s'est point arrêté, qui ne s'est point assis?* Онъ сохранилъ красоту выраженія: *но эб законъ Гослодни воля его, сказавъ: mais don^t la volonté est dans la loi du Seigneur;* однако,

ніе или слово, по уже конечно въ двадцати другихъ мѣстахъ окажется противное тому. О неподражаемомъ вѣщанствѣ духовныхъ писателей писали многіе, между прочими во Франціи Ролень. Но когда онъ на своемъ языкѣ находилъ такое превосходство, то уже мы на своемъ, по всѣмъ вышесказаннымъ причинамъ, должны находить оное въ высочайшемъ несравненно степеніи. Изъ нашихъ писателей Ломоносовъ, хотя нигдѣ не разпространился о языкѣ и краснорѣчіи Священныхъ Писаній, однако чувствуя важность ихъ упомянулъ, что

сохраня ту же мысль, не могъ сохранить той же самой краткости; ибо въ нашемъ выраженіи только шесть, а въ его десять словъ. Онъ хотѣлъ также сохранить красоту выраженія: *не тако неестественъ, не тако*; но какъ же принужденъ былъ сказать? Вотъ какъ: *il n'en sera point ainsi des impiés; non, il n'en sera point ainsi*. Сколько словъ! Разпространя подобныя замѣчанія на всѣ Священныя Писанія, какое открывается превосходство одного языка предъ другимъ!

Часть V.

13

безъ чтенія оныхъ не можемъ мы никогда бытъ сильны въ словесности, и во вѣхъ его сочиненіяхъ (какъ то ниже показано будетъ) явствуетъ, какъ много напоилъ онъ себя духомъ и мыслями изъ сего богатаго источника.

Дѣйствительно, Священныя Писанія равно необходимы намъ, какъ для души нашей, такъ и для ума. Сколько полезны онѣ для нравственности, столько же и для словесности; ибо безъ чтенія и упражненія въ оныхъ не познаемъ мы никогда высоты и силы нашего языка. Можетъ бытъ онѣ становятся уже для насъ темны; но сіе-то самое и показываетъ паденіе словесности. Гомеровъ языкъ долженъ опчасу темнѣе становиться для тѣхъ новѣйшихъ Грековъ, которые никогда не читаютъ твореній сего безсмертнаго стихотворца; между тѣмъ, какъ оныя по сіе время не потемнѣютъ для тѣхъ чужестранцевъ Гомеру, которые не могутъ никогда престать красотамъ его удивляться. Когда мы предълы

языка и краснорѣчія такъ отъбснимъ, что станемъ только по почитать хорошимъ, къ чему разумъ и ухо наше отъ ежедневнаго употребленія привыкли, или что отъ часнаго повторенія въ чтеніи свѣтскихъ книгъ сдѣлалось намъ ясно, тогда мы нѣкоторыхъ краткихъ выраженій (въ которыхъ часно вся сила и красота языка заключается), нѣкотораго особаго словосочиненія священныхъ книгъ понимать не будемъ, слѣдовательно и краснорѣчіе ихъ надъ нами не подѣйствуетъ. На примѣръ, когда мы вдругъ прочитаемъ сей ирмосъ: *судилищу Платову предстоитъ хотля, беззаконному суду, яко судимъ судія, и отъ руки неправды заушася Богъ, Его же трепещутъ земля и небесная.* (Шестодн. л. 173), то не прежде выразумѣемъ всю силу словъ сихъ, какъ по нѣкоемъ внимательномъ разсмотрѣніи оныхъ. *Судилищу Платову предстоитъ хотля* — что такое хотля? краткость выраженія сего насъ ошановитъ. Но при малѣйшемъ вниманіи мы шотчасъ увидимъ, что оное зна-

•

чтѣ по собственному своему произволѣю, ибо естли бы Христосъ не хотѣлъ стояшь предъ судомъ Пилаповымъ, шакъ бы и не стоялъ. Далѣе: *беззаконному суду, яко судимъ Судія.* — Также и сіе выраженіе затруднишъ насъ; но съ малѣйшимъ знаніемъ языка и вниманіемъ мы потчасъ проницаемъ въ немъ слѣдующую мысль: кто предстоитъ беззаконному суду? *Судія всего міра!* какъ предстоитъ? *яко подсудимый!* Не открывается ли уже намъ красота мыслей въ словахъ сихъ: *судилищу Пилатову предстоитъ хотля, беззаконному суду, яко судимъ судія?* За симъ прекраснымъ началомъ какой удивительный конецъ слѣдуетъ: *и отъ руки неправды заушается Богъ, Его же трепещутъ земля и небесная!* Можно ли чтонибудь сильнѣе сего предсавитъ для возбужденія въ насъ любви ко всевышнему Творцу? Какое величество и въ какомъ посрамленіи! Судія всего міра предстоитъ, яко подсудимый, беззаконному суду Пилатову, и отъ руки неправды претерпѣваетъ самое поноснѣй-

шее поруганіе: удареніе по ланипамб! Кто претерпѣваетъ? Богъ, котораго прешещушь земля и небеса! По какой нуждѣ претерпѣваетъ сіе? Безъ всякой нужды, *хотля!* для чего *хотля?* для того, чпобъ во удовлетвореніе истиннѣ и правосудію безчестіемъ и спраданиемъ своимъ искупить весь родъ человѣческій отъ погибели! Ежели таковое изображеніе величія Божія, восхотѣвшаго по безмѣрной благости и милосердію сойти для насъ въ самое униженнѣйшее состояніе, ежели, говорю, таковое паразитическое изображеніе не въ силахъ поколебать души нашей, такъ она должна быть каменная, не имѣющая ни чувствъ, ни разума.

Возмемъ другой ирмосъ: *страхомъ къ Тебѣ яко рабѣя, смерть повелѣвшись приступи Владыцѣ живота, тою подающаго намъ безконечный животъ и воскресеніе.* (Тамъ же). Безъ сомнѣнія сіи первыя слова: *страхомъ къ Тебѣ яко рабѣя, смерть повелѣвшись приступи Владыцѣ живота,* покажутся намъ темны; но вни-

кая въ оныя мы скоро увидимъ, что смыслъ ихъ есть слѣдующій: *смерть, по повелѣнію Твоему, со страхомъ, яко рабыня приступила къ Тебѣ Владыкѣ живота, и тогда потчасъ почувствуемъ, что не можно ничего приличнѣе и лучше сказать, говоря о смерти Богочеловѣка Христа.* Изъ сего мы удобно видимъ, что не токмо въ ясныхъ Священнаго Писанія мѣстахъ, но и въ самыхъ тѣхъ, которыя по причинѣ пѣснопѣвнаго расположенія словъ ихъ кажутся бытъ темными, открываются однакожъ великія красоты, какъ скоро оныя со вниманіемъ разсмотрѣны будутъ. Высокихъ твореній не возможно съ такою же легкостію читать, съ какою пробѣгаются простыя стишки, или повѣсти и рассказы, служащія пищею одному любопытству, а не уму. Глубокомысленный писатель требуетъ и въ читателѣ глубокомыслія. Отсюду происходитъ, что духовныя творенія наши весьма полезны тому, кто въ краснорѣчіи желаетъ упражняться. Онъ принуждають его о каж-

домъ выраженія, о каждомъ словѣ, размышлять, умствовашь, раждатомъ въ немъ чувство, разсудокъ, вкусъ, и часто научатомъ его тому, чего онъ прежде не зналъ, и чего никакія книги иностранныхъ показашь ему не могли. Когда я въ Іовъ (гл. 15) прочитаю сіе изрѣченіе о зломъ человекѣ: *посѣженіе его прежде таса растлѣетъ, и лѣтораслѣ его не облиственѣетъ*, тогда научаюсь, конечно, сему новому для меня, сему прекрасному выраженію: *и лѣтораслѣ его не облиственѣетъ*. Когда тамъ же прочитаю вопросъ сей: *еда первый отъ словѣкъ рожденъ еси? или прежде холмовъ сгустился еси?* Тогда опять нахожу новое для меня выраженіе *сгустился*. Оно подаешь мнѣ поводъ къ размышленію. Не лучшели, думаю поспавипъ здѣсь *сотворился, сдѣлался, составился, произшелъ?* Нѣшъ, продолжаю думать, въ первомъ вопросѣ, гдѣ человекъ сносился съ человекѣми, сказано *рожденъ*; но во второмъ вопросѣ, гдѣ человекъ сносился съ холмомъ, надобно сыскашъ и слово обоимъ имъ, но болѣе холму приличное;

а потому *сотворился, сдѣлался*, не хорошо; *составился, произошелъ*, хотя и лучше, однако сіи глаголы не показываютъ, не изображаютъ мнѣ той густоты, какую глазъ мой видитъ въ холмѣ; и такъ всѣ сіи слова испорчатъ выраженіе: *или прежде холмовъ спустился еси*. Когда въ главѣ шепснадцатой прочитаю: *да придетъ молба моя ко Господу, предъ нимъ же да каплетъ око мое*, тогда хотя и знаю много другихъ выраженій, подобныхъ послѣднимъ въ сей рѣчи словамъ, таковыхъ, какъ *станетъ плакатъ предъ нимъ, ридатъ, проливаетъ слезы*, однако чувствую, что всѣ сіи выраженія не такъ сильны, не такъ важны, какъ выраженіе *да каплетъ око мое предъ Имъ!* Сколько найду я подобныхъ мѣстъ, изъ которыхъ обогащаюсь мыслями и научаюсь знать силу словъ и языка! Что можетъ быть поразительнѣе и ужаснѣе сихъ выраженій, какими удрученный всѣми злосчастіями Іовъ описываетъ свое состояніе: *тлѣю духомъ носимъ — прошу же гроба и не члугаю. Молю болѣзную, и что сотворю? — Днѣ мои прей-*

доша въ тегеніи, расторопшася же удове сердца моего. Моуще въ день преложихъ— адъ ми еств домъ, въ сумрацѣ же постлася ми постеля: смерть назвахъ отца моего бити, матеръ же и сестру ми гной. Гдѣ убо еще еств ми надежда? и проч. Какое сближеніе самыхъ любезнѣйшихъ предметовъ съ самыми ужаснѣйшими! Могилу почитать домомъ своимъ! Мракъ постелею! Смерть опцемъ! Гной матерью, и сестрою! Но таковъ еств образъ смерти. Истинна представлена здѣсь въ самомъ только ужаснѣйшемъ видѣ, впрочемъ не престаетъ быть истинною.

Прейдемъ ли опѣ Іова къ великолѣпію и грому псалмовъ Давидовыхъ? Когда божественный пѣснопѣвецъ сей начинаетъ говорить о Богѣ, какая въ словахъ его изображается любовь и надежда на него: возлюблю тя Господи крѣпосте моя, Господе утвержденіе мое, и прибѣжище мое, и избавитель мой, Богъ мой, помощникъ мой, и уповаю на него: защититель мой, и рогъ спасенія моего, и заступникъ мой! Кажется уста его не могутъ насытиться

повтореніємъ имени Господня и различными благодарніи Его изчисленіями. Кончитъ и опять начинается. Толико силенъ въ немъ духъ благодарности! Когда же говоришь о бѣдствіяхъ своихъ, отъ которыхъ бы погибъ онъ безъ помощи Божіей, то какими пламенными чертами изображаетъ ихъ: *одержаша мя болѣзни смертныя, и истоцы беззаконія смятоша мя. Болѣзни адовы ободоша мя, предвариша мя сѣти смертныя!* Среди сихъ бѣдствій, уготованныхъ ему отъ враговъ его, взываетъ онъ ко Всевышнему. Богъ услышалъ шепчущія молитвы его, и когда *подвигнулся на помощь ему, тогда третна бысть земля, и основаніе горъ смятошася.* Толикій страхъ и попрысеніе въ природѣ производитъ единое мановеніе Божіе! Но послушаемъ, какими чертами описываетъ онъ грядущаго на помощь къ нему Творца: *взоиде дымъ гнѣвомъ Его, и огнь отъ лица Его воспламенится: угліе возгорѣся отъ Него. И приклони небеса и сниде, и мракъ подъ ногама Его.* (Одно сіе выраженіе: *и приклони небеса, даешъ*

уже величественное, страшное понятіе о помѣ, кто съ нихъ низсходитъ). *И взезде на Херувими, и летѣ, летѣ* (прекрасное повтореніе) *на крилу встрѣню. — Отб блистанія предб Нимѣ облацѣи проидоша градб и угліе огненно!* (Таковъ во славѣ и во гнѣвѣ Богъ)! *И возгремѣ съ небесе Господѣ, и вошній даде гласб свой. Низпосла стрѣлы, и разгна я* (п. е. враговъ): *и молніи умножи, и смяте я. И явишася истокици водни, и открьшася основанія вселенныя. — Отб чего природа въ такомъ ужасѣ и движеніи, что глубина водъ распупилась и открьла основанія вселенной? — Отб запрщенія Твоего Господи, отб дохновенія духа гнѣва Твоего. Какая высота въ мысляхъ! Какая сила въ выраженіяхъ и словахъ!*

Индѣ съ какою громкостію начинаеть онъ воспѣвать Бога: *небеса воздають славу Божію, твореніе же руку Его возвѣщаетъ твердѣ. Денѣ дни отрегаетб глаголѣ, и ноцѣ ноцѣ возвѣщаетъ разумѣ. Не суть рѣчи, ниже словеса, ихже не слышатся гласи ихъ: во всю землю изезде въ-*

щаніе ихъ, и въ концѣ вселенноя глаголю
ихъ. Подлинно созерцаніе небесъ, пре-
мѣны дня съ ноцію, всѣ сіи чудныя,
великолѣпныя явленія, не суть рѣчи или
словеса, но вѣщанія, исходящія во весь
міръ, и громче всякаго языка или гласа
проповѣдующія славу своего создателя.
*Въ солнцѣ положи селеніе Свое: и той яко
женихъ исходяй отъ тертога Своего, возра-
дуется яко исполнивъ тещи путь: отъ края
небесе исходъ Его, и срътеніе Его до края
небесе: и нѣсть, иже укроется теплотой его.*
Подлинно подобно блистающему въ зла-
тыхъ одеждахъ жениху выходитъ оно
изъ чертога своего. Подлинно, какъ ис-
полнивъ, надѣющійся на силу свою, ра-
дуется, что предприемлетъ тещи сей
великій путь, котораго начало есть
одинъ, и котораго конецъ есть другой
край неба. Подлинно ничто не укроется
отъ теплоты живошворныхъ, всепрони-
цающихъ лучей его. Послѣ сего величе-
ственнаго изображенія славы Бога, кто
не повѣритъ, что: *законъ Господне непо-
роченъ; свидѣтельство Господне вѣрно, уму-*

дряющее младенцев. Оправданія Господня права, веселящая сердце. Заповѣдь Господня свѣтлая, просвѣщающая очи. Страхъ Господень гистѣ, пребывай въ вѣкъ вѣка. Судбы Господни истинныя, оправданной вкупи́; вожделенной паче золота и камене цѣстна многа, и сладша паче меда и сота?

Въ иномѣ мѣсѣхѣ, по исчисленіи тяжкихъ народа своего спраданій въ плѣну, съ какимъ огнемъ и движеніемъ духа проситѣ онъ Бога о избавленіи своемъ: *заче Тебе ради умерщвляемя весь день, вѣдѣюхоя яко овцы заколенія. Востани, вскую спиши Господи? Воскресни и не отрижи до конца. Вскую лице Твое отвращаеши? Забываеши нищету нашу и скорбь нашу? Яко смирился въ персть душа наша, приле земли утроба наша. Воскресни Господи, помози намъ, избави насъ имене ради Твоего. Какія смѣлыя выраженія: вскую спиши Господи? Вскую лице Твое отвращаеши? Забываеши нищету нашу и скорбь нашу! Кажешся, какъ будто онъ укоряетѣ Бога, какъ будто говоритѣ Ему нѣчто оскорбительное и дерзновенное. Но можетѣ*

ли благость Божія оскорбиться сими звываніями, обнажающими предъ Нимъ всю внутренность души, и копорыхъ смѣлость родилась отъ сильнаго желанія призвать Его къ себѣ на помощь? Можетъ ли чадолюбивый отецъ прогнѣваться на сына, вопіющаго къ нему всемъ гласомъ любви и надежды своей на него? Пришворная любовь робка отъ опасенія, чпобъ не проникнули оную; истинная любовь смѣла, отъ увѣренности на свою искренность. Колико сіи смѣлые вопросы отъ персти, отъ червя, должны всемогущему Богу быть пріятны въ смѣшеніи съ сими униженными мольбами: *воззри на нищету нашу, смирися въ персть душа наша, приле земли утроба наша: воскресни, и не отрини до конца, воскресни Господи, помози намъ, и избави насъ иже ради Твоего!* Сіе соединеніе простыхъ и смѣлыхъ выраженій вмѣстѣ съ усиленными и униженными, есть жаръ кипящаго усердія, есть разумѣніе чувствовашь и высокое искусство писать.

Но кто исчислитъ всѣ красоты, находящіяся въ Священныхъ Писаніяхъ? Здѣсь, въ Псалтири замѣтили мы, какъ въ морѣ каплю воды, нѣсколько такихъ мѣстѣ, въ которыхъ видно пареніе духа, выпренность мыслей и высота языка; но перейдемъ въ пѣсни пѣсней: тамъ найдемъ мы совсѣмъ другое: языкъ простѣе, мягче, нѣжнѣе. На примѣрѣ сіе призываніе къ себѣ невѣсты исчисленіемъ весеннихъ прелестей: *востани, прииди ближняя моя, добрая моя, голубице моя: яко се зима прейде. Дождь отыде. Цвѣти явшася на земли, время обрѣзанія приспѣ; смоква изнесе цвѣтъ свой, виноградъ зрѣюще даша вою. Востани, прииди ближняя моя, добрая моя, голубице моя, прииди; яко ми знакъ твой, и услышавъ сотвори ми гласъ твой: яко гласъ твой сладокъ, и образъ твой красенъ. Индѣ быспропа слога сопряжена съ нѣкоторою величественною нѣжностію, какъ на примѣрѣ въ сей рѣчи: *востани съверс, и гряди юже, и повѣй въ вертоградѣ моемъ, и да поткутъ ароматы моя; или въ сей:**

дщери Сїони изойдите и видите Царя Соломона въ вѣнцѣ, и мже вѣнга мати его, въ день обрутенїя, и въ день веселїя сердца его, Многія крашкія рѣченїя содержатъ въ себѣ силу, до какой простое нарѣчіе никогда возвыситься не можешъ. Возмемъ сіе мѣсто въ пятой главѣ, гдѣ невѣста видитъ во снѣ жениха своего, пришедшаго въ бурную ночь къ дверямъ ея спальни, и просящагося войпи къ ней. Она съ препеномъ отворяетъ двери, но онъ сказавъ нѣчто, проходитъ мимо и спановишся невидимъ: *отверзохъ азъ брату моему* (слово брашъ приемишся въ пѣсняхъ пѣсней за слово женихъ). *Братъ мой преїде. Душа моя изведе въ слово его. Взвѣскахъ его, и не обрѣтохъ его, звахъ его, и не послуша мене.* Можно ли живоспъ и силу чувспвованїя, при услышанїи голоса возлюбленнаго своего, выразитъ лучше сего: *душа моя изведе въ слово его?* Какой новѣйшїй языкъ скажетъ такъ сильно? Посмотримъ, на примѣрѣ, пожъ самое выраженїе на Францускомъ языкѣ: *mon ame se râte de l'avoir omi*

priser. Гдѣ въ семъ слабомъ сказаніи то живое, жаркое чувствованіе, какое пылаеиъ въ рѣчи: *душа моя изведе въ слово его?* Но мы устпаемъ, приводя примѣры сихъ красотъ, сихъ выраженій краткихъ, сильныхъ, великолѣпныхъ: *братъ мой бѣлъ и терменъ, избранъ отъ темъ. Глава его злато избранно; власы его кудрявыя, терныя, яко грань. Накиты его, аки фіалы ароматъ, прозябающія благовоиіе. Устны его кривыя, каплющія смирну. Листа его столыи мраморовыя, основаны на степенехъ златыхъ. Гортанъ его сладость, и все желаніе.* Сравнимъ сіе послѣднее выраженіе: *гортанъ его сладость, и все желаніе,* съ Французскимъ: *son palais n'est que douceur, tout ce qui est en lui sont des choses désirables,* не почувствуемъ ли чрезмѣрной разности между сими двумя выраженіями? Сколько одно кратко и сильно, столько другое разтянуто и слабо. Свойство нашего языка позволяетъ сказать прямо: *гортанъ его сладость.* Французъ, напротивъ не можетъ сказать: *son palais douceur;* ему надобно непременно

включить путь ослабляющія рѣчь сію, ненадобныя намъ слова *n'est que* (не есть какъ). Мы можемъ сказать: *всѣ желаніе*; а онъ вмѣсто сего долженъ сказать: *все то, что есть въ немъ, суть вещи желаемыя*. Какое бесполезное многословіе!

Что составляетъ краснорѣчіе, какъ не избранныя, богатые смысломъ слова, разположенныя такимъ образомъ, что услаждаютъ вмѣстѣ и слухъ и разумъ? Что составляетъ силу и высоту слога, какъ не краткость? Но чтожъ иное, какъ не то вездѣ примѣчаемъ мы въ языкъ нашемъ? Сколько въ Сирахъ, въ Припчяхъ Соломоновыхъ, въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ, въ Пророкахъ, въ посланїяхъ и проч. находимъ мы (не говоря о цѣлыхъ мѣстахъ, пребующихъ пространныхъ выписокъ) однихъ краткихъ, исполненныхъ разума рѣченій, таковыхъ, какъ: *законъ мудрому источникъ жизни*. — *Ярость царева вѣстникъ смерти*. — *Мудрой во устахъ носитъ разумъ*. — *Вѣнецъ хвалы старость*. — И шому подобныхъ?

Наконецъ обратимся ли отъ Библіи къ молитвамъ нашимъ, къ священнымъ обрядамъ, сколько и тамъ найдемъ сильныхъ, краснорѣчивыхъ мѣстѣ? Чѣмъ можетъ быть печальнѣе сего размышленія о смерти при погребеніи чловѣка: *плачу и рѣдаю, егда помышляю смерть, и вижду во гробѣхъ лежащую, по образу Божию созданную нашу красоту, безобразну, безславну, немощную вида. О гудесе! что сіе еже о насъ бгств таинства? Како предахомся тлѣнію? Како сопряхомся смерти? Воистинну Бога повелѣніемъ, и проч.* Во многихъ Риторикахъ читаемъ мы примѣры извѣснаго въ краснорѣчіи украшенія, называемаго *Замословіемъ*, которымъ влагаенся рѣчь во уста мертваго; но гдѣ найдемъ примѣръ жалостнѣйшій сего при погребеніи пѣнія: *зряще мя безгласна, и бездыханна предлежаща, восплачете о мнѣ братія и друзи, сродницѣи и знаеміи: вчерашній бо день бесѣдовахъ съ вами, и внезапно найде на мя страшный гасъ смертнѣй: по прїидите вси любящїи мя, и цѣлуйте мя послѣднимъ цѣлова-*

•

нїсмѣ. Кѣ судїи бо отхожду, идѣже
нѣсть лицепріятїя: рѣбѣ бо и владога
вкупѣ предстоѣтѣ. царь и воинѣ, богатей
и убогїй, вѣ равномѣ достоинствѣ: кїждо
бо отѣ своихѣ дѣлѣ, или прославится, или
постыдится, и проч.? Каждая рѣчь, каж-
дое слово пронзаетѣ сердце.

Но неуже ли могу я изчислитѣ
всѣ красоты вѣ Священныхѣ Писанїяхѣ,
вѣ нравоучительныхѣ духовныхѣ творенїяхѣ,
вѣ житїяхѣ свяпыхѣ отецѣ, вѣ
сочиненїяхѣ Димїтрія Росповскаго, вѣ
проповѣдїяхѣ Теофановыхѣ, Платоновыхѣ
и проч.? Не доспанетѣ моихѣ на то ни
силѣ, ни разума, ни жизни! И такѣ оспа-
вимѣ сіе великое море тому, чей умѣ,
для обогащенїя своего, хочетѣ вѣ немѣ
плавать, странствоватѣ, собираетѣ, и
обратимся кѣ шретьему нашему рассу-
денїю.

СТАТЬЯ Ш,

Въ которой разсматривается, какими средствами словесность наша обогащается можетъ, и какими приходитъ въ улагодкѣ.

Мы разсмотрѣли въ первой статьѣ превосходныя свойства языка нашего. Мы показали во второй статьѣ употребленіе сихъ свойствъ въ красотахъ Священныхъ Писаній. Изъ сихъ двухъ разсмотрѣній довольно явствуетъ, что источникъ языка нашего богатъ коренными словами, изобилуетъ въсвѣтами оныхъ, и что намъ для украшенія нынѣшняго нашего нарѣчія остается только черпать изъ онаго. Но распространившіеся ко вреду словесности толки о мнимой разности Славенскаго языка съ Рускимъ не только не дають ей процвѣтать, ниже пребывать твердою и постоянною. Сіи толки можемъ мы видѣть и читать во многихъ нынѣшнихъ книгахъ. И такъ о семъ намѣренъ я разпространить мое

слово. Хотя шаковое изслѣдваніе излишне для ученыхъ мужей, соспавляющихъ Россійскую Академію; но не излишне оное для всего круга людей, упражняющихся въ словесности.

Отколѣ родилась неосновательная мысль сія, что Славенскій и Рускій языкъ различны между собою? Ежели мы слово *языкъ* возьмемъ въ смыслѣ нарѣчія или слога, то конечно можемъ утверждать сію разность; но шаковыхъ разностей мы найдемъ не одну, многія: во всякомъ вѣкѣ или полувѣкѣ примѣчаются нѣкоторыя перемѣны въ нарѣчіяхъ. Слово о полку Игоревомъ, Библия, Четии мнени, Несторова лѣтопись, Теофановы проповѣди, Кантемировы сапиры, оды Ломоносова, сочиненія Пепрова, Богдановича, и проч., суть книги писанныя разными слогами и нарѣчіями, но языкъ въ нихъ одинъ и тотъ же Славенской или Руской. Собственно подъ именемъ языка разумѣются корни словъ и вѣшви отъ нихъ произшедшія. Когда оныя въ двухъ языкахъ различны, тогда и языки

различны между собою; но когда знаменованія словъ и вѣпвей оныхъ находятся въ самомъ языкѣ, тогда оныя всякому нарѣчію общи, выключая развѣ такое, которое совсѣмъ отъ корней языка своего удалилось: тогда уже оно не естъ болѣе нарѣчіе, но совсѣмъ иной языкъ. Гдѣжь примѣчаемъ мы по въ нашемъ нарѣчіи? Мы не имѣемъ нынѣ двойственнаго числа, не говоримъ *ядоста, ядоста, ногла, рукама*; но говоримъ *ядятъ, идутъ, руками, ногами*; мы у тѣхъ же самыхъ именъ и глаголовъ измѣнили только окончаніе: слѣдовательно разность не въ языкѣ, а въ нарѣчіи, нима-ло не уклонившемся чрезъ по отъ ра-зума и свойствъ языка. Скажупъ: мы много имѣемъ двоякихъ именъ, изъ ко-прыхъ однѣ Рускія, а другія Славен-скія, на примѣръ по Руски *глазъ, лобъ, щоки, плечи*, а по Славенски *око, гело, ла-ниты, рамена*. Но чемъ докажупъ мнѣ, что *глазъ, лобъ, щоки, плечи*, суть Рускія, а не Славенскія названія? Сошлюся ли на то, что ихъ мѣстѣ въ Священныхъ

Писаніяхъ. Это не доказательство: 1е потому, что во всякомъ языкѣ есть сословы, слѣдовапельно и въ нашемъ быть должны. 2е, Что нѣкоторыя изъ нихъ и въ Священныхъ книгахъ попадаются. На примѣрѣ индѣ сказано *ра-лендъ*, индѣ *плещи* или *плети*. 3е, Священные книги обыкновенно пишутся высокимъ или важнымъ слогомъ, а потому хотя бы въ нихъ и не было нѣкоторыхъ словъ, это не отрицаетъ еще существованія оныхъ въ Славенскомъ языкѣ; ибо въ какомъ важномъ сочиненіи найдемъ мы *калякатъ*, *кобенитъся*, *задоритъся*, *пригорюнитъся*, *ошеломитъ*, *треснуть въ рожу*, и подобныя тому простыя или низкія слова? Весьма бы странно было признавать ихъ не Славенскими для того только, что ихъ нѣтъ въ высокихъ твореніяхъ, въ которыхъ имъ и быть неприлично. Возмемъ Библию, лѣтописи, народныя сказки или пѣсни: въ каждомъ изъ сихъ трехъ родовъ сочиненій найдемъ мы разные слоги, разныя нарѣчія, и множество словъ особливыхъ, въ другомъ родѣ не

существующихъ, но которыхъ корни одинакожъ находятся въ общемъ языкѣ, всѣ сїи роды обьемлющемъ. Мы конечно не найдемъ въ народномъ языкѣ ни *благовонїя*, ни *воздогнїя*, ни *доблестїя*, ни *древодѣлїя*; а напрошивъ спого въ Библии не найдемъ ни *любгика*, ни *голубгика*, ни *удалого добраго молодца*; однако не можемъ изъ сего различїя заключить о разности языковъ. Всякое слово, какъ мы въ первой сшашѣ видѣли, пускаемъ отъ себя вѣтви, изъ которыхъ иныя приличны высокому, а другїя простому нарѣчію или слогу. Изъ сего раздѣленїя ихъ не слѣдуетъ утверждать, будто бы оныя не одно и тожъ дерево составляли. Могутъ еще сослаться на слова *лошадь*, *колякъ*, *кутерь*, *артиллерїя*, *фортификацїя*, и проч.: но сїи столько же не Славенскїя, сколько и не Рускїя, потому что изъ чужихъ языковъ взяты. Чшо жъ такое Руской языкъ отдѣльно отъ Славенскаго? Мечта, загадка. Не спранно ли утверждать существованїе языка, въ которомъ нѣшъ

ни одного слова? Между тѣмъ однакожъ, не взирая на сію несообразную странность, многіе новѣйшіе писатели на семъ почто мнимомъ раздѣленіи основываютъ словесность нашу. Они не о томъ разсуждаютъ, что такое-то слово въ такомъ по слогу высоко или низко; такое сужденіе было бы справедливо; но нѣтъ, они о каждомъ словѣ особенно, не въ сосставѣ рѣчи, говорятъ: это Славенское, а это Руское. Сіе неудобовозможное раздѣленіе основываютъ они на томъ мечпательномъ правилѣ, что которое слово употребляется въ обыкновенныхъ разговорахъ, такъ то Руское, а которое не употребляется, такъ то Славенское. Утверждаясь на семъ мнѣніи, проповѣдуютъ они, что всѣ Славенскія слова надобно исключить изъ нынѣшняго языка и писать, какъ говоримъ. Въ этомъ, по ихъ мнѣнію, состоитъ совершенное краснорѣчіе. Они называютъ это *утонченною литературою* или *новою эпохою языка*, и все то, что до нихъ, или не по ихъ писано, отверга-

ють, яко старое и обветшалое. Разсмотримъ, основательно ли сіе ихъ умствование.

Мы доказали, что Славенской и Руской языкъ есть одно и тоже. А когда языкъ одинъ, то и нарѣчія онаго, хотя бы онѣ разноспвовали между собою, не могутъ называться одно Славенскимъ, а другое Рускимъ; въ такомъ случаѣ предполагалось бы различіе въ сихъ двухъ языкахъ. Но положимъ, что мы для различенія прежняго и нынѣшняго нарѣчія назовемъ, хотя и несвойственно, одно Славенскимъ, а другое Рускимъ нарѣчіемъ. Станемъ разумѣть подъ именемъ Славенскаго языка нарѣчіе Священнаго Писанія, а подъ именемъ Рускаго языка нарѣчіе свѣтскихъ книгъ. Въ чемъ состоитъ разность между сими двумя нарѣчіями? Безъ сомнѣнія въ нѣкоторомъ токмо измѣненіи словъ, а не въ раздѣленіи оныхъ на Славенскія и Рускія; ибо какимъ образомъ можемъ мы сдѣлать сіе раздѣленіе? Ежели назовемъ *воронъ*, *курова*, *воробей*, *молоко*, Рускими словами;

а *врагъ, крава, врабій, млеко*, Славенскими; по за чѣмъ же говоримъ по Славенски *кравъ, врагъ, владѣть, награда*; а не по Руски *норовъ, ворогъ, володѣть, нагорода*, какъ читаемъ въ лѣтописяхъ и въ простомъ народномъ языкѣ? Ежели скажемъ, что *лѣпота* есть Славенское, а *красота* Руское слово; по къ какому же языку причислимъ слово *великолѣніе*? Буде къ Славенскому, такъ по правилу сихъ проповѣдниковъ въ нынѣшнемъ нарѣчїи употреблять его не должно; а буде къ Рускому, по какимъ образомъ, не зная чпо *лѣпота*, будемъ мы знать чпо *великолѣніе*? Ежели скажемъ, чпо глаголъ *дѣлаю* есть Руской, а *дѣю* Славенской; такъ за чѣмъ же говоримъ *злодѣяніе, злодѣй*? Таковыхъ запрудненій могъ бы я представити множество. . Какимъ же образомъ въ составѣ языка разберемъ мы чпо Славенское и чпо Руское? Обыкновенное пропивъ сего возраженіе людей, не читающихъ ничего пзердаго, созидающаго въ насъ зрѣлость ума и разсудка, состоипъ въ томъ, чпо когда они напи-

шупѣ десятка два бранныхъ противѣ Славенскаго языка стишковѣ, и въ простыя рѣчи не кспати вставятѣ нѣскольکو высокихъ (называемыхъ Славенскими) словѣ, то и торжествуютѣ, думая, что они ясно доказали худость сего языка. Имѣ до разбора свойствѣ онаго, до первоначальныхъ основаній, до кореннаго заключающагося въ словахъ смысла, и до всѣхъ подобныхъ обстоятельствѣ нѣпѣ никакой нужды. Они не изѣ книгѣ, писанныхъ учеными и знающими силу языка людьми, хопятѣ учиться онсму, но изѣ простонародныхъ разговоровѣ. По ихѣ мнѣнію говорящій нынѣшнимѣ нарѣчіемѣ спароста церковный гораздо краснорѣчивѣ Преосвященнаго Ѳеофана, говорившаго Славенскимѣ нарѣчіемѣ. У нихѣ только и вопросовѣ: не ужѣ ли намѣ говорить: *аще бѣи тѣи не скоро возвратился, я бѣи не дождавшись тебѣ, абѣи ушолѣ домой?* Имѣ довольно поставитѣ не кспати *аще* и *абѣи*, дабы возненавидѣть весь Славенскій языкѣ, какѣ будто онѣ и виноватѣ въ томѣ, что они упо-

шреблять его не умбють. По этому ежели я скажу: *несомной бѣстрѣли коня-ми роцарь внезапно низвергся съ колесницы и расквасилъ себя рожу*, такъ будетъ Руской языкъ виноватъ, что я сказалъ на немъ такую нечѣпость? Нѣтъ, ипуть никакова языка винить не можно, а должно винить себя за то, что мы ни на которомъ изъ нихъ не умбемъ прилично обьясняться. Заключать же изъ подобныхъ доказательствъ о худости языковъ есть судъ объ оныхъ самый невѣжественный. И такъ не Славенскій языкъ, отдѣляя отъ Рускаго, презираетъ; не слова онаго на Славенскія и Рускія раздѣляетъ; но какое слово какому слогу прилично, знать надлежитъ. Ломоносовъ не спрашивалъ о словѣ *велегласно*, Славенское ли оно или Руское; но зналъ, что это высокое слово, и для того не сказалъ бы никогда въ разговорахъ съ пріятелями: *я, братецъ, велегласно зову тебя на гашку гаю*; но когда пришлось ему писать оду, такъ онъ шамъ не усумнился сказать:

Сіе всѣ грады велегласно,
 Что время при тебѣ прекрасно,
 Монархія, живучѣ и чпятѣ,
 Сіе всѣ грады повпоряютѣ.

Онѣ не утверждалѣ, что надобно
 вездѣ вмѣсто *сіе* писать *это*. Нѣтъ!
 онѣ въ разговорахъ конечно говаривалѣ:
это, мой другѣ, бездѣлица; но въ важ-
 номѣ слогѣ никогда вмѣсто: *сіе всѣ градовѣ*
повторяютѣ, не сказалѣ бы, *это всѣ градовѣ*
повторяютѣ, какѣ мы нынѣ тысячи тому
 примѣровѣ найдемѣ отѣ премудраго про-
 повѣдыванія *пиши, какѣ говоришь*. Держа-
 винѣ также въ проспыхъ разговорахъ не
 сказалѣ бы нигдѣ *ошую* и *оденую*, но
 когда сочинялѣ возвышеннаго рода стихи,
 тогда, не останавливаясь на разборѣ
 сихъ словѣ, Славенскія ли онѣ, или Ру-
 скія, поставилѣ:

Тамѣ тысячи падутѣ ошую,
 Кровавая горитѣ зоря,
 Тамѣ миліоны оденую,
 Покрыты трупами моря.

Гдѣ сыщемѣ мы въ лучшихъ нашихъ пи-
 сателехъ и стихотворцахъ отверженіе
 важныхъ словѣ и различнаго окончанія

причастій, подѣ предлогомъ, что вкусъ не позволяетъ употреблять ничего Славенскаго? Лагарпъ, сравнивая Французской языкъ съ древними, то есть Греческимъ и Латинскимъ, между прочими разсужденіями говоритъ: „Греки имѣютъ „ихъ (причастія) во всѣхъ временахъ и „еще прокїя, то есть каждое изъ нихъ „съ тремя разными окончаніями. — Спроситъ: на что такое множество? — „Вотъ, сказалибъ Греки, вопросъ *варваровъ*. Можетъ ли быть много разнообразія въ звукахъ, когда хотимъ ласкать „ухо? Стихотворцамъ и краснословамъ „досадно ли выбирать любое? „ Вотъ какъ разсуждалъ Лагарпъ. Также почю разсуждалъ Ломоносовъ, и всѣ подобные ему писатели. Для доказательства сего приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ безсмертныхъ его сочиненій:

Но вы, о колы благополучны,
 Мосьву пощія струи!
 Вы *ударяютъ* во брега шучны
 И *проходя* поля свои,

*Ликуйте, соѣтло веселитесь,
 Вы скоро, скоро насладитесь
 Богини щедротя огей.
 Здѣсь Нимфы Невской Ипокрены,
 Видѣвля ея лишены,
 Сердцами пойдутъ въ слѣдъ за ней,
 Сердцами пойдутъ и устами
 Въ восторгъ сладкомъ возгласяшъ:
 Коль славными она дѣлами
 Петровъ разпространила градъ,
 И какъ о свѣтломъ оной взорѣ
 Возвселясь подвиглое море,
 И къ звуку приложило шумъ.*

(Ода 11).

*Отверзиемъ священныхъ устъ,
 Трясуши еѣдиной вѣщаетъ.*

(Ода 12).

Но палъ, и трясукис о землю пыломъ билъ.

(Трагед. Мамай).

*Россію самъ Господь блюдетъ,
 Рукою онъ Елисаветы
 Проживныхъ разрушитъ навѣтокъ.*

(Ода 2я).

*Богиня, коея державу
 Обняшь не могушь седлѣ морей.*

(Ода 3я).

Часть V.

15

Въ церквахъ, по *стогнамъ*, по домамъ,
Несчетно множество народу
Гремящу представляють воду,
Что гласъ возноситъ къ небесамъ.

(Ода —).

Присяжны преступивъ союзы,
Поправши нагло святость правъ,
Царямъ *навсргнутъ* тщишься узы.

(Ода 13).

Пускай на гордыхъ гнѣвъ мой грянетъ,
Соблещетъ молнія мечу.

(Ода 15).

Изъ сихъ немногихъ выписокъ видимъ мы, какъ много Ломоносову способствовало чпеніе священныхъ книгъ; ибо всѣ сіи выраженія: *ликуйте, свѣтло веселитесь, насладитесь богини щедроя огей, о свѣтломъ оной взоръ возвеселясь подвиглось море*, также и слова таковыя, какъ *навсргнутъ, соблещетъ, навѣтъ, стогна*, почерпнушы опшуда, а не изъ упошребленія въ разговорахъ. Онъ не опвергалъ никакихъ причастій, но зналъ, гдѣ по мѣрѣ проспошы или высокосты и силы выраженія должно сказать *ударя*, гдѣ *уда-*

*ряюги, гдѣ трясуши, гдѣ трясутисѣ; не говорилъ, что слова навѣтъ, стогна, седмѣ, должно выкинуть изъ языка для того, что онѣ въ разговорахъ не употребляются; зналъ, что глаголъ *навергнуть* въ возвышенномъ слогѣ приличнѣе, нежели равнозначущіе ему глаголы *накинуть, наложить, набросить*; вѣдалъ, что *молнія соблещетъ мѣсту* гораздо сильнѣе и краснорѣчивѣе, нежели *молнія блистаетъ мѣстѣ съ мѣстѣ*.*

Главнѣйшая сила и богатство языка нашего въ томъ состоитъ, что мы имѣемъ великое изобиліе высокихъ и простыхъ словъ, такъ, что всякую важную мысль можемъ изображать избранными, а всякую простую обыкновенными словами. Сіе изобиліе языка нашего пребудетъ отъ насъ такого въ прибираніи словъ искусства, какое должны имѣть продавцы жемчужныхъ нитей: малѣйшая худость или неравенство одной жемчужины съ другими уменьшаетъ въ глазахъ знашока цѣну всей нишки. На

примѣръ *раменѧ* и *плечи* суть два слова, оба не низкія; но возьмемъ слѣдующій стихъ Ломоносова:

Напрягся мышцами и рамена подвинулъ,
И тяготу земли превыше облакъ вскинулъ.
Могъ ли бы Ломоносовъ вмѣсто: *и раменѧ подвинулъ*, сказать здѣсь: *и плечи подвинулъ*? Опнудь нѣтъ. Такое выраженіе обезобразило бы стихъ его. Но Херасковъ во Владимирѣ могъ сказать:

Лежатъ ея власы, какъ злато по плечамъ.
Для чего въ стихъ Ломоносова надлежало непременно сказать *раменѧ*, а въ стихъ Хераскова можно было употребить *плечи*? Для того, что въ первомъ изъ оныхъ всѣ прочія слова суть высокія: *напрягся, мышцы, подвинулъ*; слѣдовательно мысль и слова въ немъ гораздо выше, нежели въ стихъ Хераскова; а потому равенство слога и требовало сочетанія одинакой высоты словъ.

Когда оды требуютъ нѣкоего возвышеннаго слога, то поэмы и подобныя тому шворенія еще болѣе. Откуда же возьмемъ мы высокой слогъ или языкъ,

когда не станемъ почерпать оный изъ единственнаго источника Священныхъ Писаній? Возмемъ почпи сряду нѣскольکو стиховъ изъ первой пѣсни Владиміра, поэмы Хераскова:

Руки, Господи, мнѣ *руки*: въ Тебѣ да будешъ свѣтъ!

И важну пѣснь мой духъ во свѣтѣ воспоетъ.

Руки, естъ Славенское выраженіе.

Жрецы подѣ именемъ боговъ народомъ правятъ;

Глаголы ихъ Царя вселенныя безславятъ;

Возпламеняютъ ихъ *гаданія* войну,

Ихъ руки продаютъ за *злато* шишину,

Изъ идольскихъ щедротъ позорну *куплю*
дѣютъ,

Корысти собственной, не пользы душъ радѣютъ.

Глаголы, гаданія, злато, куплю дѣятъ, сущъ поже Славенскія выраженія.

Поработилъ себя презрѣнному *кумиру*

Не Богу вышнему, *работалъ* шлбнну міру.

Кумиру, по Славенски, по просипу болвану;

работать кому, поже естъ Славенское выраженіе.

Отъ сей спасительной и *гистоя* струи

Меня, о мужъ *святой*, при жаждѣ *напом*.

Отъ гистоля, святой, напои, все это Славенское; по проспу изъ гистой, святой, напои.

Болѣзненно сіе Владимиру вельнѣе.

Болѣзненно, поже Славенское; ибо мы въ просторѣчи не говоримъ: *миѣ болѣзненно*, а говоримъ *болжно, тяжело, досадно*, или шому подобное.

Тогда разсыпались вездѣ *кларетом* ихъ,
На жершву *привлещи* во храмъ мужей свя-
шыхъ.

Кларетом, привлещи, поже Славенское,
по проспу *товарищи, притащитъ*.

Текутъ на верхъ горы, какъ вихри, пыль
вѣющи
Въ сердцахъ свирѣпый гнѣвъ, въ колчанахъ
смерть *несущи*.

Или:

Какъ древній дубъ зимой, *и мѣющъ* свѣжій
видъ.

Или:

Но жрецъ Пламидъ прервалъ молчаніе свое,
И яростью *кипящъ*, невиннымъ рекъ сіе.

Всѣ сіи причастія: *вѣющи, несущи, и мѣющъ, кипящъ*, суть Славенскія, неупотребляемая въ просныхъ разговорахъ.

Священная *гета* когда вступила въ храмъ;
Молчаніе *крилъ* разпространило тамъ.

Гета, *крилъ*, поже Славенское; по про-
спу *парогка*, *кроля*.

Страхъ нѣкій на *гелахъ* у всѣхъ изобра-
зился,
А праведниковъ *ликъ* сіяньемъ озарился.

ИЛИ:

Ланиты шокомъ слезъ имѣя орошенны,
Власы по *раменахъ* волнами разпущенны.

ИЛИ:

Двѣ души праведныхъ оставивъ *тѣлеса*,
На радужныхъ *крилахъ* летятъ на небеса.
Уже предѣловъ шѣхъ касаются они,
Гдѣ огненна вода, гдѣ влажные огни;
Гдѣ *велехъніе* божественнаго міра
Составленна изъ звѣздъ небесна славить
лира.

Сколько здѣсь Славенскаго: *гело*, *ликъ*,
ланиты, *власы*, *рамена*, *тѣлеса*, *крилъ*,
велехъніе! Какая пища для посмѣянія и
жулы шѣмъ, кошорые оприцаются отъ
сего языка!

Одѣяно свѣтлою небесною зарей.

Одѣяно! и здѣсь Славенское; по разгово-
рному *одѣтѣ*.

Мной крестъ Спасителя воздвигнутъ
 Россамъ *стунѣ*;

Не мыслятъ о Тебѣ, но мыслятъ о Перунѣ.
Втунѣ! эпова слова не говорятъ въ раз-
 говорахъ, скажутъ тѣ, которые разго-
 ворчымъ языкомъ пишутъ поэмы.

Многоогитя не движутся колеса.
Многоогитя, Славенское.

Померкли свѣтлыя небесные огни,
 И *впяты* подвиглися со шрепешомъ они.
Впяты, Славенское.

Изъ сего начала поэмы можемъ уже
 видѣть, какъ необходимъ былъ Херас-
 кову Славенскій языкъ, не говоря о томъ,
 что и всѣ прочія слова не перестаютъ
 быть Славенскими отъ того, что однѣ
 изъ нихъ употребишь въ разговор-
 ахъ, нежели другія. Хорошо ли бы сей
 знаменитый стихотворецъ сдѣлалъ, если
 бы вмѣсто *рцы Господи*, гонясь за про-
 стопною словъ, поставилъ: говори Гос-
 поди? Если бы вмѣсто *многоогитя* ска-
 залъ *многоглазья*, вмѣсто *впяты* *подвигли-*
ся, назадъ попяшились, и тому подобное?
 Возмемъ еще скольконибудь стиховъ
 изъ другихъ нашихъ хорошихъ стихотво-
 реній, напримѣръ изъ Дмишріева:

И ты (Москва) съ лица земнаго круга,
Едва не скрылась отъ огесѣ.

*Лице земли, огеса, суть Славенскія выра-
женія.*

Откуда шумѣ? приникши ухомѣ
Рскѣ воинѣ, въ думу погруженѣ.

Или:

Здѣсь бурный конѣ съ копьемѣ во тревѣ.
Рскѣ, конѣ, тревѣ, (по просту: сказать,
лошадь, брюхо), суть Славенскія слова,
то есѣ неупотребительныя въ разгово-
рахѣ.

Тамѣ двѣ юная трепещетѣ;
Тамѣ старецѣ смотритѣ въ небеса,
И къ хладну сердцу вою клонитѣ.

Или:

На немѣ два мужа изнуренны,
Какѣ тѣни въ адѣ заключенны,
Сидятѣ склонясѣ на дланѣ главой,
Единой младѣ, другій съ бородой.

Ежели опказываешь отъ Славен-
скаго языка и писать по разговорному,
такѣ уже надобно говорить *молодая*
дѣвка дрожитѣ, а не юная *дѣва* трепещетѣ,
къ холодному сердцу шею гнетѣ, а не къ
хладну сердцу вою клонитѣ; опустя голову

на ладонь, а не склонясь на длань головой; одинъ молодѣ, другой съ бородою, а не единой молодѣ, другій съ брадой.

Можетъ быть съ нѣкоторымъ излишествомъ разпространился я въ показаніи примѣровъ, что мы безъ Славенскаго языка ничего важнаго и краснорѣчиваго написать не можемъ; но мнѣ нужно было сдѣлать сіе оцупительнымъ, дабы показать, что мы не иное что подъ Славенскимъ языкомъ разумѣемъ, какъ тотъ языкъ, который выше разговорнаго, и которому слѣдственно не можемъ иначе научиться, какъ изъ чтенія книгъ. Какое иное опредѣленіе сдѣлаемъ мы Славенскому языку? Когда же сіе есть истинное и единственное опредѣленіе его, то само по себѣ явствуетъ, что онъ есть высокій, ученый, книжный языкъ. И такъ чтожь подумать о тѣхъ провозвѣстникахъ новаго краснорѣчія, которые вопіють прошивъ него, утверждая, что Руской языкъ различенъ отъ Славенскаго, и что надобно всегда и вездѣ писать

по разговорному? Знаютъ ли они, что такое краснорѣчіе, что Руской, и что Славенской языкъ? Употребленіе нѣкоторыхъ словъ онаго не тамъ, гдѣ должно (въ чемъ состоявшъ единственное ихъ противъ него доказательство), не похоже ли на то, какъ бы женщина доказывала худость алмазовъ пѣмъ, что они повѣшенные у нея на носу и на губахъ безобразятъ ее? Но ктожъ ей велитъ вѣшать ихъ не тамъ, гдѣ прилично? Должно ли для того, что она не умѣетъ украшаться ими, превратить всѣхъ ихъ въ простые камни? Поищемъ сперва, откуда такое неосновательное мнѣніе возникнуло могло, а потомъ изслѣдуемъ, понимаютъ ли сіи наставники сами силу своего наставленія? Начало онаго, какъ мнѣ кажется, произошло отъ двухъ слѣдующихъ причинъ: 1е удивительное наше къ Французскому языку пристрастіе, и отъ того такой сильной въ немъ привычкѣ, что весьма немалая часть пишущихъ и читающихъ у насъ людей удобнѣе по-

нимаешь Французскую, нежели Славенскую книгу. Сія прудность разумнїя сочиненїя на собственномъ языкѣ своемъ происходитъ отъ малаго упражненїя и чтенїя на ономъ. Мы не можемъ никакимъ образомъ отпереться или ушайпъ отъ себя сію истинну, потому что уже никакое широкое покрывало не можетъ закрывать ее отъ очей нашихъ. Мнѣ самому случалось неоднократно слышать, что нѣкоторые Рускіе, пишущіе и разсуждающіе прекрасно о Французской словесности, заглянувъ нечаянно въ Рускую книгу, спрашивали о значенїи словъ *гла*, *крамола* и *поколку*. Одна Руская дѣтъ подѣ шестьдесятъ барыня, разговаривая какимъ-то образомъ на своемъ языкѣ, принуждена была остановиться и спросить, какъ по Руски сказать *vainqueur*. Другая, весьма остроумная женщина, умбющая съ разборчивостїю дѣнїи всѣхъ Французскихъ писателей, слушая Рускіе стихи, чистосердечно признавалась, что она о Руской словесности судить не мо-

жетъ, и винила въ помѣ свое воспита-
 ніе. Изъ сего можно посудить, что та-
 кое для многихъ изъ насъ Славенскія
 книги? Се Поелику сія легкость Фран-
 цузскаго языка, почти одинакая въ кни-
 гахъ и въ разговорахъ, весьма соблазни-
 тельна для шѣхъ, которые не любятъ
 много трудиться и размышлять, по
 оная и подала поводъ къ спранныму во-
 ображенію, что будто мы обогатимъ и
 установимъ языкъ свой, когда отрек-
 шись отъ многихъ свойствъ и словъ
 онаго, обрѣжемъ его, по образцу Фран-
 цузскаго языка, и все то, что въ немъ
 высокое и важное, выбросимъ, а осталь-
 ное дополнимъ ихъ словами, и назо-
 вемъ это *Рускимъ языкомъ*. Очень хо-
 рошо! Но подумано ли при семъ, что
 обрѣзать такимъ образомъ языкъ по
 образцу другаго языка, есть точно та-
 кая же невозможность, какъ обрѣзать
 у человѣка носъ по образцу носа дру-
 гога человѣка. Сіе сравненіе не выра-
 жаетъ еще достаточно странности та-
 коваго намѣренія. Мы видѣли, какія раз-

личныя свойства и какое великое преимущество языкъ нашъ имѣетъ предъ пѣмъ языкомъ, съ которымъ мы его сравнить хотимъ; а пошому, ежелибъ и можно было обрѣзать его по образцу онаго, то и тогда потеряли бы мы много, а не приобрѣли. Языкъ нашъ по природѣ громокъ и важенъ въ великолѣпныхъ, пріятныхъ и сладокъ въ простыхъ описаніяхъ. Изобиліе и богатство его такъ велико, что онъ высокую рѣчь говоритъ совсѣмъ отличными словами отъ простой рѣчи; иначе по свойству его она бы и не могла быть высокая. И такъ желаніе нѣкоторыхъ новыхъ писателей сравнить книжный языкъ съ разговорнымъ, то есть сдѣлать его одинакимъ для всякаго рода писаній, не похоже ли на желаніе тѣхъ новыхъ мудрецовъ, которые помышляли всѣ состоянія людей сдѣлать равными? Одни хотѣли, чтобъ высокой и широкогрудый мужичинища былъ равенъ силою и ростомъ съ сухощавымъ карликомъ, а другіе хотятъ, чтобъ одинакая была сила языка, въ опи-

саніи драки пѣтуховѣ и драки исполинѣ. Какѣ можно изпрѣбленіе всѣхѣ коренныхѣ словѣ языка почипати обогащеніемѣ онаго? Можетѣ ли рѣка быть многоводна отѣ загражденія всѣхѣ ея испючниковѣ? Какѣ можно самопроизвольныя, безѣ всякаго разсмотрѣнія и разсужденія перемѣны въ языкѣ называть установленіемѣ онаго? Можетѣ ли смѣна быть пверда отѣ безпрестаннаго выниманія изѣ оной старыхѣ и вкладыванія новыхѣ камней? Давно ли писали Ломоносовѣ, Херасковѣ? Уже находятѣ въ нихѣ множество обветшалыхѣ словѣ! Черезѣ десятъ лѣтъ состарѣются тѣ, которыя нынѣ почитаются новыми. Черезѣ десятъ другихѣ лѣтъ опять новое сужденіе о словесности, новая браковка словамѣ. Это называется вкусомѣ, установленіемѣ языка! Но кто сія установители? Нѣсколько журналистовѣ, неизвѣстныхѣ ни именами своими, ни прудами; нѣсколько молодыхѣ людей, научившихся превратно видѣть вещи. Между тѣмѣ, ежели послушать ихѣ, по

они превеликіе просвѣтители, всѣхъ
 прежнихъ писателей ни во что ставятъ,
 себя однихъ выше небесъ превозносятъ,
 и тѣхъ, которые разсуждаютъ иначе о
 языкѣ и словесности, называютъ вкусо-
 борцами, обращающими просвѣщеніе и
 науки во тьму и невѣжество. Такъ ча-
 сто люди своими грѣхами упрекаютъ
 другихъ! Однакоже какъ бы такое ум-
 ствованіе ни простерлось далеко, оно
 рано или поздно потеряетъ къ себѣ до-
 вѣренность; попому что никакая ложь
 не обладаетъ долго умами. Нѣтъ! не
 сближеніе съ Славенскимъ языкомъ, но
 удаленіе отъ онаго ведетъ насъ къ
 истинному упадку ума и словесности.
 Уже и такъ много мы удалились отъ
 него, много разшеряли понятій. Надле-
 жало бы обратиться къ нему съ любо-
 вію, а не отвращаться отъ него съ пре-
 зрѣніемъ. Надлежало бы углубить ра-
 зумъ свой въ изслѣдованіе мыслей, за-
 ключающихся въ словахъ; а не отвер-
 гать все то, чего мы не слышали, и
 чего, не читая книгъ, и слышать не мо-

жемъ. Да позволено мнѣ будетъ въ до-
казательство, какъ много оипъ невника-
нія въ значеніе словъ бѣднѣемъ мы въ
мысляхъ, предложитъ здѣсь разсужденіе
о какомънибудь словѣ, на примѣрѣ о гла-
голѣ *доитъ*. Для удобнѣйшаго объясненія
мыслей моихъ, я представлю оное въ
видѣ разговора между двумя человѣками,
изъ которыхъ одного назовемъ *Рускимъ*,
а другаго *Славениномъ*.

Слав. Что собственно значитъ гла-
голь *доитъ*?

Рус. Выжимать молоко изъ сосцевъ
какогонибудь животнаго. На примѣрѣ
говорится: *баба доитъ корову*.

Слав. Можно ли сказать? *корова до-
итъ молоко*?

Рус. Можно.

Слав. Однако въ сей рѣчи глаголь
доитъ не значитъ: *выжимать* молоко?

Рус. Нѣтъ.

Слав. Чтожь значитъ оный?

Рус. Просто давать или изливать.

Слав. Можно ли сказать: *мать до-
итъ младенца*?

Часть V.

16

Рус. Нѣтъ.

Слав. Для чего же нѣтъ?

Рус. Для того, что такъ не говорится.

Слав. Почему не говорится?

Рус. По тому, что, въ эсихъ словахъ нѣтъ никакой мысли.

Слав. А мнѣ кажется, вы отъ того такъ не говорите, что о словахъ, составляющихъ языкъ, мало разсуждаете; и что ежели бы разсуждали болѣе, то непременно бы и говорили.

Рус. Можеть бышь; но чемъ вы это докажете?

Слав. Собственными вашими словами: сказали вы, что въ рѣчи: *корова доитъ молоко*, глаголь *доитъ* значить *изливаетъ*?

Рус. Сказалъ.

Слав. Почему же, когда она изливаетъ его въ подойникъ, такъ это *доитъ*; а когда изливаетъ его въ ротъ къ теленку, такъ это не *доитъ*? Одинакія дѣйствія всегда одинакими словами вы-

ражающся. Весьма бы странно было въ рѣчи: *рѣка течетъ въ море*, глаголь печеть знать, а въ рѣчи: *рѣка течетъ въ озеро*, не знать онаго.

Рус. Стало быть по вашему, *корова доитъ теленка*, значить, что она его пишетъ?

Слав. Безъ сомнѣнiя, и по моему и по вашему, потому что у насъ одинъ языкъ.

Рус. Но вы сказали: *мать доитъ младенца*?

Слав. А развѣ корова не мать, а теленокъ не дитя? Развѣ одна корова можетъ изливать изъ сосцевъ своихъ молоко, а мать или кормилица не можетъ?

Рус. Да, конечно. Прошивъ эшова не лъзя спорить.

Слав. А когда не лъзя спорить, такъ и прежняго употребленiя глагола сего въ семъ смыслѣ отвергать не можно: *взя же отрога на руки жена, и абіе къ ней, яко къ матери своей прилѣпился, она же доше я.* (Чеш. мин. л. 23). Въ

молитвенникѣ сказано о Христѣ, бывшемъ еще во младенчествѣ: *его же зряще Богоноснѣи отцовъ вселяются, съ пастырскими поюще дѣву долщую*, т. е. Богоматерь питающую его отъ сосцевъ своихъ. На что вы хопите уменьшать свои понятія и съ ними терять способы объяснянья? Вы видите, что слово сіе сущесствовало въ языкѣ, и что употребленіе его основано было на почномъ разумѣ и значеніи онаго.

Рус. Вижу.

Слав. Для чего же не слѣдуете тому употребленію, котораго опорочить никакимъ образомъ не можете?

Рус. Я думаю для того, что мы шожь самое иными словами объясняемъ.

Слав. Можетъ быть. Но какимъ же словомъ замѣните вы глаголь *доитъ* въ выраженіи: *мать доитъ младенца*?

Рус. Я скажу *кормитъ*.

Слав. Глаголь *кормитъ* не выразитъ мысли, заключающейся въ глаголь *доитъ*; пошому что можно младенца кормить

хлѣбомъ, кашею и другими многими яствами.

Рос. Я скажу: *кормитъ грудью.*

Слав. Вы тогда первое употребите два слова; а второе, что и сими двумя словами не замѣните глагола *донтъ*; ибо можно еще кормить зажареною грудью или грудинкою какогонибудь животнаго, наприкладъ барашка.

Рус. Я скажу: *кормитъ изливаетъ млѣ изъ груди своей молокомъ.*

Слав. Подумайте же, сколько словъ должны вы сказать для почнаго объясненія того, что выражали мы однимъ словомъ *донтъ*! И такъ когда я вамъ доказалъ: 1е, Что слово сіе употреблялось. 2е, Что употребленіе сіе было справедливо и на самомъ разумѣ языка основано. 3е, Что вы безъ сего слова не можете заключающуюся въ немъ мысль выражать иначе, какъ многими словами: почему же оправдаете нынѣшнее употребление онаго? Развѣ только тѣмъ, что вы по одному навыку и наслышкѣ судите о словахъ, не стараясь нисколько

выводить знаменования оныхъ изъ книгъ и свойствъ языка? Но простремъ далѣе наши разсужденія: какія вѣтъви или производныя имена произошли отъ глагола *донть*.

Рус. Многія. На примѣръ *отдонть*; говорится: *корова отдонла*.

Слав. Чшо разумѣете вы подъ симъ словомъ?

Рус. Переспала *донть*, шо естъ давать молоко.

Слав. Стало бытъ можно сказаць: *корова отдонла теленка*, шо естъ переспала ему давань молоко?

Рус. Да, я думаю можно.

Слав. А можно ли сказаць: *кормилица или матъ отдонла своего младенца*?

Рус. Нѣтъ.

Слав. Для чегожъ нѣтъ? Когда подъ словами: *корова отдонла теленка*, разумѣется, что она перестала ему давань молоко; такъ почему же нельзя тогожъ самаго сказаць о кормилицѣ, когда она переспанетъ младенцу давань молоко, или онъ ошъ грудей ея опшнметсъ? Разумъ

ищеть помощію сцѣпленія близкихъ поняшій разпространяеть языкъ, а не стѣсняеть предѣлы его превращеніемъ общихъ понятій въ частныя. Ежели водѣ свойственна *обливаетъ*, такъ почему же свойственна ей обливать одного только человека, а не камень, или дерево, или чтонибудь иное? Тоже можемъ сказать и о глаголѣ *донеть*? Почему относите вы его къ однимъ коровамъ? Онъ долженъ относиться ко всему, что имѣетъ у себя сосцы и молоко.

Рус. Развѣ прежде говорилось *отдонеть младенца*?

Слав. Безъ сомнѣнія. Въ слѣдующемъ примѣрѣ: *да не узритъ отдоенія скотовъ, ниже прибоитка и масла кравія* (Иовъ 20, 17), говорится о коровахъ; а въ слѣдующемъ: *сотвори Авраамъ утрежденіе* (то есть пиршество) *велие, въ оное же день отдохся Исаакъ свинъ его* (Быт. гл. 21) говорится о младенцѣ, копораго опняли отъ груди кормилицы.

Рус. Мы не можемъ такъ говорить для того, что нарѣчіе перемѣнилось.

Слав. Это до нарѣчія совсѣмъ не касается. Ежелибъ я вамъ сказалъ: говорите почто, *въ онъ же день отдохся*, тогда бы я говорилъ о нарѣчіи. Но я не принуждаю васъ говорить *онъ вмѣсто очей*, или *отдохся вмѣсто отдохлся*; а говорю о словѣ существующемъ въ вашемъ нарѣчіи, и рассуждаю, что оно значить въ языкѣ, и какія понятія выражаетъ удобно. Развѣ ваше нарѣчіе запрещаетъ вамъ рассуждать?

Рус. Нѣтъ не запрещаетъ.

Слав. Хорошо: такъ спанемъ же продолжать разговоръ нашъ. Не знаете ли вы другихъ какихъ вѣтвей, производящихъ отъ глагола *доктъ*?

Рус. Знаю: *подоктъ, надоктъ, подойникъ, удой*.

Слав. Всѣ ли сіи вѣтви употребительны?

Рус. Всѣ. Мы говоримъ: *подоктъ корову. Надоктъ цѣлой дойникъ*. Наша корова даетъ въ два удоя цѣлое ведро молока.

Слав. Очень хорошо. Только жаль, что дѣло идетъ все о коровахъ. Нѣдѣ ли еще какихъ вѣтвей?

Рус. Я другихъ не знаю.

Слав. Напрасно не знаете. Есть и другія: *воздоитъ*, то есть воспитать, вскормить; ибо мы уже видѣли, что *доитъ младенца* значитъ питать, кормить его изливаемымъ изъ сосцевъ молокомъ. Слѣдовательно глаголъ *воздоитъ* еще богаче мыслями, нежели глаголъ *воспитать*, потому что именно означаетъ первоначальную пищу младенца, то есть молоко. *Хощеши ли призовути жену кормилицу отъ Еврей, и воздоитъ отрога?* или: *соблуди мѣ отрога и воздой ми е.* (Исходъ гл. 2). *Воздоенный, воспитанный.* *Долица*, п. е. кормилица: *отверзи же дщери Фараонова когтежеубъ, видитъ отрога красно платущееся въ нѣбъ, и пощаде е, и рече, отъ дѣтей Еврейскихъ сіе: и хотящи имѣти его себѣ въ сына, повелѣ поискати ему долицу.* (Чет. мин. л. 19). Такимъ образомъ всѣ выше-помянутыя слова, какъ шѣ, которыя вы

знали, такъ и тѣ, которыхъ не знали, производящъ, какъ сами видите, отъ одного корня, то есть отъ глагола *доитъ*, и слѣдственно вы не можете отрицать, чпобъ всѣ оныя не составляли одно и то же дерево, и чпобъ дерево сіе не существовало въ языкѣ.

Рус. Не могу.

Слав. Посмотримъ же какія вѣтви въ семъ деревѣ у васъ употребительны или цвѣшупъ, и какія неупотребительны или посохли. *Доитъ, отдоитъ*, (корову), *подоитъ, надоитъ, подойникъ, удой, цвѣшупъ* еще; а *доитъ, отдоитъ* (младенца), *воздоитъ, воздоснигой, домлица, посохли*.

Рус. Такъ точно.

Слав. Да не ужли вы въ нарѣчи вашемъ полько и оставяете то, что у насъ говорили однѣ коровницы? Самыя низкія слова; *подоитъ корову, надоитъ молока, подойникъ*, и проч., вы знаете; а самыхъ благороднѣйшихъ, означающихъ воспитаніе, шаковыхъ, какъ *воздоитъ, воздоснигой*, вы не знаете?

Рус. Мы не употребляемъ ихъ для того, что онѣ Славенскія.

Слав. Вы видите, что всѣ сіи слова, наподобіе вѣтвей дерева, произошли отъ одного корня. Какимъ же образомъ въ одномъ и томъ же деревѣ однѣ вѣтви называются вы березовыми, а другія сосновыми? Какъ? когда глаголъ *домтъ* употребляется говоря о коровахъ, такъ онѣ Руской; а когда о матеряхъ или кормилицахъ, такъ онѣ Славенскій? Вотъ подлинно самый ученый разборъ языковъ! Но посмотримъ далѣе: знаете ли вы, что значить глаголъ *бавитъ*?

Рус. Нѣтъ, не знаю. Это не по Руски.

Слав. По крайней мѣрѣ разумеете ли вы слѣдующую рѣчь: *пробави Господи милость Твою?*

Рус. Разумѣю. Это Славенская рѣчь.

Слав. А это какая: *мои и безъ денегъ можемъ пробавиться?*

Рус. Это Руская.

Слав. Ипакъ у васъ *пробавитсѣя* Руское, *пробави* Славенское, а корень

сихъ словъ *бавитъ* никакое. Прекрасное разсужденіе о языкѣ! Да развѣ вы не спараешесь знать, отъ какого понятія производящѣ употребляемая вами слова: *прибавитъ*, *убавитъ*, *збави*, и проч.?

Рус. Это во первыхъ сопряжено съ великимъ трудомъ, а во вторыхъ и бесполезно, потому что всѣ такія слова, какъ *бавитъ*, почитаются обвѣщалами.

Слав. Скажите мнѣ, ежелибъ вы навяли шакова учителя, которой бы сыну вашему твердилъ: носи суконный кафшанъ и полопняную рубашку, но почитай за стыдъ знашь о шерспи и льнѣ, изъ которыхъ кафшанъ швой и рубашка составлены: какое бы заключеніе сдѣлали вы о семъ учителѣ?

Рус. Я бы согналъ его со двора.

Слав. Вы себя въ немъ вините. Но посмотримъ еще немного: извѣстенъ ли вамъ глаголъ *вадитъ*?

Рус. Нѣтъ.

Слав. Вы можете находить его въ книгахъ. Напримѣръ въ слѣдующемъ мѣстѣ: *приведосте ли* (говоришь Пилатъ

про Христа) *геловѣна сего, яко развращающа люди, и се азъ предъ вами истязавъ, ни единого обрѣтаю въ геловѣкѣ гелѣ вина, яже нанис водите.* (Лук. гл. 23). Изъ сего вы видите, что глаголъ сей существуетъ въ языкѣ, и припомъ еще существуетъ пвердо, потому что пуспилъ отъ себя многія опрасли. Извѣспны ли вамъ опрасли его?

Рус. Когда корень неизвѣспенъ, пакъ и опрасли его не могутъ мнѣ быть извѣспны.

Слав. Не ужли не знаете вы словъ: *привадитѣ, отвадитѣ, повадитѣся, повадка, неповадно*, и проч.?

Рус. Какъ не знать? Это Рускія слова:

Слав. А *наважденіе, наваждать, сваждотѣ, навадникѣ, навадница, свада*, и проч.?

Рус. Не знаю. Это Славенскія.

Слав. Вы видите вездѣ въ языкѣ нашемъ семьи словъ. Чтожъ вы дѣлаете съ сими семьями? Коренныя или родоначальныя слова, отъ коихъ всѣ прочія про-

чія произрасли и получили знаменованіе и силу свою, вы опсѣкаете, а въ остальныхъ, потерявшихъ чрезъ опняніе у нихъ корня ясность значенія своего, не находите уже болѣе того родства и связи между ими, которыми сопрягла ихъ сама природа. Или, когда мы сіи семейства словъ уподобимъ древамъ, вы отрѣзываете у сихъ древъ корень, и когда вѣтви ихъ чрезъ то обезсилѣютъ, тогда вы еще многія изъ нихъ нарочно подсушаете, и хопите, чѣмъ симъ образомъ сопавленный изъ деревъ сихъ лѣсѣ, то есть языкъ вашъ, зеленѣлъ и процвѣталъ!

Рус. Употребленіе *тряннѣ*: оно дѣлаешъ вкусъ, а пропивъ вкуса никто не пойдетъ.

Слав. Мы послѣдовали употребленію тамъ, гдѣ разумокъ одобрялъ его, или по крайней мѣрѣ не противился оному. Употребленіе и вкусъ должны зависѣть отъ ума, а не умъ отъ нихъ; ибо ежели употребленіе и вкусъ спа-

вупть управлять умомъ, пакъ кто же будетъ управлять ими?

Рус. Какъ бы по ни было, но я знаю, что вкусъ не позволяеть употреблять ничего шакого, что неупотребительно.

Слав. Вы часто ссылаешесь на употребленіе, но я сомнѣваюсь, чтобъ вы имѣли ясное о семъ словѣ понятіе.

Рус. По чему вы сомнѣваетесь?

Слав. Потому что оно имѣетъ весьма обширный смыслъ. Что такое употребленіе? Оно можетъ быть общее и частное: общее объемлетъ весь языкъ и всѣ времена; частное относится къ нѣкоторому времени и нарѣчію. Сіе послѣднее есть вещь во первыхъ непостоянная, во вторыхъ неопредѣленная. *Непостоянная* потому, что мы не можемъ употреблять того, чего не знаемъ, и тогда только начинаемъ употреблять, когда узнаемъ: слѣдовательно что неупотребительно сегодня, то можетъ употребительно быть завтра. *Неопредѣленная* потому, что когда одинъ становится со вниманіемъ читать всѣ книги,

сколько ихъ есть въ языкѣ; другой безъ всякаго особливаго вниманія будетъ для любопытства читать однѣ только въдомости; третій ничего не будетъ читать: тогда понятія сихъ трехъ чело-вѣкъ о употребленіи словъ, будучъ со-всѣмъ различны. Первый изъ нихъ спа-нетъ почитать такія слова ясными и употребительными, о какихъ два послѣд-ніе совсѣмъ не знаютъ и не слышали; а попому, когда кто говоритъ: *это неупо-требительно*, то надобно еще прибавить знать, подлинно ли отвергаемое имъ не-употребительно, или неупотребительно только по его свѣденіямъ и понятію. Отсюда явствуетъ, что частное упо-требленіе должно почерпаться изъ об-щаго, или иначе сказать, языкъ долженъ быть основаніемъ нарѣчію, а не нарѣчіе языку. Отъ перваго случая произхо-дитъ хорошее употребленіе, отъ второ-раго нарѣчіе процвѣпаетъ; отъ втораго худое употребленіе, отъ котораго оно, не питаясь природными соками своими, скудѣетъ и сохнетъ. Первое изъ сихъ

употребленій есть плодъ труда и опкровенія, второе плодъ лѣности и заблужденія. Первое защищаетъ умъ и разумъ, второму покровительствуетъ подражаніе и навыкъ. Часто сіи послѣднія на нѣкоторое время преодолеваютьъ, но владычество ихъ недолго продолжается.

Рус. Чпо хопите, то говорите; но я въ Руское мое нарѣчіе не приѣмлю ничего Славенскаго.

Слав. Вотъ самое лучшее возраженіе, прошивъ котораго никакія доказательства не усшоянѣ! Жслаю вамъ счастья и успѣховъ. Я очень почитаю нарѣчіе ваше: оно есть истинное чадо Славенскаго языка, которому онъ всю свою силу, крѣпость, богатство, краткость и великолѣпіе укрѣпляетъ въ наслѣдство; но когда вы, ссылаясь на оное, будете думать, что оно запрещаетъ вамъ разсуждать о знаменованіи словъ, и слѣдовательно не допускаетъ васъ знать и пользоваться сокровищами опца своего, то я предвижу, что продолжая

такимъ образомъ поступаешь съ нимъ, вы приведете его на послѣдокъ въ великую бѣдность; ибо противно здравому разсудку поѣришь, чтобъ такое нарѣчіе со временемъ не упало и не уронило всей процвѣтавшей на немъ словесности.

Мы прерываемъ здѣсь разговоръ Рускаго съ Славениномъ. Продолжая далѣе оный, безъ сомнѣнія Славенинъ могъ бы показати множество словъ и понятій, разперянныхъ нами отъ невниканія въ языкъ свой, и попому сдѣлавшихся неупотребительными. Онъ могъ бы показати, что сіе разперяніе отъ часу больше умножается, и что произходящая отъ того пустота въ языкѣ оспаеися пустою, или наполняется чуждымъ и несвойственнымъ языку нашему веществомъ, отъ чего онъ слабѣетъ и увядаетъ. Но довольно и того, что мы слышали отъ Славенина, дабы разпространя оное на весь языкъ, почувствовать, сколь немаловажный чрезъ то дѣлается въ немъ ущербъ.

Взглянемъ теперь сокращенно на все сказанное нами въ семъ краткомъ сочиненіи: мы видѣли, что языкъ нашъ изобиленъ, великолѣпенъ, красокъ, силенъ, соспавленъ умомъ любомудрымъ изъ словъ и выраженій богатыхъ разумомъ. Мы видѣли, что сіи свойства его составляютъ въ Священныхъ Писаніяхъ высоту, до какой ни одинъ изъ новѣйшихъ языковъ достигнуть не можетъ. Мы видѣли, что лучшіе писатели и стихотворцы наши, обогатившіе Россійскую словесность, въ высокыхъ твореніяхъ своихъ, подражая духу Священныхъ Писаній, говорили всегда тѣми же избранными словами и выраженіями, которыя нынѣ подъ предлогомъ Славенскихъ и неупотребительныхъ начинаемъ мы оспавлять. Мы въ разговорѣ Рускаго съ Славениномъ видѣли ясно и очевидно, что съ отвычкою отъ употребленія оныхъ шеряется богатство и сила языка. Вопросимъ же теперь: за чѣмъ оставяль намъ путь сей, и какой лучшей можемъ мы избрать? Ошвѣтъ на сіе не

*

спруденѣ. И такѣ не оставлять сего пути, но держаться онаго, итти по немѣ, разсуждать о коренномѣ значеніи словѣ, черпать изѣ сего богатаго источника, возходить, какѣ можно, далѣе къ началамѣ онаго, суть единыя средства къ *разпространенію, обогащенію и усовершенствованію* нашей словесности. Раздѣлять же языкѣ на Славенскій и Рускій, изпрелять высокія слова и замѣнять ихѣ простыми, опсѣкать корни и засушать вѣтви въ деревьяхѣ словѣ, брать за образецѣ краснорѣчія обыкновенный слогѣ разговоровѣ, презирать и не читать книгѣ, заключающихѣ въ себѣ источники языка, переводить изѣ слова въ слово съ чужихѣ языковѣ рѣчи, гоняться за ихѣ словами и забывать свои, суть конечно самыя легкія средства, не пребующія никакого труда и ученія, но между тѣмѣ весьма сильныя къ стѣсненію, изнуренію, искаженію и безобразенію языка нашего и словесности.

Присовокупленіе.

Мы дѣлаемъ сіе присовокупленіе къ рѣчи нашей по нижеслѣдующимъ причинамъ: выше сего сказали мы нѣчто о журналахъ; но какъ сія рѣчь долженствовала единовременно прочтена быть въ Академіи, того ради соблюденіе краткости не позволило намъ много о семъ разпространиться. Между тѣмъ нужно упомянуть о томъ нѣсколько попространнѣе, тѣмъ паче, что опровергаемые нами толки не престають, ко вреду языка и словесности, время отъ времени вновь появляясь. Хотя они сами по себѣ такъ неосновательны, что нѣтъ никакой надобности оговаривать ихъ, однакожъ для лучшаго въ томъ увѣрѣнія, не излишне будетъ привести ихъ предъ глаза читателя. Лагарпъ въ сочиненіяхъ своихъ выводитъ ясно, какой вредъ Французской словесности нанесли журналы, *сн* (по словамъ его) *кроме того съ поспѣшностію листки, двадцать пять лѣтъ наводняющіе Францію.* Онъ между

прочимъ говоритъ: „если бы особенно
 „разсмотрѣть ихъ, тогда бы можно
 „было почувствовать, что истинные
 „любители словесности не должны быть
 „обвиняемы ни брюзгливостію, ни излиш-
 „нимъ увеличиваніемъ вещей, когда изъ-
 „являютъ они толь великое презрѣніе
 „къ симъ злореднымъ недѣлостямъ, со-
 „дѣлавшимся пищею многочеловѣчества. Мы
 „увидѣли бы, что изобрѣтатели оныхъ
 „часто не разумѣютъ знаменованія упо-
 „требляемыхъ ими словъ, не знаютъ,
 „какъ составить рѣченіе, не то гово-
 „рятъ, что сказать хотѣтъ, разпочають
 „на удачу художественныя названія, не
 „понимая оныхъ; пишутъ иносказанія, не
 „имѣя первоначальныхъ о томъ поня-
 „тій, и проч., (Lycée). Лагарпъ гово-
 ритъ совершенную правду: мы можемъ
 то судить по многимъ помѣщаемымъ въ
 журналахъ нашихъ сочиненіямъ, въ ко-
 торыхъ, отъ заблужденія ли ума, или
 отъ поврежденія сердца, столько же
 иногда не щадится нравственность,
 сколько и разсудокъ. Часто не знаемъ

мы сами слѣдствія нашихъ мнѣній. Что значитъ раздѣленіе языка нашего на Славенскій и Русскій? Раздѣленія сего (разсуждая о языкѣ въ прямомъ смыслѣ онаго) никакимъ образомъ доказать не можно, поелику оно не существуетъ. Итакъ выходить; что разумѣется подѣсимъ языкъ духовныхъ и свѣтскихъ книгъ. На чтожь чуждаться намъ перваго изъ оныхъ и стараться приводить его въ забвеніе и презрѣніе? для того ли, чтобъ умъ и сердце каждаго отвлечь отъ нравоучительныхъ духовныхъ книгъ, отъратить отъ словъ, отъ языка, отъ разума оныхъ, и привязать къ однимъ свѣтскимъ писаніямъ, гдѣ столько разставлено сѣтей къ помраченію ума и уловленію невинности, что совлеченная единой сѣ прямого пути она непременно должна попастьъ въ оныя. Какое намѣреніе полагать можно въ стараніи удалить нынѣшній языкъ нашъ отъ языка древняго, какъ не то, чтобъ языкъ въры, ставъ невразумительнымъ, не могъ

никогда обуздывать языка страстей? Отсюду можетъ быть происходить, что всякое благонамѣренное и полезное сочиненіе, кажется, досаждаеиъ у насъ многимъ, и вооружаетъ противъ себя писателей, спарающихся всячески помрачить оное. Нѣкоторые изъ нихъ говорятъ прямо, какъ умбютъ; другіе же лукавствуютъ, и хопятъ настоящее намѣреніе свое прикрыть нѣкою благовидностію; но сіе намѣреніе еще болѣе видно изъ подъ худаго ихъ покрывала. Во множествѣ журналовъ нашихъ (исключая можетъ быть не многіе) находимъ подъ именемъ *критикъ* такія сужденія о языкѣ и словесности, которыя не только предъ цѣлымъ свѣтомъ, но и предъ двумя человекими извѣвлять надлежало бы стыдисься. Главная цѣль ихъ состоитъ въ томъ, чтообъ стихами и прозою вопіять противъ Славенскаго языка, не зная и не разумѣя, о чемъ идетъ дѣло, и въ чемъ состоитъ языкъ. Взвѣв одно такое сочиненіе, могли бы мы въ каждой строкѣ, ошъ первой до послѣдней, по

казать неосновательность за неосновательностью, незнание за незнанием, неправду за неправдою, даже клевету (ибо часто господинъ или господа писатели сихъ недѣлицъ, называемыхъ *критиками*, ссылаясь на страницу разсматриваемой ими книги, отъ того ли, что не поняли, или по надеждѣ, что не всякой спанетъ справляться, говорятъ совсѣмъ не то, что на сей страницѣ сказано, и такимъ образомъ, выдавая свое за чужое, сами прошивъ себя возражающъ); мы могли бы во многихъ подобныхъ сему ошутительныхъ неправдахъ ясно уличить; но такое подробное показаніе не стоить того, чтобъ терять на оное труды и время. Для того выпишемъ только нѣкоторыя мѣста и рѣчи, дабы мимоходомъ взглянуть, какимъ образомъ сіи безвѣрные кришники (сіюлько еще остается въ нихъ стыда, что они скрываютъ имена свои) толкуютъ о языкѣ и словесности. Вотъ какъ: „*Россійской* „*языкъ* *произходитъ отъ Славенскаго тогна* „*также, какъ Французской отъ Латин-*

скаго.,, (Неоспоримая правда! съ тою только разносію, „что ниодинъ Французъ, не обучась Латинскому языку, не разумѣетъ онаго; а у насъ всякой безграмотной мужикъ заставляетъ грамотнаго сына своего читать предъ нимъ Прологъ, Четію Минею и другія духовныя книги, разумѣя и слушая его съ удовольствіемъ). — „*Мы на нашемъ языкѣ никакихъ не имѣли сочиненій до времени Петра Великаго.*„ (Мнѣ кажется, ежели бы кто и ничего, кромѣ романовъ, комедій и журналовъ, не читалъ, такъ и тогда не могъ бы сего сказать; ибо не ужъ ли онъ даже и не слыхалъ, что у насъ есть Русская правда, Владимірова духовная, Слово о полку Игоревомъ, древняя Вивліюэика, лѣтопись Несторова, Никонова, Сильвестрова, Псалтырь, Евангеліе, и множество духовныхъ книгъ, сочиненныхъ и переведенныхъ задолго до Петра Великаго? Какъ все это опровергать и не поставяютъ въ число книгъ, для того только, что не было журналовъ и комедій.) „*Языкъ, ко-*

„торомъ говорили мѣ (до Петра Вели-
 „каго), давно уже отдѣлился отъ Славенскаго
 „оведеніемъ множества Татарскихъ словъ и
 „выраженій, совсѣмъ прежде неизвѣстныхъ.,,
 (Вопъ какое раздѣленіе полагають и за-
 щищають! нѣсколько словъ, вошедшихъ
 въ простонародное нарѣчіе, приѣмлется
 за основаніе новаго языка! гдѣ же пока-
 жуть мнѣ сіе множество Татарскихъ
 словъ и выраженій въ Библии, въ Тео-
 фанѣ, въ Ломоносовѣ, въ Херасковѣ, и
 проч? Но положимъ, что чистоша языка
 нашего и повредилась нѣсколько отъ при-
 нятія въ него иностранныхъ словъ, слѣ-
 дуешь ли изъ того утверждать, что
 нечистой языкъ спалъ лучше чистаго?)—
 „Можно ли называть однимъ и тѣмъ же
 „языкомъ два нарѣчія, изъ коихъ одно, хо-
 „тя непосредственно происходитъ отъ дру-
 „гаго, но смѣшано съ третьимъ гуждомъ,
 „и притомъ изпорчено пятисотлѣтнимъ
 „употребленіемъ? къ чему величается на-
 „званіемъ, намъ непринадлежащимъ?., (Вопъ
 какія умствования! говоришь, что мы лю-
 ди, попомки нашихъ предковъ, и что

имѣемъ свой языкъ, естъ не принадле-
 жащее намъ названіе! да чпожъ мы ша-
 кое? и какое названіе намъ принадле-
 жишь?) — „*Мы и безъ того имѣемъ мно-*
 „*жество выгодъ предъ всѣми Европейскими*
 „*народами: нашъ Руской языкъ самъ по*
 „*себѣ гораздо богатѣе, великолѣпнѣе, силъ-*
 „*нѣе всѣхъ прочихъ; но мы сверхъ того*
 „*можемъ еще потерпѣть изъ Славенскаго*
 „*(выгода несравненная!) съ тѣмъ однакожъ*
 „*условіемъ, чтобъ выраженія и обороты,*
 „*заимствованные нами, не были противны*
 „*собственному языку нашему. Естлижъ*
 „*бы они оба составляли одно и тоже цѣло,*
 „*на то сн предосторожности?*„ (Что зна-
 чатъ сн слова: нашъ Руской языкъ самъ
 по себѣ гораздо богатѣе, великолѣпнѣе, силъ-
 нѣе всѣхъ прочихъ? какъ! нашъ Руской
 языкъ самъ по себѣ? да что такое нашъ
 Руской языкъ самъ по себѣ? гдѣ онъ? воз-
 мемъ какую вибудъ ныѣшнюю книгу,
 найдемъ ли мы въ ней хопя два шакихъ
 слова (выключая иностранныя), о копо-
 рыхъ бы могли мы сказать: вопъ эшо
 Славенское, а эшо Руское? Ежели мы

подъ Славенскимъ словомъ разумѣть будемъ высокое слово, на примѣръ *виду*, а подъ Рускимъ простое, на примѣръ *войду*, то конечно о разности ихъ разсуждать можемъ, утверждая справедливо, что первое изъ нихъ прилично важному, а другое среднему или простому слогу; но утверждать, что *виду* есть Славенское, а *войду* Руское, и дѣлать изъ того два разныхъ языка, есть не знать составленія словъ, есть утверждать, что предлогъ *объ* различенъ отъ предлога *о*, и глаголъ *иду* различенъ отъ глагола *иду*. Возмемъ вышесказанную рѣчь: *нашъ Руской языкъ самъ по себѣ гораздо богатѣе, великолѣпнѣе*, и проч. можно ли о мѣстоименіи *нашъ*, о словѣ *Руской*, о существительномъ имени *языкъ*, о мѣстоименіи *самъ*, о предлогѣ *по*, о мѣстоименіи *себѣ*, о нарѣчій *гораздо*, о именахъ *богатѣе, великолѣпнѣе*, и шакъ далѣе по порядку, сказать, что слова сіи суть Рускія, а не Славенскія, или Славенскія, а не Рускія? Можно ли о Невѣ сказать, что она и безъ воды богата водою?) —

„Для того большая часть нашихъ тепе-
 ришнихъ (*) выражений (я говорю только
 о настоящемъ Рускомъ языкѣ, а не о вар-
 варской смѣси, какою писаны многія не-
 знѣшнія книги) не только не принадлежатъ
 къ Славенскому языку, но даже и не отъ
 него происходятъ?„ (Въ подобныхъ сбо-

(*) Здѣсь должно сказать *незнѣшнихъ*, а не *теперешнихъ*. Оба сіи слова *незнѣ* и *теперь* (последнее происходитъ отъ мѣстоименія *та* и имени *пора*) суть равно Славенскія или Рускія; но одно изъ нихъ возвышеннѣе другаго (обстоятельство принадлежащее до слога), и хотя они оба извѣявляютъ неопредѣленное количество времени, однакожъ одно изъ нихъ означаетъ большее количество, нежели другое (обстоятельство относящееся къ разбору смысла словъ). Опредѣленію весьма бы странно было вмѣсто: *какойъ теперь часъ*, спросить: *какойъ незнѣ часъ?* или вмѣсто: *мы въ незнѣшнемъ посту говѣли*, сказать: *мы въ теперешнемъ посту говѣли*. Вотъ, въ чемъ надлежало бы различать слова, а не въ томъ, чтобъ безъ всякаго толку раздѣлять ихъ на Славенскія и Рускія.

рицахъ словъ не должно искать мыслей, а еще меньше разума; ибо они совсѣмъ не съ тѣмъ пишущся, чптобы сказанное можно было доказать или разумѣть; но только съ тѣмъ, чптобъ оное написано и прочтено было. Здѣсь говорится о варварской смѣси, а въ чемъ она состоитъ, до того дѣла нѣтъ. Говорится, что большая часть новѣшнихъ нашихъ враженій не только не принадлежитъ къ Славенскому языку, но даже и не отъ него происходитъ, а какъ, и почему: этого прошу не спрашивать. Между тѣмъ варварская смѣсь конечно бываетъ, и еще двойкая, на примѣръ, ежели бы кто написалъ: *меня фразировалъ колоритъ этой пьесы*, рѣчь сія была бы варварское смѣшеніе своихъ двухъ мѣстоименій съ тремя чужими словами; или, естли бы кто, говоря о младенцѣ сынѣ своемъ, сказалъ: *мой малютка дѣлаетъ зубы* (вмѣсто у моего малюпки растутъ зубы), тогъ безъ сомнѣнія сдѣлалъ бы варварское смѣшеніе, потому что Руское выраженіе *мой малютка* смѣшалъ бы съ выразе-

ніемъ, взятымъ съ Французскаго, и которое въ нашемъ языкѣ не имѣетъ того значенія. И такъ *варварская смѣсь* состоитъ или въ принятіи многихъ чужихъ словъ, или въ буквальномъ переводѣ съ чужаго языка такихъ выраженій, которыя нашему языку или несвойственны, или невразумительны, или не по значенію. Другой никакой варварской смѣси быть не можетъ. Но когда выраженія *не принадлежатъ къ Славенскому языку и не отъ него производятъ*, такъ откуда же они взялись? Какія же они, какъ не чужестранныя? и когда большая часть нынѣшнихъ нашихъ выраженій такова, то какимъ же образомъ вмѣстѣ и вопіять противъ нихъ, называя *варварскою смѣсью*, и утверждать, что она-то и есть украшеніе нашего языка?). — „*Правда, то „возвышенный слогъ не можетъ у насъ существовать безъ помощи Славенскаго; но „сія необходимость пользоваться мертвымъ „для насъ языкомъ для подкрѣпленія „ваго, не есть доказательство.*„ (Что такое значимъ здѣсь слово *помощь*? не

мудрено понять, когда скажутъ: чело-
вѣкъ помогаетъ челоѣку; но какимъ об-
разомъ представить себѣ, что *языкъ по-
могаетъ языку?* Эпова мало: *мертвой
помогаетъ живому!* и эпова мало: *живой
безъ жертваго существовать не можетъ!*
Какъ? подобныя сему загадки, странно-
сти, небылицы смѣются являться въ
видѣ *разсужденій?* и предъ кѣмъ? предъ
лицемъ свѣта? О! но воздержимся
отъ удивленія. Здѣсь языкъ Славенскій
называется мертвымъ. Что такое мерт-
вый языкъ? тотъ, которымъ никакой
народъ не говоритъ болѣе. Латинскій
языкъ есть мертвый; ибо существуетъ
въ однихъ только книгахъ и между уче-
ными всѣхъ земель людьми. Эллинскій
или древній Греческій можетъ также
назваться мертвымъ, потому что число
нынѣшнихъ Грековъ весьма невелико,
состоитъ подъ владѣніемъ Турецкимъ,
и припомъ новымъ нарѣчіемъ своимъ
такъ далеко отошло отъ языка своихъ
предковъ, языка Гомеровъ, что уже боль-
ше не разумѣютъ онаго. Въ томъ же

положеніи находится Славенскій языкъ? Пятьдесятъ милліоновъ человекъ говорятъ имъ! И шамъ, гдѣ главная колыбель его, гдѣ на немъ основана вѣра и законы, шамъ называющъ его мертвымъ! О! но воздержимся отъ удивленія). —

„Хорошіе писатели наши весьма наблюдають это, и дѣйствительно въ ихъ сочиненіяхъ языкъ нашъ, хотя наполненный великолѣпіемъ Славенскаго, не престаесть однакожъ бытъ Рускимъ.“ (Евклидъ говоритъ: ежели опущенъ на прямую черту отъ вѣсъ, дѣлающій по одну спорону уголъ прямой, то и по другую спорону будетъ уголъ прямой же. Такъ-то и здѣсь: ежели языкъ нашъ наполненный великолѣпіемъ Славенскаго не престаесть бытъ Рускимъ, такъ по той же причинѣ наполненный простотою Рускаго не престаесть бытъ Славенскимъ. Евклиду надобно вѣрить, онъ учитъ разсуждать. Впрочемъ хорошіе писатели конечно не смѣшиваютъ Славенскаго языка съ Рускимъ; но подъ сими словами разумѣтся различіе высокаго слога съ простонароднымъ. На

примѣръ можно сказать, *преполюши гресла твоя и возми жезлъ въ руку твою*, и можно также сказать: *подполюшбся и возми дубину въ руки*; по и другое, въ своемъ родѣ и въ своемъ мѣстѣ, можетъ прилично быть; но начавъ словами: *преполюши гресла твоя*, кончить: и *возми дубину въ руки*, было бы и смѣшно и странно. Вотъ что наблюдаютъ хорошіе писатели; а не то, чтобъ кричать: *гресла, жезлъ, преполюши, безлугной, огнесарной, безлестной, всезлюбной, плотдней, возсоздатъ, бдѣніе, стодѣніе, воздосной*, и проч. (*) это Славенскія —

(*) Чашатель да не подумаетъ, что сіе собраніе словъ есть одно мое предположеніе, итъ: мы найдемъ въ журналахъ вопіянiе противъ каждаго изъ оныхъ. Однимъ словомъ, всѣ тѣ имена, какими лучшія наши творенія и высокой азыкъ священныхъ книгъ преисполненъ; все то, что въ Академическій Словарь включено; все то, чемъ Лагарпы и другіе ученые люди превозносятся: единословственине съ нашими Греческой и Ла-

сохрани насъ Богъ отъ нихъ! — а *под-
поясатся, дубина, горшокъ, ланты, ко-
терга, блины, помело, огурцы, квашня:*
вопъ это наши Рускія слова! Какъ можно
такихъ писапелей или судей называть
хорошими? они языка не знаютъ; ничего
пупнаго и хорошаго не чипали по Руски;
не умбютъ високаго слова опличить отъ
низкаго: какъ же имъ разсуждать о сло-

шинской языка (а именно подобнымъ
нашему словосочиненіемъ, таковою же
удобностію къ составленію словъ и сво-
бодою извращенія ихъ въ рбчахъ); все
то, говорю, сіи судьи и стихотворцы
отмещутъ, и потомъ въ посланіяхъ
своихъ взываютъ къ *Виргиліямъ, Гомерамъ,
Софокламъ, Еврипидамъ, Гораціямъ,
Ювеналамъ, Саллустіямъ, Фукидидамъ,*
зашвердя одиъ только имена ихъ, и, что
всего удивительнѣе, научась благочестію
въ *Кандидѣ*, и *благонравію и знаніямъ*
въ *Парижскихъ переулкахъ*, съ повреж-
деннымъ сердцемъ и помраченнымъ
умомъ вопіютъ прошивъ невѣжества, и
обращаясь къ *тбнямъ великихъ людей,*
шолкующъ о наукахъ и просвѣщеніи!

весности?) — „При Петрѣ Великомъ или „въ началѣ просвѣщенія нашего, высокимъ „слогомъ, то есть по просту на Славенскомъ „языкѣ, писали всякія книги безъ разбора,“ (Прекрасное изтолкованіе: *высокимъ слогомъ, то есть по просту, на Славенскомъ языкѣ!* Да развѣ Славенской языкѣ и высокой слогъ есть одно и то же? Не ужъ ли всякая Славенская рѣчь есть высокая? не ужъ ли *хощеши ли, дамъ ти подзатѣялицу, есть шакой же высокой языкѣ, какъ трепетна бѣств земля, и основаніе горъ смятошася?* Ежели при Петрѣ Великомъ всякія книги безъ разбора писали *высокимъ слогомъ*, такъ по этому всякая челобитная была поэма, всякой писарь Ломоносовъ? Лучше бы намъ быть въ началѣ нашего просвѣщенія, нежели подобными разсужденіями чрезъ сто лѣтъ показывать такіе худые успѣхи вѣономъ). „А простымъ слогомъ, или лучше сказать „нарѣчіемъ, испорченнымъ изъ Славенскаго „и смѣшаннымъ со множествомъ Татар- „скихъ словъ тогда говорили. Нынѣ же, „когда Руской языкѣ образовался, сіе раз-

„лигѣ въ слогахъ съ тогностію наблюдается
 „по разлітію рода согиненій.,, Попомъ въ
 возраженіе на то, что многіе корни Гре-
 ческихъ и Латинскихъ словъ примѣчают-
 ся въ Славенскомъ языкѣ, сказано: „не зная
 „по Грегески, я не могу опровергнутьъ онаго;
 „но можно ли подумать, чтобъ Греки, народъ
 „столь просвѣщенный, наследовавшій са-
 „момъ богатѣмъ изъ всѣхъ языкомъ, за-
 „хотѣли пользоваться Славенскимъ, кото-
 „рой въ сравненіи съ Грегескимъ болѣе грубъ
 „и бѣднѣ?,, (Сближимъ шеперь всѣ вы-
 шесказанныя мѣста, и посмотримъ на
 кучу скомканныхъ въ нихъ прошивурѣчій,
 не имѣющихъ между собою ни сообра-
 женія, ни слѣдствія, ни связи: Славенское
 и Руское нарѣчіе суть два языка различ-
 ные между собою! — Славенской языкъ
 есть высокой слогъ! — Славенской *мертвой*
 языкъ великолѣпенъ и Руской *живой* безъ
 помощи его существовать не можетъ. —
 Славенской языкъ въ сравненіи съ Грече-
 скимъ (котораго сочинитель не знаетъ)
 грубъ и бѣденъ! — Славенскимъ языкомъ
 или высокимъ слогомъ до Пепра вели-

каго писали всѣ книги безъ разбора, а Рускимъ говорили! — Руской языкъ давно опдѣлился отъ Славенскаго введеніемъ множества Татарскихъ словъ и выраженій совсѣмъ прежде неизвѣстныхъ! — Онъ есть испорченное изъ Славенскаго варѣчіе, смѣшенное съ шрепымъ чуждымъ! — Онъ непосредственно происходитъ отъ Славенскаго языка, но большая часть нынѣшнихъ выраженій его не принадлежитъ къ Славенскому языку, и даже не отъ него происходятъ? — Какъ? это называется *критикою*? разсужденіемъ о языкѣ и словесности? на этомъ основывающіяся доказательства, чѣмъ мы должны Славенскій языкъ почитать особымъ языкомъ, презирать, уклоняться отъ него? Не ужь ли есть люди, которые сему повѣрятъ? Правда, Лагарпъ говоритъ: *en ne se flatte pas d'imposer silence à cette espèce d'hommes, sur qui la raison a perdu ses droits, sur-tout depuis que la déraison est de toutes les puissances la plus accréditée.* (Pseautier, discours preliminaire: page 3). Однакожъ дой-

ли до такой степени, чтобы убѣждаться подобными сему истиннами: Славенской языкъ *великолѣпенъ, грубъ и бѣденъ* — Руской языкъ *не можетъ существовать безъ Славенскаго*, однакожъ онъ *самъ по себѣ* (то есть безъ Славенскаго) *гораздо богаче и слабѣе всѣхъ прочихъ* — до Петра Великаго *не было у насъ никакихъ сомнѣній*, а писали тогда *всякія книги безъ разбора высокоимѣ слагамъ*. — Дойши, говорю, до такой степени, было бы нѣчто чрезвычайное. Но чтожъ еще? послѣ сихъ вмѣстѣ и отрицаній и утвержденій, предвозвѣстивъ (къ великой похвалѣ Рускаго языка), что оный есть *испорченное изъ Славенскаго и смѣшенное со множествомъ Татарскихъ словъ нарѣчіе*, вдругъ важнымъ голосомъ *возвѣщающъ: неинѣ же, когда Руской языкъ образовался,* Да изъ чего же онъ образовался? изъ Татарскихъ и простонародныхъ словъ? Прекрасное образование языка! Подлинно по ихъ опредѣленію онъ не *Славено-Россійскій*, а *худо-Славено-Татарской*. Бѣдной Руской языкъ! Лучше бы сіи защитники

за себя не вступались. Они отъ презрѣнія къ Славенскому языку дадутъ тебѣ такое происхожденіе, которому ты самъ не радъ будешь. Они готовы назвать тебя Татарскимъ, Калмыцкимъ, Чухонскимъ, Камчедальскимъ, лишь только бы не Славенскимъ).

Изъ сихъ немногихъ выписокъ ясно уже видно, каковы и чѣмъ наполнены бываютъ таковыя сочиненія. Еслибы мы захотѣли съ подробностію рассмотреть оныя, то конечно во многихъ мѣстахъ произвели бы въ читателѣ удивленіе, негодованіе и смѣхъ; но намѣреніе наше было только показать сужденія ихъ о языкѣ, пропуская все прочее, какъ недостойное ни его ни нашего вниманія.

А. Шишковъ.

VII.

П Ъ С Н Ъ

на побѣды Россійскаго воинства,

*Одержанныя подъ предводительствомъ
Графа Каменскаго 2го надъ силами
Турецкими, 1810го года Декабря 2го
дня.*

Вознесишься до небесныхъ сводовъ,
На верхню степень шоржества,
Превыше зависти народовъ,
Подъ кровомъ длави Божества,
Сѣдишь Владычица полмира,
Равна безсмертнымъ красотою.
Жезлъ силы — скиптръ ея златой;
Величїе — ея порфира;
Отъ свѣтлыя зари лица
Горитъ въ зѣирѣ блескъ червленной;
Какъ молніи, въ концы вселенной,
Лучи сверкають отъ вѣнца.

* * *

Побѣда неумолчной славой
 Ее прославивъ на землѣ,
 Паритъ надъ ней — орелъ двуглавой —
 Простря тѣнистыя крилѣ
 Надъ царствы мудро учрежденны,
 Нося въ когтяхъ — лѣсистый лавръ.
 Рифей, Кавказъ, Сянъ и Тавръ,
 Сомкнувъ хребты свои нагбенны,
 Ея священный держатъ провъ;
 Востокъ и Сѣверъ съ ихъ странами,
 Главы цвѣшущи сѣдинами
 Склонивъ — блажатъ ея законъ.

* * *

Стоитъ на стражѣ одесную
 Державный, бодрый Исполнѣ,
 И сильный всяку мощь земную
 Низвергнушь и попрашь одинъ:
 На шлемъ ужасъ оперенный
 Отъ вѣтровъ зыблется, шумитъ;
 Виситъ на шуйцѣ свѣшлый щитъ,
 Отъ молній, отъ громовъ небренный;
 Въ десницѣ — яркостью огня,
 Влищаетъ мечъ непобѣдимый,
 Войны свирѣпой серпъ любимый;
 Пылаетъ на груди броня.

* * *

Съ высотъ во всѣ предѣлы свѣта
 Онъ мечешь острый, быстрый взоръ;
 Блудеши царицу отъ навѣща,
 Карать ея злодѣевъ скоръ.
 Она, по доблести явленной,
 Свою въ немъ познавая кровь,
 Приносишь въ даръ ему любовь;
 Паришь душею умиленной
 До выпренныхъ, незримыхъ мѣстъ;
 И по ланитамъ слезы чисты
 Мелькаютъ, какъ струи сребристы
 Падающихъ ночью съ тверди звѣздъ.

* * *

“Храни, о Боже, Царь небесный!
 Земнаго бога и царя.
 Пусть силою Твоей чудесной
 Моихъ навѣшниковъ боря,
 Ревнишель крошости святыя,
 Низвергнетъ злобу въ вѣчный студъ.
 Пусть милость, истинна и судъ
 Цвѣтутъ во дни его златыя;
 Надъ нимъ пусть носится Твой Духъ,
 Исполни все его совѣщы,
 И пусть пройдетъ въ послѣднѣ лѣшны
 О немъ благословенный слухъ“ .

* * *

Но се, Змій страшной и жестокой
 Молящейся успроилъ ковб:
 Изъ тьмы зловѣрія глубокой
 Подвемлется до облаковъ;
 Главы на високахъ Балканскихъ
 Числомъ споричны возлегли;
 Отъ края Эллинской земли,
 Чрезъ понтъ до зноевъ Африканскихъ,
 Отъ Адри до чермныхъ водъ,
 Крушитъ извивистое шбло:
 И весь возсталъ враждою смбло
 На первый силою народъ.

* * *

Возсталъ — изъ каждой горшани,
 Мечшая бышь непобѣдимъ,
 На Сѣверъ мещетъ искры брани,
 Рыгаетъ пламень, жупель, дымъ.
 Уже, вѣнчанный спражъ полнощный,
 За славу матери, за честь
 Подвигся съ мужествомъ на мечь.
 Престань, герой оружемощный!
 Почій, рекла ему она,
 Тебя противникъ недостоинъ;
 Возплачетъ сей геены воинъ,
 И въ кровь преложится луна.

* * *

Река — и сильною рукою
 Метнула камень въ облака;
 Метнувъ склонилась вновь къ покою,
 Забывъ презрѣннаго врага:
 Громада, тучи раздирая,
 Гоня перуны предъ собой,
 Летитъ шумящая на бой;
 За шокъ ревущаго Дуная
 Низверглась отъ береговъ Невы,
 Низверглась — небо возгремѣло,
 Чудовище оцѣпенѣло,
 Тервешъ многія главы.

* * *

Ты камень сей, о вождь побѣдной!
 Ты палъ отъ Сѣвера на Югъ,
 Потрясъ вершины злобы блѣдной,
 Блеснулъ — и возгремѣлъ — и вдругъ
 Помчался по твердынямъ грознымъ,
 Подобенъ вихрю быстротой;
 Спираешь ихъ своей пятой,
 Сражаешь страхомъ смертоноснымъ,
 И въ сердце вражеской страны,
 Въ гнѣздилище враговъ Христовыхъ,
 Бросаешь тучу стрѣлъ громовыхъ,
 И вносишь пламенный войны.

* * *

Съ тобою Россы побѣждая,
 Гремятъ въ воинственныхъ дѣлахъ:
 Любовь къ отечеству святая
 Во тьмѣ блеститъ на ихъ челахъ.
 Героевъ ратные доспѣхи,
 Отъ частыхъ молніи лучей,
 Горятъ ужасно для очей;
 Битвы вибняющи въ утѣхи,
 Стремятся въ лавровыхъ вѣнцахъ
 Противостать несчетнымъ силамъ:
 Огонь лѣтся въ нихъ по жиламъ,
 Пылаешь мужество въ сердцахъ.

* * *

Уже сравнялися со прахомъ
 Верхы дымящихся градовъ,
 Предъ каждымъ силы Росской махомъ
 Падутъ враждебныхъ тьмы рядовъ.
 Въ крови плыветъ Дунай — и вскорѣ,
 Кипящій шрупами Срацивъ,
 Не льется — сыплется въ Евксиновъ.
 За страхомъ страхъ, за горемъ горе,
 Разятъ неистовый Шамбулъ;
 Уже обшекъ вселенну съ шумомъ,
 Раздался въ шаршаръ угрюмомъ,
 Россійской славы новый гулъ.

* * *

Услыша въ безднѣ громъ всемістный,
 И тѣней ушрашенныхъ крикъ,
 Ярился Магометъ злочестный:
 Изъ чрева адова изникъ,
 Послушенъ падшему Денницѣ,
 На крыльяхъ бури возпарилъ
 На сбчу крестоносныхъ силъ;
 Взлетѣлъ — и стягъ въ его десницѣ
 Шумитъ и закрываетъ твердь:
 Вражда кипитъ въ душѣ лукавой,
 Свергаетъ мстью взоръ кровавой,
 Лице зашмыла вѣчна смерть.

* * *

Увидѣвъ знамя ложной вѣры,
 Увидѣвъ призракъ предъ собой,
 Прельстясь надеждой паче мѣры,
 Враги еще дерзаютъ въ бой;
 Но Россовъ мужество геройско
 Сопретъ кичливости рога.
 Друзья! рекъ вождь, сразимъ врага!
 Стѣною понеслося войско,
 И все тѣснитъ въ первый рядъ:
 Такъ искра громнаго удара
 Бываетъ сѣменемъ пожара,
 Который рушитъ цѣлый градъ.

* * *

Текутъ — и пылю густою
 Восходитъ поле къ облакамъ;
 Разящъ — и крѣпость съ быстрой
 Даютъ перунамъ и штыкамъ,
 И смерть питаютъ пиромъ шучнымъ.
 Предъ ними вождь: — какъ юный левъ,
 Собравъ на подвигъ весь свой гнѣвъ,
 Рыкая звонъ громозвучнымъ,
 По ребрамъ ошибомъ бѣя,
 Караетъ страшну шигра злобу,
 Раздравъ, зарывъ его ушробу,
 Когтями силы своей.

* * *

Какъ лучъ, онъ быстръ въ полетѣ ско-
 ромъ,

Пишетъ жаръ въ своихъ полкахъ,
 Обвѣмлетъ брань единымъ взоромъ;
 Играетъ смерть въ его рукахъ.
 Трепещутъ варвары жестоки
 Омъ тысящей смертельныхъ ранъ;
 Пророка, знамя и коранъ
 Клени, рыгаютъ крови шоки,
 Вдаются въ бѣгъ омъ смертныхъ бѣдъ.
 И ярый Магометъ напрасно,
 Какъ буря возревѣвъ ужасно;
 Не можешь воспляшить ихъ слѣдъ.

* * *

Смотря на бѣгство устрашенныхъ,
 Луна зардѣлася межъ звѣздъ.
 И се, блеснулъ въ рукахъ священныхъ,
 Оружіе на таршаръ, Крестъ,
 И свѣтишь славою Господней.
 Мянешся лжепророкъ предъ нимъ,
 И будто вихрями гонимъ,
 Вѣжись сокрышься въ преисподней,
 Упадъ въ мучительную пыму;
 И шамъ чудовищи нечисты
 Ругательные смѣхи, свисты,
 Воздвигли въ срѣшенъе ему.

* * *

Уже смирился Змій во гнѣвѣ;
 Моля дверь милосшии отверзшь,
 Ползешъ на персяхъ и на чревахъ,
 Віеши въ прахъ, лижешъ персть.
 Честь вамъ! Россіи цвѣтъ и сила!
 Воштели въ ея сынахъ!
 Уже о вашихъ именахъ
 Молва попомству возгласила;
 И ваши въ брани чудеса
 Тогда престанушь чпиться въ мѣрѣ,
 Когда угаснешъ блескъ въ зѣирѣ,
 На землю канушь небеса.

* * *

Герой! Героевъ предводишель!
 Смиришель гды дерзкой, злой,
 Цвѣшущій въкомѣ побѣдшель!
 Цвѣши безсмертною хвалою.
 Взносись парящими крилами
 На верхъ Суворовскихъ побѣдъ;
 Ему дерзая шѣсно въ слѣдъ,
 Блистай великими дѣлами,
 Какъ блестящѣ лѣшній день златой.
 Твой первый шагъ — шагъ исполнскій,
 И духъ Суворова воинскій
 Расшетъ въ груди швоей молодой.

• • •

Будь камень крѣпости Россіи,
 Главы противныхъ сокруши,
 Сломи желѣзныя ихъ выи;
 Служи отъ всей швоей души
 Царю, отечеству, святынѣ.
 Начавъ побѣдами свой путь,
 На семъ пути незыблемъ будь,
 Во вѣкъ не прешавай отнынѣ
 Враговъ Россіи побѣждашь;
 И не прешануть вѣкъ въ Россіи
 Гремѣть тебѣ ея вити,
 И струны Бардевъ рокошати.

• • •

А ты, о вишня вънцесной!
 Владыка молній и громовъ
 Сломившихъ рогъ гордыни злостной,
 И въ груди пепельныхъ холмовъ
 Изшнившихъ грады твердостѣнны,
 Твой гибѣвъ дерзнувше привлечь!
 Ливуй — прославился швой мечъ —
 Прими вѣнцы побѣдъ нешлѣбны,
 Украси оными чело,
 Чтобъ видя блескъ ихъ грозный, дивный,
 Содрогся всякъ народъ прошивной,
 Не смѣлъ бы намъ помыслить зло.

Отъ славы возрастая въ славу,
 Отъ силы въ снау возходя;
 И твердую свою державу
 На всѣхъ державахъ ушверди.
 Господь, поборникъ швой во брани,
 Враговъ швоихъ низринетъ въ прахъ,
 И пригвоздитъ къ пятамъ ихъ страхъ.
 Разслабнушъ ихъ сердца и длани,
 И шумъ лешащаго листа
 Погонитъ робкихъ ихъ толпами;
 Хришоу! ты адъ попрешь стопами,
 Имѣя вѣру во Христа.

Но что? среди профессовъ бранихъ
 О чемъ еще вздыхаетъ Царь?
 О чемъ? — О честь владыкъ избранныхъ!
 Россія возжигай олшарь
 Предъ Богомъ вѣчныя любви,
 Въ сердцахъ у насъ Царю слава шровъ —
 О миръ въздыхаетъ онъ —
 Гнушаяся убійствъ и крови,
 Отъ неба проситъ шишины,
 Всемирной шашины драгя.
 Твои желаня благя,
 О Царь! на небѣ внушени.

• • •

Я духомъ зрю: — съ высотъ зєира,
 Зарей одбянъ какъ вослокъ,
 Низходитъ свѣтлый Ангель мира;
 И тонкій, тихій вѣшерокъ
 За крошкимъ вѣстѣ вѣ слѣдѣ прохладой:
 Главу вѣнчаетъ сребренъ свѣтъ,
 Въ десницѣ — маслина цвѣстетъ. —
 Дыша весеннею ошрадой,
 Низходитъ — примиряетъ миръ,
 Покоитъ воздухъ, бездны, суши,
 Связуетъ дружбой смертныхъ души,
 И ставитъ Христіанству царь.

• • •

Его лучами изблзвлена,
 Уснула смершнымъ сномъ война;
 Се вновь раждаешся вселенна,
 Пришли златыя времена.
 Не плачутъ матери несчастны,
 О смерти милыхъ имъ дѣтей;
 Не гибнутъ люди отъ людей;
 Блаженствуютъ супруги страстны,
 И грады населяетъ бракъ;
 И старцы ожили сердцами,
 И видя миръ межъ ихъ ппенцами,
 Веселый ослабляютъ зракъ.

* * *

Не слышатъ гласъ трубы реющей,
 Не слышно горе ни одно;
 Но сонмы юности цвѣтущей
 Поютъ сладко и красно.
 Играя у любви на лонѣ,
 Младенцы нѣмощствуютъ: — миръ!
 Во звонкихъ струнахъ стройныхъ лиръ
 Всевышній хвалится въ Сионѣ;
 И ты, кого избралъ Творецъ
 Отъ мертвыхъ воскресить природу,
 Усвоить кротость смертныхъ роду,
 И шигровъ прешворишь въ овецъ.

* * *

Земныя царства! пойте Богу,
 Воспойте нову пѣснь Ему,
 Дадите честь и славу многу. —
 Во свѣтѣ Онѣ обращаетъ тьму.
 Земля! возрадуйся во дѣвки,
 Возвеселитесь, небеса!
 Выиграйте, горы и лѣса!
 Возвысьте гласъ, моря и рѣки!
 Вся тварь Всещедраго хвали:
 Онѣ смертныхъ вновь прикрылъ дугою,
 Онѣ сильною Своей рукою
 Отъвездеть брани отъ земан.

Князь С. Шихматовъ.

КОНЕЦЪ ПЯТОЙ ЧАСТИ.

СОЧИНЕНІЯ И ПЕРЕВОДЫ,

ИЗДАВАЕМЫЕ

РОССІЙСКОЮ АКАДЕМІЕЮ.

ЧАСТЬ VI.

(1813.)

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Печатано въ ИМПЕРАТОРСКОЙ

Типографіи 1813 года.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Шестой части.

	стр.
I. Продолженіе извѣстій о упражненіяхъ Императорской Россійской Академіи	1.
II. Мнѣніе о сочиненіи подъ названіемъ : <i>Сходство между Санскритскимъ и Россійскимъ языкомъ</i> . Сочин. Г. Леванды	95.
III. Стихи на опъездъ <i>ИМПЕРАТОРА</i> , Декабря 7го дня 1812 года. Сочин. Г. Державина.	169.
IV. Ода на пареніе орла надъ Россійскою арміею подъ предводительствомъ Князя М. Л. Голенищева-Кушужева, Августа 26 дня 1812. — <i>Егоже</i> .	170.
V. Ода Званское Эхо. — <i>Егоже</i> .	172.
VI. Тоска души. <i>Егоже переводъ изъ Козегартена</i> .	174.
VII. Явленіе. <i>Егоже подражаніе Козегартену</i> .	179.
VIII. Слово. — <i>Егоже</i> .	181.
IX. Идолопоклонство. — <i>Егоже</i> .	186.
X. Надежда. Ф. П. Львову. — <i>Егоже</i> .	189.
XI. Ода любовь къ отечеству. Г. Писарева.	193.
XII. Стихи на изстребленіе непріятельскихъ войскъ въ предѣлахъ Россіи. — <i>Егоже</i> .	198.

- XIII. Рѣчь, чищенная въ Императорской стр.
 Россійской Академіи Членомъ оныя Д.
 Сп. Сов. и Кавалеромъ Иваномъ Ива-
 новичемъ Маршановымъ, при вступле-
 ніе его въ оную, Марша 23 дня 1807 года 200.
- XIV. О краснорѣчїи, *переводъ изъ Сульце-*
рова Словаря. Г. Сеергина. — — 218.
- XV. О кришикъ. *Егоже переводъ изъ Суль-*
цорова Словаря. — — — — 247.
- XVI. Ода на изстребленіе враговъ и изгнаніе
 ихъ изъ предѣловъ Россіи. Сочин. П.
 П. Голяницсва-Кутузова — — 257.
-

I.

Извѣстія о улаженіяхъ

Императорской Россійской Академіи.

(Продолженіе.)

1803 годъ.

Засѣданія Генваря: 3. 10. 17. 24. 31.

I. Генваря 10 дня избранъ въ Члены Академіи:

98. Г. Тайный Совѣтникъ и Кавалеръ Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ (нынѣ ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета Попечитель).

II. Членъ и Непремѣнный Секретарь Академіи представилъ Собранію полученныя имъ отъ разныхъ особъ слѣдующія письменныя сочиненія и переводы, а именно: 1) отъ Члена Академіи Василя Михайловича Севергина, три рукописныя шепрадки *Описанія народовъ*

Часть VI.

г

въ Россіи обитающихъ, переведенныя имъ съ Французскаго языка на Россійскій изъ сочиненій Г. Тука, Члена Лондонскаго ученаго общеспва, и проч. подъ названіемъ *Histoire de la Russie*, печатанныхъ въ 1801 году. — 2) (Опъ неизвѣснаго: а) *Стихи на Новгій Годъ къ друзьямъ*. б) *Обиталище Бога, подражаніе Вольтеру въ Генріадѣ*. в) *Четвернадцать разныхъ надписей*, и г) *Двѣ оды*. 3). Также опъ неизвѣспной особы двѣ пепрадки прозою, а) *Наертаніе исторіи словесныхъ изящныхъ и всѣхъ вообще наукъ и даже художествъ, ихъ хода и пользы для рода человѣческаго*; и б) *Наертаніе Россійской Исторіи глубочайшей древности*. Прочтеніе и разсмотрѣніе сихъ сочиненій и переводовъ Собраніемъ опредѣлено: предоспавивъ Комиспшу, копорый особенно для сего учредивъ предположено было.

III. Генваря 31 числа, возвѣщено Собранію о кончинѣ Члена Академіи Г. Кол. Совѣспника Ипполита Ѳедоровича Богдановича, возпслѣдовавшей въ 7 день Генваря 1803 года.

IV. Сегожь числа, въ слѣдствіе письма Члена Академіи Его Сіяпельства Князя Александра Борисовича Куракина къ Г. Президенту оныя Тайному Совѣшнику (нынѣ Дѣйствительный Тайный Совѣшникъ) и Кавалеру Андрею Андреевичу Нарпову, чшобы доставленный имъ въ 1798 году въ Рос Академію, для разсмотрѣнія и напечатанія, Толковникъ (*Glossaire*) Россійскаго языка, сочиненный покойнымъ Спапскимъ Совѣшникомъ *Струве де Пирмонтъ*, заслуживаетъ бытъ изданнымъ въ свѣтъ, приказатъ оный напечататъ; ежелижъ исполнитъ сего не можно, по возвратитъ его обратно Г. Генераль-Маіору *Дракенфельсу*, какъ ему принадлежащее по наслѣдству, разсуждено: помянутое сочиненіе, состоящее: 1) изъ нѣсколькихъ связокъ этимологическаго Словаря. 2) Изъ краткаго извѣстія о содержащемся въ ономъ, и 3) изъ мнѣнія о наукъ словопроизводенія, сообщитъ Г. Дракенфельсу, потому что Академія къ напечатанію онаго приступитъ не могла по слѣдующимъ прич-

намъ: 1е, что многія связки сего очи-
ненія неполны. 2е, Писаны не на Рос-
сійскомъ, но на Французскомъ языкѣ, и
припомъ шакъ связно, что во многихъ
мѣстахъ написаннаго никоимъ образомъ
разобранъ не можно.

*Засѣданія Феврала: 7. 21. 27. Марта: 7.
14. 21. 27. Апрелья 18. 25.*

I. Феврала 7го избранъ въ Члены:

99. Г. Коллежскій Совѣшникъ (нынѣ
Сипаш. Сов. и Кавалеръ) Пешръ Машвѣ-
вичъ Карабановъ.

II. 21го числа Феврала получены
опъ Г. Тайнаго Совѣшника и Кавале-
ра Павла Ивановича Голенищева - Купу-
зова слѣдующія его стихопворенія: 1)
Стихи къ одному приятелю. 2) *Эпистола.*
3) *Признательность музѣ къ Михайлу Мат-
вѣевиту Хераскову.* Стихопворенія сіи оп-
даны въ Комитетъ, разсматривающій со-
чиненія и переводы, сообщаемыя для по-
мѣщенія въ періодическія изданія.

III. Во время Собранія 14го Марша предспавлены разныя печатныя и рукописныя спихопворенія, имъ же Г. Голенищевымъ - Купузовымъ сообщенныя, а именно: 1) печатныя сочиненія Графа Григорія Сергѣевича Салпыкова: а) *Ода на коронацію ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.* б) *Стихи Княгинѣ Дашковой.* в) *Акростихъ.* г) *Стихи на контину Княгини Гагариной.* д) *Стихи на контину Ивана Логиновита Голенищева - Кутузова.* е) *Пѣсенка къ Луиѣ.* — 2). Письменныя сочиненія его Г. Купузова: а) *Ода любовь къ Отчеству.* б) *Къ другу моему.* в) *Посланіе къ моему кафтану.* г) *Стихи на день рожденія Графа Аполлоса Аполлосовита Мусина - Пушкина.* Сіи послѣднія спихопворенія шакже опданы въ Комисепъ.

IV. 21го Марша сообщены для библіотеки Академіи Г. Президентпомъ оныя Андреемъ Андреевичемъ Нарповымъ двѣ печатныя шепрадки, содержація въ себѣ спихопворенія дѣвицы Анны Турчаниновой, изъ коихъ первая подъ назва-

ніемъ: *Натуральная Этика, или законы нравственности, отъ созерцанія природы непосредственно произтекающія*, переводъ съ Лаш. а вторая подъ названіемъ: *Отрывки*.

V. Апрѣля 13. Членъ Академіи Г. Коллежскій Ассесоръ Тимоѣей Семеновичъ Мальгинъ сообщилъ для бібліотеки сочиненную имъ книгу подъ названіемъ: *Опытъ историческаго изслѣдованія и описанія старинныхъ судебныхъ мѣстъ Россійскаго Государства*.

VI. 25го Апрѣля сообщена Г. Дѣйств. Спаш. Совѣт. Степаномъ Яковлевичемъ Румовскимъ переведенная имъ съ Нѣмецкаго языка рѣчь Геллерта о причинахъ преимуществва древнихъ писателей предъ новѣйшими, особливо въ Спихопворспвѣ и Краснорѣчїи, которую Собраніемъ положено напечатать въ періодическихъ изданіяхъ Академіи. (*)

(*) Рѣчь сія напечатана въ шрешей часпи сочиненій и переводовъ, Академією издаваемыхъ.

*Засѣданія: Маія 2. 23. 30. Юня 6. 13.
20. 27. Юля 4. 18. 25. Августа 1. 8. 23. 29.
Сентября 12. 19. 26.*

I. Членъ Академіи Пётръ Матвѣевичъ Карабановъ сообщилъ сочиненія своего еще нигдѣ ненапечатанные стихи подъ названіемъ: *Равнодушіе отъ неостоянства* и припчу: *трие стрѣлковѣ.*

II. Юня 6го Академія получила изъ Москвы отъ Члена своего Г. Тайнаго Совѣтника Павла Ивановича Голенищева-Купузова при письмѣ отъ 25 Маія, двѣ рукописныя Пиндаровы оды, съ Греческаго языка имъ переведенныя стихами. А поелику Его Превосходительство въ письмѣ своемъ изъявилъ желаніе, что ежели Академія сей опытъ его перевода одобритъ и удостоитъ его бытъ переводчикомъ поль славнаго Авпора, каковъ Пиндаръ, то онъ съ охотою будетъ продолжать начатое; посему Академія, поспавляя себѣ въ обязанность пещися о преложеніи на языкъ Россійскій всѣхъ иноспранныхъ классическихъ писателей,

въ числѣ коихъ Пиндаръ знаменитое занимаесть мѣсто, поручила Секретарю своему увѣдомить Его Превосходительство, что Академія сей предприемлемый имъ на себя трудъ, почитая знакомъ его къ ней усердія, желаетъ, что бы онъ продолжалъ сей переводъ, и по мѣрѣ успѣха въ ономъ, по часпямъ или по совершенномъ окончаніи, сообщилъ его въ Россійскую Академію для изданія въ свѣтъ. (*)

III. Г. Президентомъ Академіи Его Высокопревосходительствомъ Андреемъ Андреевичемъ Нарповымъ сообщенъ переведенный имъ съ Французскаго на Россійскій языкъ первый томъ путешествія младшаго Анахарсиса по Греціи.

IV. Сентября 19, Членъ Академіи Александръ Сергѣевичъ Никольскій представилъ Собранію свой переводъ впо-

(*) Творенія Пиндара, переведенныя Павломъ Ивановичемъ Голенищевымъ - Кушуровымъ, изданы въ свѣтъ имъ самимъ въ 1804 году, и напечатаны въ Москвѣ въ двухъ частяхъ.

раго тома путешествія младшаго Анахарсиса по Греціи.

V. Во время засѣданій, съ 3го Января по 26е Сентября, Академія занималася разсмаприваніемъ и поправленіемъ: 1е, первой часпи вновь издаваемого Словаря Россійскаго, начиная съ 9го по 28й печатный листъ; и 2е, перевода 1го тома путешествія Анахарсиса по Греціи.

А дабы чпеніе и разсмаприваніе сего перевода въ собраніяхъ Академическихъ не прерывало чпенія и поправленія Словаря Россійскаго, новымъ изданіемъ коего Академія нынѣ занимается; по Собраніемъ разсуждено назначить для сего изъ Г. Членовъ особенный Комитетъ, копорый сославипъ, по приглашенію Г. Президентпа Его Высочкопревосходипельства Андрея Андреевича Нартова, изъявили свое согласіе слѣдующіе Господа Члены:

Александръ Сергѣевичъ Никольскій.

Петръ Мамвѣевичъ Карабановъ.

Петръ Ивановичъ Соколовъ.

Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій.

Комисіею сей, подъ предсѣдательствомъ Г.Президента Академіи, открытъ засѣданія свои Декабря 11 дня 1804, продолжалъ оныя по 16 Августа 1808 года.

VI. Члену и Непремѣнному Секретарю поручено написать краткую исторію Россійской Академіи отъ начала ея учрежденія до нынѣшняго времени, и представить оную Собранію на разсмотрѣніе.

Засѣданія Октября: 3. 10. 17. 24. 31.

Ноября 7. 14. 21. 24. Декабря 5. 19.

I. Октября 10го положено: приступить къ печатанію путешествія младшаго Анахарсиса по Греціи, переведеннаго при Академіи на языкъ Россійской.

II. 17 Октября, Членъ Академіи Александръ Семеновичъ Шишковъ сообщилъ для библіотеки Академической, сочиненную имъ книгу, подъ названіемъ: *Разсужденіе о старомъ и новомъ слоgъ Россійскаго языка.*

III. Сегожь мѣсяца 31го числа, по приглашенію Г. Президента Академіи, Г. Члены оныя: 1) Пропіоіерей Іоаннь Іоанновичъ Красовскій, 2) Александръ Сергѣевичъ Никольскій, 3) Пепръ Борисъевичъ Иноходцевъ, 4) Василій Михайловичъ Севергинъ, и 5) Александръ Ѳедоровичъ Севаспьяновъ, приняли на себя шрудъ, разсмопрѣвъ сообщенныя для сего въ Академію Г. Миниспромъ Просвѣщенія Графомъ Пепромъ Васильевичемъ Завадовскимъ, двѣ часпи сочиненной Московскимъ Священникомъ Іоанномъ Алексѣевымъ книги, подъ заглавіемъ: *Пространное поле, обработанное и плодоносное, или Всеобщій историческій оригинальный Словарь, избъ наилучшихъ авторовъ, какъ Россійскихъ, такъ иностранныхъ избранной, сочиненной, и по азбучнымъ словамъ расположенной; Томъ 1 и 2, печатанные въ Москвѣ 1793 и 1794;* и предспавишь объ нихъ письменныя свои миѣнія, для препровожденія оныхъ къ Г. Миниспру Народнаго Просвѣщенія.

IV. Ноября 7го и 28го чипаны были предспавленныя вышесказанными ГГ. Членами письменныя ихъ мнѣнія о книгѣ: *Пространное поле* и проч. Собраніе найдя мнѣнія ихъ основапельными, положило почные списки съ оныхъ сообщитъ Г. Миниспру Народнаго Просвѣщенія Графу Пеиру Васильевичу Заводовскому. Содержаніежъ сихъ мнѣній еспъ слѣдующее:

*Примѣтанія Протоіеря Іоанна
Красовскаго.*

1. Въ предувѣдомленіи сочинипель говоритъ, *что въ семъ Словарѣ ратительно собрано все то, что имѣется полезнѣйшее и любовитства доотойнѣйшее, остроумнѣйшее, и къ знанію нужнѣйшее, а попомъ продолжаепъ, что все то здѣсь собрано, что телевѣтескій разумъ изобрѣлъ до сихъ поръ нужнаго и полезнаго для общества; и нитего такого не опущено, что дѣлаетъ сіе сочиненіе сколько полезнымъ, столько и нужнымъ, и проч. Но желапельно, чпо бы поль важное одобреніе сего сочиненія дѣйспвипельно съ испинною сходспвовало.*

Ибо въ первомъ онаго помѣ находятся мѣста, или спашьи не соопвѣпспвующія обѣщанію помянутаго предувѣдомленія, какъ на прим. на спр. 87. подѣ словомъ: *Агниненскіе еретьки*, сказано, что они на Соборѣ *Гангрскомѣ* осуждены были въ концѣ 7го вѣка. Но извѣспно, что Соборѣ Гангрскій былъ еще задолго до 7го вѣка, а именно въ 340мъ году по Р. Х. — 2) На спр. 442 подѣ словомъ *Ангелиты* ерешики не обьяснено, въ чемъ ихъ ересь соспояла, и въ копорое время жили. 3) На спр. 504. подѣ словомъ *Антитринитарцы* сказано, что слово сіе взято съ Греческаго; но извѣспно, что оно сложено полько съ Греческимъ предлогомъ *ἀντί*, а прочее еспъ Лашинское изъ слова *trinitas* произшедшее. — 4) На спр. 628. подѣ словомъ *Аріане* сказано, что Арій Преспаяпую Дѣву Марію называль Хриспородицею; но извѣспно изъ Церковной испоріи и Кормчей книги, что сіе названіе Преспаяпой Дѣвѣ далъ Неспорій ерешикъ, бывшій въ 5мъ спольпшіи Папріархомъ Цареградскимъ; Арій

же былъ въ 4мъ вѣкѣ. — 6) На стр. 635. подѣ словомъ *Арминіанс* сказано, что они произошли въ началѣ 7го вѣка и получили себѣ названіе сіе отъ Іакова Арминія, Лейденскаго учипеля; но о семъ Арминіи извѣстно, что онъ жилъ въ концѣ 16го столѣтія. Попомъ сказано, что ересь ихъ подходитъ почти къ безбожнической; а въ чемъ она состоитъ, того ни мало не показано. — 7) На стр. 636 подѣ словомъ *Армянс* ничего не сказано о системѣ вѣры ихъ, а сіе кажется нужно положить, дабы ихъ не смѣшались съ предъидущими Арминіанами, и проч.

II. Во многихъ спашьяхъ, касающихся Истории не приведено свидѣтельствъ изъ историковъ, писавшихъ о упоминаемыхъ въ оныхъ спашьяхъ матеріяхъ, ниже простой ссылки на нихъ не показано. А сіе самое и дѣлаетъ оныя спашья въ подлинности ихъ сумнительными, какъ на прим. *Абрамитс*, *Абрамовцы*, и проч.

*Мнѣніе Александра Сергѣевича
Никольскаго.*

Намѣреніе издашеля похвально: спрудъ заслуживаетъ уваженіе. При всемъ помъ книга сія едвали съ желаемою пользою употребляема бытъ можешъ; ибо издашель:

1 е. Помѣспилъ въ ней пакія спашьи, копорыя заспавляютъ о себѣ сомнѣвашься; но онъ не означилъ, опкуда ихъ взялъ.

2 е. Въ разсужденіи предлагаемыхъ имъ лѣкарспвъ было бы не благоразумно на него положишья безъ поспоронняго и важнаго объ нихъ засвидѣпельспвова-нія; а онъ сего-шо во многихъ мѣспахъ и не сдѣлалъ.

3 е. Мѣра и вѣсь почпи вездѣ Французскіе и для многихъ чипашелей не вразумительные.

4 е. Слогъ повсюду не чиспъ, а индѣ совсѣмъ изуродованъ и пемешъ.

5 е. Скучно чипашъ проспранныя описанія о вещахъ или вѣсьма извѣспныхъ, или маловажныхъ.

бе. Не всякому полюбятся и такіа разсужденія, каково о бичахъ, дѣланіемъ коихъ въ Россіи доказыаептъ издапель благоуваѣтущее состояніе ваѣхъ художествъ въ опечеспвѣ нашемъ.

*Мнѣніе Петра Борисьевита
Иноходцева.*

Данная мнѣ для просмопрѣнія книга, подѣ заглавіемъ: *Пространное поле, или Всеобщій историческій оригинальный Словарь, по азбукиамъ словамъ разположенный и въ Москвѣ (часть 1 и 2) 1794 написатанной*, еспъ нѣкоторый родъ энциклопедіи Россійской, собранной изъ разныхъ авпоровъ. Толь обширное сочиненіе о многоразличныхъ предметахъ превозходиптъ силы одного человѣка и пребуептъ многихъ искусныхъ сопорудниковъ. Преподаваемое въ семинаріахъ обыкновенное ученіе недоспапочно къ обработанію сего пространнаго поля, въ которое премногіа входаптъ познанія, каковыхъ всѣхъ никпо одинъ имѣптъ не можептъ; да и

гоповое выписываишь изъ другихъ книгъ пребуешь великой осмоприпельности и глубокаго размышления. Французскую Энциклопедію сочиняли знаменитые ученые мужи совокупными силами; но и въ оной встрѣчаюся недоспапки, по какъже одному человѣку можно избѣжать оныхъ? Усердіе честнѣйшаго отца Героя показать обществу свою услугу похвально, когда бы спарался больше о лучшемъ выборѣ и желательной крапкоспи, нежели объ излишнемъ велерѣчїи. Разные предметы безъ дальней нужды описаны слишкомъ пространно, какъ по *Баба ппица*, *Балсамъ*, *Балсамированїс*, *Блоха*, и проч. другіе весьма недоспапочно, какъ по: *Бамберекъ*, *Барканъ*; а нѣкоторыя нужные совсѣмъ опущены, на пр: *Баржа*, *Бармот*, и проч. Въ описанїяхъ до Естеспвенной Исторїи касающихся встрѣчаюся спаринныя неосновапельныя мнѣнїя; врачеванїя нѣкопорохъ болѣзней весьма сумнительны; географическія извѣстїя помѣщены о малозначущихъ мѣссахъ, каковы сущь

Часть VI.

2

Казацкія Станицы, напропивъ шого до-спойнѣйшіе предметы вовсе не упомя-нуты, какъ по: въ Россіи *Байкаль Озеро*, *Балтійское* и *Бѣлое море*, и проч. Вѣсы и монеты иноспранныя не приведены въ наши, почему и судить объ оныхъ не можемъ. Въ упвержденіе сего моего мнѣнія нѣкопорыя выписки при семъ прилагаю.

Стр: 4.—14. Баба птица летаетъ все-ма высоко, такъ это кажется не больше ласточки. Мнѣ не случилось сего примѣ-пивъ въ бытность мою въ Гурьевѣ, гдѣ ихъ очень много; да и сумнипельно по ея величинѣ. Ц Императора Максимиліана жила 80 лѣтъ, хаживала за нимъ въ по-ходы летаючи. Можетъ нести на полетѣ гораздо больше своей собственной тяжести. Цронила Араптенка, котораго всема высоко подняла на воздухѣ. Дѣлаетъ гнѣздо въ землѣ, иногда на 14 миль удаленной отъ моря, принуждена однакожъ ходить туда ловить рыбу, запасаться ею, унося въ носо-вомъ кошелкѣ.—Отцу Лабатъ упоминаетъ, что носъ какъ верхній, такъ и нижній (слѣ-

спвенно два носа) *окруженъ малыми зазубринами.*—*Наполнивъ рѣбою мѣшокъ свой, ѣсть на досугѣ, когда заблагорасудится.*—*Пеликанъ есть птица печальная и меланхолическая. Онъ столько же медлителенъ и лѣнивъ къ движению (какъ же можетъ летать высоко?).*—*Целканово мясо твердо, пахнетъ мясомъ и гнилою рѣбою. Кто бы повѣрилъ, говорящъ Лабапъ, чтобы сіи толстые звѣри (живошныя) съ ихъ широкими гусиными лапами хотѣли садиться на деревья для покою.*—*Говорящъ, то крикъ Пеликановъ походитъ на ослиной крикъ. Мало ли что говорящъ! но я не слыхаль опъ нихъ шакого крика.*

Стр. 18. Бабогга верстѣ по 30 безъ отдыха перелетаетъ. Развѣ жестюкая буря принесла ихъ на судно?

Стр. 23. Баварцы...бывѣ гада и отцов героя, никогда они не посрамили произхожденія своего.

Стр. 40. Но частное склоненіе тѣла, и то не всѣ Послы гниютъ (Сулпану), но по разлітію гести своихъ Государей.

Стр. 41. Баіокъ, сія мѣдная Италіянская монета состоитъ цѣною французской монеты одинъ солдъ денвера. Десять баіоковъ стоятъ Юля одного.

Стран: 51. Баккалавръ. Степень или достоинство Баккалара открылся въ цглицахъ не прежде, какъ уже въ 13 вѣкѣ, а утвердилъ оное Папа Григорій IX. Въ Россіи сіе достоинство открылось подъ благословенною державою благополучно царствующія Екатерины II.

Стран: 52. Балагатъ. Сіе королевство Азіятское, часть королевства Деканскаго состоитъ на Индіянскомъ островѣ по сую сторону рѣки Гангеса.—Съ тамошнихъ Ростельскихъ заводовъ выходятъ изрядные алмазы, а особливо Каифы. т. е. тѣ камни, которые съ натуральною гранью изъ земли выходятъ.

Стран: 55. Балдахины дѣлаются въ уборныхъ комнатахъ надъ каминами.

Балдріянъ (Балдырьянь). Растетъ по самому мѣлкимъ теплышкамъ.—Стран: 56. Цветочки бѣленскіе какъ снѣгъ....на лѣтѣ лапокъ разръзные и внутри оныхъ по

три гвоздка и по одному пестыку. Чашечки подбъ ними нѣтъ или огмала (очень мала) и непримѣтна; гвоздики же шилоподобныя съ кругленикими шляпками.

Стран: 57. Valeriana locusta, полевой салатъ. Листов узкіе полоскаши, а иногда съ овѣткою и нижніе шире и саеткою.

Стран: 61. Балетъ есть забава весьма древняя. Его происхожденіе отбъ увеселительныхъ собраній; принадлежалъ всегда къ танцамъ, яко удачнѣйшее выраженіе радости, гѣмъ и донынѣ оная избъвляется.

Стран: 106. Бамберскъ, матерія для платья, привозилась избъ за моря.

Стран: 112. Изобрѣтеніемъ бандажа одолженъ мнѣ Г. Сюрету Парижской Медицины Доктору. Новое раздѣленіе медицины по городамъ!

Стран: 142. Восточные народы были первые, кои построили архитектурныя бани.....Онѣ обыкновенно находились при школахъ или семинаріяхъ по той причинѣ, что при выходѣ отбъ ученія ходили въ баню.—Стран. 146. Употребляютъ меньше времени на баненіе.....Въ Россіи бани употреб-

леніе свое начали по изтеченіи десяти вѣковъ Христіанскія эпохи (при св: Ольгѣ были уже бани и слѣдовапельно прежде); потому что Новгородцевъ, отшедшіе изъ своей республики и основавшіе Хлыновскую или Вятскую республику, что было въ 1172 году, между прочими городскими зданіями при основаніи города Вятки или Хлынова устроили нужнѣйшія по тому времени необходимости, т. е. винокурню, и земскую или общую баню по срединѣ города построили.

Стран: 150. Кавалеры бани носятъ ленту на портупеѣ, и давались имъ великіе кафтановъ зеленые, длинныя даже до ногъ (развѣ до пяпъ), подложенныя мѣхомъ съ рукавами узкими, и съ спангами тогожъ цвѣта. — Стран: 151. Приготовляютъ (назначенному въ кавалеры) мѣльню преизрядно украшенную и отъ холода ногнаго окруженную шпалерами.

Стран: 160. Барабанъ во Франціи сталъ бить извѣстенъ не прежде, какъ съ 3го Августа 1341 года при Филиппѣ де Валуа.

Стран: 183. Барашико́, монета золотая, дѣланная въ 1226 году въ царствованіе во Франціи Людовика. (Цѣны не показано).

Стран: 198. Барка. Египтяне строили оноея изъ самыхъ листевъ того дерева, на которомъ писали, и Плутархъ повѣствуетъ, что крокодилы, гасно вредившіе плававшимъ на баркахъ, щадили плавающихъ на баркахъ изъ бумажнаго дерева. Простые прутья и шесты древніе за довольноя погитали дѣлатъ барки.

Стран: 201. Барометръ названъ погодникомъ. (На сего предсказашеля переменны погody не всегда полагапья можно.)

Стран: 204. Рипупъ въ барометрѣ поднимаетья...2) опъ високаго стоянїя мѣсяца....опускаетья, когда высота воздуха уменьшится, т. е. когда луна протъ отойдетъ. Сего опытами не доказано.

Стран: 221. Баронство. Орденъ дворянства въ Англіи, непосредственно ниже баронскаго и выше кавалерскаго. Дворянство сей степени гествуетья титломъ Сира, такъ какъ Лордами Бароны.

Стран: 222. Баронѣ. Великіе Вазалы, да и Епископы, владѣвшіе болшими вотчинами, имѣли Бароновѣ такоже происхожденія, какѣ и Королей, кои помогали дворянамѣ производите судѣ.

Стран: 244. Барсукѣ имѣетѣ попережные знаки, которые ему одному свойственны и достойны примѣтанія. Таковыя суть попережнныя полоски на его головѣ и нѣкоторой родѣ мошонки подѣ хвостомѣ.

Стран: 241. Басѣ. Сей важной инструментѣ музыкальной, издающій голосѣ, продолжающійся во всю піесу, управляя гармонію и выдерживая тонѣ.

Стран: 256. Бахилы, обувь Татарская въ терюмѣ народѣ для ношенія на ногахѣ и понынѣ употребляемая. Дѣланная привозитѣ ихѣ сухимѣ путемѣ.

Стран: 280. Бегемотѣ. Ноги его весьма толстыя, раздвоенныя на трое, представляютѣ четыре пальца, отовсюду окруженные ногтями и нѣкоторымѣ родомѣ обуви.—Стран: 281. Дѣлаютѣ изѣ зубовѣ бегемотовыхѣ небольшія тоненькія дощечки, кои носятѣ отѣ судорогѣ и отѣ подагры въ греслахѣ.—Мясо

его жирно и нѣжно, но имѣетъ нѣсколко вкуса и запаха, которой походитъ на дикое дерево. Посему и прочемъ судить можно.

*Мнѣніе Василья Михайловича
Севергина.*

Опдавая всю справедливость прудолобію Г. Сочинителя, спаравшагося описать азбучнымъ порядкомъ различные предметы Естественной Исторіи, Физики, Химіи, Математики, Исторіи, Географіи и проч. признаюсь должно, что Г. Сочинитель прудомъ своимъ болѣе можетъ привести въ заблужденіе, нежели доставить наспоющее поученіе и пользу. Ибо сочиненіе его не только написано неяснымъ и невразумительнымъ слогомъ; но и содержитъ въ себѣ неполныя и даже ложныя понятія о шѣхъ вещахъ, кои описываетъ, чему можетъ служить доказательствомъ слѣдующее.

Стран. 37 Авантюриновъ, насуральныя полагаемы быть должны между блестящими (chatoyans) камнями, -- вмѣсто отличающихся.

Стран: 74. Агатъ, прекрасные полу-прозрачные дорогіе кременья, копорые шверже и глаже ясписовъ или яшмы.— Такихъ камней много. Ихъ находятъ въ уединенныхъ кускахъ, вмѣсто отдѣльныхъ.

Стран: 75. Воспочный агатъ бѣлесоватъ или лучше сказаць не имѣетъ никакого цвѣту, поелику когда онъ испещренъ какимъ либо цвѣпомъ, по не удерживаетъ болѣе имени агата. Не явно ли противорѣчіе?

Стран: 76. Еспьли онъ (агатъ) цвѣту померанцоваго или нѣсколько темнаго розоваго, по называется Сердоликомъ. (Сердоликъ и агатъ суть два камня разнаго рода.)—Стран: 80 Главный цвѣтъ зависитъ съ виду агата. (Сіе непонятно; развѣ отъ разнаго смѣшенія каменныхъ породъ, его составляющихъ.)—Стран. 82. Еспьли хотятъ начерпихъ на Агатъ приспойную округлосихъ, (это это значитъ?) правильныя изображенія, по всего лучше взяць его въ распворѣ съ серебромъ и перомъ проводихъ черпежи, сдѣланныя булавкою. (кто это пойметъ? надле-

жало бы сказать: проводитъ по немъ герцов или пишетъ перомъ, обмотеннымъ въ растворъ серебра въ селитряной кислотѣ).—
Стран: 84. Агапъ ростомъ споль великъ; (вмѣсто Агатъ биваетъ такой величина, и проч.)

Аглинская соль: стран: 125. Изобрѣлъ соспавленіе ея сначала Докпоръ Ганкевичъ, одинъ Англинской врачъ, изъ оспапковъ при диспильяціи купороснаго ма-сла и *Муріи*, п. е. поваренной соли.— (Но изъ сего видетъ не Англинская, но извѣстная Глауберова соль.

Аквамаринной хрусталь.. Стран. 207. опредѣленіе: изящной доброты попадаетъ ся въ Россійскомъ Государствѣ на рѣкѣ Ононѣ.—(Кто изъ сего пойметъ, то это за камень, ибо на рѣкѣ Ононѣ много попа-дается камней изящной доброты. Кажетъ ся, то извѣстной сей камень могъ бы бить тогнѣ описанъ.)

Аконтіясъ, стран: 211. Естъ змѣя, копорая называется шакже змѣя, копорая на людей бросается, и лепучая

змѣя, по причинѣ проворства, и проч. (Что это значитъ)?

Алебастръ, стран: 226. Алебастръ, копорой почитаютъ за видъ капельника, не только способенъ принимать полировку, какъ шопъ, копорой изъ роду мраморовъ. (Нѣтъ алебастра изъ роду мраморовъ, а капельники алебастровые бываютъ).—*Стран: 227.* Алебастръ употребляютъ для дѣланія изразцевъ для печей. (Гдѣ это слыхано? алебастръ отъ жару превращается въ рыхлой порошокъ).—*Стран: 229.* Алебастръ имѣетъ свои виды: гипсъ, селенитъ, Колопичной или Амазонской камень, и фосфорической алебастръ.— (Еще первыхъ двухъ самъ себя противурѣчитъ, называя алебастръ родомъ мрамора, а послѣдніе два камня совсѣмъ особаго рода. Можноли въ 1793 году такъ ошибатся?)

Алкалигѣская соль. Стран: 254. Г. Бернардъ де Жусье открылъ, что соляная сія матерія есть превосходное лѣкарство отъ угрызенія змѣи эхидны, излѣченіемъ совершенно сея опаснѣйшія

раны у одного изъ его друзей при помощи Лукійской воды. (Есть ли это опредѣленіе? надлежалобѣ сказать: Алкалитеская соль есть соль собственного рода, имѣющая щелогной вкусъ, окрашивающая синіе соки растений зеленомъ цвѣтомъ, съ кислотами удобно соединяющаяся и составляющая съ ними среднія соли, и прот.).

Алмазъ, стран. 261. Воспочные алмазы гораздо крѣпче и игривѣе западныхъ. (Вмѣсто: имѣюпъ болѣе блеску).

Алхимія, стран: 289. есть въ высочайшемъ степеніи Химія. (Что это значитъ)?

Амалгама, стран: 298. Всякая амалгама дѣлаешся отъ распляшельнаго огня мягка, а какъ проспынешъ, по дѣлаешся опять тверда. (Не всякой ли металлъ отъ растоплятельнаго огня дѣлаешся мягкимъ, а какъ простынетъ, то бываешъ твердъ)?

Аміантъ, стран: 331. Г. Соссюръ имѣешъ нитку хрустала весьма доспапчну; въ ней видна нить аміанпа. (Никогда не слыхано, чтобъ горной хруст-

талъ, которой здѣсь разумѣется, попался въ видѣ нитки).

Анбары, стран: 406. раздѣляются обыкновенно по шѣмъ предметамъ или вещамъ, копорые для сохраненія въ оныя полагаются. (*Читатель будетъ ожидать здѣсь систематическаго раздѣленія, но вмѣсто того слѣдуетъ: 1) первые пенъковые были анбары на Выборгской споронѣ, копорые сгорѣли; 2) послѣ сихъ анбаровъ были построены другіе анбары, копорые сгорѣли, и проч.*

Антикваріусъ, стран: 470. Сей чинъ придворный ошвѣчаетъ пропивъ спапскихъ чиновъ и военныхъ, въ 14 классѣ соспоющихъ. (*Откуда сіе потернуто, не извѣстно*).

Армянской камень, стран: 640. Такъ называется камень весьма хорошій лазуревый, копорой находидся въ горахъ около Байкала. (*Лазуревыхъ камней много, а около Байкала находится полевой шпатъ съ кварцомъ лазуреваго цвѣта*).

Аурипигментъ, стран. 769. Подъ симъ именемъ разумѣется краска самородная,

которая въ Россію приходилъ моремъ изъ Гамбурга и Амспердама. (Можноль изъ сего угадать, что это за краска? надлежало бы сказать: аурипигментъ есть желтая краска, составляемая изъ 10 частей мышьяку и одной части сѣры).

Вмѣсто слова *Антрша*, полезнѣе бы было опредѣлить слова: Атмосфера, Амоновъ рогъ, и подобныя симъ, о коихъ здѣсь совсѣмъ не упомянуто.

Науки никогда не принесутъ пользы въ опечеспѣе и никогда не будутъ въ должномъ уваженіи, ежели позволено будетъ подобнымъ шворцамъ приниматься не за свое дѣло.

*Мнѣніе Александра Федоровита
Севастьянова.*

Я разсматривалъ книгу подъ заглавіемъ *Пространное поле*, и проч. и имѣю честь донести собранію Императорской Россійской Академіи слѣдующее:

1) Уже самое заглавіе Словаря не соотвѣтствуетъ сочиненію, ибо сочинитель называетъ его только Историческимъ, хотя онъ заключаетъ въ себѣ всѣ знанія человѣческія, какъ по: Географію, Исторію Естественную по всѣмъ тремъ царствамъ, Врачебную Науку, Военную Архисекпуру, и проч. но о томъ, что собственно составляетъ предметъ Исторіи или бытописанія, нѣтъ въ немъ ни одного слова.

2) Что касается до предметовъ, Авторомъ въ Словарѣ семь описываемыхъ, особливо же относительно къ Естественной Исторіи, сказать должно, что Авторъ показываетъ грубое въ сей наукѣ невѣжество, и нисколько не видно, чтобы онъ читалъ лучшихъ Россійскихъ Авторовъ; ибо въ нѣкоторыхъ описаніяхъ не соблюдено даже Грамматическихъ правилъ, и слогъ его хорошимъ назваться не можетъ. Напримеръ въ описаніи *Барса* говоритъ Авторъ: *Барсѣ есть родъ тигра*, между шѣмъ, какъ всякъ знаетъ, что какъ Барсъ, такъ и Тигръ сушь

породы, принадлежащія къ роду кошки. О *бобрѣ* говоритъ сими словами: *бобрѣ* есть отродье тигра видомъ схоже къ *красѣ* или къ *кошкѣ*. Каменнаго барана (сарга івех) называетъ онъ *букетинѣ* съ Французскаго bouquetin, хотя заглянувъ въ начальныя основанія Естественной Истории, изданныя Г. Академикомъ Н. Я. Озерецковскимъ, могъ бы онъ найсти Русское названіе сего живошнаго. Онъ говоритъ, что *сіе животное имѣетъ превеликіе рога, окруженныя колечками*, и сіе несправедливо; ибо у каменнаго барана рога не колечками окружены, а узловаты; потомъ говоритъ Авпоръ, *кровь оная горяча, и упопреляется ошъ плерези*, зачѣмъ бы не сказаць ошъ груднаго колотья? Описывая обыкновеннаго барана говоритъ: *сіе животное имѣетъ на головѣ рога, которые сгибаются впередъ наподобіе полукружія, а иногда свертываются наподобіе винта*. Чипая такое описаніе, иной подумаетъ, что у барана рога подвижныя. Описывая *барсука*, говоритъ Авпоръ, что у него находится бѣлая шерсть на рылѣ и подъ *жабрами*, хотя

извѣстно, что послѣдней часпи, п. е. жабрѣ, кромѣ рыбъ и нѣкопорыхъ мягкихъ червей, ниодно живошное не имѣетъ. Ботаническія его описанія не уступающъ Зоологическимъ; ипакъ, мнѣ кажется, о сихъ предметахъ довольно сказано. А заглянемъ шеперь въ Землеописание: шупъ для показанія Авшорова искусства довольно приведемъ въ примѣръ слѣдующее: *Берега морскіе: такъ называются, говоримъ сочинитель, разнѣя государства, стоящія по берегамъ Средиземнаго и Атлантискаго моря; что на берегахъ морскихъ находяшся многія государства, въ шомъ нѣшъ сомнѣнія, но чтобы какоелибо государство называлось берегами морскими, шого нигдѣ не видно.* Г. Сочинитель равномѣрно искусенъ и въ военной Архитекшурѣ; ибо *Бастіонъ* онъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: *бастіонъ есть родъ башни, имѣющей въ себѣ своды или погребъ, въ которомъ войско и оенные снаряды могутъ находиться въ безопасности отъ бомбъ; между шѣмъ, какъ бастіонъ есть часпъ городской стѣны, имѣющая видъ многоугольника,*

соспоящая изъ двухъ фасовъ и двухъ фланковъ, на которыхъ спояшъ пушки, и служащая наипаче для защиты курпинъ, между каждымъ двумя баспіонами находящихся. Припомъ баспіонъ башнею никакъ названъ бытъ не можетъ; ибо надъ прочими часпями городской спѣны не возвышается.

Показавъ сіи споль грубыя погрѣшности, которыхъ въ Словарѣ семь великое находится множество, почипаю ненужнымъ разпространяться далѣе, а скажу наконецъ, что шаковое сочиненіе не только не можетъ ничему научить, но удобно паче разпространить ложныя понятія и ввести въ заблужденіе юношество, въ наукахъ еще не искусившееся.,,

1804 годъ.

Засѣданія: Января 9. 16. 23. 30, Февраля: 13. 20. 27. Марта: 5. 19. 26. Апрѣля 2. 9. 16.

I. Членъ Академіи Иванъ Аванасьевичъ Дмипревскій, по предложенію Г. Президента Его Высокопревосходитель-

спва Андрея Андреевича Нарпова, принялъ на себя прудъ сочинить Исторію Россійскаго Феоатра.

II. Членъ Академіи Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ сообщилъ переведенныя имъ девять главъ изъ преспьяго пома пупешествія младшаго Анахарсиса по Греціи. А поелику его сіяпельство въ писмъ своемъ между прочимъ изъяснялся, что онъ не имѣя надежды доспавить въ Академію перевода 27 й главы о музыкѣ изъ помянутаго пома пупешествія Анахарсиса; почему перевестъ оную поручено Члену и непремѣнному Секретарю Академіи Г. Соколову.

III. Генваря 30. честнѣйшій опецъ Іоаннъ Красовскій подарилъ для библіотеки Академической двѣ книжки: 1) *Любомудріе противу мнимыхъ страховъ смерти, съ Эллиногретскаго языка на Россійскій и мѣ самимъ преложеное*; и 2) *Слово, проповѣданное Маіа 17 1803 года въ Лутеранской церкви Св: Екатерины Г. Консистеріалратомъ Иваномъ Буссе, по случаю трехднсвнаго торжественнаго празднованія прсваго столѣтія, прошедшаго отъ основа-*

нія столичнаго города Санктпетербурга, переведенное съ подлинной Нѣмецкой рукописи Александромъ Красовскимъ.

IV. Въ засѣданіи Февраля 13, Г. Президентъ Академіи Андрей Андреевичъ Нарповъ предлагалъ, не угодно ли будетъ Гг. Членамъ выбрать самыя лучшія мѣста изъ древнихъ Греческихъ и Латинскихъ писателей, выпійшвомъ своимъ особенно прославившихся, и переведа оныя на языкъ Россійскій, сообщитъ въ Академію, дабы шаковые переводы, равно какъ и разныя изъ Россійскихъ писателей извлеченія могли послужитъ основаніемъ сочиненія о силѣ, красотѣ и обиліи Россійскаго языка; поему честнѣйшій опецъ Пропоіерей Іоаннъ Красовскій, ко-его Г. Президентъ особенно приглашалъ перевестъ на языкъ Россійскій избраннѣйшія мѣста изъ швореній Іоанна Златоустаго, Василя Великаго, шакже изъ поэмъ Омировыхъ, и проч. опозвался, что онъ по усердію своему къ Россійской Академіи, съ удовольствіемъ приметъ на себя сей шрудъ, ежели оспа-

ющееся опть должностей его время къ шому допуспшпъ.

V. Во время засѣдачя, бывшаго 20 числа Феврала, Секретаремъ Академіи представлень полученный имъ опть члена Академіи Графа Дмитрія Ивановича Хвостова переводъ послѣднихъ прехъ главъ преспьяго тома пушешеспвія младшаго Анахарсиса по Греціи и замѣчаній, къ сему шому принадлежащихъ.

VI. Феврала 27 го, по предложенію Г. Президента Академіи опредѣлено: поелику предпологаемыя Россійскою Академіею къ изданію періодическія сочиненія издаваемы будутъ опть ея имени; шо какъ сообщенныя въ оную опть Г. Членовъ и постороннихъ особъ разныя сочиненія и переводы, шакъ и шѣ, кои впредь доставляемы будутъ, чипашъ и разсмапривашъ въ собраніяхъ Академическихъ, и шѣ изъ нихъ, кои общимъ согласіемъ или большинспвомъ голосовъ присущспвующихъ Членовъ одобрены будутъ, помѣщашъ въ періодическія сочиненія; Комиспшъ же, минувшаго 1803 года Генларя 17 дня учрежденный для

разсмащриванія шаковыхъ сочиненій, прекратишь.

VII. Мάρта 5 го числа чипанъ сообщенный въ Академію Г. Профессоромъ Физики Кукольникомъ слѣдующій списокъ съ грамапы, данной Львомъ Даниловичемъ Удѣльнымъ Княземъ Чернороссійскимъ Галицкой церкви, напечатанной древними Славенскими буквами.

„А се я Князь Левъ сынъ Короля
 „Даніила стадавшися есмо зъ нашими Бо-
 „яры, прадѣдъ нашъ Царь Великій Вла-
 „димеръ, и Опець нашъ и предалъ Ми-
 „прополипомъ и Епископомъ по всѣмъ
 „землямъ Рускимъ, якожь и мы Богу и
 „Пресвятой его Машери ко церкви свя-
 „паго ея Успенія Крилоскимъ попомъ
 „соборнымъ Мипрополи Галицкой и
 „всѣмъ Архіепископомъ и Епископомъ
 „и монашпыремъ православной свяшой
 „вѣры Греческой, дали есмо право ду-
 „ховное, по помъ же какъ держишь Ки-
 „евская церковь по Хриспianскому и свя-
 „шыхъ опець управленію, и потвердили
 „есмо приданія церковніе на вѣки вѣч-

„ніе. Села зъ людми и полязъ лѣсы, и
 „ещесмо дали на шопы села грамопы
 „особливіи межи нашихъ границъ и бо-
 „ярскихъ, и въ ихъ поляхъ и лѣсехъ, вы-
 „значаючи границы, какъ было издавна.
 „И придали есмо десятины съ нашего
 „и Князкія, и опть перевозовъ, не возмешъ
 „десятину, и побоярскимъ селомъ, прида-
 „ніе и даны медовіе, выходы и боршы и
 „рыбныя ловища, и езера даемъ церкви
 „Святой Богоматери, Митрополитъ на-
 „шему Григорію и по немъ будучимъ
 „Архіепископомъ, кому Богъ изволишъ
 „и дашъ держави на вѣки и пожива-
 „ти и церковь свяпую правипи и ря-
 „диши, а за наша предки, и за насъ, ми-
 „лоспиваго Бога просипи, а кпому
 „еще придаемъ куны въ рокъ съ поповъ
 „давати, и суди духовнія судиши цер-
 „ковъ сполечная опть мірскихъ въ зако-
 „нѣ оплучини распуспы, сводебцины, и
 „беззаконнопаяпія все духовніе права
 „судяшъ Архіепископы, а сіи людіе о-
 „пришніи церковніи: Игумены, попове,
 „и діаконе, и священницы, причепницы
 „церковніи, и черноризцы, иконніи пи-

„сарове, поповичове, и дяди, проскур-
 „никове и богадѣльніи, и спранніи, и
 „шіе людіе церковніе вольны опъ насъ,
 „и опъ бояръ нашихъ, обладаешъ и су-
 „диптъ ихъ великая церковь опрочъ мірянъ,
 „а на мое слово не преба успупапися
 „никому, ни опняпи, ни дѣшемъ мо-
 „имъ, ни пымъ, кому по насъ Богъ
 „дасптъ на вѣки вѣчніе. А се управили
 „есмо свяпыхъ опецъ и первыхъ царей
 „христіанскихъ. А кпо на мое слово
 „усшупиптъ, судъ ми съ нимъ предъ Бо-
 „гомъ и оплученъ будешъ милоспи Бо-
 „жія въ день спрашнаго божого суда,
 „и да будешъ кляпва божая на немъ въ
 „сей вѣкъ, и въ будущій.

„На шо есмо грамопу нашу дали,
 „и печашъ свою привѣсили. А припомъ
 „были Митрополиптъ Кіевскій Кипріанъ,
 „Владыка, Премышльской Ларіонъ, и
 „Князь Андрей Ярославичъ и панъ Вас-
 „ко, и инныхъ бояръ много було при
 „помъ. А писана и дана грамота въ Га-
 „личи въ чешверпокъ, мѣсяца Марта въ
 „осьмый день, лѣпа шеспъпысящнаго

„осмьсопашаго девяшого.—А писецъ Захаріа
„Выхопъ.,,

VIII. Членъ Академіи Александръ Семеновичъ Хвостовъ объявилъ, что онъ намѣренъ перевести вновь съ Лапинскаго языка на Россійской Теренціевы комедіи съ пѣмъ, чтобы переводъ сей изданъ былъ опть имени Россійской Академіи.

IX. Марта 19 го, избранъ въ члены:
100. Надворный Совѣшникъ Павелъ Юрьевичъ Львовъ.

X. Г. Тайный Совѣшникъ и Кавалеръ Павелъ Ивановичъ Голенищевъ Купузовъ сообщилъ въ Академію:

1) Перевода своего книгу, въ Москвѣ 1804 года напечатанную подъ названіемъ *Твореніе Пиндара Часть I ю, содержащую оды Олимпическія*; и 2). Еще ненапечатанный его же переводъ нѣсколькихъ стиховъ изъ первой книги Гезіода, и двухъ Теокриповыхъ Идиллій:
а) *Даметъ и Дафнисъ* б) *Вѣрная любовь*.

XI. Членъ Академіи Александръ Федоровичъ Севастьяновъ подарилъ для бібліотеки оныя переведенную имъ на Россійской языкъ и напечатанную сего года

первою часте Системи природы Карла Линнея, содержащую царства животныхъ.

ХІІ. Во всѣ сіи засѣданія Собраніе Академіи занималось чтеніемъ, поправленіемъ и ушверженіемъ опредѣлений словъ, съ буквы В начинающихся, по слово *Вороба*.

*Засѣданія Маія: 7. 14. 28. Іюня: 4. 11.
18. Іюля: 2. 9.*

І. Академія, разсмапривая разные переводы ниже означенныхъ иноспранныхъ словъ, Г. Президентомъ и нѣкопорыми Членами оныя сообщенные, и вникая въ почный смыслъ, въ какомъ иноспранныя сіи реченія въ языкъ нашемъ принимающся, положило замѣнить ихъ слѣдующими Россійскими словами:

Акція. Въ торговль: 1) Пай, доля, учаспокъ, напр: *въ новозаведенномъ торговомъ обществѣ онъ участвуетъ двумя паями или долями. Я положилъ въ торговлю два пая, или двѣ доли, или два*

участка. 2) Письменное свидѣтельство.
Акціонерѣ. Пайщикъ, дольщикъ, уча-
 стникъ.

Аллея. Просадь, или прохожь.

Антипатія. Пропивуспраспіе, оп-
 вращеніе.

Арестѣ. Задержаніе, по старинному:
нлатіе.

Арестантѣ. Задержанный.

Арсеналѣ. Оружейная, оружейня.

Адресѣ. Надпись.

Аманатѣ. Заложникъ; по старинному
талс.

Амнистія. Преданіе забвенію, всепро-
 щеніе.

Анаграмма. Буквопреложеніе.

Апроши. Прикопы.

Арматура. Всеоружіе.

Аттрибутѣ. Принадлежность.

Армія. Воинство, рапъ, сила.

Ассистентѣ. Присущникъ.

Аудіенція. Пріемъ, на пр. *Сего дня*
при Дворѣ будетъ обрядной или торже-
 ственной приемъ Послу. Въ старинныхъ
 Россійскихъ книгахъ вмѣсто *бѣтъ* на
 приемной *Аудіенціи*, употреблено: *бѣтъ*

на прїѣздѣ; вмѣсто: *быть на отпускной аудіенціи*, употреблялось *быть на отпуску*.

II. Маія 14 го, Г. Президентъ Академіи Андрей Андреевичъ Наршовъ предложилъ слѣдующія иностранныя слова: *Абсолютъ, Аудиторія, Авторитетъ, Авторъ, Агентъ, Адресовать, Администрація, Актъ, Актеръ, Акцептація, Акцентъ, Акцизна, Акуратно, Акредитованный, Акростихъ, Албарда, Алармъ, Аллегорія, Алліансъ*, съ копорыхъ списки доставлены были какъ присуществовавшимъ въ семь засѣданіи, такъ и опсуществующимъ Г. Членамъ Академіи съ шѣмъ, чшобы они благоволили, приложивъ къ онымъ свой переводъ, сообщить Собранію для соображенія.

III. Маія 28 го избранъ въ члены:

101. Г. Тайный Совѣтникъ и Кавалеръ Михайло Никипичъ Муравьевъ.

IV. Собраніе выслушавъ сочиненное Членомъ и Секретаремъ Академіи Г. Соколовымъ краткое изложеніе о происшествіяхъ и упражненіяхъ Императорской Россійской Академіи отъ самаго ея учрежденія до сего времени, опредѣлило: чи-

папъ оное въ первое торжественное Собрание Академіи въ новопоспроенномъ ея домъ.

V. Юля 9го, Членъ Академіи Г. Тайный Совѣтникъ и Кавалеръ Михайло Никипичъ Муравьевъ чпсаль сочиненія своего *Каледонскій Балладб*, въ сшихахъ.

Засѣданіе Юля 12.

1. Собрание сіе было торжественное по случаю обновленія дома Россійской Академіи, воздвигнушаго щедрошами Августѣйшаго ея Покровителя, ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I, которое, по прибытіи Г. Министра народнаго просвѣщенія, Г. Президентша Академіи, ГГ. Членовъ оныя и приглашенныхъ посѣпителей, открыто водоосвященіемъ съ молебнымъ пѣніемъ о здравіи ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I го и всего ИМПЕРАТОРСКАГО Дома.

II. Г. Президентъ Академіи, Тайный Совѣтникъ и Кавалеръ Андрей Ан-

древичъ Нарповъ, приглася всѣхъ присутствующихъ къ занятію своихъ мѣспъ, говорилъ благодарственную рѣчь **ЕКАТЕРИНѢ ВЕЛИКОЙ**, яко Основательницѣ Академіи Россійской, и Августѣйшему Обновителю оныя **ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ I** му. По окончаніи рѣчи чипана Членомъ и непремѣннымъ Академіи Секретаремъ Г. Соколовымъ крапкая выписка о происшествіяхъ и упражненіяхъ Императорской Россійской Академіи опъ начала ея учрежденія по нынѣшнее время, и крапкое изображеніе прудовъ какъ Г. Президента, такъ и каждого Члена въ особенноти.

III. Попомъ, для вящшаго поощренія дарованій упражняющихся въ словесныхъ наукахъ, положено: задать слѣдующія къ сочиненію на Россійскомъ языкѣ предметы:

1. Похвальное Слово Царю Іоанну Васильевичу IV му.

2. Похвальное Слово Князю Пожарскому и Козмѣ Минину.

3. Разсужденіе о началѣ, успѣхахъ и разпроспраненіи Словесныхъ Наукъ въ Россіи по нынѣшнее время. За лучшее и Академіею по разсмотрѣніи одобренное сочиненіе на каждый изъ сихъ предметовъ, назначена была въ награжденіе сочинителю золотая медаль въ пятьдесятъ червонныхъ, а за ближайшее къ оному медаль серебряная такойже величины, какъ и золотая

IV. Послѣ сего читано слѣдующее письмо, полученное отъ неизвѣстной особы на имя Г. Президента Академіи:

Милостивый Государь Андрей Андреевичъ.

„Зная ревность Вашего Превосходительства къ опечеспвленному языку, не сомнѣваюсь, что вы не изволите пославить себѣ въ трудъ прозбу и порученіе неизвѣстнаго, который прилагая при семъ пять сотъ рублей, просить покорнѣйше васъ, Милостивый Государь, предспавить ихъ Россійской Академіи съ шѣмъ, дабы благоволила она обратиться сіи деньги въ награжденіе сочи-

нипелю лучшей Трагедіи, копорая въ печеніи года, или какъ угодно будетъ назначипь Академіи срокъ, прислана будетъ на судъ ея. Онъ сочпепъ себя весьма счастливымъ, ежели Академія не опринепъ усерднаго приношенія его и еще болѣе, ежели другіе любители опечеспвеннаго слова превзойдутъ усердіе его важнѣйшими поощреніями въ пользу прекраснаго и величеспвеннаго обладателя языковъ, языка Россійскаго. С. Пешербургъ, Іюля 9 дня 1804 года.

Собраніе, почипая доспохвальное сіе намѣреніе подвигомъ, знаменующимъ побужденія души, усердспвующей о разпространеніи изящныхъ швореній на опечеспвенномъ языкѣ нашемъ, изъявило чувспвипельную свою благодарносшь и опредѣлило: присовокупипь къ означеннымъ выше задачамъ и сей предметъ къ сочиненію предложенный, объявивъ чрезъ публичныя вѣдомоспи, что всѣ сіи сочиненія должны быть присланы въ Академію Россійскую не позже 1 го числа Іюля 1805.

Часть VI.

4

V. По назначеніи сихъ задачъ, Членъ Академіи Г. Спапскій Совѣшникъ Пётръ Матвѣевичъ Карабановъ читалъ сочиненную имъ, случаю сему приличную Оду, и пѣшы были пѣвчими стихи и хоръ, сочиненные Членомъ Академіи Иваномъ Аѳанасьевичемъ Дмишревскимъ, а на музыку положенные Капельмейстеромъ Давыдовымъ. (*)

VI. Наконецъ Собраніе съ глубочайшимъ чувствованіемъ совершеннаго благоговѣнія приносило всеподданнѣйшую благодарность Всемилостивѣйшему Покровителю сего Сословія ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ I му, и пѣмъ засѣданіе сіе кончилось.

Засѣданія: Іюля 16, 30. Августа 13, 20, 27.

I. Въ засѣданіи 16 го Іюля Членъ Академіи Павелъ Юрьевичъ Львовъ читалъ сочиненія своего *Памятникъ Ми-*

(*) Ода, также стихи и хоръ непечашаны въ IV Части сочиненій и переводовъ, Академіею издаваемыхъ.

ханла Романова I, служащій продолженіемъ Храма славы Россійскихъ Ироевъ. Повыслушаніи жъ опредѣлено помѣспипъ оный въ періодическихъ сочиненіяхъ, Академію издаваемыхъ.

II. 30 Іюля Членъ и непремѣнный Секретарь Академіи Г. Соколовъ читалъ первую книгу *Овидіевыхъ Превращеній, переведенныхъ имъ съ Латинскаго языка на Россійскій*. Переводъ сей опредѣлено напечатать вмѣспъ съ Лашинскимъ подлинникомъ.

III. Августа 15, получена изъ Москвы Россійская Трагедія въ спихахъ подъ названіемъ: *Нума Помпильій*, присланная сочинителемъ оныя Московскаго Комисариатскаго Депо Коммиссіонеромъ 8 го класса Александромъ Грузинцовымъ при письмѣ отъ 4 го Августа. Разсмотрѣвъ сію Трагедію и сообщивъ Академіи свое мнѣніе, въ надлежащихъ ли правилахъ она сочинена? какія имѣетъ достоинства или недостатки и погрѣшности, поручено Господамъ Членамъ, наиболѣе въ спиховорствѣ, а особливо драматическомъ, упражняющимся.

IV. 27 го Августа, Членъ Академіи Г. Вице-Адмиралъ Александръ Семеновичъ Шишковъ сообщилъ двѣ книги: 1е, подъ названіемъ: *Иронгская пѣснь о походѣ на Половцовъ удѣльнаго Князя Новгорода Сѣверскаго Игоря Святославита, писанная старинномъ Рускимъ языкомъ въ изходѣ XII столѣтія съ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе, и печатанная въ Москвѣ 1800 года*, съ писменными его на сію книгу примѣчаніями, въ копорыхъ Его Превосходительство, разбирая каждую мысль сего древняго сочиненія, полкуя сумнительныя или темныя мѣста, и вникая съ особеннымъ вниманіемъ въ знаменованіе и силу словъ и выраженій, не только показываетъ всю красоту слога, каковымъ сіе сочиненіе писано, но и извлекаетъ доказательство, что кромѣ сочинителя сея пѣсни и упоминаемаго въ оной пѣвца Бояна, существовали въ древнія времена писатели, спихотворческимъ духомъ и высокостію мыслей исполненные; что языкъ Россійскій процвѣпалъ издревле, и что онъ изобилуетъ звучными и сильными

словами. По прочпненіи сихъ замѣчаній положено напечатать оныя вмѣспѣ съ подлинною проическою пѣснью въ сочиніяхъ и переводахъ, Академією издаваемыхъ.--(*) 2. Прибавленіе къ сочиненію, называемому *разсужденіе о старомъ и новомъ словѣ Россійскаго языка, или собраніе критикъ, изданныхъ на сію книгу съ примѣзаніями на оное, сочиненное имъ же Г. Вице-Адмираломъ Шишковымъ, и напечатанное въ С. П. бургѣ 1804 года.*

Засѣданія: Сентября 3. 10. 17. 24. 29.

I. Сентября 3 го, Членъ Академіи Пётръ Мавръевичъ Карабановъ изъявилъ желаніе свое сочинить *разсужденіе о критикѣ стихами*, которое предположено читать въ день торжественнаго годовичнаго собранія Россійской Академіи.

II. Членъ Академіи Преосвященный Ириней Архіепископъ Псковскій подарилъ

(*) Все сіе напечатано въ Iй Части сочиненій и переводовъ, Академією издаваемыхъ.

для бібліотеки Академической сочиненія своего книгу подъ названіемъ: *Толкованіе на дванадцять Пророковъ: Осію, Іоиля, Аммоса, Авдія, Іону, Михея, Наума, Аввакума, Софонію, Аггея, Захарію и Малахію, Часть I.*

III. Сентября 10. Г. Президентъ Академіи объявилъ Собранію, что ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО Высочайше утвердиль соизволилъ мундиръ для Императорской Россійской Академіи по слѣдующему описанію: „кафтанъ темносиняго цвѣта съ краснымъ суконнымъ стоячимъ воротникомъ и шаковагоже цвѣта обшлагами; подкладка синяя, камзолъ и исподнее плашье бѣлые суконные, пуговицы гладкія бѣлыя; на воротникъ, обшлагахъ и на карманахъ по клапанамъ серебряное шипье, какъ оно изображено въ рисункъ.,,

IV. Сентября 17 го, Преосвященный Архіепископъ Псковскій Иринеѣ словесно объявилъ Собранію, что онъ разсмотрѣвъ, по препорученію Академіи, книгу подъ названіемъ: *Иронсская пѣснь удаленному Князю Игорю Святославичу съ*

иссменными примѣганіями на оную Г. Вице-Адмирала Шишкова, нашель примѣчанія и полкованіе на сію пѣснь основательными и для Россійской словесности весьма полезными.

V. Секрепаремъ Академіи предспавлены сообщенныя въ оную опъ Г. Президентпа и опъ нѣкошорыхъ Гг. Членовъ переводы слѣдующихъ иноспранныхъ, въ Россійскомъ языкѣ употребительныхъ словъ: *Авдиторія, Авторитетъ, Авторъ, Агентъ, Адресоватся, Администрація, Адбюнктъ, Аккордъ, Актъ, Актеръ*. Собраніе, разсмапривая различныя словъ сихъ переводы и вникая въ почный смыслъ, въ каковомъ онъ въ Россійскомъ языкѣ приемлюся, положило замѣнишь ихъ слѣдующими Россійскими словами: *Авдиторія, слушалище; Авторитетъ, превосходство, преимущество; Авторъ сочинитель, пворецъ; Агентъ, наказный; Адресоватся, относисься; Администрація, управление; Адбюнктъ, приобщникъ; Азартъ, запальчивость, задоръ; Акордъ, 1) договоръ, 2) въ музыкѣ: созвучность; Акциденція*

доходъ, прибытокъ; *Актъ*, дѣло; *Актёръ*,
лицедѣй.

VI. Сентября 24 го дня сообщены
для библиотеки Академіи: 1) Морскаго
Богоявленскаго Собора священникомъ
Іоанномъ Бедринскимъ перевода его
слѣдующія книги: а) *Политика, изъ са-
мыхъ словъ Св. Писанія потерпнутая Бо-
ссюстолюбъ*. б) *Вопль истинной противу
соблазна міра*. в) *Великіе души, сози-
неніе Каракѣиоли*. — 2) Членомъ Академіи
Г. Вице-Адмираломъ Александромъ Семе-
новичемъ Шишковымъ: а) *Морскія записки
или собраніе всякаго рода касающихся вооб-
ще до мореплаванія сочиненій и переводовъ,
издаваемыхъ учрежденнымъ при Государ-
ственной Адмиралтействъ Коллегіи Коми-
тетомъ*. б) *Морское искусство, или главныя
начала и правила, наугающія искусству
строенія, вооруженія, правленія и вожденія
кораблей, сочиненіе Г. Рома. двѣ Части*. в) *Собраніе морскихъ журналовъ, или ежеднев-
ныхъ записокъ, содержащихъ въ себѣ плаваніе
флотовъ Россійскихъ, начиная съ 1797 года,
двѣ Части*. г) *Всеобщая Исторія о мореход-
ствѣ, Томъ, I й*. д) *Списокъ кораблямъ и*

прогимѣ судамѣ всего Россійскаго флота отъ начала заведенія онаго до новѣйшихъ временѣ, Часть Iя. е) Трехязычной Морскій Словарь на Англинскомѣ, Французскомѣ и Россійскомѣ языкахѣ.

VII. Г. Президентомъ представлена Собранію присланная отъ неизвѣстной особы Трагедія, писанная Россійскими спихами подъ названіемъ: *Демонитѣ*. Разсмотрѣніе сей Трагедіи поручено отъ Академіи Гг. Членамъ оныя, наиболѣе въ спихошворствѣ упражняющимся.

Засѣданія: Октября 8. 15. 20. 29. Ноября 5, 12. 19. 26. Декабря 3. 7.

Декабря 7го числа Академія имѣла торжественное годовое собраніе, которое открыто было крашкою рѣчію, говоренною Членомъ и Секретаремъ оныя Г. Соколовымъ, о причинѣ сего чрезвычайнаго собранія, также о намѣреніи, съ каковымъ учреждена Императорская Россійская Академія, и о средствахъ, къ усовершенію опечественнаго языка нашего служащихъ.

Попомъ имъ же Секретаремъ чипана крапкая выписка о упражненіяхъ и прудахъ Академіи вообще и часпно какъ Г. Президентпа, такъ и Гг. Членовъ оныя въ нынѣшнемъ году совершенныхъ. За симъ Членъ Академіи Г. Спапскій Совѣпникъ Пепръ Машвѣевичъ Карабановъ чипаль сочиненное имъ спихами на сей случай письмо объ испинной крипикѣ и ея должноспи въ разсмаприваніи произведеній Словесноспи, а Членомъ Академіи Павломъ Юрѣвичемъ Львовымъ чипанъ сочиненія его прозою Памяшникъ Князя Голицына. **)

По окончаніи чпенія означенныхъ сочиненій разсуждено пригласишь упражняющихся въ словесноспи къ сочиненію на языкъ Россійскомъ Похвальнаго Слова Царю и Самодержцу Всероссійскому Алексъю Михайловичу, назначивъ въ награжденіе сочинишелю, коего сочиненіе по разсмопръніи найдено будешъ лучшимъ

(*) Письмо сіе напечатано въ I Часши сочиненій и переводовъ, Академіею издаваемыхъ.

(**) Памяшникъ сей напечатанъ шѣхъ же сочиненій, въ Ч. IV.

и удовлетворительнымъ, золотую медаль въ пятьдесятъ червонныхъ. Срокъ присылки таковыхъ сочиненій въ Россійскую Академію положенъ по 1 е число Октября 1805 года.

Наконецъ, чипано было сдѣланное Академіею 5 го числа Ноября сего же года опредѣленіе, копорымъ Собраніе, по выслушаніи письменныхъ примѣчаній и объясненій Члена Академіи Г. Вице-Адмирала Александра Семеновича Шишкова на ироическую пѣснь о походѣ на Половцевъ удѣльнаго Князя Новагорода-Сверскаго Игоря Свяпославича, писанную стариннымъ Русскимъ языкомъ въ изходѣ XII го столѣтія, и въ 1800 году въ Москвѣ изданную съ преложеніемъ на упопреляемое нынѣ нарѣчіе, отдавая справедливоспъ похвальному рвенію его Превосходительсшва Александра Семеновича Шишкова къ открыпію, въ чемъ соспоипъ истинное богатсшво, красота, сила и важноспъ языка Славенороссійскаго, чему показалъ онъ опыпы изданіемъ въ свѣпъ сочиненій, до сего предмеша касающихся и весьма полез-

ныхъ къ направленію вкуса молодыхъ писателей и къ предохраненію ихъ отъ впаденія, подъ видомъ украшенія, въ погрѣшности, языкъ нашъ обезображающія, общимъ согласіемъ положило въ признаніе таковыхъ Г. Шишкова прудовъ, приносящихъ пользу Россійскому Слову, отличить его въ поржеспвенное годовое собраніе Академіи почестію золошой медали; почему, по прочтеніи сего опредѣленія, Г. Президентъ Академіи его Превосходительство Андрей Андреевичъ Нарповъ вручилъ золошую Академическую медаль Г. Вице-Адмиралу Александру Семеновичу Шишкову.

Въ заключеніе же сего поржеспвеннаго Академіи собранія, розданы обыкновенные Академическіе жештоны какъ присуспвовавшимъ Гг. Членамъ, такъ и поспороннимъ посѣпителямъ, и опредѣлено составить изъ сей записки особую спашью для помѣщенія въ Санкшпепербургскихъ вѣдомоспяхъ.

Засѣданія: Декабря 10, 17.

I. Собраніе, выслушавъ слѣдующее Его Превосходительства Г. Президентна Академіи предложеніе:

„Дабы Россійская Академія могла приступить въ началѣ наступающаго года къ изданію періодическихъ своихъ сочиненій, предлагаю Академіи сославить для сего особый Комитетъ изъ нѣсколькихъ Гг. Членовъ.

Принятіе таковой мѣры наипаче нужно по тому, что

1 е. Не всякой Членъ Академіи, по причинѣ другихъ занятій, съ должностію и званіемъ его сопряженныхъ, можетъ участвовать въ семъ изданіи.

2 е. Самый опытъ доказалъ и доказываетъ, что естли обыкновенныя Академическія собранія занимаются будущимъ чтеніемъ, разсмаприваніемъ и поправленіемъ сообщаемыхъ въ Академію переводовъ или какихъ либо другихъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ; по изданіи Россійскаго Словаря и сочиненій, содержащихъ въ себѣ правила Словесности и

составляющихъ главную цѣль учрежденія Академіи, останутся почти безъ всякаго дѣйствія.

Напрошивъ того Академія, будучи облегчена Комитетомъ оиъ разсмаприванія и поправленія представляемыхъ въ оную переводовъ и оиъ изданія періодическихъ сочиненій, занявшись въ общихъ собраніяхъ своихъ единственно поправленіемъ и пополненіемъ вновь издаваемого Россійскаго Словаря и другихъ сочиненій, касающихся до правилъ Краснорѣчія и Стихотворства, къ усовершенствованію которыхъ пребуется многихъ особъ, искусныхъ въ разныхъ наукахъ, съ большимъ успѣхомъ сіи труды издашь можеть.

„Въ Комитетѣ семь буду я участвовать самъ, яко Президентъ, и слѣдующіе Г.г. Члены, изъявившіе мнѣ на шо желаніе, а именно :

1. Г. Вице-Адмиралъ Шишковъ.
2. Г. Тайный Совѣтникъ Муравьевъ.
3. Г. Дѣйствительный Слупскій Совѣтникъ Хвостовъ.

4. Г. Спапскій Совѣтникъ Карабановъ.

5. Г. Надворный Совѣтникъ Севастьяновъ.

6. Г. Дмишревскій.

7. Г. Надворный Совѣтникъ Соколовъ.

8. Г. Надворный Совѣтникъ Львовъ.

Положило: всѣ сочиненія и переводы какъ опъ Гг. Членовъ, пакъ и опъ поспороннихъ особъ по сіе время для періодическихъ изданій въ Академію сообщенные, доставить Комиспету для разсмотрѣнія, копорые изъ нихъ могушь бышь внесены въ журѣаль, каковый Академія издавать въ свѣпъ предположила.

II. Въ засѣданіе 17 го числа Декабря, по прочпеніи первой спапьи записки Академической сего Декабря 10 дня, въ копорой содержипся предложеніе Г. Президента объ учрежденіи вышеозначеннаго Комиспета, Собраніе разсуждая о поспановленіи правилъ, касающихся до изданія помянутыхъ сочиненій, поручило Секретарю Академіи Г. Соколову, сдѣлавъ краткое начертаніе симъ правиламъ, сообразясь съ бывшими во время

сего собранія общими разсужденіями присутствовавшихъ Гг. Членовъ о семь предметъ, предспавишь оное Академіи на разсмопрѣніе во время засѣданія, которому назначено быть въ наспуающій четвертокъ, и пригласишь къ оному Гг опсущствовавшихъ Членовъ особыми записками.

Засѣданія Декабря 29 и 31.

I. Поспановлены и ушверждены были слѣдующія правила, касающіяся до изданія періодическихъ сочиненій Россійской Академіи, а именно:

§ 1.

Періодическія сочиненія, изданіемъ которыхъ Комитетъ займется, выхидишь будупть подъ названіемъ: *Сочиненія и переводы, издаваемыя Императорскою Россійскою Академією.*

§ 2.

Комитетъ приложитъ попеченіе, чтобы часпи сихъ сочиненій выходили одна за другою чрезъ каждыя четыре

мѣсяца, или какъ количество поступающихъ для сего предмета въ Академію учинить по позволенію.

§ 3.

Сочиненія сіи раздѣлены бытъ могутъ на три отдѣленія:

Въ первомъ помѣщаются будутъ историческія извѣстія объ учрежденіи Россійской Академіи, о ея упражненіяхъ, также всякія разсужденія, касающіяся до спихопворсства, краснорѣчія и правилъ языка нашего.

Во второмъ: всякаго рода приличныя и полезныя творенія въ спихахъ и прозѣ, спашьи изъ Россійской Истории, и проч. также крапкіе и хорошіе переводы, подражанія, и проч.

Третье отдѣленіе содержатъ будутъ разсмаприваніе Россійскихъ книгъ, копорыя особенно привлекутъ къ себѣ вниманіе Членовъ Комитеша, или кого другаго изъ Членовъ Академіи, желающаго сообщить въ оный о какой либо книгѣ свое сужденіе.

§ 4.

Поелику главный предметъ изданія сочиненій и переводовъ соспоишь въ
Часть V

помъ, чпобы опкрышь богапство , показашь силу и красопу языка нашего и вообще пещись о пользѣ Россійской Словесности, согласно съ шѣмъ намѣреніемъ, съ каковымъ Россійская Академія учреждена опъ Великой Основательницы своей; по кромѣ ГГ. Членовъ Академіи, копорые по усердію своему будущъ спспѣшествовать сему предпріяшю, сообщая пруды свои до Россійской Словесности касающіеся, могутъ и поспоронніе любители опечеспвеннаго языка своего присылашь свои сочиненія и переводы.

§ 5.

Академія получивъ какое либо сочиненіе или переводъ, сообщаетъ оный въ Комиспетъ, копорый всякое посипуающее къ нему швореніе разсмаприваетъ, дѣлаешь нужныя поправки или перемѣны и опредѣляетъ: внесши ли его въ сочиненія Академіи или нѣшъ.

Ежели Комиспетъ по разсмапрѣніи сочиненія или перевода, по какимъ либо причинамъ , въ издаваемыхъ имъ опъ Академіи сочиненіяхъ помѣспилъ не за-

благоразсудитъ, по возвращаетъ оное въ Академію.

§ 6.

Поелику сочиненія сіи издаваемы будутъ отъ имени Академіи, по по напечатаніи каждаго листа, прежде нежели онъ оппечатается, Комитетъ, яко повѣренное лице, предспавляетъ его общему лицу Академіи, но не болѣе, какъ на прои сущки, дабы печатаніе не задерживалось. Почему Академія приметъ мѣры, чшобы каждаго листа издаваемыхъ ею сочиненій печатаемо было на коррекпурной бумагѣ по числу шѣхъ ГГ. Членовъ, кой пожелають разсмапривать сіи листы и дѣлать на нихъ письменныя примѣчанія. Разсмотрѣнные ГГ. Членами листы возвращаются къ Секретарю Академіи, а сей сдѣлавъ замѣчанія полную выписку, сообщаетъ оную въ Комитетъ. Ежели же Комитетъ, при разсмаприваніи сихъ примѣчаній, будетъ несогласенъ на принятіе какого либо изъ оныхъ; по предспавляетъ о семъ Г. Президенту, который предлагаетъ о помъ на общее разсужденіе Академіи, и тогда

Комитетъ сообразуется съ ея рѣшеніемъ. Просмотрѣнный такимъ образомъ листъ опдается для напечатанія за подписаніемъ Г. Президентпа.

§ 7.

Комитетъ по всѣмъ дѣламъ, до изданія сихъ сочиненій касающимся, имѣетъ опноситься къ Г. Президентпу, а онъ предлагаетъ о томъ общему собранію Академіи.

§ 8.

Члены Комитета назначаютъ сами себѣ мѣсто и время для своихъ засѣданій.

§ 9.

Сочиненія сіи печатаемы будупъ на иждивеніи Россійской Академіи, и сполько экземпляровъ, сколько опъ оной печаташь опредѣлено будепъ.

II. Вовсѣ засѣданія, начиная съ 7го Маія по Генварь 1805 года собраніе занималось

1) Чпеніемъ и поправленіемъ первой часпи Словаря Россійскаго, начиная со слова *Вороба* по слово *всигрешивей*.

2) Первой части Овидіевыхъ Пре-
вращеній, переведенныхъ съ Лапинскаго
на Россійской языкъ Членомъ и Секре-
таремъ Академіи Г. Соколовымъ.

3) Примѣчаній на Ироическую Пѣснь
удѣльному Князю Игорю Святославичу,
сочиненныхъ Г. Вице-Адмираломъ Алек-
сандромъ Семеновичемъ Шишковымъ.

1805 годъ.

Засѣданія: Января 7. 14. 21. 28. Февраля:
11. 16. 25.

I. Января 14го числа Членъ Акаде-
міи Василій Михайловичъ Севергинъ чи-
палъ сочиненное имъ Похвальное Слово
покойному Спапскому Совѣпнику Ми-
хайлу Васильевичу Ломоносову. Слово
сіе опредѣлено чипать въ шоржеспвен-
номъ годовомъ собраніи Россійской Ака-
деміи.

II. Членъ Академіи Генераль-Лейпте-
наншъ и Кавалеръ Логинъ Ивановичъ Купу-
зовъ предспавилъ опъ имени Членажъ Ака-
деміи Тайнаго Совѣпника и Кавалера Павла

Ивановича Голенищева-Купузова писменную переведенную имъ книгу: *Идилліи Θεокрита* съ прибавленіемъ примѣчаній, объясненій и разсужденія о паспущескомъ стихопвореніи.

III. Февраля 4го, подарены для библіотеки Академической: 1 е) *Поучительныя Слова*, говоренныя Бѣлоградской Семинаріи Ректоромъ Пропіереемъ Савченковымъ. 2) Семеномъ Емельяновичемъ Гурьевымъ: *Учебнаго морскаго Курса Часть 1я, содержащая въ себѣ 1ю и 2ю книги основаній Геометріи*; и 3) Графомъ Попоцкимъ, чрезъ Члена Академіи Павла Юрьевича Львова, сочиненную имъ на Французскомъ языкѣ книгу: *Histoire Ancienne des provinces de l'empire de Russie, No 1 и II.*

IV. Февраля 11го полученъ оупъ Санкшпепербургскаго Имперапорскаго Вольнаго Экономическаго Общества для библіотеки Академіи Россійской NO 1 издаваемого онымъ Обществомъ періодическаго сочиненія, подъ названіемъ: *Кружъ хозяйственныхъ свѣдѣній.*

V. 16го числа Февраля, Г. Президентъ сообщилъ Собранію письмо, къ нему оупъ

15 го числа сего мѣсяца отъ неизвѣстной особы писанное, слѣдующаго содержанія:

„Любя спраспно отечество и по-
 „чиная въ душѣ испинныхъ и непоко-
 „лебимыхъ слугъ онаго, я хопя и не
 „старыхъ лѣтъ, но былъ современни-
 „комъ Государспвенныхъ подвиговъ Пеп-
 „ра Дмипріевича Еропкина, нынѣ скон-
 „чавшагося. Усмапривая изъ вѣдомо-
 „спей, что Россійская Академія пред-
 „назначаетъ преисы краснорѣчивымъ ша-
 „ланшамъ, и пронупъ будучи упрашкою
 „сего достойнаго человѣка, я прилагаю
 „при семъ спо червонныхъ, копорые
 „покорнѣйше прошу назначить пому въ
 „награду, кпо въ память покойнаго на-
 „пишетъ лучшее Похвальное Слово.

„Не подписалъ я письма моего попо-
 „му, что безъ всякихъ опношеній въ
 „спайнѣ хочу принестъ жерипву единому
 „моему сердцу. Исполненіе прозбы сей
 „извлечетъ изъ погоже сердца чиспую
 „къ вамъ благодарность. Я предвари-
 „пельно прошу принять ее цѣнсю соб-
 „спвенной благосклонности вашей.,,

Въ слѣдствіе чего Собраніемъ определено напечатать въ Санктпетербургскихъ Россійскихъ вѣдомостяхъ слѣдующее объявленіе:,, Императорская Россійская Академія получила письмо, присланное отъ неизвѣстной особы на имя Г. Президента съ приложеніемъ спичервонныхъ, которые назначаются въ награжденіе тому, кто сочинитъ на Россійскомъ языкѣ лучшее похвальное слово въ память недавно скончавшагося Петра Дмитриева Еропкина. Почему Академія упражняющихся въ Россійской Словесности симъ приглашаетъ къ сочиненію сего Похвальнаго Слова, которое въ Академію должно быть доставлено не позже 1го Октября сего 1805 года.,,

VI. Секретарь объявилъ Собранію, что 1й и 2й томъ издаваемого Академіею на языкѣ Россійскомъ путешествія младшаго Анахарсиса по Греціи уже опечатаны.

Засѣданія : Марта 4. 11. 18. 23. Апрѣля 1. 15. 29. Маія 6. 13. 20. 27. Іюня: 3. 10. 17. 24. Іюля 13. 15. 20. 29. Августа 5. 12. 19. 26.

I. Собранію объявлено, что извѣстное число экземпляровъ 1го и 2го тома Пунешеспвія младшаго Анахарсиса по Греціи переплетены и уже доставлены Господину Министру Народнаго Просвѣщенія для поднесенія ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ и всей Высочайшей Императорской Фамиліи.

II. Марта 18го Членъ Академіи Николай Яковлевичъ Озерецковскій представилъ Собранію для бібліотеки Академической книгу опъ имени сочинителя оныя Г. Геракова: *Твердостъ духа Русскихъ* въ шрехъ книжкахъ.

III. Получено въ Академію *Похвальное Слово* подъ девизомъ *Опытъ*, и съ приложеніемъ запечатанной записки, въ которой означено имя и мѣспопребываніе сочинителя сего Слова.

IV. Марта 23го положено слѣдующія иноснранныя слова замѣнишь Россійскими реченіями, а именно: *Акцептація*, подпись къ плашежу; *Акцѣзна*, мышня или мышница; *Аккредитованный*, довѣренный; *Акростихѣ*, краеспишіе; *Алліансѣ*, союзѣ.

V. Апрѣля 15го сообщены для библіотеки Академіи Россійской слѣдующія книги: 1) Господиномъ Президентомъ Академіи, № 2 и 3 издаваемой вольнымъ Экономическимъ Общеспвомъ книги: *Кругѣ хозяйственныхъ свѣдѣній*. 2) Преосвященнымъ Иринеемъ, Архіепископомъ Псковскимъ: *2 Часть толкованія на дванадесятъ Пророковѣ*.

VI. 22го Апрѣля Членъ Академіи Василій Михайловичъ Севергинъ вторично чипаль сочиненное имъ и вновь пополненное *Похвальное Слово Михайлу Васильеву Ломоносову*. По выслушаніи сего сочиненія Собраніемъ разсуждено: напечатать оное какъ въ сочиненіяхъ и переводахъ, Академіею издаваемыхъ, *) шакъ и особо шесть сотъ экземпляровъ.

*) Слово сіе напечатано во IIй часши сихъ сочиненій и переводовъ.

VII. Преосвященный Меодій Архіепископъ Тверскій сообщилъ въ библіотеку Академіи *Слово на день Покрова Божія Матери, проповѣданное илѣ 1го Октября 1804 года.*

VIII. Маія 13го, Членъ Академіи Тайный Совѣтникъ Иванъ Семеновичъ Захаровъ принялъ на себя прудъ разсмотрѣть представленную Академіи рукописную книгу: *Обозрѣніе Малороссійскаго нарѣчія*, сочиненное Ал. Павловскимъ, и по разсмотрѣніи сообщилъ объ оной свое мнѣніе.

IX. 20го Маія представлены Собранію Секретаремъ Академіи: 1е полученная имъ чрезъ почту отъ неизвѣстной особы рукописная Трагедія *Заренда и Ростиславъ*, подъ девизомъ: *Театръ есть училище*, присланная въ Академію, по сдѣланному отъ нея минувшаго года чрезъ Санктпетербургскія вѣдомости приглашенію. Членіе и разсмотрѣніе сей Трагедіи поручено назначенному для сего Комиссину изъ нѣкопрыхъ ГГ. членовъ Академіи. 2) Полученный имъ же Секретаремъ чрезъ почту на имя Академіи отъ Чле-

на оныя Графа Дмитрія Ивановича Хвостова рукописный переводъ Россійскими стихами Науки о Спихошворствѣ Боало. А поелику Графъ Дмитрій Ивановичъ въ письмѣ своемъ къ Г. Президенту Андрею Андреевичу Нарпову отъ 31го Марша изъяснялся, что онъ переводъ сей представляеть Академіи Россійской на разсмотрѣніе и для напечатанія, то Собраніемъ разсуждено назначить для сего изъ ГГ. Членовъ особый Комитетъ.

Х. Г. Тайный Совѣтникъ Иванъ Семеновичъ Захаровъ возвративъ разсмотрѣнную имъ, по препорученію Академіи рукопись: *Обозрѣніе Малороссійскаго нарѣчія* и проч. словесно объявилъ, что трудъ сей самъ по себѣ похваленъ, но Россійская Академія, имѣющая главнымъ предметомъ своихъ упражненій очищеніе языка опечесивеннаго, выдасть сего сочиненія отъ имени своего не можеть, по тому, что оное цѣли ея занятой несоотвѣтственно.

XI. Членъ Академіи Тимоеей Семеновичъ Мальгинъ сообщилъ для ея биб-

ліопеки книгу: *Нагертаніє гербовѣденія*, сочиненное Г. Гапшереромъ, а съ Нѣмецкаго языка переведенное Коллежскимъ Ассессоромъ Гльбомъ Мальгинымъ.

XII. Іюня 10, получено въ Академію чрезъ почпу опъ неизвѣстной особы рукописное *Похвалное Слово Царю и Самодержцу Всероссійскому Іоанну Василевичу IVму*, подъ девизомъ: *Воздадите вселѣб должная*. Разсмотрѣніє сего сочиненія поручено назначенному для сего особому Комиссору.

XIII. 17го Іюня Секретаремъ предспавлено Собранію полученное имъ чрезъ почпу на имя Академіи опъ неизвѣстной особы рукописное *Похвалное Слово Царю Іоанну Василевичу IV-му*, подъ девизомъ: *Toutes les nations se ventent de leurs héros*.

XIV. Іюля 1го получена въ Академію чрезъ почпу присланная опъ неизвѣстной особы Трагедія *Софія* или *стрѣльцкій бунтѣ*, сочин. Н. С... а.

XV. Коллежскій Ассессоръ Тимоѣей Семеновичъ Мальгинъ предспавиль

Собранію вновь сочиненный имъ *Опытъ Историческаго излѣдованія и доказательства о древности въ Россійскомъ Государствѣ монеты разнаго достоинства и медалей своихъ собственныя*. Собраніемъ положено помѣстивъ сіе сочиненіе въ періодическомъ изданіи *

XVI. Имъ же Г. Мальгинымъ сообщено слѣдующее письменное его примѣчаніе на слово *Князь* или *Князекъ*., Россійская Академія въ Словарѣ своемъ 5й часпи, 666й спр. слово сіе въ 1 мѣ знаменованіи опредѣлила такъ: *Конь, конекъ, самый верхній брусъ на кровлѣ у деревяннаго строения; или верхнее бревно, перекладина на воротахъ, какъ видно изъ Псалма 23. ст. 7. Возмите врата князи ваши.* Напропивъ же оное слово во многихъ мѣспахъ спаринныхъ льпописцевъ и въ извѣспной Игоревой Ироической пѣсни о походѣ на Половцевъ на 23 спр. не *князь*, а *кнезь* выражается; изъ чего заключаю, что въ

(*) Сей *Опытъ* напечатанъ въ IV-й Ч. сихъ сочиненій и переводовъ.

произношеніи или выговорѣ издревле вкралось неправильное употребленіе вмѣсто буквы *г*, буква *к*. п. е. *Гнссѣ* опъ глагола *гнссѣти*, яко прямое значеніе прижимнаго для досокъ бруса, а не *кнзѣ*, наипаче же. *Кнзѣ*, которое слово въ семь смыслѣ съ настоящимъ понятіемъ о чловѣкѣ владѣтельной или верховной особы никакого сходства, подобія и точнаго выраженія не имѣетъ. Я не вхожу теперь въ производство истиннаго корня слово *Кнзѣ*, а доказываю только явную порчу и погрѣшность въ употребленіи слова *кнзѣ* вмѣсто *гнссѣ*, которое съ самою вещію и съ прямымъ понятіемъ весьма близко и сродно сходствуетъ. Ибо и въ самой Библии на другихъ языкахъ означаетъ только верхній перекладъ, а не званіе верховной особы, въ какомъ бы смыслѣ по ни брашь, слѣдовательно весьма оцупительна и явна погрѣшность въ употребленіи слова *Кнзѣ* за перекладъ на воропахъ или пригнетину на кровлѣ. И какъ Академія и долгъ и право имѣетъ въ очище-

ніи опечественнаго языка опть явныхъ погрѣшностей и злоупотребленія; по не благоугодно ли будетъ принявъ сіе примѣчаніе въ особенное разсужденіе, вмѣсто слова Князь исправитъ и опредѣлитъ при наспоющемъ чтеніи и поправленіи буквы Г слово *Гнесѣ*, яко прикрѣпу на воротахъ или на кровль поль ясный корень опть глагола гнести имѣющей и шѣмъ сдѣлать впредь справедливое различіе въ произношеніи и понятіи прямого разума, между поль различныхъ словъ *Князя и Гнеса.*, Собраніемъ, по выслушаніи сего примѣчанія, разсуждено списки съ онаго доставитъ ГГ. описувавшимъ Членамъ, съ шѣмъ, дабы благоволили сообщитъ въ Академію письменное объ основательности его мнѣніе.

XVII. Секретарь чиналъ вступленіе въ Рипорику, по препорученію Академіи имъ сочиняемую.

XVIII. Г. Тайный Совѣтникъ Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Купузовъ подарилъ для бібліотеки Академической 3й *Томъ его стихотвореній.*

XIX. Во всѣ сїи засѣданія, начиная съ Генваря 7 го по 29 Юля, Академія занималась чтеніемъ первой и второй часпи Словаря Россійскаго опть слова *всегрѣшней* по слово *головастой*.

Засѣданія: Августа: 5. 12. 19. 26. Сентября: 2. 9. 16. 23. 30. Октября 7. 12. 21. 28.

I. Августа 26 го чищено крапкое разсужденіе о *звукподражаніи*, сообщенное въ Академію Членомъ оныя Александромъ Семеновичемъ Шишковымъ, и опредѣлено напечатать оное въ издаваемыхъ Академіею сочиненіяхъ и переводахъ.

II. Сентября 2 го Собраніемъ разсуждено, чищенное сего числа въ Академіи Г. Вице-Адмираломъ Александромъ Семеновичемъ Шишковымъ сочиненія его *разсмотрѣніе рѣчи Пресвященнаго Георгія, Архіепископа Могилевскаго и Оршанскаго на прибѣтіе Императрицы ЕКАТЕРИНЫ Второя въ городъ Могилѣвъ, Генваря 19 дня 1787 года*, помѣстивъ въ сочиненія и переводы, Академіею издаваемыя.

Часть VI.

6

III. Сенября 16го, Секретарь объявилъ, что первая часть издаваемыхъ Россійскою Академіею сочиненій и переводовъ окончана печатаніемъ.

IV. Секретаремъ представлено Собранію присланное въ Академію чрезъ почту отъ неизвѣстной особы *Похвальное Слово Царю Алексію Михайловичу*. Собраніемъ опредѣлено: сообщить сіе Слово Комитету Академіи, таковыя сочиненія разсматривающему.

V. Сенября 30го Господиномъ Президентомъ Академіи Его Превосходительствомъ Андреемъ Андреевичемъ Нарповымъ сообщена для библіотеки Академической книжка, печатанная въ Будинѣ 1805 года, содержащая въ себѣ *происхожденіе словъ князе и книгъ*.

VI. Секретарь читалъ продолженіе извѣстій о упражненіяхъ Императорской Россійской Академіи, которое положено напечатать въ началѣ вѣпорой часпи издаваемыхъ ею сочиненій и переводовъ.

VII. Октября 7го, въ слѣдствіе отно-
 шенія Товарища Министра Просвѣщенія
 Михайла Никипича Муравьева къ Г. Пре-
 зиденту Академіи Его Превосходитель-
 ству Андрею Андреевичу Наршову, слѣ-
 дующаго содержанія: „Главное Правленіе
 „училищъ, получивъ отъ Члена своего Г.
 „Дѣйствительнаго Спашскаго Совѣтни-
 „ка Степана Яковлевича Румовскаго ру-
 „копись подъ названіемъ: *Славно-Россій-*
 „*ская Грамматика*, сочиненная учипе-
 „лемъ Казанской Гимназіи вышшаго клас-
 „са Россійскаго языка Ибрагимовымъ, и
 „предполагая напечатать ее для употреб-
 „ленія въ числѣ другихъ учебныхъ книгъ
 „въ Гимназіяхъ, естли окажется, что
 „она того заслуживаетъ, почло за нуж-
 „ное, дабы она сперва разсмотрѣна была
 „Россійскою Академіею. Посему пре-
 „проводя означенную рукопись къ Ва-
 „шему Превосходительству, покорно
 „прошу васъ предложить оную Акаде-
 „міи и увѣдомить меня попомъ о ея
 „мнѣніи, возвративъ вмѣстѣ съ тѣмъ и

*

„самую рукопись.„—Разсмотрѣніе выше-
означенной *Славено-Россійской Грамматикки*
поручено Членамъ Академіи: Преосвящен-
ному Меѳодію Архіепископу Тверскому,
Дмитрію Михайловичу Соколову и Се-
крепарю Академіи Петру Ивановичу Со-
колову.

VIII. Сообщенные въ Академію Чле-
номъ оныя Михайломъ Машѣевичемъ
Херасковымъ списки, сочиненные имъ
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ
ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ МАРИИ
ФЕОДОРОВНѢ, при отккрытіи новаго
мѣщанскихъ дѣвиць училища въ Москвѣ
1805 года, Собраніемъ положено: напеча-
тать въ издаваемыхъ Академією сочине-
ніяхъ и переводахъ (*).

IX. Октября 12го, Собраніе слушало
слѣдующее письмо, присланное на имя
Академіи отъ неизвѣстной особы:

„Милоспивые Государи мои! ушвер-
дительно сказаць можно, что Россійскій

(*). Списки сіи напечатаны во 2й части сихъ
сочиненій и переводовъ.

„языкъ не токмо въ сочиненіяхъ и пе-
 „реводахъ многихъ чашныхъ лицъ, но
 „даже и въ произведеніяхъ, выпускаемыхъ
 „опъ имени нѣкоторыхъ ученыхъ Со-
 „словій, еспь собраніе многосложности, и
 „опредѣленныхъ границъ не имѣеть, что
 „доказываенся какъ соспавомъ рѣчи,
 „пакъ и заимспвованіемъ оборотовъ изъ
 „другихъ языковъ и введеніемъ многихъ
 „новыхъ реченій; а попому приемлю смѣ-
 „лоспъ предложиспъ слѣдующую задачу:
 „имѣеть ли нужду Русской языкъ для
 „обогащенія своего заимспвовавъ, и до
 „какой степени обороты реченій изъ
 „другихъ языковъ, кромъ своего корня?
 „доспапюченъ ли онъ самъ по себѣ для
 „произведенія во всѣхъ родахъ сочиненій
 „славныхъ випій и пѣснопѣвцевъ; и на-
 „конецъ доказавъ, иностранное заим-
 „спвованіе пользу ли приносиспъ языку
 „нашему, или порчу, и въ обоихъ случа-
 „яхъ представиспъ выгоды и вредъ въ
 „наспоящемъ ихъ видѣ, ушвердя дока-
 „зательствами, какой именно оборотъ не-

„свойственъ языку нашему, и что его
 „искажаетъ? Россійская Императорская
 „Академія, яко законодательное мѣсто
 „Словесности Россійской, ежели соблаго-
 „волишь принять предложѣніе сіе вы-
 „звать желающихъ сдѣлать сочиненіе на
 „вышеписанную задачу, то при разсмо-
 „трѣніи такового сочиненія рѣшишь во-
 „просъ необходимой для молодыхъ писа-
 „телей и шѣмъ положишь незыблемыя
 „правила Россійскому слову, ибо по боль-
 „шой часи слава Г. сударства усугуб-
 „ляется славою языка. — За лучшее со-
 „чиненіе, по удостоеніи Академією на
 „Россійскомъ языкѣ въ прозѣ, я въ награ-
 „ду назначаю золотую медаль въ прид-
 „цать червонныхъ, копорые мною бу-
 „дутъ доставлены непременно въ Им-
 „ператорскую Россійскую Академію слѣ-
 „дующаго 1800 года къ 1-му числу Сен-
 „тября. Назначеніе срока и всѣ разпо-
 „ряженія на обыкновенныхъ, правилахъ
 „будутъ зависѣть отъ Академіи. Имѣю
 „честь бытъ вамъ, милосивые Государи

„мой, покорный слуга Н. Н. — Октября
 „5-го дня 1805 года, Москва., — Собрание
 по выслушаніи сего письма опредѣлило:
 о сей задачѣ предложить въ наступаю-
 щее торжественное годовое Собраніе
 Академіи Россійской.

Засѣданія: Ноября 4. 11. 18. 23.

1. Ноября 4 го, читаны сообщенныя
 въ Академію Членомъ оныя Г. Вице-Ад-
 мираломъ Шишковымъ слѣдующія сочи-
 ненія:

1. Похвальная рѣчь ПЕТРУ Великому,
 передѣланная изъ нѣкотораго найденнаго
 въ рукописи стихотворческаго сочиненія,
 поднесеннаго Императрицѣ ЕЛИСАВЕТѢ
 ПЕТРОВНѢ подъ названіемъ: *ПЕТРЪ Ве-*
ликій въ ЕЛИСАВЕТѢ воскресшій. Року 1744
мѣсяца Августа 22 дня. Сочинитель оныя
 полку Малороссійскаго Чернѣговскаго Со-
 пниъ Менской Сопникъ Григорій Кузмин-
 скій.

2. *Добромисль*, старинная повѣсть
 въ стихахъ, сочиненія Ипполита Богда-
 новича.

Оба сія сочиненія положено Собраніемъ помѣспипь въ сочиненіяхъ и переводахъ, Академією издаваемыхъ. (*)

II. Читаны два письма къ Г. Президенту Академіи, отъ Княгини Екашеринны Романовны Дашкавой и отъ Михайла Матвѣевича Хераскова, въ копорыхъ они благодарятъ за доставленную имъ первую часть Академією издаваемыхъ сочиненій и переводовъ.

III. Ноября 18-го, по предложенію Г. Президента опредѣлено: кромѣ Субботы, въ копорую Академія имѣеть каждую недѣлю обыкновенныя свои собранія, сдѣлашь еще нѣсколько засѣданій по Четвергамъ въ чепыре часа по полудни, для скорѣйшаго окончанія чпеніемъ и поправленіемъ буквы Г. копорую предположено окончить первую часть Рос. Словаря.

IV. Читано представленное сего числа Собранію Секретаремъ мнѣніе Комитета, 8-го числа изъ Гг. Членовъ Академіи со-

(*) Сочиненія сія помѣщены во 2-й части оныхъ изданій.

спавленнаго, о присланныхъ въ бную подъ разными девизами похвальныхъ словъ и прагедіяхъ, изъ коего явствуетъ, что нико одно изъ сихъ сочиненій не заслуживаетъ назначеннаго награжденія.

— — —

Засѣданіе Ноября 25 го.

Сего числа Императорская Россійская Академія имѣла торжественное свое годовое собраніе, которое открыло было краткою рѣчью, говоренною Г. Президентомъ сей Академіи Его Превосходительствомъ Андреемъ Андреевичемъ Нартовымъ, по окончаніи которой читаны были:

Первое: Краткое изображеніе упражненій Россійской Академіи въ печеніи минувшаго года, ш. е. съ 25-го Ноября 1804 по 25 Ноября 1805 года.

Второе: Мнѣніе Академіи о сочиненіяхъ, присланныхъ на заданныя ею въ минувшемъ 1804 и въ 1805 годахъ предметы, а именно:

1. *Похвальное Слово Царю и Самодержцу Всероссийскому Иоанну Васильевичу IV.*

На сію задачу получено было два сочиненія, изъ коихъ одно съ надписью: *воздадите всѣмъбъ должная*; а другое подъ девизомъ: *Toutes les nations se vantent de leurs héros.*

2. *Похвальное Слово Царю Алексѣю Михайловичу.* — На сію задачу получено польско одно сочиненіе съ надписью:

*За дни счастливыя, свѣтзарныя
Лютяся чувства благодарныя.*

3. *Похвальное Слово Князю Шожарскому и Козмѣ Минину.* — На сію задачу получено также одно сочиненіе подъ девизомъ: *Опытъ.*

Но всѣ сіи сочиненія, по разсмотрѣніи Комитетомъ Академіи, особо для сего назначеннымъ, оказались неудовлетворительными.

4. *Розсужденіе о началѣ, успѣхахъ и разпространеніи наукъ въ Россіи по нынѣшнее время.* — На сію задачу ни одного сочиненія не прислано.

5. *Похвальное Слово Петру Дмитріевичу Ерткину.* — На сей предметъ Академія также не получила никакого сочиненія.

6. Кромѣ сихъ, задано было сочинить *Трагедію Россійскими стихами*. — На сію задачу получено двѣ Трагедіи: 1) *Софія или Стрѣлецкій Сунтѣ*. 2) *Зарема и Ростиславъ*, съ девизомъ: *Театръ есть училище*.

Первая изъ сихъ Трагедій найдена неудовлетворительною; впрочемъ коня писана стихами чистыми, плавными и во многихъ мѣстахъ сильными; но въ шестви и разположеніи ея находятся недостатки, которые воспрепятствовали одобренію оную во всѣхъ частяхъ.

Кромѣ сихъ, Академія еще получила двѣ Трагедіи: 1) *Демонъ*, и 2) *Нума Помпилій*: но какъ сочинитель открылъ свое имя, то онъ и не могли бытъ приняты въ разсмотрѣніе съ прочими такого же рода сочиненіями.

Помощью Собраніемъ разсуждено: всѣ вышеозначенныя задачи повѣрить на 18 5 годъ на прежнемъ основаніи, и о семъ упряжняющихся въ словесности Россійской пригласить чрезъ С. П. бургскія и Московскія вѣдомости. Запечатанныяжъ

надписи всѣхъ помянутыхъ сочиненій въ присутствіи всего Собранія по обыкновенію сожжены, а самыя сочиненія положено хранишь въ Архивѣ.

Послѣ вопрошаемо было у Господъ присутствовавшихъ Членовъ, нужно ли будетъ вновь предложить для сочиненія слѣдующую задачу, присланную отъ неизвѣстной особы: *Имѣетъ ли нужду Русской языкъ для обогащенія своего заимствовать и до какой степени оборота реченій изъ другихъ языковъ, кромѣ своего корня? достаточно ли онъ самъ по себѣ для произведенія во всѣхъ родахъ сочиненій славныхъ витій и пѣснопѣвцевъ, и наконецъ доказать, иностранное заимствование пользу ли приноситъ языку нашему или порчу, и въ обоихъ случаяхъ представить выгоды и вредъ въ настоящемъ ихъ видѣ, утвердя доказательствами, какой именно оборотъ несвойственъ языку нашему, и что его искажаетъ?* На что все Собраніе опвѣщствовало, что оно не видитъ надобности задавать таковой предметъ, по тому что Россійскій языкъ по своему изобилію и свойству не имѣетъ нужды

заимствованы обороты и выражений изъ языковъ иностранныхъ.

Наконецъ Членъ Академіи Василій Михайловичъ Севергинъ произнесъ сочиненія своего Похвальное Слово покойному Статскому Совѣшнику Михайлу Васильевичу Ломоносову.

По прочтеніи сего Слова Г. Президентъ вручилъ Г. Министру народнаго Просвѣщенія экземпляры онаго для поднесенія ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВАМЪ и Ихъ Императорскимъ Высочествамъ; потомъ роздано было всѣмъ присутствовавшимъ Членамъ, равно и всѣмъ Гг. Посѣпителемъ по одному экземпляру и по серебряному жешпону, и тѣмъ кончилось торжественное сіе засѣданіе.

Засѣданія Декабря: 2. 7. 9. 14. 16. 23.

1. Декабря 7 го, сообщенные Членомъ Академіи Гавриломъ Романовичемъ Державинымъ сочиненные имъ списки подъ названіемъ: *Гласъ Санктпетербургскаго об-*

щества, по случаю Вяткайшаго Благоволенія, объявляннаго оному Главнокомандующимъ Ноября 2-го, опредѣлено напечатать въ сочиненіяхъ и переводахъ, Академіею издаваемыхъ. (*)

II. Декабря 9-го Иванъ Аванасьевичъ Дмипревскій, по предложенію Г. Президента, изъявилъ свое согласіе сочинить Похвальное Слово Александру Петровичу Сумарокову.

III. Во всѣ засѣданія съ 29-го Іюля по 23 Декабря, кромѣ другихъ занятій, были разсмаприваемы опредѣленія словъ и реченій къ буквъ Г. и Д. начинающихся, и именно ошъ слова *головастой* по слово *двигать*.

(*) Напечатаны въ 2-й часши сихъ сочиненій.

(Продолженіе впрдб.)

II.

М Н Ъ Н І Е

*О сочиненіи подѣ названіемъ: сходство
между Санскритскимъ и Россійскимъ
языкомъ.*

Бывъ приглашенъ Императорскою Россійскою Академіею предсавишь письменно мнѣніе мое о достоинствѣ и пользѣ безъимяннаго сочиненія подѣ заглавіемъ: *Сходство между Санскритскимъ и Россійскимъ языкомъ*, не могу не соопвѣпствовать желанію ея, не изъявивъ ей предварительнo живѣйшихъ чувствій благодарности моей за лестную обязанность, которую угодно ей было возложить на меня.

Исполняя симъ волю почтеннѣйшей Россійской Академіи, приступилъ я къ прилѣжному разсмoспрѣнію помянутаго сочиненія, и въ слѣдствіе того излагаю здѣсь мысли мои о достоинствѣ онаго.

По истиннѣ, главнѣйшее онаго достоинство и единственнo принадлежа-

щее издапелю безъимяннаго сего сочи-
ненія, еспь по, что онъ первый началъ
сравнивать Славянскій или Россійскій
языкъ съ Санскрипскимъ, и нашель сход-
ство шѣмъ болѣе непоняпное, что на-
роды, уи опребляк щіе сіи нарѣчія, раздѣ-
лены безконечною опдаленностию и без-
численными племенами, между ими живу-
щими, а попому самому кажется, что
и не должны бы были представлять ме-
жду собою подобія и сходства.

Воздадимъ слѣдственню всю честь
сего опкрыпія безъимянному сочи-
пелю, копорой приобрѣль чрезъ по не-
оспоримое право на благодарности, сораз-
мѣрнуо шѣмъ препяпствіямъ, кои над-
лежало ему преодолѣть прежде, нежели
онъ могъ достигнуть до извлеченій имъ
представленных; ибо самая справедли-
вость треуеишь сказать, что изо всѣхъ
ученыхъ Азіяпскихъ языковъ, менѣе
прочихъ извѣстель Еврспъ Санскрипскій,
единый можетъ быть непредставляющій
почти никакихъ средствъ къ сравненію,
каковы напримѣръ: Словари и Граммати-

ки, за недостаткомъ коимъ помянутый писатель принужденъ былъ собирать съ великимъ трудомъ изуродованные и всюду разбросанные матеріалы, для доспигенія предположенной имъ цѣли, до которой дѣйствительно доспигнулъ онъ, показавъ между священнымъ Гиндузскимъ языкомъ и Россійскимъ такое сходство, о которомъ до него никто и не помышлялъ.

Впрочемъ не уменьшая достоинства всего сочиненія, я долженъ однакожъ замѣтить, что помѣщенные имъ слова въ видѣ однозначущихъ, не всѣ равномерно сильны и справедливы, и что есль даже напянутыя, каковы напримѣръ прилагаемая у сего въ аналитической выпискѣ, въ коей разноситъ ихъ корней доказывающа самымъ ихъ словопроизведеніемъ.

Но какъ Санскритскій языкъ, сравненный съ Еврейскимъ, Персидскимъ, Греческимъ, Латинскимъ, Цельпическимъ и Нѣмецкимъ, представляющъ, по признанію самаго безъимяннаго Сочинителя, тоже самое сходство, которое нашелъ

онъ между сими послѣдними и Россійскимъ, по не ужели, по сей самой причинѣ, почтупъ оный кореннымъ, или первобытнымъ языкомъ? Таковое заключеніе безъ сомнѣнія вовлекло бы въ заблужденіе; поелику нѣтъ языка, сравненнаго съ другими, который бы не представлялъ болѣе или менѣе разительнаго сходства. Но чѣмъ языкъ имѣлъ свойство кореннаго, т. е. первобытнаго языка, самая необходимостъ требуетъ, чѣмъ онъ въ корняхъ своихъ представилъ надежный способъ къ изъясненію всѣхъ реченій, какого бы языка ни были, иначе должно помѣстить его въ разрядъ производныхъ языковъ. Таковъ точно случай Санскритскаго и многихъ другихъ языковъ, вообще признанныхъ коренными.

Чѣмъ однакожъ доказываеиъ взаимное сіе, непреложное, всемірное и полнокъ ощущительное сходство, замѣченное Археологами, во всѣхъ языкахъ, сравненныхъ между собою, естли не шу величайшую истинну, о которой гласитъ вселенная, чѣмъ языки производяиъ оиъ одного и того

же источника, и что всѣ они суть дѣти
единого отца, коего преждебытіе свидѣ-
тельствуется Законодавцемъ народа Бо-
жія тако: „и бысть вся земля уснѣнъ,
единъ, и глаголь всѣмъ единъ.” *Быт.*
гл. XI. ст. 1.

Въ самомъ дѣлѣ разнообразность
языковъ не иное что есть, какъ раз-
личное измѣненіе или искаженіе перво-
бытнаго языка, который по историче-
скимъ выводамъ долженъ бытъ Ские-
скій, до попопа существовавшій, единый,
коимъ, кажется, говорили прежде разсѣ-
янія по всей землѣ; поелику онъ сово-
купляетъ предъ прочими всѣ свойства
своего прадѣда, какъ по основанію, ко-
имъ служилъ всѣмъ древнимъ и новѣй-
шимъ языкамъ, такъ и по тому, что и
теперь еще служилъ единственнымъ
ключемъ, посредствомъ коего не только
таинственный языкъ всѣхъ религій,
древнія надписи удобочитаемыя, но не-
понятныя, на какомъ бы то ни было
языкѣ, но и самое происхожденіе наро-
довъ и всѣ реченія ихъ языковъ, изъяс-

няются естественнымъ, почнымъ и удовлетворительнымъ образомъ, въ чемъ свидѣтельствуюсь съ одной стороны Этимологическимъ Французскаго языка Словаремъ; изданнымъ Менажемъ, который я весь разобралъ и нарочито приумножилъ; а съ другой пояснительнымъ собраніемъ словъ, помѣщенныхъ въ Ироической пѣсни о походѣ на Половцовъ Князя Игоря, смыслъ коихъ по отзыву самой Академіи, признанъ былъ навсегда потеряннымъ, что и дѣйствительно послѣдовало бы безъ предлагаемаго мною ключа, равно и безчисленнымъ производствомъ множества языковъ мертвыхъ и живыхъ, копорыя я сравнивалъ и разбиралъ, и наконецъ удостовѣрился въ неоспоримомъ донинѣ *единствѣ* (Identité) языковъ и народовъ, доказанномъ мною до очевидности, во первыхъ историческими событіями, посредствомъ родословнаго дерева народовъ; во вторыхъ, словопроизводнымъ разборомъ почти всѣхъ языковъ, представляющихъ метафизическія карпины слова.

Ипакъ я знаменую первобытнымъ языкомъ, престаившій существовати нѣсколько уже вѣковъ вмѣстѣ съ народомъ, упоупреблявшимъ оный, и предспавляю за послѣдствія корней Скиѣскаго языка всѣ заключенія, кои я извлекаю, исключительно, *иногда* изъ Наваѣйскаго или древняго Арабскаго, безъ различія именуемаго Сирскимъ, Халдейскимъ, Савейскимъ и Пеглевійскимъ, словомъ, изъ того языка, на коемъ писаны Зороаспоровы книги, Зендъ, Пазендъ и Веста, и коимъ Авраамъ и предки его говорили, а *иногда* изъ древняго Персидскаго, или правильнѣе сказать изъ Мидскаго языка, древнимъ Волхамъ свойственнаго. Здѣсь однакожь предстоитъ пропивоорѣчїе, но оно мнимое, ибо ежели съ одной спороны справедливо, что Скиѣской языкъ не имѣетъ уже той чистоты и цѣлосты, въ которой былъ предъ эпохою послѣдняго возобновленія человѣческаго рода, то съ другой неоспоримо есть, что оный существуетъ разсѣяннымъ во всѣхъ языкахъ, и соспавляетъ главное ихъ

основаніе, хопя въ изуродованномъ, искаженномъ и неудобопознаемомъ видѣ, но чшо всего важнѣе, онъ свяшо сохранилъ даже до дней нашихъ всѣ свои корни въ Наваѣейскомъ и древнемъ Перскомъ, спаршихъ своихъ брашьевъ; поелику изъ всѣхъ языковъ послѣдніе два удержали въ цѣлоспи и передали изъ рода въ родъ и наконецъ намъ, безцѣнное сокровище, коренныя слова общаго ихъ опца, посредствомъ коихъ изъясняются всѣ языки вселенной попому, что всѣ они произпекаютъ опъ одного, копорой еспь Скиесній.

Но доколѣ не выдамъ въ свѣшъ многолѣпныхъ произведеній моихъ, сосипавляющихъ филологическія изслѣдованія, высокопочпенная Россійская Академія можетъ судитъ о справедливоспи и почноспи моего разбора вообще, по словопроизведенію Россійскихъ и Санскрипскихъ реченій, у сего прилагаемому, и заключишь изъ того, какую пользу принесъ бы для образованія и усовершенсшвованія Россійскаго языка словопроиз-

водный словарь въ семь родѣ, за составленіе коего шѣмъ охотнѣе взялся бы я, что имѣю уже въ собраніи богатые для сего матеріалы, могущіе облегчить такое предпріятіе, буде высокопочтенная Россійская Академія, полико прудящаяся для успѣховъ своего языка, изходапайспвуетъ на сіе благоволеніе и покровительствво вышшаго Начальспва.

Что же касается до пользы, могущей произойти отъ сходспва языковъ, доказаннаго въ сочиненіи, коего обозначилъ я все достоинство; по признаку, что прямой пользы для успѣховъ самаго языка не предвидится; не все ли равно, что онъ болѣе будетъ походить на шопъ, нежели на другой; не лзя однакожь сказать сего объ наукѣ, коей составляютъ они часть; она чрезвычайно полезна для Исторіи народовъ и вселенной, покрытой и по сіе время непроницаемою шьюю.

С. П. Бурге.

Иванъ Лееанда.

Ноября 25 дня

1811.

Р А З Б О Р Ъ

словопроизводный Санскрипскихъ и Россійскихъ реченій, вообще признаваемыхъ шождесловными, и конхъ совершенное несходство даказывается ихъ же словопроизводствомъ.

Шевалье Кольброкъ говоритъ, что Гиндузскіе стихотворцы и ученые употребляютъ четыре рода языковъ: 1й) называется *Санскрита*, т. е. глаголь Божественный и небесный; 2й) *Маракрита* глаголь благихъ духовъ или Ангельскій; 3й) *Пайсахи*, глаголь злыхъ духовъ или демоновъ, и 4й) *Магадги*, т. е. нарѣчіе народное, необразованное, грубое.

Здѣсь слѣдуетъ словопроизведеіе каждаго въ особенності.

Санскрита. Священный языкъ Гиндусовъ, которые величаютъ его Божественнымъ и небеснымъ; поелику на семъ языкѣ писаны Ведамъ и Шастагъ, книги священныя, самыя древнія и наиболѣе уважаемыя Индѣйцами, которые чпятъ

ихъ наравнѣ съ Божествомъ, исходящими оупъ онаго и часпъ самаго Божества соспавляющими.

Слово сіе производипъ 1.) оупъ *Шан*

или *Шен* شن a. Vetus. § 2) оупъ Са س a. Vox vehemens alta, elata. § 3) оупъ вывороченнаго *Арк* или *Арик*, которое соспавипъ *кра* كرا, Superstitem habuit aliquam generis indolisve radicem. § Radices egit planta, seque per terram effudit. § Radix, Origo, Stirps, Genus. § Babylonia, Chaldea. § Nobiliore stirpe, insignis vir, equus. 4) оупъ *ту*, которое

произносипся *Тев* ت a. Unicus, solus. § Structura, seu aedificium erectum absolutumque. § И такъ оупъ *Шан-са-кра-ту* прозошло чрезъ сокращеніе *Санскрита*, чшо значипъ слово оупъ слова:

Языкѣ единственный, прпзлщнпй и древнпй, ведущпй благородное свое происхождение отѣ Халдей или Вавилонскаго зланія.

Паракрита. Языкѣ, которымъ Гиндузскіе стихотворцы зспавляютъ говорить благихъ духовъ, и который по сему

самому величаютъ они Ангельскимъ. Діалектъ сей смѣшанъ, названіе же его происходитъ отъ *Пери* پری р. Demon, spiritus peculiariter familiaris. § Lares, Genius bonus. § Angelus. § отъ *Кіари* чрезъ переложение слова, саставляющаго *Кріа* كریا. Origini. § naitre, prendre naissance, paroître au jour, se lever, se montrer, commencer d'être. § и отъ *Таги* чрезъ преложение *Тгай* طغی Sonus, Vox. § И такъ отъ *Пери-Кріа-тгай* per syncope и сокращение сосставилось *Паракрита*, которое значить:

Языкѣ, принявшій свое начало отъ Ангеловъ или всдущій свое происхождение отъ Ангеловъ.

Цайсахи. Глаголь злыхъ духовъ или демоновъ.

Слово сіе происходитъ отъ *Бис* или *Бас* بیس Infelix, miser fuit, § malus fuit, § malum & male esse. § Audax, vehemens § Poena, afflictio. § Adversitas, malum. § *Бас* Asper, aut hirsutus fuit. § Superbum et insolentem se gessit adversus alios eos-

que injuria et poxa affecit. § и опъ *Зах*

خ ز р. Vox acuta ferrarum, & gemitus. §

И пакъ ярезъ обыкновенное перемѣненіе В. на Р. и per Hyperthesin изъ *Бейс-Зах* соспавили *Пейсахи*, что значить :

Ревѣ и стонѣ высоколѣрнаго виновника золѣ и бѣдствій, т. е. Сатаног.

Магадги. Нарѣчіе грубое, народное, не имѣющее Грамматическихъ правилъ.

Название сіе происходитъ опъ *Маг*

ع ل р. Tenebrae nocturnae. § опъ *Маг-Маг*

ع م ا. Obscurâ usus fuit oratione, §

confusio, permixtio. § опъ *Гю* ك ر. ك ر

р. dictio, locutio, sermo. § опъ *Даг*, ко-

шорое на оборотъ соспавляетъ *Даг* ط ا ع

р. Mons. § И пакъ *Маг-гю-даг* соспави-

ли при слабомъ измѣненіи *Магадги* слово опъ слова:

Нарѣчіе смѣшанное, темное и неясное нагорныхъ жителей.

Санскрипскія и Россійскія реченія, не имбюющія между собою сходства, п. е. опть разныхъ корней производящія.

Адвая Санскр: Celui qui répond. Отвѣчающій. § производитъ опть вывороченнаго *Дд*, чпо составитъ *Ад* دع a. Admovere, repellere, trudere, pellere, impellere, avertere; § Repousser, détournner, écarter, § и опть *Давай* pl: دعواى a. دعوا et دعواى Lis, causa, actio, praetensio. § И такъ опть *Ад-давай* составилось чрезъ преложение *Аддвая*, чпо значить:

Опровергающій, отражающій или отклоняющій все притязаніе.

2) *Отвѣтатъ*. Répondre. § Поелику повелипельное наклоненіе служить корнемъ почпи всѣмъ глаголамъ, по и надлежитъ разбираиъ Отвѣчай. Оно производитъ чрезъ преложение В на W, и составитъ *Ет-ваджи* اجابة a Responsum reddere. § И такъ опть *Етбаджи* или *Етваджи* сдѣлали *Отвѣтай*, чпо значить:

Дать отвѣтъ на твою нѣбуде рѣчь или на вопросъ.

3) *Ага* и Санскрит: Ego. Lat: § Moi. Я. § происходитъ чрезъ преложение отъ *Гена*, которое соспавишь *Эган* لعا. Ego, moi, я. § И такъ по обыкновенному измѣненію N на M et vice versa, сдѣлали *Эгам* и *Агам*, заключающее въ себѣ оное же самое значеніе Я.

4). Я. Россійское. Jo Ital: § je, ou moi Fr. § Ego, Lat. § происходитъ отъ *Эйя* и *Цйя* ايا a. Ego, Moi. Я.

5.) *Айя* и Санск: Mouvant, Движущій, происходитъ чрезъ преложение отъ *Мий*, что соспавишь *Айм* عا. Vibrare. § Lancet, decocher. § branler. § agir. § agiter, remuer, mouvoir.

6.) *Двигаются* Росс: Se mouvoir, §. происходитъ чрезъ преложение отъ *Адб*, что соспавишь *Дба*, и чрезъ обыкновенное измѣненіе В. на W *Два* اذض a. Qvies ac motus. § Laxatio § solutio. § и отъ *Гайес*, что соспавишь *Гайсе* هات a هيت

Moveri § motus. § parum et modicum dedit.
 И такъ изъ *Два-гайсссе* соспавили повелипъ:
Джгайся и джгаюсь, что значипъ слово
 въ слово:

*Сдѣлатъ собою слабое или малое дви-
 жение.*

7)- *Амара* Санск: Кормчій, Pilote §
 производипъ per syncopen опъ *Эмирав*
 или *Амирав* امير او p. Praefectus, qui flumi-
 nis vel alterius aquae publicae in agros di-
 stribuendae praeest, quod fit difinita ágge-
 ris seu obicis aperrura, & aquae ad tempo-
 ris defînitî mensuram effluxu. § Intendant
 des eaux; ou celui qui preside á la dis-
 tribution des eaux nécessaires à l'irrigati-
 on ou à l'arrosement de terres par des ri-
 goles.

Но и самое даже слово *Эмирав* или
Амирав соспавлено изъ *Эмир* امير^о ou امور^о
 Imperans, mandans § Imperator, Princeps.
 § Дук, qui aliis quomodocunque, praeest im-
 peratque. § и *Аб* или *Ав* او p آب aqua §
 и значипъ:

Надзвѣствующій, вождь, путеводитель, главный, глава на водахъ.

8). *Мореходецъ*, Росс: Marin, homme de mer, pilote, matelot. § слово сіе соспавлено изъ море и ходитъ, и изъ окончательнаго *ецъ*. Слѣдственно и надлежитъ показати произхождение каждаго въ особенности.

Море. Росс: Mare lat. mer fr. слово по видимому односложное соспавлено 1) изъ *Ma* ^ειo et *Lo* aqua, eau. § *Eclat*, splendeur d'une épée. § *Face*, figure rayonnante, resplendissante. § 2) Изъ *Pu*)), *P*. *Face*, visage, § *surface*, superficie. § *Рей*

اى, a. *Vûe*, aspect, coup d'oeil. § *Spectateur*. § И такъ изъ *Мару* и *Маре* составили Россійское *Море* и Лапино-Испаліянское *Mare*, что значить слово въ слово:

Блестящее и восхитительное позорище поверхности водъ.

А какъ выше сего сказано уже, что повелительное, а не неопредѣленное наклоненіе служить началомъ глаголамъ во всѣхъ почти языкахъ, то слѣдуетъ искасть

корня не въ *ходить* а въ *ходи*, которое производимъ отъ *Хата* ح ا. Proficisci. § Partir, aller, s'en aller. § И такъ чрезъ обыкновенное измѣненіе Т на D, et vice versa соспавили *Ходи*.

Теперь остаеися изслѣдовать происхождение окончательной частицы *Ецѣ*, которая производимъ отъ вывороченнаго *Джи* или *Дзи*, что соспавимъ *Идже* или *Идз* ج ي faciens, factor. § вывороченное же *Чи* представляеть *Иг* ج ي P. Quid, quisnam. § que, qui. §.

И такъ всѣ корни вмѣстѣ соспавляютъ *Ма-реи-хат-ит*, сокращенно же *Мореходецѣ*, что значить по смыслу словъ:

Протекающей блестящую поверхность водѣ, или же странствующей по блестящимъ поверхностямъ водѣ.

9). *Барга* Санскр: Жена, Femme, производимъ чрезъ переставку и непрерывное измѣненіе L на R, и взаимно отъ *Баслю*, что соспавимъ *Барус* ر ل ا. Ухог. § И такъ изъ *Барус* чрезъ измѣненіе ни

чего неопредѣляющее гласныхъ сдѣлали
Баріа чпо значить:

Ж е н а, С у п р у г а.

10.) *Бареня*, Росс. § Опличительное
имяло значущей особы. § C'est le titre ho-
norifique d'une femme de qualité. § Про-
изходитъ опъ *Брин* برين p. Supra hunc,
vel hoc. § ad alta pertinens, aut qui in
alto est, sublimis. § И такъ изъ *Брин* per
Hyperthesin сдѣлали *Бареня* — слово въ
слово:

*Первенствующая надъ другими, т. е.
женщинами; поставленная преемше другихъ,
сирѣчь: превосходная, великая, благородная
и отличная.*

11.) *Бра* Санск. Vrai, Verum. § Про-
изходитъ опъ *Берру* برّ a Bonus, verax,
justus, § ac veritas, Justitia. § *Истинна и
правосудіе.*

12) *Право* Росс: Ius. Droit. § произхо-
дитъ чрезъ преложеніе опъ *Бурр* или
Бурр, чпо соспаивитъ *Бурра* برّ a. Justitia §
Ч а с т ь VI. 8

и отъ *Via* لا, a. repositorium, theca, loculus, ubi aliquid reconditur aut continetur. § И такъ изъ *Бра-віа*, сокращенно и чрезъ обыкновенное измѣненіе В на Р, сдѣлали *Цраво*, что значить:

Привѣжице правосудія, или вѣстилице правосудія.

13.) *Даша* Санск. Десять. *Dix*. § Происходитъ отъ *Дег* दश p. *Decem* § *Dix*. § и отъ *Ш* ي شى a. *Res*, *Chose*. § И такъ отъ *Дег-Ш*й, чрезъ сокращеніе произошло *Даша*, значить:

Десять вещей, или десятокъ того нибудь.

14.) *Десять* Росс. *Dix*. § Произходитъ отъ *Дег* दश p. *Decem* § и отъ *Шид* شيد a. *Res*. § И такъ изъ *Дег-Шид*, соспавили *десять*, значить:

Десять вещей или предметовъ какихъ.

15.) *Додам* Санкр. Я даю. *Je donne*. § Произходитъ чрезъ преложеніе и чрезъ обыкновенное измѣненіе D на T. и N на M. et vice versa отъ *Тратіун*, что соспавить *Деадуми* تعاطى a. *Sibi invicem*

donare. § И такъ изъ *Дсадуми* сдѣлали *Додами*, что значить:

Давать, дарится взаимно.

16) *Додай* Росс. Donner le reste, ou ce qui manque à quelque chose §. Соспавлено изъ прибавочной часпицы *До* и глагола *Дать*, коего корень естъ *Дай*.

Часпица *До* происходитъ чрезъ преложение отъ *Отс*, чпо при обыкновенномъ измѣненіи Т на D составишь *Дсо*, сокращенно же *До* اء, ا р. Quod ulterius est, aut unde eveniet, aut resultabit. § Exitus, eventus rei. § Residuum rei. § Qui est plus avant, qui est audelà. § Qui en vient ou en resulte. § Le reste, le résidu, le restant d'une chose. § И чрезъ преложение отъ *Ати*, изъ коего чрезъ измѣненіе Т на D и обратню, выдесть *Дай* اءى a. donate, dare. § И такъ изъ *Тео-тай* составили *Додай*, значеніе:

Дать оставшее или недостающее.

Однакожь часпица *До*, не всегда значить: Residuum rei, чаще же всего Quod ulterius est, aut unde eveniet.

17.) *Друг.* Санскр. Дерево. Arbore § Происходитъ per syncope отъ *драхт* درخت р. درخت arbore, arbore. § И такъ изъ *драхт*, сперва сдѣлали *драх*, а потомъ *друх*, и *друг*.

18.) *Дерево* Росс. Arbore. § Происходитъ чрезъ переставку буквъ отъ *Уресту*, а изъ сего чрезъ обыкновенное измѣненіе Т на D, и обратно соспавили *Дересу* درة a. Arbor perennis, semper virens. § И такъ изъ *терусу* сдѣлали сперва *дересу*, а потомъ чрезъ измѣненіе ничего незначащее гласныхъ *дерево*, значеніе:

Всегда зеленѣющее дерево.

19.) *Гола* Санск. Gola, Ital, Γολα Grec; Gula Lat; Gueule Fr. Gosier. § Alleman, Kälen. § Происходитъ отъ *гу*, گو р. Scrobs, fovea. § и отъ *лае* لاع a. لياع a. Aviditas. gloutonnerie, grand appetit. § Famis molestia. § Famelicus. § И такъ отъ *гу-ла*, сдѣлали *гола*, что значить:

Отверстіе стола же прожорливое, какъ и алчнос.

20.) *Горло* Росс. Garlo, Polon: § Gueule, gosier. § происходитъ отъ *гар* غار a. Interioris oris pars superior et inferior. § Cavitas. § Spelunca. § Caverna, antrum, crupta. § И отъ *ла* لاء a ع a. aviditas, gloutonnerie, grand appetit. § Famis molestia, famelicus. § И пакъ отъ *Гар-ла* составилось *горло* слово въ слово:

Отверстiе алчное и прожорливое внутреня рта находящееся.

21.) *Гара* Санскр. Detruire. § Раззорить § происходитъ per syncopen отъ *Хараб* خراب a. Vastare, desolare, diruere § Devaster, ruiner, detruire. § Изъ *Хараб* же выпущениемъ буквы В — сдѣлали сперва *Хара*, а потомъ *Гара*, что значить:

Опустошить, истребить, раззорить.

22.) *Раззори* повел: отъ глагола Разорить—Detruire. Vastare. §.

Слово сiе составлено: 1e) изъ предложной часпицы *Раз* и 2e) неупотребительнаго гл: *зорять*, въ повелиш. *зоряи* и *зори*:

Произходитъ отъ *Расс* [̣]ث, а. In partes dissolvere. § Dissoudre, separer, rompre, mettre en morceaux, ou en parties. § И

Сарру [̣]ث а. [̣]ث а. Dispergere, Disperser, repandre, éparpiller, semer. § Откуда происходитъ *Сорить*, въ повелии. *Сори*. И такъ изъ *расс-Сарру* при слабомъ измѣненіи составили *Разори* - значить же:

Изломать въ куски и разбросать, или же разрушить, разобратъ по частямъ и разбросать.

23.) *Зарой* и *зарой* повелии. отъ зарыть — Sepelire, Ensevelir. § Слово сіе составлено изъ предлога *за* и *рой* или *рой* повелии. отъ гл. *роить*. Creuser, fouir, fouiller la terre.

За, происходитъ отъ вывороченнаго *еаз*, что составить *заг* [̣]ث а. Movit, agitavit, quassit, ut arborem ventus. § Ad occasum declinavit, uti stella. § Occasus. § *Аи figuré*. Mort, chute d'un homme qui tombe mort. § Decadence, destruction. § И отъ вывороченнаго *Верр*, которое пишется

ур, составляетъ *ру* ۛ а. Fovea, fossa. § Fodit, excavavit. § Такимъ образомъ изъ *заг-ру* per hyperthesin сдѣлали *зарой* по-велиш: опъ *заройтв*, что значипъ:

Кидать землю въ ровъ, перемѣшивая оную.

24.) Юва. Sanssrit. Юный. Juvenis. Jeune. Произходипъ опъ *Бей* или *Байе*, которое чрезъ преложение составляетъ *Юба*, чрезъ обыкновенное же измѣненіе

В на W; *Ива* اء ا. Juvenis, Jeune. § И такъ изъ *Ива* произвели *Юва*, имѣющее поже самое значеніе.

25.) Юной Jeune, Jevenis § производипъ чрезъ преложеніе опъ *Айну*, что

составипъ *Иуна* اء ا. Juvenis Jeune homme, jeune taureau § Potior ac præcipua rei pars, talisque generis, species. § Номо. § essentia. § Опшуда *Юной*, коего значеніе:

Молодой головѣкѣ, составляющій изящнѣйшую и существеннѣйшую часть своего рода.

26.) *Калага* Санскр. § Шумъ, крикъ. Strepitus. Bruit. § Произходитъ отъ *Клей* или *Глей* كى p. Valde, vehementer, admodum. § и *Лага* لغه pl; لغى a. Vox. § dictio, loquela. § И такъ изъ *Кэй* или *Гэй-Лага*, составили *Калага*, что значить: *Сильней голосъ или грезвѣтѣйшій шумъ.*

27.) *Голосъ*, гласъ Росс: Glos, Польск. Vox. § Voix. § Произходитъ отъ *Гу* которое произносится также *Гав* غو p. Vox. § Clamor. § и отъ *Лезз* لذ a. Suavis, gratus et suaviloquus. § И такъ изъ *Гу-лезз* составили *голосъ* и *гласъ* значить же:

Сладкій и пріятный звукъ.

28.) *Кидда* Санскр. Движеніе головы, Mouvement de la tête. § Произходитъ при обыкновенномъ измѣненіи Т на Д и обратнo, отъ *Кюту* كتى a. Inclinare ad occasum solem, stellam. § Опшуда *Кидда*, что значить:

Наклонить, понизить, нагнуть.

29.) *Киватъ*, въ повел. *Кивай*. Kiwać Польск. Nutare § Faire signe par un remu-

ement de tête § Произходитъ чрезъ обыкновенное измѣненіе В на W отъ *Каб*, что составишь *Кав* ^و *ق* a. Caput, tête § и при измѣненіи F на W отъ *Игаф*, что составишь *Вайг* *اينغان* a. Concutere. § Ebranler, secouer, agiter, ébranler. § И такъ изъ *Кав-лайг*, сокращеніемъ сдѣлали *Кивай*, что значить :

Двигать, потрясать головою.

30) *Койл* Санск. Храмъ. Templum. Temple. § Чрезъ преложеніе отъ *Гикел*, что составишь *Кейгел* *كهل* a. *Heukel* Евр: Res omnis magnae grossaeque molis. § Palatium, aedificium sublime. § Templum. § И такъ изъ *Кейгел* при слабомъ измѣненіи вышло *Койл*, значущее :

Храмъ или зданіе огромное и великолѣпное.

31.) *Колиба* Слав. Шатерьъ. Tente, ou un endroit ombragé. § Произходитъ отъ *Килле* ^و *ك* a. Velum muliebre, ac velamentum subtilius tentorii formâ consutum ad prohibendos culices. § Conopeum. § Voile.

rideau, courtine. § Tente, Pavillon, § и *Ба*
или *Баг* ل a ا ل a. Locus in quem quis di-
scendit ex via quietis ergo. § mansio. § И
такъ изъ *Килле-ва* соспавили *Колиба*,
означающее:

Шатеръ или ставка, служащія для
убъжища и отдохновенія.

32.) *Кршра* Санск. Крикъ. Cri. Strepi-
tus, clamor. § Произходитъ отъ *Арк*, Ско-
порое чрезъ преложение соспавляетъ
Кра ك a. Sonus § и чрезъ переспавку
буквъ отъ *Шар*, что соспавляетъ *Шра*
ع a. Manifestum fecit. § Detrahit. § In
altum extulit rem. § И такъ изъ *Кра-шра*
по сокращенію сдѣлали *Кршра*, слово въ
слово:

Возвѣщенной и звонкой голосъ.

33.) *Критатъ* Росс: Crier. Vociferare
§ въ повел. *крити*. Произходитъ чрезъ
преложение отъ *Арк*, что соспавитъ
Кар ك a. Sonus. Son, bruit, accent, voix,
§ и отъ *Руджіу* ر ا ا. Iterum facere, ite-
rare. § Recommenser. § Redire, § repeter,

reiterer. § Слѣдственно отъ *Кар-Руджю* произошло сокращеніемъ *криги*, значить же:

Усугублять голосъ, крикъ.

34.) *Крушна* Санскр. Черной. Niger, Noir § Произходитъ чрезъ оборотъ, отъ *Роска*, что составитъ *Каро* عا, а. Nigrum et album, § и чрезъ преложение отъ *Сен*, что составитъ *Сне* سن р. color. § И такъ изъ *Каро-сне* сдѣлали *Крушна*, значить же:

Черной цвѣтъ, или цвѣта тернаго.

35.) *Чришна* Санскр. Черный. Niger. Noir. § производить чрезъ преложение и непрерывное измѣненіе буквы L на R и обратно отъ *Лагг*, что составитъ *Чраг* چا a. Niger, § и чрезъ переспавку *Сен*, изъ чего выйдетъ *Сне* سن р. Color. § И такъ изъ *Чраг-сне* или *Дзраг-сне* составили *Чришна*, значущее:

Черной цвѣтъ.

36.) *Черной* Росс. Niger. Noir § Производитъ чрезъ преложение и измѣненіе L на R отъ *Лагг*, что составитъ *Чагр* چا a. Niger; § и чрезъ преложение *Айн* اйн a.

Dominus, possessor, habens, praeditus. §
 что составилъ *Най*; и такъ изъ *Чагр-*
най сдѣлали *герной*, значеніе коего:

Отягтающийся гернотою, герноту и мѣ-
ющей.

37.) *Грѣшно* Росс: Peché. C'est un pé-
 ché § Peccatum. § Произходитъ чрезъ
 преложеніе отъ *Гареджіун*, что соста-

вилъ *Гареджну* جرجنا. Peccatum, delictum.
 Culpa. § Vetitus prohibitusque fuit. § И такъ
 изъ *Гареджну* сдѣлали *грѣшно*, значить же:

Проступокъ, вина, грѣхъ, вообще же вся-
кое возбраняемое дѣланіе, преступленіе.

38) *Кука* Санскр: Пыпухъ. Gallus. Соq
 § Произходитъ отъ *Куку* قوقو p. Gallus.
 § Poule.

39.) *Кокошъ* Слав. Gallus. Соq. § Про-
 исходитъ отъ *Куку* قوقو p. Gallina. Poule,
 § и *Куш* قوش Avis, volucris; Oiseau. § Что
 вмѣстѣ составилъ *Куку-куш*, сокращен-
 но же *Кокошъ*; значить слово въ слово:
птица куку, или птица курица, такъ на-
званная по Ономапопеи, въ подражаніе
собственнаго крика сей птицы, отъ ка-

ка قاق a. Casabare. Garrire gallinam. § Crier kàkà, ou kokó, comme font les poules.

40.) *Мала* Санскр: Гора. Montagne. Mons. § Произходитъ чрезъ преложение опъ *Емил*, что составитъ *Миле* ميله a. Mons arenosus altior. § И такъ изъ *Мале* сдѣлали *Мала*, значить:

Высокая и пещанная гора.

41.) *Могилла* Росс. Tumulus. Tombeau avec une petite élévaton en terre. § Произходитъ опъ *Менгелу* مغلو a. Sepulchrum, Tumulus. Tombeau. § И такъ изъ *Менгелу* при слабомъ измѣненіи буквъ составили *могила*, поже значеніе имѣющее.

42.) *Мрит*. Санскр. Смерть. Mors. Mort § Произходитъ чрезъ преложение и обыкновенное измѣненіе D на T и обратно опъ *Мурд*, что составитъ *мрут*, مرط r. Mortuus, defunctus. § И такъ изъ *мруд* или *Мрут* вышло *мрит*, означающее *тѣло теловѣка пораженнаго смертію*; въ обширномъ же смыслѣ и самую смерть.

43.) *Цури* Росс. повел. опъ умереть Mori. § Mourir. Произходитъ чрезъ пре-

ложение отъ *мерги*, что составишь *Ем-*
риг § *р. Morg. Mort.* § И такъ изъ
Мерги сдѣлали сперва *Е.м.риг*, выпущені-
 емъ же буквы Г. *Ем.ри*, и наконецъ
Ц.м.ри, что значить:

*Богъ поражену смертію, преставъ
 житъ.*

44.) *Смерть* Росс. *Smierć.* Польск.
Mort. § Произходишь во первыхъ отъ
Селна *لسم* а. *سما* а. *Coelum*, § и чрезъ
 преложение отъ *мэтр*, что составишь
Мерт *مرت* а. *Peragare, transire.* à И такъ
 изъ *Селна - мерт* сокращенно и для бла-
 гозвучности сдѣлали *С.мертв*; слово въ
 слово значить:

*Прехожденіе къ вѣгной жизни; или же
 странствіе, путь къ небесамъ, т. е. къ вѣг-
 ной жизни.*

45.) *Маркка* Санскр: *Предѣль.* *Fronti-*
ère § Произходишь чрезъ преложение отъ
мучехер, что составишь *мучехе* *مورخه* а.
Postrema, extrema pars rei. § *Posterior &*
postica pars rei. § И такъ изъ *мучехе*

Молодой мѣсяцѣ; появляющійся ночью въ маломѣ и тощелѣ тѣлѣ, или новой мѣсяцѣ тоненской и сущности немѣющей.

48.) Мѣсяцѣ Росс. Miesiąc Польск.

Lune. § Произходитъ отъ *Луна* & *mensis*. § и чрезъ преложение отъ *Джес*, что составитъ *Зет*, или *Зедж*, جذ a. *Novus* in aliquo opere vel negotio. § *novitius*. § И такъ изъ *Луна-зедж* при маломъ измѣненіи сдѣлали мѣсяцѣ. Смысль слово въ слово:

Новой Мѣсяцѣ.

49.) Мисра Санск. мѣшапъ. Miscère.

Mêler. § Произходишь отъ переспавленнаго *Месра*, что составитъ *Месра* مرسا a. de مرسا a. *Miscère*, *confundere*, *perturbare* § И такъ изъ *Месра* вышло *Мисра* смыслъ:

Мѣшатъ, смѣшиваютъ.

50.) Мѣшай Росс. повел. отъ Мѣшапъ.

Mieszacъ Польск. *Miscère*, *mêler*, *mêlanger*. § Произходитъ отъ переспавленнаго

Мѣшш, что составитъ *Мешш* مشش a.

Miscere. *Mêler*. Оппиуда, мѣшай, смыслъ.

Мѣшатъ, переиѣшиваютъ.

51.) *Нага* или *Ного* Санск: *Ногопъ*.
Unguis. Ongle. § Произходитъ отъ вы-
вороченнаго *Ахне* اخنه р. Unguis. Ongle §.
что соспавишь *Наха*, изъ коего чрезъ
нечувствительное измѣненіе вышло *Не-*
га и *Ного*, имѣющія тоже самое значе-
ніе.

52.) *Ноготъ* Росс: Unguis. Ongle. §
Произходитъ отъ вывороченнагоже *Ах-*
не, что соспавишь *Наха* اخنه р. Unguis.
Ongle. § и отъ *Ту* تو а. Ното. § И такъ
изъ *Наха-ту* сдѣлали сокращенно *Ноготъ*.
Смысль слово въ слово:

Ноготъ *человѣческій*.

53.) *Нагнага* Санск. Nudus. Nud. §
Произходитъ отъ *На* نا р. *ноу* § и чрезъ
преложеніе отъ *Гену*, что соспавишь
Гигу и *Негу* کن а. Tegere gem, couvrir. §
И такъ изъ *На-негу* или *На-гигу* сдѣлали
Нагнага; смыслъ слово въ слово:

Непокрытой, непокровенной, или то,
это непокрыто, непокровенно.

54.) *Нагий* Росс. Nudus. Nud. § Произходитъ отъ *На* Ы р. поп. § и отъ *Гай* 𐌆 а. Pudibundus, verecundus, § и *Гай* 𐌆 а. Pudor. § А изъ *На-гай*; составили *Нагий*, *нагой*; смыслъ:

Не имѣющій стыда, безстыднѣй.

Въ самомъ дѣлѣ *нагопа*, а особливо *тѣла*, означала всегда между просвѣщенными народами недоспапокъ благороднаго стыда, споль свойственнаго благовоспитанному человѣку.

Но какъ произхождение сіе походитъ на напханупое, то и намѣренья вывеситъ другое непринужденное, настоящее; вопъ оно:

Нагий или *нагой*, Nud. Nudus. § Произходитъ чрезъ обыкновенное измѣненіе М на N. и обратно, и чрезъ преложеніе отъ *Исма*, что составитъ *Нагей* 𐌆 а. 𐌆 а. Nudus § nudus silex. § Desertum, omni carens via. § И такъ изъ *Нагей* сдѣлали *Нагий* или *Нагой*. Смыслъ:

Голѣ, какѣ кремьнѣ; или нагѣ какѣ
мещаная степь.

Нагость однакожѣ, долженствующая
по видимому производить ѡпѣ *Нагой*,
имѣеть совсѣмъ другое начало.

Нагость, *Nudité*, составлена изъ оп-
рицапельной часпицы *Ha li p. Non.* § и
Гушут *دوشع* а. *الدشع* а. *Tegumentum.* §
velum. § *Operire, velare.* § И такѣ изъ
На-гушут, сдѣлали сокращенное *Нагость*.
Смыслъ слово въ слово:

*Состояніе вещи непокрытой, непокро-
венной.*

55.) *Нидиг*, Санскр: Гнѣздо, *Nid. Nidus.*
§ Произходитъ чрезъ преложеніе опѣ
Вугнет, что составитъ *Нетгуу* *دك* а.
دق, а. *Nidus avis in monte vel muro, aut*
omnis locus, ubi consistet aut se continet
avis. § И такѣ изъ *Нетгуу* чрезъ обык-
новенное измѣненіе D на T и обратно,
сдѣлали сперва *Недгу*, а потомъ *Нидиг*,
значить.

*Гнѣздо птице, какъ служить оно
притононѣ, или убѣжище птице.*

56.) *Гнѣздо*, Росс. Gniázdo. Польск. Nidus. Nid. § Произходитъ чрезъ преложение отъ *Виги* или *Викин*, что составилъ *Книгу* и *Гниу* 𐌆𐌆𐌆, а. Nidus, avis in monte vel muro, aut omnis locus, ubi consistet aut se continet avis, § и *Заде* 𐌆𐌆𐌆; р. filius § *Зад*, чрезъ преложение *Зда* 𐌆𐌆; р. Natus est. § И пакъ изъ *Книу-заде* или *Гниу-заде*, сдѣлали *Гнѣздо* Росс. и Gniazdo Польск: значилъ:

Гнѣздо, которое птицы дѣлаютъ для своихъ птенцовъ, равно какъ и для собственнаго убѣжища.

57.) *Ости*. Санск: Кость. Os—Ossis. § 𐌆Os. § Произходитъ отъ *Аса* 𐌆𐌆𐌆 а. Os scuris. § Ossa alic avis § и *Ту* 𐌆𐌆 а. Solus, Unicus. § И пакъ изъ *Асса-ту*, сдѣлали *Ости*, значилъ:

Одна кость.

58.) *Кость*, Росс: по Польски Kosć. § Os. § Произходитъ отъ *Касид* 𐌆𐌆𐌆 а. Os medullosum. § Изъ коего сдѣлали сокращенное *Кость*. Смысль:

Мозговая кость, наполненная мозгомъ.

59) *Отжу*, Санскр: Solitaire. § Происходитъ отъ *Тзуу*, что чрезъ преложение составитъ *Ууте* ژ ا. Unicus, solus. § И такъ изъ *Ууте* сдѣлали *Отту*, которое значить:

Одинъ, единственный.

60.) *Одинъ*, Росс. Solus. unus. Un. § Произходитъ чрезъ преложение отъ *Тев-^сун*, что составитъ *Утеун* ژ ا. Solus, unicus. § Изъ коего сдѣлали *Одинъ*, имѣющее поже значеніе.

61). *Пад*: Санк. Нога. Pes. Pied. § Произходитъ отъ *Па* پا p. Pes. Pied. § и *ту* تو a. Solus. И такъ изъ *Па-ту* сокращеніемъ и чрезъ измѣненіе обыкновенное Т на Д и обратно сдѣлали сперва *паду*, а потомъ *пад*, что значить:

Нога.

62). *Пята*. Росс. § Pięta Польск. § Talon. § Произходитъ отъ *най*, которое чрезъ преложение составитъ *ниа* نیا p. Planta pedis. § Vestigium. § Pes. § *ту* تو a.

Ното. § И такъ изъ *пѣа-ту* сдѣлали *пѣата, пѣта*. Смысль:

Плесна, подошва у геловѣка.

Но какъ плесна не составляетъ пѣшы, или задней части подошвы, то я самъ сознаю разборъ сего слова недоспапочнымъ, копорой слѣдуетъ исправить такъ: *пѣта* или задняя часть плесны. § Talus. § Произходитъ опъ *пѣй*, что чрезъ предложение составитъ *пѣа* پای p. Pes. Pied. § и *оте* اوتو p. Ultra, trans, ex illa, aut altera parte. § Outre, de l'autre côté. § И такъ изъ *пѣа-оте* сдѣлали сокращенное *пѣатѣ, пѣтѣ*; смыслъ слово въ слово:

Задняя часть подошвы или противоположная, т. е. въ отношеніи къ передней.

63). *Пѣди*. Санск. Пупъ. § Via § Chemin. § Произходитъ опъ *па* پا p. Planta pedis. § Vestigium. § Pes. § и чрезъ обыкновенное измѣненіе Т на Д, и обратно опъ *та* تا a. Prodire; s'avancer. § Abire, s'en aller. § И такъ изъ *пѣта*, сдѣлали *пѣда*, слово опъ слова:

Слѣдн, по которѣмъ шествуютъ для достиженія куда нибудѣ.

Спашья сія представляется здѣсь не какъ не сходствующая произхожденіемъ своимъ съ Россійскимъ реченіемъ, но какъ соотвѣпствующая слову *над*.

64). *Пана*, Санск. Tourmentant. § Произходитъ чрезъ предложеніе отъ *Габун* или

Губун, что составитъ *Багн* حوب ا. حاب

ا. Afflictio. § Affliction, peine, tourment.

§ И пакъ изъ *багн* при обыкновенномъ измѣненіи В на Р и обратно сдѣлали *пана*, имѣющее поже самое значеніе:

65). *Пеня*, Росс. dans le sens d'amende et de punition. § Произходитъ чрезъ предложеніе отъ *бевун*, что составитъ *бсн*

ا. بوا а. Aequalitas, paritas; et res par, et

aequivalens alteri. § Talio, la peine du talon.

§ Punition pareille à l'offense. § И

такъ изъ *бсн* чрезъ обыкновенное измѣненіе В на Р, составили сперва *псн*,

а потомъ *пеня*, смыслъ:

Изтязаніе, или наказаніе соразмѣрное обидѣ.

66). *Пеняй*, повел. отъ *пеняте*. § Reprocher, blamer, desapprouver, réprendre. § Пролоходишь чрезъ преложение отъ *инабе*, что составишь *бнай* بناي а. Resipiscentia, conversio, poenitentia. § Resipiscere, se repentir, s'amender. § Такимъ образомъ изъ *бнай* сдѣлали *пеняй*, значеніе коего:

Признаваться въ своей погрѣшности или винить себя въ своихъ поступкахъ.

67.) *Рама*, Санск. Радость. § Joye. § Laetitia. § Произходишь чрезъ преложение отъ *харем*, что составишь *рамах* राम а. Laetus, hilaris. § Amaenus. § Laetitia, hilaritas, amaenitas. § И такъ изъ *рамах* per syncopen сдѣлали *рама* и *раме*, значить:

Радость, веселіе.

68.) *Радъ*. Росс. § Laetus. Amaenus § Joyeux. § Произходишь чрезъ преложение отъ *дру*, что составишь *реду* رد а. Laetari. Se rejouir. § И такъ изъ *реду* вышло сокращенное *радъ* — значить:

Веселящійся, радующійся.

69.) *Шун-ака*, Санск. Собака. § *Canis Chien*. § Произходитъ чрезъ преложение отъ *Енус*, чпо составитъ *Суен* اذوس a. *Canis qui non mordet, familiaris, cicur, & mansuetus*. § и *Ака* اقا a. *Mucronatum ac sursum versus reductum esse nasum*. § *Natibus insidere canem, pedes anteriores recta humi defigendo*. § *Ака* اقا a. *rectius* اكااع a. *Terrere, & compescere, cohibere, retinere*. § *Effrayer, faire peur*. § *Arrêter, retenir, empêcher*. § И пакъ изъ *Суен-ака* сдѣлали *Шун-ака*. Смысль слово въ слово:

Собака, животное съ тупымъ носомъ, смирное, ругное и дворовое, которое останавливается, т. е. прохожихъ, приведя ихъ въ страхъ, и которое любитъ сидѣть, опершись на переднія лапы.

70.) *Собака*, Росс: *Canis, chien*. § Произходитъ отъ *Зѣбу* ذيب a. *Canis sylvaticus* § и *Ка* اكااع de كع a. *Terrere, compescere, cohibere, retinere*. § *Effrayer, faire peur*. § *Arrêter, retenir, empêcher*. § или *Ака* اقا a. *Mucronatum, ac sursum versus reductum*

esse nasum. § Ponè inniti rei in sedendo, § & natibus insidere canem, feram pedes anteriores recta humi defigendo. § И такъ изъ *Зобу-ка* или *Зоб-ика* сдѣлали при нечувствительномъ измѣненіи буквъ *Собака*, - значить :

Собака, животное тупоносое, которое останавливаетъ (прохожаго) наведеніемъ на него страха и которое любитъ сидѣть опершись на переднія лапы.

71.) *Швостри*, Санск: Сестра. Sorog. Soeur. § по Нѣмец. Schwester. § Произходить отъ *Си* سى a. Lac ex uberibus fluens citra multionem. § Отъ переспавленнаго *Саб*, что составитъ *Гвас* или *Гвас* جاس a. Socius § и чрезъ непрерывное измѣненіе L на R и обратно отъ *Тилу*, что составитъ *Тиру* или *Триу* تى a. Consequens, quod vel qui rem aliam sequitur, spetiatim, Pullus camelaе, asinae, & quidem uterque, qui matrem sequitur jam adultior. § Sequax, continue sequens. § И такъ отъ *Си-гвастриу* вышло сокращенное *Швостри*, значущее слово въ слово :

Подруга молодшая и воспитанная одною матерью, или подруга, которая сосала и не отставала отъ одной и той же матери.

72.) *Сестра*, Росс. Siostra Польск. § Sister, Анг. § Syster Швед. § Shwester Нѣм.

Soror. Soeur. § Произходитъ отъ *Си* ^عسى
 а. Lac. § отъ *Еш* ^{اش}р. Socius. § и *Тилу*,
 которое измѣненіемъ L на R и чрезъ
 преложение составилъ *Триу* ^{تلو}а. Con-
 sequens quod vel qui rem aliam sequitur,
 speciatim pullus camelaе, asinaе, & quidem
 uterque, qui matrem sequitur jam adultior.
 § Sequax, continue sequens. § И такъ
 изъ *Си-еш-триу* при нечувствительномъ
 измѣненіи буквъ сдѣлали *Сестра*, что зна-
 чить слово въ слово:

Подруга молодшая и воспитанная одною матерью; или подруга, которая сосала и бродила за одною и тою же матерью.

73.) *Сумана*, Санск. Seges, frumentum.
 Bled. § Произходитъ чрезъ преложение
 отъ *Мушун*, что составилъ *Шумун* ^{مشع}
 а. Aristas, seu radios producens seges, e

grana compacta habens spica. § И такъ изъ *Шумуни* сдѣлали *Сумана*, значущее:
Хлѣбъ узьнганнвй колоссями, коихъ зерна тверды и плотно унизаны.

74.) *Сѣмя*, Росс. § Semen. § Semenге. § Произходитъ отъ *Мэи*, которое чрезъ преложение сдѣлаетъ *Зиме* ذى ا. Semen. § Seminis genitalis effluxus, excitatus à contactu osculove Venereo, aut rei venereæ imaginatione. § И такъ изъ *Зиме* соспавили *Сѣмя*, значипъ:

Сѣмя, зерно.

75.) *Тала*, Санскр: Calor. § Произходитъ отъ *Таб* ب' ٣ p. Ardor, aestus. Calor. § Chaleur. Chaud, Ardeur. § Жаръ, теплота, зной.

76.) *Тепло*, Росс: § Il fait chaud. § Произходитъ отъ *Таб* ب' ٣ p. Ardor, aestus, calor. § и *Лу* ل' p. Praeditus, habens, possessor. § И такъ изъ *Таб-лу* составили *Тепло* и *Теплой*, значипъ:

Имѣющй теплоту.

77.) *Тону*, Санск: Subtilis, fin. § Произходитъ чрезъ преложение отъ *Де-*

гичи, изъ коего выдепъ *Дегичу* دحي a. Versutus, vafer, subtilis mente ac ingenio.

§ И такъ изъ *Дегичу* измѣненіемъ D на T составили *Тегичу* и *Тону*, что значипъ:

Тонкой, хитрой, проворливой.

78.) *Тонкій*, Росс. § Subtilis. Fin. § Произходипъ чрезъ преложеніе опъ *Декичун* или *Дакичун*, что составипъ *Дануки*

دقي a. Subtilis, valde minutus, gracilis & subtile negotium. § И такъ изъ *Дануки* измѣненіемъ D на T и сокращеніемъ сдѣлали *Тонкій*, значипъ:

Тонкій, мѣлкій, крошечный, нѣжный.

79.) *Чаруда*, Санскр. Labor. Travail. § Произходипъ опъ *Шер* شرع a. Laborare & et labor. § и *Еда* ادا a. Persolutio, praestitio, § Persolvere; pendere, satis facere, praestare, esequi. § И такъ изъ *Шер-еда* составили *Чаруда*, что значипъ:

Дѣйствіе занимающагося работою.

80.) *Шарить*, Росс. въ повел. *Шарь*. Fouiller. § Произходипъ чрезъ преложеніе опъ *Гарс*, что составипъ *Ссер* حث a.

Deligenter scrutari. § И пакъ изъ *Сегр* сдѣлали въ повел. *Шар*, чпо значипъ слово въ слово:

Искать прилѣжно, и перебирать до нитки.

81.) *Чару*, Санск. *Воп, beau.* § Произходитипъ чрезъ преложение опъ *Геджир*, чпо соспавипъ *Джесри* جسر ا. *Elegans, praestans res.* § И пакъ изъ *Джесри* сдѣлали *Чару*, слово въ слово:

Красивой, пріятной, превосходной.

82.) *Чары*. Росс. § *Magia.* § *Sorcellerie,* § Произходитипъ чрезъ преложение опъ *Раки*, чпо соспавипъ *Кары* قى, а. *Incapitatio, fascinatio.* § *Magia, magicum amuletum.* § *Superstitio.* § а изъ *Кары* сдѣлали *Чары*, значипъ:

Волшебство, колдовство, обаяніе, тародѣйство.

83.) *Чесанта*, Санскр: *Обрѣзать волосы.* § *Couper les cheveux.* § Произходитипъ опъ вывороченнаго *Сат*, чпо соспавипъ *Час* ساج а. *Crines.* § И чрезъ преложение опъ *Инат*, чпо соспавипъ *Анти* انتاب

de a. لئ a. In duas secare aut dividere partes. § И такъ изъ Час-сенти сдѣлали Чесанта, слово въ слово:

Стригъ волосы.

84.) Чесаніе, Росс. L'action de peigner les cheveux. § Pectinatio. § Произходитъ опъ вывороченнаго Сат, что составишь Час ساج р. Cines. § и бпъ Шане شانه р. Pecten. § И такъ изъ Час-шане сдѣлали Чесаніе; значить:

Дѣйствіе гешущаго волоса.

85.) Цвара, Санск: Дверь. § Porte. § Porta. § Произходитъ чрезъ преложеніе опъ Ріебу, которое при обыкновенномъ измѣненіи В на W и обратно составишь

Цвери برب, а. ريب, Porta. § И такъ изъ Цвери сдѣлали Цвари, значить:

Дверь.

86.) Дверь, Росс: § Porta. Porte § Всѣ сии при слова производящъ чрезъ преложеніе буквъ опъ Дерб или Дербу, что составишь Дбер برب, а. Porta magna. Grande porte. § И такъ изъ Дбер при измѣ-

неніи В на W сдѣлали *Дверь*, равно какъ и чрезъ обыкновенное измѣненіе В на Р и Г на D, сдѣлали сперва *Порту*, потомъ *Порта* и *Порт*, имѣющія одно значеніе *Дерву*, коего смыслъ:

Большая дверь.

87.) *Вагана*. Санскр: Лепатъ. § Voler, s'élever en l'air. § Volare. § Произходитъ чрезъ преложеніе отъ *Гесфуу*, что составитъ *Вуфгену* 𑂔𑂰𑂛𑂱 a. Volitare, ac abire per aërem flossum lanae. § И такъ изъ *Вуфгену* при незначущемъ измѣненіи сдѣлали *Вагана*, что значить:

Летать, плавать по воздуху, какъ пухъ, унесенный вѣтромъ.

88.) *Вѣять*, Росс: § Soufler. § Spirare. въ повел. *Вѣй*, которое производитъ чрезъ преложеніе отъ *Гесай*, что составитъ *Вейаг* 𑂔𑂰𑂛𑂱 a. Aether, Ventus § Aura. § И такъ изъ *Вейаг* сдѣлали сокращенное сперва *Вейа*, потомъ *Вѣй* повелиш. отъ *Вѣять* значущее:

Вѣтеръ производитъ.

89.) *Вайсу* Санскр: Вѣлперъ. § Ventus, Vent. § Произходитъ чрезъ преложеніе отъ *Гесвайю*, что соспавишь *Вайгсу* هوآء а. Aether, ventus, aura. § И пакъ изъ *Вайгсу* сдѣлали *Вайгоу*, имѣющее одно значеніе съ *Гесвайю*, смыслъ коего:

Вѣтеръ, воздухъ, свѣръ.

90.) *Вайе* Санскр: Бой, битва, § Combat. § Certamen. Произходитъ при незначущемъ измѣненіи отъ *Ваги* وغى а. Tumultus, Strepitus, ac clamor peculialiter exercitus. § Bellum, Praelium. § Guerre, bataille, combat.

Война, битва, сраженіе.

91.) *Воинъ* Росс: § Miles. Guerrier. § Произходитъ отъ *Ваги* وغى а. Tumultus strepitusque, pec: exercitus. § Bellum, prae-

lium. § и *Бин* اين а. Vir. § И такъ изъ *Ваги-син* при маломъ измѣненіи соспавили *Воинъ*, слово въ слово:

Человѣкъ воинственный.

92.) *Вагини* Санскр: и Росс: Война § Bellum, guerre. § Хопя и имѣють одно

произхождение, но не опъ двухъ корней, какъ слово *Воинъ*, а опъ одного, п. е. опъ *Вагѣун*, изъ коего Россіяне чрезъ преложение сдѣлали сперва *Вайнуг*, попомъ сокращеніемъ *Вайну* и *Война*. § *Ва-*

гѣун значить *وغى* а. *Tumultus, strepitusque* рес: *exercitus*. § *Bellum, praelium*. § *Guerre, bataille, combât*. § Такимъ же образомъ и Гиндусы опъ того же *Вагѣун* соспавили сперва *Вагунни*, а попомъ свое *Вагинни*.

93.) *Вартана* Санскр. *Врапникъ*. § *Portier*. § Произходитъ чрезъ преложение и измѣненіе В на W и D на T опъ *Дербу*, что соспавитъ *Вурте* *درب* а. *Porta magna*, § и чрезъ преложение опъ *Ейн*, которое пишется *Айн* и соспавитъ *Ниа* *این* а. *Vir*. § И такъ изъ *Вурте-ниа* вышло *Вартана*, буквальной смыслъ:

Человѣкъ при воротахъ, или привратникъ.

94.) *Варти* Санскр: *Врапникъ*. § *Portier*. § Произходитъ опъ *Ва* *ع* а. *Nocturnus explorator ac vigil*. § И чрезъ преложение опъ *Дер*, что соспавитъ *Рде* *در*

р. Porta, япца, ostium. § И пакъ изъ *Ва-рде* сдѣлали *Варти* измѣненіемъ D на T. значипъ слово въ слово:

Блюстителе вратѣ, или стражѣ у воротѣ.

Ошпуда по Польски Warta, спража.

95.) *Вратникѣ* Росс. Portier. § Произходипъ чрезъ преложение и измѣненіе В

на W и D на T опъ *Дербун* درب ا. Porta magna. § чпо составипъ *вретну*, и опъ

Киг كيج а. Vir, homo. § Grossus homo. § И пакъ изъ *Вретну-киг* сдѣлали сокращеніемъ *Вратникѣ*. Буквальной смыслъ:

Человѣкѣ при вратахѣ, или приератникѣ.

96.) *Вас* Санскр: Желаніе. Desiderium, desir. § Произходипъ чрезъ преложение опъ *Гевш*, чпо составипъ *Вегш*

هوش р. Desiderium. § Изъ *Вегш* сдѣлали сокращенное *Вас*, значипъ:

Желаніе.

97.) *Весма* Росс: Valde, fortiter, admodum. § Très, fort. § Произходипъ чрезъ обыкновенное измѣненіе N на M и обратнo опъ *Весна*, чпо составипъ *Весма*

Limy a. Multus et plenus. § Nombreux, abondant, copieux. § Plein, rempli.

Многогисленный, обильный, полный.

98.) *Vata* Санскр: Очень. § Valde, beaucoup, fort. § Произходитъ отъ *Be*, что составишь *Be* ب a. Cum § и отъ *Адхис*

^ω *ع* a. ^ω *ع* a. Vehementem esse. § Vehementer. § Avec vehemence, fort, fortement, extrêmement, grandement.

Зѣло, надмѣру, грезвѣттайно.

99.) *Отенъ*. Росс. Admodum, fortiter, valde. § отъ *Аджен* ^ω *ع* a. Vehementer. Vehementem esse. § Avec vehemence, fort, fortement, extrêmement, grandement, avec vehemence.

Надмѣру, зѣло, грезвѣттайно, сильно, отенъ.

100.) *Видара*. Санск: Буря. Procella, Orage. § Tempestas, turbo. § Произходитъ чрезъ преложение и непрерывное измѣненіе L на R и обратно отъ *Дуле*, кошорое пишется *Dwle*, и составишь *Ведере* *د* ر. Turbo. § Typhon. § Orage.

101.) *Вѣтрѣ*, Росс. по Польски *Wi-
atr.* § *Ventus.* *Vent.* § Произходитъ
чрезъ преложение отъ *Гва*, что соспа-
вилъ *Вагг* ^{هوا} a. *Ventus, aura.* § и *Терр* ^{تر}
a. *Decidere, excidere, praesertim volitando*
edens sonum. § И такъ изъ *Вагг - терр*
сдѣлали *Вѣтерѣ*. Буквальный смыслъ :

*Вѣтерѣ, протекающій со свистомѣ, или
сѣтерѣ сопророждаемой свистомѣ, шумомѣ,
или пронзительнымѣ звукомѣ.*

102.) *Вида* Санск: Средство, образъ.
§ *Modus.* § *Maniere, façon.* § Произходитъ
чрезъ преложение и измѣненіе Т на Д
отъ *Тав*, что соспавилъ *Вад* ^ط *Mo-
dus.* § *Maniere, façon.* § *Medium, mesure.*

Средство, способѣ, образѣ.

103.) *Видѣ*. Росс. *Air. figure.* § *Figura,*
conformatio corporis. § Произходитъ чрезъ
преложение отъ *Дваг*, что соспавилъ
Веде ^ح a. *Figura.* § *Figure, forme exte-
rieure des choses materielles.* § *Образѣ, на-
ружной видѣ того нибуде вещественнаго.*

104.) *Вишну* Санск. Побѣдитель. §.
Victor, Vainqueur. § Произходитъ чрезъ

предложеніе и измѣненіе F на W опъ
 Фезун, что составишъ *Везну* فوز а. Vic-
 toria. § Felicitas. § Salus. § Praemium. §
 И такъ изъ *Везну* сдѣлали *Вишну* зна-
 чишъ:

*Побѣдитель счастливый и спаситель-
 ный, и также Ирой издвоздатель.*

105.) *Вѣшній*. Росс. Superior. § Super-
 ieur. § Произходитъ чрезъ обыкновенное
 измѣненіе В на W опъ *Базу* باز р. Su-
 perior pars rei. § что составишъ *Вазу*, и
 чрезъ предложеніе опъ *Айн*, что соспа-
 вишъ *Най* عين а. Dominus. § praeditus,
 habens. § И такъ изъ *Вазу* - *най* сдѣлали
Вѣшній, коего смыслъ:

*Тотъ, кто находится выше, возвышен-
 нѣе, или же верховный, преимуществующій,
 самою возвышенней, гдѣмъ нибуде превос-
 ходящій.*

106.) *Побѣдите и побѣждать*. § Vin-
 cere, vaincre. § Произходитъ опъ *Об*,
 что составашъ *Бо* ب ا. Nubes, Nue. §
 elevation, point le plus élevé, sublime. §

И опъ *Бедду* بَدُّ а. Vincere, § & Victoria.
 S И пакъ изъ *Бо-бедду* при обыкновенномъ измѣненіи В на Р сдѣлали *побѣди* повелип. опъ *побѣждать*, коего смыслъ:

Одержатъ побѣду, или имѣтъ поверхность надъ кѣмъ.

107.) *Югон*. Санскр. Иго. § Jugum. Joug.

§ Произходитъ опъ *Юг* يُوغ p. Jugum. S и *Айн* عَيْن а. Juvencus. Jeune taureau. S bos sylvester. § И пакъ изъ *Юг-айн* сдѣлали сокращенное *Югон*, что значить:

Иго воловецъ.

108.) *Иго*. Jugum. Joug. § Произходитъ чрезъ преложение опъ *Юг*, что составишь *Югу* يُوغ p. Jugum, lignum, quo bini boves conjuguntur. § И пакъ изъ *Юги* составили сперва *Иги* — а попомъ *Иго*, имѣющее поже значеніе.

И с п и н н о е

Произхожденіе и начало

С Л А В Я Н С К А Г О

Народа и его Имени.

СКЛАВЕНИ или *Склави* *Σκλαβηνοί*, наименованіе сіе невозходитъ далѣ VI вѣка нашего лѣтосчисленія. Прокопій Велисаріевъ письмоводитель и Гошеъ Жорнандесъ, оба писавшіе около 530 года, первые между писателями начали упоминашь о немъ.

Не взирая на сіе, древній сей народъ извѣстенъ воспочнымъ со временъ самага бытописанія, но подъ именемъ **СИКЛАБИ** или **СЕКЛАБУНЪ**, изъ коего соспались *Склави* и *Склавени* при незначущемъ измѣненіи или искаженіи буквъ; равно какъ и пресловутое названіе **ХАЛИБЕСЪ** и **КАЛИБЕСЪ** *χαλιβες*, подъ коимъ древнѣйшій и знамениптѣйшій народъ сей являешся во всемъ блескѣ у древнихъ писателей Греческихъ и Латинскихъ.

Въ самомъ дѣлѣ кпо не видить, что опть воспочнаго слова СЕКЛАБЪ, СЕКЛАБИ или СЕКЛАБУНЬ единственномъ, и СЕКЛАБАГЪ во множественномъ составили чрезъ сокращеніе *Склавбъ, Склавонбъ и Склави*; равно и по, что опть первообразнаго СЕКЛАБИ чрезъ преложеніе буквъ и обыкновенное измѣненіе К на Х произошло ХАЛИБЕСЪ. Для вѣщаго убѣжденія спойшъ полько окинушъ глазомъ перемѣченныя числами буквы, соспавляющія

слово $\overset{7}{С} \overset{6}{Е} \overset{1}{К} \overset{3}{Л} \overset{2}{А} \overset{5}{Б} \overset{4}{И}$, изъ коего очевидно выдепъ КАЛИБЕС, которое по нижеозначенному порядку произведешъ въ свою очередь СЕХЛАБИ или СЕКЛАБИ $\overset{3}{Х} \overset{5}{А} \overset{4}{Л} \overset{7}{И} \overset{6}{Б} \overset{2}{Е} \overset{1}{С}$.

Приспупимъ теперь къ смыслу, которой воспочные придавали слову *Секлаби* или *Секлаббъ*.

Секлаббъ и *Секлаби* сущесствительное Арабское безъ окончанія и *Секлабун*, во множествен. *Секлабагбъ* $\overset{4}{مقلاّب}$ a. $\overset{4}{مقلاّب}$ a. $\overset{4}{مقلاّب}$ pl: Chalibes, gens Scythica, peculiariter septentrionis, Sclavi, Russi & simi-

les. § *Секалебтул - зндж.* а. *مقالبة الزنج*
 Chalybes Aethiopum. § *Зндж* *زنج*. Aethio-
 pum genus, undè Zingis extrema ad si-
 num Barbaricum, Ptolemæo. § Teste Golio,
 & Abulfeda.

Садуddинъ упоминая о Секлабахъ, гово-
 ришь: *Аквами Секалебагъ ки гала лег встегъ*
намиле мешгурдуръ. اقوام مقالبه که حاله وجه
 ناميله مشهور در Gentes Seclabicae, id est, Cha-
 lybaeae, sive Sarmaticae, quae modo Polo-
 niae & Bohemiae nomine celebrantur &c.—
 Топъ же писатель повѣспвуя о взятіи
 Азака или Азова, изъясняется такъ:

ازات ولایتین که مالک مقالبه ولایة شمالیه نیک
 بندر و معبری درو کشور ترکستان و ماورا النهر و دیوار
 حاجی تر جانندن کان تجارک رهگذری در یمین اقبال
 پادشاهی ایله فتح ایدوب ضمیمه مالک عثمانیه
 Regionem urbemque Azak dictam,
 quae est Antemurale & transitus locus
 regnorum Seclabiae, id est Russiae &
 Poloniae aliarumque septentrionalium re-

gionum, ac via, per quam transeunt mereatores, qui ex Turcia, regione Transoxiana, & Hagi-Turgian veniunt, sub felicibus auspiciis Imperatoris expugnavit & Imperio Othomanico adjunxit &c.

Секлабъ имя вполага сына Яфетова, прилѣжавшаго паче прочихъ своихъ братьевъ къ успроенію домовъ и городовъ по причинѣ великаго числа своихъ дѣтей. Потомки Секлабовъ, сильно размножившіеся, пребывали у дѣтей *Руси*, (которыя суть Россіяне) земли, дабы на оной поселиться, и какъ они опказали имъ; по обратились къ Хозарамъ и Гомарамъ, отъ коихъ получили шаковой же опказъ; почему и принуждены были впогнупься къ нимъ силою. Когда же сосѣдственныя народы ополчась, выгнали ихъ оповсюду, по Секлабы пошли по необходимости обитать въ странѣ хладной за седмымъ климатомъ. Зри Гербелопи.

Секлаби. Воспочныя Испорики придаютъ сіе названіе Склавонамъ, рожденнымъ не въ сѣверной странѣ, о коей упомянуто въ предъидущей главѣ, но

въ помѣ краю, копорой мы называемъ теперь Славонією и Булгарією, копорья соспавляли древнюю Мизію; и проспирають сіе названіе на самую Фракію и на самыя сѣверныя области Греціи. И по сему по именують они въ своихъ быпописаніяхъ Императора Василія Македонянина, *Василіусъ ея - Склаби*.

Турки и нынѣ называютъ Славонцовъ, насильно поселившихся на земляхъ Панноніи между рѣками Савою и Дравою, Босняками, по причинѣ Босніи шуда же включенной; а иногда и Арнаутами, копорымъ именемъ особенно однакожь опличають Албанцовъ.

Въ Венгрии называютъ и по сіе время Раціанами, народъ живущій въ Славоніи, Сербіи. Последнюю область Турки разумють подъ названіемъ *Сербъ-Власты*.

Секлабъ множественное отъ *Склабъ*, значить у Аравіянъ шоже, что древніе называли ХАЛИБЕСЪ, и что мы называемъ теперь СКЛАВОНАМИ, народъ, вышедшій изъ страны гораздо далѣе къ сѣве-

ру лежащей, нежели та, которую они шеперь населяють, и копорая заключаешъ въ себѣ Россіянь и Московиянь.

Аравияне пославляють два рода Секалебаговъ: *Севѣрныхъ*, о коихъ говорено шеперь, и *Южныхъ*, копорыхъ для оплчія называютъ *Секалебатул-зенджъ*, копорыхъ древніе именовали *Chalybes-Aethiопит*. Зри Гербелопа.

И шакъ воспочные разумѣли подъ общимъ именемъ *Секалебагъ* 1) *Скифовъ-Халибовъ северныхъ*, подъ коимъ включаги безъ различія Склавоновъ, Россіянь, Московиянь, Поляковъ, Чеховъ или Богемцовъ, Хозаровъ, Булгаровъ, Мизіанъ, Фракіанъ, Албанцовъ, Македонянь, Сербовъ, Раціанъ и Босняковъ. 2) *Скифовъ-Халибовъ Южныхъ*, подъ коими разумѣли Склавоновъ Еѳіопскихъ.

Здѣсь слѣдуешъ словопроизведеіе наименованія сего народа, обращающаго на себя любопытство и вниманіе по Историческимъ отношеніямъ.

Секлабъ и *Секлабунъ* въ единств. и *Секлабагъ* во множ. производшъ отъ

первообразнаго *Сикая* سيقال de سيقال a. Polivit, laevigavit, in nitorem redegit ensem.

§ *Саккая* ساقال a. Politor, polio qui poliendo in nitorem redegit arma. § Politura. § et ars quâ custoditur et curatur equus. § И ошь

Лаб لب a. Polluit intellectu. § Substitit, mansitque aliquo loco ei inhaerens. § Assiduus et continenter inhaerens alicui rei.

§ *Луб* لب a. Cor, ingenium, intellectus. § И пакъ изъ *Сикая-лаб* сдѣлали сокращенное *Сиклаб*, буквальный смыслъ коего:

Дѣлатели оружій, укротители и наѣзживающіе лошадей, и остроумные наставники и образователи ума и сердца.

Секлабагамъ, Халибесамъ или Склавянамъ принадлежишь слѣдственно чести изобрѣпенія полико полезныхъ искусствъ для чловѣка: образовашь сердце и разумъ; вступи въ употребленіе желѣзо, дѣлашь изъ онаго оружіе, и наконецъ вскармливашь и обращаешь съ живошнымъ, спольже безцѣннымъ, какъ и по-

лезнымъ, какова лошадь. Сколько знаменитыхъ правъ на всеобщую благодарность!

Не приступая къ дальнѣйшему изслѣдованію *Халибесовъ*, почипаю необходимымъ замѣтишь, что какъ слово сіе чрезъ преложеніе буквъ произошло отъ *Секлаби*, то при произведеніи *Халибесъ* находимъ поже самое значеніе, которое видѣли мы въ *Секлаби*.

Посмотримъ теперь, какіе народы означали древніе Греки и Римляне подъ именемъ *Халибесъ*, и гдѣ ихъ помѣщали?

Chalybes χαλυβες. Populi in Ponto, juxta Thermodoontem fluvium, qui et *Alizones* sive Halizanes Homero dicti sunt et postea *Chaldaci*. Teste Strabone Lib. 12.—Hi ferrum nudi effodiunt dicente Virgilio: „India mit-
„tit Ebur, molles sua Thura Sabaei, at Cha-
„libes nudi ferrum.“

Ponitur tamen quandoque *Chalibs*, (*Hebr*: Nuhuscheth, § *χαλυψ*. § *Gall*. Acier, § *Ital*. acciajo, § *Germ*: Staal, *polon* Stal, § *Angl*. Steele (*pro ipsa ferri materia*.)—*Ovid*. Lib. 4. *Fast*: Aes erat in praetio: Chalybis

iam massa placebat. „Virgil. 8. Aen: „Vul-
 „nificusque chalybs vasta fornace liques-
 „cit., Lucanus., Chalybem fraenosque mo-
 mordit. „

Est et Chalybs fluvius in Hispania, in
 quo ferrum optime temperatur: juxta quem
 et Chalybes Populos collocat Iustinus, Libr.
 ultilmo: De quibus Grammaticorum non-
 nulli putant intelligendum illud Virgilii:
 „At Chalybes nudi ferrum.,

Изъ всѣхъ таковыхъ свидѣтельствъ
 явствуемъ, что Халибесы, или Склавени
 изобрѣвъ первые употребленіе желѣза,
 упражнялись въ добываніи онаго и въ
 опдѣлкѣ съ такимъ искусствомъ и оп-
 личіемъ, что древніе придали спали и
 желѣзу названіе ихъ изобрѣтателей, еже
 есть *Халибсѣ*. Что служило новымъ до-
 казательствомъ почности словопроизве-
 денія, даннаго мною слову *Секлаби*, имѣю-
 щему одно значеніе съ словомъ *Халибесѣ*.

И какъ *Халибесы* до принятія наиме-
 нованія *Халдеянѣ*, извѣстны были по сви-
 дѣтельству Гомера подъ именемъ *Али-
 зоновѣ* или *Гализоновѣ*, называемыхъ нынѣ

Галичанами; по все относящееся къ симъ послѣднимъ, не можешъ не заслуживать нашего вниманія.

Ализоны Ἀλιζῶνες или Ἠαλιζῶνες.

Asiae minoris Populi, inter Mysos, Caras, et Lydos siti. Autor Stephanus.

И такъ Ализоны были поселены между Мизійцами, Карійцами и Лидійцами, какъ извѣстно, народами Малой Азіи.

Произведеніе сего слова доспойно предковъ Халдеянъ, вопъ оно:

Ализоны, естъ слово сложное 1) изъ

улуг ^{... "} الخ a. Magnus. § 2,) и Зани ["] ظن a. Putavit illum esse. § Opinio. § Scientia § и значипть:

Народъ, прославившій великою ученостію, или народъ извѣстный по глубокой своей учености.

Почтенное сіе именованіе въ послѣдствіи перемѣнили на Халдеянъ, едвали могущее равняться съ первымъ.

Chaldaea по Еврейс: Schynhar et Eretz - chasdym § χαλδαιων χωρα. § Asiae minoris Regio, Arabiae contermina, plana.

fontium indiga, in qua Babylon civitas magna.

Chaldæos quoque sua ætate dictos fuisse Ponti Populos, qui antea Alizones et Chalybes dicebantur. Autor est Strabo. Lib. 19.

Халдея. Слово сіе, взятое въ цѣлости безъ раздѣленія или разбора, происходитъ отъ первообразнаго *Халете* *حلت* а. Miscuit, commiscuit, confusum perplexumque reddidit negotium. § Confudit, perturbavit. § Corruptit illud, perperam et perverse agens. § *Хулита* *خلیط* а. Confusio, seu confusum perplexumque negotium aut opus. § Miscella hominum, turba ex hominibus. § И такъ изъ *Халете* и *Хулита* при обыкновенномъ измѣненіи Т на Д и обратно сдѣлали *Халдея*, чпо значить:

Страна смѣшенія и разврата.

Извлечение сіе не имѣетъ надобности въ доводахъ: вспомнимъ, чпо глаголетъ Священное Писаніе о сей странѣ сполько же знаменитой какъ и развратной.

Chaldaei, inquit Stephanus, *Cephenès* prius dicti sunt à Cepheo patre Andromedae.

Hellanicus scribit hanc gentem mortuo jam Cepheo, relicta hac regione, aliò in Militiam abiisse, proinde regionem non amplius Cepheniam dictam, nec incolas Cephenes sed Chaldaeos: regionem vero Chaldaicam, à Chaldaeo Rege, qui Dicearcho teste quartus decimus à Nino fuit, et Babilone juxta Euphratem condita, omnes Chaldaeos in eam collegit. Regio etiam Chaldaeae nominatur. Alii probabilius dicunt, Chaldaeos circa Babylonem habitare, et Oraculum apud se habere, ut Delphi apud Graecos.

Изъ сего явствуетъ: 1) что Халдеи производятъ родомъ изъ Понтійскаго царства; что въ самыя опдаленнѣйшія времена назывались они *Халибесами*, ш. е. *Секлабали*; попомъ *Алисонами*, а въ послѣдствіи *Цефенами*. 2) Что они приняли названіе Халдеянъ на мѣсто Цефеновъ, послѣ того, какъ ославивъ древній свой край Цефенію, перешли въ другую обласъ для военныхъ подвиговъ,

что послѣдовало по смерти Цефея ихъ Начальника или Царя.

Испинна Испюрического сего событія подтверждается и самымъ произведениемъ слова *Халден*, у сего слѣдующаго:

Халден. Слово сіе составлено 1 е, изъ *Хл* *خل* а. Corruptum depravatamque vitio aliquo, defectu, vel negligentia fuit. § *Хал* *خال* а. Solutus, laxus vel disgregatus exercitus. § 2е, и *Латаа* *لطح* а. Contigit scopum. § Delevit nomen: et contra firmavit, stabilivit. § И такъ изъ *Хал-латаа* при обыкновенномъ измѣненіи Т на D. и обратно, сдѣлали *Халден* буквальный смыслъ:

Полчище военныхъ людей, или воинство распутное и развращенное, которое достигнувъ цѣли своихъ желаній, затлило свое (древнее) имя принятіемъ другаго.

Впрочемъ не одна спрана именовалась *Халдеею*, какъ видно изъ ниже слѣдующаго:

Chaldaei item Populi sunt prope Colchidem. Sophocles; Κολχὸς τε χάλδαιος τε καὶ Συρων εἶνος. Stephanus.

Chaldia, χάλδια. Regio Armeniae: Incolae Chaldi. Stephanus.

Халдейцы, обитавшіе въ Колхидѣ и Арменіи, о коихъ идесть шеперь рѣчь, не могутъ имѣть инаго произхожденія, кромѣ Вавилона, почему и должно признавать ихъ за опрасль сихъ послѣднихъ, называвшихся прежде того, какъ по мы уже видѣли, Цефенами. Вопшь что говорилъ о семъ Геродотъ:

Cerphenes. Asiae Populi fuerunt, qui postea à Perse Iovis et Andromedes filio Persae appellati sunt. — Autor Herodotus Lib: 7.

Слѣдственно Цефены естъ древнее названіе Персовъ; оно пѣмъ безцѣннѣе для насъ, что за недоспапкомъ даже Историческихъ доказательствъ, одно могло бы показать ихъ родоначаліе.

Цефенос. Слово сіе глубочайшей древности, производить: 1, опъ *Каф* قاف a. Caucasus Mons. § Item nomen montis qui totum orbem traditur, ubi suum Phae-

nix nidum habet. § и 2. ^ε *Эйн* *אין* a. Vir, ho-
 mo. § И такъ изъ *Каф* - *ейн* соспавили
 сокращенное *Кефени* и *Цефен*, слово въ
 слово:

*Люди, сошедшіе съ горъ Кавказа, Кав-
 казскій народъ.*

И такъ можно принявъ за Испори-
 ческую испинну, никакому сомнѣнію
 впредь неподверженную: что *Секлаби*,
Халиби, и *Слави* или *Склавени*, суть одинъ
 и шопъ же народъ; и слѣдственно что
Ализоны Гомеровы; *Цефены* или *Персы*
 Геродотовы, и *Халдеи* Страбоновы пред-
 ставляющъ намъ по послѣднему разыс-
 канію не иное что, какъ пѣхъ же *Секла-*
бовъ, *Халибовъ*, *Склавовъ* или *Склавеновъ*,
 дѣшей первородныхъ, но преобразован-
 ныхъ родоначальныхъ Скиѳовъ, опъ ко-
 ихъ всѣ прочіе народы вселенной ведутъ
 свое начало.

Доказавъ такимъ образомъ пож-
 десство *Склавянъ* и *Персовъ*, нуж-
 нымъ нахожу вывести такое же един-

ство между сими послѣдними и Гинду-
сами.

Сіе доказывається во первыхъ, общимъ произхожденіемъ, признаннымъ всѣми древними и новѣйшими писателями, копорые почипають Индіанъ поликими же селеніями, вышедшими изъ Мидіи, а Санскрипскій языкъ нарѣчіемъ того поколѣнія Персіанъ, копорые въ самыя опдаленнѣйшія времена древности подавались уже до самаго сѣвера Индіи. Во вторыхъ, сходствомъ языка, копорое ученые почипають важнѣйшимъ и досто-вѣрнѣйшимъ доказательствомъ.!

„Linguarum cognatio, cognationis Gentium praecipuum certissimumque est.“

Успѣлъ ли я въ изслѣдованіи испиннаго родоначалія Склавенъ или Славянъ, и изъяснилъ ли чрезъ шо непоспижимую загадку видѣшь нынѣшнихъ Россіанъ сближенныхъ съ жипелями Гангеса взаимнымъ нарѣчіемъ, сіе рѣшишь высокопочпенная Россійская Академія.

Коллежскій Совѣтникъ Иванъ Леванда.

*На отвѣздѣ ИМПЕРАТОРА.**Декабря 7го дня 1812 года.*

Сбылись моихъ надеждъ пророчесшвенны сны:
Россія Францію, а съ ней Европу побѣдила. —
На верхъ какой шеперь мы славы взнесены!
Спокойство можешъ дашъ вселенной наша сила,
Пусть Грецій Александръ Великъ слывешъ
войной;
Но міръ кшо умиришь, — шощъ болѣе душой.

Г. Державинъ.

О Д А.

*На пареніе орла надъ Россійскою ар-
міею подъ предводительствомъ Князя
М. А. Голенищева - Кутузова.*

Августа 26 дня 1812.

Воанергесь! Орель, сынъ грома
 Не ты ль на высотахъ паришь
 И сновъ свяшыхъ Папмоска холма
 Видѣнья бышіемъ рѣшишь?
 О нѣшь! судьбъ прорѣчь не смѣя,
 Что Агнецъ одолѣешь змѣя,
 Въ тебѣ я зрю лишь духъ ПЕТРОВЪ. —
 Такъ, онъ надъ Росскимъ войскомъ вѣтсся,
 Имъ громъ и лавръ вождю несется. —
 Се знакъ: — мы побѣдимъ враговъ.

Мужайся, бодрствуй Князь Кутузовъ,
 Коль надъ тобой былъ зримъ орель:
 Ты вѣрно побѣдишь Французовъ,
 И Россювъ защитишь предѣль,
 Спасешь ошь узъ и всю вселенну. —
 Толь славой учасъ озаренну

Давно тебѣ судилъ самъ рокъ:
 Смерть сквозь главу твою промчалась,
 Но жизнь твоя цѣла осталась. —
 На подвигъ сей тебя блюди Богъ!

Въ покровъ Его предавшись сильный,
 Тебѣ что можешь Люциферъ?
 Ты шель, — и пройдеши чрезъ эхидны, —
 Овномъ сбодешся люшый звѣрь. —
 Нога наступишь АЛЕКСАНДРА
 На жруща пламенъ Саламандра. —
 Спрашишь ты молнии Михаилъ!
 Ты подъ своимъ зря руководствомъ
 Рать шверду духа превосходствомъ
 Сдхнешь Галловъ шмы, — съ шобой Богъ силъ.

Г. Державинъ.

О Д А.

Званское Эхо.

Касаюсь струнъ — и громъ за громомъ
 Ошь першовъ съ Арфы въ слухъ лепишь,
 Шумишь, бушуешь доломъ, боромъ
 Въ мгль шепчешь съ шишиной — и спишь;—
 Но вдругъ ошдавшись ошь холма
 Возвращнымъ грохошаньемъ грома
 Гремить и удивляешь миръ:
 Такъ въ вѣкъ безсмертно эхо лирь.

О мой Евгений! коль Нарцисомъ
 Тобой я шчусь, скалой мнѣ будь,
 И какъ покроюсь кипарисомъ,
 О мнѣ швердишь не позабудь.
 Пусть лирой я, а ты шрубою
 Играя будемъ жить съ тобою,
 На Волховъ какъ чудный шумъ
 Тьмой гуловъ удивляешь умъ.

Увы лишь въ свѣтъ воспоминаемъ
 Безсмертенъ смершнй чловѣкъ:
 Нарцисъ жилъ Нимфы ошевчаньемъ;
 Чрезъ Музъ живутъ Пиншы въ вѣкъ.

Пусть въ персть пѣла ихъ обращающа, —
 Но вновь изъ персти возрождающа,
 Какъ ожилъ Пиндаръ и Омиръ
 Ошъ Данша и Пешрарха лирь.

Такъ: знашна чешть за гробомъ мрачнымъ
 Останешся еще ошъ нась,
 А паче свихкомъ безприсраспнымъ
 О комъ воскликнешъ Кліинъ гласъ. —
 Тогда и Фивовъ раззоритель
 Той самой Званки былъ бы чшишель,
 Гдѣ Тебъ бесѣдовалъ со мной. —
 Пошомспво воззвучишь — съ шобой.

Г. Державинъ.

VI.

Тоска души.

(Переводъ изъ Козеартсна.)

Что такъ смущаешься, волнуешь,
 Безсмертная душа моя?
 Отколь пламенны желанья?
 Отколь тоска и грусть твоя?
 Се холмы синіе мерцаемъ,
 Лугъ запахомъ спокойство льешь;
 Но ахъ! ничто не ушолешь
 Унынья твоя твоего.

Иль дѣлъ, иль подвиговъ вновь жаждешь,
 Чтось имя прозвучать свое?
 Возстань, опреоящая, дѣйствуй!
 Обширно поприще твое!
 Иль сжешь алчба ничтожна злата?
 Проси! — не вѣдалъ я того,
 Безсмертная! сему кумиру
 Чтось била ты когда челомъ.

Уже ли это ты избранный,
 Сидишь, крушишься къмъ,
 Чѣмъ ночью спящіе въ снѣ грѣзятъ
 И грѣзятъ спящіе чѣмъ днемъ?
 Нѣтъ, слабо праха воспаленье
 Наполнишь пущоту твою. —

Но что жъ? — Скажи скорѣй мнѣ средство,
Внутри чѣмъ жажду утолишь?

Такъ вскрикнувъ я, — повергся долу:
Заглохнулъ спонъ болошна дна,
Замолкло лѣса бушеванье,
Зашихла шише шишина. —
Лежалъ простертымъ чухъ дыхая
Въ цвѣсахъ на берегу ручья,
Надъ коимъ мѣсяць серпозлашный
Блнспалъ, блѣднѣлъ, шемнѣлъ, — исчезъ.

Ночная шьма шемнѣе спала;
Вкругъ въ гибкомъ камышѣ, въ кустахъ
Чухъ слышимо погоду шепшанье
Въ меня внушало нѣкій страхъ. —
Во слухъ мой доходили звуки
Такъ нѣжны, сладки, какъ свирѣль. —
Ошколь они ко мнѣ неслися?
Но въ сердца пакъ вѣщали мнѣ:

„Не драгоценностей алканье,
„Не слава, не хвала людей
„И не предметъ тобой избранный
„Волнуютъ во груди швоей;
„Но шощь, — прочь! ошъ очешъ повязка!
„Запона и ошъ слуха прочь!
„Воззри, о робкій! маловѣрный,
„Вокругъ себя и въ небеса.

„Не зришь ли чернорядный пламень?
 „Зеленых сумракъ вокругъ лѣсовъ?
 „Не обоняешь ли цвѣшущихъ
 „Ты благовоннѣ цвѣшовъ?
 „Не внялъ ли краспелина шреска
 „И радостна въ шравѣ, во мху
 „И въ воздухѣ жузжанья, шума
 „Большихъ и малыхъ жизней шолпъ?

„О мрачный и оглохлый смертный!
 „Не образованы ль рукой
 „Они одной изъ шойже глины,
 „Изъ коей и сосшавъ весь швой?
 „Не облаченъ ли плащаницей
 „Непроницаемой шы вокругъ?
 „Сопри скорѣй пѣвну ошъ взора
 „И съ слуха перепонку сбрось.

„Топъ, — сердцемъ кто не познаваемъ
 „Твоимъ, но пламенно искомъ,
 „Вблизи себя не подалеку
 „И можетъ бышь легко найденъ,
 „Его душей кто прямо ищеть.
 „Онъ носится вокругъ тебя
 „Въ заряхъ и раннихъ и вечернихъ
 „И на моряхъ и на земли.

„Такъ, имъ шы, имъ щедроподарнымъ,
 „Возпламененна имъ однимъ ;
 „По немъ швоя шоска, помленье,
 „Зовешъ его, грустишь шы имъ ;
 „Твой къ шоку своему духъ рвешся,
 „Сспраданья небрежа земны,
 „И наслажденья презирая,
 „Свое блаженство въ немъ шы чтешъ.

„Онъ жажда швоихъ всѣхъ ушоленье,
 „Онъ чудень именовъ своимъ ;
 „Любовь и свѣшь — его ешь сущность ;
 „Его — когда? — всегда ешь съ нимъ ;
 „Его — гдѣ? — здѣсь и повсемѣстно ;
 „Его подобіе — ешь шы, —
 „Его опсвѣшь въ шебъ блиспаешъ :
 „Гордись, мой брашъ, величьемъ симъ. „

Такъ рекъ. — Завѣса и повязка
 Съ меня низпааи. — Я прозрѣлъ,
 И видѣлъ вокругъ себя сіянье, —
 Трепещущи чупъ съ мѣста сшелъ,
 И въ ужасъ не смѣлъ бышь дерзкимъ
 Еще разъ на него взглянушь ;
 Но шолько гласъ его я слышала
 Въ вечернемъ вѣющъ вѣшеркѣ.

Часть VI.

12

Скочя колѣна, въ слѣдъ молился
Ему, и радостенъ я былъ,
Пылалъ возторгомъ несказаннымъ:
Дрожалъ, не познавалъ себя,
Вся мѣла кровь. — Опочнясь, вскрикнулъ:
Нашель, о чудный! я тебя, —
Нашель, — не выпущу изъ сердца. —
Благослови меня съ высотъ!

Г. Державинъ.

*Я в л е н ѣ .**(Подражаніе Козегартену.)*

Лежалъ я на травномъ коврѣ зеленомъ,
 На берегу шумящаго ручья,
 Подъ шѣнносвѣсисѣшымъ, лаписнымъ (*) кленомъ
 Опъ зноя не пеклася грудь моя;
 Мечталъ о сихъ, о шѣхъ дѣлахъ опчизны,
 И въ сладоспномъ унынїи дремалъ,
 Воспоминавъ, что претерпѣлъ въ сей жизни,
 Хотя и правъ бывалъ.

И се съ страны изъ роци вылеташъ
 Жена мнѣ юной, солнечной красы !!
 Какъ снѣгъ пончица бѣла обвѣваешъ
 Ея орѣхокурчашы власы,
 Съ очей, какъ съ неба блескомъ опливалась
 Эмира чистаго лазурна даль,
 А опъ ланишъ лилейныхъ опшѣнялась
 Румяность свѣшлыхъ зарь.

Вкругъ видны были усть ея червленыхъ
 Усмѣшки, ласки искренней любви;

(*) Кленъ вывѣшъ ластья подобныя лапамъ.

Блжстали капли росъ съ рѣсницъ чуть смѣж-
ныхъ,

И шихій нравъ пекущій во крови,

Изъ вздоховъ мнѣ ея печаль являли. —

Такъ зрѣлъ въ мечшѣ, иль бышь я мнилъ шакъ ей.

Но кто блаженнѣе? — кого видали?

Какъ былъ мечшой я сей.

Возспавъ — я къ ней обѣщая просшираю;
Но ошъ меня она уходитъ прочь.

Ахъ! сумракъ на лицѣ ея встрѣчаю,

И стала такъ блѣдна, какъ лунна ночь;

Но съ чувствомъ на меня взглянувъ усердно,

Взоръ важный и глубокомудрый свой

Съ десницею звезда на небо звѣздно,

Изчезла предо мной.

Гряди, гряди, я рекъ: небесъ явленье
Въ свой пушь, — довольно я позналъ себя. —

Мнѣ ясно все швое ужъ мановенье,

И понялъ я, какъ впредь вести себя. —

Не спойшь хвалъ, — но даже слезно

И самое блестяще здѣсь жисье,

Но шамъ, — ахъ! шамъ съ шобой цвѣшешъ

любезно

Ошечество мое.

Кгожс.

VIII.

С л а в а.

*День дню отрѣгаетъ глаголъ, —
И ночь ночи возвѣщаетъ разумъ.*

Еще ль, Цари! вамъ имя громко
Бышь мнишся славою прямой?
Еще ль мудрецъ! ее ты только
Чтешь дыма блещущей струей?
Познайше, ваша мысль неправа. —
Увѣрьшесь истинны въ словахъ:
Безсмертная, прямая слава
Есть цѣпь цвѣшущихъ вѣчно благъ.

Чтожъ хвалишся во злобѣ сильный
Внутри беззаконіемъ и внѣ,
Коль ты чрезъ слезы крокодильны,
Чрезъ токи крови на войнѣ,
Чрезъ вѣроломства, бунты, яды,
Чрезъ святошашну неба чести
Повергъ престолы, храмы, грады,
И могъ Царей всѣхъ выше сѣсть?

Положимъ край своихъ желаній:
Въ водахъ, въ земляхъ, внутри дикихъ мѣстъ
Разпросраня завоеваньи,
Коснущся даже самыхъ звѣздъ. —

Се горь и рѣчь уже не стало,
 Какъ вихрь промчался на крылахъ
 И все передъ побоею пало ;
 Но что же славы въ помъ? — Ты прахъ!

Увы! — и каждую минушу
 Питаючи въ себѣ змию,
 Коль разжигаетъ жажду люшу
 И жрешь самъ внутренность свою!
 Почто явись въ себѣ Таншала
 И ловишь мнимой славы пѣнь?
 На шоль, чтобъ о тебѣ сказала
 Словъ нѣсколько Авинска чернь?

Безумецъ! знай, когда въ надменьѣ
 Ты богъ мечтаешь бышь въ себѣ,
 Лишь тиграмъ ты идешь въ сравненье
 И въ сердцѣ помъ, кто льстимъ тебѣ.
 На погребенны пепломъ грады,
 На кровь, на слезы зря людей,
 Какихъ ждешь жертвъ, похвалъ, пощады
 Оплъ нашихъ и грядущихъ дней?

Видь: шайно, мрачно днесъ вздыханье
 Въ слѣдъ ходитъ всюду за тобой;
 А завтра клятвы, возклицанье
 На гробъ швой громъ повергнушь свой.

Кпожъ замыслы исполнишь страшны,
 Чьмъ мiръ поработишь мнилъ весь?
 Гдѣ блескъ, гдѣ звукъ, гдѣ пышны брашны!
 Ты былъ, — и нѣтъ, — швой слухъ исчезъ!

Вошъ громка слава сильныхъ мiра!
 Вошъ образецъ Геройскихъ дѣлъ!
 Послѣ кроваваго ихъ пира
 Чшо видимъ мы? — не грудыль шѣль?
 Не косхиль на поляхъ смердящи?
 Не запусхънне ль? — нуждъ всѣхъ машь. —
 Ахъ! можно ли споль злы губящи
 Правдиво славою назвашь?

Но и хранящiй строги нравы,
 Угрюмый доблесхию мужъ,
 Не опрѣвай совсѣмъ чувствѣ славы,
 И ты опъ любочестныхъ душъ. —
 Всѣмъ смершнымъ славолюбе сродно;
 Различень путь лишъ и предмешъ:
 И въ бочкѣ Циникъ благородно
 Вельль Царю не шьмишь свой свѣшъ.

Тому мила чрезъ шо извѣстность,
 Тощъ мнишь инымъ бышь именишь;
 Но пользь шворцу чрезъ кротость, честность
 Звучный всѣхъ плескъ принадлежишь.

Опець семействъ, законодатель,
 Заврала ошь пашей, коварствъ,
 Сохи, серпа изобръшатель
 Бича славнѣй — по правдѣ — Царствъ.

Возьмемъ же въ прошивуположность
 Тиранну добраго Царя,
 Всю ишоощившаго возможность,
 Блаженство подданныхъ шворя:
 Не зримъ ли Генія въ немъ неба
 Блестяща радуги лучомъ;
 Въ шомъ мрачна демона Эреба?
 Тотъ сышлетъ свѣшь — сей вержеть громъ.

Гнусна убійць народовъ слава;
 Я шихой дорожу молвой:
 Той, — месши нѣдришся отправа;
 Сей, — засъваешся покой.
 Подрывъ и вражью съ шрескомъ граду
 Не радуешь души моей; —
 Спихъ добрыхъ душъ одинъ въ награду,
 Жмешь сладку слезу изъ очей.

Какой возторгъ души блаженной!
 Какая слава, вѣчна чесшь,
 Какъ храмъ для бѣдныхъ учрежденной
 Придешь, гдѣ воспишанье, зрѣшь

И въ скорбяхъ сущихъ врачеванья!
 Тупъ Царь — ошець, Царица — машь.
 Умъ — можешъ скипшровъ шамъ спяжанья,
 Здъсь — будешъ сердце одобряшь.

Но естльи больше обоженна
 Гдѣ слава долженствуетъ бышь:
 То въ образѣ щипа священна,
 Кпо лавромъ могъ себя покрывъ. —
 Во оборонѣ лишъ опчизны
 Вънчаешъ славою война.
 Могилы, — въ жершвенники призны
 Преображаетъ намъ она.

Такъ, доблестъ шокмо превосходна
 Должна по правдѣ славной бышь;
 Благошворителя народна
 Долгъ сердцемъ и устами чшишь.
 Се солнце Творческой державы
 Въщаетъ силу безднѣ сквозь шьму:
 Богъ благъ, — одинъ — Онъ Царь естль славы,
 И вся поклоняшся Ему.

Его же.

IX.

Идолопоклонство.

*Азъ есмь Господь Бгъ твой, да не будутъ
тебѣ Бози ичи . . .*

Творцу я поклоняюсь міра,
Въ лицѣ его служу Царю,
Ни гдѣ, ни въ комъ себѣ кумира
И не пвориль и не пворю.
Почтожь мнѣ идолы безчестны
Шумихой, мишурой прелестны
Вкругъ ползатъ вашихъ олшарей? —
Почто? — коль въ хижинѣ безвѣстной,
Доволенъ подъ рукой небесной,
Я долею моей.

Богатствъ, чиновъ, спяжатель власти,
Льстець, ищущій могущимъ бытъ,
Пусть лучшей достизаетъ части, —
Споишь въ водѣ, и хочешь пишь;
Но паспырь добрый, вѣрный спаду,
Не перелазитъ чрезъ ограду,
За посохомъ нейдетъ безъ зва
И паспырства не вымоляетъ;
А взявъ овецъ, — ихъ соблюдаетъ
Ошъ разхищенья льва.

Кладеть за нихъ въ часъ лютой душу;
 Не бѣгавъ, какъ наемникъ, прочь;
 Но зная, что шопъ, кто море, сушу
 И небо создалъ, — день и ночь
 Такъ дланью бдишь надъ нимъ своею,
 Какъ предначертанной стезею
 Кашишь и міра колесо:
 То полнь сихъ чувствъ и не крушишь,
 А подъ калямъ зубцомъ случится,

Смирено сноситъ всю.

И чтешь шерпѣнья въ добродѣшель,
 Что смершнымъ нужно всемъ оно;
 Что чрезъ него лишь насъ Содѣтель
 Вчиняетъ звѣздъ своихъ въ звѣно;
 Что перспъ его за правду Царства
 Возноситъ, — низишь за коварства
 До предназначенна конца
 Царямъ — вельможъ здѣсь въ возвышенье;
 А шамъ — даешь во униженье

Ихъ власти и вѣнца.

Такъ Вышній таинства сердечны
 И мысль всѣхъ видишь съ горнихъ мѣспъ,
 Мракъ ада проникаешь вѣчный
 И солнечныхъ пучины гнѣздъ. —
 Въ его — снѣжинка въ морѣ пѣнномъ,
 И искра въ пламени боженномъ,

И черна мравья пушь во шьмъ,
 И въ небѣ слѣдъ орла паряща,
 И шуча спрѣлъ съ луковъ лешяца —
 Различены въ умѣ.

Различены; — но нѣшь изьяшья, —
 Міръ въ общей колеѣ печешъ;
 Хошь въ шомъ звѣнѣ, хошь въ шомъ — участие—
 Несчастьемъ шопъ, сей счастьемъ чшешъ.
 Къ чему жъ гордыней надымашься,
 Когда случишся возвышашься?
 Мы можемъ завшра въ низъ упасшь.
 Но ползшь почто и бѣдшвъ въ юдолъ?
 Учишся лучше въ низкой долъ:

Тщешна кумировъ власшь.

Ахъ, нѣшь! — Кумиры сильны въ мірѣ, —
 Издревле имъ поклонникъ свѣшь:
 Здѣсь роскошь усыпляешъ въ пирѣ,
 Тамъ красоша ядъ въ сердце льешъ;
 Здѣсь злашо ослѣпляешъ блескомъ,
 Тамъ слава оглушаешъ шрескомъ, —
 Все, все сочли за Бога мы!
 Безчисленны сушь наши спрасши,
 Крамольники мы Вышней власши.

О Россъ! бѣги сей шьмы.

Егоже.

X.

*Надежда.**Ө. П. Лвову.*

Лучъ, ошъ свѣша ошдѣленный
 Льющаго всѣмъ солнцамъ свѣшъ,
 Прежде въ духъ мой впечашлѣнный,
 Чѣмъ онъ прахомъ спаль одѣшъ,
 Безпрестанно въ выспрь парящій
 И съ собой меня манящій
 Къ Океану своему; —
 Хошь прешить земли одежда,
 Но несешь меня къ нему
 Ты желаній на крылахъ,
 О безсмертная надежда,
 Общашельница благъ!

Глупые мечтають смершны
 О какихъ-шо дняхъ злашыхъ;
 Суешы ихъ неизчешны,
 Ищеть цѣлей всякъ своихъ.

Я прѣмѣны вижу свѣта:
 Зрю зимы, весны дни, лѣта
 И осеннихъ дней возвратъ;
 Старѣюшъ, юнѣюшъ роды,
 Зрю всему свой кругъ, свой рядъ;
 Но довольнымъ не хочу
 Быть печенъемъ симъ природы, —
 Все чего - то вновь ищу.

Вѣкъ меня Надежда льстила;
 Утѣшала дѣшски дни;
 Храбрость мужеству дарила,
 Умაცала сѣдины,
 И предъ близкой днесъ могилой
 Укрѣпляя своей силой,
 Сыплешъ предо мной цвѣты.—
 Вѣчности на прагъ стоя,
 Жизнь люблю и суеты;
 Славы мною спяжашъ вѣнецъ,
 Безпокоюсь средъ покоя,
 И ещеъ я не глупецъ?

Такъ, кажусь я пусть безумнымъ,
 Пусть Надежда бредъ глупцовъ;
 Но какъ м'ремъ жизни шумнымъ
 Ушопаю средъ валовъ,

Чѣмъ-то духъ мой все бодрится, —
 Должно, должно мнѣ родиться
 Къ лучшему чему ни есть.
 Ахъ! коль чувствво что внушаетъ,
 Умъ даетъ и сердце вѣсть,
 Истинны то знакъ для насъ; —
 Духъ никакъ не облыгаешь. —
 Гласъ Надежды — Божій гласъ.

Гласъ Надежды, — сердца сладость,
 Возхищеніе ума,
 О добръ грядущемъ радость. —
 Хошь невидима сама,
 Но вездѣ со мною ходишь,
 Время весело проводишь
 И въ забавахъ и въ бѣдахъ. —
 На нее зря улыбаешься
 Буду въ смертныхъ я часахъ, —
 И какъ хладъ полешь въ крови,
 Буду ризь ея держашься
 До объятія любви.

Такъ Надежды пресѣкаетъ
 Лишь одна любовь полешь:
 Какъ во пламѣ ушопаетъ
 Лучезарномъ искры свѣшь. —

Когда съ Богомъ съединимся,
 Въ свѣтъ вѣчномъ погрузимся
 Пламенемъ любви своей,
 Смертная спадешъ одежда,
 Мы въ блиспаніи лучей
 Жизнью будемъ жишь духовъ. —
 Вѣрь, жива швоя Надежда,
 Ты ее увидишь Львовъ. (*)

Егоже.

(*) Первая жена его называлась Надежда.

XI.

ЛЮБОВЬ КЪ ОТЕЧЕСТВУ.

О Д А.

Душа всѣхъ царствъ и ихъ ограда,
 Надежнѣйшій оплотъ Царей;
 Безсмертіе кому награда,
 Трофеи чьи — рядъ олушарей! . .
 О! доблесть истинная славы —
 Сердце свяшѣйшіе уставы —
 О! благороднѣйшая кровь:
 Къ опечеству любовь!

*

Любовь къ опечеству! — жаръ чувства,
 Возшоръ великія души! —
 Ты, подъ эгидою искусства,
 Самаль свой образъ опиши,
 Иль въ льпошъ предстань природной,
 Всегда и всѣмъ равно красна,
 Равно хвалбою всенародной
 Въ вѣкахъ освящена.

*

Освящена самимъ закономъ,
 Самую вѣрою свяш. ѱ;
 И съ сердцемъ чистымъ сшавъ предъ Трономъ,
 На зависть наступа пяшой,
 Ходашайствуешь у Владыки
 Не за себя, за всѣхъ сиропъ . . .
 Цари! единымъ вы велики:
 Числомъ своихъ добротъ . . .

Числомъ добротъ спяжая славу,
 Пребудете въ попомствѣ въ вѣкъ;
 Тотъ съ радостью вкушалъ отъ праву,
 Свѣршалъ кто благо человекъ . . .
 Тому названіе Героя
 Приличнѣе изъ всѣхъ чести,
 На стражѣ общаго покоя,
 Кто бодрствуетъ душой.

Кто бодрствуетъ при общихъ бѣдствахъ,
 Рачитъ въ безпечности другихъ,
 Неизтощимъ въ шрудахъ, во средствахъ
 Спокоитъ согражданъ своихъ . . .
 Коль Царь — закона онъ во власши,

Коль воинъ онъ — по страхъ врагамъ,
 Коль судія — отмещешъ страши,
 Причнешъ къ полубогамъ.

*

Причнешъ ко сонму ихъ и равенъ
 Съ соименишыми въ дѣлахъ . . .
 Опечешву служа мужъ славенъ,
 Опечешво живешъ въ сынахъ . . .
 Взаимношью крѣпясь одною,
 Взаимно славимы у всѣхъ:
 Закономъ, миромъ ли, войною —
 Всегда во всемъ успѣхъ . . .

*

Успѣхъ во всемъ, коль свято чшимы
 Права гражданъ, народовъ честь;
 Коль Власти истинной водимы,
 Коль Трону предстоишь не лещъ,
 Но вѣрныхъ груди для защиты,
 Не гнувшихъ выи подъ яремъ . . .
 Цари народомъ знаменишы,
 Народъ блаженъ Царемъ

*

*

Блаженъ народъ и съ нимъ Владыки,
 Соплещешъ имъ въ возшоргъ мѣръ! . .
 Хвала Царямъ — народны клики,
 Ошечеству — бряцанье лиръ! . .
 Ошечество своихъ героевъ
 Почшишь безсмертія вѣнцемъ,
 Они сушь въ мѣръ, среди боевъ
 Пошомству образцемъ.

*

Пошомству дѣлъ ихъ важность зрима,
 Временъ скрижали прочтены :
 Вожди Аѳинъ, граждане Рима,
 Россіи вѣрныя сыны,
 Въ вѣкахъ примѣры ваши громки:
 На шронъ, средь суда, въ войнѣ;
 Да поревнуюшъ вамъ пошомки
 Въ ошеческой спранѣ . . .

*

Въ спранѣ, издревле преобильной
 Числомъ прославленныхъ мужей;
 Народъ могущественный, сильной,
 Да служишь для вселенной всей
 Примѣромъ истинныя славы;

Да сохранятсѣ древни нравы,
Да не остынетъ Русска кровь:
Къ отечеству любовь!

А. Писаревъ.

XII.

СТИХИ

на

*совершенное истребленіе непріятельскихъ
войскъ въ предѣлахъ Россіи.*

(Подражаніе 48 Псалму.)

Издаде вражды, крамолы,
 Виновникъ зла, несмѣшныхъ бѣдъ,
 Пошрясшій Олшари, Престола,
 Слѣдившій кровію свой слѣдъ —
 Низпалъ — и въ прахъ пресмыкаешъ,
 Сознавый собственнй свой спудъ! . .
 Такъ Богъ прошивныхъ низлагаетъ,
 Машешъ ихъ умъ, ихъ рушишъ судъ.

•

Господень громъ со шверди грянулъ,
 Гордыни сокрушился рогъ;
 Но мы, хотябъ весь адъ возпрянулъ,
 Не устрашимся, — съ нами Богъ!;

Такъ праведны пуши надежны,
 Надежень шакъ Господень щипъ;
 Злодѣю казни неизбѣжны:

Всевышній мспишь . . .

•

Такъ буйные прошивъ Сіона
 Возспали въ бѣшенствѣ своемъ;
 Ругались свяшостью закона,
 Все рушили огнемъ, мечемъ:
 „Гдѣ Богъ есть вашъ,“ они вzywали,
 Не мнили мщенія себѣ;
 Егдажъ заупра повспрѣчали —
 И се не бѣ! . .

•

А ты, народъ благословенный,
 Возвеселись душею всей,
 Повѣдай ты въ концы вселенны,
 Сколь дивенъ Богъ страны швоей! . .
 Десница Вышняго явила,
 Сколь въ брани ты врага премошь:
 Ихъ слава — смыдъ, ихъ шрупы — сила . . .
 На зачинающаго Богъ!

А. Писаревъ.

—

ХІІІ.

Р Ъ Ч Ъ,

титанная въ Императорской Россійской Академіи Членомъ оныя Д. Ст. Совѣтникомъ и Кавалеромъ Ивановъ Ивановичемъ Мартыновымъ, при вступленіи его въ оную Марта 23 дня 1807 года.

Почтеннѣйшему Сословію Академіи угодно было удостоить меня принятія въ свои Сочлены. Однѣ заслуги должны бы таковую почестію бытъ увѣнчаны; но снисхожденіе умягчило для меня законъ;— и вѣсы правосуднаго Божества нерѣдко онымъ колеблются. Уже достоинъ принадлежать къ знаменитому Сословію вашему потъ, на кого палъ выборъ. Каждый изъ васъ есть наставительный примѣръ на поприщѣ Словесности; надлежитъ токмо имѣть всегда открытый взоръ на цѣль, вами указуемую, и пламенѣшь рвеніемъ достигнуть ея, чѣмъ оправдать избраніе. И такъ, первымъ и пріятнѣйшимъ долгомъ почишаю нынѣ

принеспи душевную благодарность мою почтеннѣйшему Президенту и всему Словію за честь мнѣ сдѣланную; впорымъ долгомъ, руководствоваться вашими свѣденіями: такъ ли я понимаю цѣль, для копорой причтенъ къ оному, и почему обязанъ каждый изъ насъ, слѣдовательно и я, ею заниматься? Разсужденіе мое о семъ подвергаю благосклонному вашему вниманію для того, чпобъ послѣ въ поприщѣ трудовъ моихъ спупапъ смѣлѣе и надежнѣе.

Природа даровала намъ драгоценнѣйшую способность слова не токмо въ опличіе опъ другихъ живописныхъ, но и орудіемъ къ отккрытію всѣхъ чудесъ, каковыя токмо силами душевными произведены бытъ могутъ. Не въ дремучихъ лѣсахъ среди люпыхъ звѣрей, не въ вершепахъ уединенныхъ, не на отпрыхъ и дооблачныхъ скалахъ, въ удаленіи опъ подобныхъ себѣ, суждено жить повелителю природы; но въ нѣдрахъ родителей, въ кругу семейства своего, въ объятіяхъ друзей, въ сонмѣ согражданъ, въ мірѣ населенномъ разными

и безчисленными народами. Онъ непре-
 сипанно долженъ изъяснять по удоволь-
 ствіе, по неудовольствіе свое, по ра-
 дость, по печаль; долженъ открывать
 свои нужды, свѣденія, подавать или при-
 нимають помощь, совѣты, наставленія; —
 съ самой колыбели до гробовой доски,
 чувствованія сердца его, свѣтъ ума, жаръ
 воображенія, богатство познаній, откры-
 тія, искусство, науки, все бываетъ об-
 щимъ благомъ людей и вѣковъ. Онъ жи-
 веть не токмо между окружающихъ его,
 не токмо на томъ удѣлѣ земли, гдѣ со-
 орудилъ для себя храмину, не токмо въ
 то мгновение, когда чувствуетъ біеніе
 своего сердца; но обрѣлъ искусство напол-
 нять собою всю землю, жить во всѣхъ
 вѣкахъ, и мыслямъ своимъ сообщать твер-
 дость и нерушимость, торжествующую
 надъ мраморомъ и адамантомъ. — Умъ
 человѣка можетъ занимать, наставлять,
 повелѣвать всѣми народами и тогда, ког-
 да современникъ брѣніе его смѣшаетъ
 съ землею.

Таковыя выгоды доставляесть слово, или въ устахъ челоуѣка дышущее, или подъ персами его живоисворимое! Почему, удивительно ли, что всѣ просвѣщенные народы занимались усовершенствованіемъ онаго? Удивительно ли, что между пѣмъ, какъ частные люди собираютъ выраженія и обороты, освященные употребленіемъ, пишутъ законы краснорѣчія, сооружаютъ памятники Словесности, — мудрыя Правительства съ своей стороны создаютъ храмы, призываютъ въ нихъ дѣятельность талантовъ и познаний для такой же цѣли? Пѣнопѣвцы, вѣпни, любословы (*), крипики совокупно съ Академіями и другими учеными обществами украшаютъ кумиръ свой и повергаютъ приношенія къ подножію его жерпвенника. Такъ образовались, такъ обогатились языки древніе и новые. Исидъ и Омиръ, вдохновенные Геніемъ своимъ, переливали на лирахъ сладкогласіе и обиліе Греческаго слова въ тоже время,

(*) Филологи.

какъ Пронапидъ, училель Омировъ, сіе самое слово покорялъ правиламъ. Плапонъ, проименованный *Божественнымъ* (*), кажепся, первый началъ заниматьса изслѣдованіями о словахъ. Вскорѣ попомъ ученикъ его Ариспошелъ ввелъ сиспематическія раздѣленія оныхъ съ помощію соученика своего Феодекпа. Первые Стоики оцупилельно приумножили ихъ опкрытія о сей матеріи. Такимъ образомъ Греческій языкъ, которій до того, при величайшемъ совершенспвѣ своемъ, былъ шокмо вдохновеніемъ, даромъ, вліяннымъ природою иъкопорымъ щаспливо образованнымъ людямъ, началъ содѣлывапсья искуспвомъ, подведеннымъ подъ правила.

Въ послѣдовавшемъ за Плапоновымъ спольпій, Аѳинская Республика лишилась превосходспва, какое дополъ имѣла въ полипической системѣ владычеспвѣ Европейскихъ и Азіяпскихъ; вмѣспѣ съ шѣмъ увидѣла упадокъ и въ своей Словесноспи. Тогда-шо во многихъ

(*) Θεῶν.

знаменипыхъ городахъ воздвигасмы были для оной училища, оспоривавшія славу у Аѳинскаго Лицея, и наконецъ его по-мрачившія! Димитрій Фалерейскій, сей знаменипый несчастіями и познаніями своими Грекъ, будучи изгнанъ изъ Аѳинъ, удалился въ Египецъ къ Пполомею Лагу, куда вскорѣ за нимъ полпами пришли въ Александрію другіе ученые и Философы, и основали тамъ училище, нѣсколько вѣковъ процвѣпавшее. Пполомей Филомепоръ между прочими ввѣрилъ воспитаніе своего сына Ариспарху, который наипаче спудился надъ раз-сморпвнїемъ Омировыхъ спихопвореній. Мы знаемъ, до какой степени обилія, красопы и совершенства достигнулъ языкъ Омировъ и Димосѳеновъ, пщаніемъ сихъ и другихъ писапелей и наспавниковъ вкуса, при счастливыхъ обспояпельспвахъ правленія. Лапинскій языкъ въ образованіи своемъ возвышался по птакимъ же степенямъ. Крапесъ Милезскій, современникъ Ариспарховъ, при-несъ вкусъ къ Словесности въ Римъ

погда, когда сей не зналъ другой славы, кромь военной. Пльнительноспь Греческой Музы вскорь возторжествовала надъ строгоспію Капона и его самага заспавила слушапть ея уроки. Ученикъ Аристарха Діонисій Эракійскій, въ первое консульство Помпен, прибылъ также въ Римъ обворожапть оный прелестями своего языка, и съ тѣхъ поръ языкъ Римлянъ въ самое короткое время приобрѣлъ безмѣрные успѣхи. Вскорь возгремѣли на торжищахъ Цицероны, наспроили лиры Лукреціи, Виргиліи, Овидіи, Гораціи, и въ тоже время возспали доспойнѣйшіе вѣка своего судіи вкуса Тираніоны, Варроны; самъ Юлій Кесарь, среди непрерывныхъ заботъ ненасытнаго своего любочеспія, написалъ разсужденіе въ двухъ книгахъ *о сходствѣ словъ* (*). Квинтилианъ поздно пришелъ, кажется, для того, чтобы для правилъ своихъ имѣть всѣ великіе образцы.

(*) Светоній въ *жизни Кесаря*.

Въ чепырнадцатомъ вѣкѣ нашей эры, послѣ мрака невѣжества, облежавшаго Европу, паки начали возвышаться храмы вкуса; основаніе знаменитѣйшихъ Университетовъ относится къ сей эпохѣ; въ Италіи при Генія Дантъ, Петрархъ и Бокасъ приосѣнили изсохшую ниву и оплодотворили ее своими паланшамн. Рвеніе оплнчашься на поприщѣ Словесности сдѣлалось общимъ почти во всей Европѣ; Шоссеръ въ Англіи, Жонвиль, Фроассаръ и многіе другіе писатели во Франціи въ то же время занимались очищеніемъ природныхъ языковъ. Приближаясь къ столѣтіямъ просвѣщеннѣйшимъ, мы болѣе замѣчаемъ дѣятельность каждаго Европейскаго народа въ усовершеніи своего языка; чѣмъ ближе подходимъ къ столѣтіямъ Тасса, Аріоста, Метастасія, Корнеля, Мольера, Боало, Расина, Волтера, Боссюета, Лессинга, Виланда, Аддисона, Шекеспира, Понепьмъ болѣе замѣчаемъ, что слѣпая спраспъ бытъ совершенно свѣдущимъ въ древнихъ языкахъ, иераянъ всю жизнь

свою и дарованія на глубокомысленныя изслѣдованія оныхъ упадаеть.

Флоренція созвала въ Академію Дела-круска самыхъ искуснѣйшихъ знатоковъ въ Испаліянскомъ языкѣ и обрела ихъ къ дѣяпелному попеченію о успѣхахъ онаго. Французская Академія естъ памятникъ просвѣщеннѣйшаго изъ сподѣшій. Она, будучи учреждена наипаче для соблюденія во всей чистотѣ хранилища своего языка, начала пруды свои составленіемъ Французскаго Словаря. Произведеніе сіе хотя не сполько послужило къ утвержденію и усовершенствованію языка, какъ шого надѣялись; но многіе Академики съ успѣхомъ прудились въ обогащеніи онаго, — одни учебными своими, весьма полезными, сочиненіями; другіе безсмертными пвор.іями во всѣхъ родахъ Поэзіи и Краснорѣчія.

Не таковыми ли примѣрами водимъ духъ и нашихъ соопечеспвенниковъ въ очищеніи и обогащеніи своего языка? Не паже ли мепя предназначена знаменишному Сословію нашему, сему безсмерш-

ному учрежденію премудрѣйшей изъ Монархинь? И кто изъ васъ не спремился къ оной со всею ревностію истиннаго сына Отечества? Соединяя и раздѣляя труды свои, вы, подобно Членамъ иностранныхъ Академій, соорудили хранилище отечественнаго языка; вы даете законы оному, усыновляете писателей иноземныхъ, древнихъ и новыхъ. Уже Россіянинъ видитъ, почему любители Словесности во всѣ вѣки преклоняли колѣна предъ Римскимъ Историкомъ-Философомъ и Политикомъ; вскорѣ Орапоры и Поэты Римскіе предстанутъ въ руководство юношеству Россійскому; вскорѣ вы начертаете предѣлы неопытному воображенію въ выборѣ красотъ и въ порядкѣ мыслей. — Я нахожу въ Сословіи семь почтенныхъ Пастырей, гремящихъ на кафедрахъ словомъ живымъ и спасительнымъ; обрѣщаю Пѣнопѣвца Бога и Фелицы, оглашающаго и нынѣ выпренними пѣснями своими спрану сію и славу Отечества возвѣщающаго предѣламъ вселенныя; нахожу въ числѣ сочленовъ

и въ описушствіи своемъ незабвеннаго и замысловага Россійскаго Лафонтена; нахожу судей Словесности, влекомыхъ патріотизмомъ предостерегать юныхъ писателей отъ рабскаго приспраспія къ слогу не Рускому; нахожу достойныхъ наперсниковъ Мельпомены и Таліи, хотя прекрапившихъ съ ними бесѣду свою, но въ свѣжей памяти еще у каждаго изъ насъ живущихъ; нахожу достойнаго переводчика Делиля, и иныхъ стихотворцевъ и писателей прозаическихъ, искусныхъ въ разныхъ родахъ наукъ и познаний: всѣ многоразличные труды ваши подъяты въ намѣреніи, очистить и обогатить Россійскій языкъ и Словесность; изъ чего извлекаю поучительное для себя послѣдствіе, что и я, сколько имѣю силъ и способностей, къ тому же предмету обязанъ содѣйствовать.

Такъ, почтеннѣйшіе Сочлены, я пощусь соотвѣтствовать долгу, вами на меня возложенному; пощусь купно съ вами стремиться къ достиженію той великой цѣли, каковая предположена Рос-

сійской Академіи. Каждого изъ насъ призываетъ къ сему слава нашего Опеченства. По нынѣ еще рѣдкой иностранецъ вѣришь, что Россія не однимъ оружіемъ достойна уваженія; лучшіе писатели наши или во все имъ неизвѣстны или извѣстны шокмо по имени. Отъ чегожь сіе происходитъ? Не говоря о другихъ причинахъ, къ числу оныхъ причестъ можно и то, что мы сами худо печемся объ усовершенствованіи своего языка и обогащеніи Словесности. Неспорно, что нашъ языкъ богатъ, исполненъ словъ къ выраженію величественныхъ и всякихъ другихъ чувствованій и предметовъ; безпристрастные иностранцы какъ скоро начинаютъ понимать его, то уже и удивляются обилію и преимуществу его предъ прочими языками. Многимъ иностранцамъ трудность его не могла бы служить ни малою преградою въ наученіи оному. Опытъ доказалъ, что Греческій языкъ въ древнія времена, при всей своей трудности, въ паковомъ же былъ употребленіи не шокмо въ Римѣ, но и у

всѣхъ сколько нибудь просвѣщенныхъ народовъ, въ каковомъ нынѣ Французскій. Но Липператоры наши, большею часпію только пареводяшъ, и припомъ не всегда сноснымъ слогомъ, рѣдко имѣюшъ терпѣніе опличашъ свойство Россійскаго языка опъ того, съ котораго пареводяшъ; а шъ, кои сочиняюшъ на своемъ языкѣ, рѣдко имѣюшъ терпѣніе повиновашся правиламъ здраваго вкуса и образцамъ, могущимъ руководитъ ихъ въ чистотѣ языка. Опсюда производяшъ, что иностранецъ, любопытствуя о произведеніяхъ Словесности Россійской, слышяшъ въ опвѣшъ гораздо больше о произведеніяхъ иноземныхъ, нежели подлинныхъ; а написанное Россіяниномъ часто бываетъ такъ незрѣло, такъ маловажно, что благоразуміе стыдится одобряшъ оное иностранцу. На семъ-шо основывается общее, обидное для первостепенныхъ писателей и истинныхъ любителей слова и отеческаго заключеніе его, что Россійская Словесность еще въ колыбели и потребны многія усилія, дабы

младенецъ сей поспорилъ съ пипомцемъ Музъ Британскихъ, Гальскихъ и Германскихъ. Посему не составляетъ ли священной обязанности каждаго Члена сей Академіи то, чтобы посредствомъ доверія своего препятствовать вредному разпространенію дурныхъ сочиненій и переводовъ, дабы заспавилъ иностранца выгоднѣе думать о состояніи Словесности нашей? Предшеспвуя собственнымъ примѣромъ на оемъ знаменипомъ пуши съ свѣшильникомъ основательной и мудрой Крипки, Академія во всѣхъ родахъ Словесности не должна ли преслѣдовать мнимыхъ или дерзкихъ знапоковъ, и выводить на зрѣлице одни только истинные таланты?

Но къ обогащенію нашего языка есть преграда еще важнѣйшая; она состоитъ въ чрезмѣрной привязанности къ языкамъ иностраннымъ. Въ самомъ дѣлѣ, не можно взирать безъ прискорбія, до какой степени просирается приспраспіе лучшей опрасли нашего Отечества, особливо къ языку Французскому. Въ знапнѣйшихъ

домахъ начинается воспитаніе съ сего
 языка. Будущій воинъ, судья, градоначальникъ, Министръ согражданъ своихъ
 прежде приготавливается хорошо говорить съ Французомъ, нежели със воимъ еди-
 ноземцемъ; обращаетъ чуждой языкъ въ
 природной; обременяетъ память не Рус-
 кими выраженіями погда, какъ разсудокъ
 его долженствовалъ бы возрастать умно-
 женіемъ познаній и чувствованій, предан-
 ныхъ общественной пользѣ; всѣ обороты,
 всѣ изгибы иноспраннаго языка ему совер-
 шенно извѣсны; между шѣмъ, какъ
 самыя необходимыя и общепринятая
 слова собспвеннаго своего языка кажут-
 ся ему спранными, новоизобрѣшенными,
 неспройными; онъ спыдится произне-
 сти слово Руское въ большемъ свѣтѣ и
 даже съ друзьями, всегда говоритъ и
 пишетъ на иноспранномъ языкѣ; вездѣ
 встрѣчаетъ неудобства, когда объ-
 сняется на своемъ природномъ и шѣмъ
 еще щеславился; вступивъ въ долж-
 носшь, вездѣ находить запрудненія въ
 выразумѣніи дѣлъ; для него ни мало не-

ощупительны мѣлкія, впрочемъ существеннѣйшія оппѣнки украшеній слова, которыя выразумѣть преимущественно занимающемуся природнымъ языкомъ не споншъ ни малаго труда. Опечественный языкъ для него не токмо чуждъ, но и несносенъ. Услуги Академіи были бы неоцѣненны, если бы она вліяніемъ своимъ могла опличнѣйшую часть согражданъ своихъ обратишь къ раченію болѣе о собственномъ языкѣ, нежели объ иностранныхъ; ибо не токмо способствовала бы тѣмъ къ обогащенію онаго красотами всѣхъ родовъ Виспійства: разговорнаго, дружеской переписки, судебного и другихъ; но сдѣлала бы сильный и полезнѣйшій переворотъ въ образованіи нравственномъ. Извѣстно, сколь велико вліяніе языковъ на нравы! Доказательство сего видимъ въ собственномъ Опечествѣ нашемъ. Въмѣсто твердости и правоты характера, Россіянину свойственнаго, въ воспитанникѣ Француза видимъ шолько изнѣженностъ, привязанностъ къ мѣлочамъ, легкомысліе, лживостъ, безпеч-

ность въ исполненіи должностей, хладнокровіе къ своимъ соопечественникамъ, къ роднымъ, не получившимъ моднаго воспитанія, ложное понятіе о просвѣщеніи; всѣ приемы въ обращеніи, всѣ наклонности, привычки, спраспи, словомъ: весь таковой гражданинъ Россіи спановишся гражданиномъ иностраннымъ. Истинный сынъ Отечества не можетъ безъ содроганія представишь себѣ пагубнаго сего похищенія толикихъ согражданъ!

Но что можетъ вліяніе Академіи противъ споль далеко распросранившейся заразы, — возразишь кто нибудь? Сочлены! кому неизвѣстно, что одинъ человекъ не рѣдко производитъ важнѣйшіе перевороты? Академія можетъ противупоставить свою любовь къ Отечеству, подобно прочимъ сынамъ онаго, приносящимъ на жертвенникъ его свое имущество и жизнь. Пусть сочиненія Академіи докажутъ всю пагубу воспитанія Французскаго; пусть внушатъ они любовь къ языку природному; пусть обрапятъ вниманіе Россіянъ на иностран-

цевъ, на самыхъ Французовъ, до какой степени они занимаются иностранными языками, одна необходимость заставляеть ихъ изъясняться на оныхъ погда, когда имъюшъ дѣло съ иностранцами; они ни мало не стыдятся, естли и не разумьютъ ихъ. Пусть сочиненія Академіи обрапята на по вниманіе Правительства; погда Россійскій языкъ введенъ будетъ во всегдашнее и всеобщее употребленіе въ Опечествѣ нашемъ, при Дворѣ, во всемъ Сословіи дворянъ, и можетъ бытъ, не замедлитъ войти въ употребленіе и не въ одной Россіи. При наспоющихъ обстоятельспахъ, когда сердце каждаго Россіянина пылаеть любовію къ Опечеству и ненавистію къ народу, для всего свѣпа шагоспному, кажется, настало къ шому самое благоприяшное время.,,

XIV.

*О краснорѣчїи.**(Переводъ изъ Сулицерова Словаря.)*

Изящныя искусства, по общему о нихъ понятію, нами признанному, должны твореніями своими производить въ сердце челоуѣческомъ твердыя и къ возвышенію душевныхъ силъ служащія впечатлѣнія. Кажется, что краснорѣчіе можетъ исполнить сіе требованіе въ пространнѣйшемъ смыслѣ. Оно, можетъ, быть, не производитъ столь же глубокихъ, проникающихъ сердце, живыхъ впечатлѣній, каковыя получаемъ отъ тѣхъ искусствъ, кои собственно непосредственною цѣлію имѣютъ прельщать внѣшнія чувства; но въ замѣну того можетъ оно возбудить всѣ возможные роды ясныхъ представлений, находящихся внѣ круга оныхъ прельщающихъ искусствъ. Посему краснорѣчіе заслуживаетъ внимательное разсмотрѣніе по истинному онаго естеству, по

причинамъ и дѣйствіямъ онаго, по многообразному употребленію, и по различнымъ внѣшнимъ перемѣнамъ, коимъ оно было подвержено.

Подобно живописцу, умѣющему каждый видимый предметъ шакъ изображать живописью и красками, что карпина возбуждаетъ въ насъ поже представленіе, какое онъ самъ о первоначальномъ оной образцѣ имѣлъ; шакъ краснорѣчивымъ называется пошъ, кто все шо, что онъ мыслитъ и чувствуетъ, умѣетъ обыкновенною рѣчію выразитъ шакимъ образомъ, что опъ того возбуждается и въ другихъ шѣже представленія и чувствованія. Сего не можетъ бытъ, ежели онъ самъ не мыслитъ и не чувствуетъ съ величайшею силою и живоспію; посему вишія имѣетъ во первыхъ способность возвышать собственныя свои мысли до преимущественной степени ясности и живоспи; а во вторыхъ способность выражать ихъ рѣчію; и въ семъ шо соотношъ истинный даръ краснорѣчія.

Но опть живописца требуется не только, чпобъ умѣль выразишь каждый предметъ, такъ какъ его видишь; онъ долженъ сверхъ того умѣль изобразить оный такъ, чпобъ по своему роду представлялся глазамъ въ наилучшемъ видѣ, и живѣйшее дѣлалъ впечатлѣніе; такимъ же образомъ требуется опть витѣн, чпобъ онъ предметъ свой изображалъ наилучшими красками, и припомъ такъ, какъ оный по своему роду наибильнѣйшее долженъ произвести либо для поученія, либо для убѣжденія, либо для возбужденія страстей.

Совершенное краснорѣчіе есть искусство каждый предметъ, подлежащій слову, представлять себѣ такъ, чпобъ оный производилъ наибильнѣйшее впечатлѣніе, и выражать оный обыкновенною рѣчью и согласно съ симъ изображеніемъ. Опть сороднаго ему стикопворства отличаетъ ся пѣмъ, что оно какъ въ самыхъ своихъ представленіяхъ, такъ и въ выраженіи, менѣе прилѣпляется къ чувствамъ, и менѣе употребляетъ наруж-

ныхъ украшеній; а опъ союзной съ нимъ философіи опступается тѣмъ, что довольспвуешся одними ясными представленіями, между тѣмъ какъ сія домогается высочайшей ясности; что оно даже то, что философіею ясно разобрано, опять содѣлываетъ чувственнымъ, дабы оно было ошущительно и дѣйствительно. Опъ простаго *краснословія* опличается краснорѣчіе существенною своею цѣлію. Первое старається токмо нравиться и забавлять; оно разсматриваетъ предметъ свой только съ приятной и увеселяющей спороны, и сматря по особымъ своимъ намѣреніямъ вмѣшиваетъ всякія постороннія украшенія; напрошивъ того краснорѣчіе имѣетъ всегда опредѣленную цѣль, либо поучать, либо убѣждать, либо возбуждать спраши. Употребляемыя онымъ украшенія должны служить токмо для достиженія сихъ намѣреній. Краснорѣчіе разсматриваетъ вещь глубоко, сколь далеко внутреннія чувства проникнуть могутъ; между тѣмъ какъ краснословіе оспаетъ

на виѣшности оныхъ. Безъ проицательнаго ума не можно бытъ краснорѣчиву; но простое краснословіе бываетъ и въ такихъ людяхъ, кои рѣдко видятъ истинное внутреннее качество вещи. Краснословіе пребуетъ единственно покло дарованія легко и приятно выражатъ все то, что себѣ представляютъ; но сіе составляетъ покло малѣйшую часть истиннаго краснорѣчія.

Всегдашней своей цѣли, по есть поученія, убѣжденія или возбужденія спрасшей краснорѣчіе спарается достигатъ слѣдуя природѣ. Въ поученіи представляетъ оно истинное состояніе вещей въ яснѣйшемъ свѣтѣ, безъ прикрасы и прибавленія; естли надобно убѣждатъ, по заимствуетъ свои доказательства изъ естества вещи, безъ упонченія; оно разсваетъ мракъ невѣжества и предразсудка; опъ ложнаго опъемлетъ видъ истинны, съ худаго срываешъ личину добра. Оно чувствуетъ всю важность своего предмета, и предаешся чувствованію истиннаго и добраго;

оно придаетъ каждой вещи настоящую ея цѣну и достоинство. Изъ сего чувствованія происходитъ та степень живости и пылкости, коими оно въ сердца проникаетъ. Оно не вынуждаетъ убѣжденія, и не возбуждаетъ спраспей обаяніемъ. Предаваясь совершенно чувствованію своихъ представленій, рѣдко имѣетъ оно нужду искать выраженій; слова льются рѣкою тихо либо быстро, прилично либо важно, просто либо возвышенно, смотря по тому, какъ шого представляетъ естество вещи. Слушатель рѣчи позабываетъ выраженіе, а видитъ и чувствуетъ однѣ только вещи; вниманіе его никогда не устремляется на Оратора, но безпрестанно на самыя вещи.

Смотря по существу содержанія и по свойству слушателей, рѣчь бываетъ иногда философическая, ученая, въ шествіи своемъ съ точностію постепенность соблюдающая; либо простонародная, болѣе чувственная, нежели ученая, стараясь возбудить совокупно силу представленія и чувствованія; но никогда не

суемудрствуетъ и отъ предмета своего не отступаетъ.

Сіе искусство требуетъ многихъ и великихъ какъ природныхъ, такъ и приобрѣтенныхъ дарованій, кои подробнѣе разсматриваются въ статьѣ о *Витѣ*. О средствахъ же, коими вишія предспавленіямъ своимъ сообщаетъ силу, сказано въ статьѣ *Витѣйство*.

Краснорѣчіе, неоспоримо, занимаетъ первое мѣсто между изящными искусствами. Оно есть наилучшее средство къ содѣланію людей разсудительными, благонравными, лучшими и благополучнѣйшими. Помощію онаго первые мудрецы соединили разсѣянные народы въ единое общество, внушили въ нихъ добрые нравы, и ввели законы: отъ онаго Платонъ, Ксенофонъ, Цицеронъ, Руссо содѣлались наставниками человѣковъ. Оно научаетъ каждого частнаго человѣка и цѣлыя общества истинной ихъ пользѣ; помощію онаго возбуждаются въ сердцахъ чувствованія чести, человѣчества и любви къ отечеству.

Мужи отличныхъ дарованій, усматривающіе вездѣ истинное и доброе, и сими качествами сильно поражаемые; мужи, имѣющіе при томъ способность вперясть въ другихъ все то, что они ознаютъ и чувствуютъ; имѣющіе то искусство, о коемъ говорятъ по справедливости, что оно управляетъ нравами челоуковъ и сердца укрощаетъ (*); такіе мужи не могутъ ли почтены быть дарами неба, наставниками и правителями людей? такими, коимъ опредѣлено каждое общепольное познаніе, каждое благое намѣреніе разпространять между цѣлымъ народомъ?

Истинная полипика находитъ въ краснорѣчіи важнѣйшее средство къ приведенію Государства въ благополучное состояніе. Наружное принужденіе не содѣлываетъ добрыхъ гражданъ; съ онымъ Государство есть бездушная машина, которая движется не долѣе, какъ пока посторонняя сила оную побуждаетъ; но

(*) Regit dictis animos et pectora mulcet. *Virg. Aeneid.* l. 152.

опъ краснорѣчія приобрѣтаеть она вну-
 треннюю одушевленную силу, посред-
 ствомъ коей имѣеть она движеніе без-
 препятственное. Помощію краснорѣчія
 мудрый правитель дѣйствуетъ аки бы
 жезломъ волшебнымъ, ксимъ дикую спра-
 ну превращаетъ въ рай, лѣнивый народъ
 содѣлываетъ прудолубивымъ, робкій смѣ-
 лымъ, невѣжественный просвѣщеннымъ.
 Когда управляетъ оно мудрецомъ, то
 разпроспраняются умъ и знанія въ цѣ-
 ломъ народѣ; а естли вспомошествоуетъ
 нравоучителю (моралисту), то чувство-
 ванія справедливости, честности и вели-
 кодушія занимають мѣсто злонравія, ко-
 рысполобія и всѣхъ вредныхъ спраспей;
 посредствомъ онаго народъ дикій, спроп-
 тивый и необузданный содѣлывается бла-
 гонравнымъ и добродѣтельнымъ. Помо-
 щію краснорѣчія безсмертныи *Туллій* могъ
 укропити дикую и крайне ожесточе-
 нную чернь. (*) Симиъ средствомъ

(*) *Шлутархъ* въ жизнеописаніи *Цицерона*.

привелъ онъ Римскій народъ къ тому, что оный добровольно отвергнулъ то, чего желалъ нѣсколько спольшій, и что величайшимъ почипалъ благополучіемъ (*). И еспьли бы судьбы не опредѣлили паде- нія Риму, то бы оный краснорѣчіемъ се- го единого мужа спасенъ бытъ могъ.

Такую силу краснорѣчіе имѣетъ не только тогда, когда является въ тор- жественномъ видѣ предъ цѣлымъ наро- домъ, и возноситъ смѣлый гласъ свой въ словахъ громкихъ и рѣчахъ простран- ныхъ. Часто одно слово, кспати ска- занное, имѣетъ болѣе силы, нежели длин- ная рѣчь. Пространныя рѣчи, каковыя *Ѳуклидидѣ* и *Ливій* влагаюшъ въ уста предводителейъ войскъ, рѣдко имѣютъ шакое дѣйствіе, какъ благонадежное слово, сказанное въ наспоющую пору,

(*) Te dicente legem agrarіam hoc est alimenta sua, abdicaverunt tribus. Plin. Hist. nat. L. VII. с. 31. Въщающую тебѣ Трибуны отвергли законъ о раздѣлѣ земель, то естъ собственную свою пищу. Зри Плинія, естество- истор. кни. VII. гл. 13.

и съ истиннымъ видомъ увѣренности, подобно тому, какъ нѣкопорый Греческій полководецъ, коего хопѣли успрашить превосходнымъ числомъ непріятелей, ободрилъ войско свое, сказавъ: *не наше дѣло спрашивать, сколь велика сила у непріятеля, но гдѣ намъ его встрѣтитъ можно.*

Такимъ образомъ краснорѣчіе, безъ приготовленій, среди самыхъ дѣлъ и не многими словами, можетъ произвесни величайшее дѣйствіе. Симъ родомъ краснорѣчія Сократъ единою бесѣдою съ разпущнымъ юношею содѣлалъ его добродѣтельнымъ (*). Такимъ образомъ истинно краснорѣчивый мужъ не только можетъ побудить къ предпріятію, но вложитъ купно въ душу силы, влекущія къ исполненію онаго. Краснорѣчіе въ обыкновенномъ обращеніи, которе Сократъ зналъ въ высококомъ степени, спольже важно, какъ и по, которе оказывается въ отккрытыхъ собраніяхъ, или въ издаваемыхъ сочиненіяхъ. Сего ради

(*) Зри Diog. Laert. in Socrat. C. V.

надлежало бы, подобно какъ въ Спартѣ, обращать къ оному вниманіе при воспитаніи. Безчисленные есть случаи, въ коихъ оно весьма бываетъ важно. Нѣтъ человѣка, который бы каждый день не имѣлъ нужды либо извѣстить кого о чемъ, либо изъяснить кому что, либо оповѣсти о гнѣбленіи, либо убѣдить къ чему, либо возбудить добрыя чувствованія, либо укротить спраспи. Сіе произвѣсти можетъ покомъ истинное краснорѣчіе.

Изъ сихъ разсужденій явствуетъ, что мудрый законодатель никогда не будетъ равнодушенъ къ приятию сего важнаго искусства вообще и къ доброму онаго употребленію. Всѣ изящныя искусства Государству полезны; а сіе единое необходимо нужно, ежели не хопятъ, чтобъ народъ оставался въ грубомъ невѣжествѣ, или пакы въ оное погрязъ. „Къ чему прилагаемъ мы столько труда (говоритъ нѣкопорый великій спихопворецъ), чтобъ изучаться всѣмъ искусствамъ, аки бы нужнымъ вещамъ, а не радѣемъ о иску-

спѣвъ убѣжденія, яко единственнаго путе­водителя человѣческаго?, (*) Прави­тель, равнодушный къ процвѣтанію или упадку, къ благому или злему употреб­ленію краснорѣчія, равнодушенъ купно и къ благосостоянію своего народа; онъ истинно не есть отецъ своя земли, а развѣ только пастырь, пасущій стадо для приобретенія отъ него пользы и до­ходовъ. Онъ не имѣетъ ни желанія ви­дѣть свой народъ разумнымъ и благонрав­нымъ, ни воли управлѣнъ онымъ хо­рошо.

По нынѣшнему положенію вещей мало есть Государствъ, кои бы имѣ­ли надобность въ публичныхъ орапорахъ по дѣламъ правленія. Но есть ли такой законодатель который бы не имѣлъ на­добности говорить иногда съ своимъ на­родомъ письменно? Есть ли такой на­родъ, у коего бы, по крайней мѣрѣ, по нравственнымъ дѣламъ не предсавали публичные орапоры по должности, или

(*) Эврипидъ въ трагедіи: *Гекуба*. ст. 4. 815 и слѣд.

бы не являлись публичные писатели не по должности? Для законодателя, ежели онъ не тиранъ, должно быть важно, чпобъ народъ его убъжденъ былъ въ необходимости и пользѣ его уставовъ, повелѣній, учреждений и претребований. Самая неограниченнѣйшая власть не всегда можетъ достигнуть своей цѣли возбужденіемъ страха; цѣли, которая напрошивъ много во многихъ случаяхъ достигается единою доброю волею народа; а сія приобретается только чрезъ убъжденіе. Но для правителя, желающаго снискавъ себѣ блистательное имя отца и благоприворителя народовъ, должно быть важно также и то, чпобъ всѣ публичные наставники народа были подкрѣпляемы истиннымъ краснорѣчіемъ. Тогда только могутъ они имѣть полезнѣйшее вліяніе въ свойство цѣлаго народа. Они суть собственно тѣ мужи, посредствомъ коихъ распространяется разсудокъ, прогоняется мракъ невѣжества, и изпретбляется мерзость суевѣрія, и возбуждается въ серд-

цахъ нравственное чувствованіе всего добраго.

Впрочемъ, по справедливости ничего не лзя возразить противъ того, что краснорѣчіе въ большей части судилищъ опринуто. Судьи должны быть мужи просвѣщенные и прозорливые; такіе, кои не дѣйствовать должны, но токмо разбирать, гдѣ заключается истинна и справедливость; для сего не имѣють они надобности въ пособіяхъ Орашора. Но когда цѣлый народъ, и народъ не довольно проникаемый, судить, или согласно къ единой цѣли дѣйствовать долженъ; тогда токмо потребны для него мужи, кои должны вмѣсто его судить, взвѣшивать и предлагать ему причины, перевѣсъ показывающія.

Чаятельно, что и злоупотребленіе, коему краснорѣчіе весьма часто было подвергаемо, есть главною причиною, что нѣкоторые законодатели изгналі оное изъ судилищъ; ибо чѣмъ болѣе оно имѣетъ силы, тѣмъ вреднѣе злоупотребленіе оной. Подобно какъ сильнѣйшее лѣкар-

ство въ рукахъ незнающаго содѣлывается ядомъ; такъ краснорѣчіе въ зломъ чловѣкъ содѣлывается орудіемъ неправосудія и припѣсненія. Безъ сумнѣнія, по такому опасенію злоупотребленія, законодатель Крипскій изгналъ изъ своего Государства краснорѣчіе, яко соблазнъ народный. (*) Но сіа оспорожность была съ лишкомъ велика; есть другія средства къ отвращенію злоупотребленія, или по крайней мѣрѣ къ ограниченію онаго.

Начало сего искусства надлежитъ искать въ первыхъ временахъ общественной жизни. Коль скоро между народомъ языкъ нѣсколько образованъ, тогда отъ большихъ общественныхъ дѣлъ, происходитъ по усилію, отъ коего краснорѣчіе начало свое имѣетъ. Ревнивецъ блага опечесивъ старается управлять мыслями народа по своему усмотрѣнію. И такъ изобрѣшеніе сего искусства не лзя приписать никакому особому вре-

(*) Зри Sextus Emp. aduers. Mathem. L. II.

мени или народу. Оно есть плодъ природы, каждой почвѣ свойственный, а заимствуетъ токмо нѣкоторую часть отъ соспоянія климата, въ коемъ рождается. Но какіе народы превратили даръ слова въ настоящее искусство, о семъ мы сказать не можемъ. Можеть бытъ учинили сіе Азіятскіе Греки. Ежели повѣствованіе о поспановленіяхъ *Θαλέса* въ *Крѣтѣ* и *Λικύρῳ* въ *Спартѣ* (*) справедливо, то кажется, что краснорѣчіе соспавляло во времена ихъ уже настоящее искусство, коего правиламъ обучали. Но что уже прежде сихъ временъ искусство въщанія процвѣтало, сіе доказываетъ *Ομηρῶς*, совершеннѣйшій *Випія*. Рѣчи, влагаемыя имъ въ уста приводимыхъ имъ *Ироевъ*, сообразно лицамъ и обстоятельствомъ, совершенны. Но были ли во времена его училища краснорѣчія, или особыя училища оному, сего достоверно сказать не можно. *Διογενῶς Λαέρτιῳ* изображаетъ мудреца *Βίαντα*, такъ какъ великаго судебного

(*) *Sextus* въ *привед. мѣстѣ*.

Оратора ; изъ чего по крайней мѣрѣ заключишь можно, что публичное краснорѣчіе возникло не во времена *Перикла*, какъ нѣкопорые думаютъ. Кажется па-че, что оно во времена сего государспвеннаго мужа въ Аѣинахъ достигло высочайшаго своего совершенства. Повѣспвуютъ о немъ, что онъ могъ уговорить народъ ко всему, что бы ни вздумалъ. Весьма убѣдительное доказательство тому заключаепся въ опвѣспѣ *Фукидида* Спартанскому Царю *Архидаму* на вопросъ: кто изъ нихъ двоихъ, *Перикль* или *Фукидидъ* искуснѣе въ борьбѣ : „сіе „сказанъ прудно (опвѣчалъ онъ), по „тому что еспѣли я его и поборю, то „онъ можешъ убѣдитъ зрителей, что не „я его, а онъ -меня поборолъ „ (*)

Когда въ Аѣинахъ введено было народное правленіе, то еспественно, что краснорѣчіе долженствовало составлять важнѣйшее искусство, потому что посредствомъ онаго содѣлывались почти

*) Plutarch. in Pericl.

неограниченными властителями Государства, каковъ и дѣйствительно былъ Периклъ. Тогда, и еще нѣсколько времени послѣ того, Аѳины были наполнены Риторами, у коихъ знанѣйшее юношество обучалось Государственному краснорѣчію. Такимъ же образомъ въ семь народъ, одаренномъ и безъ того уже всѣми способностями ума, краснорѣчіе достигло высочайшаго степени совершенства. Кто токмо чувствовалъ въ себѣ нѣкоторыя отличныя дарованія, тотъ содѣлывался Ораторомъ, или старался пояснить умозрѣніе сего искусства. Но всѣ умозрительныя творенія тогдашнихъ временъ, кромѣ *Аристотелевой* Риторики, потеряны, — напротивъ того сохранились еще превосходныя произведенія публичнаго краснорѣчія элапыхъ временъ, находимыя въ исторіи *Фукидда* и въ твореніяхъ *Исократы*, *Демосена* и *Эскина*. О Исократѣ говорятъ, что онъ первый ввелъ ученіе механическаго искусства въ выраженія, пріятности голоса и искусственнаго расположенія періодовъ.

Самое чрезвычайное стремление къ достиженію высочайшаго совершенства въ семъ искусствѣ оказалось въ Аѳинахъ наипаче тогда, когда политическія обстоятельства Греціи угрожали паденіемъ вольности сего Государства. Естественно, что столь важное дѣло возбудило всѣ, какія шокмо были, силы въ сердцахъ ревнителей блага отечества. Наипаче отличились тогда *Димосѳенъ* и *Фокіонъ*, ревностнѣйшіе защитники вольности, первый словами, а послѣдній словами и дѣлами. О первомъ говорятъ, что онъ былъ изящнѣйшій, а о второмъ, что былъ наипонпельнѣйшій Орапоръ. Нельзя взирать безъ удивленія, съ какою неупомимою дѣяпельностію, съ какимъ напряженіемъ духа, съ какимъ жаромъ чувствованія, *Димосѳенъ* спарался попрясти каждую пружину человеческого сердца для поддержанія упадавшей вольности. Можетъ быть никогда человекъ съ такимъ геніемъ и ревностію не защищалъ правъ человечества. Ръчи его

суть превосходнѣйшій памятникъ ума и чувствованій любви къ отечеству.

Въ остаткахъ краснорѣчія того времени царшвуемъ вообще поипъ же вкусъ, каковой и въ прочихъ произведеніяхъ изящныхъ искусствъ того вѣка, то есть мужественная сила разума, видящаго повсюду по, что прямымъ и надежнѣйшимъ путемъ приводитъ къ цели; пренебрегающаго всѣхъ хитросплетеніямъ, мудрованіемъ и обольщающую силу воображенія; а припомъ сердце, чувствующее истинную великость и силу человѣческой природы, никакою мѣлочью не плѣняющееся. Также и поипъ родъ краснорѣчія, которое имѣетъ содержаніемъ спокойнѣйшіе предметы, каковое свойственно философамъ, дѣеписателямъ и нравоучителямъ, блистать во всей красотѣ въ сіе златое время, продолжавшееся отъ Перикла до Фокіона, чему доспапочнымъ служашъ доказательствомъ пворенія *Платона* и *Ксенофонта*. Кажется, что и краснорѣчіе обыкновеннаго обращенія тогда наиболѣе процвѣпало, чему находимъ мы пысячи

примѣровъ въ твореніяхъ *Плутарха*. Слѣдовательно Греки могутъ и по сей часи почесться учителями всѣхъ позднѣйшихъ народовъ.

Съ упадкомъ вольности въ Аѳинахъ пало вмѣстѣ и высокаго рода краснорѣчіе, и преродилось въ пріятное искусство, которое употребляемо было болѣе для препровожденія времени и увеселенія силы воображенія, нежели для разпространенія блага. Даже и въ хорошія времена начали уже разныя секты философовъ вредное имѣть вліяніе на краснорѣчіе. Уваженіе, которое приобрѣли себѣ нѣкошорые философы, возбуждало также и въ пустыхъ головахъ славолубіе защищеніемъ всякаго рода нелѣпыхъ мнѣній. Суемудріе непримѣнно вкралось въ искусство вѣщанія. Не взирали уже болѣе на вѣрныя доказательства истинны, а паче на подложныя и на хитросплетеніяхъ основанныя утвержденія того, что за истинну выдавали. Когда послѣ того народъ лишился своего участія въ правленіи, то пали вмѣстѣ съ тѣмъ и силь-

ныя побудительныя причины къ сему искусству. Оно употребляемо было во зло, чтобы льстить тиранамъ, либо забавлять праздный народъ, не имѣвшій болѣе никакихъ важныхъ дѣлъ. Не было болѣе публичныхъ рѣчей о важныхъ Государственныхъ дѣлахъ, а задаваемы были шаковыя для упражненія въ краснорѣчіи въ училищахъ юношества, которое никакого не имѣло чувствованія вольности и нисколько познанія въ Политикѣ.

Но какъ между тѣмъ оспались еще всѣ приемы ораторскіе, всѣ краски краснорѣчія, произведенныя злымъ временемъ вольности, а не доставало только души, то есть великихъ и важныхъ Государственныхъ дѣлъ, о коихъ бы вѣщать надлежало; то произошло попомъ украшенное, воображенію льстящее краснорѣчіе новыхъ Грековъ, сохранившееся только въ училищахъ Аѳинскихъ, и разпространившееся попомъ опшуда въ Римъ. Порокъ Генія, которой древніе Римляне употребляли на то, чтобы важ-

нѣйшія государственныя дѣла представлять въ настоящей ихъ ясности, чѣмъ цѣлый народъ заставитъ чувствовать, или возбудитъ въ немъ рѣшимость; сей самый порывъ гения употребляемъ былъ попомъ на то, чтобы рѣчамъ вымышленнаго содержанія сообщать украшенность, приятность и доброгласіе. Учители краснорѣчія, кои прежде того обучали молодыхъ Орапоровъ знанію государственнаго управленія и искусству владѣть сердцами, содѣлались Грамматики, и обучали вводить въ рѣчи красивыя выраженія, приятныя карпіны и острые вымыслы. Въ училищахъ ихъ ничего болѣе говорено не было о пользахъ Государства, о искусствѣ правленія; но вмѣсто того о тропахъ и фигурахъ рѣченій. Омиръ не былъ уже болѣе разсматриваемъ, какъ наставникъ полководцевъ и правителей народовъ, но такъ какъ Грамматикъ: въ Иліадѣ прискивали всѣ возможные фигуры рѣчей, и находили иногда опъ осьми до десяти фигуръ въ единомъ рѣченіи. Словомъ ска-

зашь, краснорѣчіе переродилось въ училищахъ Рипоровъ въ пуспословіе, точно такъ, какъ послѣ шого и Философія у Схоласпиковъ. Изрѣдка, и немногіе шокмо вспрѣчались здравомыслящіе умы, прилагавшіе оспатки испиьнаго искусства вѣщанія къ философическимъ предметамъ.

Таковую участь краснорѣчіе имѣло въ такомъ народѣ, который предъ всѣми другими народами съ избыткомъ надѣленъ былъ опъ природы всѣми для искусства потребными дарованіями.

Подобнымъ сему образомъ краснорѣчіе также и въ Римѣ возникло, достигло до совершенной своей зрѣлости, и потомъ паки увяло. Первые Орапоры Римскаго народа не имѣли инаго учителя, кромѣ здраваго и проницательнаго ума, сопровождаемаго усердіемъ къ общему благу. Крапкая рѣчь *Тиверія Гракха*, сохраненная Плупархомъ (*), еспъ превосходнѣйшее произведеніе сильнаго еспе-

(*) Зри Цлупарха о Гракхахъ.

свеннаго краснорѣчія. Римскіе Орашоры долгое время не имѣли инаго наспавника въ семъ искусствѣ, кромѣ природы; но потомъ познакомься съ Греками, переняли опъ нихъ изучать и упопрелять краснорѣчіе такъ какъ искусство. Обучались оному подобно, какъ въ Аѣинахъ, дабы чрезъ шо имѣль вліяніе на опредѣленія Сенапа и народа, или чпобъ давалъ благопріятный оборотъ важнымъ судебнымъ дѣламъ, коихъ рѣшеніе часшо опъ цѣлаго народа зависѣло. Чесшь и сила, копорую въ Римѣ посредствомъ краснорѣчія приобрьшашъ могли, привели сіе искусство въ великое уваженіе. Тогда появлялись Орашоры, кои могли сравнишься съ Перикломъ и Димосѣеномъ. Въ вышшемъ же степени процвѣшало оно пакже и въ Римѣ въ шо время, когда вольность боролась съ угнѣпеніемъ Республики. Какія возвышенныя усилія прилагалъ Аѣинскій Орашоръ для опврашченія упадка Греческой вольности, шѣ же самыя упопрелялъ Цицеронъ, дабы оказалъ Риму пакую же услугу. Падѣ-

ніе вольности произвело въ Римъ почно такое же искаженіе краснорѣчія, какое и въ Греціи, съ тѣмъ только различіемъ, что Римляне, коихъ геній менѣе склоненъ къ суемудрію, никогда не опускались до безконечныхъ мѣлочей Респорики, коими позднѣйшіе Греческіе Риторы занимались.

Съ смертію Цицерона пало и величіе сего искусства; но подобно какъ въ мертвомъ трупѣ теплота еще нѣсколько времени сохраняется, такъ сохранялись нѣкоторыя остатки, какъ бы существованія оной по кончинѣ сего великаго мужа. Хотя полипическое краснорѣчіе въ совершенный пришло упадокъ вмѣстѣ съ вольностію, но судебное удержалось еще долгое время; и вообще въ правленіе Кесарей и нѣкоторыхъ послѣдовавшихъ Императоровъ сохранилась еще часть уваженія, которое въ послѣднія времена Республики къ сему искусству имѣли. Умнѣіе вѣщанъ хорошо почиталось еще нѣсколько времени за дарованіе, которое имѣли самыя неограниченныя

власпишели міра почитали за немаловажное. Но не было уже той великой *побудительной причины*, которая одна токмо краснорѣчію истинную жизнь сообщить можетъ. Также и меньшая побудительная причина, по коей сохранилось судебное краснорѣчіе, болѣе и болѣе ослабѣвала, и наконецъ краснорѣчіе, подобно мертвому пшлу, подпало омерзительному изплѣнію.

Когда въ новѣйшія времена начали паки собирать науки и искусства древнихъ изъ праха оныхъ, то краснорѣчіе было первое обратившее на себя вниманіе. Изъ пепла Греческихъ и Римскихъ Орапоровъ возникло нѣчто такое, что могло бы быть почитено за плодъ древняго искусства въщанія, хотя оно и имѣло токмо слабое и опдаленное оному подобіе. Такое прерожденіе было естественное слѣдствіе почвы не столь плодотворной. Новѣйшіе научились паки уважать краснорѣчіе, но не могли возвысить онаго до того совершенства, въ коемъ оно находилось у древнихъ; потому что

не было болѣе тѣхъ великихъ пружинъ, опъ коихъ сіе искусство приобрѣло силу свою у древнихъ.

Краснорѣчіемъ въ новѣйшія времена можно приобрѣсти честь и уваженіе опъ весьма малаго числа людей своего народа; но силы въ Государствѣ, вліянія на опредѣленія народоправителей и на судьбу цѣлыхъ народовъ едва болѣе опъ онаго ожидать можно. Слѣдовательно даже и такой геній, каковы были Димосеенъ и Цицеронъ, никогда не достигнетъ того величія, коему мы въ сихъ мужахъ удивляемся.

В. Свєргинѣ.

XV.

О критикѣ.

(Переводъ изъ Сульцерава Словаря).

Названіе *критика* прилично собственно только потому, кто сверхъ дарованій и свѣденій *знатока*, имѣетъ также всѣ познанія *искусника*, коему, чтобы быть *пакковымъ*, не достаеишь только навыка въ упражненіи. Подобно *знапоку*, судишь онъ о достоинствѣ произведенія искусства; но сверхъ того знаетъ также и то, какимъ образомъ *искусникъ* достигъ до своей цѣли; онъ вѣдаеишь всѣ средства, коими *твореніе* содѣлывается совершеннымъ, и открываетъ ближайшія причины его несовершенства. Сужденіе его относится не только къ изобрѣтенію, разположенію и дѣйствию *творенія*, но и къ механической части искусства; онъ знаетъ купно *трудности* выполненія.

Сего ради онъ есть истинный судія всему тому, что принадлежитъ къ произведенію искусства, и лучшій совѣтодатель искуснику; между тѣмъ какъ знапокъ поучаетъ только любителя искусствъ. Кто желаетъ съ честью явно ступить на поприще кристика, тотъ долженъ умѣть наставить не только знапока, но и искусника. Когда знапокъ пребудетъ болѣе, нежели сколько отъ искусства ожидать можно, то долженъ онъ ему сказать, почему ожиданіе его не можетъ быть удовлетворено; а когда погрѣшилъ искусникъ, то долженъ онъ ему показать, въ чемъ состоитъ погрѣшность, и какимъ средствомъ, оную исправить можно. Ежели разсудятъ, сколько дарованій и познаній для истиннаго кристика потребно, то удобно поймутъ, что оный долженъ быть столь же рѣдокъ, какъ и хорошій искусникъ.

Правда, что искусства безъ помощи кристика достигли до высокой степени совершенства, однакоже сіе не доказываетъ, чтобъ кристикъ составлялъ излиш-

нее лице въ царствѣ искусствъ. Духъ человѣческой надѣленъ опъ природы безпредѣльнымъ стремленіемъ къ снисканію вышшаго совершенства, и такъ кпо дерзнетъ положить оному предѣлы? Доколь критика видитъ вышшую степень совершенства, дополь никто не можетъ сказать, чпобъ оная презосходила силы искусства.

Не лзя однакоже не признасться, что искусства большею частію тогда наипаче приближались къ своему упадку, когда наиболѣе возраспала критика и число критиковъ. Греческіе стихопворцы, жившіе послѣ Аристотеля, кажется, гораздо уступающъ тѣмъ, кои были прежде сего критика. И спанетъ ли кпо утверждашь, чпобъ Лапинское стихопворство послѣ Горація, или Французское послѣ Боало, большаго достигло совершенства тогда, когда они озарили оное свѣпомъ критики?

Впрочемъ сіе ничего не доказываетъ противъ самой критики. Конечно, изящнѣйшія произведенія искусства могли

быть древнѣе ея, такъ какъ и благороднѣйшія дѣла могли предшествовать философическому познанію нравоченія. Великихъ видѣли полководцевъ и великіе военные подвиги прежде нежели писали о военномъ искусствѣ, и прежде философи были великіе философы. Но сіе доказываетъ шокмо то, что усилія генія зависятъ не отъ теоріи и изслѣдованій, но имѣютъ совсѣмъ особыя побужденія. Когда не доспаетъ у кого генія, то самая нѣйшая крипика замѣнитъ онаго не можетъ; а естли онымъ и одарены, то спановипись онъ дѣятельнымъ не отъ познанія правилъ, но отъ внутреннихъ побужденій произходящихъ отъ какой либо необходимости. Человѣкъ, надѣленный отъ природы всемъ, чтобы быть остроумнымъ и изобрѣтательнымъ, содѣлывается такимъ тогда только, когда какая либо нужда побуждаетъ его собрать всѣ свои силы. Сіе побужденіе произходитъ конечно не отъ крипики. Эсхиль замѣпилъ уже, что не познаніе искусства, а необходимость придаетъ ге-

нію силы. Но потрібно управлять ними, дабы проложити ближайшій путь, ведущій къ цѣли.

Ясно поняті можно, почему великіе крипики могли произойти не прежде, какъ послѣ великихъ искусниковъ, по тому что крипика происходитъ ошъ разсмаприванія произведеній искусства. Но что съ возвышеніемъ крипики упадають искусства, сему должны бытъ случайныя причины. Ибо причина недѣятельности генія не можетъ заключаться въ ясномъ познаніи искусства.

Ложная крипика можетъ конечно весьма бытъ вредна для самыхъ искусствъ, такъ какъ хипросплепенное нравоученіе можетъ имѣть весьма худое вліяніе во нравы. Несравненно лучше, когда люди, имѣющіе хорошую нравспвенность, поступають по своимъ врожденнымъ и неиспорченнымъ чувспвованіямъ, нежели по правиламъ и наспавленіямъ сумудрспвующей нравспвенной науки. Искусники, имѣющіе хорошій природный геній, въ такомъ же находятся отно-

шеніи къ хитросплетенной криптикѣ. Пока криптика извлекаетъ естественныя слѣдствія изъ истинныхъ правилъ безъ принужденія и суемудрія, до тѣхъ поръ будетъ она неминуемо полезна тенію искусника. Но отъ нея можно опасаться, что она въ видѣ своемъ измѣнится, и вредитъ будуще искусству, коль скоро достигнетъ до извѣстной степени цвѣтущаго состоянія и наружнаго блеска. Первые криптики посвящали размышленія свои теоріи искусствъ, потому что природа одарила ихъ особеннымъ теніемъ, способнымъ къ изслѣдованіямъ сего рода. То, что они примѣчали и открывали, имѣло печать основательности, хотя въ началѣ и не составляло довольно общаго и полнаго ученія; когда же криптика посредствомъ такихъ примѣчаній столь обогатилась правилами, что стоило труда собрать ихъ въ систему; то содѣлалась она наукою, которая явственна была даже для посредственныхъ и пустыхъ головъ. Тогда не только мужи съ дарованіями, но и простые любя-

тели безъ дарованій посвящали ей свое время. Сии послѣдніе вообразили себѣ, что можно обучаться оной по тому, что техническія слова, и правила или основанія въ наукѣ принятыя, удобно въ памяти запечатлѣваются. И такъ, что сначала было плодомъ истиннаго генія, по содѣлалось попомъ модною наукою, коей предавались люди безъ всякихъ дарованій и способностей. Каждая пустая голова, объявша оную только въ памяти безъ разума, покушалась обогащать оную своими собственными правилами и новыми словами, въ коихъ геній никакого не имѣлъ участія; и такимъ образомъ крипика содѣлалась наконецъ такимъ пустословіемъ, въ коемъ съ великимъ только трудомъ разобратъ можно было открытія, учиненныя истинными крипиками. Еслили сверхъ того люди безъ врожденной склонности предаются искусствамъ, то мнятъ они, что можно научиться онымъ изъ теорій; и такимъ образомъ и искусство и крипика вмѣстѣ искажаются. Такую участь имѣла у Грековъ Риторика и вмѣстѣ

съ нею краснорѣчіе. Аристотель, писавшій о семъ искусствѣ такъ какъ мужъ съ геніемъ, имѣлъ тысячу послѣдователей безъ дарованій, кои мало по малу теорію искусства превратили почти въ пустое словополкованіе, такъ что наконецъ въ единственномъ словѣ изъ Иліады открывали восемь различныхъ риторическихъ фигуръ, изъ коихъ каждая имѣла свое особое названіе. Были также такія слабыя головы, кои хотѣли учиниться краснорѣчію изъ Риторикъ. Симъ образомъ искусство должно было припсти въ упадокъ опъ критики. Такую участь имѣли какъ изящныя искусства, такъ и науки: логика, метафизика, нравственное ученіе и вообще вся философія. Превосходнѣйшія изобрѣшенія человеческого генія искажаются мало по малу, когда они достигнутъ до того, что внѣшнимъ своимъ блескомъ возбуждаютъ шщеславіе слабыхъ головъ. Сии хотѣли также и съ своей стороны нѣчто къ тому добавитъ; но какъ въ нихъ не доспаешь генія, по дополненіе ихъ

соспоишь въ пустомъ наборѣ словъ и во множествѣ произвольныхъ и суетныхъ положеній, кои выдають они за истинну; и такимъ образомъ все изобрѣшеніе покрывается мракомъ невѣжества. Кому сперва пришло на мысль исправлять дикое дерево пересаживаніемъ онаго въ лучшую почву, хожденіемъ за онымъ и подрѣзываніемъ, пошъ былъ мужъ съ геніемъ, изобрѣшатель садоводства; но кто, чпобъ въ семъ искусствѣ наконецъ также что нибудь новое придумашъ, возъмѣлъ ребяческую мысль обрѣзывать дерево въ видѣ сполба или живошнаго, пошъ имѣешъ покло шу славу, что нанесъ искусству послѣдній смертный ударъ.

И такъ не самой криптикъ, не криптикамъ съ геніемъ, но Софистамъ, составившимъ изъ сей науки ремесло, приписашъ должно то, что изящныя искусства отъ теорій изпорпились. Истиннаго криптика будемъ мы почиташъ какъ поучителя искусниковъ, коимъ совѣшуетъ внимаешъ его гласу. Хотя и кажешся, что иску-

сникъ долженъ быть и лучшей судія искусства; но, когда разсудятъ, сколько выполнение онаго требуетъ времени, размышленія и прилѣжанія; то удобно понять можно, что гений, имѣющій врожденный даръ искусства, (таковымъ долженъ быть криптикъ), но самъ въ ономъ не упражняющійся, во многихъ къ искусству принадлежащихъ предметахъ, гораздо еще далѣе видѣть долженъ, нежели самый искусникъ.

В. Севергинъ.

О Д А

*На изтребленіе враговъ и изгнаніе ихъ
изъ предѣловъ любезнаго отечества.*

Возстань, о Муза вдохновенна,
Ко солнцу очи возведи;
Дѣль громкихъ звукомъ возбужденна
Дерзай — и къ Пинду вновь гряди!
Настрой златыя лиры струны,
Гласи: что Россіе перуны
Врага сразили, стерли въ прахъ;
Скажи Европѣ изумленной,
Что Россъ, побѣдой возвышенный,
Хранишь судьбу въ ея рукахъ!

* * *

Въ насъ силы дужа упадали,
Скорбѣль въспревоженный Парнасъ;
Ужь звуки лирные молчали;
Печалей раздавался гласъ!
Годъ новый — съ нимъ и чувства новы!
Среди снѣговъ — вѣнцы лавровы! —
Свободнѣй бьются въ насъ сердца!
Повѣдай Муза, какъ Россія
Разрушила навѣшны злыя,
Какъ врагъ исчезъ съ ея лица!

Ч а с т ь VI.

17

Я вижу спрашнаго дракона,
 Парящаго въ огнистой мглѣ;
 На немъ желѣзная корона,
 Смершь, ужась носишь на чель;
 Онъ въ чреслахъ шаршаръ весь вмѣщаентъ,
 Ревешъ и пламень изрыгаентъ,
 Крылами воздухъ онъ мрачишь;
 Въ стремленіи неизмѣримомъ
 Клубяся въ искрахъ съ чернымъ дымомъ,
 На Полночь съ Запада паришь.

* * *

Такъ гнѣвомъ, яростью горяцій
 Сынъ адской пшмы, Наполеонъ,
 Идешъ съ десницею грозящей,
 И мнишь Россіи дашъ законъ;
 Въ ея вшоргаешся предѣлы:
 Коварства ядъ и лешши шрѣлы
 Опъ смрадныхъ усшъ его лешашъ;
 Имъ грады, веси раззорились;
 Имъ храмы Божьи осквернились:
 Всѣ бѣдства въ слѣдъ за нимъ спѣшашъ.

* * *

Но что я вижу? — Духъ крылатый
 Лешись на рдяныхъ облакахъ!
 Блеснишь броня и шлемъ пернатый,
 Перунъ и огонь въ его рукахъ;
 Онъ ихъ въ дракона злобы мещешь,
 Кичливый сонмъ его шрепещешь,
 Низверженъ съ горъ, спремглавъ упалъ,
 И въ ярости своей безмърной
 Въ кипящей адской безднѣ сърной
 Добычей люшой смерти спалъ.

* * *

Такъ Богомъ избранный чудесно
 Великій храбрыхъ Россовъ Вождь
 Свершаетъ мщеніе небесно,
 Какъ громъ, какъ вихрь, какъ градъ, какъ дождь,
 Какъ шуча грозна налешаетъ,
 Враговъ разишь и сокрушаешь;
 Першь, косши шолько видны ихъ
 Среди побѣдъ, шрофеевъ дивныхъ; —
 Не шакъ ли злыхъ духовъ прошивныхъ
 Съ небесъ каралъ Архистрашигъ!

* * *

Гдѣжь адски скрылись исполины,
 Мечпавши спашь на верхъ небесъ?
 Гдѣжь мнимые полки орлины,
 Производители чудесъ?
 Какъ мгла исчезли легионы:
 Вдали оспашковъ слышны стоны:
 Какъ прахъ, васъ всѣхъ развѣялъ Россѣ!
 Но гдѣ вашъ вождь, покрышь кровями?
 Какъ робій звѣрь, бѣжишь лѣсами;
 Гдѣ ты, шягчившій всѣхъ, колоссъ?

* * *

Не пылъ возмнилъ себя прославишь
 Подрывомъ всѣхъ Кремлевыхъ стѣнъ!
 На камнѣ камня не оставишь
 Твой злобный духъ былъ устремленъ:
 Подвель подкопы непримѣшны;
 Но чшожь? швои всѣ ковы щещны:
 Ты жегъ Москву — оставилъ смрадъ;
 Но цѣлы древности почшенны:
 Не всѣ тобою сокрушенны,
 Не ты ли новый Герострашъ?

* * *

Кремлевы стѣны знамениты!

Тебѣль, шебѣль ихъ колебашъ?
 Они кровьюи Дворянъ омышы,
 На нихъ священная печашъ
 Блаженства нашего и славы;
 Кровьюи начертанны уставы
 Любви и вѣрности къ Царямъ;
 Москва, какъ фениксъ, обновился,
 Изъ пепла въ блескъ возродился,
 Главу возвысилъ къ облакамъ.

* * *

А ты бѣжишь, о врагъ вселенной!
 Почувствовавшій Россювъ громъ:
 Явись Европѣ удивленной
 Покрытый срамомъ и стыдомъ,
 Явись поруганный съ поскою
 Къ Царямъ, обманушымъ побюю,
 Скажи, каковъ есть Росскій мечъ,
 Скажи, какъ онъ карашъ умѣешь:
 И кпожъ изъ нихъ шеперь посчѣпъ
 Рабовъ къ предѣламъ нашимъ влечь?!

* * *

Царь Россовъ! Царь сердцеъ, полсвѣша!
 ТЫ нашихъ радостей вина :
 Не ТЫ ли мудросшью совѣша
 Прославиль наши знамена!
 Всѣхъ благъ ТЫ красная денница!
 Не явноль Божія десница
 ТЕБѢ победы лавръ дала?
 Не ТЫ ли съ благосшью прощаешь,
 Любовью, милосшю вѣчаешь
 Геройски славныя дѣла?

* * *

ТОБОЙ Европа огражденна,
 Избѣгнешъ козней и коварствъ;
 ТЕБѢ самимъ Творцемъ врученна
 Судьбина и Царей и Царствъ,
 ТЫ укрошишь свирѣпства брани,
 Проспрешъ къ несчастнымъ щедры длани,
 Избавишь спраждущихъ ошъ золь;
 И кто къ ТЕБѢ главу приклонишь,
 Изъ сердца скорьбъ и мракъ изгонишь:
 Тамъ радость, миръ, гдѣ ТВОЙ Престолю.

* * *

Россіи честь, краса Героевъ!
 Мечъ Божій! Вишязь Михайль!
 Надежда, щить Россійскихъ спроевъ!
 Тобой самъ Богъ врага казнилъ!
 Тебъ единому прилично
 Сражашься чудно, необычно,
 Сбирая лавры и зимой,
 Раждая огонь средь льда и хлада;
 Ты Россовъ слава и ограда,
 Ты будешь всѣхъ вѣковъ Герой!

* * *

Велики подвиги конечно
 Спрашишь побѣдами Сшамбуль!
 Намъ незабвенны будушь вѣчно
 Рымникъ, Силистрія, Кагуль!
 Но спасшь Европу, спасшь Россію,
 Попрашь ногою льва и змію,
 Когда къ намъ въ сердце врагъ вошелъ:
 Се подвигъ дивный, несравненный,
 Отъ Бога силъ благословенный,
 Всѣхъ вышшій громкихъ Россовъ дѣлъ!

* * *

А вы, лишённые войною
 Супруговъ, братьевъ и дѣшей!
 Не рвись гореспію злою,
 Отрите слезы оцъ очей;
 Самъ Богъ вамъ будетъ утѣшитель;
 Онъ всѣхъ судебъ единъ Правитель:
 И жизнь и смерть въ Его рукахъ;
 Въ Немъ сирые найдутъ podporу:
 Предстаньте только Царску взору,
 Изчезнутъ въ васъ печаль и страхъ.

* * *

Россія! Богомъ огражденна,
 Предъ Нимъ колѣна преклони:
 Ты Имъ избавленна, спасенна,
 Ты Имъ вкушаешь сладки дни,
 Ты паки шествуешь къ покою,
 Низвержень врагъ Его рукою;
 Не Богъ ли стеръ кичливый рогъ?
 Не Онъ ли слезы отираетъ?
 Не Онъ ли Россю утѣшаетъ?
 Благословенъ Господь нашъ Богъ!

Павелъ Г. Кутузовъ.

Конецъ VI Часши.

П о г р ѣ ш н о с т и .

спран.	стр.	напечатано:	чишай:
12	15	<i>дотойнѣишее</i>	<i>достойнѣишее</i>
—	18	<i>теловѣтскій</i>	<i>теловѣтскій</i>
20	25	<i>ятъ</i>	<i>лѣтъ</i>
25	17	слогомъ	слогомъ
28	22	Жусье	Жулье
36	22	17 1803	17 дня 1803.
93	15	посѣшиселемъ	посѣшиселямъ
94	14	къ	съ
105	21	Яыкъ	языкъ
110	4	aquoe	aquae
116	16	Fr. Gosier	Gosier, Fr.
117	3	avidtias,	aviditas ,
182	14	произходишь	произходишь
151	16	conjuuguntur	conjuguntur
—	17	<i>иги</i>	<i>иги</i>
154	24	pecuialiter	peculialiter
172	20	шчусь	чпусь
225	5	ознаюшъ	познаюшъ
247	11	достигъ	достигаешъ
250	2	накъ	какъ
251	22	правиламъ	правиламъ

СОЧИНЕНІЯ и ПЕРЕВОДЫ,

издаваемые

РОССІЙСКОЮ АКАДЕМІЕЮ.

ЧАСТЬ VII.

(1823)

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Печатано въ типографіи Императорской
Россійской Академіи,

1823.

ОГЛАВЛЕНІЕ

седмой Части.

	Стран.
I. Преложеніе стихирь, воспѣваемыхъ православною церковію въ честь Божіей матери.	1
II. Отрывокъ изъ поэмы: Искусства и Науки.	18
III. Отрывокъ изъ IX пѣсни Иліады: посольство къ Ахиллесу.	23
IV. Виргиліева Энеида, преложенная прозою, съ подспрочнымъ переводомъ подлинника и съ присовокупленіемъ перевода въ стихахъ Г. Петрова .	43
V. Разсужденіе о Качествахъ писателя пошребныхъ	69
VI. О Французской Академіи, или оповѣсть Аббата Мореллепа на сочиненіе Г. Шамфорпа, подъ заглавіемъ: объ Академіяхъ.	90

I.

ПРЕЛОЖЕНІЕ СТИХІРЪ,

ВОСПѢВАЕМЫХЪ ПРАВОСЛАВНОЮ ЦЕРКОВІЮ

ВЪ ЧЕСТЬ БОЖІЕЙ МАТЕРИ.

Часть VII.

1

I.

Твореніе святаго Іоанна Дамаскина.

Всемирную славу отъ чловѣкъ прозябшую, и владыку рождшую, небесную дверь, воспоимъ Марію дѣву, безплотныхъ пѣснь, и вѣрныхъ удобреніе. Сія бо явился небо и храмъ божества; сія прегражденіе вражды разрушивши, миръ введе, и царствіе отверзе. Сію убо имуще вѣры утверженіе, поборника имама изъ нея рождагося Господа. Дерзайте, убо, дерзайте людіе божіи: ибо той побѣдитъ враги, яко всесилень.

II.

Твореніе тогоже.

Прежде сѣнь законная, благодати пришедши, якоже бо купина не стараше

I.

Преложеніе стихами.

Попщимся увѣнчать вѣнцемъ похвалъ
усердныхъ
Вселенной похвалу, возникшую опъ смертныхъ,
Для сущихъ на земли дверь выпреннихъ небесъ,
Душъ вѣрныхъ красоту, верхъ Божіихъ чудесъ,
Марію воспоемъ, машь дѣвственну Владыки,
Которую поюшь бесплодныхъ спройны лики.
Не небо ли она? не храмъ ли Божества?
Она, изгладивъ спудъ словесныхъ ешесшва,
Погибель нанесла всепагубному аду,
Межь неба и земли разрушила преграду,
Межь Бога и людей возобновила миръ,
Рабамъ опшверзла входъ на царскій, брачный
пирь.
Дерзайше, вѣрные! прибѣгнувъ къ сей швер-
дыни,
Дерзайше ратовать на полчища гордыни;
Рожденный изъ Нея, Всесильный, Богъ боговъ,
Поборешъ, побѣдишь неисповыхъ враговъ.

II.

Преложеніе стихами.

Явилась благодать — и съ новаго Сіона
Лучъ истины разгналъ тѣнь вешхаго закона.

*

опаляема, тако дѣва родила еси, и дѣва
 пребыла еси. Вмѣсто столпа огненнаго,
 праведное возсія солнце: вмѣсто Моисеа,
 Хрістось спасеніе душъ нашихъ.

III.

Твореніе тогоже.

Како не дивимся, богумужному рожде-
 ству швоему пречестная; искушенія бо
 мужескаго не пріемши всенепорочная, ро-
 дила еси безъ отца сына плотію: преж-
 де вѣкъ опъ отца рожденнаго безъ ма-
 тере, никакоже преперпѣвшаго измѣне-
 нія, или смѣшенія, или раздѣленія: но
 обою существу свойство цѣло сохран-
 шаго: тѣмже мати дѣво владычице, того

Какъ древле купина, палимая огнемъ,
 Пылала опъ него и не сгарала въ немъ;
 Такъ пламень Божесива понесшая во чревѣ,
 Ты дѣва въ матери, пы машь сіяла въ дѣвѣ.
 Сбылися образы: — пуспыней жишія
 Мы къ сладости спѣшимъ опчизны своея;
 Не къ меду и млеку — но къ славѣ безконечной,
 Намъ свѣшь, не сполпъ огня — но солнце
 правды вѣчной,
 Намъ вождь, не Моисей — свяшый, но смерш-
 ный мужь —
 Но самъ Хриспось Господь, Спасишель на-
 шихъ душъ!

III.

Преложеніе стихами.

Тебя, Всечшимая! мы хвалимъ въ ликѣ дру-
 жномъ,
 Дивимся о швоемъ рожденнѣ богумужномъ,
 Чшо мужа не познавъ исперва до конца
 Ты сына родила во плоши безъ опца,
 Опцемъ безъ машери рожденнаго предвѣчно.
 Величіе свое умаливъ безконечно,
 Онъ въ человѣчесиво вселился божесшвомъ;
 Но каждымъ въ обоихъ всецѣлый сущесшвомъ,
 Не слилъ, не разлучиль, не измѣнилъ ихъ
 свойсшва.
 Ему молись о насъ—да свышній даръ спокойсшва

моли спастися душамъ , православно богородицу исповѣдающихъ тя.

IV.

Твореніе тогоже.

Иже тебе ради богоотець пророкъ Давидъ пѣсенно о тебѣ провозгласи, величія тебѣ сотворшему, предста Царица одесную тебе. Тя бо матерь, ходапаицу живота показа, безъ отца изъ тебе вочеловѣчипися благоволивый богъ: да свой паки обновитъ образъ, исплѣвшій спрасъми, и заблудшее горохищное обрѣтъ овча, на рамо воспріимъ, ко отцу принесетъ, и своему хотѣнію, съ небесными совокупитъ силами, и спасетъ богородице міръ, Хрістось имѣя велію и богатую милость.

Подаспъ мяпущимся въ тяжелой съ зломъ
 борбѣ;
 Да души пѣхъ спасешъ, которые Тебѣ,
 Опъ пламенной любви, хранящи вѣру праву,
 Какъ Бога машери дароприносяшъ славу,
 И хвалящя въ лице пропивникамъ своимъ
 О нихъ къ Ходашаю ходатайшвомъ Твоимъ.

IV.

Преложеніе стихами.

Тебя воспѣлъ Давидъ, богоошець Тобю,
 И богогласною пророчества шрубою
 Тебя провозвѣспилъ родамъ грядущихъ лѣшъ,
 Когда, проразумѣвъ Зиждипелевъ совѣшъ
 Опъ брениа грѣха содѣлашъ правды злапо,
 Провидѣвъ Сильнаго Егоже имя свяпо,
 Кошорый сошворилъ величіе Тебѣ,
 Воззвалъ къ Царю царей, зовущему къ Себѣ
 Въ наслѣдіе небесъ словесну шваръ земную:
 „Предспала предъ Тебя и спала одесную
 Царица, свѣшлая сіяніемъ добротъ!“
 Тобю даршвуя умершимъ намъ живопъ,
 О дѣва! изъ Тебя родился человекомъ
 Живипель всяческихъ, владычествуяй вѣкомъ;
 Да намъ спѣлесень бывъ опъ плоши и коспей,
 Свой образъ обновипъ расплѣнный опъ спра-
 спей;
 И самъ свое овча, заблуждшее опъ спада,
 Чшо съ горніа горы похипилъ шать изъ ада,

V.

Твореніе тогоже.

Въ чермнѣмъ мори, неискусобрач-
 ныя невѣсты образъ написася иногда:
 тамо Моисей, раздѣлишель воды: здѣ же
 Гавріиль, служитель чудесе. Тогда глу-
 бину шествова немокренно Израиль: нынѣ
 же Христа роди безсѣменно дѣва. Море
 по прошествіи Израилевѣ пребысть не-
 проходно: непорочная, по рождествѣ Эм-
 мануилевѣ пребысть неплѣнна. Сый и
 прежде сый, явлейся яко человекъ, боже
 помилуй насъ.

Взыскавъ да принесешь на рамѣ ко Отцу.
 Желаніе свершилъ — и Божію лицу
 Приблизивъ сопричель небеснымъ земнород-
 ныхъ;
 И въ милоспяхъ Его, богашспвомъ прево-
 сходныхъ,
 Спасеніе свое приемя всяка плошь,
 Въ воспоргѣ вопіешъ : великъ Хрісшось,
 Господь!

V.

Преложеніе стихами.

Средь моря чермнаго, премудроспью не-
 бесной
 Зримъ образъ начертанъ невѣспы безне-
 вѣспной:
 Тамъ воды Моисей чудесно раздѣлилъ,
 Здѣсь чуда вящшаго былъ вѣспникъ Гавріиль:
 Тогда торжешспвенно Израиль предъ врагами
 По безднѣ шествовалъ немокрыми ногами,
 И славой возгремѣлъ въ далекія мѣста:
 Днесъ дѣва родила безсѣменно Хріспа,
 За коимъ пошекушъ къ блаженспву всѣ народы.
 Пучина, пушь открьвъ Израилю сквозь воды,
 Споспѣшница ему къ избытію отъ зла,
 Непроходимою какъ прежде пребыла;
 И непорочная родивъ Еммануила,
 Честь матери спяжавъ и дѣвство сохранила.
 О Сый! Ты ради насъ явился человекъ
 Ты паки милуя помилуй насъ навѣкъ.

VI.

Твореніе тогоже.

Кто тебе не ублажитъ пресвятая дѣво; кто ли не воспоешь твоего пречистаго рождества; безлѣтно бо отъ отца возсіявый сынъ едиnorodный: той же отъ тебе чистыя пройде, неизреченно воплощся. Естествомъ богъ сый, и естествомъ бывъ человекъ насъ ради, не во двою лицу раздѣляемый, но во двою естеству, неслышно познаваемый. Того моли чистая, всеблаженная, помиловапися душамъ нашимъ.

VII.

Твореніе тогоже.

Мати убо позналася еси, паче естества богородице, пребыла же еси дѣва,

VI.

Преложеніе стихами.

Кто въры шеплоду въ груди своей пишая
 Тебя не ублажишь, о дѣва всесвяшая?
 И кто не воспоешь, въ воспоргѣ шоржеспва,
 О чудѣ швоего при дѣвспвѣ рождеспва?
 Сынъ истый Вышняго, Опцу единородный,
 Опъ солицаумнаго лучъмысленный, всеплодный,
 Кошорый, самъ собой свѣпящій прежде дней,
 Во шмѣ ничтожеспва возжегъ міры огней,
 Виновникъ бышя и времени и мѣспа,
 Тотъ самый опъ Тебя, о Божія невѣспа!
 Чудесно воплошась, богорожденный плодъ,
 Въ міръ дольний произшелъ спасши словес-
 ныхъ родъ,
 Не лицами сугубъ, но двойспвенъ еспеспвами,
 И Богъ и человѣкъ, необымень словами,
 Высокъ надъ мыслями какъ небо надъ землей!
 Тому, какъ сыну машъ, мошбы швои пролей,
 Блаженспва, числошы, сокровище и слава!
 Да немощъ помянувъ шѣлеснаго состава,
 Ущедришь милоспью душъ нашихъ нищешу,
 И падшихъ вознесешь къ Себѣ на высокошу.

VII.

Преложеніе стихами.

Творцу покорспвуюющъ природы всей законы,
 Восхощешь — и шворипъ, и нѣшь ему препоны;

паче слова и разума: и чудесе рождества твоего, сказати языкъ не можетъ. Преславну бо сущу зачатію чистая, непостиженъ есть образъ рожденія: идѣже бо хоцетъ богъ, побѣждается естества чинъ. Тѣмже тя вси, маперь божію вѣдуще, молимпися прилѣжно, моли спасися душамъ нашимъ.

VIII.

Твореніе тогоже.

Царь небесный за челоуѣколюбіе на земли явися, и съ челоуѣки поживе: отъ дѣвы бо чистыя плоть пріемый, и изъ нея прошедый съ воспріятіемъ, единъ есть сынъ, сугубъ естествомъ, но не впостасію. Тѣмже совершенна того бога, и совершенна челоуѣка воиспинну проповѣдающе, исповѣдуемъ Хріста бога

нашего, егоже моли, мати безневѣстная,
помиловатися душамъ нашимъ.

ІХ.

Твореніе Василія Великаго.

О тебѣ радуется, благодатная, всякая тварь, Ангельскій соборъ, и человѣчскій родъ, освященный храмъ, и раю словесный, дѣвственна похвало, изъ нея же богъ воплотися, и младенецъ бысть, прежде вѣкъ сый богъ нашъ: ложесна бо твоя престолю сотвори, и чрево твое пространнѣе небесъ содѣла. О тебѣ радуется, благодатная, всякая тварь, слава тебѣ.

Х.

Твореніе святаго Іоанна Златоустаго.

Достойно есть, яко во истинну, блажити тя богородицу, присноблаженную и пренепорочную, и матеръ бога

О мать безмужная! о Божія обидельца!
 Предъ нимъ предшашельспивуй о чшиселяхъ
 швоихъ,
 Да благодатию вселяешся и въ нихъ.

IX.

Преложение стихахи.

О благодатная! рай сладости словесный!
 Ликуешь о себѣ мiръ дольний и небесный,
 И Ангеловъ соборъ и смертныхъ племена.
 Ты духомъ всесвятымъ во храмъ освященъ
 Небесъ пространнѣйшій и небесами чшимый,
 Во чревѣ бо швоемъ вмѣспился невмѣспимый;
 Ты въ шѣлѣ и душѣ пронъ Вышняго была,
 Ты дѣвства мудраго примѣрь и похвала,
 Изъ коей воплошась младенцшвовалъ предъ
 вѣчный!
 Прими опъ нашихъ усшъ гласъ радости сер-
 дечный:
 О благодатная! всей швари поржеспво!
 Красуйся славою зря Сына божество. —

X.

Преложение стихали.

О Богородица! мать свышняго Востока!
 О добрая въ женахъ, и чуждая порока!
 Тебя воиспинну — какъ духъ Тобой прорекъ—

нашего, честнѣйшую херувимъ и славнѣйшую безъ сравненія серафимъ, безъ исплѣнїя бога слова рождшую, сущую богородицу, тѣя величаемъ.

Доспоишь ублажашь блаженную вѣкъ.
 Ты славой, чесшю — чеснѣе Херувимовъ,
 И безъ сравненія славнѣе Серафимовъ!
 Ты всѣхъ ближайшая къ величію Творца!
 Къ Тебѣ на высошу вперивъ свои сердца,
 По Богѣ Твоего взыскуемъ мы покрова;
 Ты сущно родила во плоти Бога-Слова.
 И дѣвства соблюла нерушенну печашь.
 Тебя мы въ родъ и родъ приложимъ величашь!

Кн. Сергій Шихматовъ.

II.

О Т Р Ы В О К Ъ

ИЗЪ ПОЭМЫ: ИСКУСТВА И НАУКИ.

*Сотинитель, сказавъ объ изобрѣтеніи компаса,
часовъ, барометра, телескопа и микроскопа :
описавъ военный корабль и воздушный шаръ
Монгольфьера, громоной отводъ и искусство
книгопечатанія, продолжаетъ:*

Нить невозможнаго для смертныхъ: сходишь въ адъ .
Черезъ Океанъ плывушь и въ небеса летишь.
Чего не совершишь ихъ смѣлый умъ и ревность?
Объ Амѳіонѣ намъ рассказываешь древность,
Что звономъ струнъ его творилась чуда :
Каменья двпгались, сходили съ горъ лѣса,
Изъ лебрей дикіе стекались народы,
Принесль на жертву часть бездѣльныхъ свободы,
Жить обществомъ, вкусить покоя и добра :
О тѣнь великая Великаго ПЕТРА!
Къ чему намъ прибѣгаешь къ расказамъ баснословнымъ?
Ты истый Амѳіонъ! водимый чудотворнымъ
Умомъ, ты показалъ въ свой знаменитый вѣкъ,
Что можешь произвестъ единый человекъ.
Какъ странникъ областей Европы посѣщитель,
Законодатель, вождь, творецъ, преобразитель,
Прошрль корабли, законы начерталъ,
Въ болотной пустынь престольный градъ создалъ,
Въ Россіи насадилъ искусства и науки ;
Побѣдъ твоихъ гремать въ попомощьъ позднемъ звуки.
Въ огняхъ, въ моряхъ, во льдахъ, вездѣ Теба найдемъ,

Съ кормиломъ, циркулемъ, вѣсами иль мечемъ.
 Но я вижу Тебя, о ПЕТРЪ! не подь Полтавой,
 Не окруженнаго воинской шумной славой;
 Не одного среди толпы бунтовщиковъ,
 Рѣшимостію ихъ разрушившаго ковъ;
 Не тамъ, гдѣ разныхъ трехъ Ты флотовъ повелитель,
 Съ презубцемъ какъ Нептунъ надъ моремъ былъ вла-
 ститель;

Не тамъ, гдѣ къ золоту Индейскому ключа
 Искаль союзами и силою меча,
 И царство Русское раздвинувши далече,
 Былъ АЛЕКСАНДРОВЫМЪ дружинамъ Ты предшечей...
 Но тамъ, гдѣ не вѣнцовъ, не славы Ты искаль,
 За насажденныя науки пренеталь,
 И за дражайшее Тебѣ вѣнца и жизни,
 За благоденствіе вновь созданной отчизны...
 Подь Прутомъ! въ Твой шатерь со шрепетомъ вхоу:
 Печаль вокругъ, въ Тебѣ я бодрость нахоу;
 Готовъ гонецъ... рука Указъ Сенату пишешь;
 Любовь къ отечеству гдѣ въ каждомъ словѣ дышешь:
 „Безчисленной толпой враговъ Я окруженъ;
 „Кончина славная или безчестный плѣнь
 „Грозятъ Мнѣ съ вѣрными Россійскими полками.
 „Я человекъ... могу быть вынужденъ врагамъ
 „Противный выгодамъ Россіи дашь Указъ...
 „Тогда... отъ кляшвы Я освобождаю васъ!
 „Достойнаго Царя себѣ вы изберише!
 „Вошь воля вамъ Моя послѣдняя! простите!“,
 Сложивъ бумагу ПЕТРЪ, и съ чувствами отца,
 Пославъ въ опасный пушь, поцѣловаль гонца,
 И взоромъ проводиль за станъ съ благословеньемъ.
 И скиптра ль, жизни ли единой приношеньемъ
 Онъ чистую любовь къ отечеству явиль?
 ПЕТРЪ сына своего для насъ не пощадиль!

Куда я пренесенъ крылатыми мечтами?
 Какой я вижу храмъ украшенный орлами

И багрянцею? — Левиаповъ ли соборъ
 Величественно здѣсь священнѣй держишь споръ,
 Иль здѣсь Сенать Царей, отчизна Сципіоновъ?
 Не вижу ль Фабіевъ, Камилловъ и Кашионовъ,
 Мечемъ и доблестями завоевавшихъ свѣтъ?
 Почто ихъ мраченъ взоръ и смущенъ ихъ совѣтъ?
 Почто на лицахъ скорбь, подруга бѣдствій зрима?
 Иль снова Аннибалъ передъ вратами Рима?
 Иль мятежи и брань, гдѣ рѣзалъ брата братья,
 Гдѣ сынъ губилъ отца, республикѣ грозилъ?
 Нѣтъ! Русскій зрю Сенать, Россійскихъ Иерарховъ!
 О дѣло страшное! судить своихъ Монарховъ,
 И сына Царскаго передъ отцемъ вины,
 По волю грознаго ПЕТРА здѣсь созваны.
 Воспитанъ слабостью и воздоенъ коварствомъ,
 Наслѣдникъ царства смаль преступникъ передъ Царствомъ:
 Героевъ славныхъ вѣтъ — Царевичъ Алексѣй,
 Чуждъ бившъ, наукъ, искусствъ отъ самыхъ раннихъ дней;
 Чуждъ всѣхъ Родителя великихъ начинаній;
 Безъ нужныхъ для Владыкъ душевныхъ дарованій,
 Безъ честолюбія искалъ себя вѣнца,
 И другъ матежниковъ возсталъ противъ отца.
 Лъзя-ль быть? . . . сей юноша съ раскаленнымъ во взоръ —
 Преступникъ, уличенъ въ ужасномъ заговорѣ!
 Онъ! . . . воспитаніе отъ колыбельныхъ лѣтъ,
 Какъ на воску, печать на сердцѣ намъ кладешь.
 Пусть времени рукой сія печать сотрется;
 Но прежнее клеймо все виднымъ остается.
 И робкій сынъ ПЕТРА, другъ нѣги, суевѣръ,
 Сего ужасный даль и новый намъ примѣръ. —
 Онъ позванъ передъ судъ — и горестный Родитель, —
 Отбросивъ скиптръ предсталъ какъ сына обвинитель.
 Что стоило ему стонъ сердца заглушить,
 И состраданіе, и горечь подавить?
 Но добродѣтели въ семь мѣръ нужны жертвы!
 Безъ испытаній мы уже до смерти мертвы!

И кто, кромѣ ПЕТРА, возмогъ, посмѣлъ бы дать
Примѣръ отечество сынамъ предпочитавъ,
Когда и добрый Титъ и мудрый Маркъ-Аврелій
Сего примѣра дать Монархамъ не посмѣли?
Необычайная потребна здѣсь душа!

ПЕТРЪ слезы поглотивъ и вопли задуша,
Вѣщаль: Синодъ! Сенатъ! Я требую не лести:
„Въ душѣ родителей нѣтъ къ дѣтамъ злобной мести;
„Но требую — и судъ вамъ должно произнести
„На лица не смотря; но помни долгъ и честь!
„Рѣшите здѣсь Царя-родителя судьбину:
„Отчизнѣ ль сыномъ Я, или отчизной сыну
„Обязанъ жертвовать? съ одной страны отецъ,
„Несчастный Царскій сынъ и доброта сердце;
„Съ другой, отечество вамъ говоришь и вѣра:
„Богъ свыше зреть на насъ, потомство ждетъ примѣра!“

И хартія ему Сенатомъ вручена,

Гдѣ смерть Царевичу слезами скрѣплена.
Исполненъ правды долгъ; но вздохъ и унылость
На осужденнаго зовутъ Цареву милость.
И Θεофанъ душой растерзанный взрекъ:
„Царь! отказавшійся отъ міра человекъ
„Состраждетъ и миритъ, но осуждать не смѣетъ;
„Царево сердце богъ въ рукъ своей имѣетъ!
„Давыдъ вождю полковъ своихъ вѣщаль: „иди!
„Смири мятежника, но сына пощади!,
„Блудящу богъ простилъ, Ты будь подобенъ богу!
„Услышь раскаянье, открой къ душѣ дорогу
„Мольбамъ, слезамъ къ тебѣ радѣющихъ сердце,
„Прости виновнаго Ты сына, будь отецъ! . . .“
Отецъ отечества!—ПЕТРЪ прервалъ съ гнѣвнымъ взоромъ.

Ужасныя слова! вы были приговоромъ
Царевичу—и ПЕТРЪ не смѣлъ его простить:
Онъ препесталъ ему Россію поручить.

О ты, который былъ здѣсь больше всѣхъ несчастенъ,
Сыновнихъ бѣдъ и бѣдъ отечества причасенъ,

ПЕТРЪ! если строгимъ кто назвать тебя дерзнетъ:
Указъ Сенату твой подъ Прутомъ дастъ ошвъшь!
И казнь Царевичу скрѣпившій Долгорукой
За правосудіе свое въкамъ порукой.

А. Воейковъ.

III.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ IX ПѢСНИ ИЛІАДЫ.

ПОСОЛЬСТВО КЪ АХИЛЛЕСУ.

Греки, во время бездѣйствія Ахиллеса, оскорбленнаго Агамелнономъ, отражены отъ Трои, и стѣсненные Троянами въ самолѣбъ станѣ своемъ, предаются цыннiю.—Несторъ предлагаетъ Априду собрать Совѣтъ Старѣйшинъ.

89. Царь Апридъ многочисленныхъ ввелъ старѣйшинъ
Ахейскихъ

Въ царскій шатеръ, и за пиръ посадилъ ихъ,
сердцу прiятный;

Къ сладкимъ, предложеннымъ яствамъ старѣйшинамъ
руки простерла;

И когда пшiемъ и пищею гладъ ушоллиа,

Старець первый межъ нихъ слагашъ размышленiя
началъ —

Несторъ, кошорой и прежде блистала превосход-
ствомъ совѣшовъ;

Онъ, благомысленный, имъ говорить и совѣшовашъ
началъ :

„Славою свѣшлый Апридъ, повелитель мужей
Агамемнонъ!

„Слово начну я съ тебл и окончу тобой : перво-
властный

„Ты надъ Ахейи царь, тебѣ вручилъ Олимпiецъ

- „Скляптръ и законъ, да судъ и совѣшь сотворишь
ты народу.
- „Болѣе всѣхъ ты обязанъ и сказывашь думу и слушаешь,
- „Мысль совершашь и другаго, естли вдохнешь кому
сердце
- „Добрый совѣшь; но во власти твоей исполненіе
будешь.
- „Нынѣ—я вамъ повѣдаю, что мнѣ сдастся полезнымъ;
- „Думы другой, превосходяще сей, никто не примыслишь;
- „Дума сія у меня на душѣ и шеперь, и издавна,
„Съ онаго дня, какъ ты, о божественный, бризову
дочь
- „Гнѣвный у вѣстязя гнѣвнаго силой исторгнулъ изъ
сны,
- „Противъ согласія нашего; сколько тебя, Агамемнонь,
„Я ошговаривалъ; но, увлекаясь духомъ высокимъ,
„Мужа, храбрѣйшаго въ раши, котораго боги почтили,
„Ты не почтилъ и награды лишилъ. Но хошь нынѣ,
могучій,
- „Вмѣстѣ помыслимъ, какъ мы его умалимъ и преклонимъ
- „Жертвой пріятныхъ даровъ и крошкою, ласковой
рѣчью.
- Спарцу отвѣтствовалъ царь, повелишель мужей
Агамемнонь :
- „Спарецъ почтенный! ты правъ, ты исчислялъ мои погрѣшенія;
- „Такъ, погрѣшилъ; отрицать не могу я. Воинствамъ цѣлымъ
- „Равенъ одинъ человекъ, котораго Кронидъ возлюбилъ;
- „Такъ онъ сего превознесъ, и увидялъ народы Эллады!
- „Я погрѣшилъ, о друзья! безрасуднаго сердца послушавъ,

„Якъ и загладишь хочу и воздашь многоцѣнною издою.
 „Здѣсь, передь вами—дары знаменитыя всѣ я истислю:

*Агамемнонъ даритъ Ахиллесу многое города
 въ Греціи, разныя драгоценности, коней, плѣн-
 ницъ, отдаетъ назадъ отнятую Бризеиду, и
 предлагаетъ елицу въ супружество одну изъ до-
 терей своихъ, какую самъ избретъ онъ. Исти-
 сливъ подобно всѣ сии дары, Агамемнонъ про-
 должаетъ:*

157. „Такъ я намѣренъ воздашь—ему отвергшему злобу.
 „Пусть усмирится; Аидъ несмиримъ и немло-
 стивъ сердцемъ;
 „Вошь ошь чего и людямъ ненавистнѣе всѣхъ онъ
 безсмертныхъ.
 „Пусть мнѣ уступитъ, онъ долженъ: я и могуще-
 ствомъ выше,
 „Я и лѣтами старѣе—быть передь онымъ горжуся.
 Рекъ; и Априду ошвѣстивоваль Несторъ кон-
 никъ Геренскій:
 „Славою свѣшлый Апридъ, повелитель мужей Ага-
 мемнонъ!
 „Нѣтъ, не презрѣнные ты предлагаешь дары Ахиллесу.
 „Но поспѣшайше, отправимъ пословъ; да не праша
 мгновенья
 „Шествуютъ мужи избранные къ сѣнямъ царя Ахил-
 леса.
 „Или позвольте, ихъ я избираю; они согласятся:
 „Фениксъ, любимецъ боговъ, да идешь предводише-
 лемъ оныхъ;
 „Сынъ Теламоновъ посломъ и царь Одиссей благо-
 родный;
 „Оба жъ вѣсшника ихъ, Эврибашъ и Годій, да про-
 водашь.

„На руки дайте воды, сотворите святое молчанье;
 „Въ сердцѣ помолимся Зевсу, да насъ онъ поми-
 луешъ свальный!

Такъ говорилъ, и для всѣхъ пріятное слово из-
 молвлялъ.

Вѣстники скоро владыкамъ на руки возлали воду;
 Юноши чернымъ виномъ наполнили до верху чаши,
 Съ правой страны понесли и кубками всѣмъ раздѣляли.
 Въ жерству возавши богамъ, и испивъ до желанія
 сердца,

Выйши послы поспѣшали изъ сѣни Атрида владыки.
 Много еще наставлялъ ихъ Несторъ; даже очами
 Къ каждому онъ помавалъ, но особенно къ сыну Лаерта,
 Всебъ испытали они, чтобъ склонить Пелеіона героя.

Такъ пошла посланные берегомъ шумнаго моря,
 Въ сердцѣ обѣты пвора, да водой опоясавшіи землю
 Дашъ имъ успѣшно склонить возвышенный духъ
 Эакіда.

Скоро достигнувъ они къ кораблямъ и шатрамъ
 Мпрядонскимъ,

Видашъ его—веселящаго сердце звонкою лирой,
 Пышной, отдѣланной чудно—армомъ изъ сребра
 повершенной.

Выбралъ ее изъ добычи онъ разрушивши градъ
 Этіона;

Лирой онъ духъ утѣшалъ, воспѣвая славу героевъ.
 Противъ Менестіевъ сынъ одинъ восхвалялъ, и без-
 молвный

Слушалъ героя Пелида, пока не окончитъ онъ пѣсни.
 Тою порою приближась посламъ, (Одиссей предводилъ
 ихъ:)

Стали противъ его; Эакідъ изумленный воспринялъ
 Съ лирой въ рукахъ, и стремительно бросилъ мѣ-
 сто покоя;

Такъ и Менестіевъ сынъ, пришедшихъ увидя, поднялся.—

За руки дружно ихъ взялъ, и воскликнулъ Пелидъ
благородный :

„Здравствуйте мужи ! друзья вы пришли : безъ
сомнѣнія нужда ;

„Но, не взирая на гнѣвъ мой, вы болѣе всѣхъ мнѣ
любезны !

Такъ говоря, подъ сѣнь ихъ подводитъ Пелидъ
благородный ;

Тамъ онъ на креслахъ друзей, на коврахъ пурпуро-
выхъ сажаетъ ,

И обращаясь, говоритъ къ находящемуся близко Па-
троклу :

„Чашу большую теперь предложи, благородный
Менешидъ !

„Цѣльнаго намъ разтвори и на трапезу каждому кубокъ :

„Люди любезные сердцу собрались подъ кущей моею !

Такъ говорилъ ; и Патроклъ послушалъ любез-
наго друга.

Самъ онъ широкой лотокъ положилъ у свѣта огня ;

Спинны на ономъ простеръ п овцы и козы упучивълой,

Также хребетъ кабана откормленнаго , шумомъ
блестящій.

Ихъ Автомедонъ держалъ, разсѣкалъ Ахиллесъ бла-
городный ,

Въ мѣлкіе рѣзалъ куски и вонзалъ на долгиа спицы.

Пылкій огонь между шѣмъ разводилъ Патроклъ бо-
говидный ;

Чуть же огонь ослабѣлъ и рданое пламя увяло,

Углемъ разгребши Пелидъ, простираетъ надъ оными
спицы ,

Солью священнои кропишь и крупишь на подпоръ
подымая.

Такъ ихъ пропекши кругомъ, на поваренный столъ
сотрясаетъ.

Смыль же Менешиевъ хлѣбъ въ красивыхъ корзинахъ
разставилъ

Вкругъ по столу ; но яствы сидящимъ Пелидъ
 благородный
 Самъ раздѣлялъ, и за столъ, у стѣны, сопрошиву
 лежащей,
 Сьль къ Одиссею лицемъ; а жертвовашъ жителемъ
 неба
 Другу Патроклу вельль, и въ огонь онъ бросилъ
 начашки.
 Къ сладкимъ, предложеннымъ яствамъ вишазя руки
 простерла ;
 И когда питіемъ и пищею гладъ утоляли ,
 Фениксу маніе подалъ Аяксъ: Одиссей то пости-
 гнулъ,
 Кубокъ наполнялъ виномъ и прѣвѣстивовалъ шакъ
 имъ Пелида :
 „Здравствуй Пелидъ! на пирахъ намъ дружескихъ
 нѣтъ недостатка
 „Сколько подъ царскимъ шатромъ, у Априда вла-
 дыки народовъ
 „Столько и здѣсь; изобильно всего, веселящаго сердце
 „Въ пирѣ швоемъ; но теперъ не пиры намъ весе-
 лые въ думахъ!
 „Грозную Грескамъ бѣду предъ очами, божественный,
 видя,
 „Въ прѣпешъ мы, въ неизвѣстности, въ ночь за-
 щипимъ иль погубимъ
 „Быстрыя наши суда, коль ты не одѣнешся въ
 крѣпость!
 „Подлъ судовъ, подъ стѣной уже нашею спавъ по-
 ложилъ
 „Гордые рати Троянъ, и ихъ дальнотемные други;
 „Тмы распалили по стану огней, угрожаютъ, что боль
 „Мы ихъ не спиемъ; что въ суда мореходныя бро-
 сима къ бѣгству.
 „Самъ имъ Зевесъ, благовѣстныя знаменья въ правѣ
 являя,

- „Молніей блещешь! и Гекторъ, ужасною силой над-
мѣнный,
„Звѣрствуешь люшый, на Зевса надежный; всѣхъ
презираешь
„Смертныхъ и даже боговъ! ужаснымъ онъ бѣшен-
ствомъ дышешь!
- „Молился, толькобъ скорѣй появилась денница святая:
„Хвалятся, нашихъ судовъ отсѣчь верхи кормовые;
„Гибельнымъ пламенемъ сжечь и суда, и сыновъ насъ
Ахейскихъ
„Всѣхъ избить при судахъ, удушаемыхъ дымомъ
пожарнымъ!
- „Страшно, герой, шрепещу я, да люшыхъ угрозъ Или-
онца
„Боги ему не свершатъ, а намъ судьба да не судишь
„Въ Троѣ уже погибашъ, далеко отъ Эллады любезной!
„Вишазь, возстань! и когда шы желаешь, хоть поз-
дно, но можешь
„Грековъ сѣйсненную рашъ изъ-подъ толпищъ Пер-
гамскихъ избавишь.
- „Послѣ, я знаю, засѣтуешь самъ ты; но нѣшь уж
средства
„Зло допустивъ, исправленье найши; упреди его,
вишазь!
- „Ранѣ размысли, намъ день угрожающій какъ шы
ошклонишь.
- „Другъ! не тебѣ ли ошець, Пелей заповѣдывалъ
сшарець,
„Въ день, какъ изъ Фѣтїи шебя посылалъ въ опол-
ченье Ашрида?
- „Доблесть мой сынъ даровать и Авѣна и смѣлая Гера
„Могуть, когда восшоплать; но свое ты высокое сердце
„Въ лылкой груди укрошай; несравненно любезнѣе
кротость.
- „Раслри злорадной бѣги, виновницы бѣды, да Ахейцы
„Болѣ и болѣ тебѣ, и младые и старцы возлюбятъ.

- „Вотъ наставленья отца; забываешь ты ихъ; но
хоть нынѣ
„Гнѣвъ усмири ты гложущій сердце. Тебѣ Ага-
мёмнонъ
„Славные выдасть дары, укротившему гнѣвную душу.
„Хочешь ли, слушай меня, и я предъ тобою изчислю,
„Сколько даровъ для тебя обѣщала Агамёмнонъ подъ
сѣнью :

Одиссей повторяетъ изчисленіе даровъ.

299. „Такъ наградишь онъ тебя, укротившаго гнѣвное
сердце.
„Естьлижъ и горше тебѣ ненавистенъ Аспридъ
Агамёмнонъ,
„Онъ и дары его всё: пожалѣй о другихъ ты Ахейцахъ;
„Въ станѣ тѣсняшь ихъ враги; тебя какъ спаси-
теля бога
„Раши почтуть; среди ихъ ты покроешься вѣчною
славой :
„Гектора нынѣ сразишь! до тебя онъ въ гибель-
номъ буйствѣ,
„Близко дойдешь до тебя; никого ему, мыслятъ
онъ гордый,
„Равнаго нѣтъ никого, изъ Аргосцевъ, приве-
сшихся понтомъ.
Рекъ; и ему отвѣчать такъ началъ Пелидъ бы-
спроногій:
„Сынъ благородный Лаэртовъ, царь Одиссей хи-
про-умный! .
„Должно мнѣ думы мои произнести откровенно предъ
вами,
„Какъ я и мыслю, и какъ совершу; чтобы жалобы
ваши
„Вы перестали жужжать мнѣ, одинъ за другимъ
пристуная :

- „Я ненавижу того, какъ врага ненавистнаго ада,
 „Кто на душѣ сокрываетъ одно, а другое вѣщаетъ.
 „И вамъ скажу, о чемъ я и думалъ, на что и рѣ-
 шился.
- „Нѣтъ, ни Апридъ Агамемнонъ, ни все ополченіе
 Грековъ
 „Сердца во мнѣ не смягчатъ. И какая тому благо-
 дарность,
 „Кто непрерывно, безустально бьется на битвахъ
 съ врагами?
 „Равная въ ратни сей часть—нерадывцу и рылому
 въ битвѣ;
 „Такъ и единая честь воздается и робкимъ и
 храбрымъ;
 „Все здѣсь равно, умираетъ бездѣльный пль слав-
 ный дѣлами!
 „Что мнѣ наградою было за то, что понесъ я на
 сердце,
 „Душу всеневно мою подвергая ужасамъ браннымъ?
 „Словно пшца дѣлямъ, безперымъ ппенцамъ своимъ
 корму
 „Ищеть и носишь во рпу, в что горько самой
 ей, не помнишь;
 „Такъ я въ Троадѣ—сколько провелъ и ночей безсон-
 ныхъ,
 „Сколько и дней кровавыхъ въ борьбахъ совершилъ
 смертоносныхъ
 „Съ сплой борясь мужей, и шокмо за женъ лишь
 Апридовъ!
 „Моремъ двенадцать градовъ разорилъ у племень я
 враждебныхъ
 „Сушей одиннадцать взялъ на Троянской землѣ
 многохолмной;
 „Въ каждомъ изъ сихъ я градовъ и богатствъ и
 славныхъ корыстей

- „Множество бралъ; и въ ставъ приноса властелину
Атриду
- „Всѣ отдавалъ; а онъ, позади, при судахъ осмиваясь
- „Ихъ принималъ, и удерживалъ все, выдѣлялъ же
лишь нѣчто;
- „Нѣсколько выдалъ изъ нихъ, какъ награды царямъ
и героямъ:
- „Всѣ тѣ награды при нихъ; у меня жъ одного изъ
Данаевъ
- „Отнялъ; и властвуя милой женой, наслаждается ею
- „Царь сладострастный! За что же съ Троянами бить-
ся Ахеямъ?
- „Раши за чѣмъ собиралъ и за что ихъ навелъ на
Пріама
- „Самъ сей Атридъ? не ради ль одной льпокудрой
Елены?
- „Или супругъ своихъ любящъ отъ всѣхъ созданій
словесныхъ
- „Только Атрея сыны? добродѣтельный мужъ и ра-
зумный
- „Каждый свою и хранишь и любящъ, какъ я бри-
зенду:
- „Я бризенду любялъ, не смотря, что коньскъ ес
добыль! —
- „Вырвавъ награду изъ рукъ, и меня обманувъ, вѣро-
ломный,
- „Пусть не прельщаетъ; уже онъ извѣстенъ, меня
не уловить!
- „Пусть онъ съ шобой Одиссей, и съ другими Ца-
рами Ахеямъ
- „Думаешь, какъ отъ судовъ отвратишь вамъ вра-
жескій пламень.
- „Истинно многое онъ и одинъ, безъ меня уже сдѣлалъ:
- „Сѣну для васъ взгромоздилъ, и ровъ передъ оною
вырылъ

- „Страшно глубокой, широкой и острой спицы уставилъ!
 „Но не можешь и смѣть онъ Гектора мужеубійцы
 „Силъ удержашъ. Пока межъ Аргивцами я подвизался,
 „Биться далеко отъ стѣнъ не дерзалъ виновственный
 Гекторъ:
 „Къ Скейскимъ вратамъ лишь и дубу дохаживалъ;
 тамъ онъ однажды
 „Смѣлъ мнѣ предстать, но едва избѣжалъ моего на-
 паденья.
 „Больше я не хочу съ божественнымъ Гекторомъ
 биться;
 „Завтра, Зевсу воздавъ и другимъ небожителямъ
 жертвы,
 „Я нагружаю суда и спускаю на черныя волны.
 „Завтра, если ты хочешь, и если что нужнымъ по-
 ставишь,
 „Узришь, какъ будушь съ зарей по пшашелю рыбъ
 Геллеспонту
 „Мчаться мои корабли подъ дружинами—жадными
 гребли.
 „Если поспѣшное плаванье дашъ мнѣ Поссеѣдою
 могучій,
 „Въ прешій конечно я день холмистой Фтии достигну.
 „Много тамъ есть у меня, что оставилъ, сюда я
 влачуся;
 „Много везу и отсель: золота, мѣди багряной,
 „Плѣнницъ красно опоясанныхъ, груды жельза съдаго,
 „Все, что жребій мнѣ далъ; но награду, что онъ
 даровалъ мнѣ,
 „Самъ безчестно и отнялъ гордый Атридъ Агаме-
 мнонъ!
 „Все, что я вамъ говорю, объявите ему, и предъ всѣми;
 „Пусть и другіе, какъ я, на него взнегодуютъ Ахейцы,
 „Если изъ оныхъ кого, обманушь еще уповаешь
 „Царь, облеченный безстыдствомъ! но что до меня,
 я надѣюсь,
 „Какъ человекъ сей ни наглъ, но смотришь мнѣ
 въ лице не посмѣешь!—
 „Съ нимъ не хочу я возвѣкъ сообщаться ни сло-
 вомъ ни дѣломъ!

- „Разъ онъ меня обмануль, оскорбляль; но вторично,
коварный
- „Словомъ своимъ не обманеть; довольно съ него;
и спокойный
- „Пусть пещезаетъ! лишилъ его разума Зевсъ правосудный. —
- „Гнусны его мнѣ дары, и въ ничто самого я вмѣняю!
- „Нѣтъ! и въ десять мнѣ крашъ, или въ двадцать
давай онъ сокровищъ
- „Сколько имѣешь теперь, и если снова добудешь
- „Сколько наносишься ихъ—въ Орхомѣнь, или въ Опы
Эгиптянь,
- „Въ градъ, по обихеламъ коего страшныя скрышны
богатства,
- „Въ градъ сей пространный, въ которомъ сто вращъ,
и изъ каждыхъ по двѣсть
- „Бранныхъ съ конями мужей, колесничниковъ бы-
стрыхъ исходящъ:
- „Или, давай онъ мнѣ столько, сколько песку здѣсь
и праху,
- „Сердца и симъ моего не подвигнешъ царь Агамѣмонъ,
- „Прежде чѣмъ всей не изгладитъ мучительной сердцу
обиды!
- „Дщери женой не возьму отъ руки Агреева сына.
- „Если красую она со златой Афродитой спорить,
- „Если искусствомъ перстовъ свѣшлоокой Лэи
подобна,
- „Дщери его не возьму!—Изъ Данаевъ другаго да ищеть
- „Кто и ему сообразный и царственной властію выше.
- „Еслили богами хранимъ, возвращусь я къ ошчему
дому,
- „Тамъ супругу цвѣтущую самъ мнѣ родитель по-
молвитъ.
- „Много Ахейнокъ естъ и въ Эладѣ и въ счастливой
Фтіи
- „Дщерей Ахейскихъ вельможъ, градовъ и земель вла-
стеланновъ.
- „Тамъ, вождельниную мнѣ, назову я супругою милой.
- „Тамъ безпредѣльно мое благородное сердце алкаеть

- „Брачный союз соверша, съ достойною, вѣрной супругой
 „Въ жизнь насладишься спяжаній, старцемъ Пелеемъ
 спяжанныхъ.
 „Съ жизнью, по мнѣ, не сравнишь ничто; ни богатства, какими
 „Градъ, говорятъ, сей обилуешь, сей Иліонъ вельпимый
 „Въ прежніе мирные дни, до нашествія рати Ахейской;
 „Ни сокровища оныя, сколько подъ каменнымъ сводомъ
 „Храмъ Аполлона стрѣльца заключаешь въ Писеобъ скалпстомъ.
 „Можно все здѣсь добыть и воловъ и овецъ серебряныхъ;
 „Можно спяжать и прекрасныхъ коней и златые сосуды;
 „Душу жъ назадъ возвратить, не возможно; душа не спяжанье:
 „Вновь не уловишь ее, какъ однажды изъ усть улетѣла. —
 „Мать среброногая мнѣ возвѣстила богиня Ѳетида:
 „Жребій двоякій меня ведетъ къ гробовому предѣлу:
 „Если останусь я здѣсь, подъ градомъ Троянскимъ сражаться;
 „Нилъ возвращенія мнѣ, но слава моя—безсмертна.
 „Еслижъ я въ домъ возвращусь, въ любезную землю родную,
 „Слава погибнетъ моя, но будешь мой вѣкъ долготѣнъ,
 „И меня не безгодно смерть роковая постигнетъ.
 „Я и другимъ вождямъ совѣтовать тоже намѣренъ:
 „Въ дома оплыть; никогда вы Данай, конца не найдете
 „Трой высокою: обитель Пріамову Зевсъ громовержецъ
 „Дланью своею покрывъ, и возвысились дерзостью рати. —
 „Шествовать можете вы, и Ахейскихъ народовъ владыкамъ
 „Мой непременно отвѣсть, какъ посланниковъ долгъ, объявите:

„Въ думахъ другое бѣ онъ придумалъ лучшее средство,
 „Какъ защититъ и суда и стѣсненные рати Ахеянъ
 „Возль широкихъ судовъ; а способъ, замысленный нынѣ,
 „Будеть для нихъ безуспѣшенъ: въ гнѣвъ я твердь
 остаюся. —

„Фениксъ назадъ не поидеть, у насъ успокоится
 старецъ;

„Завтражъ, но если захочешь, его принуждашь я
 не буду,

„Видѣть со мной на судахъ ошкываешь къ любез-
 ной ошчизнѣ.

Онъ замолчалъ; и всѣ безошвѣтные долго молчали,
 Рѣчью его пораженные; шакъ онъ сурово отринувъ.
 Но межъ нихъ наконецъ, пробившіяся слезы роняя,
 Фениксъ воскликнулъ съдой: трепеталъ о судахъ
 онъ Ахеянъ.

„Если уже возвратишься въ сердцѣ, Пеландъ бла-
 городской!

„Ты положалъ, и ошъ быстрыхъ судовъ совершен-
 но ошрекся

„Пламень ошвестъ истребительный, — гнѣвъ зачалъ
 тебѣ въ душу:

„Какъ, о возлюбленный сынъ, безъ тебя одинъ я
 останусь?

„Видѣть съ тобою меня послалъ престарѣлой ошещъ
 швой,

„Въ день какъ чизъ Фшн тебѣ ошпустилъ въ ошоч-
 ченье Ашрида.

„Юный, шм не былъ искусенъ въ войнѣ, человеѣче-
 ству шажкой;

„Въ сонмахъ совѣшныхъ не ошпышенъ, гдѣ прослав-
 ляются мужи.

„Съ шѣмъ онъ меня я послалъ, да тебѣ я во всемъ
 бы наставилъ:

„Рѣчью Вишн бѣ шм былъ, а дѣлами дѣлецъ пре-
 восходный.

„Нѣшъ, возлюбленный сынъ, не могу я разшашься
 съ тобою;

„Даже, когда бы въ сей мигъ общался богъ всемо-
 гушнй

„Старость совлекии съ меня, возвращашь мнѣ цвѣ-
тущую младость!

„Альша, въ какихъ я оставляю Эладу, обихель
красавицъ ;

475. „И во Фшію пришель, овецъ холишиую матерь,
„Прямо къ Пелею царю. Меня онъ радушно принявши,
„Такъ возлюбилъ, какъ любишь овецъ единого сына,
„Поздно рожденного старцу, насладивка благъ имъ
сщажаннмъхъ.
„Онъ м богатымъ меня и народовъ властителемъ
сдѣлааъ ;
„Жилъ на предѣлахъ я Фшіи, могучій Дололицъ
владыка.
„Тамъ я такого тебя воспиталъ, небожителемъ равный!
„Нужно тебя я любилъ; никогда не хошѣлъ ты съ
другимъ
„Выйши на пиръ; никогда ничего не вкушалъ ты
п дома
„Прежде, поколь тебя не возьму я къ себѣ на колѣна,
„Пищи разрѣзавъ не дамъ, и пища предъ тобой не
поставляю;
„Сколько ты разъ, Эакидъ, орошалъ мнѣ одежду на
персяхъ
„Брызга устамъ вино, во время неловкаго дѣтства.
„Много забота для тебя и много трудовъ перенесъ я,
„Думаю такъ, что какъ боги уже не судили мнѣ сына,
„Сыномъ будешь мнѣ ты, о Пелидъ, богамъ подобный!
„Ты, помышляаъ я, меня защитишь отъ суровой годины.
„Сынъ мой, смири ты возвышенный духъ. И ви-
шазъ ли долженъ
„Сердцемъ не милосливъ быть; умолимъ и самие
боги,
„Столько превышше насъ и величьемъ и силой и
славой!
„Но и боговъ — совершеніемъ херитъ и обшповъ
смиранныхъ,
„Видъ возліаньемъ и дымомъ куремій — гнѣвнымъ смяг-
чаещъ

- „Смертный усердно молящій, когда согрѣшишь
передъ ними.
- „Такъ, Молимымъ смиренныя—дщери великаго Зевса;
„Съ блѣднымъ, морщиннымъ лицемъ, съ пошуплен-
нымъ взоромъ, хромисъ
- „Въ слѣдъ за Обидой онъ—вездѣ, забѣтные, ходишь.
- „Но Обида славна и ногами крѣпка; передъ ними
- „Бисстро вѣсится она, и жо всей нхъ земля упрѣдая,
- „Смертнмъ азвннть; а онънохода, нсцѣляющъазвннмъ.
- „Кто крннмаетъ почтнтельно дщереі, къ Зевсу
доступныхъ,
- „Много тому помогающъ и скоро молящемусъ ввек-
люшъ.
- „Кшоъ презнраешъ богннъ и душою жестокъ, ош-
вергаешъ;
- „Къ Зевсу онъ прнступа, умоляющъ ошца, да Обла
- „Ходишь за нямъ по спонамъ, узвляешъ его и на-
каешъ.
- „Другъ, воздай же и шы Кронуновымъ должное дщ-
рамъ :
- „Чешъ, на возданіе коей и славныхъ склоняются души.
- „Еслабъ даровъ для тебѣ и нннъ шоль многихъ,
и послѣ
- „Царъ Ашреіонъ не давалъ, но упорствоваъ въ гн-
бельномъ гнѣвъ;
- „Я не прослѣ бм тебѣ, чтобъ отрннуъ гнѣвъ
справедлнвыиъ,
- „Ты помогалъ Аргнванамъ, помощи въ крайности
ждушнмъ.
- „Много даровъ и шеперь онъ даешъ, и впрѣдъ объ-
щаешъ ;
- „Съ кронннмъ прошеннмъ къ тебѣ прнслаешъ
мужей знаменнтыхъ,
- „Избранныхъ ратн Аргнвекой, съ кошорымн самъ шн
содруженъ
- „Больше всѣхъ Аргнванъ. Ашлалесъ, не презрн нхъ
рѣчью
- „Или прнходомъ. Ты не несправедно гнѣваласъ прѣжде.
- „Такъ мы слышнмъ молву и о древннхъ вншазлхъ
славныхъ :

„Если кого и отъ нихъ обымала пылакая злоба,
 „Мужи склонялись къ дарамъ, убѣждалися ласковымъ
 словомъ.

593. „Такъ Мелеагръ отклонилъ погибельный дѣвъ Эшо-
 лянъ,

„Двигнушый сердцемъ однимъ; для него таковыхъ
 не давали

„Многихъ и пышныхъ даровъ: злополучіе такъ от-
 разилъ онъ —

„Ты жъ не умсли мнѣ такъ, о возлюбленный сынъ
 мой; и демонъ

„Сердца тебѣ да не склоняеть къ сей думѣ: пагуб-
 ный будешь

„Въ пламя пожарномъ суда избавляеть. О мнѣ! для
 даровъ ты

„Выйди, герой! и себя, какъ бога, мечтуй Аргиване.

„Еслижъ отвергнувъ дары, на брань душегубную
 спавешь,

„Чести такой не найдешь, хоть будешь ты брани
 рѣшитель.

Старцу ошвѣстшуа, такъ возгласилъ Ахиллесъ
 быстроногий:

„Фениксъ! отецъ мой, старецъ божественный! въ
 чести подобной

„Нужды мнѣ нѣтъ; я надѣюсь бытъ чествованъ во-
 лею Зевса!

„Честъ предъ полками сію заслужу я, пока мое сердце

„Бьется въ груди у меня, и пока мои движущія ноги.

„Молваю другое тебѣ, а ты положи шо на сердце:

„Мнѣ не волнуй ты души, предо мною сѣня я крушася

„Ради Атрида царя; таковаго какъ отъ, ты не долженъ

„Вовсе любить, чтобы самъ ненавистенъ другу
 ты не былъ;

„Ты оскорби челоуѣка, котораго меня оскорбляетъ. —

„Царствуй равно какъ и я, и честъ раздѣлай ты
 со мною;

„Скажешь они мой отвѣтъ, останься ты здѣсь;
 успокойся

- „Въ сѣни, на мягкомъ одрѣ; но завтра, съ восхо-
домъ Авроры
- „Видѣшь рѣшилъ, возвратишься ли къ нашимъ, или
останься.
- Рекъ; и Патроклу въ безмолвіи знакъ онъ подавъ
бровями,
- Слава бы Фейксу теплое ложе, какъ скоро изъ сѣни.
Выйши помыслишь послы; и межъ оными смнѣ Те-
ламоновъ,
- Богу подобный Алексъ—наконецъ всколебался и молвля:
- „Смнѣ благородный Лаершовъ, царь Одиссей хи-
стро-умный,
- „Время нищии; и егда ли, здаешия мнѣ, къ цѣли въ-
щаній
- „Смнѣ намъ достигнушь путемъ. Ахейцамъ не ме-
дла ни мало
- „Должно отвѣтитъ объявнѣть, хоть онъ и не радо-
стенъ будетъ:
- „Всѣ ожидаа на соннѣ сидишь. Но Пелидъ Мирми-
донецъ
- „Сердце суровое въ персахъ, душу надменную носишь!
- „Злой человекъ! въ ничто поставляешь и дружбу
онъ ближнихъ,
- „Дружбу, какой мы въ полкахъ передъ всѣми его
отличали.
- „Смертннмъ, безжалостнмъ сердцемъ! брата за уби-
таго брата,
- „Даже за сына убитаго цѣну ошецъ принимаетъ.
- „Самой убійца въ народѣ живешь, отплащавшись
богатствомъ;
- „Цѣну приващій и мстительный духъ и гордое сердце
- „Въ персахъ смиряешь; но въ перси тебѣ-ни чѣмъ
непреклонный,
- „Гнѣвъ не смиримъ богами вселенъ—за единую дѣву!
- „Семь предлагаемъ тебѣ, несравненно прекраснѣй-
шихъ оной;
- „Множество съ ними даровъ. Облеки милосердіемъ
душу!
- „Сважоснѣ имъ дома ночни: подъ кровлей швоею
пришедемъ,

„Мы, отъ народа Ахейскаго, люди, которые ищемъ
 „Ближними бышь и друзьями тебѣ, какъ никто изъ
 Ахейнъ!

Быстро Аяксу въ отвѣтъ воскликнулъ Пелидъ
 рѣзвоногій:

„Сынъ Теламоновъ, Аяксъ благородный, властитель
 народа!

„Все ты, я чувствую самъ, отъ души говоришь
 мнѣ; но вишьъ,

„Съ гнѣва во мнѣ раздымается сердце, лишь вспо-
 мню о томъ я,

„Какъ недостойно меня посрамилъ передъ цѣлою ратью

„Сей Агамемнонъ! какъ будто бы былъ я скишалець
 презрѣнный!

„Шествуйте вы, возвратитесь, и вѣсть отъ меня
 возьмѣшите:

„Я, объявите ему, не помыслаю о битвѣ кровавой

„Прежде, пока Иліонѣць, божественный Гекторъ
 Пріамидъ

„Къ самымъ Фессальскимъ шатрамъ и къ быстрымъ
 судамъ не приступитъ

„Грековъ разбивъ, и доколѣ огонь кораблей не
 обмешъ.

„Здѣсь же, у сына мой, предъ моимъ кораблемъ
 чернобокимъ

„Гекторъ, сколько ни яръ онъ, бой укротитъ, я
 надѣюсь.

Рекъ; и всѣ въ молчаніи, взявши кубокъ двудонный.
 Вознали въ жертву и вышли изъ сѣни.

Н. Гибдигъ.

IV.

ВИРГИЛІЕВА ЭНЕИДА,

преложенная прозою

Членомъ Императорской Россійской Академіи

П. Соколовымъ,

съ подстрочнымъ переводомъ подлинника

и

съ присовокупленіемъ перевода, въ спискахъ

Г. Пешрова.

P. VIRGILII AENEIDOS

LIBER PRIMUS.

Ille ego qui quondam gracili modulatus avenâ

Оный
Тошъ я кой нѣкогда на шожкой пѣль свирѣли

Carmen; et egressus sylvis, vicina coëgi

Стихъ; и вышедъ изъ лѣсовъ, сосѣднiя побуждалъ

Ut quamvis avido parerent arva colono:

Чтобъ сколько угодно домовишному повиновались поля сел-
нию,

Gratum opus agricolis. At nunc horrentia Martis
Прiятный трудъ земледѣльцамъ: но нынѣ ужасна Марса

Arma virumque sano Trovae qui primus ab opis

Оружiя и мужа пою Трои кой первый ошъ справъ

Italiam, fato profugus, Lavinia venit

Въ Италiю, судьбою изгнанный, къ Лавинскимъ пришелъ

Littora. Multum ille et terris jactatus et alto,

Берегамъ. Много и по землямъ верженъ и по морю

Vi superûm, saevae memorem Iunonis ob iram.

Силою всмихъ, свирѣной ошъ долгопамятнаго Юноны гнѣва.

5. Multa quoque et bello passus, dum conderet urbem,

Много также и ошъ войны потерѣлъ, пока создалъ градъ.

Inferretque deos Latio; genus unde Latinum,

И внесъ боговъ въ Лациумъ: народъ ошкуда Латинскiй,

Albanique patres, atque altae moenia Romae.

И Албанскiе ошцы и высокiя стѣны Рима.

Нѣкогда воспѣвалъ я пастушескiя пѣсни на про-
стой свирѣли, и попомъ осная лѣса, побуждалъ
сосѣдственныя поля удовлетворять, сколько воз-
можно, желанiю домовишаго орашая; трудъ земе-
дѣльцамъ прiятный. Нынѣ пою ужасное Марсово ору-
жiе и шого мужа, копорый, бывъ изгнанъ судьбою
изъ опечества, первый прибылъ изъ Троиискiя зем-
ли въ Италiю и присталъ къ берегамъ Лавинскимъ.

ВИРГИЛІЕВОЙ ЭНЕИДЫ

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

.
.
.
.
.
.
.
.
.
.

Пою оружіи звукъ и подвиги героя,
Что первый, какъ легла во прахъ отъ Грековъ Троя;
Судьбой гонимъ достигъ Италіи бреговъ;
Отъ ополченныхъ янъ Юноною боговъ

5. По морю и земля была вержень безирестани,
И много пострадалъ во кровоплишней брани,
Желанный дондеже въ Латин градъ воздвигъ,
И въ оный внесъ боговъ по странствіи своихъ;
Ошколь возникла мощь Латинъ неборима,
10. Албанскіе опцы, и горды сѣбѣ Рима.

Волею боговъ, отъ неукрошимаго гнѣва жестокия Юноны претерпѣлъ онъ великія бѣды на сушѣ и на морѣ. Онъ много пострадалъ и отъ войны, доколь создалъ градъ и перенесъ боговъ своихъ въ Лаціумъ; отсюда воспріяли начало Латинскій народъ, Албанскіе опцы и гордыя сѣбѣ Рима.

О Муза! повѣждь мнѣ причины сихъ произшествій; какое божество оскорблено Энеемъ, или

Musa, mihi causas memora, quo numine laeso,
Муза, мнѣ причины напомни, какому божеству оскорблену,
Quidve dolens regina deum tot volvere casus
Многочемъ скорбящая царица боговъ шолкимъ объяшь на-
сплямъ

10. Insignem pietate virum, tot adire labores,
Знаменитаго благочестіемъ мужа, шолкимъ объяши шрудамъ
Impulerit. Tantaene animis coelestibus irae!
Подвигла. Толикій ли духамъ небеснымъ гнѣвъ! (ш. е. при-
личенъ?)

Urbs antiqua fuit, Tyrii tenuere coloni,
Градъ древній былъ, Тирскіе владѣли поселенцы,
Carthago, Italiam contra, Tiberinaque longe
Карфагенъ, Италіи противъ и Тибрскаго далече
Ostia, dives opum, studiisque asperrima belli;
Устья, обильный богатствомъ и искусствомъ страшный войны,

15. Quam Iuno fertur terris magis omnibus unam
Кошорый Юнона молва посидѣла землямъ вельми всѣмъ одну
Posthabitâ coluisse Samo: hic illius arma,
Предпочитала любила Самосу: тушь ея оружіе,
Hic currus fuit: hoc regnum dea gentibus esse,
Тушь колесница была: Сему царству богиней народамъ
бышь,

Si qua fata sinant, jam tum tenditque fovetque.
Еслибы шо судьбы позволяли, ужь съ того времени и же-
лаешь и благоприятствуешь.

Progeniem sed enim Trojano a sanguine duci
Народу но ибо ошь Трояскія крови произойши

20. Audierat, Tyrias olim quae verteret arces;
Слышала, Тирскія некогда кой разрушишь стѣны;
Hinc populum late regem, belloque superbum
Ошсюда народъ вездѣ владычествующій и войною кичащійся

что побудило огорченную царицу боговъ подверг-
нуть шолкимъ напастямъ и шрудамъ мужа бла-
гочестіемъ знаменитаго. Толикій гнѣвъ при-
личенъ ли небожителямъ!

Былъ древній градъ, Тирскими жителями насе-
ленный, именемъ Карфагенъ, лежавшій противу
Италіи и далече ошь Тибрскаго устья, богатст-
вами обильный, военнымъ искусствомъ страшный.

- Повѣдь, о Муза мнѣ, чѣмъ тако горнихъ смѣль
 Великій праощецъ чадъ Римскихъ раздражль?
 За что превмспреннихъ владычица всемошна
 Возспала мщеніемъ на мужа непорочна,
15. И столько бѣдъ его принудила повестъ?
 Толиколь, небеса, преклонны вы на мѣстъ!
 Пропивъ Ишаліи на брегъ удаленномъ,
 Отъ устій Тибровыхъ пучиной ошдѣленномъ
 Богатый древле цвѣль и браноносный градъ,
20. Зовомый Кароагенъ, селенье Тирскихъ чадъ,
 Кой повѣсти ркутъ, всѣхъ паче царствій міра
 Любила, предпочеть Самосу даже, Ира.
 Сей градъ оружія, щаша и копія
 И колесницы былъ хранилище ея.
25. При самомъ сщѣнь его и башеньъ возникеньи,
 Во ревностномъ о немъ богиня попеченьи,
 Рѣшилась, естли рокъ не сдѣлаешъ препонъ,
 Вселенныя всея воздвигнути въ немъ проны.
 Но извѣстися, что вождей Троянскихъ племя,
30. Разрушишь твердь сію въ послѣдующе время,
 Владѣтельный народъ, носая вѣнцы побѣдъ,

Повѣствуютъ, что Юнона любила его паче всѣхъ странъ, и даже острову Самосу предпочитала. Въ немъ хранились ея оружіе и колесница. Уже при самомъ сего града основаніи, она помышляла, ежели бы позволили судьбы, содѣлать его владыкою всѣхъ народовъ, и въ сей надеждѣ непрестанно о немъ пеклася. Юнона слышала, что народъ, отъ Троянскія крови произшедшій, разрушишь нѣкогда

Venturum excidio Lybiae: sic volvere parcas.

Придеишь разорить Ливію: такъ положили парки.

Id metuens, veterisque memor Saturnia belli,
Сего страшась, и прежнюю памятуя дщерь Сатурнова войну,

Prima quod ad Trojam pro caris gesserat Argis.

Первую кошору въ Троямъ за любезныхъ привнесла Грековъ.

25. Nec dudum etiam causae irarum, saevique dolores

Не еще также причины гнѣва, и жестокия печали

Exciderant animo. Manet altâ mente repostum

Вышли изъ памяти. Пребываешь глубоко въ умѣ вѣчныхъ
слѣдахъ

Iudicium Paridis, spretaeque injuria formae,

Судъ Париса, и презрѣнной обида красотъ

Et genus invisum, et rapti Ganymedis honores.

И родъ ненавистный, и похищеннаго Ганнимеда почести.

His accensa super jactatos aequore toto

Сими воспаленная, носимыхъ по морю всему

30. Trojas, reliquias Danaûm atque immitis Achillei,

Троянъ, останки Данаевъ и неукротимаго Ахилла,

Arcebat longè Latio, multos que per annos

Удалала отъ Лациума, и многіе годы

Errabant acti fatis maria omnia circum.

Блуждали гонимы судьбами по морямъ всѣмъ.

Tantae molis erat Romanam condere gentem!

Толкаго шруда было Римскій успроишь народъ!

Vix e conspectu Siculae telluris in altum

Едва изъ вида Сицилійской земли въ море

35. Vela dabant laeti, et spumas salis aere ruebant;

Паруса дали обрадованные и пѣну моря мѣдью рыли;

Cum Iuno aeternum servans sub pectore vulnus,

Какъ Юнона вѣчную сохраняла подъ сердцемъ рану,

Карѳагенскія стѣны, и, покоривъ Ливію, повсюду
владычествовашь будишь, и оружіемъ своимъ про-
славится: тако опредѣлили Парки. Дщерь Сатур-
нова спрашась сего и памятуя войну, воздвигну-
тую ею на Трою за любезныхъ ей Грековъ, пыкала
еще другія причины гнѣва и неукротимой нена-
висти: еще не забыла глубоко въ сердцѣ ея запе-
чатлѣннаго суда Парисова; оскорбленія, нанесеннаго

По цѣлой Африкѣ проложитъ пагубъ сладъ ;

Что шако пишеть рокъ; сихъ должно ждати слѣдствій :

Боялась таковыхъ своимъ грядущихъ бѣдствій.

35. Еще недавна брань ей памятна была ,

Которую за Артъ возлюбленный вела ;

Коликихъ ей трудовъ; колико Грекамъ вреда ,

Та поздна сповла надъ Троею побѣда.

Еще старинный въ ней не вовсе гнѣвъ потухъ ;

40. Всечасно лютою досадою рвался духъ.

Лежалъ глубоко скрытъ во сердцѣ судъ Парда ,

Презрѣнной красоты несносная обида ,

И восхпщенный звѣздъ превыше Ганимедъ ,

И любодѣйчущъ родъ достойный всякихъ бѣдъ ,

45. Отъ шоль далекаго производа истока

Пылъ вросши своей в мщенія жестока ,

Троянъ плачевнѣйшій остатокъ послѣ сътъ ,

Гдѣ Грекъ ихъ кровію упоевалъ свой мечъ ,

Отъ Ахиллесова исторгшихся тиранства ,

50. Булущихъ среди безвѣстныхъ морь пространства ,

Возможной слою гнала не претая ,

Лашійскихъ имъ бреговъ коенутисъ не даа.

ея красотѣ; ненавистнаго рода и почестей, воз-
даваемыхъ Ганимеду Юпиперомъ покищенному.
Сими причинами подвигнушая на гнѣвъ она удаляла
онѣ Ипаліи останки Троянъ , избѣгшихъ мщенія
Грековъ и неумолимаго Ахилла; бывъ игралищемъ
судьбы, они многіе годы и по разнымъ морямъ блу-
ждали. Толикихъ - шо трудовъ ещеило основашъ
Римское царство!

Ч а с т ь VII.

4

Haec tecum: Mene incepto desistere victam?
 Сіе съ собою: мнѣ ли начинаніе оставишь побѣжденной?

Nec posse Italiâ Teucrorum avertere Regem?
 Не возмочь ошъ Италіи Тевкровъ удалишь Царя?

Quippe vetor fatis! Pallasne exurere classem
 Ибо воспрещаюся судьбами! Паллада ли съечь флотъ

40. **Argivûm, atque ipsos potuit submergere ponto,**
 Аргивовъ, и самихъ могла пошопишь въ моръ,

Unius ob noxam et furias Ajacis Oilei?
 Одного за вину и бѣшенства Аякса Оилея?

Ipsa, Iovis rapidum jaculata e nubibus ignem,
 Сама, Юпитера быспрый бросила изъ облаковъ огнь,

Disjecitque rates, evertitque aequora ventis:
 И размешала суда, и возмушила воды въшрами:

Illum expirantem transfixo pectore flammas
 Его изрыгающаго пронзенною грудью пламы

45. **Turbine corripuit, scopuloque infixit acuto.**
 Вихремъ восхитила, и на скалу вонзила ошрую.

Ast ego, quae divûm incedo regina, Iovisque
 А я, кошора я боговъ почишаюся царицею, и Юпитера

Et soror et conjux, unâ cum gente tot annos
 И сестра и супруга, съ однимъ народомъ сполько лѣтъ

Bella gero: et quisquam numen Iunonis adoret
 Войну веду: и кто божеству Юноны поклониши

Едва Троянскіе корабли удалились отъ береговъ Сицилійскихъ и мѣдными носами начали разсѣкать пѣнистые волны, Юнона, носящая въ груди своей неисцѣлимую рану, тако сама себѣ вѣщала: „Мнѣ ли, „какъ бы побѣжденной, оставишь мое предпріятіе? „Не уже ли не возмogu удалишь Троянскаго Царя

Они, предлоги бурь, игралища судьбыни;

Носились много льтъ изъ края въ край пучини.

55. Толкиихъ стовало бореній и труда

Власть Рима основать цвѣтущу навсегда!

Изъ нѣдръ Сциліи лиги въ радостной ошвагѣ

Трояне понеслись по пѣнящейся влагѣ,

Юнона, кою месьи несышая влекла

60. Зря плаваніе ихъ сама въ себѣ рска :

„Такъ я должна престать; я прыся безуспѣшно!

„И бѣглыхъ вождѣ Троянѣ достигнешъ безпомѣшно

„Той области, куда онъ царствовать лешшь!

„Мнѣ путь его пресѣчь упорный рокъ прешшь!

65. „Аяксу мста за храмъ единому Паллада,

„Когда въ ней вспыхнула противъ него досада,

„Флотъ цѣлый возмогла средь моря сожещи,

„Сопутниковъ его въ пучину воврещи,

„Она перунами весь воздухъ сотрясала,

70. „Зевесовы огни изъ облакъ въ доль бросава,

„Разсыпала суда, поншь вътрами смуща,

„И вихря силою Аякса подхваща

„Ударила стремглавъ на острый въ морѣ камень;

„Его пронзенна грудь рыгала кровь и пламень:

„опѣ Ишаліи? Какъ! Мнѣ ли вопрошивягся судьбы!
 „Паллада, за обиду, однимъ токмо Аяксомъ ей причи-
 „ненную, могла сжечь Греческій флотъ и даже плава-
 „телей въ морской погребсти пучинѣ. Она, вергнувъ
 „изъ облаковъ быспрый Юпитеровѣ огонь, размещала
 „корабли и вътрами возмушила море. Самаго Аяк-

Praeterea, aut supplex aris imponat honorem?
 Послѣ сего, или молящійся на олшарь возложишь даръ?

- 50. Talia flammato secum Dea corde volutans,**
 Таковая въ воспаленномъ съ собою богиня сердцѣ вращая,
Nimborum in patriam, loca faeta furentibus Austris
 Тучь въ опечесство, мѣста чреватыя свирѣлыми вѣшрами
Aeoliam venit. Hic vasto rex Aeolus antro
 Въ Эолію пришла. Здѣсь въ обширной царь Эоль пещерѣ
Luctantes ventos, tempestatesque sonoras
 Буйныя вѣшры, и бури шумящія
Imperio premit, ac vinclis et carcere frenat.
 Властію жметъ, и оковами и шемницею обуздываетъ
- 55. Illi indignantes magno cum murmure montis,**
 Они негодующіе съ великимъ ропотомъ горы
Circum claustra fremunt. Celsâ sedet Aeolus arce,
 Около заклепъ режущь. На высокой сѣдильи Эоль сидѣтъ
Sceptra tenens: mollitque animos et temperat iras.
 Олимпетръ держа: и укрощаетъ порывы и умѣряетъ ярость.

„са, изъ пронзенной груди пламень изрыгающаго,
 „ужаснымъ восхитивъ вихремъ, на оспрую повергла
 „скалу. Но я, — царица боговъ, и сестра и супруга
 „Юпитера, поoliko лѣпъ съ единымъ народомъ
 „воюю! Кто послѣ сего будетъ поклоняющься Юно-
 „нѣ! кто на олшарь ея возложитъ дары!„

Юнона, таковыми размышленіями въ воспа-
 мененномъ сердцѣ жестоко волнуемая, приходитъ
 въ Эолію, въ опечесство бурь, въ мѣста, испол-
 ненныя свирѣлыми вѣшрами. Здѣсь Эоль въ об-
 ширной пещерѣ властію своею укрощаетъ буй-

75. Владычица богинь, владычица боговъ,

Супруга и сестра метателя громовъ,

Съ однимъ народомъ я только льшь воюю!

Опшмиъ кто почшпшь богиню таковую?

Кшо станешъ впредъ моальбы къ Юнонѣ возсмаашъ,

80. И жертвы будутъ ли ей должны пылашь?

Такъ мысла во душѣ опшщеньемъ распаленной

Юнона съ высоты отъ смертныхъ удаленной

Лешпшь въ Эолію, грозъ отчество и бурь,

Густою кроющихъ небесну мглой лазурь,

85. Гдѣ внутрь безмърныя и мрачныя темници

Эоль могуществомъ властительной десницы

Тревожныхъ вѣтровъ жмешъ и звучныхъ непогодъ,

Обуздывая ихъ изъ шмы во свѣшь искодъ.

Они со трескомъ горь, пустыхъ внизу вертеповъ,

90. Рвучись изыши вонъ, шумашъ вокругъ заклеповъ;

Эоль со скипетромъ превознесенъ сѣдишь,

И дуновения подвластныя крошишь.

ные вѣпры и шумящія бури, обуздывая ихъ оковами и темницею. Негодуя на сіе, они съ великимъ шумомъ въ заключающей ихъ горѣ бушуютъ. Эоль, возсѣдя на высокой скалѣ, скипетромъ своимъ укрощаешъ ихъ неисповество и яросшь ихъ умѣряешъ. Если бы онъ сего не дѣлалъ, быстрые вѣпры увлекли бы съ собою моря, землю и высреннее небо. Но всесильный отецъ боговъ, спрашась сего, заключилъ ихъ во мрачныя пещеры, наложивъ тяжкія и высокія горы; поставилъ надъ ними Царя, который, по непреложному закону,

Ni faciat, maria ac terras coelumque profundum
 Не дѣлай (ошь сего), моря и земли и небо высокое

Quippe ferant rapidi secum, verrantque per auras.
 Ибо унесены бышше съ собою, и понесли бы по воздуху.

60. Sed pater omnipotens speluncis abdedit atris,
 Но ошець всемогущій въ пещеры заключилъ мрачныя

Hoc metuens: molemque et montes insuper altos
 Сего бояся: и громады и горы сверху высокія

Imposuit; regemque dedit, qui foedere certo
 Наложилъ; и царя далъ, кой закономъ извѣстнымъ

Et premere, et laxas sciret dare jussus habenas.
 И удерживашь, и ослабленныя умѣлъ бы давашь, сколько надобно, бразды.

Ad quem tum Iuno supplex his vocibus usa est:
 Къ коему тогда Юнона молящая сіи слова употребила:

65. Aeole, (namque tibi Divum pater atque hominum rex
 Эоле, ибо тебѣ боговъ ошець и челоуѣковъ царь

Et mulcere dedit fluctus, et tollere vento:)
 И усмиряшь позволялъ волны, и воздымашь въспромъ:

Gens inimica mihi Tyrrhenum navigat aequor,
 Родъ враждебный мнѣ по Тирренскому плаваешь морю,

Ilium in Italiam portans. victosque Penates.
 Иліонъ въ Италію везя, и побѣжденныхъ Пенатовъ.

Incute vim ventis, submersasque obrue puppes:
 Дай силу въспрамъ, и погруженныя пошопи кормы:

воздерживаешь ихъ порывы, и, когда пошребно, даешь имъ свободу. — Юнона, пришедшая къ нему съ моленіемъ, ипакъ вѣщала: „Эоль, коему „ошець боговъ и царь челоуѣковъ даровалъ власть „укрощать волны и воздымать ихъ въспрами, — на „родъ непріязненный мнѣ плаваешь по Тирренскому „морю; преселяешь въ Италію Иліонъ и побѣж- „денныхъ Пенатовъ. Усугуби силу въспровъ, пошопи корабли въ пучинѣ, или разсѣй ихъ въ разныя „спраны и шѣла плавателей разбросай по морю. У

- Когдабы не смиралъ онъ жкъ по вся минушмъ,
Сложа бы мощь, сія заклепанники люты
95. И рьки и моря, и горы и лѣса,
Всю дола тяготу, и дальны небеса
Воспоргнувъ, повлекши по воздуху съ собою,
Непостижимою стремяся быстройюю.
Но Зевсъ премудрый ихъ въ пещеры заключилъ,
100. И преогромными горами отягчилъ;
Цара поставилъ, кой державствуя законно
Ихъ жалъ бы и пускалъ въ часъ нужды безпрочно.
Къ сему владыкъ бурь Юнона пришекла
И со смиреніемъ такъ оному рекла:
105. „Эоль, тебѣ Зевсъ изволилъ область дати
„Пространныя моря крошитъ и воздымашъ;
„Враждебно племя мнѣ плывешъ межъ водныхъ лонъ
„Въ Латій неся боговъ и падшій Иліонъ.
„Ты вѣтры устреми, да волны вдругъ возстопушъ;
110. „Да жрушъ и мечушъ флосъ, да плаватела понушъ.
„Четырнадцать есть Нимфѣ прекрасныхъ у меня;

„меня есть четырнадцать Нимфѣ красоты пре-
„восходной: избъ нихъ Деіопейю, самую прекраснѣй-
„шую, опдамъ тебѣ въ супружество; она будетъ
„принадлежать тебѣ вѣчно: да живешъ съ по-
„бою навсегда за шолікія швои услуги, и да со-
„дѣлаешъ тебя опцемъ чадъ красопою ей подоб-
„ныхъ.», — На сіе Эоль: „Богиня, тебѣ повелѣвашъ,
„а мнѣ повелѣнное шбою исполняшъ прилично. Ты
„даровала мнѣ власть надъ вѣшрами; шы со-
„дѣлала Юнипера милосшивымъ ко мнѣ; шы поз-

70. Aut age diversas, et disjice corpora ponto.

Или содѣлай разсѣянными, и разметаи шѣла по понту.

Sunt mihi bis septem praestanti corpore Nymphae:

Суть мнѣ дважды семь превосходныхъ шѣломъ Нимфъ:

Quarum, quae formâ pulcherrima, Deiopeiam

Изъ коихъ, коя лицемъ прекраснѣйшая, Деіопейю

Connubio jungam stabili, propriamque dicabo:

Супружествомъ сопрягу твердымъ, и въ собственность обреку:

Omnes ut tecum meritis pro talibus annos

Всѣ чшобы съ тобою за услуги шолкія годы

75. Exigat, et pulchrâ faciat te prole parentem.

Пронела, и прекраснѣйшихъ да содѣлаешь тебѣ чадъ ошцемъ.

Aeolus haec contra: „Tuus, o regina, quid optes,

Эоль сіе напрошьякъ: „шмой, о Царица, чего желаешь,

Explorare labor: mihi jussa capessere fas est.

Повелѣньи шрудъ: мнѣ повелѣнное исполнять примчво.

Tu mihi quodcumque hoc regni, tu sceptrâ, Iovemque

Ты мнѣ сіе царство, ты скипетръ, и Юпитера

Conciliâs: tu das epulis accumbere Deûm,

Умишшмвляешь: ты даруешь за прапезою возлежаць боговъ,

80. Nimborumque facis tempestatumque potentem.

Тучъ содѣлываешь в бурь власшешномъ.

Haec ubi dicta, caelum conversa cuspide montem

Сіе когда сказано, пустую обратишь копіе гору

Impulit in latus: ac venti, velut agmine facto,

Ударилъ въ бокъ: и вѣтры, какбы толпу сославивъ,

Quâ data porta, ruunt, et terras turbine perflant.

Ошворешнымъ дверямъ, рвущся, и земли вихремъ пролѣ-
тающъ.

„волила мнѣ возлежаць за прапезою безсмерш-
ныхъ; тебѣ обязанъ я владычествомъ надъ шучами
и бурями.„ Рекъ и, обративъ копіе свое, ударилъ
въ единую спрану пустой горы. Вѣтры мгновенно
изъ отверзтыхъ пещеръ излепающъ сонмами и по
всей землѣ вихрями несущся. Налегли на море, Эврѣ,
Нотѣ и бурями обильный вѣпрѣ возмутили пучину,
и гонящъ ко брегамъ огромныя волны. Плаващели
ужасный испускающъ дождь, снасши сшрашн

„Когда услышиши ты мнѣ не пѣвня,

„Дейопа, коя всѣхъ ихъ краше и моложе,

„Твой будешь даръ, къ тебѣ на брачно взыдесть ложе,

115. „И народишь тебѣ, заслуги сей въ возвратъ,

„Прекрасныхъ, коль она сама прекрасна, чадь.“

Эоль въ отвѣтъ: „тебѣ размыслишь токмо стѣпнѣ,

„Чего желаешь ты, мнѣ шо свершать достоиншь;

„Тобой я Царь, тобой скипетроносный богъ,

120. „Юпитеру любимъ, доступенъ въ шой чертогъ,

„Со пренебесными гдѣ жптельми пирую;

„Тобой надъ бурными дыханьми торжествую.“

Онъ рекъ и скипетра одиная ударомъ змнѣ

бокъ шоція горы властительно раздвигъ;

125. Отверстѣемъ вѣтры снѣмъ, рашъ нагла, вылетающъ,

Свистящъ, и отъ земацъ пыль вихремъ возмстающъ;

Съ востока дующій и съ запада ширанъ,

И южныхъ буръ ошець шерзающъ Океанъ;

Подъ пѣной волны, какъ подъ вѣчными горъ снѣгамъ,

130. Перешивающа одна другую бѣгомъ

скрипящъ, облака мгновенно сокрывающъ небо и дневный свѣтъ отъ очей Троянъ, море черною покрылося ноцію; громаы гремящъ, воздухъ непрестанными молніями сверкаешъ; все неизбѣжною грозитъ смертію.

Зней оцѣпенѣвъ отъ ужаса. Воздыхаешъ и, простиерши руки къ небесамъ, вопіешъ: „о сколь блаженны шѣ Трояне, кои положили живощъ свой при знаменитыхъ снѣвахъ Трои и предъ очами оищевъ своихъ! о храбрѣйшіи

Incubuère mari, totumque a sedibus imis

Налегли на море, и все отъ дна глубочайшаго

85. Unà Eurusque Notusque ruunt, creberque procellis

Вмѣстѣ и Евръ и Ношь устремляются, и частый бурами

Africus; et vastos volvunt ad littora fluctus.

Африкъ; и огромныя вращашь къ берегамъ волны.

Insequitur clamorque virùm, stridorque rudentum,

Наступаешь и крикъ людей, и скрыпъ счастей,

Eripiunt subito nubes coelumque, diemque

Похищаютъ вдругъ тучи и небо, и день

Teucrorum ex oculis: ponto nox incubat atra.

Тевкровъ изъ очей: на попись ночь шлегла темная.

90. Intonuère poli, et crebris micat ignibus aether:

Небеса возгремѣли, и частыми сверкаешь огнями Эфиръ:

Praesentemque viris intentant omnia mortem.

И присущую мужамъ показываешь все смерть.

Extemplò Aeneae solvuntur frigore membra.

Вдругъ Энея цѣпенѣють хладомъ члены.

Ingemit, et duplices tendens ad sidera palmas,

Сжонешь, и обѣ просширая къ звѣздамъ длани,

Talia voce refert: o terque quaterque beati,

Таковая голосомъ произносишь: о прикрашны и чешырекрашны
блаженныя,

95. Queis ante ora patrum, Trojae sub moenibus altis,

Коишь предъ лицемъ ошцевъ, Тромъ подъ стѣнами высокими.

Contigit oppetere! o Danaùm fortissime gentis

Случилось умереть! о Данаевъ храбрѣйшій изъ рода

Tydide, mene Iliacis occumbere campis

Тидидъ, мнѣ ли на Иліонскихъ лещъ поляхъ

изъ Грековъ Діомидъ! почто не скончалъ я дней
моихъ отъ руки швоей на поляхъ Иліонскихъ, гдѣ
спрашный Гекторъ лежишь, Ахилловымъ копіемъ
прозенный, гдѣ мощный сраженъ Сарпедонъ, гдѣ
рѣка Симоисъ подъ волнами своими сокрываетъ
безчисленное множесшво шлемовъ, щиповъ и шѣ-
ла мужей браноносныхъ.,,

Тако вопіюще Энею, ревушая Аквилономъ
воздвигнушая буря рвешъ вѣтрила и волны до

Все море изъ предѣлъ на сушу вонь несутъ,
И шажками берега ударами прасутъ.

Возносятъ крикъ пловцы средь общія напастн,
Трепашъ и ломаются напрученны снасти;

135. Тутъ густость облежишь небесный сводъ кругомъ,

Гремятъ изъ края въ край кашающійся громъ,
Отъ черной ночи день въ полудни померкастъ,
И молнія сквозь мглу за молніей сверкастъ.

Тамъ ужась очеса и слухи всѣмъ разить,

140. И очевидная отъсюду смерть грозитъ.

Эней сквозь моря ревъ, сквозь страшны грома звуки,
Простра ко небесамъ прещущія руки,

„Блаженны вы, гласишь, блаженны много красть,

„Которые яшедь изъ гордой Трои вратъ,

145. „Близъ стѣвъ отечества вели кровавы бои,

„И при очахъ отцевъ скончались какъ герои!

„О храбрый Діомедъ, за чѣмъ, бѣсь, за чѣмъ

„Во Иліонъ я не палъ своимъ мечемъ;

„Гдѣ Гекторъ пораженъ рукою Ахиллеса,

150. „Гдѣ свержень Сарпедонъ, великій сынъ Зевеса,

самыхъ небесъ. воздымаеиъ. Весла ломаются, корабельные носы опшоргаются и бока кораблей прецаиъ отъ ударовъ волнъ разбяреныхъ; несется валъ ушесистой вѣрбъ подобный. Одни какъ бы висаиъ на вершинѣ волны, другіе видяиъ дно разверзшейся пучины, и песокъ со влагою кипящій. Южный вѣтръ, восхипиѣвъ при корабля, вержеиъ ихъ на подводныя скалы. Жители Италіи называюиъ скалы сіи жертвенниками; онъ, находясь среди пучины, соспаляюиъ какъ бы об-

Non potuisse, tuâque animam hanc effundere dextâ
 Не было можно, и швою душу сію испустиши десницею!

Saevus ubi Aeacidae telo jacet Hector, ubi ingens
 Ярый гдѣ ошъ Эакидовой стрѣлы лежишь Гекторъ, гдѣ
 великій

100. Sarpedon: ubi tot Simoïs correpta sub undis
 Сарпедонъ: гдѣ столько Симоисъ похищенныя подѣ водомъ

Scuta virûm, galeasque, et fortia corpora volvit.
 Щиты мужей и шлемы, и мощныя пѣла вращаешь.

Talia jactanti stridens Aquilone procella

Таковая вопиюще ревущая ошъ Аквилона буря

Velum adversa ferit, fluctusque ad sydera tollit.

Вѣтрила прошиву яришь, и волны къ звѣздамъ воздымаешь.

Franguntur remi: tum prora avertit, et undis

Ломаются весла: тогда носъ отвращаешь, и водамъ

105. Dat latus: insequitur cumulo praeruptus aquae mons.

даешь бокъ: набѣгаешь съ верху ошпорженная вода гора.

Hi summo in fluctu pendent, his unda dehiscens

Сіи на высокомъ валѣ вислишь, симъ вода разверзшаяся

Terram inter fluctus aperit: furit aestus arenis.

Землю между волнами ошверзаешь: кипитъ влага съ пескомъ.

Tres notus abreptas in saxa latentia torquet:

Три ношъ восхитивъ на камни скрытые бросаешь:

Saxa vocant Itali mediis quae in fluctibus Aras,

Камни называють Италианцы среди волнъ жершвенинами.

110. Dorsum immane mari summo. Tres Eurus ab alto

Хребешъ обширный на морской поверхности. Три Эвръ съ моря

In brevia et syrtes urge*, miserabile visu;

на мѣла и сирши гудишь, жалосное зрѣлище;

ширный хребешъ проспаннаго моря. Эвръ, о плачевное зрѣлице! бросаешь при корабля съ моря на мѣла и на сирпи, погружаешь ихъ въ зыбучіе пески и оповсюду пещаными осыпаетъ валами. Огромная волна, оппоргшись отъ Понпа, обрушилась, въ виду самаго Энея на корму того корабля, на коемъ находились Ликіане и вѣрный Ороншъ; потрясъ его жестокимъ ударомъ; кормчій ошпоргаеця отъ кормила и спремглавъ низ-

„Гдѣ труповъ Симоеидѣ геройскихъ колонъ текъ

„И шлемы и щиты круша во море влекъ!“

Гласящу то ему, вдругъ бура съ новымъ стопомъ;

Рвешъ парусы среди несомъ Аквилономъ;

155. По скачущимъ до звѣздъ дышающа валамъ

Съ обѣихъ ломить странъ всѣ весла пополамъ;

Корабль вращая, куда духъ бури нормваешъ,

Свой бокъ біенію волнъ ярыхъ откормваешъ

И вержешся межъ нихъ во образъ пера.

160. Се валъ крушый лешить какъ тяжкая гора.

Тѣ взброшены висашъ на онаго вершинѣ,

Другимъ раскрылось дно въ разнушой пучинѣ.

Хлебедешь огуденъ отъ ила мушна шокъ,

Кипишь со влагою смѣсившійся песокъ.

165. Три судна сильнымъ Ношѣ восхити дуновеньемъ

На понаенные мчашъ камни со стремленьемъ,

Тѣ камни посреди черньюща морей,

Отъ Римлянъ имененъ зовомы *олтарей*;

Ужасный той хребешъ и чрезвычайно длинной

170. Столціи наравнѣ съ поверхностью пучинной.

вергается въ пучину. Корабль на помѣже мѣстѣ при крапѣ повернутый волнами, мгновенно поглощается морскою пучиною. Рѣдко кто видѣнъ плывущимъ по обширному морю. Оружія героевъ, корабельные обломки и Троянскія сокровища носятя волнами. Свирѣпая буря уже разбила швердые корабли Иліонея, храбраго Ахапа, Абаса и престарѣлаго Алеша; крѣпкія ребра ихъ сокрушены волнами; корабли наполняются пагубною водою и еѣ прескомъ разсѣдаются.

Illiditque vadis, atque aggere cingit arenae.
и сокрушаетъ на отмѣляхъ и валомъ окружаетъ песа.

Vnam, quae Lycios fidumque vehebat Orontem,
одну, кошорой Ликійа и вѣрваго везъ Оронша,

Ipsius antè oculos ingens a vertice pontus
самаго (Энея) предъ глазами величайшій съ носа валъ

115. In puppim ferit: excutitur, pronusque magister
въ корму поражаетъ; падаетъ, и наклонившися коритий

Volvitur in caput: ast illam ter fluctus ibidem
низвергаетъ головою; но самий корабль прикраши волна
на одномъ мѣстѣ

Torquet agens circum, et rapidos vorat aequore vortex.
крушитъ верши вокругъ, и бурный поглощаетъ въ морѣ
водоворотъ.

Apparent rari nantes in gurgite vasto:
Показывающся рѣдкіе выплывающіе на море обширное:

Arma virum, tabulaeque, et Troia gaza per undas.
Оружія мужей, и доски, и Троійскія сокровища по волнамъ.

120. Jam validam Ilionei navem, jam fortis Achatae;
Уже крѣпкій Иліонскій корабль, уже храбраго Ахата;

Et quâ vectus Abas, et quâ grandaevis Alethes,
и на коемъ везетъ Абасъ, и на коемъ многолѣтнимъ Алесъ,

Vicit hyems: laxis laterum compagibus omnes
побѣдила буря: ослабѣвшими бокозъ связзми всѣ

Accipiunt inimicum imbrem, rimisque fatiscunt.
Пріемлютъ непріязненную воду, и скважинами зіяють.

Между тѣмъ Непшунъ услышавъ ужасный ревъ
бушующихъ волнъ, излещившую изъ оклеповъ бурю
и ощутивъ, что воды съ морскаго дна воздыма-
ются на сушу, воскипѣлъ сильнымъ гнѣвомъ; вели-
чественную главу свою возносивъ изъ подъ-валовъ
и взоръ свой простираетъ по всему пространству
моря; видитъ Энеевъ флотъ, по всей пучинѣ
размешанный, и Троянъ, пораженныхъ волна-
ми и небесною грозой. Злоба и гнѣвъ Юноны не

Три Эвръ, позоряще достойнѣйшее слезъ,
 Толкнувъ на мѣль песковъ громадою обнесъ.
 Въ корабль, гдѣ Ликане неслася, рашь Оронта,
 Въ виду Энеяомъ, отшоргшійся отъ Понта,

175. Ударивъ сопреди кормы достигнулъ валь,
 Сраженный кормчій тѣмъ стремглавъ во бѣздну паль.
 Тамъ вихремъ хлябь корабль три раза вокругъ вращаешь,
 Урча и клопоча со щоголой поглощаешь.
 Едва кто спасся вплавъ отъ ачнаго жерла,

180. Гдѣ вмгъ единый смерть толь многихъ заперла.
 Сокровища Троянъ, уборы ихъ военны,
 Дски судень носятся по морю расточенны.

Уже истерзаны и ребра и криль
 Въ Иліонесвомъ отъ бури корабль;

185. Уже Ахатовъ ей въ бореньи уступаешь.

Аваншовъ такожде едва не утопаешь,
 И въ коемъ сѣдиной украшенный Алешъ
 По безднѣ правилъ свой съ сообщники полешь.

Весь рушатъ флотъ, сложась, весь волны рвутъ свирѣпы;

190. Во скважни льется смерть, трещать желѣзны скрѣпы.

могли сокрыться отъ ея брата. Призвавъ къ себѣ
 Эвра и Зефира вѣщающъ къ нимъ тако: „не уже ли
 вы сполько возгордились славою своего рода? Вы,
 безъ воли моей дерзнули поколебать и небо и зе-
 млю и шолікія посмѣли воздвигнуть волнѣ гро-
 мады? Я васъ. . . . Но прежде надлежитъ укро-
 шить возмущенныя волны. Таковое дерзновеніе не
 останеся впредь безъ должнаго наказанія. Спѣ-
 шите, возвѣстите царю вашему: судьба не

Interea magno misceri murmure pontum,
 Между шѣмъ великимъ машущимся волненіемъ поитъ
 125. Emissamque hyemem sensit Neptunus, et imis
 и выпущенную бурю возмущившая Непшунъ, и съ глу-
 боков

Stagna refusa vadis: graviter commotus, et alto
 воды лиющіяся сушн: сильно разгнѣвался; и море
 Prospiciens, summâ placidum caput extulit undâ,
 озирая изъ поверхности спокойную главу изнесъ водъ,
 Disjectam Aeneae toto videt aequore classem,
 разбросанный Энея по всему видишь морю флотъ,
 Fluctibus oppressos Troas, coelique ruinâ.
 Волнами стѣсненныя Троянъ, и неба грозю.

130. Nec latuere doli fratrem Junonis, et irae.

Не скрылся злота опъ брата Юновы и гнѣвъ.

Eurum ad se Zephyrumque vocat; dehinc talia fatur:
 Эври къ себѣ и Зефира зовешъ; пошомъ шакъ вѣдаешъ

Tantane vos generis tenuit fiducia vestri?

Толикую ли вы на родъ возымѣли надѣянне вашъ?

Jam coelum terramque, meo sine numine, venti,
 Уже небо и землю безъ моего позволенія, вѣтри,

Miscere, et tantas audetis tollere moles?

Возмущашъ, и шолкія держаше воздымашъ громади?

135. Quos ego. . . Sed motos praestat componere fluctus.

Васъ я. . . но воздымающыя надлежшъ укрошшъ волни.

Post mihi non simul poenâ commissa luctis.

Впредь опъ мени нешакое наказаніе за преступленіе получишъ.

Maturate fugam, regique haec dicite vestro:

Поспѣшашъ бѣгшвомъ, и Царю сіе слыдише вѣстему:

ему, а миѣ даровала владычество надъ морями и вручила грозный презубецъ: онъ владычествуетъ надъ каменными скалами, — вашими, Эврѣ, ялищами. — Пусть шамъ Эолъ хвалится властію своею, пусть царствуетъ онъ надъ мрачными шемницами вѣтровъ.,,

Рекъ. и прежде, нежели скончалъ рѣчь свою, укрошаешъ напыщенное море, разженяешъ собравшися шучи и открываешъ солнце. Кимоея и Три-

Меня шалью уловима рева мшешимыхъ многогодъ

И возмущеніе со дна глубока вода

Съ негодоваіеихъ владѣтель моря внемля,

И промыслъ свой Нептунъ надъ онымъ воспріемля

195. Крошчайшую главу изъ подваловъ вознесъ,

И окрестъ моря взоръ возвелъ своихъ очесъ.

Созерцавая флотъ Энея, бурей зальной

Расстерзанъ, разомченъ по безднѣ безпредѣльной.

Безъ умолканія разищій во Троянъ,

200. Громъ съ неба, дождь, и градъ, а съ долу Океанъ,

Назъшы познаеть сестры своей Юноны,

Гнѣвъ коея сія воздвигнуль имъ препоны.

Зова, дабы къ нему бореи и Эвръ притекъ,

Притекнимъ въ яросши вельдѣи тако рекъ:

205. „Ошколь, вътры, въ вась толкая кичанюсть?

„Ужъ власть мою презрѣвъ, чрезъ наглу вы бурливость

„Хошше межъ собой стихіи въ смѣсять,

„Толь страшны горы воанъ дерзаете вносить!

„Я вась! . . . Но напередъ да море успокою.

210. „Впредъ знаши дамъ себя вамъ казнью не такою.

шомъ совокупными силами сдвигаютъ корабли съ осираго камня. Самъ Нептунъ снимаетъ ихъ ипрезубцемъ, проводитъ среди обширныхъ мѣлей, укрощаетъ море, и на легкой колесницѣ лепитъ по обширному морю.

Ежели въ нто время, когда великій и многочисленный народъ волнуется, ибо въ немъ часно рождаются смѣшенія, и подлая чернь свирѣпствуетъ; когда уже повсюду лешаютъ пламенники и камни,

Non illi imperium pelagi, saevumque tridentem,
 Не ему владычество надъ моремъ, и державный презубецъ,
 Sed mihi sorte datum: tenet ille immania saxa,
 Но мнѣ судьбою дано: владѣешь онъ огромными скалами,
 140. Vestras, Eure, domos: illâ se jactet in aulâ
 вашими, Эвръ, домами: въ ономъ пусть ищеславится
 дворъ

Aeolus, et clauso ventorum carcere regnet.

Эоль, и надъ заключенномъ вѣтровъ шемяцею господ-
 ствуетъ.

Sic ait, et dicto cicius tumida aequora placat,

Такъ рекъ, и слова скорѣ возмущенное море усмокомя,

Collectasque fugat nubes, solemque reducit.

И обратными разгоняетъ тучи, и солнце выводитъ.

Cymothoë, simul et Triton adnixus, acuto

Кимотоед, вмѣстѣ и Тритонъ упершись, съ острого

145. Detrudunt naves scopulo: levat ipse tridenti;

Сдвигаютъ корабли камня: снимаетъ самъ презубецъ;

Et vastas aperit syrtes, et temperat aquor;

И обширныя отверзаетъ сирши, и укрощаетъ море;

Atque rotis summas levibus perlabitur undas.

И на колесахъ по верхнимъ легкимъ несется водамъ.

Ac veluti magno in populs cùm saepe coorta est

И какъ въ великомъ народѣ когда часто рождаются

Seditio, saevitque animis ignobile vulgus,

Мятежь, и свирѣпѣетъ духомъ подлая чернь,

150. Jam faces et saxa volant; furor arma ministrat:

Уже пламеники и камни летаютъ; бѣшенство оружіемъ
 управляетъ:

когда оружіемъ управляетъ несповство, какой
 либо мужъ, благочестіемъ и заслугами знамени-
 ный, предшанетъ предъ мятежниками; но весь
 народъ наблюдаетъ глубокое молчаніе, слушаетъ
 его со вниманіемъ; онъ словами своими управляетъ
 волею народа и буйныя смягчаетъ сердца. Такъ
 упихла и ревущая на водахъ буря, когда Нептунъ
 воззрѣвъ на обширное море, шестповалъ по оному при
 ясномъ небѣ, возсѣдя на легкой колесницѣ и ослабляя
 бразды побуждалъ коней своихъ къ быспрому бѣгу.

„Направьшеся на путь, лещише не косяа,

„И вашему царю скажише онь мена:

„Владычество морей, и сей презубецъ грозный

„Мнѣ преданъ, не ему; намъ крѣбій вымалъ розный

215. „Огромныхъ, каменныхъ властителей онь холмовъ,

„Тѣхъ ирачникъ, въ конкъ, Зарь, въ заперши доковы;

„Да въ шомъ дворъ гремишь величїе Зола;

„Царь узникое онь шамъ сѣди коверкъ престола.“

Едва скончалъ слова, прогнавши густость шуть,

220. Крошится надисье морь, возводитъ солнца лучь;

Искатущи изъ волнъ Тришонъ и Киповоа

Съ горъ плають корабли, спасенїе нить строя;

Подъемають острогой своею самъ ихъ бога,

И сквозь пески дарить шпрокостъ нить дорога;

225. Подвластную себѣ ошнхїю умѣрять,

На легкихъ но водамъ колесахъ пролеташеть.

И якоже когда межъ шмьсчи невѣдь,

Межъ черни бѣшеной воздвигнешя наметъ;

Ужъ шучани лешають дреколя и каменя,

230. Оружіе даетъ нмъ буйнаго ей рвань;

Коль скоро важнїи муть заслугой знаменнїи

Предстанешъ, всѣ молчають, ирїають послушнїи видъ;

Онь ярма сердца бесѣдой умягчаешъ

И мудрой кротостью безуицель укрочашеть:

235. Подобимъ образомъ ушнхъ весь моря рать,

Когда лучннѣ ошець на оное возрѣтъ,

При солнечномъ простеръ поладъ веселїи сѣннѣ,

И воижа послаблалъ конякъ своиъ въ колѣнѣ.

Tum, pietate ac meritis si fortè virum quem

Тогда, благочестіемъ и заслугами ежели вдругъ мужа какого

Conspexere, silent, arrectisque auribus adstant;

Увидяшь, умоляюшь, и съ усшреленными ушами пред-
сшоляшь;

Iste regit dictis animos, et pectora mulcet.

Сей управляетъ словами умы, и сердца смягчаетъ.

Sic cunctus pelagi cecidit fragor; aequora postquam

Таку десъ моря ушншлся шумъ; моря послѣ шого

155. Prospiciens genitor, coeloque investus aperto

Осмашривая владыка, и подъ небомъ везомый ошверспнымъ,

Flectit equos, curruque volans dat lora secundo.

Гоняшь коней и колесницѣ лешя даешъ бразды легкой.

(Продолженіе впрелъ).

V.

РАЗСУЖДЕНІЕ

О

КАЧЕСТВАХЪ ПИСАТЕЛЮ ПОТРЕБНЫХЪ

(Читано въ торжественномъ годичномъ Собраніи Императорской Россійской Академіи 5-го Февраля 1821, Членомъ оныя Г. Дѣйствиел: Стат: Совѣтникомъ и Кавалеромъ И. И. Мартыновымъ).

Трудно, милоспивые Гбѣударѣ, избрать для разсужденія предмѣтъ, достшойный вашего вниманія. Чтѣ можно предсавитъ оплично для многочисленныхъ умовъ, принесшихъ въ сѣе собраніе глубокую опышность и просвѣщеніе, для коихъ ничего нѣтъ новаго? Лице пруднѣе избранный предмѣтъ украситъ хотя въ нѣкошорой образѣ рноши съ блескомъ настоящаго торжества.

Но если какой предмѣтъ, по важности и обширности своего надъ нами дѣшвія, никогда не можешъ бытъ довольно повтораемъ: то онъ можешъ замѣнитъ нѣовой, и усердіе разсуждаешъ о немъ ошчасши ешъ его вишійшвомъ.

Таковымъ предвѣшомъ, изъ числа близкихъ къ цѣли Академіи, представляется мнѣ образованіе писателя. Гдѣ, какъ не въ семь священныхъ, пріимчивѣ мѣсто разсужденіямъ о качествахъ, потребныхъ для наставника народовъ? Гдѣ, какъ не среди сихъ, дышущихъ на стѣнахъ ликовъ, надежнѣе поучать примѣрами юность, домогающуюся славы Пэша или Прозанка? И предъ кѣмъ полезнѣе говорить о столь важномъ предвѣшѣ, какъ не предъ тѣми, кои приемають наибольшее участіе во всей пользѣ, во всемъ вредѣ, доставляемыхъ сочиненіями всякаго рода? Каждый изъ васъ есть отецъ или сынъ лучшаго сѣмейства. Какой отецъ не желаетъ, чтобы дѣла его не были озарены просвѣщеніемъ истиннымъ, вкусомъ чистымъ, неспорченнымъ? Какой сынъ не покоряется желаніямъ отца, щасливаго щасіемъ его? Каждый изъ васъ есть или начальникъ какого заведенія или принадлежитъ къ оному. Кто изъ начальниковъ не почерпнулъ изъ книгъ ослѣднейшей части своихъ умозрѣній и познаній, возвысившихъ его надъ подобными ему? Кто изъ подчиненныхъ не старается познать свои обязанности, пріобрѣсть потребныя къ исполненію должности свѣдѣнія и сдѣлалъсь достойнымъ просвѣщеннаго начальства, руководствомъ же одного

навыка, но и наставленіями Писателей? Но — что есть общее всѣмъ намъ — каждый изъ насъ есть человѣкъ, гражданинъ, сынъ церкви, сынъ отечества. Гдѣ же найди правила основательнѣйшія, совѣщанія чистосердечнѣйшія, образцы поразительнѣйшія для усовершенія себя до почтеннаго понятія и надлежащаго достоинства сихъ, носимыхъ нами, наименованій? Живое слово, съ произнесеніемъ его, исчезаетъ; живой примѣръ наставляетъ, доводъ одушевляетъ собою кругъ свой; нѣмые, мертвые наставники съ наслоящими и будущими племенами бесѣдуютъ неумолчно! Каждое слово ихъ, съ того времени какъ предано публичному веществу, становится публичнымъ и говоритъ ко всѣмъ вѣкамъ и народамъ, живошворитъ и укрѣпляетъ ихъ силою своей истины и публичуетъ красотою одежды. Титъ-Ливій, Тацитъ, Фукидидъ не однимъ своимъ единоземцамъ повѣдаютъ событія своего времени. Сколько уже прошло столѣтій, какъ въ спогнахъ городовъ Эллады умолокъ дрожащій голосъ слѣпаго старца; но герои, воспѣтые имъ, и нынѣ живутъ въ безсмертныхъ его пѣсняхъ! Омиръ волшебствомъ лиры своей оспанивалъ ихъ на поприщѣ времени и увѣчалъ лаврами вѣчности. Еще и нынѣ Софокль изъ устъ Эдипа гремитъ страшными проклятіями на сы-

новъ жестокосердыхъ. Кашилина! шы былъ злодѣй, но пріѣвшій безсмертіе отъ Цицерона, — дабы челоуѣчество гнушалось тобою въ опдаленнѣйшемъ потомствѣ. Димосеенъ, Плашонъ, Восмашъ, Тассъ, Лафоншенъ, и всѣ прочіе великіе писатели, представляющіеся мысли моею безъ порядка! что вы, если не всемірные и всевременные наставники и истинахъ, вами преданныхъ, и въ искуствѣ предавать оныя вѣчности?

Но для чего шерьшся въ изчисленіи примѣровъ чуждыхъ? Вотъ нашъ духовный Димосеенъ! И нынѣ съ Теофаномъ предстоимъ у гроба Мужа и Монарха Великаго; видимъ слезы проповѣдника и всей Россіи; слышимъ вопли краснорѣчивѣйшаго витіи и преданнѣйшаго Государю своему народа и . . . сами, съ воплемъ и рыданіемъ, погребаемъ безсмертнаго. Ты, злопоустый нашъ Плашонъ! священнымъ ликомъ своимъ храма сего не украсашь; но имъ и поученіями твоими украшены сердца Россійцы и онѣ не забвенны будутъ въ безпредѣльной области Христіанства. Вотъ Грядаръ нашъ и Цицеронъ! Не выражаютъ ли имена сіи разнообразіе предмѣшовъ, кои открыты были для генія твоего, великій Ломоносовъ? Возрише на высокое чело его; оно исполнено вдохновенія, хвалятъ Бога небснаго и боговъ земныхъ; воскре-

мать твоих героев просекавших вре-
 мень, пронизать тайны природы и по-
 корить правилам богатейшей языкъ
 своего отечества. Вошь наша Ювеналь!
 Спрашисъ, пороки, приближившая къ
 Канпемиру! Самирами своими уязвить
 онъ себя, и, если не пожелаешь испра-
 виться, но по крайней мѣрѣ, вѣчно бу-
 дешь носить языкъ сіи. Вошь ошеца на-
 шей Трагедіи! Мельпомена преимущественно
 избрала Сумарокова къ своимъ напер-
 сники. Онъ первый на Рускомъ театрѣ
 извелъ слезы изъ очей зрителей и про-
 ложилъ дорогу другимъ къ неслыханно-
 му доподѣ искусству. Вошь Хераскову, прѣ-
 безъ успѣха покушавшійся быти Россій-
 скимъ Омиромъ, Фенелономъ и Расиномъ.
 Если паланны его были ниже сферъ ка-
 кого рода Поэзіи; то благородная, нрав-
 ственной цѣли Муза его никогда не оснѣ-
 вляла. Ты, недавно оставившій мѣръ сей,
 дабы безплодно бесѣдовать съ неподре-
 жаемо воспѣтыми тобою Бовомъ и Фа-
 лицею; веселую лиру Фланка украсившій
 здоровою философіею и нравоученіемъ, и
 вѣжныя цѣлны Теоссаго пѣвца со всею
 свѣжестію перенесшій въ жадную спира-
 ну Сѣвера! среди своего торжественнаго
 собранія прими дань признательности
 и удивленія отъ Сословія, коего ты былъ
 знаменитѣйшимъ Членомъ. Утрапа ша-
 бя невозвратима для насъ и Поэзіи!

Не дерзаю нарушить правилъ скромности, наименованіемъ здѣсь присуществующихъ пасшырей церкви и свѣтскихъ писашелей, щасливо шрудящихся надъ своими памятниками, коихъ не истребишь ни зависть низкихъ душъ, ни бѣдность времени. Довольно оныхъ великихъ примѣровъ, для показанія, что и у насъ есть писашели, сираведливо пользующіеся уваженіемъ своихъ современниковъ и приобрѣвшихъ славу всѣхъ вѣковъ.

Но сколько есть, а особливо, сколько въ недавнее время въ разныхъ народахъ къ общей заразѣ возникло и такихъ Сочинителей, которые пишутъ для того только, чтобы жить въ настоящемъ времени, или видѣть шруды свои въ печати! Для первыхъ нѣтъ другой цѣли, кромѣ торговли своими дарованіями; очищеніе вкуса, утвержденіе нравственности у нихъ или дѣло спороннее или вовсе не въ виду. Это хамелеоны, гошовые принимаютъ на себя разные виды, смотря по господствующему духу времени, въ которое они пишутъ. Изъ сочинителей Фобласовъ они дѣлаются или спараются сдѣлаются Флоріанами; изъ возмущеннѣйшихъ Якобинцевъ благонамбренинѣйшими проповѣдниками благочестія и успройства, и напрошивъ. Для послѣднихъ, бытъ напечатану значить приобрѣсть вѣнокъ шалантамъ. Буквы печат-

ныя для нихъ имѣють неодолимую прелесть. Жалкое заблужденіе и несчастіе для нихъ, если, при сей спраски, имѣють они еще обширный кругъ угодниковъ, и не скудны въ способахъ все предавать писанію. Для сихъ-то писателей, хопя бы они только лишь перешагнули порогъ училищъ, молодые люди распочають освященныя вѣками имена Гораціевъ, Назоновъ, Виргиліевъ и пому подобныя, вовсе не понимая достоинства ни сихъ Поэшовъ, ни вообще писателя; и для сего-то рода сочинителей никогда не можешь бышь излишнимъ напоминаніе объ истинныхъ качествахъ писателя.

Въ чемъ же состояють сіи качества? На сей вопросъ позволюше ошвѣщсшвоуашь мнѣ изложеніемъ моихъ о помъ помяшій.

Основа качества писателя находишся въ его умѣ и сердцѣ, образованныхъ мудрымъ воспитаніемъ. На песчаной и каменистой почвѣ или ничего не расшешъ или произрастають самыя пощія, мѣлкія, ничтожныя прозябаемыя. Нашъ будущій писатель щедро одаренъ отъ природы способностями души и нѣжноспію чувсшва—любитъ доброе, пѣняшся прекраснымъ, выпренимъ и ошвращашся отъ прошивнаго пому. Съ сими дарованіями можешь онъ родишся въ хладномъ сѣверѣ, въ спранахъ умбранныхъ

и въ странахъ знойныхъ. Если какимъ случаемъ въ ранніе годы переселился онъ изъ родимой страны своей въ другую: то нечашь ея останешся и въ его характерѣ. Но это нимаго не препящивуель главнымъ его свойствамъ; напротивъ общаешъ нѣкопорую подлинность, опличительный признакъ въ будущихъ его произведеніяхъ. Миръ видимый и миръ умщвенный для дарованій всюду предспавляюпъ неистощимыя сокровища. Не нужно пакже, чшобы писатель нашъ бышіе свое получилъ опъ родитслей особеннаго свойства и сосшоянія; шолько бы шо было у народа, сколько нибудъ образованнаго. Онъ можеть родиться на нивѣ просшодушнаго земледѣльца, между оружіемъ храбраго воина, подъ соломенною кровлею сельскаго священника; можеть пакже произойши на свѣшпѣ въ многолюдномъ городѣ въ домѣ мирнаго гражданина, сердобольнаго помѣщика, знаменишаго своими или предковъ своихъ подвигами вельможи, въ чершюгахъ сильнаго властелина. Младенчество его водитсы на помочахъ одинакимъ образомъ; а недосшашокъ въ пѣспунахъ и прочемъ, у родитселей бѣдныхъ, съ избыткомъ вознаграждаешся попеченіями опца, мапери и собспвенными усилиями дитяши. Съ возраспаніемъ младенца нашего героя возраспаюпъ и

его способности. Онъ приближается къ опроверженію; способности его обнаруживаются при каждомъ случаѣ и различнымъ образомъ. Примѣчайте только за нимъ. Какъ начинающій разсуждать, но еще недавній пришлецъ въ сей міръ, онъ въ любопытствѣ неограниченъ; все новое поражаетъ его; онъ хочетъ узнать всего свойства, причины; спрашиваетъ о томъ у родителей, у всѣхъ окружающихъ его, и если отвѣты не удовлетворяютъ его любопытству, самъ вперяетъ молодой свой умъ въ предмѣты и усиливается ихъ постигнуть. Расскажите ему какое происшествіе и заславьте его пересказать: онъ ничего важнаго не выпуститъ. Посмотрите на игры его и забавы; онъ занимается ими только какъ потребностію дѣтскаго возраста; и въ сихъ играхъ и забавахъ видна какая-то замысловатость, рещливость обращенія ихъ въ свою пользу; но ученіе лучшая забава его. Взгляните на него, какъ онъ внимаетъ достойному любопытства повѣствованію, какъ входитъ во всѣ подробности; онъ расширяетъ и плачетъ, это признакъ его чувствительности. Обидѣвшій его товарищъ проситъ у него прощенія; онъ съ братскою любовію обнимаетъ его — это зачатокъ великодушія. Сего довольно. Поспѣшите спознать щастливой природѣ

оказашь пособіе искусства. Роепожъ таланшовъ показался; да развернешя онъ свѣшомъ и шеплошою наукъ и благочешія!

Герой нашъ всшупаешъ въ училище, въ кошоромъ собраны всѣ науки, искусство, языки, для каждаго сосшолніа пошребныя. Онъ преимущественно поучашся обязанностямъ христіанина, человека, гражданина и подданнаго. Горешоку, кто славу авшора ошдѣляешъ ошъ славы истиннаго сына отечества! да погибнушъ всѣ наши дарованія, всѣ познанія наши, если мы обрекли ихъ единственно прославленію своего имени; если превосходныя правила, чистѣйшія наставленія пишашъ предосшавилъ себѣ, а исполняшъ оныя другимъ; если мы, приаблись къ избраннымъ нами нѣкошорымъ наукамъ, ко всему прочему, охраняющему устройство и скрѣпляющему цѣль общества, хладнокровны! Да не будетъ сего съ нашимъ питомцемъ! да природныя щасшавыя способности его и качества заранѣе напищающся всѣмъ, что есть превосходнѣйшаго, святѣйшаго въ обшчеліи наукъ и искусства.

И такъ, онъ учишся, окруженный благонаравнѣйшими надзирашелями, благонамѣреннѣйшими и искуснѣйшими наставниками. Ученіе его расположено такъ, что порядокъ облегчаешъ трудъ

ности предѣловъ. Сперва преподающа-ся ему языки и науки, обогащающія па-мять; наука вѣры и нравственности — неразлучная соупшница всего ученія. Изъ языковъ, познаніе ошечешвеннаго зани-маешь первое мѣсто. Рускому писателю надобно заблаговременно узнать всѣ грамматическія подробности и важнѣйшія правила своего языка. Предшественное изученіе правилъ языковъ иностран-ныхъ причиною тому, что мы, для зна-нія своего собшвеннаго языка, почи-шаемъ доспащочнымъ, родисься Руски-ми; правила языка своего примѣняемъ къ правиламъ языковъ чужихъ; красота его кажутся намъ дикими; не видимъ богаш-ства его и дѣлаемъ холодными ко все-му, что на немъ писано. Чшобъ убѣдишь-ся въ томъ, сколь вредно такое упреж-деніе, спѣшишь только заглянушь въ про-изведенія учившагося своему языку по правиламъ иностранныхъ, не говорю уже вовсе пренебрегшихъ учисься оному. Самыя лучшія мысли его нерѣдко обезо-бражены бывающъ германизмами, галли-цизмами и другими спранностями.

Пріобрѣтши основательное свѣдѣніе въ правилахъ Рускаго языка, нашъ воспитан-никъ учисься языкамъ древнихъ класси-ковъ. Въ молодыхъ лѣтахъ должно запа-саться ключемъ къ сокровищамъ Греціи и Рима; послѣ шрудно, если не поздно

будеть исцалъ его. Давно уже долавано, что переводы древнихъ писателей немогутъ замѣнить подлинниковъ, какъ какъ списки съ картинъ Рафаеловыхъ немогутъ замѣнить произведеній собственной его кисти; а что писателю нужно понимать Греческіе и Латинскіе подлинники, кто въ этомъ сомнѣвается? Какое обиліе предмѣтовъ для разсужденія представляютъ древніе языки тому, кто сравниваетъ ихъ съ новыми; какъ они облегчаютъ познаніе сихъ послѣднихъ; познаніе самихъ наукъ и искусствъ, кои наполнены техническими словами, изъ нихъ заимствованными; сколько способствуютъ къ освоенію словопроизводству, къ опыканію истинныхъ родниковъ нашихъ реченій и оборотовъ въ выраженіи мыслей, къ пониженію мешающей физики языковъ, излишнимъ почивая здѣсь разсуждать о этомъ подробно.

Изъ языковъ живыхъ пишонецъ нашъ, если не чувствуешь способности научиться языкамъ Шалеровъ и Виландовъ; Аддиссоновъ и Шакспировъ; Массильоновъ и Корнелиевъ; Тассовъ и Мещастасіевъ: то избираешь по крайней мѣрѣ пруднѣйшіе, менѣе зависящіе имбюціе отъ языка Латинскаго, кои, для цѣли своей легко можеть научиться и носѣ; или избираешь такіе, на кошо-

рыхъ болѣе находилса отличнѣйшихъ писателей въ разныхъ родахъ сочиненій.

Преподаваніе наукъ ошвлеченныхъ и еспешственныхъ идешъ своимъ путемъ. Пишомецъ нашъ, возрастаая и шѣломъ и душею всѣми оными пользуется съ жадностію, дабы обо всемъ, извѣстномъ чловѣчеству, имѣшь понятіе, по крайней мѣрѣ, понятіе, доколѣ гений его не приметъ особеннаго направленія къ шорому либо изъ сихъ двухъ родовъ нашихъ познаній. По приобрѣшеніи имъ свѣдѣній въ разныхъ наукахъ, равно и въ искусствѣ излагашъ свои мысли, его заславляющъ сочиняшъ. Онъ представляешъ сочиненіе свое на судъ наславника и получаешъ одобреніе. Похвала ешъ роса для начинающаго пишашъ. Оживленный ею, нашъ молодой сочинитель самъ уже избираешъ для себя предмѣшъ и сочиняешъ, сочиняешъ часто, но всегда почти бываешъ недоволенъ своими произведеніями; чувствуешъ, что ему чего-то недоошашъ; что еще несовершенно развились его способности для шого, чтобы бышь писателемъ; читаешъ превосходныя шворенія по избранному имъ роду, дѣлаешъ изъ нихъ выписки, иносшранныя переводишъ, отличнѣйшія мѣста выучиваешъ, принимаешся имъ подражашъ; — „што онъ написалъ недурно, другое неудачно,“ шакъ думаешъ онъ о своихъ

Ч а с ш ъ VII.

6

училищныхъ упражненіяхъ и большую часть оныхъ предаешъ огню. Въ такомъ занятіи приближаешъ онъ къ концу поприща наукъ; уже сердце его исполнено чувствованій и спраспей благороднѣйшихъ; разсудокъ обогащенъ всѣми драгоценностями познаній; воображеніе разпростерло крылья, и геній вкуса вводишъ его въ храмъ свой, гдѣ, преподавъ ему наставленія, вдыхаешъ въ него неоторимое стремленіе къ славѣ авторства. Въ наукъ приобрѣлъ онъ болѣе свѣдѣній; къ какимъ родамъ сочиненій имѣлъ большее влеченіе и замѣшилъ въ себѣ болѣе способностей, шѣмъ и посвящаетъ перо свое. Это не шопъ земледѣлецъ, который, съ наспупленіемъ времени посѣва, выпрашиваетъ сѣмень у сосѣдовъ, не запасшись ими заблаговременно; онъ съ избыточнымъ запасомъ надежнѣйшихъ сѣмень выходитъ на свою ниву.

Посмотримъ же на опыты юнаго авторства нашего героя; ибо искусство писашъ также имѣетъ свои возрасты. Если происхожденіе и назначеніе его къ духовному званію побудили его занимашъся науками, образующими достойнаго пастыря церкви, и проповѣдника Божія Слова: шо онъ восходишъ на кафедру духовнаго вишійства. Уже наружный видъ его внушаешъ къ нему почтеніе и довѣріе, — качество, изъ виѣшнихъ, пер-

вое для проповѣдника. Онъ еще не говоришь; но важный и купно кропкій взоръ его пригошовилъ уже слушателей внимашь ему. Онъ говоришь; всѣ чувствва предстоющихъ, кажешся, слились въ одно чувствво слышанія; въ священномъ молчаніи ученіе его раздается подобно пѣнію сладкогласнаго пернашаго въ тихой день весенній, въ роцѣ безмолвной. Слово его просто, неукрашено, какъ предмѣшь имъ излагасмый. Украшеніе его ешь истина, величешвенная и убѣдительная вишійствомъ своихъ чудесь. Онъ бесѣдуешь съ народомъ, нарѣчиешь ему виашнымъ, какъ великій Наставникъ міра, коего носишь образъ; и каждое слово его падаешь на землю плодоносную, немедленно произрацаая плоды вѣры, умиленія и всѣхъ добродѣтелей, какія виѣдришь онъ жадаешь въ сердцахъ паспвы своей. Онъ перешаешь говоришь; но всѣ еще слушающъ его. — Въ семъ состоишь поржештво юнаго проповѣдника Слова Божія!

Но молодому писателю, вспунающему въ общій кругъ гражданства, предлежаешь другіе и разные пути къ славіи или къ безславію. Нѣкоторыя изъ пріяшнѣйшихъ и опаснѣйшихъ спраспей нерѣдко молодыхъ выходцовъ въ свѣтъ дѣлающъ спихотворцами мѣлакаго рода Поэзіи или прозаическими романистами. Въ училищахъ, подъ надзоромъ Аргусовъ,

они иногда искусно скрываютъ порочныя свои наклонности, кои, по выходѣ изъ опшуда, при первомъ случаѣ, обнаруживаютъ, — и чѣмъ же? Принесеніемъ первенцовъ талантовъ своихъ на жертвенникъ разврата. Посмотрите, о чемъ они пишутъ. О спрасняхъ, посрамляющихъ и поспавляющихъ человека ниже всякаго животнаго. Еще мало онѣ между нами свирѣпствуютъ! Это не все. Посмотрите, какъ они пишутъ. Какъ бы спраси сіи почитали добродѣтелями. Самые нескромныя, самыя сладоспраснѣйшія изображенія почитаютъ они самыми краснорѣчивыми и превосходными произведеніями искусства. И сіи молодые писатели, вмѣсто того, чшобъ быть орудіями къ испребленію разврата, о чемъ было имъ внушаемо въ училищахъ, сами служатъ ревностными провозвѣстниками и исполнителями правилъ его. О! сшудъ юношескаго возраста!

Нѣтъ! нашъ пишомецъ, нашъ молодой писатель не походитъ на сихъ Вакханшвовъ. Получивъ отъ природы способностями спремиться ко всему доброму, благородному, онъ окружавшими его въ училищѣ примѣрами, внушенными ему наспавленіями и чтеніемъ превосходныхъ сочиненій развилъ свою способность. усовершилъ и укрѣпилъ въ сердцѣ своемъ. Не изъ угожденія начальству, не

изъ страха наказанія, былъ онъ въ училищѣ крошкѣ, скромнѣ, цѣломудренѣ въ своихъ поступкахъ; но изъ внушенія убоженія въ красотѣ и пользѣ сихъ добродѣтелей; таковымъ оспался онъ и по выходѣ изъ училища. Въ его сердцѣ и умѣ швердо запечатлѣны насшавленія генія вкуса, что чувстввенность, цинизмъ не принадлежатъ къ его владычеству; что совершенство человека и дѣлъ его состоятъ въ наибольшемъ уподобленіи образу, по которому онъ созданъ, и ничто общее намъ съ безсловесными шварями въ ономъ не участвуетъ; что возвышеніе надъ чувстввенностію и возможное приближеніе къ божественному есть назначеніе человека; что истинный человекъ есть человекъ изящный; что одинъ только изящный человекъ можетъ быть изящнымъ писателемъ; а изящество состоитъ въ благородствѣ и возвышенности нашихъ мыслей, чувствований, произведеній и поведенія. Помощь нашъ помнитъ сіи насшавленія и онѣ, какъ въ зеркалѣ, отражаются во всѣхъ его произведеніяхъ. Юное сердце его въ чреду свою поражается прелестями одушевленной красоты; онъ дѣлается ея Живописцемъ, Помощь; но кистию, пареніемъ его управляютъ Хариты, которыми всегда были скромны и шпыдливы. Это молодой Кашуалъ, Анакреонъ, Тео-

кристь; но нашего идеала. Во времена Христіанства должно подражать языческим писателямъ только въ томъ, что непринципно чистотѣ его ученія.

Посмотримъ на питомца нашего въ другихъ родахъ авторства. Рукоплесканія, распочаемыя на театръ не однимъ Крушицкимъ и Дмитриевскимъ, но и Фонъ-Визинимъ и Озеровымъ, возбудили и въ немъ охоту заслужить оныя. Къ тому же, онъ нѣсколько разъ прочелъ Мольера, Расина, Аристофана, Эврипида, и другихъ комиковъ и трагиковъ и дѣлалъ въ училищѣ небольшіе опыты въ искусствѣ Талии и Мельпомены. Онъ пробуетъ силъ своихъ въ комедіи. Но какъ въ семь родѣ заслужить одобреніе публики? Онъ замѣтилъ, что рукоплесканія раздаются большею частію при мѣстахъ, того незаслуживающихъ, при обоюдныхъ, нескромныхъ выраженіяхъ, при простонародныхъ, низкихъ шуткахъ, при сладострастныхъ положеніяхъ и предсавленіяхъ. Таковыя сочиненія со вкусомъ его несогласны. Но вкуса публики почищаетъ онъ виною самихъ сочинителей, и потому принимаешь писать комедію по своему умозрѣнію. Держась главныхъ правилъ сего искусства, онъ выбираетъ предметъ изъ состоянія людей болѣе образованныхъ, даетъ лицамъ своимъ языкъ, имъ приличный, но отнюдь не площадной;

разсыпаетъ оспрыя шупки, забавныя и смѣшныя положенія, замысловатыя выраженія безъ всякаго нарушенія благопристойности; осмѣиваетъ не добродѣшель, но пороки, и ведетъ къ цѣли нравственной все свое сочиненіе. Комедію играютъ, и публика, разумѣется, просвѣщеннѣйшая, принимаетъ ее съ рукоплесканіемъ. Ободренный паковымъ успѣхомъ, нашъ Авторъ желалъ бы написать трагедію. Природа рѣдко соединяетъ таланты комика и трагика въ одномъ лицѣ и въ равномъ совершенствѣ. Онъ знаетъ по и предоставляешь большей опытности своей опважиться на сіе поприще; однако негодуетъ уже на правила, наблюдаемыя во Французскихъ трагедіяхъ, какъ онѣ ни превосходны предъ Англинскими и Нѣмецкими. Въ трагедіяхъ Французскихъ ему не нравились всегда наблюдаемая любовная интрига. Въ трагедіяхъ древнихъ находилъ онъ больше благородства въ предмѣствѣ и дѣйствіи.

Но если героя нашего призываетъ Муза Исторіи для преданія попомощву дѣланій его опечесства: то онъ, изоспривъ прежде талантъ свой въ разныхъ родахъ сочиненія, юношь свою преимущественно посвящаетъ на путешествованіе въ своемъ опечесствѣ и въ сопредѣльныхъ ему странахъ, обозрѣваетъ слѣды прошек-

шихъ вѣковъ и уцѣлѣвшіе отъ нихъ на-
 ияпники; познаешь обычаи, нравы, за-
 коны, правленіе народовъ, оныя насел-
 ющихъ; опыскиваешь въ книгохранили-
 щахъ, въ архивахъ, повсюду — грамашы,
 лѣтописи, и другія знаменія событій;
 углубляешься въ изслѣдываніе оныхъ; сл-
 чаешь, соображаешь, размышляешь, и
 плодъ своихъ трудовъ привести въ зрѣ-
 лость предоставляетъ лѣшамъ мужества.
 Мы уже предчувствуемъ, что гласъ не
 одного Иродота и не на однѣхъ Олим-
 пинскихъ играхъ раздавался будешь сре-
 ди восхищенныхъ онымъ зрителей.

Доселѣ видѣли мы нашего питомца
 въ нѣкоторыхъ родахъ сочиненій, какъ
 въ оныхъ его юности. Не смѣю упру-
 ждашь васъ, слѣдовать за нимъ во всѣхъ
 прочихъ родахъ; пѣмъ менѣе предста-
 вить его оплечающимся въ возрастѣ
 мужества и въ лѣтахъ преклонныхъ. Ес-
 ли опасное поле пройдено, то спокой-
 ствіе духа, обиліе познаній, одолѣніе па-
 губныхъ спрасшей, зрѣлость разсудка,
 утвержденіе въ добродѣтеляхъ, богатая
 опытность, — какихъ не обѣщаютъ пло-
 довъ отъ его дарованій и искусства! Са-
 мыя сухія поля почныхъ наукъ тала-
 нтами его могутъ быть оживотворены;
 оныя могутъ содѣлаться Филанджеріемъ,
 Фомпенлемъ, Локномъ, Бюффономъ, Эй-
 леромъ, Невтономъ и на всѣхъ попри-

щахъ сихъ и подобныхъ имъ великихъ умозришелей и испышателей природы будешь руководимъ единымъ свѣшальникомъ чистаго вкуса и добродѣтели.

Въ семь, милоспивые государи, состо-япъ понятія мои о воспитаніи и образованіи, попребномъ для писателя. Я щасливъ, если онѣ сколько нибудь за-служиваютъ ваше уваженіе.

VI.

О ФРАНЦУСКОЙ АКАДЕМИИ,

или

*Отвѣтъ Аббата Мореллета на со-
мнѣніе Г. Шамфорта, подѣ заглавіемъ:
объ Академіяхъ.*

Прежде всего не излишно, кажется, будешь помѣстить здѣсь о помѣ и о другомъ Писателѣ безприспρασные опыты почтеннаго Мармонтеля. (Oeuvres postumes de Marmontel).

„Мореллетъ, говоришь онъ, при изобиліи разнаго рода познаній, при порядкѣ и ясности мыслей, былъ, въ разговорахъ, живый источникъ здравыхъ и чистыхъ, понятій, никогда неизсякаемый и никогда изъ предѣловъ невыходящій. Въ дружескихъ нашихъ бесѣдахъ являлся онъ съ душою открытою, съ сужденіемъ основательнымъ и швердымъ, съ сердцемъ, сколько же правымъ, какъ и его разумъ. Одинъ изъ оплячбѣйшихъ его шаланшовъ состоялъ въ искусствѣ давать шушмамъ своимъ замысловатый и весьма забавный оборотъ, шаланшь, каковымъ, прежде его, обладалъ только Свифтъ. При ша-

„кой способности могъ бы онъ быть язвительнымъ, ежели бы хошѣлъ, но онъ ни, когда и никого не оскорблялъ; а ешьли и позволялъ себѣ, временемъ, личную насмѣшку, то она была, какъ бичъ, въ рукѣ его подъемлемый для укрощенія наглости, или для наказанія злости.“

Но вошь какими красками описываетъ Мармонтель соперника Мореллепова: „мы имѣли въ Академіи Французской сажмаго неистоваго приверженца республиканской крамолы: это былъ Г. Шамфорть, человекъ ума шонкаго, оспраго, исполненнаго вѣдой соли, когда принимался осмѣивать пороки или глупости людскія; но нрава безпокойнаго, злобнаго; ни въ комъ и ни въ чемъ не шерпѣлъ превосходства, кошорое оскорбляло корышлюбивую гордость его. Изъ всѣхъ завистниковъ, разсѣянныхъ по лицу земли, Шамфорть былъ шотъ, кошорый наименѣе прощаль богачамъ и вельможамъ за великолѣпіе домовъ и за изобиліе въ шполахъ ихъ, хопя шѣмъ и другимъ желалъ бы и самъ наслаждаться. Въ лице и частно щадилъ ихъ, ласкалъ и всячески угождалъ имъ; казалось даже, что инокшорыхъ любилъ и почиталъ; ибо превосносилъ ихъ пышными похвалами, и разумѣется, тогда шольно, когда чаялъ ошъ нихъ какой иибудь выгоды. Но вообще

„мласъ сей поносилъ немилосердо; а какъ
 „усмопрѣлъ, что и шѣ богачи и шѣ вель-
 „можи скоро лишашся своихъ премю-
 „щесствъ, сѣдовашельно сѣблаюшся для
 „него бесполезными, тогда со всѣми ими
 „распрощался и перешель на сторону на-
 „рода.

„Въ нашихъ обществахъ мы часно из-
 „дѣвались надъ его поведеніемъ; и я (про-
 „должаешь Мармоншель) хоня не любилъ
 „его, но иногда видался съ нимъ шолько
 „изъ благоприсойности, не желая сѣб-
 „лашь его себѣ врагомъ.“

Здѣсь описываеиъ Мармоншель разгово-
 воръ свой съ Шамфоршомъ, когда случи-
 лось имъ оспашься въ Академіи однимъ
 послѣ бывшего засѣданія. Изъ словъ Шам-
 форшовыхъ, приводимыхъ Мармоншелемъ,
 видно до какой степени нравъ сего че-
 ловѣка былъ развращень, какими злыми
 и черными мыслями душа его была на-
 полнена, и какое вредное злоупотребле-
 ніе дѣлалъ онъ изъ ума своего, обращая
 оный, въ угодность жорысполубивымъ
 мечнамъ, на оклеветаніе добродѣтелей
 и оправданіе гнуснѣйшихъ пороковъ.
 Мармоншель сожалѣеиъ о немъ, какъ о
 человѣкѣ, доведшемъ себя до того, что
 наконецъ, бывъ защитникомъ и спослѣ-
 шникомъ свирѣпшвовавшего тогда во
 Франціи зла, самъ сѣблался жершвою
 онаго и принуждемъ былъ окончить жизнь

свою самоубійствою. Мы не помѣщаемъ здѣсь вышеозначеннаго разговора; ибо какая польза сохраняя въ памяти черныя дѣла и мысли впадшихъ въ заблужденіе людей? лучше оставляя оныя въ мракѣ забвенія. Но не можемъ пропустить безъ замѣчанія того, что сочиненіе писателя споль вреднаго, каковъ былъ Шамфорть, а особливо писанное съ злымъ намѣреніемъ, дабы предъ народнымъ господствовавшимъ тогда буйствомъ оклеветать и очернить Французскую Академію и съ нею всякое ученое и благонамѣренное общество — сочиненіе, говорю, таковое, не токмо недостойно бытъ переводимо на другіе языки, но и на шомъ, на которомъ оно писано, надлежало бы его презрѣшь и предать всегдашнему забвенію. Между шбѣмъ сіе сочиненіе переведено и напечатано въ Журналѣ, называемомъ *Сынъ отечества* (*), безъ всякаго оужденія или возраженія, какъ будто бы оное было одно изъ полезныхъ и достойныхъ перевода сочиненій. По сей причинѣ почитаемъ мы за должное и нужное помѣстити здѣсь переводъ съ отѣвѣша, сдѣланнаго на оное однимъ изъ благоразумнѣйшихъ Французскихъ писате-

*) См. въ семъ журналѣ No 39 и послѣдующіе 1819 года.

лей, Аббашомъ Мореллетомъ, доказавшимъ ясно, какъ неабыя лжи сего сочиненія, такъ и гнусность побудительныхъ причинъ, съ какими оно писано. Мореллетъ старался пѣмъ отвратить всякой вредъ, могущій послѣдовать отъ сего Шамфортова сочиненія. Мы переводомъ Мореллетова опроверженія дѣлаемъ поужь самое въ разсужденіи напечатаннаго на языкѣ нашемъ перевода сего Шамфортова произведенія.

*Отвѣтъ Мореллета на Шамфортова
сочиненіе объ Академіяхъ.*

Недавно появилась рѣчь, написанная противъ Французской Академіи. Сочинитель оной, Г. Шамфортъ, членъ тойже самой Академіи, дѣлаешь на сіе Сословіе, предъ народнымъ собраніемъ, шоржешвенный извѣстъ, яко бы „оно естъ общешво бесполезное, смѣшное, презрѣнное, „низпадшее до виновнаго уничтоженія, „учрежденное для единого рабства; яко „бы естъ училище лести, человеконгододія, подлости; общешво, пишашущее „безумныя надежды деспотизма, доспашвеніемъ ему приверженцевъ и спосибшешвовашелей; продающее Корольмъ и

„слова свои и свое молчаніе; Академиче-
 „скія мѣста благоденствію людей пред-
 „почишающее, и посыднѣйшимъ обра-
 „зомъ шоргующее свободою народовъ,
 „лишь полькобъ обратишь на себя ошъ
 „Двора благоволеніе и милоспи; и пр.“

Когда человекъ, будучи членомъ ка-
 кого либо обществѣ, къ коему присоеди-
 нись и желалъ и всячески добивался,
 и ошъ коего никогда не имѣлъ личнаго
 оскорбленія, когда шакой человекъ поль
 сильно вооружаешь на свое сословіе,
 подвергаешь себя, по мнѣнію моему,
 двумъ необходимымъ обязанностямъ:

Во первыхъ совершенно удосповѣ-
 рись о почномъ существованіи тѣхъ
 законопреступныхъ злоупотребленій, о
 копорыхъ извѣшь шоржественно про-
 износишь;

Во вторыхъ, (предположивъ, что сдѣ-
 лашъ шаковой извѣшь почель онъ дол-
 гомъ своимъ ошносительно къ цѣлому
 обществу) бышь также увѣрену, что
 нишо другой, кромѣ его, исполнишь шо-
 го на себя не примешь.

Не могу не замѣнить, что Г. Шам-
 форшъ ни шой ни другой изъ сихъ обя-
 занностей не исполнилъ.

Съ самага вступленія своего на уче-
 ное поприще, шо ешь, болѣе уже двад-
 цати лѣшь, Г. Шамфоршъ всегда имѣлъ
 у себя предъ глазами Академію, не бывъ

еще членомъ оной: не пропускалъ ни одного публичнаго собранія; состязался о наградахъ; проводилъ жизнь свою съ людьми учеными, къ числу коихъ присъщися искалъ всѣми мѣрами; былъ не однократно увѣчанъ руками ихъ, и пр.

Получивъ званіе Академика, чему уже десять лѣтъ прошло, онъ приближе всѣхъ посѣщалъ собранія. Три раза въ недѣлѣ раздѣлялъ занятія общества; три раза въ недѣлѣ, шагъ сказашъ, жилъ почти по два часа съ своими сочленами.

По извѣстной проницательности Г. Шамфорша, не лзя предполагашъ, чтобы онъ, будучи спомоществуемъ замѣчаніями, какія дѣлашъ имѣлъ случай въ самыхъ нѣдрахъ общества, не составилъ себѣ давно вѣрнаго и постояннаго мнѣнія о семъ заведеніи.

И потому мы имѣемъ право предполагашъ и вѣришъ, что, по крайней мѣрѣ, до сего послѣдняго времени, благопріимное мнѣніе его не измѣнялось. Непрерывныя посѣщенія нашихъ собраній и молчаніе его, продолжавшееся болѣе десяти лѣтъ, не позволяющъ думать, что онъ всегда представлялъ себѣ Академію подъ шоль ненавистнымъ видомъ, подъ каимъ хошѣлъ ее выставишъ, чрезъ посредство Г. Мирабо, предъ народнымъ собраніемъ.

Ешьяли усмошрѣлъ онъ въ Академіи съ одной спорош *истощность и невѣ-*

жество, а отъ другой подлое ласкательство, законопреступное соучастіе съ тиредами, безгласный торгъ свободою народомъ, и проч. кто какъ бы при своемъ мужествѣ, при любви къ свободѣ, при патриотизмѣ, при силѣ качествъ, которыя нынѣ въ себѣ являешь и другимъ проповѣдуешь, какъ бы сдѣлалъ онъ молчаніе сподоль долгое время? Какъ ушамъ бы сдѣлалъ важныя испины и сподоль великия опасности? Какъ не обнаружилъ бы Академіи, еслили не предъ Правительствомъ, которое, по мнѣнію его, участвовало въ ея злоупотребленіяхъ, такъ предъ всею націею, предъ цѣлою Европою? Какъ не подвергъ бы ея справедливому негодованію всего свѣша?

Какой же новый свѣтлыицъ помогъ Г. Шамфорну ошарыть пороки общества, на которое доносишь націи, проведя десятишь лѣтъ въ вѣдрахъ онаго? Какимъ образомъ вдругъ удесловрелъ, что оныя весьма важны, и что единое средство искоренить ихъ, есть уничтожить Академію? Какъ родились въ немъ такія мысли въ то самое точное время, когда увидѣлъ онъ Академію подверженну нападеніямъ, и когда было предложено въ народномъ собраніи на разрѣшеніе: оставишь ли ее по прежнему, или уничтожишь? — Я не думаю, чтобы Г. Шам-

Ча с т ь VII.

7

форпшъ могъ дать на сіи вопросы удовлетворительный отвѣтъ.

Кромѣ сего, Г. Шамфоршъ, возставаа такимъ образомъ противъ сословія, ко-го онъ членъ, можетъ за свой поступокъ подлежать порицанію еще и по тому, что не былъ къ сему обязанъ; поелику не лзя ему думать, чтобъ извѣтъ, который сдѣлавъ принялъ онъ на себя, не могъ быть произведенъ многими другими ревнителями по истинной или мнимои пользѣ народа, зависящей отъ уничтоженія Академіи.

Я находилъ, по крайней мѣрѣ доселѣ, что сіе почиалось за правило въ нравственности. Нѣкоторые весьма свѣжіе примѣры, коими Г. Шамфоршъ захотѣлъ предпочтительнѣе слѣдовать, вразумляющъ меня, что есть совсѣмъ новая нравственность, по которой сей родъ доносана наименованъ *патріотизмомъ*, и доставляетъ исполнителямъ своимъ нѣчто покоее на славу, названную *народостительностію*, которая часто ведетъ ихъ къ существеннѣйшимъ выгодамъ.

Но мнѣніе *общенародное*, которое надлежитъ опличать отъ *простонароднаго* мнѣнія, еще не освящено сего новаго рода произма; еще весьма многіе думаютъ, что человекъ, хотя нѣсколько совсѣстный, не можетъ сдѣлаться дощикомъ, обвинителемъ, орудіемъ разру-

шенія того цѣлаго, коего бышь членомъ за честь себѣ сшавиль, и что, еспльи уже необходимо надлежишь срубиль дерево, кошорое приосѣняло его своими вѣшвами, по онъ обязанъ оставишь другимъ печальную должность нанесши первые удары.

Послѣ сихъ замѣчаній, можно, я думаю, прямо объявишь Г. Шамфоршу, что послушокъ его въ отношеніи къ Академіи, будешь порицаемъ отъ всѣхъ людей, кои честность, благоприсойность и общежительную вѣжливостъ не почитаютъ пустыми словами.

Но я не хочу занимать личными недостатками Г. Шамфорша. Это такъ же мало относись до Академіи, какъ и до меня. Я намѣренъ только изслѣдовать мнимыя доказательства, на кошорыхъ основалъ онъ свое сужденіе объ Академіи. Онъ не сказалъ объ ней ничего новаго; повсорялъ только Дефоншена, Фрерона, Сабатиера и другихъ, прославившихся въ семь же родѣ, издаваемыхъ періодическихъ листковъ; давалъ иногда иную форму грубымъ мыслямъ, у сихъ господъ заимствованнымъ; но я долженъ и надѣюсь доказать, что онъ соблюлъ сколько же мало справедливости, благоприсойности и вѣжливости, какъ и помянутые писатели.

Г. Шамфоршъ во первыхъ утверждаешь, что „Ришелье, одаренный рѣдкою

„способностію находить всѣ средства
 „къ распространенію и усовершенію са-
 „мовластія, учреждая Академію изъ нѣ-
 „кошораго числа ученыхъ, кои свободно
 „и по любви къ наукамъ собирались у
 „одного изъ своихъ друзей, хотѣлъ имѣть
 „вліяніе и на сіе возникающее сословіе,
 „и дасть ему видъ государственнаго учре-
 „жденія.“

Самовластіе есть очень худое дѣло;
 но не надлежитъ видѣть онаго повсюду
 и преслѣдовать тамъ, гдѣ его нѣтъ; ибо
 иногда любовь къ свободѣ превращается
 въ совершенное буйство, еслии нельзя
 въ помѣ подозревать чегонибудь еще
 худшаго.

Намѣреніе Кардинала Ришелье, при
 учрежденіи Академіи, было, по призна-
 нію всѣхъ благомыслящихъ людей, и по
 признанію самаго Г. Шамфорта, усовер-
 шенствовать языкъ и ободрить науки
 опличіями, какими могла Академія по-
 чтишь своихъ членовъ, и особливо не-
 оцѣненнымъ равенствомъ, которое уста-
 влялъ между ими, не смотря ни на чинъ,
 ни на состояніе; равенство, которое
 опшюдь не можетъ входить въ планъ
 неограниченнаго самовластія.

Я прибавлю къ сему, что, ежели Ри-
 шелье одаренъ былъ рѣдкою способностію
 находить всѣ средства къ распростране-
 нію и усовершенію самовластія, то сѣ-

пильникъ оный видимо измѣнилъ ему при учрежденіи Академіи. Ему недоспало проищательности предусмопрѣшь и шого, что видяшь самые глупые пираны, шо ешь, что свѣшь умовъ ешь урожденный врагъ пиранства, кошорое рано или поздно изшребляется ошъ онаго.

Посему Ришелье, при видахъ самовласшія, долженспвовалъ бы разсвѣшь возникающее общешво, а не благопріятспвовалъ оному. Но событіе совершенно доказало, что онъ лучше вель свой расчешъ; ибо Францусная Академія и другія всѣ Академіи пригошовили и ускорили ходъ просвѣщенія и общешвенной свободы.

Я сказалъ, что равеншво Академическое, Кардиналомъ ушпановленное, и соединеніе ученыхъ и царедворцевъ служашъ оправданіемъ ему, что не помышлялъ онъ о плашб пиранніи, какой приписываетъ ему Г. Шамфоршъ. Сія удачная выдумка во всѣ времена была похваляема. Такъ понимали и защищали оную всѣ благомысляще люди; намъ нѣшъ нужды вооружашъ за нее противъ порицаній Г. Шамфорша. Однако выслушаемъ его.

„Слишкомъ превозносилъ погда, го-
 ,,воришь онъ, сіе мнимое Академическое
 ,,равеншво, кошорое, при полишическомъ
 ,,и гражданскомъ неравеншвѣ, было не

„что иное, какъ пушка; ибо кто не ви-
 „дитъ, что спавишь Расина наравнѣ съ
 „Кардиналомъ было тогда спольже не-
 „возможно, сколько и нынѣ равняшь на-
 „кого нибудь Кардинала съ пѣвѣже Ра-
 „синомъ.“

Здѣсь Г. Шамфортъ умспвуесть смѣ-
 шно и погрѣшительнo. Онъ не понималъ,
 кажешся. самъ себя.

Равенство Академическое, успановлен-
 ное Кардиналомъ Ришелье, есть шакое
 равенство, въ слѣдствіе коего Лишера-
 торъ, Миниспръ, Кардиналъ, Маршалъ
 Франціи, принимались въ Академію оди-
 накимъ образомъ, ш. е. по ихъ собствен-
 нымъ прозьбамъ; обязывались одинакими
 должностями, подчинялись одинаковымъ
 правиламъ. Вотъ равенство въ обществѣ,
 кошорое онъ учреждалъ; сего шолько ро-
 да равенство и могъ успановишь въ немъ;
 и оно есть существенное, а не мнимое;
 оно было дѣйствительнo шаково, како-
 ваго хотѣлъ Ришелье.

Что при неравенствѣ политическомъ
 и гражданскомъ не было равенства Ака-
 демическаго, сказано неосновательнo;
 ибо первое не мѣшало существовать по-
 слѣднему. Ришелье не проспиралъ тогда
 видовъ своихъ до уничтоженія всего по-
 литическаго и гражданскаго неравенства
 въ государствѣ; ему вовсе неизвѣстны
 были тѣ великія выгоды, какія можно

имѣлъ, помѣсивъ Пера Франціи, относительно политическаго и гражданскаго существованія, на ряду съ художникомъ, съ поденщикомъ, или хоть съ простымъ Липераторомъ; онъ хотѣлъ только, чтобы сіе неравенство совсѣмъ забыто было въ одной Академіи; и такое благородное намѣреніе сдѣлало Кардинала почтеннымъ у всѣхъ благомыслящихъ людей, кои судили объ Академіи прежде Г. Шамфорта.

И то, чѣмъ хочеть Г. Шамфортъ доказать, что равенство Академическое составляетъ одну шупку, есть также неосновательно. Какую невозможность видишь онъ въ томъ, чтобы, при Лудовикѣ XIV, сидѣлъ Расинъ подлѣ какого нибудь Кардинала, и чтобы нынѣ Маршалъ Франціи имѣлъ мѣсто подлѣ Г. Шамфорта, лишь бы сей послѣдній, сидя съ нимъ рядомъ, сохранялъ благоприспособность? Посадишь Расина подлѣ Кардинала, по учрежденію Академическому, о коемъ идешь здѣсь рѣчь, значило не иное что, какъ дашь имъ обоимъ равныя и одинакія права въ ученomъ обществѣ, кошораго членами они были. Сіе-то самое и сдѣлалъ Ришелье; чрезъ то возвысилъ блескъ наукъ и пріучилъ народъ чувствовашъ достоинство оныхъ.

Хотя изъ любопытства замѣтимъ, съ какою неосмошрительностію Г. Шам-

Форшъ, сказавъ уже, что Академическое ризенство была одна шутка, самъ же говоритъ намъ о благодѣлствіяхъ отъ сего учрежденія; сколько-ни шрудно зашмимъ истину!

Вошь его слова: „сіе смѣшеніе царь-„дворцовъ и ученыхъ было тогда почи-„шаемо за услугу. наукамъ оказанную; „можетъ быть, оно въ самомъ дѣлѣ и-„сволькими минушами ускорило ходъ об-„щественнаго мнѣнія о цѣнѣ великихъ „дарованій; съ того времени, какъ на-„родъ увидѣлъ Пашрю, сидящаго на радѣ „съ чиновникомъ, украшеннымъ звѣздами, „спалъ больше уважать его.“

Но я спрашиваю у него, какъ такое учрежденіе, которое въ самомъ дѣлѣ ускорило ходъ общественаго мнѣнія, расположившаго народъ чувствовашъ достоинство и давалъ ему приличное мѣсто, заставившаго чинить болѣе дарованіе, когда оно явилось на радѣ съ людьми, украшенными почестями; какъ, говорю, учрежденіе, производившее, по мнѣнію самаго Г. Шамфорша, такія послѣдствія, все еще останетсѣя, по его словамъ, шуткою. Позволивъ себѣ только грубыя противорѣчія, не долженъ бы онъ былъ помѣщашъ такихъ мыслей, которыя столь сильно другъ друга опровергаютъ. на одной и тойже страницѣ такъ, что можно изъ окинуть однимъ взглядомъ.

Г. Шамфорть шолчасъ поправляетсѣ въ неоспорожномъ своемъ признаніи, безпрелетно вооружась пр иливъ того общественнаго мнѣнія, что Француская Академія была полезна д наукъ, служа почетною наградою за лѣтхи въ словесности, и сдѣлавшись г дмешомъ искашельства, коего не чужы были люди и самыя отличныя по своимъ дарованіямъ.

Чтобъ удобнѣе споржеспвовать надъ шѣми, коихъ не ваешъ онъ приберженцами Академіи. сло которыхъ, по увѣренію его, отенъ зелико, и всѣ они враги произшедшей с Франціи перемѣны, влагаетъ имъ въ ус шакіе доводы, какихъ они никогда р пошребляли.

„Они упвержда ютъ, говоритъ онъ, „что лавры всѣхъ аменншихъ писателей вѣка Лудови XIV, бывшихъ членами Академіи, знаваляютъ ея достоианіе, Академич ескую собственность, „Академическую славу, а не славу народную; поелику с чиняли они только для того, чтобъ бытъ сопрчисленнымъ къ сему сословію; поелику они ничего рошаго не написали, какъ только побуждаемые достигнуть сей цѣли. Ито повѣритъ, продолжаетъ Г. Шамфорть, „что Корнель написалъ *Горацийевъ Цинту*, „*Полюекта* для того только, чтобы скашь честь возсѣсть между Гг. Гриве,

„Саломономъ, Поршеромъ, Коломби, Буассасомъ, и проч.

Во первыхъ я спрашиваю, почему бы Академіи не почиташь за опблескъ на нее самую, славы великихъ Писателей, кои сосставляли сіе сословіе? Для чего не сказать, что Корнель, Расинъ, Фенелонъ, Моншескю, Волшеръ принадлежатъ Академіи? Сіи великіе мужи, безъ сомнѣнія, принадлежатъ народу, но принадлежатъ также и обществу, въ копорыхъ они образовались, или въ нихъ жили? Парижскій Университетъ хвалятся Ролленами, Кохинами, Томасами, Деллями; Парламентъ Г. де Ту, Моле, Дагессо, Ламуаньонами. Сей родъ собственности, проспираемой всякимъ обществомъ на своихъ членовъ, не имѣешь другихъ правъ, и сихъ правъ достаточно. Корнель и Расинъ, Фенелонъ и Массильонъ, суть достояніе Академическое и вмѣстѣ достояніе народное, такъ какъ Тюрень и Капинашъ прославили купно и родъ свой и свою націю.

Приписывать, какъ - то дѣлаешь Г. Шамфоршъ, защитникамъ Академіи, будто бы утверждають они, что сіи знаменитые Писатели произвели сочиненія свои единственно для того, чтобы быть членами Академіи, есть влагать имъ въ уста такую нелѣпицу, какой нившо не произносилъ.

Говорили, и говорили справедливо, что учрежденіе Академіи было ободреніемъ въ ученыхъ упражненіяхъ, и что желаніе всупить въ оную могло способствовать, и дѣйствительно способствовало къ поддержанію славы наукъ словесныхъ во Франціи. Ипакъ замѣняя предложеніе не исключительное предложеніемъ исключительнымъ, и объясняя слова скромныя и умѣренныя неумѣрымъ преувеличеніемъ, означаешь явную злонамѣренность.

Говоришь, что желаніе и надежда бытъ приобщену къ такому сословію, коего члены были оплочно уважаемы во мнѣніи народномъ, ободряли писателей, и способствовали, совокупно съ другими многими причинами къ произведенію сего великаго числа превосходныхъ твореній, коими гордится Французская словесность; говоришь такъ есть говоришь умѣренно, неисключительно, не хвастливо; а скажешь, что Корнель, Расинъ, Волшеръ и Монпешю написали безсмертныя сочиненія только для того, чтобы всупить въ Академію, есть такой вздоръ, какой никому не приходилъ въ голову.

Чтожь касается до того, что крикъ высказываетъ сочинителя *Цинны* и *Поліевкта* наряду съ нѣкошорыми учеными, коихъ творенія, для ихъ времени

довольно хорошія , не дошли до пошомешва; замѣчу сперва, что Г. Шамфоршу который умѣлъ шушпить шакъ оспро и забавно, не приспало, да и спыдно при бѣгашъ къ шушкамъ слишкомъ легкимъ и слишкомъ обыкновеннымъ.

За пѣмъ въ опвѣншъ на замысловашую ссылку или указаніе его на членовъ коихъ именъ, по словамъ его, даже современная сатира цюмянуть не удостоила, я скажу съ Даламберномъ: „имена предне- „сшвенниковъ нашихъ вписаны въ вели- „кую книгу пошомешва, каждое на за- „служенномъ мѣстѣ; и мѣсто сіе не все- „гда бышь можешъ въ равной сшепеш „благопріятно ихъ памяни. Но почю „не признашъся? Возможно ли Академія „для каждаго вразднаго мѣста имѣшъ „подъ руками на всякой разъ досшой- „наго пріемника? Развѣ общешельсшва, „которыя бываюшъ иногда прошлымъ „самымъ лучшимъ намѣреніемъ, всегда „дозволяли намъ соображашъся, въ на- „шихъ собраніяхъ, гласу публики и же- „ланію ученыхъ.“

Умышленное исчисленіе или приводъ иѣкопорыхъ именъ Академиковъ неизвѣстныхъ, съ коими засѣдашъ ни Корнелии или Расины не могли вмѣняшъ себѣ за честь, досшавляешъ Г. Шамфоршу весьма ненадежное доназашельсшво; поелику легко на оное ошвѣшшвовашъ. Я могу

сказашь, что для того и хощѣлъ Буало вступити въ Академію, чѣтобъ бытъ со-другомъ Расину; чѣто Фенелонъ желалъ бытъ членомъ тогоже сословія, которое славилось именемъ Боссюета; и Массильонъ искалъ мѣста въ томъ спискѣ, въ коемъ находился Фенелонъ.

Во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ есть доброе, посредственное, а иногда и худое: обществу, наилучшимъ образомъ составленнымъ, подвержены сему закону; въ нихъ добрымъ наслаждаемся, посредственное сносимъ; но худого никогда не ищемъ въ вещахъ, которыми хощимъ наслаждаться.

Когда Г. Шамфоршъ обращался съ царедворцами и съ чиновниками государственныхъ, родъ людей, коихъ онъ нынѣ преслѣдуетъ съ такимъ оспервененіемъ, котораго и самые враги ихъ не одобряютъ, тогда искалъ сообществу ихъ конечно не для того, чѣтобъ бытъ вмѣстѣ со скучными невѣждами, коими дома знатныхъ бывають наполнены, а вѣрно для того, чѣтобъ раздѣлитъ время съ собесѣдниками умными, каковыхъ также не мало найти можно было.

Итакъ, оставивъ всякое сравненіе такихъ сообществъ съ Академію, а принявъ за предметъ одно неравенство либераторскаго достоинства, Г. Шамфоршъ позволилъ намъ думать, что Бу-

ало, Фенелонъ и Массильонъ имѣли въ виду людей достойныхъ, коимъ хотѣли сдѣлаться содрузами.

Попомъ Г. Шамфортъ спарается доказать, что сіи знаменитые мужи произвели образцовыя свои творенія не для вступленія въ Академію; что они не надѣялись быть членами Академіи; что Академія не была предметомъ ихъ исканія; и ушверждаетъ, говоря:

О Расинъ, что онъ съ самой первой юности, былъ ободряемъ благодѣянiami Лудовика XIV; что, сотинивъ Андромазу и Баязета, не принадлежалъ еще къ Академіи, и наконецъ что былъ принятъ въ оную не прежде, какъ по издѣяленіи Лудовикомъ воли своей въ словахъ равносильныхъ именованію указу.

О Буало, что онъ потиталъ входъ въ сіе сословіе для себя затвореннымъ по сотиненіи своихъ сапиръ, и что онъ сдѣлался Академикомъ только по вліянію Королевской власти.

О Лафоншенъ, что онъ былъ чуждъ всякаго чесподюбія; что сей баснописецъ по превосходству произвелъ бы и безъ Академіи свои басни.

О Кинольщъ, что онъ, и не имѣя въ виду Академіи, сотинялъ бы всегда олеры для Короля, который награждалъ столь щедро за одни прологи.

Наконецъ о Боссюешѣ, Фенелонѣ, Масильонѣ, которыхъ дарованія призывали къ первымъ духовнымъ достоинствамъ, что они не имѣли нужды въ семъ слабѣмъ побужденіи, дабы достигнуть предназначенія, уготованнаго ихъ геніемъ.

Все это такъ неосновательно и такъ несправедливо, что я, прочитавъ оное, сказалъ самъ себѣ: вопъ какого человѣка почишаютъ умнымъ! Надѣюсь, что и мои читатели подивятся со мною.

Что Расинъ былъ воодушевленъ благодареніями Лудовика XIV, сіе не доказываетъ, что онъ былъ онъ такъ же подспрекаемъ желаніемъ славы и почестей либераторскихъ; а Г. Шамфоршъ не можетъ отрицать, что Академія не была почестію для заслугъ ученыхъ.

Что Расинъ былъ принятъ въ Академію только по изъявленной волѣ Лудовика XIV, а Буало по вліянію власти Королевской, сіе можетъ доказывать единственно то, что Лудовикъ принудилъ бы Академію причислить ихъ къ своему сословію, а не то, что бы и другой не желали бытъ ея членами; ибо въ противномъ случаѣ весьма естественно предполагать, что воля и вліяніе Лудовика XIV не были бы употреблены вопреки ихъ желанію.

Что Расинъ, и по сочиненіи Андромахи и Баязета, не былъ еще принятъ

въ Академію, сіе не доказываешь, чѣмъ съ того времени онъ уже и не желалъ бытъ членомъ ея. Онъ имѣлъ причину тому удивиться, какъ мать и Г. Шамфортъ; но кто сказалъ, чѣмъ онъ не жаловался!

Что касается до позднаго принятія Расина и Буало, шѣ, кои никакъ въ исторію Академіи съ другими намѣреніями, а не съ намѣреніемъ ее поронить, зная, что были саму причиною, которыхъ занимають Академію.

Справедливый возмущенный превосходными твореніями великаго Корнеля, произвелъ во многихъ какъ ученыхъ, такъ и царедворцахъ, общее предубѣжденіе противъ дарованій юнаго соперника его. Публика обыкновенно удивляется чѣмъ нибудь одному исключительно: она какъ будто боится, чѣмъ не помѣшалъ ей наслаждаться настоящимъ, предсавивъ ей наслажденія новыя. Сію-то самую препону Лудовикъ XIV хотѣлъ опдалить не по тому чувствію тирановъ, накое Г. Шамфортъ повсюду видишь, не будучи руководимъ добрымъ вкусомъ и здравымъ разсудкомъ. Такую несправедливость не сочинилъ *Андромахи* и *Баязета* надлежитъ отнести на счетъ Публики не менѣе, какъ и на счетъ Академіи; и мы имѣемъ причину вѣрить, что Академія призналась въ томъ первая.

Сподькоже мало почности и вѣрно-
сти въ помѣ, что Г. Шамфоршъ гово-
ришь и о Буало. По словамъ Даламбер-
ша, колкія насмѣшки, какія позволялъ
себѣ Депрео прошивъ многихъ членовъ
Академіи, долго зашворяли ему входъ въ
сіе сословіе; но наконецъ приспѣлъ
день правды. По испинѣ признашся,
одна справедливосшь не рѣшила бы голо-
совъ въ его пользу; покровительство Мо-
нарха засшавило молчашъ недовольныхъ,
и проч.“

Легко можно усмотрѣшь различіе ме-
жду словами Г. Шамфорша и словами Да-
ламберша; только въ послѣднихъ видѣнь
языкъ справедливосши и разсудка.

Весьма естественнo, что эпиграммы
саширина сдѣлали врагами ему шѣхъ, кого
осмѣивалъ, и что они не хотѣли имѣшь
его своимъ собрашомъ. Какое уваженіе
ни заслуживало бы дарованіе, но не лзя
шребовашъ ошъ людей, чшобъ его любили
и искали съ нимъ сблизиться, когда оно
прошивъ нихъ употребляешся. Уже и по-
го много, что *приспѣлъ день правды*, хо-
щя и поздно, и что справедливосшь взя-
ла верхъ, хошя при помощи другаго нѣ-
копорого побужденія.

Еще къ удивленію видимъ, что сіе за-
медленіе въ приняши Буало и сіе явное
вліяніе Королевской власпи спавяшся въ
доказательство того, что Буало не на-

дѣлся и не желалъ быть членомъ Академіи; ибо какая связь между дѣломъ и посылдспвіемъ, которое Г. Шамфоршъ вводитъ изъ онаго?

Лафоншенъ, въ самомъ дѣлѣ, не былъ любочеспивъ; однакожъ онъ писалъ, какъ и всѣ пишутъ, для того, чпобъ его читали, хвалили; для того чпобъ снискашь уваженіе, какого достойны были дарованія его; онъ пожелалъ собрать плоды трудовъ своихъ и воспользовашься въ годахъ, которыхъ ищущъ, какъ видѣлъ онъ, и другіе люди съ дарованіями; началъ и самъ искашь мѣста въ Академіи. Всѣ увершки Г. Шамфорша не могутъ зашмишь истины.

Оспроумное госпожи Деласабліеръ выраженіе, употребленное для описанія дара сего рѣднаго человека, не можешъ служишь основаніемъ важнаго умозаключенія; ибо шущъ видѣнь недоспахокъ строгой Логикки.

Даръ истинный и свободный, безъ сомнѣнія, можно уподобишь красивому дереву, приносящему плоды въ свое время; но дерево сіе не даетъ хорошихъ плодовъ, естли не будешъ привишо, не будешъ поливаемо, подчищаемо, и проч. Такъ и разумъ не производишь желаемыхъ плодовъ безъ воздѣлыванія еще рачительнѣйшаго, безъ пригошвленія еще

продолжишельнѣйшаго и безъ усилій еще упорнѣйшихъ.

Мы знаемъ, по нѣкошорымъ подробно-спямъ жизни Лафоншена, и по небольшому числу швореній его, изъ кошорыхъ басни лучшую часть сославляютъ, что сіе прекрасное собраніе было плодомъ долговременныхъ размышленій.

А къ продолженію всякаго штруда пошребны человѣку побужденія. Ссколько бы ни былъ онъ увлекаемъ таланшомъ своимъ, но еще нужно ему нѣкое поощреніе въ шеченіи на его поприщѣ. Желаніе большихъ удобствъ въ жизни, желаніе лишерашорской славы суть общія побужденія, поддерживающія людей ученыхъ въ штрудахъ ихъ. И сіи-шо выгоды для Лафоншена, какъ для Расина и Буало, заключались въ шомъ, чшобъ заняшь въ Академіи мѣсто, кошорое, по общешвенному мнѣнію, опредѣляющему степень славы, имѣло великую цѣну.

Г. Шамфоршъ и о Кинольшѣ судишь шакже ложно. Лудовикъ XIV никогда не плашилъ ему за прологи шакъ щедро, чшобъ не ошавалось ему иныхъ побужденій къ сочиненію прекрасныхъ оперъ. Имѣя пять дочерей, кошорыхъ надлежало пристроишь, восклицалъ онъ:

O ciel! peut - on jamais avoir
Opera plus facheux à faire ?

Слѣдовательно нужны ему были Королевскія милосши; но ища милосшей ошъ Короля, могъ онъ шакже желашъ и одобренія ошъ людей ученыхъ, Академію сосшавлявшихъ, и шого уваженія по словесности, какое публика имѣла къ членамъ сего обществя; ибо шакія желанія не были одно съ другимъ несомнѣшны.

Томъ самое можно сказашъ о Фенелонѣ и Массильонѣ. Ниному не приходило въ голову ушверждашъ, что Боссюешъ не написалъ бы своихъ *надгробныхъ рѣчей*; ни Фенелонъ своего *Телемака*, ешълибъ не было Академіи; а что Массильонъ и Фенелонъ долженствовали бышъ Епископами, изъ шого не слѣдуетъ, чтобъ они не были чувствительны къ славѣ, доставляемой науками, къ лаврамъ авторскимъ, и къ шой чести, въ каую, по общему мнѣнію, посшавлялось тогда, и нынѣ еще, не смотря на Г. Шамфорша, посшавляешся бышъ членомъ Академіи. Сии различныя побужденія ошнюдъ непротивны одно другому; и, гдѣ ни видимъ высокій талантъ въ блестящемъ его пареніи, можемъ полагашъ, что оныя всѣ совокупно къ шому способствовали.

Послѣ шоль ложныхъ умшвованій, Г. Шамфоршъ почишаетъ еще своею обязанностію ошвѣчашъ на весьма ясное доказательство, кошорое можно извлечь изъ публичныхъ и шоржешвенныхъ ош-

зывать, произнесенныхъ знаменитѣйшими мужами въ день ихъ принятія. Они всѣ, при многочисленномъ собраніи, изъявляли и желаніе, какое имѣли вступити въ Академію, и признательность къ словію, которое принимало ихъ въ свои члены.

Таковыя ошзвы, въ коихъ, по крайности вообще, не лзя предполагашь ни припворства, ни подлости, говорящъ конечно сильнѣе за Академію, нежели самопроизвольныя предположенія и оскорбительныя нареканія Г. Шамфорша.

Ошвѣщны его любопытны :

Они почти всѣ говорятъ одно; да какъ имъ и говорить иное? Корнель и Расинъ, прежде ихъ, это говорили.

Спранная логика! уже ли Г. Шамфоршъ не почувствовалъ, что ему ошщаселся изъяснити, какимъ образомъ именно Корнель и Расинъ говорили, и доказашь, что они хотя шо говорили, а про себя думали прошивное? Это походитъ на изъясненіе Индійскихъ богослововъ, кои сказывающъ, что свѣтъ спощитъ на слонъ, а слонъ на черепахъ; да лѣе же черепахи свѣденія ихъ не просширающся.

Второй ошвѣщъ Г. Шамфорша состоитъ въ томъ, что *симъ жалкимъ и пустымъ обрядомъ прикрывалась скудость*

содержанія рѣтей и ничтожность предъ-
стника новаго глена.

Сказашь нѣсколько лишннихъ словъ
есть не велико пособіе шому, у кого
предмешь рѣчи скуденъ, а предшествен-
никъ былъ ничтоженъ. Нѣшъ; новопріе-
млемый членъ, съ самыми слабыми даро-
ваніями, могъ легко найши что ни есть
сказашь и кромѣ явной лжи, кошорой бы
нико не повѣрилъ.

Г. Шамфоршъ находить прешій ош-
вѣшъ прошивъ возраженій, въ насмѣш-
кахъ и эпиграммахъ, какія вырываются
на счетъ Академіи у многихъ знамени-
тыхъ ея членовъ, до всшупленія ихъ въ
оную; примѣръ шому Моншескю и Вол-
шеръ; и *повѣрьте мнѣ*, присовокупляетъ
онъ съ видомъ убѣдительности, *што они
всегда такъ отзывались объ Академіи, вы-
ключая тотъ день, въ который были при-
няты въ ея глены.*

Нѣшъ, Г. Шамфоршъ! увѣреніе швое
неосновательно. Въ доказательство не
уваженія ихъ къ Академіи, на что при-
нимашь минушнюю досаду и непреодоли-
мую почши въ людяхъ наклонность къ
произнесенію оспраго словца? Почшо не
вѣрите лучше постоянному желанію,
заблшвому искашельству и поржеш-
венному признанію? Волшеръ и Монше-
скю позволяли себѣ на счетъ Академіи
оспрумныя шушки; но рѣчи, говорен-

ныя ими при вступленіи въ Академію, доказываютъ гораздо болѣе, и именно доказываютъ то, что они желали бытъ членами ея, и что того искали. Моншескую, по словамъ самаго Г. Шамфорша, *употребилъ* даже *подлогъ*, чтобы приобрѣсть званіе Академика. Ипакъ я лучше вѣрю постоянному ихъ желанію, нежели выскользнувшей насмѣшкѣ; вѣрю лучше рѣчамъ, при вступленіи произнесеннымъ, нежели эпиграммамъ *Узбека*, или эпиграммамъ сочинителя *Орлеанской дѣвственницы*. Г. Шамфоршъ не захочетъ, кажется, и самъ, чтобы за истинныя мысли его принимаемо было все то, что внушаетъ ему насмѣшливый и все очерняющій умъ, который одушевляетъ разговоры и сочиненія его; хотя онъ менѣе всѣхъ, можешь бытъ, прогаеетъ такимъ о себѣ сужденіемъ.

Г. Шамфоршъ такъ неосмотрителенъ, что въ свое время, какъ выдаетъ намъ шушки Волпера и Моншескую за истинныя ихъ мнѣнія объ Академіи, соглашается однакожъ, что *одинъ изъ нихъ огортился прелятствіями*, которыя поставляемы были его вступленію въ оную, а другой долженъ былъ покориться игу *владыкествовавшего тогда мнѣнія*, и домогаться креселъ, въ коихъ долго ему отказывали. Какъ же не видишь онъ, что огорченный противопологаемыми препяш-

спвіями шѣмъ съ большимъ усиліемъ старається доспигнушь цѣли, а покорившагося игу общаго миѣнія заспаваляеть сіе же общее миѣніе желанъ Академическихъ кресель? Сначала до конца въ сочиненіи Г. Шамфорша примѣчається одинакая несообразимось.

Наконецъ упорный кришикъ нашъ, долго искавши безъ успѣха, какъ видѣли мы выше, выпушась изъ запрудненій, признається, что нѣкошорые великіе люди въ самомъ дѣлѣ желали возсѣсть на Академическія кресла. Сіе признаніе могло бы его избавишь опъ шруда ломать голову для шого, чшобъ въ превращномъ видѣ предспавишь дѣло извѣсшное и неоспоримое; но онъ покушається вновь полковашъ его по своему, дабы опкло-нишь доказашельсшва, служащія въ пользу Академіи.

Вопшь, по его миѣнію, опъ чего случилось, чшо знаменишѣйшіе люди желали вступашъ въ Академію, не смощра на недостатки сего нехълаго и смѣшнаго утрежденія!

„Опъ шого, чшо деспотизмъ возла-
„галъ на людей, сколько нибудь опличив-
„шихся въ словесности, нѣкую обязан-
„ность вступашъ въ сіе сословіе.

„Опъ шого, чшо шираны, по внушрен-
„ному побужденію, пишали предразсуд-
„ки, дабы наложишь бразды на людей

„ученыхъ и держашъ ихъ подъ жезломъ
„своей власпи.

„Опъ шого, чшо мода подспрекала
„щеславіе и увѣковѣчивала заблужденіе
„общественнаго мнѣнія.

Наконецъ, „опъ шого, чшо ученые
„имѣли нужду, гнавъ какъ и всѣ люди,
„въ шомъ, чшо погдашняя гордоспъ име-
„новала *состояніемъ*; предубѣжденіе, по-
„казующее, восклицаетъ Г. Шамфоршъ,
„сколько числы и справедливы были
„погда общественныя понятія.“

На спранные полки сіи во первыхъ
скажу, чшо деспотизмъ, ш. е. на языкѣ
Шамфорша, прежнее правленіе, ни одно-
го изъ опличныхъ писателей не прину-
ждало вступать въ Академію. Лудовикъ
XIV сказалъ Расину: *я хоту, ттобъ вы
были членомъ Академіи*; но слова сіи не
заключающъ въ себѣ приказанія Расину,
а одно изъявленіе желанія или воли мо-
наршей, опносящееся къ Академіи.

Ежели бы деспотизмъ, о копоромъ
здѣсь ни къ чему сказано, внушалъ пи-
ранамъ какія мѣры, шо скорѣ спали бы
они преняшспововашъ людямъ просвѣ-
щеннымъ приобщашся къ сословію, имѣв-
шему нѣкопорое вліаніе на обществен-
ное мнѣніе. Такіе пираны были бы даль-
новиднѣе пирановъ Г. Шамфорша; ибо
извѣспно, чшо Академія въ числѣ чле-
новъ своихъ имѣла великихъ сподвижни-

ковъ свободы, великихъ учителей рода
человѣческаго, кои изъясняли права его,
и проч.

Г. Шамфорть, говоря, что ошличные
лишерапоры желали бышь Академиками,
единственнно изъ подражанія модѣ, пред-
сшавляешъ, въ иномъ шолько видѣ и безъ
всякаго рѣшенія, по возраженіе, на ко-
шорое ему опвѣчать бы надлежало.

Говорить, что было въ модѣ назы-
вашься членомъ Академіи, значить со-
глашашься, что во мнѣннн общеспвенномъ
званіе Академика имѣло нѣколпоруую цѣ-
ну; разбирашъ, ложно или основашельно
было сіе мнѣніе, не принадлежишъ къ
нашему предмету; здѣсь идешъ дѣло
шолько о томъ, дѣйствительнн ли ош-
личные въ словесности люди спавили
поспупленіе въ Академію за предметъ
любочеспія и за награду шрудовъ своихъ?

Наконецъ, что касаеться до желанія
имѣть *состояніе*, по извѣстнн, что больша-
ша насъ знаменитыхъ мужей, о коихъ
здѣсь идешъ рѣчь, имѣли *состояніе*, не-
зависимое отъ званія Академика: Кор-
нель, Расинъ, Буало, Боссюешъ, Фене-
лонъ, Аббашъ Флери, Массильонъ, Вол-
шеръ, Бюфонъ, и проч. имѣли *состояніе*.

И кака дикая, необщешительная
мысль! находишъ въ надобности имѣть
состояніе, совершенную порту обществен-
ныхъ понятій! Что, напрощивъ, прелич-

нѣе челоуѣку въ общежитіи, какъ присвоивъ себѣ и придавалъ другимъ нѣкошорую значительность, какъ бышъ извѣстнымъ, п. е. не безыменнымъ членомъ общества, словомъ: какъ имѣлъ каждому свое *состояніе!*

„Солонъ, говоритъ Плушархъ, возлюбилъ на Ареопагъ власть и обязанность, развѣдывалъ, ошъ чего каждый изъ гражданъ получалъ свое пропитаніе, и называлъ тѣхъ, кои жили въ праздности.“ Почему же у насъ порицаешь общественное мнѣніе за то, что дѣлалъ Ареопагъ? Оно нѣкошорымъ вниманіемъ и уваженіемъ оплачиваетъ имѣющаго *состояніе* ошъ того, кто онаго не имѣетъ.

Да и можно ли спавить въ вину Академіи, что даетъ она *состояніе* ученому, кошорый инаго *состоянія* не имѣетъ? Академія не раздаетъ членамъ своимъ ни мѣстъ судейскихъ, ни чиновъ воинскихъ, ни должностей государственныхъ, ни степеней духовныхъ: что все Г. Шамфоршъ ненавидитъ ошъ всего сердца; Академія дѣлаетъ только то, что на вопросъ, *кто за челоуѣкъ Шамфоршъ?* можно ошвѣчать: онъ членъ Французской Академіи, и сего для вопрошающаго довольно. Какая же ошъ того бѣда?

Сихъ примѣчаній, кажешся, достаточно для показанія, сколь несправедли-

во хваляцца Г. Шамфорцъ, будшо бы „выяснилъ понятія, смѣшеніе нѣкихъ заставляло приписывать существованію Академіи славу знаменитѣйшихъ членовъ ея.“ Напротивъ, онъ покушался паче зашмышь тѣ понятія, и привести все въ безпорядицу. Но можно жадѣяться, что, не смотря на сію шемношу и на сей безпорядокъ, пребудеть очевидно, что Академія была полезна словеснымъ наукамъ, представляя упражнявшимся съ нѣкоторымъ успѣхомъ въ оныхъ, награду, коей придавало общественное мнѣніе такую цѣну, кою которой отнюдь не умалишь мнѣніе Г. Шамфорца.

Послушаемъ теперъ, что говоритъ крищикъ о прудахъ и обязанностяхъ Академіи. Мы найдемъ поже опшущеніе отъ правилъ логики, шуже невѣрность въ изложеніи, пошже недоспашокъ присноиности въ изъясненіяхъ.

Онъ потчасъ опрокидывается на Словарь Академическій: повторяетъ общія мѣста самыя извѣстныя, неудачныя и низкія шущія, забавлявшія во всѣ времена пѣхъ ничтожныхъ липерашоровъ, коюрыхъ не щадилъ и самъ Г. Шамфорцъ; ибо онъ никого щадить не любитъ.

А чтобъ не бышь просто спущимокъ, то онъ въ кришкѣ господъ сихъ прибавляетъ еще желчи, и превращаетъ ее

въ настоящую брань. Сказавъ, что Словарь посредственъ, присовокупляешь, что производитъ даже негодование во всѣхъ образованныхъ людяхъ, и въ особенности Волтеру казался несносенъ.

Можно бы дать на замѣчаніе Г. Шамфоршу, что сочиненіе несносное, возбуждающее негодование въ людяхъ образованныхъ, есть уже, безъ сомнѣнія, гораздо ниже посредственности; но отъ него нельзя требовать пользы великой почтосности.

Мы только спросимъ у Шамфорша, кто именно пѣ образованные люди, въ коихъ производитъ негодование Словарь Академическій? и въ состояніи ли онъ доказать, что пѣ негодующіе суть почтенно люди образованные, или что пѣ образованные люди подлинно негодуютъ?

Сомнѣваясь о томъ заспавляешь насъ явная ложь, сказанная Шамфоршомъ о великомъ негодованіи Волтера.

Миѣнія сего знаменитаго мужа извѣстны были многимъ ученымъ, еще въ живыхъ находящимся, копорые были съ нимъ въ большей связи, нежели Г. Шамфоршъ, и копорые не только отъ него самаго слышали оныя, но и отъ пѣхъ членовъ Академіи, съ коими Волтеръ во всю жизнь свою имѣлъ непрерывное сношеніе, какъ на примѣръ, съ Г. Даламбершомъ; а посему и не обязаны мы въ-

ришь безъ доказательствъ словамъ Г. Шамфорша.

Сшаринные друзья Г. Волшера, и шѣ, коимъ знакомы были друзья его, говоряшъ объ немъ иное. Онъ хотѣлъ, чшобъ къ реченіямъ переноснымъ, смѣлымъ, ошсшупающимъ нѣсколько ошѣ всеобщаго упопробленія, прибавлены были примѣры изъ лучшихъ писателей; такой трудъ и дѣйствительно усовершилъ бы словарь; но въ первомъ жару своего соревнованія насполялъ онъ, чшобъ сія мысль его была произведена въ дѣло по плану неудобноисполнимому; онъ пребовалъ, чшобъ каждый Академикъ взялъ на себя дѣлать выписки изъ всѣхъ авшоровъ. По нѣкоторомъ сужденіи о томъ, предложень способъ удобнѣйшій, шо есть, раздѣлять на каждаго члена по одному или болѣе классическихъ шолько авшоровъ для извлеченія изъ нихъ пошребныхъ примѣровъ. Но надобность продолжашъ начашое изданіе Словаря ошпановила исполненіе плана сего, а ошмѣняшъ его вовсе Академія не думала.

Г. Волшеръ, защищая свои планы съ шѣмъ жаромъ, какой во всякомъ случаѣ свойственъ дѣяштельному духу, никогда не почишалъ Академическаго Словаря заслуживающимъ негодованіе и ошвращеніе образованныхъ людей, даже и въ шогдашнемъ видѣ; никогда не охуждалъ, по

крайней мѣрѣ вообще, опредѣленій, копорыя соспавляютьъ существенную часть всякаго Словаря.

Онъ былъ сполько просвѣщенъ и сполько справедливъ, что не могъ не признашь, сколь много исправлено швореніе сіе въ предвидущемъ изданіи и въ шомъ самомъ, копорымъ занималась шогда Академія. Онъ видѣлъ своими глазами безчисленное множество перемѣнъ въ прежнихъ опредѣленіяхъ; ему извѣстно было, что занимались шѣмъ люди, руководимые свѣшомъ философіи, съ копорымъ вникали они въ соспавъ языка и въ разумъ истинныхъ и различныхъ знаменованій словъ. Онъ зналъ, что сей духъ шпрогой разборчивосши, день оподня, съ болъшею силою одушевлялъ Академію.

Въ истинѣ сего дѣла со всѣми его обшпояшельствами я ссылаюсь на сочленовъ моихъ. Слѣдовательшо Г. Шамфоршъ показываешъ ложно, будшо бы одна *строгая и ѣдкая критика* Г. Волшера произвела то дѣйствіе, то послѣднія буквы Словаря были обработаны съ болъшимъ тщаніемъ, и что Академики, въ послѣдующее уже время, по его же насшпоянію, обрашпаясь на первыя буквы, почувшпововали, что Словарь въ семъ видѣ не могъ бышь изданъ въ свѣшъ, не подвергнувъ Акаде-

ми осмѣянію, котораго она больше всего боится, не смотря на привычку.

На все сіе присовокуплю еще объясненіе, которое совершенно обнаружитъ неувѣренность кришника въ изложеніи историческихъ его доводовъ.

Академія обратилась къ первымъ буквамъ по тому, что, пересмаширивая ихъ при ошданіи въ печать, должна была прибавлять иѣкошорыя новыя переправки къ прежнимъ, какъ - то случается со всякимъ авторомъ, ошдающимъ сочиненіе въ типографію; (поправокъ сихъ было сдѣлано болѣе прешней доли прежде, нежели Волшеръ вступилъ въ Академію); и еще по тому, что собраніе, предпринявъ, съ нѣсколькихъ лѣтъ только, выключая изъ Словаря многія техническихкія реченія, относящіяся до химіи, медицины, натуральной исторіи, и проч., положило сдѣлать такую перемѣну и въ послѣднихъ буквахъ, такую сдѣлало уже въ первыхъ. Вошь сущая истина! Судите же, соблюлъ ли ее Г. Шамфортъ въ своихъ показаніяхъ!

Не могу оставить сего мѣсна въ рѣчи его, не обративъ вниманія на самую грубую непристойность, которую показалъ онъ относительно къ сословию, какова есть Академія, бывъ однимъ изъ членовъ ея.

Мы видѣли, что слова: *смѣшное, до-*

стойное осмѣянія, посмѣшище, и тому подобныя приложены къ Академіи какъ здѣсь; шакъ и на другихъ мѣстахъ десяти сего небольшого сочиненія.

„Ученые малозначущіе, имена коихъ „узнаешь публика шолько въ день при- „нятія ихъ въ Академію, сушь для нея „посмѣшищемъ, часпо повпоряемымъ. „Спр. 3.

„Даламбершово собраніе Академиче- „скихъ похвальныхъ рѣчей доспавляетъ „обильную машерію къ смѣху надъ Ака- „деміею, спр. 28.

„Новый порядокъ вещей, можеть „быть избавишь Академію отъ нѣкошо- „рыхъ достойныхъ осмѣяній спранно- „стей, въ коимъ она привыкла, спр. 30 и индѣ.“

Но кто эшошь Шамфоршь, кошорый осмѣливается шакъ опзыватьсь о сословіи, соспавленномъ изъ людей, кои, большею часпю, достойны уваженія и по общеспвенному мнѣнію, и по личнымъ качествамъ, и по сочиненіямъ полезнымъ? По какому праву смѣеть говоришь объ нихъ шполь непристойно? или онъ не догадывается, какимъ именемъ должно назвашь шакую дерзоспшь? Но я спыжусь произнеспи его *).

(*) Жаль, что и у насъ шочно такіяже непристойности и дерзоспши перенимаются,

Спось грубыя ругашельства не могутъ никого очернить; но я замѣчу Г. Шамфоршу, что онѣ нарушаютъ всѣ правила драматическаго искусства и театральнаго правдоподобія. Рѣчь сочинена имъ дѣйствительно для Г. Мирабо, долженствовавшаго произнести ее предъ народнымъ собраніемъ; однакожъ не смотря на малую разборчивость сего оратора, онъ, говоря предъ законодательнымъ сословіемъ, опшюдь не позволилъ бы себѣ столь оскорбительныхъ выражений. Онъ могъ бы представилъ Французскую Академію, какъ учрежденіе ненужное и опасное, но не назвалъ бы ее доспойною *осмѣянiя*. Съ Г. Шамфоршомъ случилось поже, что бываетъ съ худымъ прагическимъ авторомъ: онъ заславилъ говорить героя своего языкомъ, ему несвойственнымъ.

Г. Шамфоршъ гнѣвается, что двадцать и тридцать лѣтъ сочиняешь Ака-

какъ-шо доказываетъ переводъ сей Шамфоршовой рѣчи, спашьи о Грамматикѣ (см. въ сынѣ ошечества 1819 года No 31 и послѣдующіе), и другія подобныяже спашьи, написанныя съ шакоюже неприличною желчію, и съ шаковымиже неправильными и худыми сужденіями. (Примѣч. одного изъ Членовъ Академіи).

демія Словарь свой, и повшорля обыкновенныя укоризны поносителей Академіи, ссылаешся на Словарь Фюрешіера, Томаса Корнея, Жонсона, Беля, и проч.

Поиспийнѣ, надобно стыдишься, что человекъ ученый прибѣгаетъ еще и нынѣ къ пустымъ и неосновательнымъ сужденіямъ, которыя давно уже опровергнуты многими здравомыслящими людьми, и которыя, къ величайшей досадѣ, надлежишь вновь опровергать.

Итакъ, въ двадцатый разъ, повшорить еще должно, что Словарь Академическій есть показатель, утвердитель языка Французскаго между людьми, кои говорятъ правильно и чисто.

Что утвердишь употребленіе языка не есть дѣло одного, ни даже двухъ или трехъ человекъ, кои не могутъ имѣть столько довѣрія, чтобы засшавишь приняшь или опшвергнуть какое ни есть слово или образъ реченія, посшавивъ ихъ въ своемъ словарѣ.

Что общество людей ученыхъ, литераторовъ и особъ опшличивѣйшихъ во всякомъ классѣ гражданства, не чуждыхъ искусства писанья и говоранья, и за шакowychъ публикою признанныхъ, можетъ столько имѣть сіе довѣріе.

Что шрудъ, производимый, такъ скашашъ, общиною, на который опшшребляешся по нѣскольку часовъ въ нѣкошоп-

рые только дни въ недѣлѣ, бываетъ по необходимости медленъ; а на медленность *необходимую* жаловаться не должно.

Наконецъ, есть еще важнѣйшая причина медленности, причина, коей только не признаешь пошъ, ишо не хочешь сказать правды.

Языкъ нашъ измѣняется непрестанно и болѣе, нежели всякой другой изъ живыхъ языковъ Европейскихъ. Особливо съ половины нынѣшняго (*) столѣтїа, успѣхъ наукъ и художествъ, усилїе общественной дѣятельности, торговля, болѣе и болѣе процвѣтающая и связующая насъ съ чужестранными народами, начали вводить въ языкъ множество новыхъ словъ, а старыя реченїя и образъ выраженїй изгоняшь, замѣняя удачею однѣ другими. Не лзя назначишь почтовыхъ періодовъ симъ переменамъ; но ясно видно, что пошребно не болѣе двадцати пяти или тридцати лѣтъ для произведенїа въ языкѣ толь ощушительныхъ измѣненїй; ихъ оставишь безъ вниманїа и не собрашь было бы важнымъ опущенїемъ. Ишакъ Словарь долженъ былъ составлятья медленно пошому, что

(*) Сїе писано въ концѣ прошедшаго столѣтїа.

долженъ составляться обществомъ , а не однимъ человекомъ , и обществомъ такимъ , которое имѣло бы пошребное довѣріе отъ публики ; словомъ , трудъ сей долженъ бытъ медленъ , дабы слѣдовать за измѣненіями въ языкѣ , которыя также медленно происходятъ . Сіи вмѣстѣ соединенныя предложенія не составляютъ ли истиннаго доказательства ?

Г. Шамфоршъ , показавъ такимъ образомъ строгость критики своей на Словарь , обращаетъ оную на рѣчи , произносимыя новыми членами при ихъ вступленіи въ Академію , на сію старинную , по словамъ его , давно уже осмѣянную картину .

Онъ здѣсь видишь теловѣка , выхваляемаго въ лице другимъ теловѣкомъ , котораго онъ самъ предъ тѣмъ хвалилъ въ присутствіи публики , забавляющейся на счетъ ихъ обоихъ .

Я спрашиваю у всѣхъ тѣхъ , кто только бывалъ въ Академическихъ засѣданіяхъ при приемахъ новыхъ членовъ , вѣрно ли это изображеніе ? и по ли впечатлѣніе они получали ? Ошвѣтъ ихъ будешь лучшимъ опроверженіемъ злобной сатиры Г. Шамфорша .

Всякъ , съ здравымъ разсудкомъ и съ прямыми намѣреніями , видишь совсѣмъ другое при принятіи новыхъ членовъ : видишь ошчепъ , ошдаваемый публикѣ о

употребленіи талантовъ Академика, котораго лишалось сословіе, и изложеніи причинъ, оправдывающихъ выборъ премника, котораго даешъ оно первому. На новопріемлемаго возлагаетъя обыкновенно первая обязанность, а на Президента вторая. Для исполненія сей-шо обязанности Президентъ хвалитъ новаго сочлена; но то несправедливо, по крайней мѣрѣ вообще, чтобъ перваго хвалилъ послѣдній.

Что касается до похвалы новому Академику, по что шупъ смѣшнаго? По чему не хвалитъ въ немъ того, что хвалы достойно? Академія, всегда внимающая гласу публики въ выборахъ своихъ, имѣетъ право предполагать, что избранный ею достоинъ своего мѣста. Что шупъ смѣшнаго, когда, принимая Бюффона и Томаса въ Академію, Президентъ хвалилъ великаго живописца природы и краснорѣчивѣйшаго оратора, который самъ достойно восхвалялъ Декарта, Сюллия и Лопиталля? Публика видѣла ли чтонибудь смѣшнаго тамъ, гдѣ Г. Шамфоръ старается показать оное?

Такъ почто и Даламбертъ, и Кондильякъ, и Делиль, и Мальзербъ, и многіе другіе при вступленіи своемъ въ Академію, почтены были отъ публики недесными свидѣтельствами уваженія къ ихъ талантамъ, и нѣжнымъ изъявленіемъ любви

собственно къ особамъ ихъ: *Публика отнюдь не забавлялась надъ ними*, по благородному выраженію Г. Шамфорта.

Скажущь мнѣ, что привожу примѣры рѣдкіе, исключительные; пакъ, я согласенъ; но могъ привести оныя по тому, что, ешья публика и не изъясляла пакихъ восторговъ при принятіи другихъ ученыхъ, кои не были въ пакомъже великомъ уваженіи по сочиненіямъ и личнымъ качествамъ, по и не смѣялась надъ новоприемлемыми членами и надъ Президентами. А обстоятельство, о коемъ идешь рѣчь, всѣмъ Академикамъ ешь общее.

На примѣръ, я былъ при принятіи Г. Шамфорта, и видѣлъ многочисленное собраніе, которое почтилъ своимъ присутствіемъ Принцъ Конде, и пакже всѣ тогда знаменитѣйшія дамы; видѣлъ, какъ рукоплескали новопринятому, когда представилъ онъ картину Францускаго рыцарства, картину чудеса Францускаго доблести; когда произнесъ похвалу Королю, Королевѣ, Принцу Конде, и проч. Я замѣтилъ весьма выгодное расположеніе мыслей къ автору *Молодой Индіанки* и *Смирнскаго кулца*: шворенія конечно пріятныя, но не сполько поражающія удивленіемъ, чшобъ презорчивое недоброхотство, какое Г. Шамфортъ приписываетъ публи-

якъ ко всѣмъ новымъ членамъ и ко всѣмъ Президентамъ, не могло обнаружиться также при семъ случаѣ, какъ и при всякомъ другомъ, естли бы подлинно была публична такъ неблагоклонна къ Академіи, какъ утверждаетъ Г. Шамфоршъ.

Шамфоршъ смертельно не любитъ, чшобъ кого ни естъ хвалили. Сія - то обязанность хвалишь осуждаетъ, по словамъ его, собраніе рѣтей Академическихъ погрузиться въ бездну забвенія со всею тяжестію своего безсмертія, исключая шолько нѣкоторыхъ философскія и филологическія разсужденія, кои гораздо приличнѣе было бы помѣстись индѣ гдѣ, а не здѣсь.

Особливо обнаруживается въ немъ стропшивое негодование прошивъ похвалъ Лудовику XIV и Кардиналу Ришелье, хотя уже я нѣшь ихъ на свѣшѣ; онъ не хочеть, чшобъ шопъ и другой имѣлъ въ себѣ что ни естъ похвальнаго. Но шакое къ нимъ непріязненное расположеніе не всѣ раздѣляютъ съ Г. Шамфоршомъ, какъ онъ предполагаетъ; онъ невласень всѣмъ сообщись шѣхъже самыхъ мыслей, какъ бы ему хошѣлось; многіе не перестануть еще думать, чшо можно сочинять хорошія рѣчи, даже въ похвалу Лудовика XIV и Ришелье.

Положимъ, чшо шакія похвалы (впрочемъ часто оспроумныя и истинныя)

оставили пашно въ швореніяхъ Академическихъ; положимъ, что порпяшь онѣ шо, что Г. Шамфоршъ несобственнно называетъ разсужденіями философскими и филологическими, копорыя нушьже помѣщены и копорыя онѣ удостоиваетъ исключенія, ошъ совершеннаго забвенія; но почему опдѣляетъ онѣ шо, что соединяли писатели, и говоритъ съ такимъ презрѣніемъ о цѣломъ, коего часть составляютъ и сіи самыя *разсужденія*? Справедливо ли это? замѣчаніе сіе шѣмъ важнѣе, что похвалы, на копорыя Г. Шамфоршъ жалуется, сказаны, по большой части, мимоходомъ и крашко, а *разсужденія*, часто глубокія и оспроумныя, копорыя щадитъ онѣ, наполняютъ почти всю рѣчь.

Я прибавлю къ сему, не опасаясь противорѣчія ни ошъ кого, кто имѣетъ только нѣкоторый вкусъ и знаніе, что Академическія рѣчи, начиная съ сорока лѣтъ, составляютъ ученое собраніе, сполькоже наставительное и сполькоже любопытное, какъ и всякое другое, въ шоликомъ числѣ шомовъ состоящее.

Дабы имѣть шакое объ нихъ мнѣніе, не входя въ дальнѣйшее изслѣдованіе, довольнo замѣтитъ, что только съ упомянушаго мною времени говорили въ Академіи рѣчи Дюкло, Волшеръ, Бюфонъ, Даламаршъ, Томасъ, Нондильякъ, и, ешъ-

ли позволено наименовать находящихся еще въ живыхъ, Гг. Мармоншель, Сенш-Ламбершъ, Аббатъ Делиль, Сюардъ, Мальзербъ, Лагарпъ, Кондорсетъ, Аббатъ Мори, Викъ-Дазиръ, Аббатъ Барселеми, и проч.

Кпожъ повѣришь Г. Шамфоршу, что рѣчи ихъ, суть не иное что, какъ *пустословіе и нелѣлица*? Публика, судя самый взыскашительный и сшрогій, не привыкла такъ презрительно мыслишь о швореніяхъ сихъ знаменишыхъ писателей. Она опзываетъ объ нихъ съ уваженіемъ къ паланшамъ каждаго, а о нѣжкошорыхъ и съ удивленіемъ; надобно думать, что такія чувшвованія, впрочемъ справедливыя, не только чужды, но и прошивны Г. Шамфоршу; надлежало бы однакожъ лучше скрывать шоль несчастное расположеніе души.

Г. Шамфоршъ, приступая къ шому, что называешь прешью изъ обязанности Академическихъ, ш. е. къ привѣшствіямъ Королю, Королевѣ, и проч., замѣчаешь, что *постановленія народнаго собранія знатительно уменьшили сію часть Академическихъ должностей, и много ослабили хвалительныя средства Академическаго краснорѣтія.*

Изъ сего видно, что Г. Шамфоршъ хочешь вразумишь насъ, что по силѣ постановленій народнаго собранія, впредѣ

должно будешь гораздо меньше говорить предъ Королемъ; ибо ему оставлено гораздо меньше дѣла. Я не буду опровергать его замѣчанія; а скажу, что въ другомъ отношеніи, подаешь онъ ложное понятіе о обычаяхъ, какой имѣла Академія дѣлашь привѣшствія Королямъ нашимъ.

Опнудь не принадлежало сіе къ должности Академіи, а было только опличіе, ей дарованное; опличіе, которое раздѣляла она съ одними высшими судищами: это не было должностію ея, такъ какъ и не составляло должности Парламенша.

Г. Шамфорль радуется, что право сіе останешся впредь безъ исполненія: „Короли, продолжаетъ онъ съ швердосію, (ибо зналъ, когда можно показать швердосію) „Короли не имѣють уже нужды въ привѣшствіяхъ; имъ надобно говорить только правду.“

Г. Шамфорль, по видимому, осуждаетъ Королей на спрोगую, такъ сказать, діету. Какъ! впредь уже надобно говорить предъ Королями только о шгоспныхъ обязанностяхъ ихъ; и никогда не воздавать чести за исполненіе оныхъ; швердосію только о благовъ, которое дѣлашь они должны, и никогда не доставлять имъ ушвшенія слышать, что по длинно сдѣлали оное? Какое спрөгее нравоученіе! Какой грубый папріотизмъ!

Какая суровая добродѣтель! *Tertius è caelo decidit Cato*; и сей Капонъ есть Г. Шамфоршъ!

Но нравоученіе шоль строгое долженствовало бы основано бышь на понятіяхъ истинныхъ: почипашъ же привѣшвія прошивными истинѣ есть понятіе ложное; привѣшшвія не исключаютъ истины, истина не опвергаетъ привѣшшвій; можно привѣшшшвовашъ Короля патріота, некущагося усшропшъ благоденствіе народовъ всѣми средшвами, ему предосшавленными, и въ шоже время говорить шолько истину.

По приличію мѣста, здѣсь не лзя умолчашъ о ругашельсшвахъ, какія находимъ, на стр. 29 и 30, прошивъ *подлаго ласкательства*, прошивъ *законопреступнаго унищженія*, прошивъ *раболѣбства неслыханнаго*, коими, по словамъ Г. Шамфорша, обезславила себя Академія, непомѣрно хвала Лудовика XIV, и исключая изъ своего списка имя Аббаша Сентъ-Піерра, *единственнаго писателя патріота*, каковаго едва ли имѣла она между своими членами. Исключеніе сіе, прибавлешъ онъ, не имѣло другой цѣли, какъ шолько чшобъ заблаговременно вознсмечъ на будущія покушенія къ освобожденію Франціи, шоржешшвенно обреци народъ на вѣчное рабшво.

Относительзо непомѣрныхъ похвалъ,

какія распочаемы были Академією предъ Лудовикомъ XIV, я прошу припомнишь, что въ то время, о коемъ говоришь Г. Шамфорсъ, сороколѣшнее славное царствованіе, любовь и удивленіе цѣлой націи, и даже гласъ чужеземныхъ народовъ опредѣлили Лудовику имя *Великаго*; лестъ, конечно, самая крайняя. Но какъ спасишь Академіи одной въ пресступленіе всеобщій образъ мыслей и выраженій того времени? Еслии никто не смѣлъ тогда порицашъ всей Французской націи за низкое ласкашельство, почему за то же не просишишь Академіи, какъ и націи?

Что касается до исключенія Аббата Сентъ-Піерра, котораго не лзя почестъ *единственнымъ писателемъ патриотомъ* въ спискѣ, гдѣ находились имена Фенелона, Массильона, Аббата Флеря и прочихъ его современниковъ; можно однимъ словомъ ошвѣчашъ Г. Шамфоршу. Академія, какова она нынѣ, и какова была за пятьдесятъ или шестьдесятъ лѣтъ, не исключила бы Аббата Сентъ-Піерра изъ числа своихъ членовъ. Въ семь случаѣ, какъ и во всей рѣчи своей, нападаетъ онъ на Академію съ такою же справедливостію, какъ и шѣ, кои хопяшъ ошмспишь на священникахъ и Каполикахъ нынѣшнихъ за нешерпимость Каполиковъ и священниковъ, виновныхъ въ ужасныхъ событіяхъ, произшедшихъ въ день Св. Варсоломея.

Выводишь какое либо послѣдствіе противъ нынѣшней Академіи изъ поведенія Академіи, существовавшей за семьдесятъ чешыре года, коей членовъ уже нѣтъ въ живыхъ, естъ истинное сумасбродство; чѣмъ докажешь путь заблаговременное усиліе противъ будущихъ покушеній къ освобожденію Франціи, и шоржественное обреченіе народа на вѣчное рабство?

И одного примѣчанія достаточно къ опраженію сей обидной клеветы, естль нужно опроверганъ ее.

Француская Академія, поступившая такъ строго или такъ несправедливо съ Аббашомъ Сеншъ - Піерромъ, не только же показала при томъ духа раболѣпства, но напрошивъ явила безболзненную швердоссть. Она защищала Короля умершаго, кошорый для нее ничего уже сдѣлать не могъ, прошивъ Регенша, кошорый ей могъ вредить всячески, и кошораго расположеніе къ памяти Лудовика XIV было весьма неблагопріятно. Извѣстно, что, при семъ случаѣ, онъ явно покровительствовалъ Аббаша Сеншъ-Піерра. Посему, естль Академія и была несправедлива, такъ была неуспрашима и шверда; поелику сопротивлялась всемогущему тогда Регеншу. Это значить защищать себя отъ общаго рабства, а опниодъ не штараться сдѣлать его вѣчнымъ.

Раздача наградъ есть послѣдняя изъ Академическихъ обязанностей, на кошорую Г. Шамфорть обращаетъ непріязненный взоръ свой, включая шуть награды за краснорѣчіе и Стихотворство, и воздаяніе за добродѣтель.

На первыя вошь кришика Г. Шамфорша: „заняшіе сіе, кажущееся съ перваго взгляду важнѣйшимъ, нежели сочиненіе привѣстственныхъ рѣчей, въ сущности же своей оно ничѣмъ его не превосходитъ; усшановленіе наградъ не важно для ободренія поэзи и краснорѣчія.“

„Ному неизвѣстно, какъ должно цѣнить Академическое вишійство. Ежели оно шакъ мало уважалось и во времена деспотизма, шо чѣмъ оно вскорѣ будетъ казаться предъ шѣмъ одушевленнымъ краснорѣчіемъ, моего учидище опширыли вы, милосшивые государи, между вами? Здѣсь, посреди васъ будущъ образоваться истинные ораторы, и пр.

„Заль Академическій не есть единственное мѣсто, гдѣ можно чишашъ хорошія, посредственные или дурныя стихотворенія; изъ горна народнаго собранія излетяшъ искры, кошорыя воспламеняшъ воображеніе великихъ стихотворцевъ; честолюбіе не ограничшся бѣдными Академическими наградами; и мы будемъ еще слушашъ превосход-

„ныхъ спихотворцевъ и послѣ господъ
„Академиковъ.“

Признаюсь, я вижу здѣсь однѣ слова безъ доказапельствъ и обидную брань, а смыслу никакого. Г. Шамфортъ предполагаетъ, что его мысли, или лучше сказать, пустые полки о краснорѣчии Академическомъ раздѣляетъ съ нимъ и публика; онъ, кажется, много въ томъ ошибается.

Я не вижу, чтобы публика, которая, особенно въ продолженіе послѣднихъ тридцати лѣтъ, съ такою ревностію и усердіемъ спекается слушаетъ рѣчи, при принятіи новыхъ членовъ произносимыя, и присуществовать при раздачѣ наградъ; не вижу, чтобы такое множество особъ, большею частію упражняющихся въ словесности и любящихъ оную, показывающихъ такую внимательность и часто несомнительные знаки своего удовольствія; не вижу, говорю, чтобы люди сіи думали о краснорѣчии Академическомъ согласно съ Г. Шамфортомъ; а многіи тысячи безпристрастныхъ судей заслушиваютъ больше въроятія, нежели онъ.

„Академическому краснорѣчію, еще во время деспотизма, назначено было „свое мѣсто.“ Какое же это мѣсто? Я сказалъ бы: *первое*. Но пусть самъ Г. Шамфортъ назначитъ мѣсто краснорѣчію великихъ ораторовъ, именами коихъ украшается сѣмько Академиковъ!

Но къ чему опять говорить о *деспотизмѣ*? Жалкое прибѣжище! Деспотизмъ не унижилъ и не исказилъ краснорѣчія великихъ ораторовъ, принадлежащихъ къ вѣку Людовика XIV; и намъ не осмалось ничего лучше желать, какъ чшобъ оно и подъ владычешвомъ свободы пребыло на тойже высокой степени, на которую вознесъ его Воссюешъ.

Г. Шамфорть, по видимому, покушается обольстить самолюбіе судей своихъ, говоря, что только изъ среды ихъ произойдутъ истинные ораторы, и запишяшь краснорѣчіе Академическое. Это неблагородно! Да и кто сему повѣришь?

Народное собраніе не открыло, и не могло открытъ въ нѣдрахъ своихъ *училища краснорѣчія*. Правда, мы видѣли въ немъ и увидимъ еще превосходные образцы высокаго краснорѣчія; но въ семъ случаѣ оно естъ только поприще, гдѣ аплепы сражаются, а не мѣсто, гдѣ учапся сражашься. Академія и другія сего рода учрежденія суть истинныя училища, въ коихъ образовались ораторы собранія; и впредь не иначе, какъ чишя и перечишывая Воссюеша, Фенелона и Массильона, какъ вникая во всѣ пособія, во всѣ обороты вишійшва, и объемя все богашшво языка нашего, возмогутъ нѣкогда ораторы народнаго собранія

Ч а с ь VII.

10

спорить о первенствѣ съ вѣщими Аэпъ и Рима.

Можно ли также опличать красно-рѣчіе Академическое ошъ шого красно-рѣчія, кошорое въ нѣдрахъ собранія народнаго возникнушь можешъ? И шо и другое, когда имѣюшь предметомъ справедливосшь, ни мало не различесвуешъ между собою; въ шомъ и другомъ употребляюшся одинакіе обороты, одинакія средсшва, одинакое искусство; шо и другое клонилъ къ одной цѣли.

Я думаю, что Г. Шамфоршъ подъ именемъ Академическаго краснорѣчія не разумѣешъ однѣхъ рѣчей и сочиненій, писанныхъ для Академіи или Академиками; а, по смыслу, какой придавали древніе сему названію, разумѣешъ онъ сочиненія, писанныя на свободѣ, въ шипинѣ кабинета, и прошивополагаешъ ихъ внезапнымъ произведеніямъ краснорѣчія, однѣми обстоятельсшвами вдохновеннаго, и гремящаго, безъ приутошвления, съ публичной кафедры.

Я замѣчу во первыхъ, что весьма мало рѣчей, шакимъ образомъ произнесенныхъ. Периклъ, коего краснорѣчіе было уподобляемо грому, не иначе говорилъ къ народу, какъ приготошьясь; и Демосѣенъ, кошорый не восходилъ на кафедру, не обдумавъ хорошенько предмета своей рѣчи, изъяснялся шакъ: „мнѣ было бы

„спыдно, когда бы, имѣя что предла-
 „гашь о благѣ поликаго числа людей, не
 „размыслилъ я прежде съ довольнымъ
 „вниманіемъ о томъ, что долженъ ска-
 „зашь предъ ними.“

Во вшорыхъ: между рѣчами приго-
 шовленными и рѣчами, безъ приугошов-
 ленія произнесенными, не можно полага-
 гашь никакого различія въ родѣ. Милонъ,
 въ ссылкѣ своей, чисяя рѣчь Цицерона,
 за него говоренную, сказалъ: „ежели бы
 „защитникъ мой произнесъ сію рѣчь въ
 „шакоемъ видѣ, въ какомъ она шеперь,
 „шо не вѣсть бы мнѣ Марсельскихъ
 „усприць.“ Изъ чего видно, что не при-
 знавалъ онъ двухъ различныхъ родовъ
 краснорѣчія.

Правда, что рѣчи, произнесенныя
 безъ приугошовленія, производящъ ино-
 гда чрезвычайныя дѣйствія, каковыхъ,
 кажешся, не лзя ожидащъ ошъ рѣчей
 пригошовленныхъ; но сему причиною
 бываешъ разность случая, времени, об-
 стоятельствъ, а не разность въ родѣ.

Наконецъ, какую бы ни хошѣлъ Г.
 Шамфоръ поставлящъ разницу между
 сими, по его мнѣнію, двумя родами кра-
 снорѣчія; но не докажешъ, чтошъ кра-
 снорѣчіе, кошорое угодно ему называшъ
 Академическимъ, было ниже краснорѣчія
 каеэдры народнаго собранія.

Рѣчи Ж. Ж. Руссо о неравенствѣ со-

стояній и о дѣйстви наукѣ на нравы,
опложа въ спорону преувеличеніе и ложную часть въ сихъ двухъ положеніяхъ, сущь сочиненія испинно Академическія; и я вопрошаю Г. Шамфорша: тѣ изъ ораторовъ народнаго собранія, кои не одинъ разъ обращались на сіи оба предмета, краснорѣчивѣ ли были Ж. Жака Руссо?

Согласенъ я, что, на примѣръ, въ похвальномъ словѣ Лафоншена или Молиера, при искусномъ начерпаніи нѣкоторыхъ характеровъ, при удачныхъ примѣненіяхъ, при выраженіяхъ понижь, остроумныхъ, не получаемъ понятія о той высокой степени краснорѣчія Академическаго, до которой оно вознесено; такъ какъ поршрешъ Жерардъ - Дова (*) не приготавлиаешь воображенія нашего къ чудесамъ великой живописи Рубенса и Рафаеля; но когда Томасъ обнаруживаетъ душу Сюлліа, когда переноситъ прахъ Декарта въ неблагодарное опеченство, когда заспавляетъ говоришь Аполонія, возложивъ руку на гробъ Марка-Аврелія, такое краснорѣчіе, не смолри на то, что оно есть Академическое, ниже ли краснорѣчія великихъ ораторовъ

(*) Довольно хорошій миниашурный живописецъ, род. въ 1613 г.

народнаго собранія? Надлежитъ сколько ихъ самихъ взять въ суди.

Наконецъ скажу, что, по моему мнѣнію, самая польза націи, учреждающей у себя представительное правительство и шакиа собранія, въ концѣ должны рѣшиться важнѣйшія обществєнные дѣла, шребуешь, дабы сохранишь и почишь, что Г. Шамфорть, думая унизишь, называетъ краснорѣчіемъ Академическимъ. Во всякомъ многолюдномъ собраніи краснорѣчіе искажается и языкъ порчишь, подъ предлогомъ сдѣлашь выразительнѣе и сильнѣе. Засѣданія нынѣшняго собранія представляють тысячу примѣровъ и тысячу доказательствъ, что я говорю истину. Пошребно горнило, въ которомъ бы сохранялись, въ которомъ бы очищались безпрестанно и краснорѣчіе и языкъ, орудіе онаго. Француская Академія и совокупныя усилія лучшихъ Писателей, составлявшихъ оную, сохраняли, по крайней мѣрѣ до сего времени, священный огонь сей.

Что касается до великихъ Поэтовъ, каковыхъ не преминешь произвєсти народное собраніе, мнѣ кажется надежда сія очень недословѣрною, или весьма, весьма еще ошдаленною. Г. Шамфорть полагаетъ, что награды и Академія, раздающая оныя, не способствовали къ образованію великихъ Поэтовъ; что народ-

ное собраніе сдѣлаешь болѣе, возвративъ генію свободу; что оно уже сдѣлало ему прекраснѣйшій изъ подарковъ, приведя его, какъ и народъ, въ состояніе защищать себя, и проч.

Но, чтобы ни говорилъ Г. Шамфоршъ, для генія всегда будущъ нужны ободренія и образцы. Самый геній Г. Шамфорша былъ одинъ недоспашочень для него; ему нужны были также пенсіи ошъ деспотизма, и я, починая ихъ достойно заслуженными, не могу однакожъ повѣришь, чтобы онъ были для него безполезны.

Впрочемъ, ежели произведенія великихъ Поэшовъ, кошорыхъ породилъ единая свобода, возвращенная генію, должны бышь шакогожъ рода, какъ и шб, кои нынѣ обогащаются семнадцать нашихъ пшашровъ, и кои всѣ пишушся, по видимому, во вкусъ Г. Шамфорша, то не повѣрю я, чтобы шакія превосходныя шворенія могли, съ выгодою націи, замѣнить шворенія Поэшовъ прошекшаго вѣка деспотизма, когда геній, не бывъ еще въ соспояніи защищать самъ себя, произвелъ Цинну и Родогюну, Федру и Аталію, Меролу и Заиру, Тартюфа и Мизантропа.

Пошомъ награда за добродѣтели, раздаваемая Академією, обращаетъ на себя шаланшъ, какой имѣетъ Г. Шамфоршъ предшавляшь со спороны смѣшной или

ненавистной предмету, на которые мы, простые люди, сможем взглянуть совсем иначе. Однако же, как человек разумный, почувствовал он, что подвиг труден; но самая трудность подстрекала его отвагу, и придавала ему больше изворотливости; он в сей части своего сочинения подлинно оказал искусство, достойное справедливейшего дѣла. Прежде всего, как опытный ораторъ, предостерегаешь слушателей отъ *видимаго достоинства сего установленія*, и отъ *пріятнаго, но необдуманнаго предубѣжденія*, которое говоритъ въ пользу сего рода награды.

Сія польза, сіе предубѣжденіе могли бы конечно остановить обыкновеннаго человека; но Г. Шамфорть неуспрашивъ; онъ рѣшительно произноситъ, что награда за добродѣтели „представляетъ несносное безобразіе, и не можетъ выдержать снотого изслѣдованія.“

Вы ожидаете доказательствъ? Вотъ онѣ: „во первыхъ вижу я, говоритъ онъ, что награда сія назначена добродѣтелямъ гражданъ класса недостаточнаго. „Что значитъ это выраженіе? Не уже ли классъ богатыхъ людей предопредѣляетъ добродѣтели одному только классу бѣдныхъ? Нѣтъ. — Такъ почему же богатые не хотятъ сей награды? —

„По тому, что богашый, принявъ ее, унижилъ бы себя, поелику не заключаешь она въ себѣ большой суммы. — Но она унижаетъ шакже и нуждающуюся добродѣтель, поставляя богашство выше ея. . . . О! низпроверженіе всѣхъ понятій нравственныхъ, произведенное крайностію общественаго разврата для того, чтобы разливать еще его плешворность!“

А я, читая сіе, восклицаю: о! низпроверженіе всѣхъ здравыхъ понятій, произведенное заблужденіемъ ума лживельнаго и способнаго разливать развратъ еще далѣе? О злоупотребленіе разума и искусства пишашь! О! преувеличеніе и пришествіе, оскверняющее имя добродѣтели!

Не уже ли Г. Шамфорть не знаешь въ самомъ дѣлѣ, для чего не хочешь богашый принявъ Академической награды за добродѣтель, и по чему, принявъ ее могъ бы онъ унизиться? Нѣтъ ничего яснѣе, что богашый не имѣешь въ ней надобности; что восхищилъ бы онъ даръ руки щедрой у человѣка нуждающагося, которому принадлежишь даяніе, хотя бы его не требоваль.

Г. Шамфорть находишь, что мы были погружены въ такую бездну, которой глубину едва смѣешь измѣришь око; потому что прежній дворянинъ, при-

нявшій въ какомъ нибудь публичномъ собраніи награду за добродѣшель не могъ бытъ допущенъ ни въ какое сословіе, ни въ какое общество; а что успановляло между нами, по словамъ его, *разночинство* и въ добродѣтели. Софизмъ дошпойнѣйшій презрѣнія!

Есть два обстоятельство, весьма различныя между собою, въ наградѣ, за добродѣшель Академіею раздаваемой: шоржественное свидѣтельство уваженія, какое заслуживаетъ великодушное дѣяніе, и награда, коею сопровождается то свидѣтельство.

Свидѣтельство уваженія отъ публики, безъ сомнѣнія, желанельно и для богашаго; но какъ сіи двѣ награды, по успаву Академіи, нераздѣльны; то богашый и не могъ получашъ первой по шому, что не долженъ принимашъ вшорой.

Ежели бы какое судилище или сословіе имѣло право возлагашъ на главу человека богашаго, ошличившагося знаменштымъ подвигомъ въ добродѣтели, вѣнокъ единшвенно *логетный*; то на чемъ основываясь, Г. Шамфоршъ можешъ увѣришь насъ, что богачъ или дворянинъ, принявшій оной, не былъ бы допущенъ ни въ какое сословіе и ни въ какое общество?

Но у насъ нѣтъ шакого судилища, и къ учрежденію онаго не было шѣхъ по-

будительныхъ причинъ, которыя оправдывали бы и вмѣстѣ прославляли уславление наградою за добродѣтель, каково предославлено Академіи.

Добрыя дѣянія людей, занимающихъ первый классъ въ обществѣ, имѣютъ для себя довольно обширный театръ въ томъ же классѣ, который распредѣляетъ славу и почести; а поступокъ великодушнаго гражданина неизвѣстнаго и бѣднаго, въ тѣсномъ кругу заключеннаго, остался бы не только не награжденнымъ, но и невѣдомымъ. Сію - то извѣстность доставивъ ему старается учрежденіе, которое Г. Шамфоршъ поноситъ.

Утверждаешь съ Г. Шамфоршомъ, будто бы богачъ не беретъ золота по тому, *что не составляетъ оно большой суммы*, есть грубымъ образомъ оскорбляешь цѣлый классъ людей въ обществѣ.

Богачи и Вельможи, скажу вопреки Г. Шамфоршу, сожалея о классѣ бѣдныхъ людей, коихъ жалѣвъ нынѣ непристойно, не оказали пользы низкихъ чувствованій, когда въ несчастные 1786 и 1788 годы сыпали золото свое на бѣдныхъ по городамъ и селамъ, прощали всякаго рода долги и недоимки, и благопшвореніями своими вооружались противъ бича природы. Признательность и благословеніе отъ народа, который полномъ заслуживалъ

во многихъ случаяхъ забываютъ и благодѣяніе и благодарствія, были единственныиъ воздаяніемъ, коего желали богачи и Вельможи. Я говорю здѣсь о событіяхъ явныхъ и всѣмъ извѣстныхъ. Г. Неккеръ, коего заботливостъ выискивала всѣ способы для вспоможенія народу, часто свидѣтельствовывала о семь духѣ благошворительности, кошорая сильно спомоществовала ему въ облегченіи общенароднаго бѣдствія.

Чшожь касается до бѣднаго, но добродѣтельнаго чловѣка, шо почему бы унизило его награжденіе денежное? Въ самыя лучшія времена Греческой и Римской республикъ, папріотическія знаменныя дѣянія награждались деньгами, или равной цѣны землями. Такъ не уже ли деньги могутъ унижать добродѣтели? Боюсь, чшобы пѣ, кои почипають добродѣтели шоль слабою прошивъ денегъ, не возымѣли къ нимъ гораздо болѣ уваженія, нежели шощъ, кшо думаетъ, что можно раздѣлять ихъ съ добродѣтельнымъ бѣднякомъ, безъ поруганія добродѣтели.

Орапоръ, продолжая нравоучительныя преувеличенія свои, говоритъ намъ: „возьмите же обратно золото ваше, не „могущее вознаградишь богатаго за доброе дѣло; возвращите добродѣтели „ушѣшишельную мысль, что и бѣдный

„можешъ бышь вознагражденъ ею самою;
 „что онъ шакже, какъ и богашый, обл-
 „день и доспапочень совѣспію; не пре-
 „пяшшвуйше ему, шакъ какъ и богашо-
 „му, призывашъ небо во свидѣтели до-
 „браго своего дѣла; не опредѣляйше за-
 „кономъ, чшобъ золото было божеш-
 „вомъ; не назначайше его мздою шѣхъ
 „великихъ пожертвованій, которые че-
 „ловѣка соединяють, кажешся, съ Твор-
 „цемъ предвѣчнымъ, и проч.“

Вопшъ что называется въ школахъ
 очень хорошая *амплификація!* и Г. Шам-
 форшъ, ежели бы еще былъ ученикомъ,
 конечно заслужилъ бы первое мѣсто; но
 для людей взрослыхъ и разсудительныхъ
 надобно нѣчто совѣмъ другое.

Чшобъ обнаружись сію, безъ всякой
 Логики, Ришориву, я замѣчу, что шѣ,
 кои награждали золотомъ за похвальныя
 дѣнія, были увѣрены, шакъ какъ и Г.
 Шамфоршъ увѣренъ бышь можешъ, что
 добродѣтель сама собою награждаетъ
 бѣднаго за пожертвованія, внушаемая
 ею; но къ сей наградѣ присовокупляли
 они другую, которая ошнюдь не лишашъ
 добродѣтельного бѣдняка и первой.

Что касаетшя до христіанскихъ на-
 зидательныхъ поняшій, къ которымъ Г.
 Шамфоршъ прибѣгаетъ здѣсь, какъ къ
истотникамъ и *пособіямъ* ришорическимъ,
 кажешся, онъ долженъ знашъ, что зол-

что или другого роду имущество находится иногда также в руках людей добродѣтельныхъ; что не препятствуетъ добрымъ дѣламъ ихъ оставаться извѣстными только имъ и небу; и что, перейдя въ руки бѣдняка добродѣтельнаго, не устраняетъ соединенія его съ Творцемъ предвѣчнымъ. Небо угошвало и на землѣ возможное счастье для людей добродѣтельныхъ. Особенно по разуму христіанскаго ученія, богачье сущее орудіе сего счастья для людей бѣдныхъ, но добродѣтельныхъ. Выше всякой мѣры вознесенное нравоученіе Г. Шамфорша истребило бы двѣ великія добродѣтели: благошворительность и благодарность, безъ которыхъ, по крайней мѣрѣ доселѣ, никакое общество существовать не могло. На словахъ легко проспереть нравоученіе за предѣлы; но намъ потребны добродѣтели по силамъ нашимъ, а не добродѣтели испанскія; ибо исполняемъ только первыя, а другихъ исполняемъ мы не въ состояніи.

Не смотря на то, Г. Шамфоршъ, въ отрогихъ своихъ рѣченіяхъ, опирается на примѣры шѣхъ бѣдныхъ, но добродѣтельныхъ людей, кои, избавивъ богатого отъ великой опасности, опвергли иногда его золото. Онъ полагаетъ, что сей благородный поступокъ бѣднаго происходитъ отъ того чувствованія, по ко-

шорому почишаешъ онъ свое благодѣяніе помраченнымъ предложенною плашою ошъ богатаго; чшо спавишъ себѣ въ обиду, когда въ шо время, какъ онъ обогатился, сдѣлавъ добро, посшупающъ съ нимъ, какъ съ нищимъ; вмѣсто райскаго удовольствія, засшавляющъ его думашъ о чувшвенныхъ нуждахъ; съ неба, гдѣ онъ какой нибудь удѣлъ имѣешъ, низводящъ его на землю, гдѣ не имѣешъ никакого. . . .

Пошребно не мало ишкусства, чшобъ въ ошказѣ бѣднаго найши, чѣмъ бы опорочишъ предлагаемую ошъ богатаго благодарносшь; но похвально ли сіе ишкусство?

Конечно можно оскорбишъ иногда добродѣтельнаго бѣдняка грубымъ, или по крайней мѣрѣ, не ловкимъ предложеніемъ золоша за его благодѣяніе; но можно шакже предложишъ ему оное съ благодарносшвомъ, дабы могъ онъ приняшъ его съ достоинствомъ. Нѣжностъ души возвышенной и гордой, способной къ великодушному и добродѣтельному дѣянію, должна бышъ щадима: приспосшностъ, шоль нужную во всѣхъ случаяхъ, безъ сомнѣнія, надлежишъ наблюдать и здѣсь.

Но, ежели бы, при первыхъ движеніяхъ благодарносши, и вырвалась иногда у богатаго какая неловкосшь, по чшо

относиль ее къ намѣренному оскорбленію бѣднаго и къ неблагодарности богашаго? Надобно простишь богашому, что онъ къ прочимъ знакамъ своей чувствительности присовокупляешь и по иногда неловкое предложеніе, отъ кошораго, знаешь онъ, что бѣдность его благошворителя получишь помощь и облегченіе; онъ не хочешь низвести съ неба на землю своего избавителя, кошорый въ небѣ находишь только *мыслию*, но сдѣлашь для него пріятнѣйшимъ пребываніе на землѣ, къ кошорой принадлежишь *самою вещью*; онъ не ошнимаешь у него нравственнаго богатства добраго его дѣянія, но хочешь присовокупишь къ оному богатству, конечно не споль драгоцѣнное, но кошорое шакже имѣешь свою цѣну. Вошь что ясно показываешь разсудокъ, и что увидишь всякъ благомыслящій, кому ложная полишка не поселишь въ голову ложнаго нравоченія!

Еще одно слово о семъ доводѣ Г. Шамфорша. Можно видѣшь, что оный основанъ весь на шомъ первомъ движеніи духа, кошорое засшавляетъ бѣднаго ошвергать предложеніе богашаго; но ежели по чувствію обдуманному, не шолько безъ опшращения, а еще съ удовольствіемъ и благодарностью, бѣдный принимаетъ благодѣяніе отъ богашаго, шо сдѣланное изъ сего заключеніе будешь

прошивъ Г. Шамфорша. Ибо жспинную нравственностъ обнаруживаешь чело- вѣкъ въ обыкновенномъ, покойномъ сво- емъ состояніи, а не въ шѣ минушы вос- торга, когда умъ не имѣеть всей своей правоты, ни разсужденіе надлежащей вѣрности. А кто не знаетъ, что люди низшихъ состояній, сдѣлавшіеся, въ круга своего, извѣстными по необыкно- веннымъ подвигамъ въ добродѣтели, кто не знаетъ, что люди сіи, и при возвы- шенности своей души, принимаютъ бла- годѣянія отъ богачаго, коего спасли они отъ какой нибудь опасности? Ишагъ Д. Шамфоршъ весьма несправедливо при- писываетъ богатому уничтожилельныя замѣренія при дѣланіи добра бѣдному.

Г. Шамфоршъ замѣнилъ сіе уничтоже- ніе бѣднаго въ самыхъ засѣданіяхъ Ака- демическихъ; онъ видѣлъ на лицѣ увѣн- чанномъ выраженіе шайной и невольной горести; чувствованіе, коего причину изъясняешь онъ, говоря, что „добродѣ- ,шельную увѣнчанную нищету поража- ,етъ великая противоположностъ добро- ,дѣтели и взоровъ человѣческихъ.“

Прошивъ Г. Шамфорша мы выста- вимъ пять сонгъ очевидныхъ свидѣте- лей, кошорые каждогодно присутству- ютъ при раздачѣ награжденій. Пустьъ они скажутъ, видѣли ли на лицѣ и въ осанкѣ юнаго избавишеля двоихъ изъ его

поварищей, ушопавшихъ въ прудѣ при Швейцарскихъ казармахъ; и на лицѣ служанки Г. Ревельона, оставшейся безболзненно посреди воровъ и зажигапелей, кои грабили домъ господина ея, и спаравшейся, съ опасностію жизни, удержашъ ихъ неисповсшво; и на лицѣ Г-жи Легро, кошорая для освобожденія знакомаго ей узника, проспела шакъ далеко, и, чшо еще шруднѣе, выдерживала шакъ долго пѣдвигъ челоѡколюбія и добродѣтели; пусть скажущъ, видѣли ли они сію шайную и невольную гореспъ, сіе внушрешнее прискорбіе, кошорыя замѣнены Г. Шамфоршомъ. Пусть скажущъ, не видѣли ли, напрошивъ, во всѣхъ черпахъ ихъ, шѣхъ чувспшваній удовольспвія и радости, кошорыя производила въ нихъ не награда, имъ предлагаемая, но нѣжное засвидѣтельспшваніе доброжелательспша, почшенія и удивленія всеобщаго! Пусть скажущъ, не видѣли ли они всегда, при семъ умилишельшомъ зрѣлищѣ, чшо глаза всѣхъ орошались слезами, и сердца всѣхъ раздѣлялись поже впечашлѣніе удовольспвія и радости! Пусть судящъ свидѣтели сім между Академіею и поноспшелемъ ея!

Чшо касаетсѣ до великой противоположности добродѣтели и взоровѣ телосѣтескихѣ, я, едва догадываясь, чшо разумѣешъ подѣ симъ выраженіемъ Г. Шам-

Ч а с ш ь VII.

форшъ, спрашиваю у него, не уже ли гъ сущесствъ добродѣтели сосшоишь, по его мнѣнію, чшобъ ей не подвергаться никогда взорамъ челоувѣческимъ? Она, конечно, не высшавишь себя добровольно; но, когда безъ принужденія, съ крошкшю, приводяшь ее къ шому, шогда для чего ей не сносишь взоровъ челоувѣческихъ безъ горести и внушренняго прискорбія? И для чего людямъ не исшашь сего зрѣлица, ежели, какъ и сомнѣвашься не можно, она прекрасна и полезна; ежели оживляешъ и усовершаешъ наши нравственныя чувствованія? Горе шому, кто, подражая Г. Шамфоршу, видишь здѣсь одну ребяческую лышность, одно драматическое представленіе, доказывающее безнравственное намѣреніе превеличить добродѣтель!

Такимъ образомъ осмѣявъ и опорочивъ одну послѣ другой, какъ называешъ Г. Шамфоршъ, обязанности Академія, и гошовась намести еще разишельнѣшіе удары, заводяшь на нее и вины гораздо важнѣе показанныхъ выше.

Онъ намѣреваеться доказать, что Академія естъ Сословіе, для рабшва учрежденное . . . кошорое всегда будешъ шпираться о продолженіи несмысленныхъ надеждъ деспотизма, доставляя ему приверженцевъ и споспѣшествователей; помогающее Королямъ продолжать порабо-

щеніе народовъ; продающее и слова и молчаніе свое; жертвующее благоденствіемъ людей благоволенію Двора; производящее поспыднѣйшій шоргъ свободою народовъ. (сшр. 31^ъ и 34).

Вошь ужасныя обвиненія! Дѣло идешь уже не о бесполезности, не о смѣшныхъ обрядахъ, не о тахлой и неизлѣтимой малорослости, не о духѣ ласкательства, раболѣпства и униженія Академіи; Г. Шамфоршъ намъ представляешь ее въ заговорѣ прошивъ свободы народовъ, споспѣшницею и соучастницею деспотизма, и сѣдовашельно враждебницею всякаго общественнаго блага. Ежели обвиненія сіи основашельны, по всего нужнѣе, не медля испребишь Академію изъ среды насъ.

Г. Шамфоршъ имѣешь, конечно, въ рукахъ неоспоримыя доказашельства? Доспалъ вѣрныя выписки ошъ уголовныхъ дѣлъ? Нашелъ явными Академическіе заговоры къ угнѣшенію народовъ? . . . И онъ дѣйствительнѣе говорись намъ: *хотите ли имѣть доказательство на то? Я могу вамъ его представить; я могу показать вамъ основаніе сего договора и, такъ сказать, предварительныя статьи онаго.*

Какоежъ это доказашельство? Гдѣ находящся сіи основанія и предварительныя спашья? — Онѣ находящся —

и кто бы могъ подозрѣвать прежде открытія Г. Шамфорта? — Онѣ находящіяся — не лѣзя слышашъ безъ смѣха и негодованія, — онѣ находящіяся въ предисловіи Даламберша къ похвальнымъ словамъ Академическимъ; Даламбершъ открылъ поспыдную пайну всѣхъ Академій: *наставленіе властямъ, какъ имъ употреблять сіи Сословія къ увѣковѣченію рабства народовъ.*

Я читалъ, такъ какъ и всѣ читали, сіе Предисловіе, но не представлялось мнѣ ни одного изъ понятій, какія подаешь объ немъ Г. Шамфоршъ. Я однакожъ еще прочиталъ его, и какъ удивился, когда не только не нашелъ ни малѣйшаго слѣда сего наставленія или договора, утвержденнаго и подписаннаго Даламбершомъ, но увидѣлъ шуть любовь къ свободѣ; любовь, правда, пристойную и благоразумную, но дѣйствительную и непоколебимую, какую почтенный ея философъ сохранялъ во всю жизнь свою, и какая оживошворяла всѣ его писанія.

Начиная съ толкованія *Отте нашѣ*, которое сдѣлалъ Еразмъ, на образецъ Инквизишоровъ своего времени, въ доказательство того, что при желаніи вредить и при умѣ ложномъ и лживомъ, нѣтъ добра, въ которое было бы не лѣзя подбавить яду, не думаю, чтобы

можно было найти позорнѣйшій примѣръ невѣрности въ опущеніяхъ и подлога въ изъясненіяхъ, какія осмѣлился Г. Шамфоршъ сдѣлать въ разборѣ и шолкованин сего Предисловія.

Въ удостовѣреніе моихъ чипашелей, довольно бы попросить ихъ самихъ пробѣжать сіе небольшое сочиненіе, составляющее десяшка при страницъ, изъ кошорыхъ едва ли и чепыре относяща къ моему предмету. Но я хочу здѣсь же совершенно обнаружитъ невѣрность шолковашеля; и для того приведу почныя слова подлинника, такъ безсовѣстно имъ обезображеннаго.

* I. По мнѣнію философа: „любочестіе „(кошорое заспаваляешъ ученыхъ желашъ „Академическаго вѣнка) можешъ произ- „вестъ много добраго въ рукахъ просвѣ- „щеннаго Правительства, побуждая ош- „личныхъ Писателей присовокупляшъ къ „достоинству Твореній такъже благопри- „стойность во нравахъ и сочиненіяхъ.

II. „Ученый, вступившій или желаю- „щій вступить въ Академію, обязываеш- „ся къ благопристойности. Таковая цѣль „будешъ пѣмъ надежнѣе, что ее добро- „вольно на себя налагаешъ; она, безъ „принужденія, будешъ удерживашъ его „въ предѣлахъ; кошорые покусился бы „онъ прешупить. Онъ будешъ менѣ „способенъ къ ошшупленіямъ.

* III. „Ежели бы въ Римѣ была какая
 „нибудь цѣлующая и уважаемая Акаде-
 „мія, Горацій исключилъ бы изъ своихъ
 „спискошвореній иѣкошорыя, оскорбляю-
 „щія спыдъ, непристойности; и Лукре-
 „цій не изложилъ бы, въ прозаическихъ
 „списахъ, ученія о безбожїи.

* IV. „Не съ сей только важной сто-
 „роны (со спорны нравовъ) должно су-
 „дишь объ Академіи; выгода всякаго му-
 „драго Правительствва шребуешъ, чшобъ
 „народъ его былъ просвѣщенъ; поелику
 „невѣжество и заблужденіе равно пагуб-
 „ны и для Государей и для подданныхъ,
 „и могутъ бышь полезны однимъ только
 „пиранамъ.

* V. „Между испинами, кошорыя над-
 „лежишь Правительстввомъ поддержи-
 „вать, ешь шанія, кошорыхъ оширы-
 „вашъ не должно иначе, какъ исподо-
 „воль, и какъ бы нечувствительнымъ
 „развитіемъ.

* VI. „Поелику предубѣжденіе народа,
 „кошорое часто бываешъ сильнѣе самой
 „власти верховной, возспало бы про-
 „шивъ сихъ испинъ, когда бы появился
 „онѣ слишкомъ оширышо. Свидѣтель-
 „ствуюшь шо суевѣрныя мнѣнія о су-
 „дебныхъ испытаніяхъ, о крестовыхъ
 „походахъ, о разрѣшеніи ошъ повиноче-
 „нія Монархамъ, ошъ церкви ошиуче-
 „нымъ. Противоспашъ явно шаковымъ

„нибнїямъ, въ двѣнадцатомъ столѣтїи,
 „никто не смѣлъ, даже при помощи Го-
 „сударей. Каждый вѣкъ имѣеть свои
 „любимыя заблужденія, всегда прошив-
 „ныя выгодамъ народовъ; къ искорененію
 „сихъ - по заблужденій Правительству
 „можешь употреблять Ученыя Сословія,
 „особенно Сословіе подобное Академіи:

VII. „Такое Сословіе, равно просвѣ-
 „щенное и мудрое, будучи по должности
 „и по званію органомъ разума и благора-
 „зумія, будешь допускать до очей на-
 „рода столько свѣта, сколько нужно
 „для озаренія ихъ, безъ поврежденія
 „зрѣнія.

* VIII. „Оно не вдругъ выставишь ис-
 „шину среди толпы народной, кошо-
 „рая опринула бы ее въ своемъ буйствѣ.
 „Оно будешь исподоволь и постепенно
 „снимаешь завѣсу, покрывающую ее. Ис-
 „шина, такимъ образомъ примиряясь съ
 „тѣмъ, кои могли ея снрашиться, не-
 „чувствительна сопровождаетъ къ пре-
 „столу своему, возсядетъ и утвердишь
 „ся на немъ безъ мятежа и усилій. Еже-
 „ли бы Лудовикъ, прозванный *Дебелымъ*,
 „учредилъ Академію, по суевѣрію вѣка
 „его исчезло бы двумя вѣками ранѣе, къ
 „великой выгодѣ разума, Монарха и Го-
 „сударства.“

Всякому разумному человѣку, прочт-
 шавшему приведенныя мною списанія, по-

кажешся дѣломъ невозможнымъ извлечь изъ нихъ, хошя съ малѣйшею шѣвною справедливости, что либо къ обвиненію Академіи и Даламберща, какъ враговъ просвѣщенія, свободы и благоденствія народовъ. Но Ф. Шамфоршъ, будучи человекомъ изворотливый, нашель для сего два способа: напхнушыя шолкованія и искусныя опущенія.

Онъ начинаешъ разборъ свой изъясненіемъ, что *предѣлы*, въ кошорыхъ, по словамъ Даламберща, *благопристойность* будешъ содержать Академика, суть шѣже самыя, кои прежнее Правленіе, ш. е. самовластіе, преступашъ не позволяло, *возбраня лисанъ истинны полезныя людемъ и вредныя ихъ угнетателямъ*; и что смѣлосшь распроспраняшъ сія истинны ешь шочно по самое, что разумешъ Даламбершъ подъ *отступленіями*, кошорыя, по его мнѣнію, удерживашъ должно.

Нужно ли для моихъ читашелей замѣчашъ, что здѣсь у Даламберща *благопристойность* и *предѣлы*, предписываемыя симъ философомъ, ошносяшя шолью ко *нравамъ*, какъ онъ и самъ ясно о помъ говоришъ; а *отступленія*, кошорыхъ избѣгашъ совѣшуетъ, и въ примѣръ кошорыхъ приводишъ непристойныя выраженія Горація и ученіе Лукреція о безбожїи, не имѣюшъ ничего общаго со смѣлосшію писашъ *политическія истинны*

полезныя людямъ и вредныя ихъ угнетателямъ; ибо угнетателямъ нѣтъ никакой выгоды въ томъ, печатающагося ли сочиненія соблазнительныя, или проповѣдуется безбожіе въ стихахъ или прозѣ.

Толковашель говоритъ попомъ, будто бы Даламбертъ хочеть, чтобы важныя истины, кошорыя распространяшь и поддерживашь нужно Правительствамъ, были переименованы, искажены, когда уже совсѣмъ скрывать ихъ не можно. Не трудно защитишь Даламберта, замѣшивъ только, что *прикрывать* истину не есть *переименовывать* ее; и Даламбертъ хочеть, чтобы она была прикрываема, отнюдь не для того, что нельзя ее *совсѣмъ утаить*, но напрошивъ для того, что не можно показашь ея *вдругъ*, обнаженною, словомъ, таковою, какова она есть, не подвергнувъ ея необходимости бышь опринутой отъ народа, коего польза состоить въ принятіи оной.

На сказанное Даламбертомъ, что *нѣкоторыя истины надлежитъ открывать* исподоволь и *нечувствительнымъ* развитіемъ, Г. Шамфортъ дѣлаеть оспроумный вопросъ: *Академія много ли развила ихъ?*

Кажеться, Г. Шамфортъ принадлежишь, по крайней мѣрѣ нынѣ, къ числу *шѣхъ* неустрашимыхъ философовъ, кои

думающъ, что не только всякую истину говоришь должно (правило) справедливое въ смыслѣ ошвлеченномъ и общемъ), но еще говоришь ее во всякое время, при всякомъ обстоятельстве, всякому лицу, и, шбмъ лучше, чбмъ скорѣе.

Даламбершъ и другіе благоразумные люди, кои въ шрудныя времена показали больше неуспрашимости, нежели Г. Шамфоршъ, думали иначе; и, кажешся мнб, многія событія даже и нынб доказываютъ, что можно подвергнушь себя весьма непріятнымъ послбдствіямъ, естли захошимъ все говоришь вдругъ и все дблалъ однимъ разомъ.

Что касается до упрека, сдбланнаго Академіи, что она *мало развивала истинб*, упрекъ естъ самый несправедливый и неумбспный особенно въ устахъ Г. Шамфорша.

Ему извбспно, что въ предметъ Академіи, яко Сословія, не входяшь поучительныя сочиненія о великихъ выгодахъ народовъ. Словарь, Грамматика, Ришориа, замбчанія на классическихъ Писателей о языкб, вошь предметы ея заняшій, и, какъ бы объ нихъ ни судили, предметы довольно важныя, но не подающіе ей случая изъясняшь шб великія истины, о кошорыхъ говоришь Даламбершъ.

Слѣдовашельно Академія могла разви-
вашь сіи истины шолько частно, по-
средствомъ шолько нѣкопрыхъ лицъ,
соспавляющихъ и соспавлявшихъ ее съ
самаго ея учрежденія; но справедливо
ли шо, что она шакъ шщашельно скры-
вала шѣ истины опъ людей?

Справедливо ли шо, что Фенелонъ,
Флери, Фоншенель, Массильонъ, Монше-
скю, Волперъ, Бюффонъ, Даламбершъ,
Томась, Кондильякъ, и въ живыхъ еще
находящіеся Гг. Мармоншеъ, Сеншъ-
Ламбершъ, Малезербъ, Гальяръ, Кондор-
сешъ, и проч. не развивали истинѣ?

Академія не развивала истинъ! Такъ
для чего же была она, начиная съ пяти-
десяти лѣшъ, шоль часто предметомъ
безпокойства и опасенія для власти въ
рукахъ Миниспровъ недовѣрчивыхъ и
слабыхъ? Для чего столь часто подвер-
галась она неблаговолишельнымъ замѣ-
чаніямъ опъ Правительства? Для чего
Г. Мопу подчинилъ ее цензурѣ Богосло-
вовъ? Для чего, и проч.

Все эшо не можешъ бышь неизвѣст-
но Г. Шамфоршу; однако онъ во всей
своей рѣчи не упомянулъ о семъ по шому,
что шакія обстоятельства, хошя и до-
спавляли ему случай къ порицанію пре-
жняго Правленія, произвели бы, въ поль-
зу Академіи, шо благоприятное предубѣ-
жденіе, что, поелику прежнее Правленіе

(п. е. Правленіе Лудовика XV) посмалляло долгомъ обуздывашь Академію, следовательно Академія не льстила и не работиствовала прежнему Правленію. Спрашиваю, могло ли произойти шакое опущеніе ошъ человекѣа, любящаго и ищущаго испину?

Я сказала, что укоризна, будшо бы Академія скрывала испину, еспь неумѣспна въ успахъ Г. Шамфорша. Ежели бы сей Академикъ упошребилъ свою жизнь и писанія на возвѣщеніе шолько сихъ полезныхъ испинъ, кошорыя, какъ онъ жалуется, хошяшъ обнаруживашь нечувствительнымъ развишемъ; ежели бы шворенія и шаланшы его были посвящены на зашщипу швободы прошивъ угнетеній всякаго рода, шо едва ли нынѣ имѣлъ бы онъ право обвиняшъ Академію и своихъ сочленовъ въ подломъ молчанія, не обративъ сего обвиненія и на самаго себя?

Но здѣсь еще совсѣмъ иное. Между шѣмъ, какъ многіе изъ его сочленовъ, и ему современныхъ, зашщитали въ своихъ писаніяхъ швободу книгопечашанія, швободу совѣспи, швободу шорговли и всѣ права народа, Г. Шамфоршъ, сочинитель нѣсколькихъ рѣчей Академическихкихъ, нсбольшихъ теашпральныхъ бездѣлокъ, оскорбляющихъ нравшвенность, нѣкошорыхъ соблазнительныхъ сказокъ и

одной слабой, давно забытой прагедии, шоржеспвенно поносишь сочленовъ своихъ за переименованіе, за искаженіе и утайку такихъ истинъ, открытіемъ и распространеніемъ которыхъ самъ никогда не занимался. Не уже ли онъ не предвидѣлъ, что встрѣпяшь его шоль разительнымъ сравненіемъ, на которое сказашь ничего ему не оспасаешь?

Послѣдуемъ за полковашелемъ далѣе. Даламбершъ говоритъ, что *Сословіе просвѣщенное и мудрое, каково есть Академія, будетъ допускать свѣтъ* и проч. При сихъ словахъ кришнвъ восклицаетъ: *мудрое, Милостивые Государи!* какъ будто бы хопѣлъ сязашь: „вы понимаете; „Даламбершъ самъ говоритъ, Академія „есть сословіе мудрое: *habemus confitentem reum*, виновашый самъ признается.“

Какъ восклицаніе, такъ и примѣчаніе весьма забавны. А для чего бы Г. Шамфоршъ не хотѣлъ, чшобъ Академія была мудрою? Не былъ ли онъ самъ чѣмъ нибудь болѣе, нежели мудрымъ въ помъ смыслѣ, въ какомъ поносишь Академію за то, что она есть Сословіе мудрое? Развѣ слово, *мудрый*, съ нѣкошораго времени, поже значить, что *подлый, лживый*, врагъ истины и общеспвеннаго блага? Пусть Г. Шамфоршъ, для собспвеннаго упошребленія, измѣняетъ такъ языкъ; што въ его волѣ; но пока не ве-

депъ сего новаго значенія въ общее употребленіе, долженъ бы прибавлять къ нему свои объясненія.

Не менѣе дивисься должно восклицанію, сдѣдующему за словами Даламберша, что Академія будетъ по должности органомъ разума, и благоразумія по званію. По какому званію и какого благоразумія! восклицаетъ кришникъ.

Но вы, Г. Шамфоршъ, напрасно будете повшорять съ удивленіемъ слова: званіе и благоразуміе; это не сдѣлаешь ихъ смѣшными. Вы не изгладите изъ числа добродѣшелей шу, кошорая научаешь говоришь, писашъ и дѣйствовашъ всегда кспаши; кошорая ошклоняешь насъ ошъ поступка безразсуднаго, неблагопрістшйнаго, несправедливаго и достшйнаго всеобщаго порицанія; и когда вы не хопише сами исполняшь сей добродѣшели, по крайней мѣрѣ ошъ нея не ошврашише Академіи.

Наконецъ, Г. Шамфоршъ находишь прешупленіе Академіи домазанымъ по признанію самаго Даламберша, что она долукаетъ до ошей народовъ столько свѣта, сколько нужно для постеленнаго ихъ озаренія, безъ поврежденія народнаго зрѣнія. Академія, говоришь ошъ, и всегда съ восклицаніемъ, была весьма разстеллива въ разліяніи свѣта! Для чего же и не бышь разчешливу въ разліяніи свѣта

предъ глазами слабыми? Когда Венцель снимаетъ бѣльма, не запрещаетъ ли, въ печеніи многихъ недѣль, допускать свѣта до органа, кошорый възснатовишь хочешь, и не велишь ли привыкать къ нему посшепенно? Испинный образъ предоспорожностей, какія наблюдашь надлежишь при введеніи иѣкошпорога рода испинъ между народами; предоспорожностши, кошорыя никогда не были пренебрегаемы ненаказанно.

Послѣ шоль несвязныхъ и кривыхъ шпльновъ, и послѣ пустыхъ доводовъ, сошпощихъ по большей часши, какъ мы видѣли, въ восклицаніяхъ, Г. Шамфоршъ возглашаетъ: *увы! Государи мои, сего уже слишкомъ довольно; кто изъ васъ не удивленъ, не раздраженъ, не приведенъ въ негодованіе? и заключаешь удивительнымъ извѣшпомъ, кошорый помѣсшилъ я въ началѣ сей спашши, и кошорый сошпощишь въ шомъ, яко бы Академія безтѣстнѣйшимъ образомъ продавала свободу народовъ.*

Кшо не будешь удивленъ, раздраженъ, не приведенъ въ негодованіе подобнымъ злоупотребленіемъ, не скажу, искуштва, а промысла пишашъ? Толь глубокимъ забвеніемъ всякой благопристойности, разсудка и справедливости? Сдѣланное мною раземошрѣніе сей часши сочиненія Г. Шамфорша должно, кажешся, возбудишь

и въ душѣ чисташелей такіяже чувствованія.

Я упомянулъ уже о умысленныхъ опущеніяхъ, къ которымъ прибѣгъ онъ для того, чтобы показашь намъ, въ предисловіи къ похвальнымъ словамъ, мнимыя пресупленія Академіи и признаніе Даламберша: сіи опущенія можно легко отличить по звѣздочкамъ, которыя посланы при каждомъ опущенномъ мѣстѣ.

Первыи, умолченная Г. Шамфоршомъ, спашья выражаетъ ясно, что Правительство, о коемъ говоришь Даламбершъ, могущее съ пользою употребляшь Академіи, есть Правительство просвѣщенное и желающее дѣлать добро.

А на языкѣ философскомъ, добро есть благо общественное, благо народовъ, и Правительство называется просвѣщеннымъ, когда умѣетъ распознавать пути, ведущіе къ сей цѣли, и неуклонно слѣдовашь ими. Сіи однѣ два слова давали всякому, кто хошѣлъ ихъ разумѣть, ключъ къ прямой мысли Даламберша, и зашворяли дверь непризнаннымъ толкованіямъ Г. Шамфорша.

Въ шрешней спашьѣ, опущенное мѣсто показываешь, и примѣромъ Горациа и Лукреціа доспашочно объясняешь, что разумѣешь Даламбершъ подъ благопрістойностію, къ какой обязываешь Ака-

демія, подѣ цѣлю, какую налагаетъ она, подѣ предѣлами, какіе поставляетъ, подѣ отступленіями, коимъ препящивуетъ; всѣ сія дѣйствія ограничиваются только вліаніемъ, какое Академія можетъ и должна имѣть во нравы. Г. Шамфоршу нужно было все это опустить для того, что хотѣлъ внушить, будто бы сія благоприсойность, сія цѣль и сіи предѣлы были бразды, налагаемыя на свободу гражданскую и политическую, о которой Даламбершъ не говоритъ, въ семь мѣстѣ.

Въ четвертомъ параграфѣ Даламбершъ полагаетъ, что невѣжество и заблужденіе могутъ быть полезны однимъ тиранамъ, и что мудрое Правительство имѣетъ само великую выгоду въ томъ, чтобы народы были просвѣщены. Г. Шамфоршу надобно было выпустить все сіе разсужденіе; ибо оно совсѣмъ опровергаетъ тошъ странный поклепъ, будто бы Даламбершъ и Академія не хотѣли, чтобы писаны были истинны полезныя людѣмъ и вредныя ихъ угнетателямъ; Г. Шамфоршъ иначе и не могъ бы увѣрять насъ, что тошъ, кто хочетъ искоренить заблужденія полезныя тиранамъ, не захотѣлъ бы молчать объ истинахъ имъ вредныхъ.

Опущеніе § VI. сдѣлано еще съ бѣльшимъ безсовѣстіемъ; ибо въ немъ объя-

Часть VII.

сняешь Даламбертъ еще подробности то, что разумѣешь онъ подъ заблужденіями, копорыя искореняшь хочешь; онъ ссылается на разные суевѣрные предразсудки, кои причиняли бѣдствія народамъ, и кои были защищаемы самими народами противъ верховной власпи. О сихъ-то *суевѣрныхъ предразсудкахъ* говоришь онъ, что не должно прямо и крушо сопрошивляться имъ, а что надлежишь нападашь на ниль съ оспорожностію, и по мѣрѣ просвѣщенія, какое распроспрашишь могушь ученыя общества.

Наконецъ, что превосходишь всякое вѣрояніе, пропуцень VIII, послѣдній параграфъ, копорый непосредственно связанъ съ параграфомъ, подавшимъ Г. Шамфоршу поводъ къ ложнымъ большею частію шолкованіямъ и радоспнымъ восклицаніямъ. Здѣсь и дѣйствительнo читаемъ, что Академія и правительсво должны, по мнѣнію Даламберша, заниматьсѣ искорененіемъ *зablужденій противныхъ пользѣ народовъ*; осперегаешь нападашь явно на общіе предразсудки народа, дабы вѣрнѣе излѣчишь его отъ оныхъ; спарашься возводишь истину на престолъ, спровождая ее, шаръ сказашь, шайкомъ сквозь несмысленную шолпу, копорая воспящала ей шуда доспунъ. Такія мысли и выраженія не совершенно ли оправдываютъ Даламберша и Академію отъ взво-

димой вины въ заговорѣ противъ свободы народовъ и противъ обнаруженія истинъ полезныхъ людямъ и вредныхъ угнетателямъ ихъ?

За сею укоризною сколько обидною, сполько и несправедливою, за симъ оскорбленіемъ, нанесеннымъ памяти и твореніямъ философа, который оставилъ по себѣ имя любезное цѣлой націи, собрата, уважаемаго опъ всей Европы, человека, въ сообществѣ коего Г. Шамфоршъ провелъ многіе годы, почему должно думать, что оно было для него пріятно; за всѣмъ симъ прибавляешъ онъ въ странному поспупку своему еще доносъ на Академію надписей и изящныхъ наукъ, дочь Французской Академіи, дочь (говоришь онъ) достойную своей матери по тому же духу униженія; подтняющую самовластію подложную угеность; также, какъ и Французская Академія, орудіе рабства при Лудовикѣ XIV, обузданіе свободы при Лудовикѣ XV, и во всѣ времена училище ласкательства и раболѣпства.

Я не беру на себя защищать общества знаменитаго въ цѣлой Европѣ, составленнаго изъ мужей, оказавшихъ только заслугъ своимъ согражданамъ прудами полезными, Общества, наслаждающагося полъ высокимъ уваженіемъ, что, можешъ бышь, презришь подобное оскорбленіе. Я не исполнилъ бы всей обязан-

ности моей къ сему почтенному Сословию, взявъ на себя защищать оное. Въ нѣдрахъ своихъ найдешь оно лучшихъ поборниковъ, естли упошробишь ихъ захочешъ; но я не имѣю права предполагать, чшобъ захошбло оно унижить себя до оправданія.

Я приближаюсь къ концу шакого дѣла, кошорое спановишся шагосшнымъ; ибо упомянутое негодование усшупаешъ мѣсто опвращенію; и только чшобъ не пропустишь ничего въ сочиненіи Г. Шамфорца безъ должнаго обзорѣнія, помѣщу здѣсь послѣдніе доводы его прошивъ Академіи: я раздѣлю ихъ на двѣ спашьи.

I. По его мнѣнію: „существованіе „Академіи естъ прошивно *правиламъ*, „несовмѣстно съ правилами народнаго „собранія о *товариществахъ* (Corporations). „Академія естъ шоварищество, порабощающее таланты, кошорымъ Собраніе „обязано возвратишь свободу, каную „возвратило всѣмъ другимъ родамъ искусствъ и промышленности. Товарищество для упражненій генія! Англичанамъ не приходило сего и въ голову; а „мы, опносительно ума, уже не можемъ „ославашься позади Англичанъ.“

Правила! правила! Слово сіе имѣешъ, для многихъ, волшебную силу превращаешъ ученія самыя неизвѣстныя, а иногда самыя ложныя и пагубныя, въ неоспо-

римыя аксіомы. Но правила, чѣшбъ заслужить сіе названіе, должны бытъ не иное что, какъ самыя истины. Онѣ, да же и на словахъ, должны заключающься въ предѣлахъ, за копорыми пересшающъ уже бытъ истинами. Справедливостъ пребуешъ, чѣшбъ истинныя правила бы-ли прилагаемы почно и безприсрасшно; о чемъ, какъ кажешся, Г. Шамфоршъ мало забошился.

Ему надлежало бы вникнуть, въ какомъ смыслѣ справедливо правило народнаго собранія о шоварищешвахъ, и подумашъ, можно ли приложить оное въ Академіи. Но онъ сего шруда не принялъ; за него попржущъ я.

Товарищештва, уничтоженныя собраніемъ, суть тѣ общештва, въ копорыхъ давалась шакимъ и шакимъ гражданамъ, подъ шакими и шакими условіями, привилегія или исключительное право производить такое или иное ремесло, шаккой или иной родъ промышленности или шорговли въ городѣ, округѣ, или шстранѣ, для копорыхъ шоварищештво сосшавилось, и на имя копорыхъ дана ему привилегія. Вотъ смыслъ, каковой слово сіе, заимшвованное Французами у Англичанъ, имѣло всегда въ Англии, и каковой сохранило, перешедъ во Французскій языкъ! Вотъ смыслъ, подъ копорымъ разумѣемъ наши цѣхи или сообщештва.

ремесленникоєъ и купцовъ въ Парижѣ и другихъ многочисленныхъ городахъ государства, равно какъ и поварищества съ исключительнымъ правомъ на какой либо родъ промышленности или торговли, какъ - то : поварищество стекольное, поварищество или компанія обѣихъ Индїй.

Народное собраніе, уничтоживъ поварищества сего рода, поступило весьма справедливо и благоразумно, поелику уничтоженіе оныхъ было непосредственнымъ и необходимымъ слѣдствіемъ свободы, какую правительство должно предоставить каждому гражданину употреблять свои способности, свои таланты, свои капиталы, и проч., какъ онъ захочетъ, лишь только бы не вредилъ другому, и не препятствовалъ никому дѣлать то же, что онъ самъ дѣлаетъ.

Но какъ можетъ относиться къ Академіи Француской, и вообще къ Академіямъ правило, разрушающее поварищества, которыя исчислилъ и опредѣлилъ я выше? Почему касаться можетъ оно до такого общества, которое не имѣетъ привилегій, которое ни у какого лица, ни даже у какого другаго общества, ежели бы могло сосуществовать подобное, не отнимаетъ свободы дѣлать то, что само дѣлаетъ, и дѣлать, ежели можно, еще лучше, нежели дѣлаетъ Академія? Слѣ-

довашельно Академію не лъзя включишь въ число повариществъ, собраніемъ къ унищоженію присужденныхъ; слѣдовашельно существованіе ея непрошивно *правиламъ*. Со всѣмъ умомъ Г. Шамфорша ~~опровергнушь~~ сего не можно.

Посмотримъ однакожь, на усиліе, съ какимъ спарается онъ уподобишь Академію пѣмъ повариществамъ, кошорыя разрушило собраніе.

Онъ утверждаеть, что Академія *порабощаетъ* таланты, что *опшимаеть* крылья у генія; но въ какомъ смыслѣ и какъ можетъ она *опшять* у него крылья, когда не въ состояніи *воспрепятствовашь* ему и *дѣйствовашь* и *шворишь* по его волѣ? Ежели бы Г. Шамфоршъ имѣлъ умъ Корнелія или Расина, то какимъ образомъ *воспрепятствовала* бы ему Академія *подаришь* насъ трагедіею лучшею, нежели *Мустафа и Зеангирь*? Не смотря на Академіи и не бывъ ни одной изъ нихъ членомъ, всякъ можетъ писашь въ стихахъ и прозѣ сочиненія превосходныя равно, какъ и посредственныя. Не видимъ ли и въ наше время тысячи вдругъ возникшихъ великихъ писателей періодическихъ листковъ; великихъ полишниковъ, съ глубокомысліемъ наканунѣ еще разсуждающихъ о дѣлахъ завпрешняго дня, и почишающихъ себя нынѣшними Солонами и новыми Моншескю? Ежели ихъ опиры-

щія и слава не достигнутъ до позднѣйшихъ вѣковъ, виновата ли будешь въ томъ Академія? Не имѣемъ ли мы въ одномъ драматическомъ родѣ, сполько писателей, что непрерывно новыми произведеніями снабжаются двадцать театровъ нашей столицы? Небѣ ли у насъ Карловъ IX, завоеванной свободы, жертвъ въ стѣнахъ монастырскихъ, Мирабо на одрѣ смертномъ, и проч. Ежели сіи образцовыя творенія нынѣшняго театра не затмеваютъ твореній Волтера и Расина, можно ли въ томъ винить Академію?

Академія *оптимае тѣ* у генія крылья! У какого генія? У генія людей ученыхъ, кои не Академики? Но они не могутъ быти рабами власти, коюрой не признають, и коюрой покоряются ничто ихъ не принуждаетъ.

Чтожь касается до людей съ отличными дарованіями, коюрыхъ имѣла Академія въ числѣ своихъ членовъ, поелику вступали они въ сіе сословіе добровольно и оспавались въ немъ также добровольно; шо, ежели бы вареніе генія ихъ ослабѣло ошъ вступленія, или послѣ вступленія въ сіе сословіе, тогда бы они были рабами самихъ себя, а не Академіи, и сіе рабство ихъ было бы произвольное, мнимое, словомъ, шаное, какое не можешь быти ни причиною ни предметомъ законоположенія.

Г. Шамфорть еще и сполько не воспользовался засбданіями Академическими, чшобъ давать словамъ своимъ почный смыслъ; онъ поспавляеть здбсь, прошивъ всякой логики, слово иносказательное на мбсто собственнаго, и выводить заключеніе изъ перваго, какое могъ вывести изъ послдняго: я объяснюсь.

Свобода, какую законоположеніе мудрое долженствуетъ даровать гражданину, есть существенная и физическая свобода употреблять свои тблесныя и душевныя способности, по своему произволію, безъ предосужденія и вреда прочимъ гражданамъ. Рабство, ош котораго онъ долженъ бытъ защищаемъ, есть рабство, опнимающее у него сію свободу и опнимающее ее противъ его воли; ибо рабство добровольное и такое, которое рабъ можетъ прервать во всякое время, не есть то рабство, о которомъ здбсь рбчь идетъ, и не то, которое законъ долженствуетъ удалять ош гражданъ.

Ежели бы въ нбкоторомъ смыслѣ, хотя мало сносномъ, можно было сказать, что Академія порабощаетъ геній, то порабощаетъ его рабствомъ добровольнымъ и удобительнымъ, какъ говоримъ, что человекъ есть рабъ своихъ удовольствій, рабъ честолюбія, рабъ лю-

бовной спраси; и гражданскіе законы не могушь, не хопяшь и не долженствуюшь защищать насъ своими опредѣленіями ни ошь одного изъ сихъ рабствъ.

Ишакъ Г. Шамфорть, говоря, что Академія *порабощаетъ* геній, какъ поварищесства порабощаютъ шорговлю, употребляешъ, по примѣру Софисшовъ, и слова и выраженія одинакія для предствленія понятій совершенно различныхъ. Часшыя сего рода ошибки Г. Шамфорта, вопреки его намѣренію, доказываютъ пользу существованія Академіи.

Правила законоположенія о поварищесствахъ не шольцо не ошносяшся на общесства или ученыя сословія, названныя Академіями, и особенно на Францускую Академію; но, что еще болѣе удивилъ Г. Шамфорта, и что совершенно сходствуетъ съ правилами правительствва, что оно не имѣешъ ни надобностшей, ни желанія разрушилъ Академію.

Что вы найдеше въ учрежденіи Академіи? Ничего инаго, кромѣ права или свободы собирашся, вмѣстѣ шрудилъся, сочиняшъ Словарь, Граммашикку, и проч. раздавашъ награды, вносимыя часшными лицами. (Академія на сей предметъ ничего не получаешъ ошь казны); наконецъ,

продолжать существованіе сословія посредствомъ свободнаго и ни оупь кого не зависящаго избранія членовъ на упразднвшіяся мѣста. Вопшь все, что составляетъ сущность Академіи! Ежели законодательство не имѣеть надобности возпрепятствовать сословію занимать показанными предметами, шо не имѣеть и причины разрушить оное.

Не угодно ли будетъ Г. Шамфорту сказать намъ, какое изъ сихъ занятій нужно воспрепятствовать:

Собираются ли въ числѣ сорока, а чаще въ числѣ двѣнадцати или пятнадцати только человекъ въ общемъ залѣ? Но свобода составляетъ мирныя общества, подъ покровительствомъ законовъ и предъ очами власти гражданской, съ намѣреніемъ, которое не имѣеть ничего пропивнаго обществу спокойствію и нравственности; такая свобода, говорю, есть священное право гражданина, право не только признанное, но установленное и утвержденное самимъ правительствомъ.

Самая ли цѣль общества и предметъ трудовъ онаго? Сочиненіе Словаря, Грамматики, раздаваніе наградъ; выборы и публичные приемы членовъ, не имѣють въ себѣ ничего пропивнаго правиламъ добраго правленія, ни выгодамъ націи.

Правила пребують, чѣшобъ законъ имѣлъ право запрещать шолько вредное.

Скажупь, чѣшо Академія получаешъ ошъ націи дващцашъ пяшь тысячь франковъ, изъ общешвенной казны, на жешоны и другія свои издержки; и нація имѣешъ право ей не выдавать сей суммы.

Сіе право націи ешъ неоспоримо; но эшо не ешъ право разрушить Академію. Пусть нація, по бережливости больше жешели строгой, удержипь сіи дващцашъ пяшь тысячь франковъ; но удержавъ ихъ, не воспреняшшвуешъ Академикамъ собирашья и безъ жешоновъ, ешъли захошяшъ они сохранишъ свое общештво и продолжатъ обыкновенныя заняшя: могутъ продолжатъ Словарь, раздавать награды, по благосклонному порученію частныхъ лицъ, избирашъ на праздныя мѣста себѣ сочленовъ; имѣшъ публичныя собранія, и все сіе дѣлашъ при покровишельствѣ закона; въ чемъ ошказашъ имъ не возможно.

Слѣдовательно ошмѣна жешоновъ ешъ одно шолько обшояшельство, могущее бышъ ошнато у Академіи; а какъ такая ошмѣна не влечешъ за собою разрушенія цѣлаго учрежденія, шо я имѣю причину ушверждать, чѣшо народное собраніе не въ правѣ унищожипь Академію.

И сказала, что Академія могла бы существовать, не смотря на удержаніе двадцати пяти тысячъ франковъ, отпускаемыхъ изъ казны національной; но могу еще прибавить, какъ дѣло очень быточное, что сіи двадцать пять тысячъ придуть изъ какого ни есть другаго источника, а не изъ казны общественной. Предположимъ, на примѣръ, что какой нибудь гражданинъ, любящій науки, и довольно достаточный, не пожалѣешь опредѣлить для нее двадцати пяти тысячъ годового дохода: въ такомъ случаѣ, Г. Шамфоршу еще будетъ пріисорбно видѣть, что Академія продолжитъ бытіе свое.

Тогда все лежало бы тяжело на сердцѣ у Г. Шамфорша, какъ онъ самъ говоритъ, если бы сохранились *товарищества для занятій генія*. Надобно утѣшить Г. Шамфорша.

Прежде замѣчу ему, что, изображая такимъ образомъ Академію, проповорѣчишь онъ самъ себѣ; ибо, ограничивъ, какъ мы видѣли, всѣ обязанности ея сочиненіемъ Словаря и привѣспвій и раздачею наградъ, все такими предметами, кои не составляютъ занятій генія, не можешь онъ представить Академіи на судъ предъ собраніе, какъ *товарищество, заведенное для занятій генія*.

Прибавлю къ тому, что завести то-

варищество для заняшій генія, для всякаго человека, который хочешь самъ себя понимать, и не боишься, чѣмъ его другіе понимали, значить завести товарищество для дѣланія хорошихъ трагедій, хорошихъ рѣчей, порядочныхъ комедій, хорошихъ поэмъ, и проч., какъ будто бы все это было какое ни есть издѣліе. Но Г. Шамфорсъ очень знаетъ, что Кардиналу Ришелье никогда не приходила въ голову столь глупая мысль; а чѣмбы въ томъ убѣдился, ежели бы онъ сомнѣвался, ему стоило бы только взглянуть на грамашу, въ коей ясно означены два предмета сего учрежденія; первый: *привести словесныя науки въ погтеніе*, другій: *очистить Французской языкъ и сдѣлать его способнымъ для объясненія всѣхъ художествъ и знаній, и постановить оному извѣстныя правила.*

Теперь я коснусь довода, подкрѣпляемаго примѣромъ Англичанъ, у которыхъ будто бы нѣтъ подобныхъ заведеній для заняшій генія, а науки находящіяся въ цвѣтущемъ состояніи.

Во первыхъ замѣчу Г. Шамфорсу, что есть въ Лондонѣ извѣстное всѣмъ Королевское общество; въ немъ занимающіяся художествами и науками, которые требуютъ генія; но назови оное товариществомъ, такъ какъ и Францу-

скую Академію, въ правильномъ смыслѣ, никакъ не можно.

Во вспорыхъ, ежели Англичане и не имѣли Академій для занятій генія, сіе доказываетъ только то, что подобныя заведенія имъ не нужны, а не то, чтобы онѣ не были полезны; здѣсь же дѣло идетъ объ одной ихъ полезности.

Наконецъ, великая разница между симъ предложіемъ: *Англичане не имѣютъ Академій*, и другимъ: *Англичане и не воображали никогда, чтобы можно было имѣть Академію*. Первое, справедливо ли оно или ложно, не принадлежитъ къ нашему предмету; а по другому приписывается Англичанамъ, прошивъ Академій, предубѣжденіе, опроверженіе, презрѣніе, копорыхъ они не имѣютъ.

Можно видѣть изъ многихъ мѣстъ сочиненія Г. Шамфорша, что онъ не всѣмъ вникъ въ предметъ свой, какъ бы надлежало человѣку ученому. Вошь чѣмъ могу я увѣрить моихъ читателей.

Онъ не знаетъ, что хотя Англичане не имѣютъ Академіи, опредѣленной на то, чтобы сохранять въ чистотѣ и усовершеншавъ языкъ, п. е. такого заведенія, о какомъ здѣсь идетъ дѣло; но ученѣйшіе и благонамѣреннѣйшіе изъ нихъ желали сосзавить подобное сословіе. Не имѣя времени вновь опыскивать всѣхъ свидѣпельствъ, копорыхъ могъ бы я показавъ

Г. Шамфорну, представляю изъ нихъ два довольно важныя свидѣшельства докторъ Свифта и Давида Юма.

Въ швореніяхъ перваго есть одно письмо къ Графу Оксфорду, первому Лорду Назначейства; онъ въ немъ излагаетъ планъ заведенію, которое могло бы *исправить, усовершенить и утвердить языкъ Англицкій.*

Онъ относитъ первую эпоху порчи языка къ междуусобной войнѣ, которая была столь пагубна для Карла I; и къ правленію Кромвеля, „во время коего, говоритъ онъ, пустосвяшество Пуританъ и республиканцевъ ввело нѣкій родъ недѣлаго нарѣчія, наводнившаго всѣ тогдашнія шворенія, особенно шеапральныя.“

„Къ сей порчѣ присоединилась, по мнѣнію его, порча, внесенная Карломъ II, купно со своеволіемъ, которое послѣдовало за возстановленіемъ престола, и которое, испровергая вѣру и нравственность въ народѣ, исказило также языкъ его, введя въ него великое множество новыхъ словъ и оборотовъ рѣчи напущныхъ, запѣйливыхъ, и дошолъ неизвѣстныхъ.“

„Сей большой городъ, прибавляетъ онъ, говоря объ Лондонѣ, имѣлъ всегда нѣсколько людей, съ дурнымъ вкусомъ, но въ такомъ довѣрїи, что могли они

дашь ходъ новому слову и ввести его въ обыкновенный разговоръ, хотя оно часпо не заключало въ себѣ почнаго знаменованія и не имѣло состава правительнаго. Когда оно приходило на вкусъ того времени, то скоро переселялось въ періодическія сочиненія, попомъ въ театральныя шворенія, и легко видра-лось въ языкъ; между тѣмъ люди умные и знающіе, вмѣсто того, чшобъ воспашъ прошивъ сихъ вредныхъ новостей, нерѣдко сами увлекались ими, и принимали ихъ.“

„Для исправленія и предупрежденія сей порчи, я думаю, продолжаешъ Свифтъ, надлежало бы избрать нѣкошорое число людей извѣстныхъ и признанныхъ способнѣйшими къ такому шуду; шупъ не должно смолрѣшь на разлчїе чиновъ, состоянїя или промысла. Люди сіи собирались бы, въ назначенное время и мѣсто, и составили бы планъ своимъ занятїямъ. Я не смѣю начерташъ имъ онаго; но вы, Милордъ, и другїя государшвенныя вашего званїа особы долженшвовали бы быть членами сего общества; я не сомнѣваюсь, чшобъ оно не получило сколькоже пользы отъ вашего примѣра и наставленїй, сколько и отъ покровительства, копорымъ бы вы его удостоили. Наконецъ, для приведенія плана сего въ исполненїе

можно бы сообразоваться примѣру Французовъ въ томъ, что они сдѣлали хорошаго; старайся только избѣгать ошибокъ ихъ.

Что скажете, Г. Шамфортъ? Не Свифтъ ли это, превосходный писатель, превосходный умъ, и, *nota bene*, превосходный патриотъ, предлагаешь для своего опечесства, для успѣховъ и сохраненія языка своего въ чистотѣ, учредишь Академію на образецъ Французской Академіи?

Можешь бышь, мнѣ скажутъ, что пошѣже Свифтъ находишь и недоспашки въ учрежденіи, которое своимъ соотечественникамъ предлагаешь для подражанія. Я однакожь не припомню, чтобы сей ученый и безприсраспный мужъ показалъ гдѣ ни есть индѣ именно что либо достойное хулы, по его мнѣнію. А при томъ и не могу предполагать, чтобы недоспашки сіи состояли въ чемъ нибудь важномъ и неисправимомъ; ибо планъ его, какъ видѣшь можно, точно сходенъ съ планомъ, по коему основана Французская Академія: пошѣже предметъ учрежденія, шѣже обязанности, шѣже смѣшеніе людей ученыхъ съ государственнымъ чиновниками, и проч.

Другое свидѣтельство, которое яе можешь бышь хуже свидѣтельства Г. Шамфорта, доставляешь намъ Давидъ

Юмъ, мужъ ума свободнаго, безпристрастный историкъ и философъ глубоко-мысленный, который въ исторіи о Спурарпахъ, подъ годомъ 1611, по случаю основаннаго Іаковомъ I училища, коего единственнаго занятіе долженствовало состоять въ опроверженіи Католиковъ и Пуришанъ, пишешь, что только сіе одно ободреніе оказали наукамъ Короля Англическіе; и прибавляешь, жалуясь:

„Всѣ усилія великаго Бакона не могли „доставить намъ заведенія для успѣховъ „естественной философіи (каково было „потомъ Королевское Общество), и даже „пояныѣ не имѣютъ Англичане такого „словія, которое пеклось бы объ очи- „щеніи и утвержденіи языка.“

Я спрашиваю, что значить рѣши- шельный приговоръ Г. Шамфорта предъ мнѣніемъ двухъ, упомянутыхъ мною, мужей? Спрашиваю, что остается изъ его восклицанія: *общество для пользы генія! о семъ Англичане и не помышляли?* А что, *относительно ума, мы не можемъ остаться позади Англичанъ, я опъ всего сердца скажу: да будетъ тако!*

II. Г. Шамфортъ оканчиваетъ свое сочиненіе не столько доводами противъ Академіи, сколько утверженіемъ приверженцевъ ея и совѣтами народному собранію.

„Академія готова пасти сама собою; она сохраняетъ только чахлаю и неизлѣчиму ю малорослость свою; по среди всѣхъ возрастающихъ вокругъ ея предметовъ, она будетъ невидима. . . . Никшо не спанешъ впредь искашь почестей ея, помраченныхъ новою славою, ученою и патріотическою вмѣстѣ, орашоровъ собраніа. . . . Уже не спанушь искашь суешнаго ошлчія, на кошорое осуждало великія дарованія преежнее самовластіе... Надобно предосшавить ей ушѣшишельную мысль, что безъ васъ была бы она безсмертна. . . . Уничшожая ее, чего опасашься воплей? Она не пользовалась никогда благорасположеніемъ народнымъ, и не имѣетъ защитниковъ, кромѣ враговъ народнаго правленія; и наконецъ, самые члены ея удержашъ печаль разлуки своей въ предѣлахъ лицемѣрной благоприсшности, особливо когда собраніе, разрушивъ Академію, окажетъ часнамъ ея великодушіе. . . .

Я буду на каждую спашью изъ сихъ замѣчаній опшвѣчать кратко и порознь.

іе. Не думаю, чтообъ Г. Шамфорть былъ такъ твердо увѣренъ, какъ хочешъ казашься, о естесшвенной и близкой смерти Академіи; въ пропшвномъ случаѣ, не занимался бы онъ, съ такою зашбошливостію, немедленнымъ ея разрушеніемъ. На что поражашъ испршшела,

шомяцагося на одрѣ въ сильной горячкѣ, кошорая вскорѣ преграшишь жизнь его? При увѣренности, что Академія не замедляшь умереть своею смерщию, на что бы, кажется, Г. Шамфоршу боролсь съ шѣмъ ошвращеніемъ, какое естешвенно долженъ онъ чувствовашь, дѣлаясь донощикомъ на сословіе, коего былъ членомъ, дѣлаясь поносителемъ людей ученыхъ, съ коими обращался, поносителемъ памяти Даламберша, и проч. Пошупокъ его былъ бы еще виновнѣе, ешшь ли бы имѣлъ цѣлю ускорить хошя нѣсколькими днями разрушеніе, впротемъ неизбѣжное. Вы видяте, что я объясняю его намѣренія со всякимъ снисхожденіемъ.

Я и дѣйствительнѣе нахожу Академію не въ шоль ошчаянномъ состоаніи, какъ онъ ее представляешь; ибо не примѣчаю въ ней смертельныхъ признаковъ, на кошорые смотрѣшь меня зашавляюшь: пусть назовуть меня дошпоромъ *Тѣмъ - лучше*; но всѣ шѣ, коимъ извѣшенъ образъ лѣченія собраша моего, скажущъ, что онъ ешть въ высочайшей шепени дошпоръ *Тѣмъ - хуже*. Посмошримъ однакожь, кто изъ насъ знаешъ лучше ремесло свое.

Собрашъ мой предсказываетъ близкую смерть Академіи, предосшавленной себѣ самой, пошому что никто не ставитъ искать потестей ея, пошратенныхъ

славою ораторовъ собранія. Но я уже объяснилъ выше, что, въ одномъ риторическомъ родѣ, опасаясь еще возможности прославиться сочиненіями, подобными сочиненіямъ Воссюена, и швореніями въ словѣ Академическомъ, наковы шворенія Ла Брюера и Фенелона; слава, пошорую можно заслужить на каедрѣ народнаго собранія, тому нимало не помѣшаетъ.

Торжество краснорѣчія предъ собраніемъ, занимающимся самыми важными предметами на пользу націи, будетъ, безъ сомнѣнія, славнѣйшее изъ всѣхъ торжествъ; но поприще, на коемъ приобрѣтаешь имѣющъ сіи пальмы, во многихъ случаяхъ, не всѣмъ будетъ отперсно; и, можешь бышь, избирашеля предночнешь, въ своихъ представителяхъ, шаланшь хорошо дѣйсивовашь шаланшу хорошо говоришь. Можешь бышь иначе, что избирашеля большей части Денаржаменшовъ, доколѣ въ словесности не произойдешъ еще успѣховъ, предвѣщаемыхъ Г. Шамфорномъ, не въ состояніи будешь безошибочно различать, между кандидатами, великихъ ораторовъ, и имъ всегда давашь преимущество. Инакъ многіе краснорѣчивые мужи не найдутъ мѣста между представителями націи. Почему же не оставить въ Академіи лишняго уголка для тѣхъ изъ нихъ, кои и пренебрегутъ суетнаго отлитія, на котѣ

*рое самрзластіе (по словамъ Шамфорша)
осудило Боссюета и Фенедана?*

Наконецъ положимъ, что великіе ораторы не могутъ быть въ собраніи. Но ученая слава не одного рода. Долго́ будемъ любить хорошіе ошши, хорошія шрагедіи и комедіи, превзоходныя испоріи и краснорѣчивыя и вѣстѣ философскія разсужденія даже и о предметахъ, не относящихся до правительствва, и даже кришику въ родѣ кришики Г. Шамфорша, лишь шолькобъ было въ ней по больше разсудка и справедливости; долго́ извѣстное число людей ученыхъ, пошовъ, кришиковъ, философовъ, и пр. могутъ иснать славы, неразлучной съ усѣхами въ шрудахъ сего рода, и находишь ее въ сопричшеніи себя къ Академіи голосами равныхъ себѣ. Ишакъ все ошпанешся Академія Академіею, хотя бы шо было для нихъ однихъ, не смотря на монополию, даруемую Г. Шамфоршомъ народному собранію на краснорѣчіе.

2e. Уже замѣчено въ шушну, что чело́вѣколюбіе Г. Шамфорша, желающаго немедленно, безъ всякаго ошлагательствва, разрушитъ Академію, дабы она имѣла ушѣшительную мысль, что, безъ опредѣленій собранія, была бы безсмершна, походитъ на нѣшнюю сострадательность Агнелета, который душишь барановъ Г. Галлома изъ опасенія, чтобы

они не померли сами. Но что справедливо, то справедливо: надобно согласишься съ Г. Шамфоршомъ, что Академія могла бы дѣйствительно почитать себя безсмертною, ежели бы должна была спрашиваться своего разрушенія отъ одного только народнаго собранія.

(Послѣ сего Г. Мореллешъ опровергнувъ вводимыя на него Шамфоршомъ нарѣканія, продолжаетъ рѣчь свою слѣдующими словами:)

По чему думаешь онъ, что его собранія не будутъ жалѣть другъ по другѣ, и при изъясненіи своей печали удержавшись въ предѣлахъ *лицемѣрной благопристойности*? Я объявляю ему за себя, что разлука сія будетъ для меня весьма тяжостна; а чтобы доказатьъ ему, что съ моей стороны шутъ нѣтъ никакого лицемѣрія, и увѣришь его въ моемъ чистосердечіи, скажу ему прямо, что опшюдь не по немъ жалѣть буду.

Средство упѣвшишь Академикомъ о ихъ разлукѣ, внушаемое поносителемъ Академіи, состоитъ въ томъ, чтобы разрушивъ сословіе, *оказать гленамъ его великодушіе.*

Здѣсь Г. Шамфоршъ очень походитъ на Безіерцевъ, кои въ листкѣ *независимыхъ* говорятъ сами о себѣ: *мы имѣемъ умъ, но глупы.* Что ближе къ сей откровенной простотѣ, какъ сказать предъ

собраниемъ: „ученые, кои составляютъ
„Академію, суть подлые рабы, побор-
„ники деспотизма, враги народнаго прав-
„ленія; но дайше миѣ хорошую пенсію.“

Впрочемъ, Г. Шамфоршъ здѣсь худой
еще и спрянчій, хошя собшвенныя дѣла
свои исправлялъ всегда удачно; я не по-
ручилъ бы ему ходашайспивовашъ за себя
предъ Комишешомъ о пенсіяхъ. Какъ не
видишь онъ, что выставляя всѣхъ за-
щипниковъ Академіи, и въ шомъ числѣ по-
чши всѣхъ своихъ сошоварищей, врагами
новаго правленія во Франціи, подаешъ силь-
ное оружіе спрогой бережливости Г. Ка-
мюса? Поелику весьма справедливо можешъ
опвѣчашъ: шѣ, кои не сожалѣюшъ объ Ака-
деміи, не имѣюшъ надобности въ ушѣ-
шеніи, когда она разрушишся; а шѣ, кои
будушъ о шомъ сокрушашся, шакъ какъ
они всѣ враги новаго правленія, не заслу-
живаюшъ пенсій, кошорыя могли бы ихъ
ушѣшить: слѣдовашельно и опказъ въ пен-
сіяхъ; а это уже прошивно расчешу Г.
Шамфорна, хошя и не имѣешъ онъ нуж-
ды въ ушѣшеніи.

Легко поняшъ, съ одной спороны,
какъ люди ученые, съ пенсіями или безъ
пенсій, будушъ сожалѣшъ о шакомъ об-
щешвѣ, коего заняшя были имъ пріяш-
ны, въ коемъ находили они часшо бесѣ-
ду назидашельную, и случай при раза
въ недѣлѣ видѣшся съ мужами почшен-

ними равными склонностей и вкуса; и съ другой стороны также не трудно постигнуть, какимъ образомъ сиропничество и человеконенавистничество Г. Шамфорна преплещиваютъ ему дорожку такимъ сообществомъ, которое не имѣло для него никакой пріятности. Пенсія, которой проситъ онъ только для себя, будетъ ему не утѣшеніемъ, а приращеніемъ къ тому удовольствію, какое доставитъ ему разрушеніе Академіи. Я поздравляю его съ симъ сугубымъ счастьемъ. Что до меня, мнѣ осмѣлится только перифізіе великодушно перенести сей случай, тамъ какъ я уже перенесъ и другіе многіе, сполькоже для меня непріятныя; но перифізіе не заглушаетъ во мнѣ той чувствительности, которая заставляешь жаловаться на подобныя событія.

Въ заключеніе всего долженъ я признаться, что, для защищенія ссловія, къ коему принадлежать честь имѣю, выведъ я, съ крайнею неохотою, на поворище павую нрю, которую всегда почти оуждаешь общественное мнѣніе между членами одного и тогоже общества, по сему единственно общодельству и безъ всякаго предварительнаго изслѣдованія. Сія одна мысль могла бы удержать меня, ежели бы я не былъ увѣренъ, что справедливость защищаемого мною дѣла, будучи единожды доказана,

обращишь всю хулу на одного насшупашеля.

Люди и осуждаютъ легкомысленно, и соблажняющся удобно; но въ общихъ сихъ случаяхъ, по ученію Спасителя, грѣхъ оспается болѣе на душѣ того, кто соблазнъ причиняешь: *горе теловѣку тому, имѣже соблазнъ приходитъ.* — Да окажутъ чистители мои шуже справедливосшь, судя между Г. Шамфорномъ и мною; ибо они видятъ, ошъ кого именно изъ насъ соблазнъ приходитъ. — Дабы согрѣшившаго побудишь къ раскаянію, на помѣже мѣстѣ св. Евангелія находишься и сіе страшное прещеніе: *уне есть ему, да обѣсится жерновъ осельскій на выи его, и потонетъ въ пучинѣ морстѣй.* Маше. гл. 18. стих. 6.

ПОГРѢШНОСТИ.

<i>стран.</i>	<i>строк.</i>	<i>напечатано</i>	<i>исправь.</i>
50	27	пѣниспья	пѣниспья
66	33	на водахъ	на водахъ
74	11	пріобрѣвшихъ	пріобрѣвшіе

Princeton University Library

32101 077770681